

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

Гомель
2025

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Юридический факультет

Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова

Высшая школа экономики, управления и права

Главное управление юстиции
Гомельского областного исполнительного комитета

Гомельское областное отделение
ОО «Белорусский республиканский союз юристов»

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

XI Международная научно-практическая конференция

(Гомель, 15–16 мая 2025 года)

Сборник материалов

Научное электронное издание

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2025

ISBN 978-985-32-0108-6

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2025

Приоритетные направления развития правовой системы общества [Электронный ресурс] : XI Международная научно-практическая конференция (Гомель, 15–16 мая 2025 года) : сборник материалов / М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол. : И. И. Эсмантович (гл. ред.) [и др.]. – Электрон. текст. данные (5,47 МБ). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2025. – Системные требования: IE от 11 версии и выше или любой актуальный браузер, скорость доступа от 56 кбит. – Режим доступа: <http://conference.gsu.by>. – Заглавие с экрана.

В сборник вошли материалы выступлений участников XI Международной научно-практической конференции «Приоритетные направления развития правовой системы общества», раскрывающие тенденции взаимодействия национальных правовых систем, государств-членов СНГ и мирового сообщества, интеграции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в белорусское законодательство, актуальные проблемы теории и истории государства и права, страницы жизни и деятельности В. Д. Спасовича, современное состояние и пути совершенствования конституционно-правовых отношений, правового обеспечения информационного общества и электронного государства, актуальные вопросы правового регулирования государственного управления и финансовых отношений, проблемы административно-деликтного права и процесса; тенденции уголовного процесса, криминалистики, судебной экспертизы, уголовно-правовой борьбы с преступностью, теоретико-прикладные аспекты гражданского, хозяйственного и семейного права, гражданского и хозяйственного (арбитражного) процесса, определяющие приоритетные направления развития правовой системы общества глазами молодых.

Издание адресовано преподавателям, докторантам, аспирантам, магистрантам и студентам юридических факультетов, а также практическим работникам правоохранительных органов и государственным служащим.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства

Редакционная коллегия:

И. И. Эсмантович (главный редактор),
В. А. Брилёва (заместитель главного редактора),
Е. И. Усова (ответственный секретарь),
С. Л. Емельянов, И. Ю. Иванова, Е. А. Ковалева, Н. В. Копыткова, Л. Е. Можаяева,
А. Э. Набатова, Т. В. Сенькова, М. Я. Тишкевич, И. Н. Цыкунова

Рекомендован к изданию научно-техническим советом
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

ГГУ имени Ф. Скорины
246028, Гомель, ул. Советская, 104
Тел.: 50-49-03, 51-03-26
<http://www.gsu.by>

© Учреждение образования
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2025

ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ СНГ И МИРОВОГО СООБЩЕСТВА, ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В БЕЛОРУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

УДК 658.71

М. И. Балалаев, А. Ю. Рожкова

(Псковский государственный университет, Российская Федерация)

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОПЫТА РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

В статье рассматривается эволюция систем государственных закупок в разные периоды. Новизна исследования состоит в проведении комплексного сравнительного анализа организационно-экономических аспектов закупочных систем двух стран. Результаты позволяют выявить преимущества каждой системы, которые могут быть использованы для взаимного обогащения закупочных практик. Практическая значимость работы определяется возможностью применения выявленных механизмов для повышения эффективности государственных закупок.

Государственные закупки являются важнейшим макроэкономическим инструментом и составляют значительную часть расходов национальных бюджетов. В Российской Федерации объем государственных закупок составляет около 10 % ВВП, а в Республике Беларусь – примерно 6–8 % ВВП, что подтверждает их существенную роль в экономическом развитии обеих стран [2, с. 198].

Формирование закупочных систем государственного сектора в Беларуси и России характеризовалось как общими тенденциями, так и национальной спецификой их практической реализации. Точкой отсчета для белорусской модели государственных закупок служит 1993 год – период принятия законодательного акта «О поставках товаров для государственных нужд». Последующее десятилетие ознаменовалось трансформацией первоначальной концепции от базовых нормативных предписаний к комплексному электронному механизму регулирования государственного заказа. Особую значимость для становления национальной закупочной системы имел трехлетний период 2003-2005 годов, ознаменовавшийся внедрением тендерного подхода к осуществлению закупок и стандартизацией процедурных требований, обязательных для исполнения всеми субъектами государственного заказа [4, с. 183].

Существенным достижением в развитии информационной инфраструктуры закупочной деятельности Беларуси стало нормативное закрепление в 2004 году обязательства заказчиков публиковать конкурсную документацию и итоговые протоколы на официальном электронном ресурсе «Тендеры» (www.icetrade.by). Законодательная база 2006 года определила типологию закупочных процедур, включающую конкурсные механизмы открытого и закрытого типа, методологию ценовых запросов с оформлением конкурентного листа, а также безальтернативный метод закупки у единственного поставщика [4, с. 184].

Качественно новый этап развития белорусской закупочной системы связан с интеграционными процессами 2010 года, когда представители трех государств – Беларуси, России и Казахстана – сформировали единую нормативную базу для осуществления государственных приобретений в рамках трехстороннего Соглашения о государственных

(муниципальных) закупках. Параллельно с этим белорусская система пополнилась инновационной процедурой – электронным аукционом, обеспечивающим полную цифровизацию документооборота и возможность динамического ценообразования посредством последовательного снижения начальной стоимости контракта в онлайн-режиме [6, с. 126].

В России развитие системы государственных закупок также прошло несколько этапов: от регулирования отдельными нормативными актами до формирования единой контрактной системы. Важным шагом стало принятие Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», который впервые установил единые принципы и подходы к осуществлению закупок. Однако практика применения данного закона выявила ряд недостатков, что привело к его замене на более совершенный нормативный акт [1, с. 86].

Современная система государственных закупок в Российской Федерации основывается на Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Данный закон заложил фундамент единой контрактной системы, установил принципы и основные подходы к осуществлению закупочной деятельности. Принятие данного закона ознаменовало переход от системы размещения заказов к полноценной контрактной системе, охватывающей весь цикл закупок: от планирования до оценки результатов исполнения контрактов [1, с. 87].

В Республике Беларусь система государственных закупок строится на основе Закона Республики Беларусь от 13.07.2012 № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», который претерпел существенные изменения в 2018–2024 годах. Эти изменения были направлены на совершенствование механизма осуществления государственных закупок, повышение прозрачности процедур и развитие конкуренции, что в совокупности должно обеспечивать эффективное расходование бюджетных средств [2, с. 199].

Информационное обеспечение закупок играет ключевую роль в обеспечении прозрачности и доступности информации для всех участников закупочного процесса. В России функционирует Единая информационная система (ЕИС), которая обеспечивает формирование, обработку, хранение и предоставление данных по всему циклу закупок. ЕИС содержит планы закупок, информацию о реализации планов, реестры контрактов, недобросовестных поставщиков, банковских гарантий, жалоб и проверок, результаты мониторинга и аудита закупок [6, с. 125].

В Беларуси с 2019 года действует Государственная информационно-аналитическая система управления государственными закупками (ГИАС), которая заменила ранее существовавшую информационную систему «Тендеры». ГИАС обеспечивает взаимодействие с электронными торговыми площадками, системами финансовых расчетов и государственными информационными ресурсами. Система содержит акты законодательства о государственных закупках, годовые планы государственных закупок, реестр договоров, справки о проведении процедуры закупки из одного источника, типовые формы договоров, адресацию на реестр банковских гарантий и другую информацию о государственных закупках [6, с. 126].

На стадии планирования в российской системе закупок основным документом является план-график, формируемый на основе планов-графиков закупок продукции для обеспечения федеральных нужд, нужд субъектов Российской Федерации и муниципальных нужд. План-график содержит перечень закупок, планируемых к осуществлению в финансовом году, включая информацию о предмете закупки, способе определения поставщика, начальной (максимальной) цене контракта и сроках осуществления закупок [6, с. 125].

В белорусской системе похожую функцию выполняет годовой план государственных закупок. Заказчики формируют и размещают годовые планы государственных

закупок на официальном сайте до 31 января текущего года. Годовой план государственных закупок содержит информацию о предмете закупки, сроках его проведения, ориентировочной стоимости и иные сведения, определяемые законодательством [6, с. 126].

Примечательно, что в России заказчик обязан осуществлять закупки в строгом соответствии с планом-графиком, в то время как в Беларуси допускается большая гибкость при внесении изменений в план закупок. Данный аспект влияет на организационную эффективность: российская система обеспечивает более высокую предсказуемость закупочной деятельности, но характеризуется меньшей оперативностью при изменяющихся условиях [6, с. 127].

Анализируя способы определения поставщика, необходимо отметить, что российское законодательство предусматривает следующие конкурентные процедуры: конкурсы (открытый, закрытый, двухэтапный, конкурс с ограниченным участием), аукционы (электронный, закрытый), запрос котировок, запрос предложений. Белорусская система включает: открытый конкурс (включая двухэтапный и с ограниченным участием), закрытый конкурс, электронный аукцион, процедуру запроса ценовых предложений, биржевые торги. В обеих странах также существует возможность осуществления закупки у единственного поставщика, которая не является конкурентной [1, с. 85].

Аналитическое исследование белорусской практики государственных закупок за 2019 год выявило следующие количественные показатели: совокупный объем проведенных закупочных процедур достиг 434 347 единиц, причем практически половину из них (49,3 %) составили неконкурентные процедуры с единственным поставщиком. Сравнительный анализ с предшествующим 2018 годом демонстрирует значительную позитивную динамику применения конкурентных механизмов, а также увеличение в 2,6 раза количества товаров, реализованных посредством биржевого механизма [6, с. 127].

В России доминирующим способом определения поставщика является электронный аукцион, в то время как в Беларуси наибольшая доля закупок осуществляется с применением процедуры закупки из одного источника. Это создает различные экономические условия для обеспечения конкуренции. В условиях процедуры закупки из одного источника возрастают риски неэффективного расходования средств и снижается уровень конкуренции [3, с. 42].

Антидемпинговые меры в обеих странах выступают важным экономическим инструментом защиты интересов заказчиков. В России при снижении начальной (максимальной) цены контракта на 25 % и более участник закупки обязан предоставить повышенное обеспечение исполнения контракта или информацию, подтверждающую его добросовестность. Под информацией, подтверждающей добросовестность, понимаются сведения о ранее исполненных контрактах, заключенных с заказчиками в течение определенного периода времени. В Беларуси законодательство также предусматривает механизмы противодействия демпингу, однако они имеют свои особенности [9, с. 113].

Особенностью белорусской системы государственных закупок является наличие преференциальной поправки в размере 15 % для товаров (работ, услуг) белорусского происхождения, а также товаров (работ, услуг) из стран, которым предоставляется национальный режим на основании международных договоров. Данный механизм направлен на поддержку национальных производителей и представляет собой дополнительную гарантию их интересов при участии в закупках [1, с. 87].

При оценке предложений участников в Беларуси учитывается преференциальная поправка, которая заключается в том, что при сравнении цены предложения участника, предлагающего товары (работы, услуги) белорусского происхождения, с ценами предложений других участников, предлагающих товары иностранного происхождения, цена предложения участника, предлагающего товары белорусского происхождения, уменьшается на 15 %. При этом договор заключается по цене предложения, указанной участником в своем предложении [1, с. 88].

Таким образом, системы государственных закупок России и Республики Беларусь имеют как общие черты, так и существенные различия в их историческом развитии и организационно-экономической структуре. Обе страны прошли путь от разрозненного регулирования закупок к формированию единых систем, охватывающих все этапы закупочного процесса. При этом каждая система сохраняет свои национальные особенности, обусловленные спецификой экономического развития и интеграционными процессами в рамках ЕАЭС.

Опыт обеих стран представляет взаимный интерес и может быть использован для совершенствования национальных систем государственных закупок. Для России может быть полезен белорусский опыт по созданию районных центров по обеспечению деятельности бюджетных организаций, наличие преференциальной поправки для национальных производителей, проведение биржевых торгов. Для Беларуси – российский опыт развития конкурентных способов определения поставщика и эффективного использования электронных средств информационного обеспечения закупок.

Список использованной литературы

1. Афонина, Е. Д. Государственные закупки: сравнение систем закупок России и Республики Беларусь / Е. Д. Афонина, К. С. Егорова, Т. И. Ларина // VI Международная научная конференция по междисциплинарным исследованиям: Сборник статей конференции, Екатеринбург, 15 июня 2024 года. – Екатеринбург, 2024. – С. 84–89.
2. Волохова, М. Б. Сравнительный анализ законодательства в сфере государственных закупок в Российской Федерации и Республике Беларусь / М. Б. Волохова, Н. Г. Абрамова // Образование и право. – 2024. – № 3. – С. 197–201.
3. Добринiec, Я. И. Совершенствование системы государственных закупок Республики Беларусь в контексте устойчивого функционирования экономики / Я. И. Добринiec // Управление устойчивым развитием. – 2023. – № 2(45). – С. 37–44.
4. Добринiec, Я. И. Становление и развитие системы государственных закупок в Республике Беларусь / Я. И. Добринiec // Научный потенциал молодежи - будущему Беларуси: материалы XV международной молодежной научно-практической конференции. – Пинск: Полесский государственный университет, 2021. – С. 183–185.
5. Колосова, М. В. Государственные закупки в системе права Республики Беларусь / М. В. Колосова // Научные труды Белорусского государственного экономического университета: Сборник статей. – Минск: Общество с ограниченной ответственностью «Колорград», 2023. – С. 598–605.
6. Пономарёва, Н. П. К вопросу об изменении законодательства в сфере государственных закупок / Н. П. Пономарёва // Бизнес. Инновации. Экономика: сборник научных статей. – Минск: Институт бизнеса БГУ, 2020. – Вып. 4. – С. 123–131.
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании банковских гарантий при осуществлении государственных (муниципальных) закупок (Москва, 28 сентября 2023 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2024. – № 10.
8. Шантырева, Е. А. Анализ системы государственных закупок в Республике Беларусь и зарубежных странах: сравнительно-правовое исследование / Е. А. Шантырева // Актуальные проблемы государства и права: сравнительно-методологический аспект. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2024. – С. 132–140.
9. Шантырева, Е. А. Тенденции развития и проблемы управления в сфере государственных закупок в Республике Беларусь / Е. А. Шантырева // Право: теория и практика-2023: Сборник научных статей. – Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2023. – С. 109–114.

Г. А. Василевич

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

АКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

Статья посвящена анализу актов Конституционного Суда Республики Беларусь как источникам права. Подчеркивается особая ответственность данного органа государственной власти за развитие национальной правовой системы. Уделено внимание правовым позициям Конституционного Суда, содержащимся в его заключениях и решениях. Подчеркивается, что обязательную юридическую силу имеет резолютивная часть заключения, решения, мотивировочная часть, по мнению автора, является источником «мягкого» права.

Судебный тип правоприменения имеет отличия от управленческого (административного). Особенностью конституционного правосудия является фундаментальный характер для правовой системы его актов. Заключения и решения Конституционного Суда, как зафиксировано в Конституции и Законе, являются окончательными, не подлежащими обжалованию и опротестованию. Они возвышаются по юридической силе над всеми подконституционными актами.

Это налагает особую ответственность на Конституционный Суд за качество принимаемых им решений (заключений). На начальном этапе работы Конституционного Суда Республики Беларусь из уст его представителей звучали утверждения, что акты Конституционного Суда «мудрые потому, что окончательные». Такая убежденность в отсутствии рамок привела к принятию, на наш взгляд, ряда ошибочных актов, слабо аргументированных в юридическом плане «правовых позиций», изложенных в заключениях, стимулированию конфликта между ветвями власти в период 1994–1996 годов.

Кратко отметим, что использование понятий «заключение» и «решение» для обозначения актов Конституционного Суда не самое идеальное. Более широким является понятие «решение». Его разновидностью могли бы быть такие по форме акты, как постановления и определения. Однако практика использования данных понятий стала развиваться с 1994 года.

Если исходить из текста Конституции, не все заключения и решения Конституционного Суда, могут быть исполнены. Например, когда коллегиальный орган государственной власти, предварительно запросив заключение Конституционного Суда, не набирает необходимое число голосов. Или Глава государства, используя арбитражную функцию, не реализует свое право на роспуск Парламента или отставку Правительства, посчитав, что делать это нецелесообразно в конкретной ситуации. Хотя указанные органы ранее и запрашивали Конституционный Суд для получения заключения.

Заключение Конституционного Суда имеет специфическую форму. В Законе «О нормативных правовых актах» заключения и решения Конституционного Суда не упоминаются. В ст. 17 вышеуказанного Закона отмечено, что Верховный Суд Республики Беларусь принимает нормативные правовые акты в форме постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в пределах компетенции, установленной Конституцией Республики Беларусь, Кодексом Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей и иными законодательными актами, а также Регламентом Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Однако если обратиться к ст. 3 Гражданского кодекса, то можно увидеть, что данный Кодекс к актам гражданского законодательства как системе нормативных правовых актов относит акты Конституционного Суда. Таким образом, можно сделать вывод, что акты Конституционного Суда являются нормативными правовыми актами.

Нормативным правовым актам присущи такие признаки: приняты компетентным органом в соответствии с установленной процедурой, имеют общеобязательный характер, рассчитаны на неопределенный круг лиц, не исчерпываются однократным применением.

С учетом изложенного, можно разрешить существовавший спор о том, акты Конституционного Суда являются правоприменительными или нормативными правовыми актами. Основываясь на характеристике нормативного правового акта, также можно сделать вывод о распространении действия принятого Конституционным Судом заключения или решения на аналогичные ситуации, если иное не будет определено Судом. В данном случае сделанная нами оговорка «если иное не будет определено Судом» должна касаться тех споров, которые имели место до вынесения Конституционным Судом своего заключения или решения. Что касается возможных споров, возникших после вынесения заключения или решения, то содержащаяся в резолютивной части правовая позиция обязательна для учета и руководства государственными органами, должностными лицами и гражданами.

На практике утверждается, что правовые позиции Конституционного Суда имеют общеобязательный характер, отражают волю компетентного органа, выходят за пределы конкретной ситуации, имеют общий характер, являются средством разрешения спора, по существу.

В качестве источников права в доктрине рассматривают нормативные правовые акты, которые по своей численности доминируют среди источников права, международные договоры (они обладают юридическим верховенством по отношению к законам и иным нормативным правовым актам), правовые обычаи, общепризнанные принципы международного права и др. Дискуссия в литературе продолжается относительно судебных прецедентов как источников правового регулирования.

В широком понимании источников права к ним относят доктрину, религиозные тексты. Однако в данной статье прежде всего внимание автора посвящено определению тех источников, которые являются обязательными для исполнения.

Все источники права можно классифицировать по степени их обязательности для исполнения. Например, доктринальные исследования можно рассматривать как источники права в широком смысле слова: они могут оказывать влияние на нормотворческую и правоприменительную деятельность, но позиции ученых не являются обязательными для реализации. Есть примеры, когда высказанные в литературе идеи реализуются в законодательстве через десятки лет.

Заключение, решение Конституционного Суда состоят из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей. Заключение, решение Конституционного Суда имеет двойственную природу. Обращаясь к Гражданскому кодексу, можно сделать вывод, что это нормативные правовые акты. Если это так, то независимо о какой части заключения или решения идет речь (об описательной, мотивировочной, резолютивной), они обязательны для учета и исполнения. С другой стороны, указанные акты Конституционного Суда – это акты особой формы, которые даже стилем изложения отличаются от общепризнанных нормативных правовых актов – законов, указов, постановлений. Для изложения резолютивной части необходимо высказать аргументы, сделать умозаключения. Безусловно, что аргументация даже в контексте концепции итогового решения сможет быть различной. В этом можно убедиться, когда судья, например, Конституционного Суда РФ, излагает особое мнение, соглашаясь в целом с общим выводом о конституционности (неконституционности) акта, но приводит собственную аргументацию.

В доктрине правовые позиции характеризуют как нормативно-интерпретационные установления [1, с. 69], что они образуют интеллектуально-юридическое содержание решения суда [2, с. 146].

Полагаем, что в качестве источника права как руководства к реализации является резолютивная часть заключения, решения: именно в ней содержится правовая позиция, которая обязательна для исполнения. Мотивировочную часть следует, на наш взгляд,

рассматривать как источник «мягкого» права, содержащиеся в этой части акта Конституционного Суда «правовые позиции» играют вспомогательную роль в правильном восприятии резолютивной части.

В практике конституционных судов имеется много примеров, когда суд и отдельный судья или группа судей давали различные оценки по исследуемым предметам. Конкуренция правовых аргументов в данном случае не только умаляет, девальвирует в некоторое степени значение вынесенного конституционным судом акта, но имеет также конструктивное значение. В ряде случаев особые мнения в последующем воспринимались Конституционным Судом и облекались в форму заключения или решения, включая использование такой формы некоторого поворота решения как его толкование Конституционным Судом. Некоторые особые мнения ждут своей реализации по причине объективной их востребованности.

Список использованной литературы

1. Лазарев, Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России/ Л. В. Лазарев. – 2-е изд., доп. – М.: Формула права, 2008. – 688 с.
2. Кряжков, В. А., Лазарев, Л. В. Конституционная юстиция в Российской Федерации: учеб. пособие / В. А. Кряжков, Л. В. Лазарев. – М., 1998. – 439 с.

УДК 340;342

С. Г. Василевич

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СЛУЧАЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РАЗНОГЛАСИЙ

В статье затронуты некоторые аспекты правовой регламентации отношений в связи с разрешением возможных юридических конфликтов по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь. Исследуются теоретические и прикладные аспекты юридического конфликта как разновидности социального конфликта, анализируются доктринальные источники, посвящённые данной проблематике.

Правоведов, политологов, социологов особенно заботит проблема управления конфликтами, направление их в позитивное русло, нейтрализация, исключение конфликтогенов, поиск путей преодоления затяжного конфликта [1]. На характер конфликта, его содержание и особенности разрешения влияет зафиксированная в национальном законодательстве форма правления. Что касается причин, то они могут быть самыми различными [2].

На наш взгляд, и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь начало и середина 90-х годов прошлого столетия были периодом трудного формирования новой политической и правовой парадигмы.

В конституциях Российской Федерации и Республики Беларусь предусмотрены нормы, касающиеся досрочного прекращения полномочий палат парламента и процедуры импичмента президентов.

В настоящее время в Конституции Республики Беларусь детально определены меры по разрешению конфликта между Президентом, Парламентом, Правительством. В частности, предусмотрено право Президента досрочно прекратить полномочия палат Парламента по причине выражения, например вотума недоверия Правительству или отказа в доверии Правительству, неутверждении программы деятельности Правительства и др., а также двукратном отказе в даче предварительного согласия на назначение Премьер-министра.

Важно, что при этом Президент принимает решения по указанным вопросам после официальных консультаций с председателями палат Парламента. В качестве контрмеры предусмотрен запрет на роспуск палат в период чрезвычайного или военного положения, в последние полгода полномочий Президента либо в период, когда палаты рассматривают вопрос о досрочном освобождении Президента от должности, либо в период решения Всебелорусским народным собранием вопроса о смещении его с должности.

Если ранее, до референдума 2022 года, вопрос о смещении Президента с должности рассматривался исключительно палатами Парламента, то в настоящее время его рассмотрение отнесено к компетенции Всебелорусского народного собрания. Причиной для этого может быть систематическое или грубое нарушение Президентом Конституции, совершение тяжкого преступления или государственной измены.

Конституция (ст. 94) запрещает роспуск палат в течение года со дня их первого заседания, а также в последний год полномочий. В этой связи напрашивается вопрос о возможности выражения в данное время вотума недоверия или отказе в доверии Правительству со стороны Парламента или неутверждении им программы деятельности Правительства. Ведь сроки полномочий, начало деятельности Правительства могут не совпадать с периодом деятельности Парламента соответствующего созыва.

Конституция, законы «О Национальном собрании Республики Беларусь», «О Президенте Республики Беларусь», «О Совете Министров Республики Беларусь» не дают ответа на вопрос о возможных вариантах действий Главы государства, когда со стороны Парламента принимаются указанные выше решения во время своего рода иммунитета на их роспуск. Полагаем, что в такой ситуации важен поиск компромисса. Это может быть выражено в удовлетворении требований Парламента либо дополнительной аргументацией в защиту Правительства, его предложений, которые явились основанием для отказа в доверии, выражения вотума недоверия, с целью возможной отмены решения Палаты представителей, касающейся негативной оценки Совета Министров. Полагаем, что это целесообразно сделать в двухмесячный срок со дня вынесения Палатой представителей решения, что гармонирует с указанной в части третьей ст. 94 нормы о решении Президентом вопроса о досрочном прекращении полномочий палат Парламента.

Согласно конституциям Российской Федерации и Республики Беларусь президенты наших республик являются главами государств и выполняют роль арбитров при возникновении конфликтов между ветвями власти. По сути, они выполняют посредническую функцию между ними.

В политико-правовой системе Республики Беларусь появился нетипичный для европейских государств орган, который занимает высшее место не только в представительной ветви власти, но и возвышается над властью исполнительной. Имеется в виду Всебелорусское народное собрание, которое является высшим представительным органом народа Республики Беларусь. В отличие от предшествующих всебелорусских народных собраний, которые собирались раз в пять лет и статус которых определялся законом, в настоящее время оно обладает правом принятия решений, имеющих обязательную юридическую силу на всей территории страны. В настоящее время его решения не нуждаются в чьем бы то ни было утверждении. Ранее решения Всебелорусского народного собрания могли быть реализованы посредством издания законов или актов Главы государства. Конституция и Закон «О Всебелорусском народном собрании» определили конкретные полномочия данного высшего представительного органа народа. В Конституции прямо не указано, что акты Всебелорусского народного собрания возвышаются над всеми актами текущего законодательства, то есть обладают верховенством, но этот вывод может быть сделан на основании части второй ст. 89-5 Конституции, согласно которой его решения могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов, должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности. Это правомочие не распространяется на акты судебных инстанций. В связи с этим важно определить содержание понятия национальная безопасность.

Анализ Концепции национальной безопасности позволяет сделать вывод, что категория национальной безопасности охватывает не только безопасность от внешних угроз, но и демографическую, продовольственную, экологическую, информационную и иную безопасность.

Таким образом, Всебелорусское народное собрание формально-юридически по своему статусу возвышается даже над Главой государства в тех случаях, когда оно решит отменить акт, противоречащий национальной безопасности. Как уже отмечалось, Всебелорусское народное собрание принимает окончательное решение о смещении Президента с должности. При возникновении конфликтной ситуации оно может принимать решения по наиболее острым вопросам общественно-политической жизни.

Анализируя статьи Конституции во взаимосвязи, можно обратить внимание на некоторые юридические коллизии в системе координат – Всебелорусское народное собрание – Президент. Президент обладает правом роспуска палат Парламента или принятия решения об отставке Правительства, отдельных его членов. Это правоприменительные правовые акты. С учётом содержания ст. 89–5 Конституции о праве Всебелорусского народного собрания отменять правовые акты и иные решения государственных органов и широкого понимания национальной безопасности можно сделать вывод о праве Всебелорусского народного собрания отменить решения Президента в отношении указанных органов.

На наш взгляд, вторгаться в исключительную компетенцию Главы государства Всебелорусскому народному собранию не следует. Это допустимо лишь в условиях явной угрозы национальной безопасности, например, когда отставка Правительства при наличии внешней или внутренней угрозы способна дезорганизовать общественную жизнь.

В Конституции Республики Беларусь имеются и другие варианты цивилизованного разрешения возникающих конфликтов. Изложенные в данной статье меры по разрешению возможных споров в значительной степени имеют гипотетический характер.

Спокойное развитие в последние годы ситуации в Республике Беларусь, отсутствие в Парламенте «агрессивной оппозиции» создаёт благоприятную атмосферу для взаимодействия властей. Однако, юридическая наука, основываясь на конституционных предписаниях, обязана, на наш взгляд, видеть возможные варианты развития событий, в том числе и негативного характера.

Список использованной литературы

1. Омилаенко, Н. В. Социальный конфликт: диагностика, причины, управление/ Н. В. Омилаенко // Известия высших учебных заведений. – Социология. Экономика. Политика. – Т. 12. – 2019. – № 4. – С 85–96.

2. Лангинен, А. Конфликты между парламентом и иными высшими органами государственной власти: предпосылки, причины, пути разрешения – URL: <http://ars-administrandi.com/index.php/arsadm/article/view/338> (дата обращения: 11.04.2025).

УДК 346.5

С. М. Глебко

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Республика Беларусь)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются ключевые нормы законодательства союзного государства и Российской Федерации. Обозначаются законодательные акты и акты законодательства,

которые препятствуют созданию и функционированию на территории Российской Федерации совместных предприятий по организации производства сельскохозяйственной техники инвесторами из Республики Беларусь.

Важнейшими нормативными правовыми актами в исследуемой области являются: договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. [1]; Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о единой промышленной политике от 15 февраля 2023 г. [2]; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о признании технологических операций, осуществляемых на территории Союзного государства от 27 сентября 2022 г. [3]; декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 января 2024 г. № 3 «Об отдельных вопросах реализации единой промышленной политики и Правилах подтверждения производства промышленной продукции на территории Союзного государства» [4]; постановление Совета Министров Союзного государства от 07 мая 2024 г. № 14 «Об особенностях применения Правил подтверждения производства промышленной продукции на территории Союзного государства» [5]; постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 2015 г. № 719 «О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации» (далее – Постановление № 719) [6].

Для каждого иностранного инвестора, который планирует инвестиционную деятельность и создание нового промышленного производства, важно какие преференции он сможет получить от принимающей инвестиции страны. Далее в таблице приведены нормативные правовые акты, предоставляющие льготы инвесторам, планирующим реализацию инвестиционных проектов по созданию промышленных производств на территории Российской Федерации, а также условия участия в соответствующих специальных инвестиционных программах (таблица 1).

Таблица 1 – Нормативные правовые акты, предоставляющие льготы инвесторам, планирующим реализацию инвестиционных проектов по созданию промышленных производств на территории Российской Федерации

Наименование нормативного правового акта	Условия участия в программе и/или предоставления льгот, субсидий и прочих преференций
1	2
Постановление Правительства Российской Федерации от 10.02.2018 № 145 [7]	– соответствие требованиям Постановления Правительства № 719 (включение в реестр промышленной продукции, произведенной на территории РФ и также соответствие по технологическим операциям; – заключение специального инвестиционного контракта (далее – СПИК) с Правительством РФ в лице Минпромторга
Постановление Правительства Российской Федерации от 10.02.2018 № 146 [8]	Нормы строки 1 таблицы плюс также соответствие установленным требованиям постановления от 10.02.2018 № 146 (в части соответствия технологических операций)
Постановление Правительства Российской Федерации от 04.06.2020 № 823 [9]	Нормы строки 1 таблицы

Окончание таблицы 1

1	2
Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1432 [10]	– соответствие установленным требованиям постановления № 1432 (технологические операции); – заключение СПИК с Правительством РФ в лице Минпромторга
Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ [11]	Для осуществления закупок тракторов для сельского хозяйства для обеспечения государственных и муниципальных нужд и получения мер государственной поддержки, установленных иными нормативными правовыми актами Правительства РФ в отношении производства тракторов для сельского хозяйства... должны выполняться технологические и производственные операции (условия)... обеспечивающие достижение процентных показателей от максимально возможного количества баллов ...с 1 января 2025 г. - 80 процентов.

Здесь также важно отметить, что в рамках проводимых работ по заключению СПИК, Минпромторгом проводятся мероприятия по закрытию рынка России в случае входа иных производителей через указанный механизм, с учетом наличия соответствующих проектов в рамках ранее заключенных СПИК, и мер поддержки фонда развития промышленности (ФРП) (по мощностным рядам планируемой к организации производства продукции). Аналогичные меры не работают по отношению к продукции, включенной исключительно в реестр согласно Постановлению № 719. В него, в части установленных требований и возможного начисления баллов, включены следующие изъятия по отношению к сельскохозяйственной технике (тракторам):

– внесено примечание 55 следующего содержания: «...в целях подтверждения соответствия материалов (сырья) и комплектующих деталей, узлов, агрегатов), а также производственных и технологических операций требованиям, предусмотренным настоящим приложением, выдаваемые к примеру Торгово-промышленной Палатой Республики Беларусь приравняются в своем статусе к документам о производстве компонента, выдаваемым Торгово-промышленной палатой Российской Федерации, и удовлетворяют указанным требованиям. Однако указанное (абзац второй настоящего примечания не применяется в отношении промышленной продукции, классифицируемой кодами по ОК 034-2014 «КПЕС 2008): из 28.15.24 «Трансмиссии для тракторной техники», из 29.32.30.250 «Мосты ведущие в сборе (для самоходной сельскохозяйственной и строительно-дорожной техники, за исключением мостов для комбайнов)» [6]. То есть это ключевые компоненты сельскохозяйственной техники. Далее часть вторая примечания 55 определяет, что вышеуказанные компоненты: «приравняются в своем статусе к компонентам, произведенным на территории Российской Федерации, при условии выполнения на территории Российской Федерации не менее 50 процентов общего количества производственных и технологических операций (условий) при производстве промышленной продукции, включенной в раздел III (Продукция отрасли специального машиностроения), и не менее 20 процентов общего количества производственных и технологических операций (условий при производстве иной промышленной продукции, предусмотренной настоящим приложением)» [6].

С учетом проведенных консультаций с представителями Минпромторга Российской Федерации, выявлено следующее:

1. Основная продукция по коду ОК 034-2014 (КПЕС 2008) «28.30.2 Тракторы для сельского хозяйства прочие» включена в раздел III Постановления № 719 (Продукция отрасли специального машиностроения) и, соответственно, к ней применяются требования по выполнению на территории России не менее 50 % общего количества производственных и технологических операций (условий).

Так на примере кабины в Постановлении № 719 установлены требования по технологическим операциям в баллах, при наборе которых до определенных установленных значений, может быть подтверждено производство продукции на территории Российской Федерации. Это: сварка и окраска каркаса (2 балла); производство элементов интерьера и экстерьера кабины: раскрой, гибка, штамповка, формование, механическая обработка, сварка, окраска элементов интерьера и экстерьера кабины (панели, пол, потолок, крыша) (4 балла); производство стекол, в том числе на территории стран - членов Евразийского экономического союза (2 балла); производство сиденья оператора (2 балла); производство рулевой колонки (2 балла); производство приборов освещения, световой сигнализации, зеркал заднего вида, в том числе на территории стран - членов ЕАЭС (2 балла) (то есть организация таких производств оценена малым количеством баллов), и не менее 50 % из которых (из производств) необходимо осуществлять на территории Российской Федерации.

2. Требования по изъятию комплектующих по ОК 034-2014 (КПЕС 2008) 28.15.24 «Трансмиссии для тракторной техники» и из 29.32.30.250 «Мосты ведущие в сборе» практически исключают применение в целом при доказательстве соответствия требованиям Постановления № 719 актов экспертизы белорусского производств на узлы и входящие комплектующие, составляющие основу конструкции трактора: коробка передач, мост передний, мост задний. Это суммарно составляет не менее 44 баллов из конструктивно возможных 185-192 в зависимости от модели, с учетом требований по набору баллов не менее 80 % с 01.01.2025 г.

Таким образом, для дальнейшей организации совместных производств в Российской Федерации с организациями-инвесторами из Беларуси требуется:

- снижение требований по выполнению на территории Российской Федерации не менее 50 процентов общего количества производственных и технологических операций (условий) при производстве промышленной продукции, включенной в раздел III до требований, установленных для иной продукции – «не менее 20%»;

- исключение введенных изъятий в части промышленной продукции, классифицируемой кодами по ОК 034-2014 (КПЕС 2008): из 28.15.24 «Трансмиссии для тракторной техники», из 29.32.30.250 «Мосты ведущие в сборе (для самоходной сельскохозяйственной и строительной-дорожной техники, за исключением мостов для комбайнов)» из Постановления № 719;

- подтверждение готовности к закрытию рынка Российской Федерации от входа иных производителей (кроме белорусских) в аналогичных мощностных рядах, при осуществлении производства техники без применения механизма СПИК на рассматриваемых к организации производства на согласованных производственных площадках России, с учетом достижения соответствующих договоренностей в рамках принятого Декрета Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 января 2024 г. № 3.

Список использованной литературы

1. Договор о создании Союзного государства : заключен в Москве 8 декабря 1999 : ратифицирован Законом Республики Беларусь от 24 декабря 1999 г. «О ратификации Договора о создании Союзного государства» // ЭТАЛОН : инфор.-поисковая система (дата обращения: 20.04.2025).

2. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о единой промышленной политике : заключено в г. Москва 15 февраля 2023 г. // ЭТАЛОН : инфор.-поисковая система (дата обращения: 20.04.2025).

3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о признании технологических операций, осуществляемых на территории Союзного государства : заключено в г. Москва 27 сентября 2022 г. // ЭТАЛОН : инфор.-поисковая система (дата обращения: 20.04.2025).

4. Об отдельных вопросах реализации единой промышленной политики и Правилах подтверждения производства промышленной продукции на территории Союзного государства : Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 янв. 2024 г. № 3 // ЭТАЛОН : инфор.-поисковая система (дата обращения: 20.04.2025).

5. Об особенностях применения Правил подтверждения производства промышленной продукции на территории Союзного государства» : постановление Совета Министров Союзного государства от 07 мая 2024 г. № 14 // ЭТАЛОН : инфор.-поисковая система (дата обращения: 20.04.2025).

6. О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 2015 г. № 719 : в ред. от 27.03.2025 // ЭТАЛОН : инфор.-поисковая система (дата обращения: 21.04.2025).

7. Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским производителям на компенсацию части затрат, связанных с выпуском и поддержкой гарантийных обязательств в отношении высокопроизводительной сельскохозяйственной самоходной и прицепной техники, и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) // Постановление Правительства Российской Федерации от 10.02.2018 № 145 : в ред. от 5 мая 2023 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.04.2025).

8. Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским производителям на компенсацию части затрат, связанных с выпуском и поддержкой гарантийных обязательств в отношении высокопроизводительной самоходной и прицепной техники, и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 10.02.2018 № 146 в ред. от 22.08.2023 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.04.2025).

9. Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета производителям специализированной техники или оборудования в целях предоставления покупателям скидки при приобретении такой техники или оборудования : Постановление Правительства РФ от 04.06.2020 № 823 : в ред. от 04.11.2023 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.04.2025).

10. Об утверждении Правил предоставления субсидий производителям сельскохозяйственной техники : Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1432 : в ред. от 04.11.2023 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.04.2025).

11. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федер. закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ : в ред. от 26.12.2024 № 494-ФЗ, с изм., внесенными Постановлением Конституционного Суда РФ от 09.04.2020 № 16-П // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 24.04.2025).

Т. П. Иванова, Е. Н. Селиванова

(Витебский филиал Международного университета «МИТСО», Республика Беларусь)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ

Публикация посвящена аспектам уголовной политики государств, которая в широком смысле сводится к деятельности государства по борьбе с преступностью. Авторы обращают внимание на законодательную составляющую уголовной политики, приводят точки зрения правоведов на возможные пути ее совершенствования. Констатируется связь проводимой уголовной политики со специфическими чертами политического, правового, социально-экономического, социокультурного развития стран, важности обмена мнениями и опытом, избирательного использования законодательного.

В современную эпоху глобализации, которая охватывает, в том числе и сферу права, появился интерес к теме уголовной политики, проводимой государствами, соотношению уголовной политики с развитием уголовного законодательства.

В Российской Федерации при проведении уголовной политики учитывается актуальность таких задач, как: общественный запрос на справедливость уголовного процесса; реализация концепции разумного баланса между неотвратимостью уголовной ответственности и должным уровнем процессуальных гарантий прав личности; поступательное обеспечение независимости должностных лиц, ведущих производство по уголовным делам.

Еще десятилетие назад российские юристы считали, что наблюдается приоритет обеспечения интересов обвиняемого над интересами потерпевшего, слепая погоня за идеями состязательности как судебного, так и досудебного этапов [1]. Сегодня законодательство изменилось и меняется далее.

В России высказывается целый ряд мнений. 1) Необходим переход от реформирования к подготовке нового Уголовного кодекса. 2) Значима разработка концепции уголовной политики, оформленной в виде стратегии (иного официального документа). 3) Уголовная политика должна строиться с опорой на научную составляющую при учете других составляющих (материальной, идеологической, кадровой и др.), адекватного обеспечения противодействия преступности. 4) В рамках уголовной политики необходимо согласование на концептуальной основе по совершенствованию уголовно-правовых норм и институтов, а также правоприменительной практики противодействия преступности. 5) Рассматривать предупреждение преступности в качестве одного из приоритетных направлений уголовной политики.

Правовед из Казахстана Т. К. Акимджанов обратил внимание на такой аспект при создании Уголовного кодекса Республики Казахстан, принятого в 2014 г. и введенного в действие с 2015 г.: введение двухзвенной системы уголовно-наказуемых деяний (преступлений и уголовных проступков). То есть произошел процесс искусственной криминализации, когда из Кодекса об административных правонарушениях ряд составов механически переведен в Уголовный кодекс Республики Казахстан. Т. К. Акимджанов считает это ошибкой, поскольку: 1) Уголовный проступок не вписывается в общую концепцию уголовного права, т.к. лицо, осужденное за уголовный проступок, признается не имеющим судимости; а ведь одним из важнейших признаков уголовного наказания, наряду с другими, является судимость. 2) Наличие уголовных проступков в Уголовном кодексе усложняет правоприменительную практику. 3) А также может привести к размыванию действенных инструментов правоприменения [2, с. 8].

Вышеназванное противоречит и Модельному Уголовному кодексу государств СНГ, принятому на VII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановлением № 7-5 от 17 февраля 1996 г. с изменениями на 16 ноября 2006 г.), который носит рекомендательный характер [2, с. 8].

Т. К. Акимджанов говорит также о следующей сложности для правоприменителей – части одной статьи УК могут относиться к разным категориям преступлений (небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие, особо тяжкие). В качестве положительного примера приводится Уголовный кодекс Казахской ССР. Ст. 7-1 «Понятие тяжкого преступления» включала список всех тяжких преступлений

Мы не в полной мере согласны с исследователем Т. К. Акимджановым по последнему аспекту. В Уголовном кодексе Республики Беларусь также в одной статье могут содержаться несколько абзацев о различной степени тяжести конкретного преступления и градация наказаний за соответствующее преступление. Но полагаем, это удобно для пользования и законодателям и правоприменителям.

Профессор А. Б. Скаков предлагает перенести правовые институты, носящие уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный характер из Уголовного кодекса Казахстана в соответствующие кодексы (систему наказаний, виды исправительных учреждений, исполнение наказаний, альтернативных решению свободы (штраф, общественные работы и т.д.), институты условного осуждения, институт условно-досрочного освобождения). При реализации данного предложения возможно следующее: устранение коллизии между указанными законодательствами; значительное сокращение количества бланкетных форм; повышение эффективности уголовного законодательства путем освобождения от правовой регламентации несвойственной функции для исполнения основной – квалификации преступлений [4, с. 98].

А. Б. Скаков считает, что для поступательного развития стран необходима стратегия дальнейшего сокращения «тюремного населения» путем широкого применения наказаний, альтернативных лишению свободы, развитие системы социальной адаптации и реабилитации лиц [4, с. 97].

Российский исследователь С. Б. Фисенко говорит об острой проблеме криминологической обусловленности уголовной политики [5].

Ряд правоведов в России критически оценивает излишнюю либерализацию действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности, неоправданное снижение санкций уголовных наказаний за ряд преступлений. Так, сроки лишения свободы были понижены в 140 статьях Уголовного кодекса Российской Федерации, а также наблюдается нивелирование такой важной меры уголовно-правового воздействия, как конфискация имущества (исключено как вид наказания в Уголовном кодексе Российской Федерации в 2003 г., а в 2006 г. вновь включено, но уже в качестве иной меры уголовно-правового характера) [5, с. 233]. Вместе с тем, другие правоведы поддерживают широкое использование принципа гуманизма в дальнейшей разработке законодательства в уголовной сфере.

Ряд ученых признают наличие системного кризиса в области уголовной политики, в частности, в Российской Федерации [3, с. 144].

Некоторые авторы с сожалением пишут о том, что ранее существовал самый крупный в мире Всесоюзный институт изучения причин и разработки мер предупреждения преступности [2, с. 6].

Отметим, что в настоящее время в постсоветских республиках созданы иные замещающие структуры. Так, в Беларуси важную роль играет Национальный центр законодательных инициатив. В 2021 г. по поручению Президента Республики Беларусь создан экспертный совет при Совете Республики. Потенциал экспертного совета максимально задействован в процессе законотворчества, это своего рода фильтр важнейших для страны законодательных решений.

Включаясь в полемику об уголовной политике государств, отметим, что изменения в уголовной политике должны быть отражены как в Уголовном кодексе стран, так и в Концепции национальной безопасности и должны соответствовать обоюдному содержанию документов.

Несомненно, в каждой из стран уголовная политика обусловлена специфическими чертами политического, правового, социально-экономического, социокультурного развития. Несмотря на существование модельного Уголовного кодекса СНГ, проводимая каждым из государств уголовная политика отражает национальные особенности.

В небольшой компактной Беларуси с унитарной формой устройства проблемных вопросов намного меньше. Тем не менее, целесообразно изучать опыт создания уголовного законодательства других стран с целью недопущения или минимизации ошибок в национальном законодательстве.

Ученые-правоведы Беларуси сосредотачивают научные усилия на проведении комплексного исследования национальной правовой системы и разработке научных основ совершенствования государственного управления. Под руководством руководителя подпрограммы «Право» доктором юридических наук С. А. Балащенко успешно реализовано исследование в области совершенствования законодательной базы страны [5, с. 144].

Белорусский исследователь О. В. Петрова через призму уголовной политики рассматривает медиацию, отмечает новеллы в законодательном закреплении медиации в уголовном процессе, приводит историю обсуждения изменений в законодательство. Так, реестр медиаторов, формируемый Министерством юстиции Республики Беларусь, насчитывает 991 медиатора, что свидетельствует о развитости предложения по альтернативному урегулированию споров и конфликтов. Но закон о медиации до недавнего времени не распространялся на сферу уголовно-правовых конфликтов; внедрение медиации в уголовном процессе потребовало самостоятельного закрепления в законе. Эта актуальная проблема достаточно широко обсуждалась в научной литературе. И это состоялось – принят Закон Республики Беларусь от 25 мая 2021 года № 112-З «Об изменении законов по вопросам уголовной ответственности» [6, с. 86]. При ОО «Белорусский республиканский союз юристов» создан проект учебного практического Центра «Медиация и право», разработано положение о внедрении медиации по уголовным делам с участием несовершеннолетних в Минске, Барановичах, Солигорске [6, с. 88].

В Беларуси 18 июля 2024 г. на встрече с судьями Конституционного суда Глава государства заметил, что сейчас в Беларуси являются действующими 175 тысяч актов, многие нормы повторяются. При внесении существенных корректировок правовой акт следует издавать заново в обновленном актуальном виде. Для решения существующих проблем Президент поручил провести масштабную ревизию законодательства. Цель такой ревизии – сокращение правового массива, устранение противоречий в правовом регулировании, выявление подзаконных актов не соответствующих Конституции, законом и указам Президента [6, с. 3].

В результате проведенной работы более 1500 нормативных правовых актов признаны утратившими силу.

В феврале 2025 г. уголовное законодательство Беларуси изменено по 75 позициям и затрагивает ограничение лишения свободы для таких категорий граждан, как инвалиды 1-й группы, родители с детьми и другие категории граждан; законодательство работает на снижение судебной нагрузки.

Обмен опытом в сфере проведения уголовной политики характерен не только для правоведов государств СНГ. Европейский институт уголовной политики в Хельсинки, созданный на основе Соглашения 1982 году (между Финляндией и ООН) под Эгидой ООН (в 1987 г. внесены поправки) обеспечивает регулярный обмен информацией и опытом по вопросам уголовной политики между европейскими странами.

Таким образом, правоведы из России, Беларуси, Казахстана, других государств самым заинтересованным образом относятся к выработке, осуществлению и корректировке

уголовной политики. Уголовная политика, проводимая каждым из государств, отражает их национальные особенности. Не все предложения правоведов можно адаптировать на национальной почве иных государств. Но важен обмен мнениями и опытом законодательной и правоприменительной деятельности для усвоения и использования комплиментарного опыта государств.

Список использованной литературы

1. Александров, А. С. Стратегия развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства: критическое эссе / А.С. Александров // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 91-93.
2. Акимджанов, Т. К. О некоторых инновационных подходах построения уголовной политики в новой Концепции правовой политики Республики Казахстан / Т. К. Акимджанов // Наука. – 2020. – № 3 (66). – С. 3-12.
3. Денисов, Н. Л. К вопросу о содержании и роли современной уголовной политики / Н.Л. Денисов, А.В. Жеребченко // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 7. – С. 144-147.
4. Скаков, А.Б. Современные требования к уголовной политике, проводимой Казахстаном и Россией / А. Б. Скаков // Вестник Кузбасского института. – 2022. – № 3 (52). – С. 96-105.
5. Коваленя, А. А. Гуманитарные знания в год науки / А. А. Коваленя, В. И. Левкович // Весці Нацыянальнай акадэміі навук. – 2018. – Т. 63. – № 2. – С. 135-150.
6. Петрова, О. В. Внедрение медиации в механизме уголовной политики Республики Беларусь / О. В. Петрова // Эпомен. – 2021. – № 66. – С. 84-91.
7. Фисенко, С. Б. Уголовная политика России: современное состояние и пути оптимизации / С. Б. Фисенко // Преступность, уголовная политика, закон : Всероссийская научно-практическая конференция, г. Москва, 26-27 января 2016г. – М.: Издательство «Российская криминологическая ассоциация, 2016. – С. 231-234.
8. Хилько, К. Законы совершенствования / Народная газета. – 2024. – 19 июля. – С. 3.

УДК 314.748

Е. М. Караваева, К. А. Чобатова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ВЫНУЖДЕННАЯ МИГРАЦИЯ»

В материалах исследуются теоретико-прикладные аспекты проблемы миграции. Анализ законодательства Республики Беларусь и мнений ученых относительно определения данного «вынужденная миграция», а также всей совокупности его составляющих элементов предполагают необходимым проведение исследований в данной области с целью создания более четкой и полной формулировки и внесения предложений по совершенствованию действующего законодательства Республики Беларусь.

Понятие «миграция» в научной и учебной литературе на данном этапе эволюции общества различными авторами истолковывается по-разному. Общим для всех существующих подходов является, во-первых, перемещение физических лиц между государствами или в рамках одного из них, во-вторых, перемещение вне зависимости от определенных причин.

Наравне с законной / незаконной, временной / постоянной, трудовой, внешней / внутренней миграцией выделяется в т. ч. вынужденная / добровольная миграция. В этой статье особое внимание будет сосредоточено именно на «вынужденной миграции» как одном из ее видов. Ввиду имеющейся полярности мнений в понимании критерия «вынужденности», представляется необходимым изучить сложившийся подход с последующим анализом суждений ученых-правоведов в данной области права.

Закон Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь», впервые закрепил в национальном законодательстве понятие «вынужденная миграция» [1]. Под термином понимается перемещение лиц из государства гражданской принадлежности либо прежнего обычного места жительства вследствие опасений стать жертвами преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальной принадлежности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, либо из государства гражданской принадлежности либо прежнего обычного места жительства, где существует угроза смертной казни, пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, либо перемещение по причине насилия в условиях вооруженного конфликта международного или немеждународного характера.

Исследуя понятие «вынужденная миграция» и сопоставляя его с определениями, данными формам защиты иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь, можно отметить его многогранность и выделить составные части. Первая часть термина «перемещение лиц из государства гражданской принадлежности или прежнего места жительства в связи с опасениями стать жертвами преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определённой социальной группе или политическим убеждениям» отражает условия, при которых иностранные граждане или лица без гражданства могут получить статус беженца в Республике Беларусь. Вторая часть – «перемещение лиц из государства гражданской принадлежности или прежнего места проживания, где существует угроза смертной казни, пыток и других жестоких, бесчеловечных либо унижающих достоинство видов обращения и наказания, или на фоне насилия в условиях вооружённого конфликта международного или немеждународного характера» указывает на причины, по которым предполагается получение дополнительной защиты.

Как таковое понятие «вынужденная миграция» не закреплена в национальном законодательстве стран СНГ. Однако в Глоссарии терминов и понятий, используемых государствами-участниками СНГ в пограничной сфере, утвержденном постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 13 апреля 2018 г. закреплено аналогичное понятие, с которым можно провести параллель [2]. Вынужденная миграция – перемещение граждан в пределах территории государства в силу обстоятельств, представляющих угрозу для их жизни, здоровья и безопасности, таких как вооруженный конфликт, массовые беспорядки, стихийное бедствие, резкое ухудшение окружающей среды, катастрофа экологического и техногенного характера, другие аварии и катастрофы, вызванные деятельностью человека.

Иными словами, в понятие «вынужденная миграция» в данном нормативном акте вкладывается, в том числе, экологический мотив. При этом само применение термина сужают до пределов территории государства, тем самым устраняя перспективу использования при перемещении граждан между государствами.

Международная организация по миграции в рамках своей деятельности использует «Глоссарий терминов по миграции», где под вынужденной миграцией понимается «перемещения беженцев и внутренне перемещенных лиц (лиц, перемещенных в результате конфликтов), а также лиц, перемещенных в результате стихийных и экологических катастроф, химических или ядерных катастроф и проектов развития» [3].

Республика Беларусь стремится обеспечить полное соблюдение прав беженцев в соответствии с международными стандартами в своих актах законодательства. В связи с этим, организуется работа по постоянному поддержанию нормативных актов на надлежащем уровне. В соответствии с Конвенцией ООН о статусе беженцев 28 июля 1951 г., такие факторы, как нехватка продовольствия и воды, ограниченный доступ к образованию и здравоохранению, а также недостаток средств к существованию, не могут сами по себе стать основанием для ходатайства о предоставлении статуса беженца [4]. Тем не менее, некоторые из этих людей могут нуждаться в том или ином виде защиты. Антропогенные катастрофы и связанные с ними социально-экономические лишения также могут заставить людей бежать за границу.

Национальное законодательство о статусе беженцев Республики Беларусь, Российской Федерации и ряда стран СНГ не распространяется на иностранных граждан и лиц без гражданства, покинувших государство своей гражданской принадлежности (своего прежнего обычного местожительства) по экономическим причинам либо вследствие голода, эпидемии или чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Несмотря на это ряд юристов-правоведов высказывают мнение о необходимости пересмотра сложившегося подхода ввиду подвижности и изменчивости мировой обстановки.

Среди них Ястребова А. Ю., которая в своих работах к категории беженцев относит лиц, ставших жертвами стихийного бедствия и вынужденных бежать в результате агрессии, оккупации и внутренних вооруженных конфликтов в собственном государстве [5, с. 185–188]. Ученые Бекашев Д. К., Иванов Д. В., в своих работах говорят о категории «экологических беженцев», которые в случае пересечения международной границы будут находиться в наиболее уязвимом положении, так как они не являются беженцами в конвенционном понимании и не относятся к внутренне перемещенным лицам [6, с. 10–11].

По нашему мнению, законодатель своей техникой изложения рассматриваемого понятия не предоставил возможности для его расширительного толкования. В связи с этим возникает вопрос об объективности восприятия критерия «вынужденности», а также о том, насколько справедливо относить лиц, вынужденных менять место жительства по природным и техногенным причинам, к категории добровольных мигрантов.

Булешева Д. Дж. предлагает использовать общее понятие «экологическая миграция» для обозначения вынужденной миграции населения за пределы территории проживания в результате существующей угрозы жизни и здоровью людей вследствие экологических бедствий, природных и техногенных катастроф [7, с. 3].

В 2022 году 84 % беженцев и ищущих убежище покинули страны, которые особенно уязвимы к изменениям климата. Для сравнения, в 2010 году этот показатель составлял всего 61 %. Поиск долгосрочных решений для таких беженцев становится всё более сложной задачей. При этом в 2020 году лишь 1 % беженцев смогли вернуться домой, что вызывает опасения, учитывая, что последствия изменения климата ухудшают условия жизни и возможности для развития в странах их происхождения.

По прогнозам Международной организации по миграции, к 2050 году количество климатических мигрантов достигнет 200 миллионов человек, при этом другие оценки колеблются от 25 миллионов до 1 миллиарда. Это означает, что примерно каждый 45-й житель планеты будет вынужден покинуть своё место из-за климатических изменений.

В свою очередь, Всемирный банк прогнозирует, что к 2050 году из-за изменения климата более 143 миллионов человек будут вынуждены внутренне мигрировать только в трёх регионах мира – Тропической Африке, Южной Азии и Латинской Америке [8].

Расширение категории вынужденной миграции должно идти одновременно с соответствующей правовой регламентацией и обозначением механизмов реализации и гарантированности защиты данной категории лиц. В связи с этим, считаем целесообразным изменить определение понятия «вынужденная миграция», указанное в ст. 2 Закона «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца,

дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь» и изложить следующим образом: «Вынужденная миграция – недобровольное перемещение (переселение) людей из государства своей гражданской принадлежности или своего обычного местожительства либо внутри такого государства вследствие опасений стать жертвами преследования, вооруженного или межнационального конфликта, стихийного или экологического бедствия, химической или ядерной катастрофы, голода».

Список использованной литературы

1. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 354-З : в ред. от 11 мая 2023 г. № 268-З // *ilex* : информ. правовая система (дата обращения: 01.05.2025).
2. О Глоссарии терминов и понятий, используемых государствами участниками СНГ в пограничной сфере : постановление Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества независимых государств от 13 апреля 2018 г. № 47-13 // *ЭТАЛОН* : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.05.2025).
3. Справочник по терминологии в области миграции // Международная организация по миграции. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/handbook_on_migration_terminology.pdf?language=en (дата обращения 01.01.2025).
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о статусе беженцев : принята 28 июля 1951 г. конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созданной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 01.05.2025).
5. Ястребова, А. Ю. Развитие международно-правовой системы защиты беженцев в современном мире / А. Ю. Ястребова // Советский ежегодник междунар. права. – 1992. – С. 185–188.
6. Бекашев, Д. К. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции / Д. К. Бекашев, Д. В. Иванов. – Москва: Проспект, 2014. – С. 10–11.
7. Булешева, Д. Дж. Экологическая миграция сегодня: проблемы и возможные решения / Д. Дж. Булешева // Управление персоналом. – 2007. – № 15. – С. 3. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/9/7/34464.pdf> (дата обращения: 02.05.2025).
8. Кузнецова, Ю. Мы сами не местные. Кто такие климатические беженцы и откуда они бегут / Ю. Кузнецова // N+1. – URL: <https://nplus1.ru/material/2020/02/18/climate-refugees>. – Дата публ.: 18.02.2020.

УДК 340

И. В. Савельев

*(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРАВЕ: НА ПРИМЕРЕ ЭКСПЕДИЦИЙ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Правовые полевые экспедиционные исследования предоставляют провести исследования аспектов реализации права по ряду отраслей. САФУ им. М. В. Ломоносова совместно с РГО является организатором ряда комплексных экспедиций, имеющих

в том числе правою составляющую. В статье в качестве примера приведены результаты экспедиций в рамках проекта «Наследие Русской Америки» и «Арктический плавающий университет 2014», обозначена методика исследований и выявленные особенности реализации прав коренных народов Арктики.

Северный Арктический федеральный университет имени М. В. Ломоносова неоднократно выступал организатором различных экспедиций совместно с Русским географическим обществом. Принято считать, что полевые экспедиционные исследования и право имеют мало общего. Представляется, что это не совсем так. Автору выпала честь участвовать в ряде таких экспедиций, что позволило произвести изучение вопросов правореализации в международном, экологическом праве, праве Арктики, защите прав коренных народов, юридической антропологии, истории государства и права и других юридических аспектах.

Любому полевому исследованию предшествует доскональная теоретическая проработка вопроса: изучаются национальные нормативно-правовые акты (как федерального, так и регионального уровней), международно-правовые источники, доктринальные исследования, архивные материалы.

В 2009–2019 гг. был реализован проект Русского географического общества «Наследие Русской Америки», в ходе которого было организовано 9 экспедиций (в 5 случаях САФУ выступал соорганизатором) на Аляску, Алеутские и Гавайские острова, штаты Вашингтон, Орегон, Калифорнию под руководством героя России, почетного полярника, почетного доктора САФУ им. М. В. Ломоносова Малахова Михаила Георгиевича.

Экспедиции преследовали политические, просветительские и научно-исследовательские цели. К последним стоит отнести следующие: анализ реализации прав коренных жителей Аляски; проведение историко-географических, историко-филологических, правовых и этнографических исследований; выяснение влияния русской культуры на современную жизнь и традиции коренных народов, сопоставив с выявленными документами в отечественных и зарубежных архивах и библиотеках.

В связи с необходимостью преодолевать за небольшие временные значительные расстояния на байдарках, яхте и пешком и крайне ограниченное время контакта с местными жителями, была использована специальная методика исследования культуры коренного населения Аляски и выявления русских заимствований (автор – канд. ист. наук Филиным П. А., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), принявший участие в экспедиции 2009 года). Методика включала в себя наблюдение, опрос (полуструктурированная беседа), распределение блоков исследования между участниками экспедиции с подробной детализацией объекта – планировочно-пространственной структуры, системообразующих объектов в населённых пунктах и т. д. [10]

Стоит отметить, что в российский период был создан массив правовых норм, определяющих правовой режим русских владений на Аляске и правовой статус ее жителей, который получил название колониального права. Нормы этой комплексной отрасли оказали влияние и на современное правовое положение коренного населения Аляски. Оно определяло процесс открытия новых земель и закрепления их за метрополией, функционирование купеческих промысловых компаний, правовой статус различных групп населения, взаимоотношения с зарубежными партнерами и многое другое. После уступки территории США православные приходы управлялись до 1917 года Синодом и нормы канонического права до сих пор во многом определяли семейно-правовую и смежные с ней составляющие общественных отношений [2].

Если в период Русской Америки туземное население обладало всеми правами российских подданных, то после уступки Аляски США не только представители коренных народов, но и креолы – потомки смешанных браков – не получили американского

гражданства. Коренные народы лишаются земель и ресурсов, формируется идеология, оправдывающая политическое, экономическое и культурное доминирование над коренными жителями («доктрина ассимиляции» или «теория колонизаторов»)[9].

В 60-х годах XX века коренные жители Аляски заявили о своих правах на земли и природные ресурсы. Они обратились в суды с исками, стали собирать материалы, обосновывающие право коренных народов жить как коллективы и как нации. Между правительственными и аборигенными организациями начался диалог и поиск путей урегулирования требований коренных жителей о правах собственности на земли и ресурсы и политических правах, связанных с самоуправлением. В качестве доказательной базы использовались записки и сочинения русских путешественников и служащих Российско-американской компании, а также правовые источники периода Русской Америки.

Результатом стало принятие в 1971 году закона по урегулированию земельных требований коренных жителей Аляски (The Alaska Native Claims Settlement Act). Этот федеральный закон и до настоящего времени выступает образцом для других стран по вопросам регулирования взаимоотношений между общинами коренных народов и правительством (как федеральным, так и региональным). [11] Ссылки на этот закон и его цитирование встречаются в исследованиях и проектах регулирования земельных вопросов и вопросов прав на использование природных ресурсов в первую очередь в странах Арктического региона[6].

В ходе экспедиций были исследованы особенности реализации прав коренных народов. Стоит отметить, что после уступки Аляски православная церковь и православный приход был не только религиозной ячейкой, но и единицей местного самоуправления. Православным священником осуществлялось управление поселениями коренных жителей. Исследования показали, что именно в тех поселениях где до настоящего времени существует православная община, наиболее активно работают органы самоуправления и реализуются предоставленные права. Кроме того, большое влияние на реализацию прав имеет взаимоотношение между районными и поселковыми корпорациями. В ряде корпораций имеет место взаимодействие между этими уровнями, в ряде основную роль играют поселковые объединения, представляющие собой племя и вождя, который взаимодействует с мэром населенного пункта. При этом в качестве представителей племенных и поселковых корпораций (кроме вождя) выступают как представители белого, так и коренного населения (примерно в равном соотношении).

Провозглашенное право на использование родного языка реализуется весьма ограничено. По словам местных жителей, в середине прошлого века, когда Аляска получила статус Штата, имело место запрещение использовать родной язык в образовании, взаимоотношениях с органами власти. Все это привело к фактическому исчезновению ряда языков. 17 из 20 языков коренных народов Аляски насчитывают менее 1 000 носителей. В настоящее время английский язык фактически вытеснил языки коренных народов и в штате отсутствуют эффективные программы по поддержке и развитию языков индейцев, эскимосов, алеутов.

Несмотря на то, что федерацией и штатом отпускаются достаточно существенные суммы на образование и в каждой деревне построена хорошая школа, наблюдается более низкая успеваемость коренного населения Аляски, которые чаще отчисляются из школ и колледжей, чем остальные студенты. Только в одной или двух деревнях встретились учителя, представители коренных народов. В подавляющем большинстве педагоги – представители так называемых нижних 48 штатов (Low 48-s).

К положительным, заслуживающим пристального внимания практикам можно отнести систему грантов. В случае необходимости возведения, к примеру, здания для нужд поселения (city hall etc), можно подать заявку на финансирование со сторон штата, обязательным условием которой привлечение местных жителей для строительства с выплатой заработной платы.

«Арктический Плавающий университет» – это уникальная научно-образовательная морская экспедиция на борту НИС «Профессор Молчанов» НЭС «Михаил Сомов», во время которой молодые ученые — исследователи Арктики, получают знания и навыки в реальных условиях северных морей. Экспедиции реализуются с 2012 года при поддержке Русского географического общества[1].

Как правило в рамках проекта осуществляются естественно-научные исследования. В 2014 году в составе экспедиции функционировал политико-правовой и социально-экономический блок, целью которого было комплексное политико-правовое и социально-экономическое исследование поселений западного сектора Северного морского пути по маршруту следования экспедиции «Арктический плавающий университет 2014». Среди задач выделились следующие: анализ реализации прав коренных малочисленных народов Севера, проживающих в исследуемых поселениях; анализ реализации прав лиц, проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях; выработка рекомендаций по реализации стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации, что необходимо для успешной реализации Арктической политики государства [7; 3; 8].

Кроме федеральных нормативно-правовых актов, определяющих правовой режим исследуемых территорий и правовой статус лиц, проживающих здесь, общественные отношения регулируют также закона Ненецкого автономного округа («О территории компактного проживания коренных малочисленных народов Севера в Ненецком автономном округе», «Об общинах коренных малочисленных народов Севера в Ненецком автономном округе») и другие [4; 5].

Исследования показали, что коренное население испытывает трудности в осуществлении традиционной хозяйственной деятельности. Навыки оленеводства во многом утрачены. Среди представителей коренных народов присутствуют ярко выраженные иждивенческие настроения.

Тем не менее итоги экспедиционных исследований последних лет в ряде арктических субъектов Российской Федерации показывают наличие положительной динамики. Собранный материал способствует совершенствованию нормативно-правовых актов, регулирующих жизнь коренных народов Арктики, показывая какие нормы закона работают эффективно, а какие требуют совершенствования и корректировки.

Полученные в ходе полевых исследований данные используются для подготовки научных исследований и научно-популярных работ, создания фильмов. Результаты представляются на конференциях и круглых столах с участием представителей власти, что способствует совершенствованию законотворческой деятельности.

Список использованной литературы

1. Арктический плавающий университет https://narfu.ru/science/expeditions/floating_university/ (дата обращения 23.06.2025).
2. Ермолаев А. Н., Савельев И. В. Становление и развитие колониального права в Русской Америке в XVIII – начале XIX веков.// Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016, № 4 (48).
3. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. N 645. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://base.garant.ru/74810556/> (дата обращения 23.06.2025).
4. О территории компактного проживания коренных малочисленных народов Севера в Ненецком автономном округе: Закон Ненецкого автономного округа от 21.05.2007 года N 65-ОЗ [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://base.garant.ru/33607169/> (дата обращения 23.06.2025).

5. Об общинах коренных малочисленных народов Севера в Ненецком автономном округе: Закон Ненецкого автономного округа 01.10.2008 № 58-оз [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://base.garant.ru/33508179/> (дата обращения 23.06.2025).

6. Пуллар Г. Самоуправление коренных народов и политические институты на Аляске [Электронный ресурс] Режим доступа URL: http://landclaim.narod.ru/indig_1.htm (дата обращения 21.06.2025).

7. Савельев И.В. Политико-правовые и социально-экономические особенности поселений западного сектора Северного морского пути // Комплексная научно-образовательная экспедиция «Арктический плавучий университет – 2014» материалы экспедиции. – Архангельск, 2016. – С. 73-95.

8. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года: утверждена Президентом РФ Владимиром Путиным 20 февраля 2013 года. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://base.garant.ru/71796486/> (дата обращения 23.06.2025)

9. Таксами Н. Ч. К вопросу об исторических судьбах и правах на землю аборигенных народов Аляски. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 84

10. Филин П. А. Русские заимствования в традиционной культуре коренных народов Аляски: культурный сдвиг и его влияние на этничность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 1 (20). – С.76–88.

11. Case S. David, Alaska Natives and American Laws. - Fairbanks, 1984. – P. 294 – 298.

УДК 341.1

М. В. Тимошенко, А. С. Пупкова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: РОЛЬ ООН И ЦЕЛЕВЫЕ САНКЦИИ

В статье рассматривается современная система коллективной безопасности, основанная на принципах Устава ООН. Особое внимание уделено механизмам целевых санкций Совета Безопасности, направленных на борьбу с международным терроризмом. Анализируются правовые проблемы, связанные с их применением, такие как вмешательство во внутренние дела государств, нарушение норм «jus cogens» и прав человека. Предлагаются пути совершенствования санкционного режима, включая обеспечение процессуальных гарантий для лиц, включенных в санкционные списки, и установление временных рамок действия ограничительных мер.

Современная система коллективной безопасности, основанная на принципах Устава ООН, играет ключевую роль в поддержании международного мира и стабильности. Ее основу составляет запрет на применение вооруженной силы в межгосударственных отношениях, за исключением случаев, санкционированных Советом Безопасности ООН. Однако в условиях роста угрозы международного терроризма традиционные механизмы коллективной безопасности сталкиваются с новыми вызовами. В частности, введение целевых санкций против физических и юридических лиц, связанных не только с террористической деятельностью, но и по политическим мотивам, вызывает споры с точки зрения соответствия международному праву и защиты прав человека. В данной работе рассматриваются принципы коллективной безопасности, эволюция санкционной политики ООН, а также правовые проблемы, связанные с применением целевых санкций, и возможные пути их совершенствования.

В основе современной системы коллективной безопасности лежат общее запрещение использования вооруженной силы в отношениях между государствами и допустимость ее применения лишь в интересах всех государств по решению ООН, в лице ее Совета Безопасности, в целях поддержания или восстановления международного мира [1, с. 3]. Как подчеркивал советский ученый Е.С.Пчелинцев, «поддержание международного мира и безопасности – первая и основная цель ООН. Все другие цели, зафиксированные в ст. 1 Устава, подчинены в конечном счете первой как наиболее фундаментальной по своему характеру» [2, с. 50]. По точному утверждению австрийского международника А.Фердросса, ООН преследует двойную цель: поддержание международного мира и безопасности, а в случае нарушения мира – его восстановление [3, с. 501]. Устав ООН определяет, что подлежит защите в системе коллективной безопасности, указывая тем самым на объект коллективной безопасности [4, с. 25]. Коллективная безопасность, по словам известного американского юриста-международника Г.Кельзена, является главной целью ООН [5, с. 783].

Ст. 4 Конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 года, ст. 4 Конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года, ст. 5 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 года, ст. 2 Конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 года, ст. 1 Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 года, ст. 3 Протокола о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах 1988 года, ст. 3 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 1971 года, ст. 5 Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 года.

Целевые санкции СБ ООН в борьбе с МТ. Согласно ст. 25 Устава ООН государства обязаны выполнять резолюции СБ ООН, действующего в рамках его компетенции. Долгий период времени СБ ООН, признавая акты, методы и явления терроризма в качестве угрозы международному миру и безопасности, принимал экономические и иные санкции к государствам, поддерживающим или финансирующим террористов либо не желающим или не способным подавить террористическую деятельность на своей территории. Такие санкции, однако, имеют неизбирательное действие и оказывают негативное воздействие на население государства, но не на правительство. Они также используются как средство давления (например, Акт Кеннеди д'Амато 1996 года, Акт Хелмса-Бартона 1996 года) [18, с. 4]. В связи с этим, а также учитывая тот факт, что акты международного терроризма совершаются не государствами, а конкретными физическими и юридическими лицами, с 1999 года (резолюция 1267(1999)) СБ ООН начал принимать целевые санкции, направленные против конкретных физических и юридических лиц.

Существующий механизм целевых санкций СБ ООН неправомерен с точки зрения международного права, и, по нашему мнению, представляет собой вмешательство во внутренние дела всех государств, лишая их права действовать в соответствии с нормами международного права, принуждая к нарушению норм *jus cogens*, и требует доработки. В частности, государство должно иметь право предложить лицо для включения в перечень СБ ООН только одновременно с возбуждением уголовного (для физических лиц) либо административного (для организаций) производства в отношении него, поскольку в соответствии с универсальными либо региональными международными договорами на государства возлагается обязанность криминализовать деяния, представляющие собой преступления терроризма. В этом случае применение санкции будет длиться в зависимости от результатов рассмотрения либо до вынесения оправдательного приговора (принятия решения о непричастности организации к осуществлению либо финансированию террористической деятельности), либо до снятия с лица судимости. Как справедливо отмечает Дж.Фарралл, введение санкций должно носить временный характер, до момента, когда дело индивидуально будет рассмотрено уполномоченным органом, с возможностью высказать свою точку зрения и предоставить доказательства своей невиновности [3, с. 237–238].

На государство должна возлагаться обязанность извещать соответствующий комитет по санкциям о принятом решении. Лица должны иметь возможность представить ходатайство об исключении их из списка (включая случаи, когда уголовное производство в отношении них носило явно дискриминационный характер без соблюдения гарантий должного процесса), а также известить о вынесении в отношении него оправдательного приговора либо снятии судимости. Указанные действия позволят избежать/свести к минимуму нарушения императивных норм международного права, в первую очередь в области защиты ППЧ как на универсальном, так и на национальном уровнях.

Коллективная безопасность остается важнейшим инструментом поддержания международного мира, однако механизмы ее реализации требуют постоянной адаптации к новым вызовам. Целевые санкции СБ ООН, направленные на борьбу с терроризмом, демонстрируют как эффективность, так и существенные правовые изъяны, включая риск нарушения суверенитета государств и прав человека. Для повышения легитимности и эффективности санкционного режима необходимо обеспечить прозрачность процедур, гарантировать право на справедливое судебное разбирательство и установить четкие временные рамки применения ограничительных мер. Только при соблюдении баланса между безопасностью и уважением к международному праву система коллективной безопасности сможет оставаться надежным инструментом противодействия глобальным угрозам.

Список использованной литературы

1. Cassese, A. International Criminal Law / A. Cassese. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 472 p.
2. Herik L. van den. The Security Council's Targeted Sanctions Regimes: In Need of Better Protection of the Individual // Leiden Journal of International Law. – Vol. 20 (2007). – P. 797–807.
3. Bianchi, A. Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-terrorism Measures: the Quest for Legitimacy and Cohesion / A. Bianchi // European Journal of International Law. – 2007. – No. 5. – P. 881–919.

УДК 341.1/8; 349.6

О. Н. Толочко

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПО ОГРАНИЧЕНИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ СТОЙКИХ ОРГАНИЧЕСКИХ ЗАГРЯЗНИТЕЛЕЙ, РТУТИ И СВИНЦА

Статья посвящена актуальным проблемам имплементации норм международного права по запрещению или ограничению использования в производстве и потреблении вредных химических веществ, таких как стойкие органические загрязнители, ртуть и свинец. Автор отмечает усилия, предпринимаемые международным сообществом для решения этих задач, и предлагает ряд мер по совершенствованию норм права ЕАЭС и законодательства Республики Беларусь в сфере охраны окружающей среды, здоровья и благополучия населения страны.

Важным направлением взаимодействия национальных правовых систем и мирового сообщества, интеграции общепризнанных принципов и норм международного права в белорусское законодательство является международное сотрудничество в сфере охраны окружающей среды, в том числе борьба с загрязнением такими опасными химическими веществами как стойкие органические загрязнители, ртуть, свинец. Развитие промышленного

производства, потребление товаров, содержащих такие вещества, рост количества отходов производства и потребления, а также глобальное изменение климата требуют активизации усилий государств в борьбе с химическим загрязнением окружающей среды.

Наиболее действенным инструментом борьбы с химическими загрязнениями на данный момент является принятие специальных конвенций по отдельным химическим веществам, как это было, например, со стойкими органическими загрязнителями и ртутью.

В 2001 г. была заключена Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях, которая устанавливает контроль за производством, торговлей и использованием химических веществ, указанных в специальных приложениях. Конвенция нацелена на сокращение использования и последующую полную ликвидацию двенадцати наиболее токсичных стойких органических загрязнителей и на ликвидацию зависимости экономики от токсичных химикатов. Беларусь присоединилась к Конвенции в 2004 г.

В 2013 г. для охраны здоровья человека и окружающей среды от антропогенных выбросов и высвобождений ртути и ее соединений была принята Минаматская конвенция о ртути. Конвенция была заключена в Японии в городе Минамата, где вследствие длительного сброса ртутьсодержащих химических веществ произошло массовое заражение людей и животных с тяжёлой симптоматикой. Конвенция направлена на применение наилучших имеющихся методов для предотвращения и, если это невозможно, сокращение выбросов ртути, в том числе в атмосферу. Стороны Конвенции взяли на себя обязательства регулировать использование ртути, сокращать производство некоторых ртутьсодержащих приборов (медицинских приборов, люминесцентных ламп), а также ограничить ряд промышленных процессов и отраслей, в том числе горнодобывающей (особенно непромышленная добыча золота), по производству цемента. С 2020 года Конвенция запрещает производство, экспорт и импорт нескольких видов ртутьсодержащей продукции, в том числе электрических батарей, электрических выключателей и реле, некоторых видов люминесцентных ламп, ртутных термометров и приборов измерения давления (Республика Беларусь в Конвенции не участвует).

Эти и другие подобные соглашения играют исключительно важную роль в защите окружающей среды и здоровья человека. Однако меры по запрещению или ограничению использования вредных химических веществ часто сталкиваются с противодействием производителей, а иногда и потребителей конкретных продуктов.

Так, например, предметом давнего внимания и обсуждения в международном сообществе является использование свинца. Присутствие свинца в человеческом организме может приводить к снижению когнитивных функций, нарушению в работе эндокринной и репродуктивной систем человека и многим другим неприятным последствиям, особенно у детей [1]. По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2021 г. последствия воздействия свинца стали причиной более 1,5 миллиона случаев смерти во всем мире; при этом установленной нормы поступления свинца в организм без вредных последствий для здоровья не существует [2]. Одним из актуальных вопросов является ограничение использования свинца в красках. Для борьбы с использованием свинца в составе красок под эгидой ВОЗ и ЮНЕП действует Глобальный альянс для вывода из обращения содержащей свинец краски, цель которого заключается в том, чтобы стимулировать правительства к изданию законодательных норм, ограничивающих использование свинца в красках. На данный момент такие ограничения установлены в половине стран мира [2]. Однако абсолютные показатели значительно разнятся. Так, по данным Глобальной обсерватории здравоохранения, в таких странах как Канада, КНР, США установлен предел в 90 частей на миллион [3]. Европейский Союз (Регламент № 1907/2006 REACH – Регистрация, оценка, разрешение и ограничение химических веществ [4]) полностью запрещает использование свинца в красках для внутренних работ и проводит регулярный мониторинг соответствия. В то же время целый ряд эмалевых красок, доступных на рынке в Республике Беларусь, до сих пор содержит свинец, в том числе в высоких концентрациях.

В ЕАЭС действуют Единые санитарные требования «Требования к товарам бытовой химии и лакокрасочным материалам» [5]. Согласно п. 2.3 Требований (критериев) к безопасности продукции, подразд. II «Основные требования к лакокрасочным материалам», лакокрасочные материалы «не должны содержать сиккативов, включающих металлы, химических веществ, относящихся к 1-му классу опасности, количество которых в пересчете на сухой остаток превышает 0,5 %, а свинецсодержащих пигментов (кроме свинцовые) – химических веществ 1 класса опасности – 15 %. Оценка наличия сиккативов и свинецсодержащих пигментов проводится путем анализа рецептуры». Это означает, что установлен предел 5 000 частей на миллион, а в отношении свинецсодержащих пигментов – 150 000 частей на миллион в пересчете на сухой остаток, что более чем в 50 раз превышает рекомендованные ВОЗ и ЮНЕП предельные концентрации.

При этом на данный момент так и не принят Технический регламент «О безопасности лакокрасочных материалов», внутригосударственное согласование которого было завершено еще в 2013 году [6]. Принятие данного документа сохраняет актуальность, хотя его содержание требует корректировки на предмет приведения нормативов содержания свинца в соответствие рекомендациям ВОЗ.

В силу указанных обстоятельств представляется целесообразным внести изменения в Единые санитарные требования ЕАЭС, приведя их в соответствие нормам ВОЗ и ЮНЕП (90 частей на миллион), что позволит, помимо общего позитивного влияния на здоровье населения и окружающую среду, повысить конкурентоспособность производимых в ЕАЭС лакокрасочных материалов на рынках тех стран, которые придерживаются международных нормативов.

Для более эффективного продвижения запрета Глобальный альянс для вывода из обращения содержащей свинец краски разработал Типовой закон и руководящий документ о регулировании содержащих свинец красок. В документе содержится положение о необходимости соблюдения нормативного предела содержания свинца в красках. Согласно Типовому закону, должны быть запрещены продажа, изготовление, выпуск на рынок и импорт краски, в которой превышены нормативные пределы. Предусматривается проведение тестирования независимой лабораторией третьей стороны, а также наличие «четкого видимого предупредительного маркировочного знака» [7] с тем, чтобы потребители были осведомлены о потенциальных опасностях для здоровья, связанных с использованием краски. Идея маркировки представляется заслуживающей внимания, если стоит цель обеспечения права потребителей знать и минимизировать воздействие свинца. Существующие маркировки носят добровольный характер, не все из них проверены третьей стороной и поэтому не являются надежными и заслуживающими доверия. Важна обязательная маркировка свинца в краске на основе результатов лабораторных испытаний, предоставленных аккредитованными лабораториями с проверкой третьей стороной.

Таким образом, предупреждение и управление в области загрязнения окружающей среды химическими веществами представляет собой важную эколого-экономическую задачу, решение которой немыслимо без международного сотрудничества на глобальном и региональном уровне, а также без принятия соответствующих мер на уровне национального законодательства и практики его применения.

Для решения указанной задачи представляется целесообразным рассмотреть вопрос о ратификации подписанной в 2014 г. Минаматской конвенции о ртути 2013 г., а также участия страны в ряде Конвенций МОТ, регулирующих вопросы безопасности химических производств, прежде всего – в Конвенции № 170 о химических веществах 1990 г. и Конвенции МОТ № 174 о предотвращении крупных промышленных аварий 1993 г.

Требует определенной корректировки политика ЕАЭС по противодействию химическим загрязнениям. Целесообразно принять комплексный план, в котором должны быть указаны реально осуществимые сроки решения вопросов по отдельным видам загрязнений (пластику, свинцу и т.д.) с учётом имеющихся в мире разработок и передовых практик по решению таких проблем.

Последовательная политика в таких специфических областях может быть обеспечена принятием национальных стратегий по решению конкретных проблем (ртуть, свинец, стойкие органические загрязнители и т. д.) с определением источников финансирования. Одним из таких источников может стать Программа обращения с химическими веществами и отходами ЮНЕП.

Реализация этих мер будет способствовать достижению Целей устойчивого развития, защите окружающей среды и обеспечению здоровья и благополучия граждан Республики Беларусь.

Список использованной литературы

1. Кошкина, В. С. Клинико-токсикологическая характеристика свинца и его соединений / В. С. Кошкина, Н. Н. Котляр, Л. В. Котельникова, Н. А. Долгушина // Медицинские новости. – 2013. – № 1 (220). – С. 45–49.
2. Отравление свинцом // ВОЗ. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/lead-poisoning-and-health> (дата доступа 05.02.2025).
3. Юридически обязательный контроль за свинцовой краской // ВОЗ. – URL: <https://www.who.int/data/gho/data/themes/topics/indicator-groups/legally-binding-controls-on-lead-paint> (дата обращения 05.02.2025).
4. Регламент Европейского парламента и Совета ЕС № 1907/2006 от 18 декабря 2006 г. относительно регистрации, оценки, разрешения и ограничения химических веществ // Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/2571336/> (дата обращения 05.02.2025).
5. Единые санитарно-эпидемиологические и гигиенические требования к продукции (товарам), подлежащей санитарно-эпидемиологическому надзору (контролю) // ЕЭК ЕАЭС. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/depsanmer/P2_299/%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%BB%20%20%D0%95%D0%A1%D0%A2.pdf (дата обращения 05.02.2025).
6. О безопасности лакокрасочных материалов: проект Технического регламента и др. // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/deptexreg/PO_general/bezopLakokrasok.php (дата обращения 05.02.2025).
7. Типовой закон и руководящий документ о регулировании содержащих свинец красок // ЮНЕП. – URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/22417/Model_Law_Guidance_%20Lead_Paint_RU.pdf?sequence=9 (дата обращения 05.02.2025).

УДК 342.3

Т. С. Чарыев

(Ашхабад, Туркменистан)

ОБЩИЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОСТОЯННОГО НЕЙТРАЛЬНОГО СТАТУСА ТУРКМЕНИСТАНА

В материалах рассматриваются положения Концепции внешней политики Туркменистана как нейтрального государства и Декларации «О внешнеполитическом курсе Туркменистана в 21 веке, основанном на постоянном нейтралитете, принципах миролюбия, добрососедства и демократии», раскрывается их содержание и функции.

Правовые основы статуса постоянного нейтралитета Туркменистана определяются законодательными актами страны. Указанные внутригосударственные законодательные акты тесно связаны с нормами международного права, образуя целостный свод правил, обеспечивающий взаимодополняемость внутригосударственных законодательных актов Туркменистана. «Туркменистан обладает статусом постоянного нейтралитета, признанного мировым сообществом и закреплённого на основании закона» [1].

Конституция Туркменистана и Конституционный закон Туркменистана «О постоянном нейтралитете Туркменистана» составляют внутреннюю правовую основу статуса постоянного нейтралитета государства Туркменистан. Важно отметить, что статус постоянного нейтралитета Туркменистана закреплён в отдельном Конституционном законе, поскольку он существенно затрагивает основы конституционного строя государства Туркменистан.

Основополагающими нормами международного права, касающимися статуса постоянного нейтралитета Туркменистана, являются резолюция «А» Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций 50/80 от 12 декабря 1995 года, резолюция 69/285, принятая по пункту 32 повестки дня 69-й сессии Организации, состоявшейся 3 июня 2015 года, а также резолюции «О постоянном нейтралитете Туркменистана», принятые 61-м пленарным заседанием 79-й сессии Организации, состоявшейся 21 марта 2025 года, в поддержку мирового порядка и мирного сосуществования.

27 декабря 1995 года состоялась сессия Народного Совета Туркменистана. В этом же заседании Народного Совета Туркменистана приняли постановление «О внутренней и внешней политике Туркменистана». Согласно содержанию постановления участники заседания Халк Маслахаты Туркменистана поддерживают «Концепцию внешней политики Туркменистана как нейтрального государства». Об этом свидетельствуют изложенные предложения в части 1 постановления [2].

Настоящее постановление Халк Маслахаты Туркменистана «О внутренней и внешней политике Туркменистана» является нормативным правовым актом. Потому что есть юридически необходимые основания называть постановление Народного Совета Туркменистана от 27 декабря 1995 года правовой нормой, содержащий обязательное для исполнения предписание по исполнению данного постановления. «Постановления Халк Маслахаты Туркменистана, принимаемые для осуществления полномочий, предусмотренных в Конституционном законе Туркменистана «О Халк Маслахаты Туркменистана», являются нормативными правовыми актами» [3].

«Концепция внешней политики Туркменистана как нейтрального государства» [4] считать документ, описывающий особенности статуса постоянного нейтралитета Туркменистана. Для того чтобы сказать, что концепция содержит обязательные для исполнения указания, необходима правовая основа. В качестве такой правовой основы можно привести постановление Народного Совета Туркменистана «О внутренней и внешней политике Туркменистана». О том, что постановление Народного Совета Туркменистана может выступать в качестве правовой основы, свидетельствует правило, изложенное в части 3 статьи 7 Закона Туркменистана «О правовых актах» в следующей редакции: «Производные виды нормативных правовых актов утверждаются при помощи их основных видов и составляют с ними единое целое» [3].

«Концепция внешней политики Туркменистана как нейтрального государства» издавна считается одним из основных принципов проведения Государством Туркменистан политики постоянного Нейтралитета. Потому что программа рассчитана на долгосрочную перспективу и содержит все политические, экономические и гуманитарные принципы, которые предполагается реализовать.

Таким образом, Концепции можно считать правовой основой для осуществления отношений, связанных со статусом постоянного нейтралитета Туркменистана в международных отношениях. Кроме того, Концепция представляет собой документ, который не похож на многие другие нормативно-правовые акты, но тем не менее содержит обязательный характер, подлежащие к реализации.

29 декабря 1999 года состоялась сессия Народного Совета Туркменистана. В заседании участники Народного Совета Туркменистана оглашают Декларацию о внешней политике Туркменистана в XXI веке, основанную на принципах миролюбия, добрососедства

и демократии, в связи с постоянным нейтральным статусом Туркменистана. Об этом говорится в Декларации «О внешнеполитическом курсе Туркменистана в 21 веке, основанном на постоянном нейтралитете, принципах миролюбия, добрососедства и демократии» [5], провозглашенной участниками заседания Народного Совета Туркменистана.

В содержании Декларации «О внешнеполитическом курсе Туркменистана в 21 веке, основанном на постоянном нейтралитете, принципах миролюбия, добрососедства и демократии» указано, что в целях уважения общечеловеческих ценностей в XXI веке государство Туркменистан будет руководствоваться принципами гуманизма и миролюбия, добрососедства и демократии. Кроме того, ради светлого будущего человечества оно намерено проявлять терпение, толерантность и проводить гуманную политику во всех аспектах мира, в соответствии с общепризнанными нормами международного права. А также озвучено намерение продолжить работу, направленную на развитие экономики Туркменистана и другие.

Для того чтобы утверждать, что Декларация «О внешнеполитическом курсе Туркменистана в 21 веке, основанном на постоянном нейтралитете, принципах миролюбия, добрососедства и демократии» относится к нормативно-правовым актам Туркменистана, необходима правовая основа. Не смотря на эту Декларацию можно рассматривать как поддерживающий инструмент нормативных актов, реализация которых рассчитана на долгосрочную перспективу. Поэтому следует отметить, что Декларация «О внешнеполитическом курсе Туркменистана в 21 веке, основанном на постоянном нейтралитете, принципах миролюбия, добрососедства и демократии» считается самостоятельным видом документа, реализация которого предусмотрена, и отличается отдельным видом обязательности его реализации.

Содержание в Декларации положения соответствуют правовым нормам, закрепленным в законодательных актах, касающихся статуса постоянного нейтралитета Туркменистана. Документ воплощает в себе важнейшие, существенные качества человечества. Также справедливо утверждение, что декларация выполняет официальную функцию в силу особой взаимосвязи общих нормативных и правовых предписаний. Поэтому Декларация может быть самостоятельной, обособленной частью формальных правовых норм. Это также обеспечивает долгосрочную реализацию политики постоянного нейтралитета, проводимой Государством Туркменистан. В то же время они являются вспомогательными элементами высших правовых норм. Правильно будет сказать, что он обеспечивает выполнение необходимых действий для достижения поставленной цели.

Полномочия Народного Совета Туркменистана четко определены в тексте Конституционного закона Туркменистана «О Халк Маслахаты Туркменистана». В части 2 статьи 10, данный закон определено как «рассматривает и одобряет основные направления внутренней и внешней политики государства, а также программы и законы политического, экономического, социального и культурного развития страны» [6].

В соответствии с нормами, установленными Конституционным законом, Народный Совет Туркменистана вправе принять постановление «О внутренней и внешней политике Туркменистана» и поддержать «Концепцию внешней политики Туркменистана как нейтрального государства». Он также является уполномоченным органом по провозглашению Декларации «О внешней политике Туркменистана в XXI веке, основанной на принципах постоянного нейтралитета, миролюбия, добрососедства и демократии».

С 12 декабря 1995 года государство Туркменистан последовательно выполняет свои обязательства, связанные со статусом постоянного нейтралитета. Резолюция «О постоянном нейтралитете Туркменистана», принятая на 61-м пленарном заседании 79-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 21 марта 2025 года, дополняет прежние международно-правовые нормы. Соответственно, можно сказать, что нормы международного права, касающиеся статуса постоянного нейтралитета Государства Туркменистан, продолжают совершенствоваться.

Во внешней политике Туркменистана большое значение придается правовым нормам Организации Объединенных Наций, которые считаются важными и эффективными в поддержании мира и международной стабильности. Государство Туркменистан продолжает придерживаться принципов гуманизма и справедливости в международных отношениях, разрешая любые споры и конфликты мирным путем, путем переговоров. Это, в свою очередь, позволит и дальше совершенствовать нормы международного права и внутригосударственного права, касающиеся статуса постоянного нейтралитета Туркменистана.

Законодательные акты, касающиеся статуса постоянного нейтралитета Туркменистана, дают ответы на возникающие сегодня вопросы. «Концепция внешней политики Туркменистана как нейтрального государства» и Декларация «О внешнеполитическом курсе Туркменистана в 21 веке, основанном на постоянном нейтралитете, принципах миролюбия, добрососедства и демократии» обеспечивают последовательное выполнение обязательств, вытекающих из статуса постоянного нейтралитета Туркменистана. Поэтому было бы правильным исходить из истоков возникшей необходимости при рассмотрении вопроса о дальнейшем совершенствовании правовых актов и документов, связанных со статусом постоянного нейтралитета Туркменистана.

Список использованной литературы

1. Конституция Туркменистана. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://minjust.gov.tm/ru/hukuk/merkezi/hukuk/1> (дата обращения: 29.01.2025).
2. Постановление народного совета Туркменистана «О внутренней и внешней политике Туркменистана». // Ведомости Меджлиса Туркменистана. - Ашхабад. – 1995. – №4. – С. 41-42.
3. Закон Туркменистана «О правовых актах». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://minjust.gov.tm/ru/hukuk/merkezi/hukuk/579> (дата обращения: 17.04.2025).
4. «Концепция внешней политики Туркменистана как нейтрального государства» // Ведомости Меджлиса Туркменистана. Ашхабад. 1995, №4. стр. 61-65.
5. «О внешнеполитическом курсе Туркменистана в 21 веке, основанном на постоянном нейтралитете, принципах миролюбия, добрососедства и демократии» // Ведомости Меджлиса Туркменистана. Часть II, Ашхабад. 1999, №4. стр. 57-62.
6. Конституционный Закон Туркменистана «О Халк Маслахаты Туркменистана». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.minjust.gov.tm/ru/hukuk/merkezi/hukuk/622> (дата обращения: 26.04.2025).

УДК 349.23/24

И. И. Шамшина, К. В. Яковенко

*(ФГБОУВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
Российская Федерация)*

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕПРИЗНАННОГО ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И БЕЛАРУСИ

В статье анализируются проблемы дискриминации в трудовых отношениях в Российской Федерации и Республике Беларусь, включая дискриминацию по полу, возрасту и социальному статусу. Рассмотрены причины отказа работодателей в трудоустройстве определенных категорий граждан и предложены меры государственной поддержки для снижения уровня дискриминации, такие как налоговые льготы и иное стимулирование работодателей.

На современном этапе принцип равенства в сфере применения наёмного труда является общепризнанным и находит отображение в действующем трудовом законодательстве. В статье 2 Трудового Кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) закреплены общепризнанные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. К ним относятся: запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда; защита от безработицы и содействие в трудоустройстве; равенство прав и возможностей работников; обеспечение равенства возможностей работников без всякой дискриминации и другие закреплённые принципы [1, ст. 2]. В Трудовом кодексе Республики Беларусь нет отдельной статьи, посвящённой принципам правового регулирования трудовых отношений, однако есть статья, закрепляющая запрет дискриминации, как гарантию принципа равенства в сфере труда [2, ст. 14].

Но часто в правоприменительной практике можно столкнуться с проблемой недостаточно эффективной реализации общепризнанного принципа равенства в трудовых правоотношениях. Так, существует ряд факторов, которые препятствуют в полной мере обеспечивать всем гражданам равные трудовые права. Поэтому следует разобраться в механизме обеспечения принципа равенства в сфере труда с целью выявления данных факторов.

В ТК РФ закреплёно что: «Исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации основными принципами правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений признаются: ... обеспечение равенства возможностей работников без всякой дискриминации на продвижение по работе с учётом производительности труда, квалификации и стажа работы по специальности, а также на подготовку и дополнительное профессиональное образование» [1, ст. 2]. Эта норма схожа со статьей 14 Трудового кодекса Республики Беларусь, где говорится: «Дискриминация, то есть ограничение в трудовых правах или получение каких-либо преимуществ в зависимости от пола, расы, национального и социального происхождения, языка, религиозных или политических убеждений, участия или неучастия в профсоюзах или иных общественных объединениях, имущественного или служебного положения, возраста, места жительства, недостатков физического или психического характера, не препятствующих исполнению соответствующих трудовых обязанностей, иных обстоятельств, не связанных с деловыми качествами и не обусловленных спецификой трудовой функции работника, запрещается» [2, ст. 14]. Однако на практике данная норма права не всегда реализуется в полной мере.

Для полного понимания проблемы стоит разобраться в значении слова «дискриминация». В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) подробно описывается значение данного слова и говорится: «Дискриминация, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам...» [3, ст. 5.62.]. Но, смотря на реальные обстоятельства, можно обнаружить что дискриминация в действительности имеет место.

При этом стоит отделять понятие «дискриминация» от понятия «дифференциация». Суть дифференциации заключается в наличии законных причин отказа в трудоустройстве, обусловленных объективными факторами или субъективными характеристиками отдельного работника. Например, человек с ограниченными возможностями либо же хрупкая девушка из-за субъективных особенностей здоровья не может выполнять тяжёлую физическую работу, такую как работа в шахте, либо же работу грузчика. В то время как дискриминация не подразумевает наличие разумных, законных причин для отказа в трудоустройстве.

Так, например, в реальности часто можно встретить дискриминацию по половому признаку при трудоустройстве. По данным исследования консалтинговой компании Strategy Partners, девушки по-прежнему сталкиваются с дискриминацией при продвижении по службе и нежеланием компаний облегчить им совмещение карьеры и материнства. Данные Росстата свидетельствуют, что в 2022–2023 годах доля женщин в общем числе, занятых в экономике, не менялась: в октябре этого года она была равна 48,7 %, в январе 2022-го – 48,8 %. При этом уровень занятости и у мужчин, и у женщин вырос примерно одинаково – на 1,7 процентного пункта (до 68,9 %) и 1,5 процентного пункта (до 54,6 %) соответственно [4]. Несмотря на схожий рост уровня занятости, женщины чаще сталкиваются с барьерами, которые ограничивают их карьерный рост. Это проявляется в меньшем количестве женщин на руководящих должностях, особенно в отраслях, традиционно считающихся «мужскими», таких как ИТ, строительство или тяжелая промышленность. Кроме того, женщины чаще вынуждены соглашаться на неполный рабочий день или низкооплачиваемую работу из-за необходимости совмещать профессиональные обязанности с заботой о семье. И с данными трудностями сталкиваются не только девушки, проживающие в Российской Федерации, но и представительницы женского пола по всему миру.

Также часто можно встретить дискриминацию по возрасту. Государство на законодательном уровне определяет круг лиц, которые нуждаются в дополнительных гарантиях для содействия их занятости. К таким лицам относятся молодёжь, которая закончила общеобразовательную школу или профессиональное обучение, включая высшие учебные заведения, и впервые ищет работу, а также лица, уволенные с военной службы [5, с. 25]. Эта категория граждан нуждается в помощи при трудоустройстве из-за частых отказов в трудоустройстве по необъективным причинам. По сведениям Федеральной службы государственной статистики, с января по май 2024 года молодёжь в возрасте до 25 лет составила 16,1 % безработных в России [6]. Причиной тому является отсутствие опыта работы. Кроме того, в обществе существует стереотип о недостаточной дисциплинированности молодых людей, которая выражается в отсутствии пунктуальности и рассеянности. Однако на практике можно наблюдать, что работники до 25 лет более работоспособны, дисциплинированы и легче усваивают новую информацию.

Наряду с дискриминацией по возрасту существует дискриминация по социальному статусу, в частности, в отношении граждан, отбывавших наказание в местах лишения свободы. В первой половине 2023 года 41,1 % граждан, освободившихся из мест лишения свободы, нашли работу через службы занятости. Это составляет 3 201 человека из 7 789 освобождённых, обратившихся за помощью в трудоустройстве [7]. Как видно, более половины лиц, освободившихся из мест лишения свободы, не смогли найти работу, несмотря на обращение в службы занятости. Данная проблема существует не только в Российской Федерации, но и в некоторых других странах СНГ. Это свидетельствует о наличии серьёзных барьеров в трудоустройстве для данной категории граждан, что подчеркивает важность решения этой социальной проблемы. Причиной нарушения принципа равенства при трудоустройстве бывших заключённых является предвзятое отношение к ним в обществе. Сложилось мнение, что люди, которые ранее отбывали наказание, представляют опасность для окружающих, что не всегда соответствует действительности. С точки зрения права, человек отбыл своё наказание и в процессе искупления своей вины поменял, как своё поведение в обществе, так и мировоззренческие взгляды. Но следует понимать, что лица, совершившие преступление повторно после отбывания наказания, представляют собой скорее исключение, а не распространённое явление. Несмотря на положительную динамику в трудоустройстве лиц, освободившихся из мест лишения свободы, анализ статистики показывает, что лишь небольшая часть таких граждан находит работу. Это связано с общественным порицанием и необоснованным предубеждением в их отношении, что заставляет работодателей

отказывать им в трудоустройстве. Такое отношение создаёт дополнительные барьеры для социальной адаптации и интеграции этих людей, что требует более внимательного подхода со стороны общества и государства.

Вышеперечисленное является примером нарушения общепризнанного принципа равенства в трудовых отношениях, что является большой проблемой не только в Российской Федерации, но и в Республике Беларусь, так как такое социальное явление как «дискриминация» находит своё проявление и в контексте других личных данных человека. Граждане, подпадающие под вышеуказанные категории, не могут реализовать своё законное право на труд, поэтому в дальнейшем они не могут законным способом обеспечить себя, свою семью средствами к существованию. И по этой причине, в худшем случае, они могут быть вовлечены в уголовно-наказуемую деятельность, так как в таких сферах всегда есть спрос на новые кадры, а личные качества, возраст, пол и социальный статус не имеют никакого значения.

Также из-за нарушения принципа равенства при трудоустройстве молодых специалистов, они в дальнейшем не связывают своё будущее с профессией, которую они приобрели в учебном заведении, вследствие чего государство теряет потенциально квалифицированные кадры, а с учётом их острой нехватки, могут страдать разные сферы народного хозяйства, так как для любой отрасли необходимы специалисты, которые будут добросовестно выполнять работу не только в пределах своей профессии, но и создавать новые разработки, способствующие развитию страны и росту экономики.

Что касается отказа в приёме на работу работников женского пола, то это прямо влияет на демографические показатели, так как в условиях проблем с трудоустройством не каждая женщина чувствует безопасность и уверенность в завтрашнем дне, вследствие чего многие женщины отказываются продолжать свой род.

Чтобы найти способы обеспечения надлежащей реализации общепризнанного принципа равенства в трудовых правоотношениях, нужно понять причины существующих проблем. И, фактически, основной причиной является нежелание работодателей принимать на работу определённые категории лиц. Предпосылки к этому понятны и, по своей сути, объективны. Если рассматривать причины отказа из-за принадлежности к определённому полу, то в случае дискриминации женщин работодатель опасается того, что работник в определённый момент может уйти в дородовой отпуск и отпуск по уходу за ребёнком, что является не совсем выгодным для него. По причине того, что работник фактически не будет выполнять трудовую функцию, но работодателю необходимо будет сохранять его рабочее место, такая ситуация не будет приносить прибыль работодателю. Также уместно упомянуть что у работодателей присутствует опасение по поводу того, приступит ли к своей трудовой деятельности работник, вышедший из отпуска по уходу за ребёнком. В связи с этим встречаются ситуации, когда сотрудница, которой предстоит уйти в дородовой отпуск, а затем в отпуск по уходу за ребёнком, сталкивается с давлением со стороны работодателя, вынуждающего её написать заявление об увольнении по собственному желанию.

Также, к сожалению, существует стереотип, касающийся интеллектуальных способностей работников женского пола, который говорит о том, что большая часть квалифицированных специалистов являются представителями мужского пола. Данное мнение не имеет никакого реального подтверждения. Женщины показали своё превосходство в разных сферах деятельности и доказали, что могут быть не только такими же квалифицированными специалистами, как и мужчины, но и уровнем выше. На данный момент представительницы женского пола задействованы в различных профессиях, даже в тех, на которые ранее женщине невозможно было бы трудоустроиться.

Что касается нежелания трудоустраивать молодых людей, то в данном случае причиной нарушения принципа равенства при трудоустройстве является неопытность работника, что не выгодно работодателю, так как работнику необходимо определённое время,

чтобы освоить практическую деятельность. Поэтому работодатели часто отдают предпочтение претендентам, имеющим опыт работы по нужной специальности. Но данная тенденция мешает развитию новых направлений, потому что молодые специалисты отличаются сообразительностью и склонностью к созданию чего-то нового, они смотрят на мир иначе, нежели люди с опытом работы. Ко всему прочему, люди с опытом работы постепенно приходят к тому, что теряют стремление к развитию из-за отсутствия конкуренции.

В случае с лицами, отбывавшими наказание в местах лишения свободы, работодатели часто опасаются повторного совершения ими правонарушений. Кроме того, при приёме на работу таких граждан может возникнуть потребность в предоставлении им определённых ресурсов, необходимых для выполнения трудовых обязанностей, например, доступ к конфиденциальной информации. Это предполагает высокий уровень доверия со стороны работодателя. Однако факт судимости снижает лояльность руководителя к тем претендентам, которые отбывали наказание. И это делает дискриминацию в данной ситуации объективно обоснованной с точки зрения минимизации рисков.

Обращаясь к зарубежному правовому опыту, например, трудовому законодательству Вьетнама, следует отметить наличие там конкретных нормативных предписаний, направленных на фактическую реализацию принципа равенства в сфере применения наёмного труда. Так, законом установлено, что предприниматель обязан отдавать предпочтение женщинам, отвечающим критериям профессионального подбора на вакантное место, если на данное рабочее место претендуют как женщины, так и мужчины. Кроме того, государство устанавливает налоговые льготы для предприятий, которые нанимают большое число женщин [8, с. 245].

Считаем, что для решения проблемы реализации принципа равенства в сфере применения наёмного труда необходимо стимулировать работодателей, которые принимают на работу граждан, нуждающихся в содействии при трудоустройстве, используя дифференцированный подход. Работодатель должен иметь определённую заинтересованность в приёме на работу тех лиц, с которыми объективно связаны определённые риски.

С этой целью государство могло бы предложить некоторые меры поддержки тем работодателям, которые активно содействуют трудоустройству рассмотренных выше категорий граждан. Данные меры поддержки могут носить как материальный, так и нематериальный характер и должны быть установлены законодательно.

В качестве материальных мер стимулирования работодателей целесообразно, при наличии определённого уровня приёма на работу лиц, нуждающихся в содействии при трудоустройстве, предусмотреть: а) снижение налоговой ставки; б) уменьшение выплат в фонд социального страхования; в) предоставление льготного кредитования; г) предоставление преимуществ в получении государственных заказов, д) разовые поощрительные выплаты по нормативно определённым основаниям.

Нематериальными способами стимулирования работодателей могут выступать такие меры: а) создание социального авторитета работодателя посредством использования средств массовой информации; б) награждение грамотами общественных организаций и органов государственной власти с размещением этой информации на соответствующих сайтах; в) объявление благодарности решением органов государственной власти различного уровня с обязательным опубликованием этого решения; г) обнародование других формы признания социально-полезной деятельности работодателя.

Наличие мер государственного стимулирования позволит формировать привлекательный имидж работодателя как субъекта хозяйственной деятельности, создаст мотивацию для работодателей относительно приёма на работу тех лиц, которые в настоящее время сталкиваются с дискриминацией при трудоустройстве, что в итоге снизит уровень дискриминации в трудовых отношениях, будет способствовать укреплению социально мира, развитию экономики и благосостоянию граждан.

Кроме того, важно проводить мероприятия, направленные на привлечение работодателей к трудоустройству граждан, испытывающих трудности в поиске работы.

К таким мероприятиям можно отнести форумы, вебинары, специализированные ярмарки вакансий и другие инициативы. Службы занятости могли бы выступать посредниками, организуя мероприятия для трудоустройства граждан, нуждающихся в помощи при поиске работы и информируя работодателей о возможностях сотрудничества.

Таким образом, только комплексный подход, включающий меры государственной поддержки, образовательной деятельности и активное взаимодействие между работодателями и службами занятости, позволит снизить уровень дискриминации в трудовых отношениях и сократить безработицу среди категорий граждан, требующих поддержки в трудоустройстве.

Предложенные в данной статье правовые подходы направлены на содействие наиболее эффективной реализации общепризнанного принципа равенства в трудовом законодательстве Российской Федерации и Белоруссии, что в полной мере отвечает социально-гуманистической направленности развития наших государств.

Список использованной литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации. – М.: Издательство «Омега-Л», 2022. – 285 с.
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь. – Минск: Амалфея, 2024. – 256 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/8b36cedfef8c1b205cdbdcd85ee7a7dc250f5109/ - КонсультантПлюс. Дата доступа: 19.03.2025.
4. Гендерный баланс на рынке труда не изменился // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6396252>. Дата доступа: 19.03.2025.
5. Трудовое право: Учебник в 2-х томах. Том 2. «Особенная часть» / Лазор Л. И., Лазор В. В., Шамшина И. И.; Плахотина Н. А.; Под общей редакцией профессора Л. И. Лазора. – Луганск: Изд-во «Ноулидж», 2019. – 496 с.
6. Динамика занятости молодежи с высшим образованием в России // Первое экономическое издательство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://1economic.ru/lib/121925>. Дата доступа: 19.03.2025
7. Более 40% освобожденных из тюрем россиян нашли работу после обращения в службы занятости // ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/18917009>. Дата доступа: 19.03.2025
8. Киселев И.Я. Зарубежное трудовое право. Учебник для вузов / И.Я. Киселев. – М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1998. – 263 с.

УДК 346.9

В. В. Яковлева

*(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧНЫХ КРУИЗОВ

Статья посвящена анализу влияния речных круизов на окружающую среду, рассматривая их экологические аспекты, потенциальные риски и меры по минимизации негативного воздействия. Основная мысль работы заключается в том, что, несмотря на популярность речных круизов как формы туризма, они могут значительно влиять на экосистемы, с которыми сталкиваются, если не будут учтены экологические факторы, что обуславливает необходимость правильного правового регулирования.

В последнее десятилетие одним из приоритетных направлений в области туризма стали морские и речные круизы. В распоряжении Правительства РФ от 05.05.2018 № 872-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019 - 2025 годы)» указывается, что за последнее время наиболее успешными туристическими маршрутами, кроме маршрутов «Золотое кольцо» и круизам по реке Волге, добавились межрегиональные туристские проекты в границах федеральных округов России [10].

Таким образом, можно сделать вывод не только об активном развитии речного круиза в России, но и о большой территориальной распространенности этого вида туристической деятельности. Такой географический охват заставляет задуматься об экологических рисках такой деятельности, поскольку в день на судне может образоваться 87 метров кубических или 87 000 литров грязной воды и при частых круизах такой сброс отходов может привести к серьезному загрязнению вод.

Правовой анализ изучаемой проблемы позволяет выделить такой недостаток современного законодательства, как отсутствие легального закрепления понятия «круиз» – на протяжении развития права России дефиниция «круиз» часто фигурировала в подзаконных нормативных актах, или в актах, которые носят рекомендательный, нежели обязательный характер. Примером такого акта является ГОСТ Р 56221-2022 «Национальный стандарт Российской Федерации. Туризм и сопутствующие услуги. Речные круизы. Общие требования», принятый Росстандартом в 2022 году. На настоящий момент в этом акте дано наиболее новое понятие «круиз», это «комплексный туристский продукт, включающий перевозку пассажиров по заранее согласованному туристскому маршруту по морским и (или) внутренним водным путям на круизном судне в экскурсионно-познавательных, досугово-рекреационных, оздоровительных, профессионально-деловых, научно-познавательных, исследовательско-экспедиционных и других целях».

Также в этом ГОСТе закреплено понятие речного круиза, им является перемещение (путешествие) туриста по водной акватории, не являющейся морем (океаном), на круизном судне внутреннего или смешанного, река - море, плавания продолжительностью более 24 часов.

Поскольку ГОСТы носят больше рекомендательный, чем обязательный характер, и не являются нормативными правовыми актами, то приведенный ранее тезис об отсутствии легального понятия круиз полностью подтверждается.

Переходя к экологическим аспектам речных круизов, следует отметить, что в этой сфере очень много разрозненных нормативных правовых актов и нет единых правил по осуществлению безопасной для экологии, в первую очередь для внутренних вод и человека, круизной деятельности.

Первый нормативный акт, который регламентирует утилизацию отходов круизной деятельности это Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», в статье 22 которого указывается, что отходы производства и потребления подлежат утилизации, условия и способы которой должны быть безопасными для здоровья населения и среды обитания, а также должны осуществляться в соответствии с санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

До 2021 года приведенная статья отсылала к СанПиНу 2.5.2.703-98. «Суда внутреннего и смешанного (река-море) плавания», но на настоящее время эти санитарные правила утратили силу и больше обязательных для исполнения нормативных актов, которые бы регулировали утилизацию отходов на судне, в правовой системе России нет. В 2022 году Росстандартом был принят ГОСТ Р 56022-2014 «Национальный стандарт Российской Федерации. Внутренний водный транспорт. Система управления безопасностью судов. Требования по предотвращению загрязнения окружающей среды», где содержатся рекомендательные нормы по утилизации отходов. Он устанавливает, что на

судно либо должно иметь установку для утилизации мусора, как правило, это печи-инсинераторы, либо собирать и складировать мусор, образующийся на судне, в специальных баках-контейнерах для последующей передачи его на внесудовые водоохранные технические средства.

Также правовым актом, который регулирует утилизацию отходов, является Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», в нем даны понятия таким процессам, как обращение с отходами, утилизации отходов, обезвреживание отходов, также легально определены отходы производства и потребления.

Важным нормативным актом в области утилизации отходов с судна является Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 года, измененная Протоколом 1978 года к ней (МАРПОЛ 73/78). В ней указывается, что отходы на судне могут: храниться на протяжении всего круиза; перерабатываться; измельчаться и обеззараживаться.

На российских теплоходах отходы либо хранят на протяжении всего круиза, если он не слишком продолжительный, и потом «передают» городскую канализацию – это достаточно распространено в Санкт-Петербурге и Москве, либо измельчают и обеззараживают для дальнейшего выброса за борт. Следует отметить, что это касается только биологических отходов, которые могут интегрироваться в биосистему, остальной мусор – пластик, пищевые отходы и прочее хранится на судне до окончания круиза и после передается на утилизацию.

Затрагивая аспекты международного правового регулирования по изучаемой проблеме, следует отметить, что между странами СНГ нет заключенных договоров, регулирующих вопрос утилизации мусора на судне. При анализе национального законодательства можно выделить Закон республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 271-З «Об обращении с отходами» и сравнить его с федеральным законом России «Об отходах производства и потребления». В отличие от российского закона, в этом нормативном акте более четко регламентировано само обращение с разными видами отходов, даны понятия основным процессам утилизации отходов и по изучаемому направлению его можно признать нормативным правовым актом, который наиболее полно регламентирует деятельность по обращению с отходами.

В России же встает проблема недостаточности правовой регламентации утилизации отходов при речных круизах, а также разрозненности законодательства. В связи с этим представляется рациональной попытка кодифицировать нормы, регламентирующие изучаемую проблему. В первую очередь это позволит государству лучше координировать круизную деятельность, а также поможет выявить пробелы и проблемные места законодательства для возможности дальнейшего совершенствования утилизации отходов на судне.

Также, следует отметить, что судна в России не платят налог, если выпускают в реку переработанные отходы, что нельзя признать рациональным по причине самого наличия факта загрязнения водной среды, которая имеет собственный биоклимат, а любое внешнее вмешательство в эту экосистему может иметь последствия в долгосрочной перспективе. На наш взгляд, в этом направлении Российской Федерации необходимо брать пример с законодательства республики Беларусь, где экологический налог платят организации и индивидуальные предприниматели за сброс сточных вод. Предложенные нововведения необходимо внести в Федеральный закон «Об охране окружающей среды», в статью 16.1 «Лица, обязанные вносить плату за негативное воздействие на окружающую среду» путем изменения пункта первого этой статьи, а именно исключения части «а исключением юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих хозяйственную и (или) иную деятельность исключительно на объектах IV категории».

Увеличение числа налогоплательщиков позволит стимулировать юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые занимаются речными круизами, стремиться перерабатывать отходы производства и потребления, а также устанавливать

на судах современные системы фильтрации воды с целью сбрасывать в водную среду меньше сточных вод. Это, в свою очередь, позволит обеспечить право каждого человека на благоприятную окружающую среду.

Список использованной литературы

1. Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 года, измененная Протоколом 1978 года к ней [Электронный ресурс] // Электронных фонд правовых и нормативно-технических документов. Россия / АО «Кодекс». – Санкт-Петербург, 2025.
2. Российская Федерация. Конституция. Конституция Российской Федерации : с изм. и доп., одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года – Москва : Эксмо, 2021. – 89 с.
3. Об отходах производства и потребления [Электронный ресурс] : Фед. закон, 24 июнь 1998, №89-ФЗ : в ред. Федер. закона от 26.12.2024 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2025.
4. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения [Электронный ресурс] : Фед. закон, 30 март 1999, №52-ФЗ : в ред. Федер. закона от 26.12.2024 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2025.
5. Об обращении с отходами : Закон Респ. Беларусь от 20 июл. 2007 г. № 271-З : с изм. и доп. от 29 дек. 2023 г. № 333-З. – Минск : Народная газета, 2007.
6. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Фед. закон, 10 январ. 2002, №7 ФЗ : в ред. Федер. закона от 08.08.2024 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2025.
7. ГОСТ Р 56221-2022 «Национальный стандарт Российской Федерации. Туризм и сопутствующие услуги. Речные круизы. Общие требования» : утв. Федер. агентством по техническому регулированию и метрологии, 29.12.2022 – Москва.
8. ГОСТ Р 56022-2014 «Национальный стандарт Российской Федерации. Внутренний водный транспорт. Система управления безопасностью судов. Требования по предотвращению загрязнения окружающей среды» : утв. Федер. агентством по техническому регулированию и метрологии, 19.05.2014 – Москва.
9. Суда внутреннего и смешанного (река-море) плавания к СанПиНу 2.5.2.703-98. «Суда внутреннего и смешанного (река-море) плавания» : утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ, 30.04.1998.
10. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019 - 2025 годы)» [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ, 05 мая 2018, № 872-р // КонсультантПлюс.

УДК 347.61

М. В. Андрияшко

(Белорусский институт стратегических исследований, Республика Беларусь)

СЕМЬЯ С ДЕТЬМИ – НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИОРИТЕТ

Материалы посвящены вопросам стратегического планирования семейной и демографической политики на предстоящий период. Автор обосновывает идею фокусировки внимания на представителях поколения «Альфа» как главном резерве демографического роста при горизонте прогнозирования 2040 и семьях с детьми как национальном приоритете.

В настоящее время одним из главных бенефициаров мер государственной семейной политики являются представители молодежи, средний возраст которых 27 – 30 лет. Так, согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2023 году средний возраст матери *при рождении первенца* составлял 27,3 года, при этом *в целом* при рождении ребенка средний возраст матери в стране составлял 30,3 года [1].

В Республике Беларусь семьи, воспитывающие детей, обеспечены широким набором видов государственной поддержки: государственные пособия семьям (11 наименований), отпуска по уходу за детьми (воспользоваться которыми могут мать, отец, другие лица), отпуска по беременности и родам (предоставляется женщине), семейный капитал (при рождении третьего ребенка), стандартный налоговый вычет (если ребенок обучается в дневной форме получения образования), предоставление социальных услуг (услуги почасового ухода за детьми; услуги сиделки; услуги сопровождаемого проживания; услуги ухода за детьми-инвалидами), льготы в сферах здравоохранения, пенсионного обеспечения, таможенных, жилищных, трудовых правоотношений, и многие другие.

По состоянию на 2018 год (данные демографического ежегодника за последующие годы недоступны), женщины в возрасте *от 25 до 29 лет* родили 13 911 первых детей, 13 056 – вторых, 3 504 – третьих, 781 – четвертых, 205 – пятых, 73 – шестых детей (всего – 31 530 детей). Женщинами в возрасте *от 30 до 34 лет* рождены 6 153 первых детей, 13 427 – вторых, 5 780 – третьих, 1 413 – четвертых, 401 – пятых, 247 – шестых детей (всего – 27 421 детей) [2, с. 241].

При этом в 2018 году всего родилось 94 042 человек. Следовательно, 58 951 ребенок рожден женщинами в возрасте *от 25 до 34 лет* (62,69 процента). Это делало семейных молодых людей в возрасте от 25 до 34 лет, основными бенефициарами мер государственной семейной политики. Этот тренд сохраняется и в настоящее время.

Поколение молодежи в возрасте 27 – 30 лет, согласно теории классификации поколений, относятся к поколению «Z», родившемуся между 1997 и 2010 годами, – первому полностью цифровому поколению. Никто до них не жил в условиях формирования жизненных установок, формируемых под воздействием Интернета, мессенджеров, приложений и социальных сетей.

При этом следующее поколение «Generation Alpha» (далее – «Альфа»), родившиеся между 2013 и 2022 годами. Их жизненные установки формируются в условиях высокой зависимости от технологий. В среднем представители поколения «Альфа» сейчас в возрасте 12 лет. Через 15 лет они достигнут возраста 27 лет, в котором сейчас женщины рожают первенца. Соответственно, во-первых, горизонт прогнозирования – 2040 год, а целевая группа – не нынешнее поколение молодых зумеров, а следующее поколение молодых представителей «Альфа».

Во-вторых, следует учитывать, что предпосылок для сокращения возраста женщины при рождении ребенка в настоящее время не наблюдается. Ввиду этого прогнозируем увеличение этого возраста через 15 лет. Таким образом, представители поколения «Альфа» будут становиться родителями в более позднем возрасте.

Так, с 2008 года до 2018 года возраст женщины при рождении ребенка увеличился с 26,8 лет до 29,4 лет (при рождении первого ребенка – с 24,4 лет до 26,7 лет). Используя метод математического моделирования, можем спрогнозировать, что к 2040 году возраст женщины при рождении ребенка составит ориентировочно 34,2 года, а при рождении первого ребенка – 30,75 года (увеличение соответственно на 3,9 года и 3,45 года).

В-третьих, следует учитывать прогнозы специалистов, согласно которым, к 2040 году уровень трудового потенциала сократится на 5%, почти треть населения страны составят граждане, достигшие пенсионного возраста, в 5,8 раза увеличится количество трудонедостаточных районов с долей населения в трудоспособном возрасте менее половины [3].

С учетом отмеченных трендов, полагаем, основным адресатом мер по стабилизации популяции уже сейчас должны стать представители поколения «Альфа», а семья с детьми – национальным приоритетом – 2040.

Так, полагаем, вовлечение в государственный дискурс подростков, увлеченных спортом, культурой, искусством, наукой, медициной, ремеслами, аналитикой, технологиями, филологией, этникой, занятых предпринимательской деятельностью, в других созидательных сферах обладает определенным потенциалом по формированию поколения, которое «держится за свою землю», чувствует и видит осязаемые позитивные карьерные перспективы.

Комплексная работа по снижению численности аборт в стране, повышению численности семей с двумя и тремя детьми уже дала положительные результаты. Вместе с тем, они не являются достаточными для коренного перелома ситуации со снижением численности популяции.

Отметим, что проектом Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года предусмотрен целый ряд мер в аспекте как семейной, так и демографической политики на период с 2026 по 2030 годы и с 2031 по 2040 годы, например, таких как «создание условий для реализации репродуктивных установок семьи и равноправной ответственности обоих родителей за воспитание детей и благополучие семьи, укрепление семейных и межпоколенных отношений» [4].

Однако видятся необходимыми также меры по:

- подготовке к осознанному вступлению в брак в контексте мероприятий, предусмотренных статьями 14 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, касающихся правового, медицинского и психологического консультирования (далее – КоБС);
- мониторингу и оценке эффективности монетарной политики государства по поддержке семей с детьми;
- внедрению здоровьесберегающих технологий;
- снижению уровня смертности от внешних причин, особенно среди несовершеннолетних и трудоспособного населения;
- расширению возможностей для применения резервов трудового потенциала;
- мониторингу в молодежной среде их ожиданий от институтов брака и семьи, а также жизненных, репродуктивных, профессиональных установок и предпочтений;
- репатриации белорусов и их семей;
- поддержке и развитию семейного предпринимательства;
- развитию села и созданию комфортных условий проживания в селе;
- поддержке института семьи через усиление морально-нравственных основ поведения родителей в семье с целью воспитания подрастающего поколения в духе национальной гордости, почитания родителей и уважения окружающих.

Отдельно отметим, что усилия законодателя последних лет свидетельствуют об учете существующих трендов в семейно-правовой сфере. Например, инициированная

Белорусской нотариальной палатой норма о соглашении о детях, которое стало возможным заключать не только в суде между разводящимися супругами, но и другими родителями вне зависимости от их намерений относительно брака и в целом без учета их матримонимальных статусов посредством нотариального удостоверения (статья 76¹ КоБС). Либо норма, закрепляющая право несовершеннолетних по достижении 16 лет без согласия законных представителей быть членом кооператива, а с письменного согласия одного из законных представителей – собственником имущества юридического лица, заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, осуществлять деятельность, не относящуюся к предпринимательской деятельности (пункт второй статьи 25 Гражданского кодекса Республики Беларусь) [5]. Такие новеллы свидетельствуют об учете законодателем запросов общества и отдельных социально-демографических групп, объективной оценке правоприменения, работе по устранению коллизий и пробелов.

Вместе с этим формат и каналы освещения таких новелл не всегда ориентированы на целевую группу – представителей поколения «Альфа». Ввиду этого, широкомасштабная и результативная нормотворческая работа не достигает ожидаемого результата, большой вовлеченности подростков, молодежи. В этом видится резерв образовательной и просветительской работы по формированию системы общественных и личностных ценностей, ориентированных на семью с детьми, выстраиванию молодежью карьерных траекторий под «присмотром» семьи.

Список использованной литературы

1. День матери: статистический обзор – 2024 [Электронный ресурс] : Нац. статистич. комитет Респ. Беларусь. – Режим доступа : <https://goo.su/fTmMn>. – Дата доступа : 27.03.2025.
2. Демографический ежегодник Республики Беларусь: статистич. сб. / Нац. статистич. комитет Респ. Беларусь. – Минск : Нац. статистич. комитет Респ. Беларусь, 2019. – 429 с.
3. Директор НИЭИ Минэкономки: в новой пятилетке предстоит выстроить систему миграционных стимулов [Электронный ресурс] : БЕЛТА – Новости Беларуси, 1999 – 2025 гг. – Режим доступа : <https://goo.su/IJBD>. – Дата доступа : 31.03.2025.
4. Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года [Электронный ресурс] : М-во экономики Респ. Беларусь. – Режим доступа : <https://goo.su/zCFpAcld>. – Дата доступа : 31.03.2025.
5. Борчук, Ю. З. Обзор основных новелл Гражданского кодекса Республики Беларусь (по состоянию на 24 ноября 2023 г.) / Ю. З. Борчук, Д. М. Буга, А. Г. Демиденко, В. Н. Скачко, А. П. Третьякова, Е. В. Шаршун [Электронный ресурс] : Эталон-online. – Дата доступа : 31.03.2025.

УДК 94(470):343.337

В. М. Деревскова, О. А. Фирсова

(Иркутский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации, Российская Федерация)

ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ФАКТОВ ГЕНОЦИДА СОВЕТСКОГО НАРОДА

В материалах рассматриваются вопросы признания геноцида советского народа на современном этапе. Анализируются причины, процессы и результаты работы, проводимой в Российской Федерации и Республики Беларусь. Сравнивается опыт проведения

судебных процессов в РФ И БС и объясняются различия в подходах этих государств. В результате проведенного исследования делается вывод о необходимости и важности усилий двух государств, направленных на защиту исторической памяти о Великой Отечественной войне.

В настоящее время прокуратурой Российской Федерации и прокуратурой Республики Беларусь проводится огромная работа, связанная с установлением фактов геноцида, сохранением исторической памяти, защитой исторической правды и противодействием фальсификации истории.

В рамках реализуемого проекта «Без срока давности», посвященного сохранению исторической памяти о трагедии мирного населения СССР – жертв военных преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., Генеральной прокуратурой Российской Федерации совместно с другими правоохранительными органами принимаются меры по установлению обстоятельств вновь выявленных преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников против мирных жителей. Работа ведется в 34 субъектах Российской Федерации, где имеются сведения о ранее неизвестных местах истребления и захоронения мирного населения и советских военнопленных. Под надзором Генеральной прокуратуры Российской Федерации расследуется уголовное дело, возбужденное Следственным комитетом Российской Федерации по ст. 357 Уголовного кодекса Российской Федерации (геноцид). В одном производстве соединены уголовные дела о геноциде советских граждан на оккупированных территориях СССР. Одновременно с уголовным преследованием, в рамках гражданского судопроизводства, в том числе на основании полученных в ходе следствия доказательств, организована работа по подготовке и направлению в суды заявлений о признании юридических фактов по признанию преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками против мирного населения и военнопленных в годы Великой Отечественной войны на территории СССР, военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза [1, с. 3,4]. В настоящее время вынесено 27 судебных решений.

Заявления подаются прокурорами в порядке ч. 1 ст. 45 ГПК РФ в целях защиты интересов Российской Федерации, неопределенного круга лиц (в том, числе законных прав и интересов родственников погибших), а также с указанием на интересы конкретных лиц, ветеранов – непосредственных очевидцев событий, пострадавших и оставшихся в живых на момент рассмотрения дела. Несмотря на определенные правовые вопросы выбранный путь является действительно оригинальным и заслуживающим поддержки. Обращение в интересах неопределенного круга лиц происходит в связи с тем, что при обнаружении массовых захоронений или при наличии информации из свидетельских показаний о преступлениях против мирного населения зачастую невозможно установить ни личности потерпевших, ни найти их родственников. В соответствии с ч. 1 ст. 264 ГПК суд устанавливает факты, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций. В заявлениях прокуроров указывается на установление факта, что совершенные немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками преступления являются преступлениями против человечности и геноцидом. Это позволяет обеспечить реализацию прав граждан, предусмотренных Законом Российской Федерации «Об увековечивании памяти погибших при защите Отечества» от 14 января 1993 г. № 4292-1. Ст. 2 Закона предусматривает сохранение и благоустройство мест погребения, установку мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память погибших, установление имен погибших и пропавших без вести и другие мероприятия. Установление указанных фактов предполагает, что преступления совершены в отношении мирных граждан и военнопленных, что и упоминается в принятых судебных решениях. Однако в Законе

от 14 января 1993 г. № 4292-1 речь идет об увековечивании памяти только защитников Отечества (погибших в ходе военных действий, других боевых задач, служебных обязанностей по защите Отечества, умерших от ран или в плену при отсутствии фактов измены Родине). О мирных гражданах, погибших в результате военных преступлений, преступлений против человечества и геноцида в законе не упоминается. В связи с этим считаем необходимым внести изменения в указанный закон с целью увековечения памяти граждан, которые погибли в результате совершения указанных преступлений. В СССР, да и сейчас в Российской Федерации, не так много памятников, которые посвящены мирным жителям, которых убивали оккупанты. В СССР ярким примером такого мемориала является открытый в 1969 г. комплекс в Хатыни Белорусской ССР, в Российской Федерации после проведения процессов по установлению фактов геноцида советского народа был открыт в 2024 г. мемориал в Гатчинском районе Ленинградской области, где у подножия 47-метровой стелы расположены 150 барельефов реальных людей. Кроме того, установление указанного факта впоследствии позволяет лицам, в отношении которых совершались эти преступления, и они остались в живых, возможность требовать получения выплат от тех государств чьи воинские формирования участвовали в совершении этих преступлений. За международные иски и за подобные обращения граждан отвечают государственные органы – МИД Российской Федерации, Министерство юстиции и Генеральная прокуратура.

С нашей точки зрения справедливо указывается в исковых заявлениях то, что, установление факта геноцида народов Советского Союза является необходимым в целях защиты национальных интересов Российской Федерации и направлены на противодействие фальсификации истории, реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников. Не отрицая фактов совершения преступлений немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками и считая доказанными эти факты приговорами военных трибуналов СССР и Нюрнбергским трибуналом, некоторые авторы указывают, что доказывание фактов, имеющих юридическое значение в соответствии с упомянутой ч. 1 ст. 264 ГПК РФ возможно только в интересах граждан и организаций, а не государства, поскольку перечень заинтересованных лиц в законе является закрытым [9]. Вместе с тем, обязанность государственных органов по сохранению памяти защитников Родины, заботе об участниках, ветеранах и жертвах войны, недопущения проявлений фашизма непосредственно закрепляется в Федеральном законе «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ.

Эти же авторы подчеркивают, что не может быть установления факта преступления в порядке особого производства [2, 3, с. 34–36]. В ст. 265 ГПК РФ условием подачи заявления является невозможность получения соответствующих документов в ином порядке. Они считают, что имеющиеся архивные материалы, материалы современных уголовных дел, научные публикации являются достаточными основаниями для реализации прав и исполнения обязанностей по увековечиванию памяти жертв оккупантов. Однако речь идет не только о захоронениях, но и возможности установления соответствующих, установленных законодательством, статусов для погибших лиц и их родственников, и очевидцев событий – живых лиц и их обращения для получения выплат, в том числе, к иностранным государствам.

Признание геноцида именно в рамках гражданского судопроизводства обосновывается прокуратурой и тем, что по расследуемому Следственным комитетом РФ уголовному делу о преступлениях немецко-фашистских захватчиков затруднительно принятие окончательного процессуального решения. Это связано с объемом следственных действий характер (только в решение Солецкого районного суда Новгородской области от 27 октября 2020 г. указывается о проведении 519 судебно-медицинских экспертиз) [4], давностью происшедших событий, утратой документов, смерти свидетелей и невозможности розыска иных участников, а также установления лиц, подлежащего привлечению

в качестве обвиняемого или, если и может такое лицо быть установлено, то скорее всего его уже нет в живых. В этом случае уголовное дело либо прекращается в связи со смертью обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) или приостанавливается в связи с не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). Таким образом, создается ситуация, при которой в уголовно-процессуальном порядке не представляется возможным установить факт совершения геноцида, а также вынести приговор, который ляжет в основу восстановления справедливости для указанного круга граждан.

Решения судов могут являться юридическим основанием для защиты интересов граждан. Так в 2008 г. решением правительства Германии и Комиссии по предъявлению еврейских материальных исков к Германии, в соответствии с которым евреи, пережившие блокаду Ленинграда, были приравнены к жертвам геноцида (холокоста) [13, с. 476]. 20 октября 2022 г. Санкт-Петербургский городской суд в открытом процессе признал геноцидом блокаду Ленинграда оккупационными властями, войсками Германии и их пособниками национальных и этнических групп, представлявших собой население СССР, народов Советского Союза. 18 марта 2024 г. Россия потребовала от германской стороны официального признания этого факта и в ноте МИД подчеркивалось, что российская сторона много лет требует от германской стороны распространить гуманитарные выплаты, осуществляемые ею исключительно в адрес блокадников еврейской национальности, на всех ныне здравствующих блокадников [5].

Необходимо отметить, что депутаты Государственной Думы Российской Федерации на пленарном заседании в первом чтении в декабре 2024 г. приняли законопроект об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, которым, в частности, предлагается закрепить в законодательстве понятие геноцида советского народа и под советским народом подразумевается совокупность национальных, этнических и расовых группы [6].

Таким образом, принятые решения судов не только устанавливают юридические факты, но и становятся, что особенно важно для наших дней, историческим документом.

Значительные усилия по вопросам защиты исторической памяти и установления фактов геноцида предпринимаются в Республике Беларусь. Так же, как и в России ведется кропотливая работа по доказыванию того, что обнаруживаемые факты уничтожения населения немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками являются фактами геноцида. В апреле 2021 г. на основании наличия сведений о гибели миллионов людей, выявленных десятков мест ранее не известных захоронений, а по последним данным 9200 тысяч деревень были ограблены, разрушены и сожжены, более 5 тысяч из них вместе с населением, на территории бывшей Белорусской Советской Социалистической Республики в годы Второй мировой войны, было возбуждено уголовное дело. Именно поэтому, учитывая нормы белорусского законодательства, преследуется и цель установления личностей преступников – предателей, палачей и карателей. Основой такой деятельности является принятый «в целях сохранения исторической памяти, укрепления национальной безопасности, противодействия фальсификации событий и итогов Второй мировой войны» 5 января 2022 г. №146-З Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа». Следует отметить, что в данном нормативном акте понятие «геноцид» носит гораздо более широкий характер, и отличается от норм упомянутых выше Конвенций и российского законодательства уже в силу применения термина «белорусский народ», понимая под этим в ст. 1 «советских граждан, проживавших на территории БССР в годы Великой Отечественной войны и (или) послевоенный период». Можем сделать вывод, что данным актом в перечень признаков, по которым международные акты определяют геноцид, помимо расовых, этнических, национально-культурных вносят еще и территориальный, т.е. по месту проживания. Считаем возможным задействовать такой опыт в Российской Федерации. Многочисленные эксперты, которые выступали в российских

судах доказывали, что существовали планы не просто завоевания территории, а жизненного пространства и намерения нацистской Германии отделаться от местного населения Советского Союза путем его изгнания и истребления, для того чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами. Речь идет о национальных и этнических группах, представлявших население СССР, народов СССР, в том числе славянских народов. Однако, кроме этого достоверно установлено, что ряд документов немецкого командования, например, в том числе, «план Бакке» – «план голода», подразумевавший обеспечение продовольствием населения и армии Германии именно за счет оккупированных территорий СССР и гибель от голода 20–30 миллионов человек, директива № 21 плана «Барбаросса» о захвате Ленинграда и уничтожении всех его жителей [8] предусматривал действия, целью которых был захват территорий и порабощение населения других стран именно по признаку территориальности.

Дела «о геноциде белорусского народа» в Республике Беларусь в отличие от РФ рассматриваются в уголовном процессе в отношении конкретных лиц, с индивидуализацией ответственности, применительно к их участию в реализации планов по уничтожению населения и в том числе в отношении лиц, которые уже умерли. Согласно изучаемым материалам, которые в том числе получены в ходе обмена с Российской стороной, не все непосредственные исполнители данных преступлений и их пособники были установлены и осуждены. Так Верховный суд Беларуси от 6 февраля 2025 г. начал рассмотрение очередного третьего уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы ВОВ – в отношении Семёна Серафимовича, который являлся одним из пособников нацистских преступников. Под его руководством на территории Мирского района было уничтожено не менее 3736 человек мирного населения. Каратель умер 7 августа 1997 г. в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии. Ранее в совершении геноцида признаны виновными Владимир Катрюк и Константин Смовский. В отношении них Верховным судом вынесены обвинительные приговоры без назначения наказания.

В настоящее время причины и итоги Второй мировой войны превращены на Западе из объекта историко-мемориальных исследований в инструмент геополитического противостояния с Россией и Белоруссией. Необходимо устанавливать и напоминать о преступлениях нацистов, их союзников и пособников. Сегодня это является важным не только с точки зрения исторической памяти нашего народа, но и с точки зрения исторической правды, когда благодаря судебным решениям мы можем доказательно говорить о целенаправленном уничтожении советского народа, настаивать на сохранении исторической памяти и защите истории Великой Отечественной войны от искажений и фальсификаций, а также спустя 80 лет требовать юридической ответственности от государств-агрессоров и их преемников.

Список использованной литературы

1. О работе органов прокуратуры Российской Федерации по подготовке, организации и участию в судебных процессах о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных против мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории СССР: сборник документов. – Москва, 2025. – Том 1. – 55 с.

2. Чеченин, А. С. Преступления фашистов признаны в гражданском судопроизводстве. Что не так? / А. С. Чеченин [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/8/prestupleniya_fashistov_priznany_v_grazhdanskom_sudoproizvodstve_chno_ne_tak (дата обращения 12.04.2025).

3. Литвинова, Т. А. Обращение прокурора в суд об установлении факта геноцида как факта, имеющего юридическое значение: процессуальные вопросы / Т. А. Литвинова // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2022. – № 3. – С. 32–37.

4. Солецкий районный суд Новгородской области [Электронный ресурс]. – URL: http://solecky.nvg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1488 (дата обращения 12.04.2025).

5. РИА Новости [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20240318/genotsid-1934056479.html> (дата обращения 12.04.2025).

6. Система обеспеченности законодательной деятельности: Федеральная государственная информационная система [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/650430-8>.

7. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – URL: <https://prokuratura.gov.by/> (дата обращения 12.04.2025).

8. Дяденко, М.Ю. Блокада Ленинграда в 1941–1944 гг. как геноцид: уголовно-правовая характеристика преступного деяния / М.Ю. Дяденко // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2018. – № 4. – С. 133–150.

УДК 343.1

А. А. Коробова

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

ПРОБЛЕМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВОСУДИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В материалах приводится исследование проблем вовлечения общественности в оказание помощи советскому уголовному правосудию в форме общественного обвинения и общественной защиты. Впервые комплексно проанализированы причины, повлекшие исчезновение институтов общественных обвинителей и общественных защитников из уголовно-процессуального законодательства бывших союзных республик. Автор анализирует проблемы правовой культуры советского общества, отсутствие нормативных и организационных предпосылок, обеспечивающих надлежащее участие представителей общественности в уголовном правосудии.

После распада СССР в 1991 году и принятия бывшими союзными Республиками своего уголовно-процессуального законодательства, практически ни один уголовно-процессуальный кодекс ни одной бывшей союзной республики не содержал и не содержит положений об общественных обвинителях и общественных защитниках, а также об исполнении представителями общественности функций обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве.

Мы разделяем мнение тех исследователей, которые считают, что в силу бюрократизма и принуждения, а также административных методов управления участие общественных обвинителей защитников в процессе стало иметь больше идеологическое, чем юридическое значение. Поэтому в последние годы действия УПК РСФСР 1960 года и соответствующих УПК других союзных республик привлечение представителей общественности к исполнению уголовно-процессуальных функций обвинения и защиты от имени общества практически полностью прекратилось [1, с. 110].

В приговорах, несмотря на значимость общественного мнения, суды редко давали оценку мнению общественного представителя по делу. Результаты специального исследования, проведенного Э. Н. Леваковой, показали, что суды давали такую оценку лишь примерно

в каждом десятом деле, рассмотренном с участием общественного обвинителя, и в каждом втором деле, рассмотренном с участием общественного защитника [2, с. 76], что, в свою очередь, могло повлиять на инициативу общественности выразить свое мнение суду.

Кроме того, на позицию общественного мнения, которая не совпадала с мнением суда, суды иногда реагировали вынесением частных определений в адрес коллективов, выдвигавших общественных обвинителей и защитников, где давалась оценка позиции представителей общественности. Хотя такая практика, на наш взгляд, не основывалась на законе, тем не менее, подобные обстоятельства могли повлиять на последующую пассивность представителей общественности из-за боязни выразить мнение, поддерживаемое большинством общественности по настоящему делу [2, с. 76].

Важным фактором, оказывавшим влияние на успешность общественного обвинения и защиты, было отношение судей и прокуроров к применению данного уголовно-процессуального института на практике. Но общественным обвинителям и защитникам зачастую не оказывалась необходимая помощь для успешного осуществления ими своих функций в процессе: с ними не проводились собеседования, не разъяснялись цели их участия в уголовных процессах, не предоставлялась возможность досудебного ознакомления с материалами уголовного дела, не оказывалась методическая помощь при подготовке к участию в деле, к выступлениям в судебных прениях которые зачастую были достаточно примитивными [3, с. 129].

Одним из необходимых условий участия общественности в правосудии В. И. Ленин считал высокий уровень правовой культуры населения. Одной из частей правовой культуры следует считать владение элементарными правовыми знаниями и правовыми функциями. Только при наличии этих знаний и навыков могло иметь место эффективное участие общественности в правотворческой и правоохранительной деятельности. Но исследования советских ученых показывают, что этому вопросу не уделялось должного внимания при выдвижении общественных обвинителей и общественных защитников. Удалось выделить лишь единичные случаи ознакомления представителей общественности с материалами дела. Более половины представителей общественности фактически не принимали участия в судебном процессе, за исключением стадии судебных прений и не использовали предоставленные им уголовно-процессуальным кодексом полномочия в полной мере. Это могло быть вызвано, в том числе, отсутствием необходимых юридических познаний и навыков у представителей общественности. На эту же причину указывали и судьи. Но стоит отметить, что в период с 1970 по 1976 гг. наблюдалась тенденция к снижению пассивности общественных обвинителей и защитников в судебных заседаниях [3, с. 56, 87].

После восстановления институтов общественного обвинения и общественной защиты в уголовно-процессуальном законодательстве союзных республик привлечение представителей общественности стало происходить стихийно. Эту работу никто не организовывал и не возглавлял. Только в случае упоминания кем-либо из потенциальных инициаторов возможности участия представителя общественности могло состояться выдвижение кандидатуры представителя. А системной плановой работы по привлечению представителей общественности к участию в уголовном правосудии не проводилось, что, по нашему мнению, с учетом исторического прошлого советских стран, также влекло за собой отсутствие инициативы со стороны общественности [3, с. 58].

В литературе отмечалось, что после выхода в свет в начале 1960-х гг. нового уголовно-процессуального законодательства участие общественности в советском уголовном процессе воспринималось некоторыми практическими работниками как очередная кампания, в результате чего руководство стало задумываться не о должной организации и инициировании программ общественной инициативы, а об отчетности, что привело к формализму. Началось принудительное выдвижение представителей общественности в ущерб качеству их выступлений и гонке за показателями. Такая ситуация впоследствии вызвала

недоверие к общественным обвинителям и защитникам со стороны представителей юстиции, и сформировалось мнение о бесполезности этой формы общественного участия, что снизило количество и качество общественного обвинения и общественной защиты [3, с. 59].

Стоит отметить, что в социалистических европейских странах, где уголовно-процессуальное законодательство предусматривало участие представителей общественности, привлечение общественности к участию в уголовно-процессуальных действиях находилось на достаточно высоком уровне. Если в СССР среднее количество дел с участием государственных обвинителей и государственных защитников достигало в лучшие годы максимума в 22 % в 1965 году, а средний уровень общественного участия составлял примерно 10 % от всех рассмотренных уголовных дел, то в ГДР, например, представители общественности участвовали в 78 % рассмотренных судами дел [3, с. 59].

Следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство союзных республик довольно слабо регламентировало участие общественных обвинителей и защитников в судебном процессе. Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик практически не содержали надлежащих процессуальных гарантий осуществления общественными обвинителями и защитниками своих прав, представители судебной власти не всегда разъясняли представителям общественности их полномочия. Социальные гарантии также не устанавливались, невозможно было четко определить объем и содержание прав и обязанностей общественного обвинителя и защитника, что влекло за собой их вольное толкование. Таким образом, возникла необходимость совершенствования нормативных предпосылок участия представителей общественности, однако этот вопрос, несмотря на многочисленные предложения советских процессуалистов, не был решен.

Таким образом, можно отметить, что в СССР практически не были созданы следующие предпосылки для участия представителей общественности в советском уголовном процессе: идеологические (правосознание граждан), образовательные (практический опыт и знание советского правосудия), организационные. Кроме того, нормативные предпосылки также не обеспечивали надлежащего регулирования участия общественных обвинителей и защитников в судебном процессе, что повлекло за собой исчезновение данного института из уголовного процесса постсоветских республик.

Список использованной литературы

1. Петрова, Н. Е. Частное и субсидиарное обвинение / Н. Е. Петрова. – Самара : Самарский университет, 2004. – 213 с.
2. Левакова, Э. Н. Общественное обвинение и защита / Э. Н. Левакова. — М.: Юрид. лит., 1976. – 80 с.
3. Якимов, П. П. Правосудие и общественность / П. П. Якимов. – Свердловск : Среднеуральское книжное издательство, 1977. – 166 с.

УДК 340.1

И. А. Кузьмин

*(Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Российская Федерация)*

ПОДХОДЫ К КОНСТРУИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ ПРАВОВЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

В материалах рассматриваются особенности нормативных систем правовых наказаний в Российской Федерации и Республике Беларусь. С общетеоретических правовых

позиций проанализировано содержание подсистем уголовных и административных наказаний в рассматриваемых странах. Охарактеризовано взаимодействие наказаний в уголовном и административном праве Российской Федерации и Республике Беларусь. Сформулированы отдельные предложения по оптимизации процесса конструирования системы правовых наказаний на основе актуального состояния правового регулирования в соответствующей сфере.

Конструирование системы правовых наказаний – важная часть правотворческой деятельности любого государства современного мира. Стремление выстроить общую систему наказаний, состоящую из отраслевых подсистем, находит свое выражение в правовой политике, но не всегда становится результатом выверенных политических решений, что негативно влияет на правоприменительную практику и, как следствие, общественную жизнь. Отметим, что ранее, опираясь на доктринальные и нормативные позиции, сформулированные в Российской Федерации и Республике Беларусь, мы уже высказывались о необходимости широкой трактовки правового наказания (далее – наказания) как универсальной общетеоретической категории, относящейся ко всем видам юридической ответственности и формам правоохранительной деятельности [1, с. 377].

Действующее состояние системы правовых наказаний в Российской Федерации и Республике Беларусь определяется качеством нормативного правового регулирования в данной сфере. Общий анализ затрагиваемых законодательных положений показывает в целом неравномерный уровень правового развития и различие в подходах к совершенствованию норм о наказаниях [2, с. 330–333]. Вместе с тем, фиксируются и иные проблемы систем наказаний, носящие концептуальный характер, которые требуют теоретического обоснования, осмысления и разрешения.

Тезис о необходимости достижения высокой эффективности мер государственного принуждения, включая и меры юридической ответственности, которые выражены в правовых наказаниях, нуждается в дополнительной конкретизации. Мы полагаем справедливой точку зрения Т. В. Филипчик о том, что эффективность норм права имеет не только собственно-юридический (узкий) смысл, но и социальный (широкий) смысл. Социальная эффективность непосредственно связана с социальной ценностью норм права, которая, в свою очередь, показывает способность нормативных правовых предписаний правильно отражать объективные общественные интересы и содействовать их обеспечению [3, с. 4–5].

Е. Г. Стабровский обоснованно заметил, что достижение целей законодателя при возложении наказаний на правонарушителей возможно лишь при достижении изменений в правовом сознании лица, на которое индивидуализировано и с учетом личностных характеристик воздействуют меры юридической ответственности [4, с. 8–9].

Мы соглашались с обозначенными позициями и полагаем необходимым дополнить, что в основе конструирования системы наказаний должен лежать принцип, предполагающий «разумное сочетание стремлений к правопорядку и безопасности» [5, с. 168], в котором правопорядок характеризует юридическую цель рассматриваемой системы, а состояние безопасности – общесоциальную цель. При этом, мы подтверждаем убежденность, что правовое наказание как мера юридической ответственности, выраженная в соответствующих лишениях, не имеет отраслевой привязки, является общеправовой.

Ввиду отсутствия единой правовой (общеправовой) политики следует по рассматриваемому направлению, необходимо обратить внимание на отдельные особенности законодательного регулирования конструирования системы правовых наказаний в Российской Федерации и Республике Беларусь в наших странах.

Во-первых, в Российской Федерации термин «наказание» используется применительно к мерам уголовной и административно-правовой ответственности, а в Республике Беларусь – только к мерам уголовной ответственности. Вместе с тем, в решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 25 мая 2016 г. № Р-1034/2016 была изложена позиция

об отнесении к числу наказаний меры административно-правовой ответственности в виде приостановления деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 04 июля 2022 г. № 27-П к мере в виде обращения в доход государства имущества, в отношении которого лицом, замещающим государственную должность, не предоставлены сведения, подтверждающие его законное приобретение, применены правила для наказаний, ограничивающих право собственности (имущественная ответственность). В отличие от положений административного законодательства Российской Федерации согласно Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06 января 2021 г. № 91-З (далее – КоАП РБ) предупреждение, как и устное замечание, являются профилактическими мерами воздействия, поскольку не содержат каких-либо правоограничений или лишений для правонарушителя. Устное замечание (ст. 5.2. КоАП РБ) ограничивается разъяснением вредности и недопустимости противоправного поведения, а предупреждение (ст. 5.3. КоАП РБ) состоит в письменном предостережении лица о недопустимости противоправного поведения и возможных последствиях. В Указе Президента Республики Беларусь от 26 июня 2001 г. № 355 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Республики Беларусь» последствия нарушения воинской дисциплины были обозначены как наказания. Следует заметить, что в Трудовом кодексе Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ст. 4) и в Трудовом кодексе Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З (ст. 13) термины «средство наказания» и «мера наказания» были применены в отношении характеристик принудительного труда. И.В. Дворянсков уточняет, что наказание относится к важнейшим и необходимым средствам противодействия правонарушениям, а эффективность наказаний неразрывно связано с понятием цели наказания. Положительный социальный эффект от наказания моделируется с учетом двух показателей: а) ожидания общества от наказаний; б) реальные возможности наказания [6, с. 26].

Во-вторых, взаимодействие отраслевых систем (подсистем) наказаний между собой учитывается законодателем преимущественно в контексте уголовного и административного, фрагментарно – трудового права. Анализ норм показал, что факт возложения административного наказания может быть основанием для отмены условного осуждения, условно-досрочного осуждения, или отсрочки исполнения наказания и реального исполнения назначенного уголовного наказания (ч. 3 ст. 74, ч. 7 ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ), ч. 6 ст. 77, ч. 5 ст. 119 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 09 июля 1999 г. № 275-З (далее – УК РБ)). УК РБ даже предусмотрено особое основание для освобождения от уголовной ответственности, связанное с привлечением лица к административной ответственности (ст. 86). В значительной части составов преступлений факт привлечения к административной ответственности является квалифицирующим признаком (например, ст. 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», ст. 158.1 УК РФ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию», ст. 177.1, 198.1, 201 УК РБ, и мн. др.). В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) целый ряд составов административных правонарушений содержит квалифицирующий признак «если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния» (например, ст. 5.22, 5.46, 5.63, 6.21, 7.32.6 КоАП РФ и др.). Дополнительно в ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ и ч. 2 ст. 4.6 КоАП РБ определено, что возложение административного наказания на юридическое лицо не освобождает от ответственности физическое лицо, равно как и возложение на физическое лицо уголовного и административного наказания не освобождает от административного наказания юридическое лицо. Согласно ч. 4 ст. 2.2 КоАП РБ административные правонарушения, повторное совершение которых влечет уголовное наказание, относятся к категории грубых. При этом уголовное и административное законодательство Республики Беларусь содержит сравнительно большее количество

отсылочных норм, связывающих между собой уголовные и административные наказания. Так, согласно ч. 4 ст. 11 УК РБ малозначительное деяние, формально содержащее признаки преступления в установленных законом случаях может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания. Специальная норма в ст. 32 УК РБ содержит указание на то, что наказание за преступления, которые не представляют большой общественной опасности, наступает если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение в случаях, установленных Особенной частью кодекса. Положения ч. 4 ст. 80 УК РБ предусматривают установление превентивного надзора за лицом, ранее судимым за совершение тяжкого (особо тяжкого) преступления или судимого два или более раза с возложением наказания в виде лишения свободы, если в пределах срока судимости это лицо более двух раз в течение года привлекалось к административной ответственности. А.В. Звонов правильно заметил, что отраслевые системы наказаний не могут быть абсолютно самостоятельными, так как находятся под влиянием перманентных корреляций, образуя более сложные системы (систему наказаний). Диспропорции и несогласованности систем уголовных и административных наказаний являются в данном плане более показательными, способствуя расшатыванию всей системы права [7, с. 109–112].

В-третьих, подходы к конструированию системы правовых наказаний в Российской Федерации и Республике Беларусь осуществляются в целом на рациональной основе по принципу реакций на текущие вызовы, риски и угрозы общественной безопасности. Тем не менее, единых политико-правовых (программных) документов, относящихся непосредственно к системе наказаний и ее совершенствованию в наших странах не принято. Наиболее близкими по предмету регулирования актами являются Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденные Президентом Российской Федерации от 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 (далее – Основы правовой политики РФ) и Концепция правовой политики Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь 28 июня 2023 г. № 196 (далее – Концепция правовой политики РБ). В Основях правовой политики РФ установлено, что к условиям правового нигилизма относится недостаточность институциональных механизмов, которые гарантируют «безусловное исполнение требований закона, неотвратимость, соразмерность и справедливость санкций за их нарушение» (п. 11). Одним из факторов формирования правовой культуры и позитивного типа правосознания названа «эффективная, профессиональная и законная деятельность правоохранительных и иных уполномоченных органов по выявлению и пресечению преступлений и других нарушений закона, обеспечение неотвратимости соразмерного и справедливого наказания за нарушение закона» (пп. 7 п. 12). Согласно Концепции правовой политики РБ положительной тенденцией национальной правовой системы признано наличие широкого спектра возможностей для индивидуализации наказания (п. 26.1). В рамках уголовно-правовой политики поставлены задачи по обеспечению сбалансированности норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса, положений о преступлениях и наказаниях (п. 43.1) и расширению на практике применения наказаний, альтернативных лишению свободы (п. 43.3). Обозначена связь между социальной справедливостью и возлагаемыми наказаниями за совершение правонарушений (п. 12), минимизация избыточных мер уголовной и административной ответственности (п. 26.2). Реализация правовой политики правоохранительными органами рассматривается, в том числе в контексте, оперативного выявления нарушений и привлечения виновных к ответственности (п. 35). Не отрицая важности перечисленных положений, полагаем перспективным принятие на уровне глав государств документов с условным названием «Основы правовой политики в сфере развития системы наказаний», а также потенциально возможным и полезным – принятие законов об общих принципах организации и функционирования системы публично-правовых наказаний для разрешения названных проблем.

Таким образом, мы приходим к выводу, что сложившиеся в Российской Федерации и Республике Беларусь подходы к конструированию системы правовых наказаний подлежат более широкому общетеоретическому и отраслевому исследованию, по результатам которого следует выработать политико-правовые, программные, стратегические и нормативно-правовые акты для повышения качества законодательного регулирования и эффективности в рассматриваемой сфере. Дальнейшее игнорирование вопросов комплексной и предметной систематизации наказательной политики создает экзистенциальные угрозы для национальной безопасности Союзного государства.

Список использованной литературы

1. Кузьмин, И. А. Подходы к осмыслению феномена «наказание» в правоохранительной деятельности (по материалам Российской Федерации и Республики Беларусь) / И. А. Кузьмин // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. Вып. 3 / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2023. – С. 371–378.
2. Кушнир, И. В. Дублирование наказания как форма проявления дисбаланса в системе юридической ответственности / И. В. Кушнир // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2021. – № 1-2. – С. 329–334.
3. Филипчик, Т.В. Общетеоретические проблемы эффективности норм права : автореферат диссертации... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Т. В. Филипчик. – Минск, 2018. – 26 с.
4. Стабровский, Е. И. Теоретико-правовые основы формирования правового сознания личности в процессе реализации юридической ответственности (антропологический аспект) : автореферат диссертации... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Е. И. Стабровский. – Минск, 2022. – 26 с.
5. Кузьмин, И. А. Проблемы и перспективы трансформации системы правовых наказаний в свете современных вызовов и угроз / И. А. Кузьмин // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : матер. XIII Межд. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 27 сентября 2024 г.) : в 2 томах / отв. ред. С. И. Сулова. – Т. 1. – Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2024. – С. 167–172.
6. Дворянсков, И. В. Модель системы целей наказания: от презюмирования к рациональному конструированию / И. В. Дворянсков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2023. – № 9. – С. 24–31.
7. Звонов, А. В. К вопросу о корреляции системы уголовных наказаний с системой административных наказаний / А. В. Звонов // Вестник Кузбасского института. – 2024. – № 1. – С. 26–38.

УДК 34.023

Д. А. Лагун

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕПРАВОВОЙ ДИФИНИЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

В материалах рассматривается трансформация отраслевого статуса юридического лица в общеправовой, приводится авторское определение юридического лица как общеправового субъекта права.

Категория «юридическое лицо» как субъект права широко используется юридической наукой на современном этапе. Хотя ее генезис связан с теорией гражданского права, и трудно переоценить тот вклад, который внесла наука гражданского права в разработку понятия и принципов юридического лица, тем не менее эта категория преодолела отраслевой характер и стала рассматриваться в качестве общеправового понятия. Юридическое лицо становится универсальным субъектом права, участвующим в конституционных, административных, трудовых, финансовых и других отраслевых правоотношениях.

Так, статус юридического лица предоставляется Секретариату Палаты представителей и Секретариату Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь (ч.3 ст.96 Закона Республики Беларусь от 8 июля 2008 г. № 370-З «О Национальном собрании Республики Беларусь» [7]), Администрации Президента Республики Беларусь (п.3 Положения об Администрации Президента Республики Беларусь, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 13.02.2017 № 40 [10]), Конституционному Суду Республики Беларусь (ч.5 ст.5 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139-З [4]), Верховному Суду Республики Беларусь (ч.5 ст.5 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139-З [4]), Аппарату Совета Министров Республики Беларусь (ч.3 ст.39 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 424-З «О Совете Министров Республики Беларусь» [9]), министерствам (например, Минздраву – согласно п.14 Положения о Министерстве здравоохранения Республики Беларусь, утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 октября 2011 г. № 1446 «О вопросах Министерства здравоохранения Республики Беларусь» [6]), налоговым органам (например, инспекции Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь по Минской области – согласно п.1 Положения об инспекции Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь по Минской области, утв. приказом Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь от 31.08.2017 № 77 (в редакции приказа от 15.11.2021 № 116) [11]), нанимателям (ст.1 Трудового кодекса Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З [12]), политическим партиям (ч.3 ст.1 Закона Республики Беларусь от 5 октября 1994 г. № 3266-ХІІ «О политических партиях» [8]) и многим другим субъектам в различных отраслях права.

В связи с этим возникает потребность переосмысления актуальных вопросов теории юридического лица, разработанных доктриной гражданского права. В первую очередь, это касается самого определения данного понятия.

Следует отметить, что легальное определение юридического лица сформулировано в ст.44 Гражданского кодекса Республики Беларусь [3]. Под юридическим лицом принято понимать организацию, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество, несет самостоятельную ответственность по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, прошедшая в установленном порядке государственную регистрацию в качестве юридического лица либо признанная таковым законодательным актом.

Отвечая потребностям гражданско-правовой науки, данное определение не способно удовлетворить запросы всей юридической науки. Это связано, в том числе, с такой общетеоретической проблемой, как действие нормативного правового акта по кругу общественных отношений (предмету правового регулирования). Согласно п.4 ст.1 Гражданского кодекса Республики Беларусь [3] к имущественным отношениям, основанным на установленном законодательством административном подчинении одной стороны другой, включая налоговые и бюджетные отношения, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством. Следовательно, и определение юридического лица, закрепленное в Гражданском кодексе, недопустимо безоговорочно переносить в данные сферы и использовать его, не попадая в ловушку пределов правового регулирования гражданского законодательства.

Таким образом, возникает реальная потребность в формулировании общеправового определения юридического лица. Полагаем, что отказываться от доктринальных разработок науки гражданского права по данному вопросу неоправданно.

Общее определение юридического лица должно вытекать из легального определения, отраженного в Гражданском кодексе, но с учетом целей и задач правового регулирования, стоящих перед другими отраслями права. Его можно сформулировать следующим образом: юридическое лицо – это зарегистрированная в установленном порядке организация, от своего имени приобретающая и осуществляющая субъективные права, исполняющая юридические обязанности, несущая самостоятельную юридическую ответственность, обладающая обособленным имуществом и способная выступать в качестве участника судопроизводства.

Предложенное определение, сохраняя преемственность с наукой гражданского права, подчеркивает самостоятельную материальную и процессуальную правосубъектность юридического лица в правоотношениях любой отрасли права.

Вторым вопросом, подлежащим анализу при смене статуса категории «юридическое лицо» с отраслевого на общеправовой, становится вопрос сущности данного явления.

Доктрина гражданского права предлагает несколько основных концепций по данной проблематике, основными из которых можно признать теорию фикции юридического лица и теорию реальности юридического лица [2].

Полагаем, что применительно к другим отраслям права нет необходимости вновь дискутировать по данному поводу. Достаточно реализовать, с учетом отраслевой специфики, итог научной полемики, достигнутый в гражданском праве: теория фикции юридического лица не может быть признана состоятельной, поскольку не позволяет достичь заявленных целей правового регулирования [1, с. 145]. Юридическое лицо следует рассматривать в качестве реального субъекта права и реального субъекта правоотношений.

Дополнительным аргументом в пользу данного вывода является анализ правовой природы других коллективных субъектов права в различных отраслях права. Если признавать юридическое лицо фикцией, то аналогичным образом при восхождении на общеправовой уровень фикцией необходимо признавать и другие коллективные субъекты (организации), и в первую очередь, государство и народ. Однако в теории права, в отличие от теории гражданского права, отсутствует сколь-либо аргументированная дискуссия относительно фиктивности или реальности коллективных субъектов (государство, народ, нация, семья и т.д.). Речи о теории фикции применительно к данным субъектам не идет. Международное право также рассматривает коллективных субъектов права в качестве реально действующих (например, согласно ст.1 Устава ООН [13] одной из основных целей действующего мироустройства признается развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов).

Завершающим, на наш взгляд, аргументом в пользу теории реальности коллективных субъектов (организаций) выступает общенаучная методология, которой пользуется и юридическая наука. Так, метод системного анализа исходит из того, что явление можно рассматривать как систему, в которой нет тождества между самой системой (юридическое лицо) и простой совокупностью элементов, ее составляющих (физические лица, входящие в юридическое лицо и его представляющие). Математическая сумма элементов не становится новым явлением (системой). Система всегда обладает уникальными признаками, которых нет у элементов системы по отдельности.

На основании изложенного можно сделать вывод, что юридическое лицо как коллективный субъект (наравне с государством, народом, нацией, семьей и др.) выступает реальным, независимым субъектом права и правоотношений. Юридическое лицо обладает самостоятельной правосубъектностью в различных отраслях права.

Трансформация правовой категории «юридическое лицо» из отраслевого статуса в общеправовой не может быть завершена через фрагментарные изменения отраслевого

законодательства. Такая работа требует доктринального, комплексного подхода по адаптации новой общеправовой категории в отраслевых науках, ее органичного вплетения в правовую ткань отраслевого знания.

Список использованной литературы

1. Сабирова, Л. Л. Теоретические и правовые основы юридических лиц в российском и зарубежном праве / Л. Л. Сабирова // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 2. – С.142-145.
2. Сабирова, Л. Л. Учения о юридических лицах в дореволюционном отечественном гражданском праве: отдельные аспекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kpfu.ru/staff_files/F1169849064/Sabirova_L.L._St.Ucheniya._Shershenevich.pdf. – Дата доступа: 10.02.2025.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-3 // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
4. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г. № 139-3 // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 января 2021 г. № 91-3 // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
6. О вопросах Министерства здравоохранения Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 28 октября 2011 г. № 1446 // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
7. О Национальном собрании Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 8 июля 2008 г. № 370-3 // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
8. О политических партиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 октября 1994 г. № 3266-XII // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
9. О Совете Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 23 июля 2008 г. № 424-3 // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
10. Положение об Администрации Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 13.02.2017 № 40 // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
11. Положения об инспекции Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь по Минской области [Электронный ресурс] : приказ Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь от 31.08.2017 № 77 (в редакции приказа от 15.11.2021 № 116) // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
12. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г. № 296-3 // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
13. Устав Организации Объединённых Наций от 26.06.1945 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>. – Дата доступа: 21.04.2025.

А. И. Михнюк

(Национальный центр законодательства и правовой информации
Республики Беларусь, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА

В материалах проанализированы основные научные подходы к пониманию сущности социальной ответственности государства. Сделан вывод, что направления ее проявления могут изменяться в зависимости от потребностей общества. На примере сложившегося механизма обеспечения права на достаточное питание обосновывается, что социальная ответственность государства выходит за рамки его социальной функции.

Характерной чертой современного социального государства является взаимная социальная ответственность субъектов конституционно-правовых отношений. Данный подход получил отражение в концептуальных изменениях обновленной Конституции Республики Беларусь: норма об ответственности государства перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности (ст. 2) и корреспондирующая ей норма (ст. 21), провозглашающая обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь высшей целью белорусского государства, были дополнены новым конституционным принципом о социальной ответственности каждого. Закрепление данного принципа является рефлексией новой модели белорусского социального государства, в соответствии с которой происходит постепенный переход от государственного патернализма к государству «работающему», которое, с одной стороны, обеспечивает рост благосостояния граждан, улучшение их жизни, удовлетворение материальных и духовных потребностей, а с другой – содействует развитию экономической активности граждан, преодолению иждивенческих настроений в социальной сфере [1, с. 14].

Тематика социальной ответственности государства в последнее время приобрела особую актуальность, между тем данные вопросы в основном освещаются в философских и социологических трудах [2, 3]. В правовых исследованиях ее отдельные аспекты в основном затрагиваются в контексте анализа особенностей социального государства, поскольку многие современные авторы выделяют социальную ответственность в качестве его сущностной характеристики [4, с. 50]. Данный подход, как справедливо отмечает А. Н. Шаламова, зиждется на том, что главной целью существования государства является не обеспечение своих интересов, а стремление сделать жизнь своих граждан комфортней и безопасней, потому что «государственные институты не только могут, но и должны осуществлять заботу о своих гражданах, т.к. только это и оправдывает факт существования государства как юридического феномена» [5, с. 21].

В науке не выработано универсального подхода к толкованию термина «социальная ответственность государства». Как правило, данное явление рассматривают через призму традиционной ответственности государства за обеспечение прав и свобод человека и относят его исключительно к социальной политике. Так, сторонники данного подхода итальянские ученые Р. Ломбардо и Дж. Д. Орио полагают, что социальная ответственность государства заключается в обязательстве обеспечить защиту тех неотъемлемых прав, которые присущи природе человека (таких, как права на жизнь, здоровье и т. д.) [6, с. 94]. С. В. Бурдавицын, анализируя развитие социальной ответственности как функции государства, пришел к выводу, что основной формой ее реализации является система социальной защиты населения [7, с. 16]. Н. Н. Косаренко отмечает, что социально ответственные органы власти и управления обеспечивают эффективное функционирование отраслей социальной инфраструктуры, контролируют соблюдение государственных социальных стандартов, успешно

выполняют другие функции социального характера [8, с. 171]. По нашему мнению, не вызывает сомнений, что государство, проявляя социальную ответственность, обязано обеспечить гражданам гарантированные Конституцией социальные и экономические права и свободы. При этом не допустимо, как предлагает ряд исследователей, ограничивать понимание анализируемого явления исключительно сферой государственного регулирования общественных отношений связанных с выполнением социальных обязательств перед определенными категориями граждан, нуждающихся в поддержке со стороны государства [9, с. 235–236].

Именно узкий подход получил закрепление и в единственном правовом документе на постсоветском пространстве, регулирующем вопросы социальной ответственности государства, – постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 28-6 «О Концепции формирования правовых основ и механизмов реализации социального государства в странах Содружества», принятом 31 мая 2007 г. в г. Санкт-Петербурге. В п. 9.1 которого определено, что государственные органы несут ответственность за реализацию разрабатываемых ими социальных программ; обеспечивают эффективное функционирование отраслей социальной инфраструктуры (образование, наука, здравоохранение, культура и др.); контролируют соблюдение государственных социальных стандартов, расходование бюджетных средств, предназначенных на социальные нужды; выполняют другие функции социального характера, предусмотренные законодательством, соглашениями и договорами социальных партнеров.

Вместе с тем, если рассмотреть в качестве примера сложившуюся в Республике Беларусь систему обеспечения одного из фундаментальных прав человека – права на достаточное питание, закрепленного в ст. 21 Конституции Республики Беларусь, очевидно, что она не ограничена исключительно рамками социальной функции государства. Гарантирование каждому индивиду регулярный, устойчивый и недискриминационный доступ к количественно и качественно достаточному продовольствию, необходимому для здоровой и активной жизни требует комплексного подхода, предполагающего не только классического проявления социальной ответственности государства через установление социальных стандартов и дополнительных мер, направленных на оказание адресной социальной помощи, но и решение вопросов экономического и экологического характера. Так, в ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, регламентирующей право каждого человека на свободу от голода, закреплены обязательства государств принимать необходимые меры для улучшения методов производства, хранения и распределения продуктов питания путем широкого использования технических и научных знаний, распространения знаний о принципах питания и усовершенствования или реформы аграрных систем таким образом, чтобы достигнуть наиболее эффективного освоения и использования природных ресурсов. Поэтому в главе 5 Доктрины национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 962 от 15 декабря 2017 г., в качестве одной из основных задач в данной сфере установлено устойчивое развитие внутреннего производства основных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Достижение этой задачи напрямую связано с эффективностью проведения государственной аграрной политики, т. е. реализацией экономической функции государства.

В научной литературе можно встретить и абсолютно иную парадигму социальной ответственности государства. Суть которой сводится к следующему: ответственность власти становится социальной только при условии, что государство в вопросах обеспечения прав и свобод граждан выходит за рамки предписанных ему законодательством функций, т. е. когда государство в условиях отсутствия или неэффективности существующих национальных законов защищает права нынешних и будущих поколений [2, с. 29]. Данная концепция получила распространение преимущественно в западной науке и во многом схожа с пониманием социальной ответственности бизнеса, при котором осуществление государственными органами своих функций в строгом соответствии с правовыми нормами свидетельствует только о том, что власть является ответственной, и лишь выход за нормативно предписанные

требования будет квалифицировано как проявление ее социальной ответственности. Этот подход во многом свойственен для государств с либеральным политическим устройством, поскольку для них характерно перекладывание бремени социальной ответственности перед населением на общество и бизнес, т. е. социальная ответственность такого государства проявляется прежде всего в создании стимулов для социально ответственного поведения бизнеса [10, с. 226–227]. Что не соответствует сложившейся модели белорусского социального государства, одной из характерной особенностей которой является взаимная ответственность субъектов конституционно-правовых отношений. Ее содержание и объем постоянно изменяется, что вызывает практические сложности в выработке единых критериев социальной ответственности государства. И если с точки зрения правомерности можно оценить принимаемыми государственными органами решения, то оценка с точки зрения социальной ответственности может вызывать затруднения, поскольку, только «в исторической ретроспективе видятся последствия того или иного решения власти» [2, с. 39].

Полагаем, что социальная ответственность государства характеризуется многогранностью и динамичностью, поэтому направления ее проявления постоянно изменяются исходя из потребностей общества и отдельных граждан и по-разному объективизироваться с учетом сферы общественных отношений. Узкий подход к пониманию анализируемого термина неоправданно сужает проявление социальной ответственности исключительно социальной функцией государства. Проявляя социальную ответственность государственные органы должны использовать любые доступные механизмы, позволяющие координировать и корректировать свои действия исходя из необходимости достижения баланса интересов различных субъектов, который позволит с одной стороны обеспечить реализацию прав и свобод каждого, а с другой стороны создаст дополнительные гарантии для отдельных слоев населения и будет способствовать достижению социальной справедливости.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Беларусь : научно-практический комментарий / под общ. ред. П. П. Миклашевича, О. И. Чуприс, Г. А. Василевича. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024 – 543 с.
2. Виттенберг, Е. Я. Социальная ответственность власти / Е. Я. Виттенберг. – М. : РГГУ, 2020. – 686 с.
3. Руднева, Е. Л. Социальная ответственность власти в отношении молодежи: социально-философский анализ : автореф. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Елена Леонидовна Руднева ; ФГАОУ «Национальный исследовательский Томский государственный университет». – Томск, 2020. – 24 с.
4. Сафонов, П. Понятие социального государства / П. Сафонов // Закон и право. – 2008. – № 3. – С. 49–51.
5. Шаламова, А. Н. Социальная ответственность через призму социального государства / А. Н. Шаламова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 19–28.
6. Lombardo, R. Corporate and Social Responsibility: A Long-Term Perspective / R. Lombardo, G. D. Orio // Modern Economy. – 2012. - № 3. – P. 91–99.
7. Бурдавицын, С. В. Развитие социальной ответственности как функции государства в транзитной экономике : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Бурдавицын Сергей Васильевич. – Саратов, 2001. – 45 с.
8. Косаренко, Н. Н. Социальное государство. Политические, правовые и социально-экономические факторы : монография / С. И. Косаренко. – М. : ЮСТИЦИЯ, 2020. – 232 с.
9. Сидорина, Т. Ю. История и теория социальной политики: учеб. пособие для вузов / Т. Ю. Сидорина. – М.: РГГУ, 2010. – 560 с.
10. Коданева, С. И. Институционализация социальной ответственности государства в России и за рубежом / С. И. Коданева // Россия и современный мир. – 2019. – № 3 (104). – С. 222–236.

Л. Е. Можяева, А. В. Сандрос

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ АДВОКАТА

В материалах анализируется профессиональная этика адвокатов, ее роль в правовой системе и влияние на общество. Определены и охарактеризованы основные этические принципы, такие как независимость, честность, профессионализм и сохранение конфиденциальности. Отдельно рассматриваются вопросы адвокатской тайны и сложные этические ситуации, возникающие при необходимости раскрытия информации о совершенных преступлениях. В заключение подчеркивается, что строгое соблюдение этических норм необходимо для поддержания репутации адвокатской профессии и повышения уровня правовой культуры.

Любая профессия предъявляет определенные требования к тем, кто ее выбирает, но есть особый тип профессий, к которым в силу специфики их деятельности общество предъявляет более высокие моральные требования. Такие требования вытекают в такую философскую науку как этика, которая изучает мораль как один из важнейших аспектов человеческой и общественной жизни, её сущность, природу и структуру, законы ее возникновения и развития, место морали в других системах общественных отношений, а также теоретически обосновывает определенную моральную систему [1, с. 12].

В рамках этики как науки существует профессиональная этика, которая выполняет роль регулятора нравственного поведения в различных профессиональных сообществах. Она представляет собой систему правил, определяющих, как должны строиться взаимоотношения между профессионалами и другими людьми, с которыми они взаимодействуют в процессе работы. Адвокатская этика является частным случаем профессиональной этики. Адвокатская этика – пример такой профессиональной этики.

Профессиональная этика адвоката представляет собой систему морально-этических и правовых предписаний, регламентирующих поведение адвоката при осуществлении им профессиональных функций. Данная система включает в себя стандарты профессионального поведения, обязательства по защите прав и законных интересов доверителей, и является необходимым условием для обеспечения справедливости и законности в правовой системе.

В основе профессиональной этики адвоката лежит синтез общепринятых моральных принципов и нормативных положений, закрепленных в законодательстве, регулирующем адвокатскую деятельность. На сегодняшний день в Республике Беларусь основными источниками норм профессиональной этики адвоката являются Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. №334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» и Правила профессиональной этики адвоката, утвержденные постановлением Министерства юстиции от 30 сентября 2021 г. №180 (далее – Правила профессиональной этики адвоката). Следование правилам профессиональной этики адвоката играет ключевую роль не только в профессиональном успехе адвоката, но и в стабильности и эффективности всей правовой системы. Это обусловлено несколькими важными факторами.

Этика – фундамент доверия к адвокатуре и всей системе правосудия. Принципиальность и порядочность адвокатов формирует уверенность граждан в справедливом разрешении юридических вопросов. Соблюдение профессиональных стандартов обеспечивает эффективную защиту прав клиента и, как следствие, влияет на результаты судебных разбирательств. Более того, безупречная репутация, заработанная этическим поведением, привлекает новых клиентов и укрепляет доверие [2].

Этика служит ориентиром для адвоката в сложных ситуациях, когда закон не дает однозначного ответа.

Адвокаты, как важные участники общественной жизни, своим этическим поведением оказывают значительное влияние на развитие правовой культуры, не только защищая интересы клиентов, но и способствуя справедливости и законности.

Согласно п. 6 Правил профессиональной этики адвоката, адвокат в своей профессиональной деятельности полностью независим. Обязанности по защите прав и интересов клиента им исполняются свободно и самостоятельно, достойно и тактично, честно и принципиально, добросовестно и конфиденциально, без какого бы то ни было вмешательства или давления извне [3].

Независимость – ключевой принцип адвокатской деятельности. Адвокат должен быть свободен от влияния государственных органов, должностных лиц, организаций и даже клиентов, чтобы эффективно защищать права и интересы своих доверителей. Эта свобода позволяет адвокату сохранять объективность и действовать добросовестно, руководствуясь только законом и профессиональной этикой. Независимость адвоката обеспечивается как организационно, через статус адвокатуры, так и лично, через принципиальное поведение каждого адвоката, который не должен поддаваться давлению, противоречащему его профессиональным обязанностям.

Адвокат должен обладать глубокими знаниями законодательства, уметь анализировать ситуацию и применять соответствующие правовые нормы. Для поддержания компетентности это требует от него постоянного профессионального развития: изучения новых законов, анализа судебной практики и ознакомления с научными исследованиями в своей области. Некомпетентность адвоката недопустима, так как может повлечь за собой нарушение прав клиента, дисциплинарную ответственность и репутационные потери. Если адвокат осознает свою недостаточную квалификацию в конкретном вопросе, он обязан сообщить об этом клиенту и предложить ему обратиться к специалисту в данной области, возможно, даже организовать совместную работу с ним [4, с. 168].

Честность и добросовестность – фундаментальные качества адвоката. Они предполагают ведение дел без обмана и фальсификаций, а также честное взаимодействие с коллегами, клиентами, судами и государственными органами. Любые недобросовестные действия недопустимы и подрывают доверие к правосудию.

Также при осуществлении своей деятельности адвокаты обязаны руководствоваться принципом «Закон есть закон» в целях достижения ожидаемых адвокатами результатов. Они сами выбирают методы защиты и представления интересов клиента в суде и при оказании помощи в целом [5, с. 82].

Добросовестность требует от адвоката полного и ответственного выполнения своих обязательств перед клиентом, использования всех законных способов и средств для защиты его интересов, проявляя при этом настойчивость, смелость и выдержку. Клиент вправе рассчитывать на полную отдачу адвоката, его знания и усилия, направленные на решение его проблемы.

Работа адвоката требует баланса между защитой интересов клиента и соблюдением закона и этических норм. Он обязан соблюдать закон и сообщать о любых известных им нарушениях. Это требует от адвокатов значительной объективности и непредвзятости, особенно когда интересы клиента противоречат общественному благу.

Конфликт интересов представляет собой серьезную этическую дилемму для адвоката, которая может поставить под угрозу профессиональную репутацию адвоката и интересы его клиентов. Он возникает, когда обязанности адвоката перед разными клиентами противоречат друг другу, ставя его в ситуацию выбора между ними. В подобных обстоятельствах адвокат обязан раскрыть информацию о конфликте заинтересованным сторонам и, если это необходимо, прекратить представлять интересы одного из клиентов.

Внедрение современных технологий в юриспруденцию, хотя и приносит пользу, ставит перед адвокатами новые этические дилеммы. Особенно остро стоит вопрос защиты конфиденциальных данных клиентов при использовании автоматизированных систем и программного обеспечения.

Существует несколько взглядов на адвокатскую тайну. Её рассматривают как: информацию, полученную адвокатом от клиента, морально-этическую основу профессиональной деятельности адвоката, правовой институт и особый правовой режим. В сущности, адвокатская тайна представляет собой совокупность информации, полученной адвокатом из любых источников, касающаяся его доверителя и находящаяся под защитой закона от разглашения третьим лицам. К ней относятся сведения, прямо или косвенно связанные с личностью клиента или обстоятельствами, имеющими значение для рассматриваемого дела [6, с. 176].

Законодатель строго ограничивает случаи, когда адвокат может нарушить конфиденциальность информации, полученной от клиента. Это возможно только:

1) в случае получения согласия клиента на раскрытие информации, если это необходимо для эффективного оказания юридической помощи;

2) при необходимости защиты собственных интересов, а в споре с клиентом или в уголовном деле, возбужденном против адвоката в связи с его профессиональной деятельностью, в которой участвовал клиент;

3) при проведении консультаций с другими адвокатами, при условии отсутствия возражений со стороны клиента [3].

Защита адвокатской тайны обеспечивается особыми процессуальными правами адвоката, в частности, запретом на его допрос в качестве свидетеля по обстоятельствам, ставшим ему известными в связи с оказанием юридической помощи.

Вопрос о том, имеет ли адвокат право раскрывать информацию о совершенном или готовящемся преступлении, полученную в ходе общения с клиентом, представляет собой тему для дискуссий. В отношении уже совершенных преступлений действует адвокатская тайна, защищающая интересы клиента.

Однако, когда речь идет о готовящемся преступлении, мнения расходятся. Одна точка зрения допускает возможность разглашения, но только в случае тяжких и особо тяжких преступлений. Ее сторонники считают, что адвокат, как гражданин, несет ответственность перед обществом и должен оценивать угрозу безопасности. Решение о разглашении должно приниматься адвокатом самостоятельно, с учетом серьезности угрозы и возможных последствий для клиента и репутации адвокатуры [7, с. 30]. Как правило, особыми обстоятельствами считаются ситуации, угрожающие жизни и здоровью.

Противоположная точка зрения категорически исключает возможность разглашения сведений о подготовке преступления. Ее сторонники считают, что любая информация, полученная адвокатом от клиента в ходе его профессиональной деятельности, должна оставаться конфиденциальной.

Раскрытие такой информации подорвет доверие к адвокатской профессии и превратит ее в инструмент уголовного преследования, что противоречит ее основной функции – защите прав граждан. Вместо этого адвокат должен использовать все доступные средства, чтобы убедить клиента прекратить совершение преступления [8, с. 28].

Таким образом, профессиональная этика адвокатов – это не просто набор правил, а важная часть обеспечения осуществления правосудия, поддержания верховенства права и доверия общества к правовой системе. Неотъемлемой обязанностью адвокатов является поддержание высоких этических и профессиональных стандартов, таких как честность, независимость, конфиденциальность и компетентность, а также добросовестная защита интересов своих клиентов. Профессионально-этическое поведение адвокатов повышает авторитет их профессии, обеспечивает эффективную правовую защиту и способствует повышению правовой грамотности населения. На фоне вызовов, вызванных

современными технологическими разработками и возникновением новых этических проблем, роль адвокатской этики стала жизненно важной, требуя от адвокатов постоянного самосовершенствования и неукоснительного соблюдения этических принципов.

Список использованной литературы

1. Барщевский, М. Ю. Адвокатская этика / М. Ю. Барщевский. – М. : Профобразование, 2010. – 312 с.
2. Багаува, Д. Р. Этика адвоката как система норм и принципов, регламентирующая поведение профессионального юриста / Д. Р. Багаува, Г. В. Вахитова // Вестник науки. – 2024. – № 11 (80). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-advokata-kak-sistema-norm-i-printsipov-reglamentiruyuschaya-povedenie-professionalnogo-yurista>. – Дата доступа: 13.04.2025.
3. Об утверждении Правил профессиональной этики адвоката [Электронный ресурс] : постановление Министерства юстиции Респ. Беларусь, 30 сент. 2021 г., № 180 // ЭТАЛОН : информационно-поисковая система. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=w22137239&q_id=128282. – Дата доступа: 13.04.2025.
4. Матвийчук, С. Б. Профессиональная этика адвоката / С. Б. Матвийчук // Актуальные проблемы гражданского права. – 2023. – № 2 (22). – С. 184-194.
5. Бураева, И. В. Проблемы правового регулирования принципов профессиональной этики адвоката / И. В. Бураева // Цивилистка: право и процесс. – 2020. – № 2 (10). – С. 81-83.
6. Шалашников, Г. В. Соблюдение адвокатской тайны как обязательный элемент профессиональной этики адвоката / Г. В. Шалашников // Проблемы развития правовой системы России: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Тула, 26 мая 2023 г.) / Всерос. гос. ун-т юстиции (РПА Минюста России), Тульский ин-т (филиал). – Тула, 2023. – С. 174-178.
7. Сибирцев, Г. И. Теоретические основы института адвокатской тайны в уголовном процессе / Г. И. Сибирцев // Адвокатская практика. – 2015. – № 6. – С. 27-33.
8. Анюховская Н. В. Адвокатская тайна и проблемы реализации независимости адвоката-защитника / Н. В. Анюховская, Д. С. Ястреб // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях : материалы II международной научно-практической конференции, Донецк, 20-21 мая 2022 г. / Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия» ; редкол: С. Ю. Мироненко (отв. Ред.) [и др.]. – Донецк, 2022. – С. 25-30.

УДК 930:94:343.337.5(=161.3):355.355(430)«1941-1944»

И. В. Немкевич

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ В БЕЛАРУСИ

В материалах собраны документальные свидетельства того, что политика грабежа, террора и геноцида в Беларуси была преднамеренно спланирована и проводилась немецко-фашистскими оккупантами в соответствии с установками, приказами и инструкциями высшего политического и военного руководства нацистской Германии.

Сохранение исторического прошлого страны и в первую очередь – исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной

войны является одним из идеологических императивов правовой политики нашего государства [1, с. 9]. Вступление в жизнь новых поколений заставляет представителей историко-правовой науки не ослаблять внимания к задаче выработки у нашего общества устойчивого иммунитета к попыткам фальсификации этой трагической и героической страницы отечественной истории, каким бы «флагом» эти попытки не маскировались. Приговор, вынесенный мировым сообществом преступной идеологии и практике нацизма, не может быть ни предметом забвения, ни предметом «модернизации», ни предметом «войны памяти». Не случайно утвержденная 25 апреля 2024 года решением Всебелорусского народного собрания Концепция национальной безопасности Республики Беларусь называет противодействие реабилитации нацизма в числе основных направлений нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности (глава 8).

Одним из примеров циничной и подлой фальсификации отечественной истории являются попытки оправдать «жесткие меры» оккупационного режима фактами сопротивления установленному нацистами «новому порядку» и необходимостью защиты «освободителей» от подрывных действий «бандитов». Квалифицированная и адекватная реакция на подобные попытки должна, на наш взгляд, включать достижения полной и убедительной ясности в вопросе о действительных причинах установленного оккупантами режима террора и геноцида.

В основу криминологического анализа причин и условий массового совершения актов геноцида немецко-фашистскими оккупантами в Беларуси должны быть положены принципы международного права, содержащиеся в Уставе Международного военного трибунала в Нюрнберге и выраженные в его приговоре. Нюрнбергский процесс 1945-1946 годов стал первым в истории международным судом, признавшим агрессию тягчайшим уголовным преступлением, доказавшим органическую связь преступлений геноцида с идеологией фашизма и политическим режимом нацистского государства. Справедливо и заслуженно были наказаны не только непосредственные исполнители преступных планов и приказов, но и высшие государственные и военные деятели фашистской Германии, виновные в подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн, в разработке и принятии таких планов, приказов и инструкций. Трибунал признал преступными организациями не только террористические структуры СС, гестапо, СД, но и руководящий состав нацистской партии. Трагические события новейшей истории лишь подчеркивают справедливость и значимость юридического анализа, проведенного в середине двадцатого века.

Таким образом, политика грабежа, террора и геноцида была органически связана с природой фашизма и идеями, изложенными в нацистском манифесте – книге «Майн кампф». Обосновывая тезис о необходимости уничтожения Советского Союза любыми методами, А. Гитлер призывал отбросить в сторону всякие представления о гуманности. «Потомки не спросят нас», заявил он, какими методами или в соответствии с какими нынешними представлениями мы действовали, а лишь о том, чего мы добились [2, с. 104]. Военная доктрина нацистской Германии требовала придания войне на Востоке характера расовой войны на уничтожение. Фюрер подчеркивал: «На Востоке жестокость является благом для будущего» [Цит. по: 2, с. 118]. Для высшего государственного руководства и генералитета подобные заявления фюрера служили не только важнейшей идеологической установкой, но и практическими указаниями для составления приказов и инструкций по осуществлению военных действий против СССР и установлению оккупационного режима на захваченных территориях. Красноречиво свидетельствует об этом, например, следующий фрагмент из приказа командира 4-й танковой группы генерал-полковника Э. Гёпнера, подписанного накануне вторжения. «Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа, - говорилось в приказе. – ...Эта борьба должна преследовать целью превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью» [Цит. по: 2, с. 118].

Развертывание войны на уничтожение призваны были призваны обеспечить принятые накануне вторжения в СССР приказы и инструкции Верховного главнокомандования вермахта. 13 марта 1941г. были приняты «Руководящие указания по специальным вопросам в дополнение к директиве № 21» («Инструкция об особых областях к директиве № 21»), 28 апреля 1941г. – «Положение о действиях полиции безопасности и СД в составе сухопутных сил», 13 мая 1941г. – распоряжение начальника штаба Верховного главнокомандования В. Кейтеля «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск». 1 июня 1941г. уполномоченный по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретарь Бакке подписал инструкцию о поведении должностных лиц на территории СССР, намеченной к оккупации (так называемые «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими»).

«Инструкция об особых областях к директиве № 21» передавала власть на оккупированной территории командованию немецкими Вооруженными силами и наделяла рейхсфюрера СС Гиммлера специальными полномочиями, означавшими установление системы террора. «Правила», включенные в распоряжение «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск», должны были обеспечить условия для массового использования мер террора в качестве основного метода «замирения покоренных областей». Оккупанты освобождались от дисциплинарной и уголовной ответственности за преступления против местного населения: «Возбуждение преследования за действия, совершенные военными служащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок» [3, с. 28–29].

Действия же «враждебных гражданских лиц» изымались из подсудности судам; всю судебную власть в отношении местного населения документ передавал в руки любого немецкого офицера. Заподозренные элементы, предписывала инструкция, «...должны быть немедленно доставлены к офицеру. Последний решает, должны ли они быть расстреляны» [3, с. 28]. Массовые репрессии в отношении целых населенных пунктов должны были «немедленно» применяться распоряжением офицера, занимающего должность не ниже командира батальона. «Сохранять» же заподозренных «для предания их суду» категорически воспрещалось. От исполнителей запланированной политики террора и геноцида требовалось заблокировать в себе любые предохранители гуманности: «Для разрешения поставленных на Востоке задач требуется, однако, чтобы вы не подходили к вещам с узкой западноевропейской меркой» [3, с. 30–31]. В инструкции о поведении должностных лиц статс-секретарь Бакке разъяснял: «В течение столетий русский человек испытывает нищету, голод и лишения. Его желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия к нему, не пытайтесь вносить изменения в образ жизни русских, приспособлявая его к немецкому жизненному стандарту» [3, с. 34]. Документ обязывал «с сознанием своего достоинства проводить самые жесткие и самые беспощадные мероприятия, которые потребует от вас государство» [3, с. 32].

Третья статья Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него включает в число наказуемых деяний не только действия лиц, совершающих геноцид, но и заговор с целью совершения геноцида, а также прямое подстрекательство к нему [4, с. 460]. Рассмотренные документы с очевидностью соответствуют такой квалификации, а установленные в них правила служили основанием и делали неизбежным массовое совершение оккупантами на территории Беларуси и других оккупированных территориях преступлений геноцида (статья 127 Уголовного кодекса Республики Беларусь), против безопасности человечества (статья 128) и нарушения законов и обычаев войны (статьи 135 и 136). Террористическая практика оккупационного режима в Беларуси не была ни импровизацией, ни «эксцессом исполнителя». Как справедливо отмечает немецкий профессор Д. Айххольц, совершенные германской армией на оккупированной территории Советского Союза – это

«не отдельные злоупотребления или эксцессы, а действия, которые основывались на решениях высшего военного руководства и командующих войсками на фронте и в тылу» [5, с. 85]. Именно в этих решениях следует искать ответ на вопрос о причинах и условиях преступлений немецко-фашистских оккупантов в Беларуси.

Тот факт, что все упомянутые выше установки, приказы и инструкции были утверждены фашистским правительством и верховным главным командованием немецкой армией еще до нападения, свидетельствует о заблаговременно продуманной государственной политике фашистской Германии. Данное обстоятельство является главным и достаточным доказательством ничтожности «аргумента» о вынужденных жестоких мерах «замирения» и реагировании на акты сопротивления «новому порядку».

Аморальность и политическая провокативность попыток возложить ответственность за агрессию и террор на сами жертвы таких преступлений самоочевидны. «Нам не оставили выбора» – этот «аргумент» в хрестоматии для агрессоров был внесен организаторами преступлений немецко-фашистских оккупантов. Обсуждая на совещании с руководителями фашистского рейха 16 июля 1941г. «мотивировку перед миром» действий оккупантов, Гитлер инструктировал рейхсмаршала Геринга, фельдмаршала Кейтеля, рейхслейтера Розенберга и других: «Мы снова будем подчеркивать, что мы были вынуждены занять район, навести порядок и установить безопасность» [3, с. 47]. При этом «все необходимые меры – расстрелы, выселения и т.п.» должны оправдываться тем, что «мы были вынуждены в интересах населения заботиться о спокойствии, пропитании, путях сообщения и т.п.» [3, с. 47–48]. Реализуя установки фюрера, фельдмаршал Кейтель в своем приказе 16 сентября 1941г. уточнял задачи оккупационных властей: «Следует постоянно помнить и всячески подчеркивать в пропагандистских мероприятиях, что самые решительные меры освободят также местное население от коммунистических преступников и поэтому принесут ему пользу» [6, с. 27]. В отказе местного населения безропотно принять уготованный им геноцид организаторы последнего едва ли не с радостью усматривали фактор, облегчающий оккупационным властям реализовывать их преступные цели. Так на совещании 16 июля 1941г. Гитлер объяснял присутствовавшим: «Русские в настоящее время отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу. Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас» [3, с. 48]. Циничный рационализм «классиков» агрессии и террора не может не поражать...

Сегодня Генеральная прокуратура Республики Беларусь проводит масштабное расследование факта геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. В качестве основных источников информации, содержащих доказательства геноцида, выступают архивные материалы (акты Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, уголовные дела в отношении изменников Родины, трофейные документы нацистских карателей и другие), а также показания (воспоминания) живых очевидцев (потерпевших и свидетелей) злодеяний, совершенных нацистами на белорусской земле. В базу таких источников, на наш взгляд, должны быть включены и документы высшего политического и военного руководства нацистской Германии, доказывающие намеренный и спланированный характер преступлений оккупантов.

Список использованной литературы

1. Концепция правовой политики Республики Беларусь: по состоянию на 2 окт. 2023 г. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023. – 32с. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: О. Н. Левко, В. Ф. Голубев; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 598 с.

2. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 4: Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939-1953 гг.) / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: Н.Б. Нестерович; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2019. – 567 с.

3. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944гг.) / Сост.: Заставенко Г. Ф. (рук) и др.; под общ. ред. Е. А. Болтина и Г. А. Белова. – 3-е изд. – М.: Экономика, 1985. – 328 с.

4. Щербаков, В. В. Права человека: сб. международно-правовых документов [Текст] / В. В. Щербаков. – Мн.: Белфранс, 1999. – 1146с.

5. Айххольц Д. Цели Германии в войне против СССР. Об ответственности германских элит за агрессивную политику и преступления нацизма // Новая и новейшая история. 2002. № 6. – С. 62-89.

6. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941 – 1944. – Минск: Беларусь, 1965. – 464 с.

УДК 340.1

Н. А. Плахотина

(ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
Российская Федерация)

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ

В работе исследуется проблема определения оптимальных универсальных критериев оценки эффективности правового регулирования. Обоснован тезис о том, что критерии оценки эффективности правового регулирования целесообразно определять с учётом основных функций правового регулирования. Предложен перечень критериев, способный стандартизировать методику оценки эффективности правового регулирования во всех сферах общественной жизни, а также способствовать своевременному устранению дефектов в правовом регулировании.

Согласно положениям Основного Закона, Россия и Беларусь являются демократическими, правовыми, социальными государствами [1, ст. 1], [2, ст. 1], что свидетельствует о приверженности к общепризнанным гуманистическим ценностям. Однако практическая реализация указанного конституционного положения невозможна без обеспечения высокого уровня эффективности правового регулирования общественной жизни.

Эффективность правового регулирования является одним из наиболее неоднозначных вопросов в теории права. К сожалению, в юридической науке вопросам эффективности правового регулирования и критериям её оценки не уделяется достаточного внимания. В большинстве работ делается вывод о том, что основным фактором, влияющим на эффективность правового регулирования, является совершенство законодательства, правотворчества, правоприменения и правовой охраны [3, с. 51-68]. Данная позиция, безусловно, заслуживает поддержки. Однако она является слишком абстрактной для её реализации в практической деятельности. Для реальной оценки эффективности правового регулирования необходима выработка чётких критериев, а не апеллирование комплексом абстрактных общетеоретических понятий.

Представляется, что эффективность правового регулирования следует определять исходя из степени реализации функций правового регулирования. К числу функций правового регулирования в юридической науке относят: а) функцию упорядочения, которая

заключается в приведении общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования, к определенной системе; б) гарантирующую функцию; в) функцию координации и защиты интересов; г) интегративную функцию; д) стабилизирующую функцию, выражающуюся в стабилизации общественных отношений; е) функцию моделирования, выражающуюся в определении основных элементов общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования; ж) ориентирующую функцию, выражающуюся в ориентации субъекта права относительно возможного или должного поведения; з) функцию стимулирования и ограничения [4, с. 81]. Следовательно, оценивать эффективность правового регулирования необходимо исходя из того, насколько существующее состояние системы правового регулирования позволяет реализовать указанные функции правового регулирования.

По мнению М.Ю. Осипова, чтобы оценить эффективность правового регулирования, необходимо определить: 1) насколько право при помощи правовых средств упорядочивает общественные отношения, иными словами, насколько при помощи правовых средств общественным отношениям, входящим в предмет правового регулирования, придается юридическая форма и осуществляется приведение этих отношений к определенной системе; 2) насколько система правового регулирования гарантирует свободу субъектов права; 3) насколько при помощи правовых средств осуществляется координация и защита интересов субъектов права; 4) насколько система правового регулирования способствует интеграции общества в целом; 5) насколько при помощи правовых средств определены: а) круг субъектов общественных отношений и их правовой статус; б) круг объектов общественных отношений и их правовой режим; в) характер и содержание субъективных прав и обязанностей; г) круг юридических фактов; д) вид норм, которыми регулируются общественные отношения; е) круг источников, в которых они выражены; ж) пределы действия этих источников во времени, в пространстве и по кругу лиц; з) способы и сроки реализации субъективных прав и обязанностей; и) порядок реализации субъективных прав и обязанностей; к) определение органа, который может или должен применить право по данному делу; л) стадии и сроки правоприменительного процесса их осуществления, задачи каждой стадии и решения, принимаемые по завершении каждой стадии; 6) насколько при помощи правовых средств осуществляется ориентация субъекта права относительно возможного и должного поведения; 7) насколько при помощи правовых средств осуществляется стабилизация общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования; 8) насколько при помощи норм права осуществляются ориентация и стабилизация общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования; 9) насколько в ходе правового регулирования общественных отношений осуществляются функции стимулирования и ограничения [5, с. 8].

В целом позиция М. Ю. Осипова выглядит довольно убедительной. Однако на мой взгляд, отдельные положения предложенной им методики оценки эффективности правового регулирования дублируют друг друга. Например, показатель № 7 «насколько при помощи правовых средств осуществляется стабилизация общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования» практически полностью дублируется в формулировке показателя № 8 «насколько при помощи норм права осуществляются ориентация и стабилизация общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования». Разница между этими показателями состоит только в том, что в показателе № 8 помимо слова «стабилизация» присутствует слово «ориентация», которое отсутствует в формулировке показателя № 7.

Также подпункты «з) способы и сроки реализации субъективных прав и обязанностей» и «и) порядок реализации субъективных прав и обязанностей» в показателе № 5 по своему содержанию совпадают, поскольку невозможно в полной мере очертить порядок реализации субъективных прав и обязанностей без указания способов и сроков их реализации. Таким образом, формулировка подпункта «и)» поглощает собой содержание подпункта «з».

Для удобства практического применения критерии оценки эффективности правового регулирования следует сформулировать более лаконично и чётко, избегая излишних сложноподчинённых и сложносочинённых лексических конструкций.

С учётом этого, чтобы оценить эффективность правового регулирования целесообразным представляется учитывать следующие показатели: 1) степень упорядоченности и систематизированности общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования, с помощью правовых средств; 2) степень гарантированности свободы субъектов права; 3) степень отражения и защиты интересов субъектов права; 4) степень интегративного воздействия правового регулирования на общество в целом; 5) чёткость юридического определения: а) круга субъектов общественных отношений и их правового статуса; б) круга объектов общественных отношений и их правового режима; в) характера и содержания субъективных прав и обязанностей; г) круга юридических фактов; д) видовой принадлежности норм, которыми регулируются общественные отношения; е) круга источников права; ж) пределов действия источников права во времени, в пространстве и по кругу лиц; з) порядка реализации субъективных прав и обязанностей; и) правоприменительных органов; к) стадий и сроков правоприменительного процесса, задач каждой стадии и принимаемых по завершении каждой стадии; 6) степень ориентированности субъекта права относительно возможного и должного поведения; 7) степень стабилизации общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования; 8) соотношение стимулирующего и ограничительного правового воздействия.

Предложенные критерии оценки эффективности правового регулирования могут существенно упростить и стандартизировать методику оценки эффективности правового регулирования во всех сферах общественной жизни, а также способствовать своевременному выявлению дефектов в правовом регулировании и их оперативному устранению.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М.: Эксмо, 2022. – 96 с.
2. Конституция Республики Беларусь. – Минск: Издательство «Беларусский Дом печати», 2023. – 80 с.
3. Кудрявцев, В. И., Эффективность правовых норм / В. И. Кудрявцев [и др.]. — М.: Юрид.лит., 1980. – 280 с.
4. Плахотина, Н. А., Погорелов И. И. Методика оценивания эффективности правового регулирования / Н. А. Плахотина, И. И. Погорелов // Юридическая наука: взгляд нового поколения: научно-практическая конференция (с международным участием). Луганск, 25 апреля 2022 г. / Под ред. проф. Л. И. Лазор. — Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2022. – С. 81-83.
5. Осипов, М.Ю. Эффективность правового регулирования: понятие, виды, методика оценивания / М.Ю. Осипов // Современное право. 2010. – № 5. – С. 7-10.

УДК 349.2

В. Д. Пахомова, Н. В. Семина

(Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ТРУДА ЛИЦ С СЕМЕЙНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ

Рассматриваются вопросы в сфере труда лиц с семейными обязанностями. Выделены основные проблемы, с которыми сталкиваются работники с семейными

обязанностями. Охарактеризованы направления преодоления трудностей, связанных с совмещением трудовых функций и семейных обязанностей, высказано предложение о совершенствовании политики занятости.

Поддержка семьи является одним из основных направлений государственной политики Российской Федерации. Согласно Конституции РФ, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства (ст. 38) и в их отношении обеспечивается государственная поддержка (ст. 7) [1]. Также ст. 67.1 признаёт, что важнейшим приоритетом государственной политики России являются дети.

Несмотря на пристальное внимание со стороны государства к проблемам семьи, остается ряд вопросов в различных сферах, которые создают сложность для развития семейных отношений и воспитания детей. Особенно явно это проявляется на примере трудовых отношений лиц с семейными обязанностями.

Трудовое законодательство России выделяет в качестве особой категории работников лиц с семейными обязанностями. Глава 41 Трудового кодекса РФ посвящена особенностям регулирования труда женщин, лиц с семейными обязанностями. Она содержит ряд гарантий, которые предоставляются данной категории работников для осуществления поддержки лиц, совмещающих трудовую деятельность и воспитание детей. К основным мерам относятся предоставление отпуска по беременности и родам, предоставление отпуска по уходу за ребёнком, гарантии и ограничения при направлении в служебные командировки, привлечении к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни и т.д. [2]. При этом стоит отметить, что даже развитое законодательство в данной сфере, не позволяет решить полностью проблемы, с которыми сталкиваются работники, имеющие семейные обязанности.

Важной проблемой для лиц, имеющих детей, является ущемление их прав на рынке труда. Так, несмотря на законодательный запрет дискриминации в сфере трудовых отношений, на практике работодатели часто избегают заключения трудового договора с лицами, которые имеют детей, так как факт наличия у работника семейных обязанностей вызывает сомнения в качестве выполнения ими трудовых функций. Иногда в качестве причины отказа кандидату при трудоустройстве или при повышении его в должности может выступать не сам факт наличия семейных обязанностей, но и ожидание от него их появления в будущем. Женщины могут сталкиваться с проблемой «стеклянного потолка», так как существующие в обществе гендерные стереотипы основываются на традиционном распределении обязанностей между супругами, что может проявляться в наличии у мужчины негласных привилегий при трудоустройстве и продвижении по карьерной лестнице. Так, в настоящее время распространённой является ситуация, при которой именно женщина занимается исполнением семейных обязанностей, а большинство мужчин высказывают нежелание отказаться от работы в пользу воспитания детей, так как именно такое распределение обязанностей является наиболее одобрительным со стороны общества. Например, по данным статистики за последние годы, в отпуск по уходу за ребёнком уходит в среднем около 2 % мужчин [3].

Трудности могут возникать у работников, имеющих детей, не только при трудоустройстве, но и уже непосредственно во время работы. Сложности проявляются в том, что некоторые организации предъявляют достаточно строгие дисциплинарные требования к сотрудникам, которые не позволяют совмещать трудовую деятельность с воспитанием детей, так как семейные обязанности сотрудника нередко связаны с непредвиденными обстоятельствами.

Во время отпуска по беременности и родам, а также во время отпуска по уходу за ребёнком работники, несмотря на установленные государством гарантии сохранения за ними рабочего места, на длительный период выпадают из рабочего процесса, из-за чего могут потерять профессиональные навыки. Продвижение по карьерной лестнице также может замедлиться из-за длительного перерыва.

Сочетание оплачиваемого труда (выполнения трудовых функций) и неоплачиваемого (воспитание детей и ведение домашнего хозяйства) получило название «второй смены» [4]. Те лица, которым необходимо совмещать данные занятия, нередко сталкиваются с физическими и психологическими трудностями. Существует угроза возникновения межролевых конфликтов, характеризующихся тем, что разные социальные роли, носителем которых является один человек, могут предъявлять ему противоположные требования.

Трудовое законодательство Российской Федерации подробно регулирует особенности труда лиц с семейными обязанностями, закрепляя ряд гарантий, позволяющих гражданам реализовываться как в профессиональной сфере, так и в семейной. Несмотря на это, работникам, имеющим семейные обязанности, часто приходится сталкиваться с различными трудностями как при трудоустройстве, так и при выполнении трудовых функций.

Проблемы связаны с практической реализацией гарантий, установленных государством в отношении лиц с семейными обязанностями. Далеко не все работодатели соблюдают нормы трудового законодательства, находя способы обойти существующие правила, а также пользуясь тем, что не все работники осведомлены о своих правах в трудовой сфере [5].

Важными направлениями работы для решения подобных возникающих проблем являются усиление контроля за исполнением работодателем предусмотренных законодателем трудовых норм, а также повышение правовой грамотности граждан в сфере трудового права, для того чтобы они могли полноценно пользоваться своими гарантиями и механизмами защиты прав в случае их нарушения.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации – [Электронный документ] // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (дата обращения: 13.03.2025).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // КонсультантПлюс. 2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/8223239e3a5084612e246ec83d9276d7cf39cf57/ (дата обращения: 12.03.2025).
3. Федеральная служба государственной статистики – [Электронный документ] Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 11.03.2025).
4. Евстифеева, Г.Г. «Неоплачиваемый труд» в гендерном измерении: Россия и страны экономического сотрудничества и развития / Г.Г. Евстифеева // Регионология. – 2012. – № 3. – С. 138.
5. Черных, Е. А. Женщины с семейными обязанностями на российском рынке труда: особенности трудового поведения и совершенствование политики занятости / Е. А. Черных, У. А. Назарова, Н. В. Локтюхина // Женщина в российском обществе. – 2023. – № 2. – С. 14–36.

УДК 342.922

А. А. Станкевич

(ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет», Российская Федерация)

ЭТАПЫ РАБОТЫ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В ОБЩЕЙ КЛАССИФИКАЦИИ ОБРАЩЕНИЙ СОГЛАСНО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Автором проанализированы принципы и права обращений, поступивших от граждан, этапы обращений граждан, таких как заявление, жалоба, предложение. Дана

классификация жалоб граждан как вида обращений, представлена обобщенная классификация видов обращений по действиям, рассмотрены иные вопросы деятельности в данной сфере.

В современной юриспруденции как в науке так и на современном этапе конституционного развития российского государства, которое является цивилизованным и демократическим по строю, право граждан на обращения в органы власти имеет правовой статус, который получил закрепление в Конституции Российской Федерации (далее – РФ). Данное закрепленное право граждан РФ является важным постулатом для защиты конституционных прав и свобод гражданина, возможности получения обратной связи от государственного органа, от общественности, в качестве получения информации.

Для того, чтобы рассмотреть этапы работы с обращениями, необходимо проанализировать формы обращений граждан, которые регулируются Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 59). Настоящим Федеральным законом № 59 регулируются любые правоотношения, связанные с реализацией права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, а также устанавливается порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами.

В любом случае, обращения граждан активизируют деятельность контрольных и надзорных органов, дают возможность регулировать государственные органы и органов местного самоуправления.

Согласно статье 5 Федерального закона № 59 этапы рассмотрения обращений граждан включают в себя принципы и права, на основании которых рассматриваются обращения граждан, изложенные в таблице 1.

Таблица 1 – Характеристика принципов и прав граждан, при рассмотрении их обращений вне зависимости этапов производства по обращениям*

Принципы, на основании которых рассматриваются обращения граждан	Характеристика принципов	Права при рассмотрении обращения граждан	Этапы производства по обращения граждан
1	2	3	4
Принцип всеобщего права на обращение	ограничивается запретом злоупотре- бления правом на подачу обраще- ния в органы госу- дарственной и му- ниципальной вла- сти	Представлять допол- нительные доку- менты и материалы либо обращаться с просьбой об их ис- требовании, в том числе в электронной форме	первичная обра- ботка (поступле- ние, фиксирова- ние обращения); сбор информации для дачи, верного решения; принятие решения; исполнение приня- того решения (от- правка ответа на обращение гражда- нина)

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
Принцип свободы и добросовестности обращения	граждане вправе свободно направлять в государственные органы, органы местного самоуправления или должностным лицам предложения, жалобы и др.	знакомиться с документами и материалами, касающимися рассмотрения обращения, если это не затрагивает права, свободы и законные интересы других лиц и если в указанных документах и материалах не содержатся сведения, составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну	первичная обработка (поступление, фиксирование обращения); сбор информации для дачи, верного решения; принятие решения; исполнение принятого решения (отправка ответа на обращение гражданина)
Принцип всеобщности	правом на обращение обладают все физические лица, за исключением случаев предусмотренных законом. Данные ограничения касаются обращений, носящих политический характер	получать письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов, за исключением случаев, указанных в статье 11 настоящего Федерального закона, уведомление о передаче письменного обращения в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу, в компетенцию которых входит решение поставленных в обращении вопросов	первичная обработка (поступление, фиксирование обращения); сбор информации для дачи, верного решения; принятие решения; исполнение принятого решения (отправка ответа на обращение гражданина)
Принцип равноправия	равноправие граждан при реализации права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления	обращаться с жалобой на принятое по обращению решение или на действие (бездействие) в связи с рассмотрением обращения в административном и (или) судебном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации	первичная обработка (поступление, фиксирование обращения); сбор информации для дачи, верного решения; принятие решения; исполнение принятого решения (отправка ответа на обращение гражданина)

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
Принцип гласности	разбирательству должны подлежать все без исключения обращения граждан	обращаться с заявлением о прекращении рассмотрения обращения	первичная обработка (поступление, фиксирование обращения); сбор информации для дачи, верного решения; принятие решения; исполнение принятого решения (отправка ответа на обращение гражданина)
Принцип равноправия	равная ответственность гражданина и органов		первичная обработка (поступление, фиксирование обращения);
	государственной власти, местного самоуправления и должностных лиц		сбор информации для дачи, верного решения; принятие решения; исполнение принятого решения (отправка ответа на обращение гражданина)
Принцип подведомственности	рассмотрения обращения должен производить тот государственный орган, орган местного самоуправления или должностное лицо, в чью компетенцию входит разрешение вопроса, поставленного в обращении и пр.		первичная обработка (поступление, фиксирование обращения); сбор информации для дачи, верного решения; принятие решения; исполнение принятого решения (отправка ответа на обращение гражданина)
Принцип неотъемлемости	означает, что права человека принадлежат ему от рождения и имеют естественный характер, государство может только регулировать их осуществление и устанавливать для них гарантии		первичная обработка (поступление, фиксирование обращения); сбор информации для дачи, верного решения; принятие решения; исполнение принятого решения (отправка ответа на обращение гражданина)

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
Принцип возможности обращения в устной или письменной форме	наряду с письменными обращениями граждане могут обращаться в органы публичной власти в устной форме		первичная обработка (поступление, фиксирование обращения); сбор информации для дачи, верного решения; принятие решения; исполнение принятого решения (отправка ответа на обращение гражданина)
Принцип индивидуальности и коллективности реализации права граждан на обращение	граждане имеют права обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы, органы местного самоуправления и должностным лицам		первичная обработка (поступление, фиксирование обращения); сбор информации для дачи, верного решения; принятие решения; исполнение принятого решения (отправка ответа на обращение гражданина)
Принцип реализации конституционного права на участие в управлении делами государства	закрепляет право каждого члена любого сообщества, ассоциации, в том числе государственной, участвовать в управлении общими государственными делами и др.		первичная обработка (поступление, фиксирование обращения); сбор информации для дачи, верного решения; принятие решения; исполнение принятого решения (отправка ответа на обращение гражданина)
Примечание: *составлено автором на основании [2].			

В статье 33 Конституции РФ установлено, что «граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления» [1].

Право на обращение граждан является одним из важнейших элементов административно-правового статуса в общей классификации обращений в общей взаимосвязи с этапами, принципами и формами обращений граждан.

Делая выводы, отметим, что субъектами на право по обращению могут выступать как индивидуальные так и юридические лица любых форм собственности, которые обращаются с любым видом обращений в органы местного самоуправления, органы государственной власти, к должностному лицу в рамках их компетенции, либо возможности запросов в ведомства и организации, которые смогут дать компетентный ответ по поставленному вопросу в обращении для решения как персональных так и общественных

вопросов, делая акцент на вид самого обращения согласно общей классификации. Каждый этап обращения проходит тщательную проверку согласно компетенции органа, в который обращает гражданин Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года) // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

2 О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 14.03.2025).

УДК 346.542

Л. А. Субботина

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

СТРАТЕГИЯ ESG: НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В материалах анализируется содержание стратегии ESG в рамках реализации стратегии устойчивого развития; опыт, преимущества и необходимость внедрения принципов экологического, социального и корпоративного управления для белорусских предприятий.

Устойчивое развитие предполагает равновесие трех основных составляющих: экономический рост, социальная ответственность и экологический баланс.

В рамках государственной политики многие страны разрабатывают Национальные стратегии устойчивого развития, «зеленой экономики и таксонометрии», направленные на повышение экономического роста и экологического баланса. Бизнес-среда также активно включена в процессы внедрения идей устойчивого развития. В деятельности компаний основным инструментом для этого является разработка ESG-стратегий. ESG (Environmental, Social, Governance) principles — принципы деятельности компании, основанные на защите окружающей среды, создании благоприятных социальных условий, добросовестном отношении с сотрудниками и клиентами и надлежащем корпоративном управлении. Документальным отражением применения ESG-стратегии являются годовые нефинансовые отчеты. Такие отчеты не обязательны к опубликованию для широких масс, но могут представлять интерес для контрагентов, потребителей, банков, инвесторов.

Основное преимущество, которое получают компании от внедрения ESG-стратегии – это возможность получить финансирование в рамках международных инвестиционных программ, грантов от международных финансовых и нефинансовых организаций. Например, Всемирный банк и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) для компаний с ESG-отчетностью предусматривают финансирование и субсидирование на льготных условиях. Наличие ESG-отчетности может стать решающим фактором при заключении внешнеторговых контрактов и участия в глобальных цепочках поставок. Это особенно актуально для белорусских производителей в аспекте переориентации экспортных потоков.

Европейские компании активно вовлечены в процессы внедрения ESG стандартов последние 10-15 лет. Китай и многие азиатские страны, например, ОАЭ, Катар, Бахрейн,

также активно продвигают внедрение нефинансовой отчетности. В последние годы к этому процессу активно подключилась и Российская Федерация. Иностранные компании выдвигают в качестве условий взаимного сотрудничества наличие рейтингов и отчетов в рамках ESG-стратегий.

Что касается белорусского бизнеса, элементы ESG-концепции так или иначе присутствуют в деятельности многих белорусских компаний: природоохранные акции и мероприятия, социальные гарантии и выплаты работникам, разработка кодексов корпоративной этики и т.п. Однако, если компании не оформляют это в единую стратегию и не представляют в формате ESG-отчетности, эти усилия не остаются незамеченными на международной арене.

При этом в Беларуси есть примеры использования и закрепления элементов ESG-стратегий в деятельности отдельных компаний. Начало этому процессу положили организации-участники Сети Глобального договора ООН. Глобальный Договор Организации Объединённых Наций – это крупнейшая в мире инициатива в области корпоративной устойчивости. В Сеть Глобального договора в Беларуси входит 32 компании, в том числе: банки, крупные производители, страховые, транспортные, консалтинговые компании. Именно они в рамках разработки корпоративной социальной отчетности начали внедрение ESG принципов. Например, ОАО «Сбербанк» в рамках годового отчета о деятельности, с 2020 года публикует блок «ESG-повестка». Банк «БелВЭБ» с 2011 года осуществляет подготовку отчетов об устойчивом развитии, разработана Стратегия корпоративной социальной ответственности, что также можно считать значительными элементами ESG-стратегии. Мобильные операторы также активно включены в эти процессы. Компания А1 в 2021 году создала на базе ранее функционировавшего Отдела корпоративных коммуникаций специальное Управление общественных связей и ESG для координации деятельности по корпоративному, социальному и экологическому управлению. Крупные ритейлеры розничной торговли также проявляют инициативы в рамках ESG политики. Торговая сеть «Green» стала первым крупным ритейлером, подписавшим Соглашение о взаимной социальной ответственности и взаимодействии в сфере экологии. «Green» объявил об открытии экологической платформы на базе сети своих гипермаркетов, в рамках работы проекта будет происходить поддержка «экологически дружелюбного» производства продуктов питания в рамках бренда «Местное известное», продажа бумажных пакетов по цене пластиковых, отказ от пластиковых трубочек, а также выделение грантов на развитие бизнеса, стимулирование к производству экологически чистых продуктов и создание собственного бренда «GreenEco»[1].

Процесс оформления стандартов ESG и получения рейтингов нефинансовой отчетности в Беларуси начинает набирать обороты. К настоящему времени 14 компаний подтвердили получение ESG-рейтингов. В основном это белорусские компании, сотрудничающие с иностранными партнерами и банки.

Наиболее актуальными экологическими ESG-стандартами для белорусских предприятий являются энергосбережение и ресурсоэффективность, внедрение принципов устойчивого потребления и производства. В социальной сфере самыми важными направлениями выступают благотворительность, охрана труда и промышленная безопасность, корпоративная социальная ответственность, корпоративное волонтерство и права трудящихся. Ключевыми управленческими ESG-стандартами для белорусских предприятий являются антикоррупционная деятельность, корпоративное управление, осуществление закупок, взаимодействие с партнерами, деловая этика [2].

Государство заинтересовано в вовлечении субъектов хозяйствования в мировые процессы внедрения стандартов устойчивого развития и ESG стандартов. В настоящее время правительство подготовило проект Национальной стратегии устойчивого развития Беларуси до 2040 г, в котором в качестве важных направлений для деятельности субъектов хозяйствования определено следование ESG-стандартам.

В конце 2024 года Министерство экономики утвердило «Методические рекомендации по внедрению принципов ESG и устойчивого развития в деятельность субъектов хозяйствования Беларуси». Методические рекомендации советуют субъектам хозяйствования разрабатывать на локальном уровне стратегии ESG, включающие цели, задачи и способы достижения устойчивого развития, соразмерные характеру деятельности и масштабу воздействия на экономику, общество и окружающую среду. В качестве внутренних документов, отражающих ESG повестку субъекты хозяйствования могут принять: Стратегию в области устойчивого развития, Кодекс корпоративного управления, Антикоррупционную политику, Положение о конфликте интересов, Политику благотворительности и спонсорской помощи. Рекомендуются выстраивать эффективную организационную структуру по внедрению ESG-стратегии, создавая специальные структурные подразделения или делегируя вопросы координации такой деятельности отдельным органам управления. Особое внимание в Методических рекомендациях уделяется необходимости реализации конкретных мер и недопущению недобросовестного экологического маркетинга.

По словам первого замминистра экономики Беларуси Андрей Картуна: «Если мы не будем заниматься ESG-повесткой, то нас не будет на внешних рынках. Уже многие страны, даже дружественные Беларуси, используют элементы устойчивого развития, в том числе ESG-повестку, как протекционистские меры, то есть выстраивают скрытые барьеры на пути белорусских производителей. Они задают вопросы про работу с персоналом, отношение к окружающей среде, есть ли ESG-рейтинг и так далее. Если белорусские предприятия не прислушаются к нашим рекомендациям, не придут к ESG-стандартам самостоятельно, то государство будет их подталкивать с помощью административных и стимулирующих мер» [3].

Список использованной литературы

1. Зеленое финансирование, ESG и перспективы их развития в Беларуси [Электронный ресурс] // Отчет рейтингового Агентства Бикрейтинг, 2021– Режим доступа: <https://bikratings.by/>. – Дата доступа: 24.04.2025
2. Санкции не помеха ESG. Почему три буквы остаются актуальными для Беларуси [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ibmedia.by/news/sanktsii-ne-pomeha-esg-pochemu-tri-bukvy-ostayutsya-aktualnymi-dlya-biznesa-belarusi/>. – Дата доступа: 23.04.2025.
3. «Или мы играем по этим правилам, или играют без нас». Зачем белорусскому бизнесу внедрять принципы устойчивого развития? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://smartpress.by/idea/biznes/ili-my-igraem-po-etim-pravilam-ili-igrayut-bez-nas-zachem-belorusskomu-biznesu-vnedryat-printsipy-us/>. – Дата доступа: 20.04.2025.

УДК 351.81 «1941/1945»

М. П. Тишаков

*(ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
Российская Федерация)*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В публикации акцентируется на ключевых проблемах современной историографии посвящённых изучению деятельности системы обеспечения безопасности дорожного

движения в 1941-1945 годах. Автором раскрываются ключевые направления деятельности данной системы в военный период, требующие своего дальнейшего научного исследования с учетом особенностей происходивших трансформаций.

Для системы обеспечения безопасности дорожного Великая Отечественная война является одним из самых сложных периодов, в ходе которого в довольно короткий промежуток времени пришлось трансформировать основные векторы государственной политики, в условиях динамично меняющихся условий. Между тем в современной историографии данным вопросам не уделяется должного внимания, как по глубине проработки, так и в рамках сравнительно-правового анализа деятельности системы противодействия аварийности и организации дорожного движения на региональном уровне, ее особенностей на различных этапах войны.

Актуальными, в канун юбилея Великой Отечественной войны, также остаются вопросы освещения малоизвестных фактов о деятельности органов власти и общественности в вопросах восстановления дорожного движения, его организации в прифронтовой полосе, в период эвакуации, в ходе переломных сражений, последующего функционирования на освобожденных от немецко-фашистской оккупации территориях и т.п.

Современная историография, относительно функционирования системы обеспечения безопасности дорожного движения (ОБДД) в период 1941-1945 годов представлена в основном работами посвященными деятельности ГАИ и ОРУДа [1–5], научные труды содержат некоторые направления либо охватывают лишь отдельные регионы [6–10]. К сожалению, при таком подходе не всегда раскрывается в полной мере специфика функционирования системы обеспечения безопасности дорожного движения на различных этапах военного времени, смена вектора приложения усилий со стороны представителей советской власти, партийных органов. Зачастую идет анализ проводимых мероприятий в обозначенный исторический период, без учета его взаимосвязи с фактическим положением дел в военной сфере. Хотя в последнее время исследователи стали более пристально уделять внимание обозначенным вопросам с учетом перемен на фронте, в частности в начальный период войны [11], на территориях, освобожденных от немецкой оккупации [12], где требуется детальное изучение специфики восстановления функционирования всей системы обеспечения безопасности дорожного движения.

В этой связи актуальным остается изучение деятельности рассматриваемой системы на основе общепринятой периодизации Великой Отечественной войны, специфики выполняемых задач, их региональным особенностям и передовым практикам.

Первоначальный период (1941–1942), требует детального изучения процессов активной мобилизации автотранспорта и водителей, их подготовке для воинских частей и соединений, привлечении ГАИ и органов РУД для эвакуации населения и промышленных предприятий, переход на усиленный режим службы данных подразделений, участия в противодиверсионных мероприятиях, контроль за светомаскировкой автомобилей, выполнении режима комендантского часа и т. п.

В ходе второго этапа, начавшегося с перелома в военных сражениях (конец 1942 года) и дальнейшим освобождением территорий, находившихся под немецко-фашистской оккупацией, необходимо осветить деятельность органов власти в сфере дорожного движения и эксплуатации автомобильного транспорта направленную на восстановления транспортных коммуникаций, налаживание и организации движения автомобильного и гужевого транспорта, восстановление действий правил уличного (дорожного) движения, дальнейшее расширение функций органов Госавтоинспекции по выполнению хозяйственных функций, не связанных непосредственно с обеспечением безопасности дорожного движения.

Исследование функционирования системы ОБДД на заключительном этапе Великой Отечественной войны (1944–1945 годы) связано с полным и окончательным освобождением территории советского государства, началом перехода к мирной жизни ранее

оккупированных и прифронтовых территорий в ходе которого следует уделить внимание повышению транзитного потенциала данных местностей, полноценного налаживания автодорожного движения, качественное решение вопросов его организации, в том числе в крупных городах, уточнение местных правил уличного движения, активизация мероприятий пропагандисткой направленности и принятие автотранспорта передаваемого из армейских частей, восстановленного и трофейного, актуализация проблем низкого уровня правовой культуры участников дорожного движения и т.п.

Однако обозначенный вопросы, с учетом периода Великой Отечественной войны и специфики проводимых в сфере ОБДД и эксплуатации автомобильного транспорта мероприятий не находят должного отражения среди исследователей даже при появлении возможностей изучения ранее недоступных архивных документов. Между тем значимым является и проведение ретроспективных исследований междисциплинарного характера, позволяющих более детально раскрыть особенности противодействия аварийности, подготовки водителей для действующей армии, проведение мобилизационных мероприятий в отношении автотранспорта, его ремонта, поддержании технической готовности, выполнении контрольных функций со стороны органов ГАИ, в том числе и возложение на них несвойственных полномочий и т.п.

Поимом обозначенного актуальным является вопрос изучения деятельности не только правоохранительных органов по обозначенному вопросу, но и региональных органов власти, учитывая, что большинство мероприятий в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в период Великой Отечественной войны имело не линейный характер, проводилось с учетом местных условий, фактической обстановки, без детальных и централизованных указаний от вышестоящих инстанций, требовало оперативности, реализации нестандартных и вместе с тем эффективных подходов. Поэтому весомой значимости приобретает освещение проводимых местными органами власти мероприятий организационно-правовой направленности в пределах крупных населённых пунктов по рассматриваемым вопросам, заложившим основы послевоенного функционирования системы ОБДД. Вместе с тем не стоит упускать из виду, рассмотрение функционирования системы обеспечения безопасности дорожного движения и ее ключевых элементов в сравнительно-правовом контексте, позволяющем отразить, как общие подходы, так и уникальный историко-правовой опыт, присущий отдельным регионам, позволяющий учитывать местные условия, применять наиболее действенные практики, в условиях ограниченных сил и средств, обусловивших качественное улучшение ситуации с организацией дорожного движения, предотвращения дорожно-транспортного травматизма.

Список использованной литературы

1. Андрух, Е. А. Роль Госавтоинспекции НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны / Е.А. Андрух // Деятельность НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны: сборник статей конференции (Орел, 14 мая 2020 года). – Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2020. – С. 15-18.
2. Емелин, С. М. Госавтоинспекция в СССР в 1936-1945 годах: вопросы становления, организационного построения и формирования кадрового состава / С. М. Емелин, А. Ю. Тумин // Вестник ВЭГУ. – 2015. – № 1(75). – С. 121-129.
3. Епифанов, Ю. А. Особенности функционирования органов, обеспечивающих безопасность дорожного движения, в годы Великой Отечественной войны / Ю.А. Епифанов // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 4. – С. 228-230.
4. Сидорова, О. С. Госавтоинспекция в годы Великой Отечественной войны: исторический опыт страны и региона / О.С. Сидорова// Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 4. – С. 31-36.

5. Шевченко, П. Н. Организация деятельности ГАИ и ОРУД в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / П.Н. Шевченко // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 55-57.

6. Бурчак, В. Я. Деятельность подразделений милиции Кемеровской области по обеспечению безопасности дорожного движения в 1943-1953 гг., В.Я. Бурчак // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 4-2(60). – С. 19-22.

7. Гарина, О. В. Деятельность Государственной автомобильной инспекции управления милиции Управления народного комиссариата внутренних дел Орловской области в годы Великой Отечественной войны / О.В. Гарина // История государства и права. – 2019. – № 9. – С. 51-57.

8. Гарина, О. В. Организация безопасности дорожного движения в Орловской области в годы Великой Отечественной войны / О.В. Гарина // Деятельность НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны: сборник статей конференции (Орел, 14 мая 2020 года). – Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2020. – С. 20-29.

9. Жадан, А. В. Деятельность территориальных органов НКВД Дальнего Востока по обеспечению безопасности дорожного движения в 1941 - 1945 гг. / А.В. Жадан // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2023. – Т. 8, № 1. – С. 9-15.

10. Коровин, В. В. Курская Госавтоинспекция в 1941-1943 гг. / В.В. Коровин // Нам этот мир завещано беречь: проблемы сохранения исторической памяти о событиях и героях первого периода Великой Отечественной войны: сборник научных статей конференции (Курск, 21–22 мая 2016 года). – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2016. – С. 110-116.

11. Новиков, В. С. Правила дорожного движения и уголовная преступность на транспорте в среднем Поволжье в начальный период Великой Отечественной войны / В. С. Новиков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2018. – Т. 20, № 3–1(83). – С. 127-130.

12. Тишаков, М. П. Деятельность органов власти по организации дорожного движения и обеспечению его безопасности на освобожденных от немецкой оккупации территориях / М.П. Тишаков // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 11(239). – С. 109-112.

УДК 340.128

Д. В. Щербик

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ «ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА» И «ДИКТАТУРЫ ПАРТИИ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В. И. ЛЕНИНА

В публикации исследуется развитие взглядов лидера большевиков В. И. Ленина по вопросу установления «диктатуры пролетариата», соотношению «диктатуры пролетариата» с «диктатурой партии». Рассматриваются взгляды Ленина на взаимодействие партии с государственными органами и профессиональными общественными организациями в сфере осуществления власти.

Разрешение вопроса о соотношении государственной и партийной власти в СССР необходимо искать в политических воззрениях большевиков, сформулированных на заре становления советской власти, в их взглядах на сущность и формы реализации диктатуры пролетариата.

С самого начала становления советского государства, с Октябрьской революции 1917 г. вопрос диктатуры пролетариата с необходимостью возник перед руководством большевиков ввиду обострения конфликта с иными левыми партиями, которые не желали признать главенство первых в руководстве страной. Необходимость идейного обоснования диктатуры пролетариата стало еще более актуальным после роспуска Учредительного собрания и мятежа левых эсеров в начале 1918 г., обострения Гражданской войны. В. И. Ленин уже в 1917 г. в своем труде «Государство и революция», а затем и в 1918 г. в трактате «Пролетарская революция и ренегат Каутский» отстаивает необходимость диктатуры пролетариата важностью борьбы с сопротивляющейся буржуазией [1].

Рассогласованность действий Советов, в связи с отсутствием четкого разграничения их компетенции, а также влияния на них разных политических сил, бойкот («саботаж») власти большевиков со стороны значительной части работников государственного аппарата из-за идейных разногласий, экономических и политических кризис, побуждали лидеров РКП(б) (переименована с марта 1918 г.) перейти к ужесточению проводимой политики, введению реальной диктатуры, а равно к ее осмыслению с позиций марксистской теории и учетом реалий времени и обстановки. Одним из первых в данной связи стал Декрет Совнаркома от 26 (13) марта 1918 г. «О централизации управления, охране дорог и повышении их правоспособности», в котором Народный Комиссар путей сообщения, а также выбранным в железнодорожных центрах и ответственные перед ним комиссары, получили диктаторские полномочия в данной области [2].

В начале 1918 г. В. И. Ленин пишет трактат «Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент», который после обсуждения на заседании ЦК партии 26 апреля 1918 г. публикуется в виде брошюры под названием «Очередные задачи Советской власти» [3]. В нем вождь большевиков осмысляет практику диктатуры, отмечая, что специфика момента может требовать «единоличной диктаторской власти» для подавления сопротивления буржуазии и преодоления «хаоса» мелкобуржуазных колебаний и метаний в форме «увеличения преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода» [3, с.195, 200, 203].

К 1920 г. реализация РКП(б) практики диктатуры пролетариата столкнулась с обвинениями в ее террористическом характере, антидемократизме, подмене диктатурой партии. В ответ на подобный труд авторитетного немецкого марксиста К. Каутского *Народный комиссар по военным и морским делам* Л. Д. Троцкий выпустил одноименный труд «Терроризм и коммунизм», получивший одобрение как лидера большевиков В. И. Ленина, так и будущего вождя советского государства И. В. Сталина, личный экземпляр которого был испещрѐн одобрительными пометками: «так», «метко» и «в этом вся суть» [4].

Л. Д. Троцкий оправдывает диктатуру партии тем, что сам класс, в том числе класс пролетариата, является неоднородным, имеет различные настроения, в то время как диктатура требует «единство воли, единство направления, единство действия». Следовательно, провозглашает он, «революционное господство пролетариата предполагает в самом пролетариате политическое господство партии с ясной действенной программой и непрерываемой внутренней дисциплиной». Почему именно партия большевиков является авангардом и лучше всех реализует интересы класса, а значит и может претендовать на роль диктатора? Потому, что именно коммунисты, не смотря на все репрессии и противодействия, что в России, что в Германии, росли в численности и силе, в то время как иные партии, претендовавшие на данную роль, «сошли на нет». Поэтому именно диктатура партии, как авангарда, обеспечивает диктатуру Советов, которые превращаются в «аппарат труда». «Отсюда вытекает руководящая роль коммунистического меньшинства в профессиональных союзах, которая отвечает господству коммунистической партии в Советах и является политическим выражением диктатуры пролетариата».

В тоже время, партия непосредственно не управляет, т. к. аппарат ее к этому не приспособлен, но она имеет решающее слово во всех вопросах, обеспечивает общее

руководство. «Более того, - наша практика привела к тому, что по всем вообще спорным вопросам, конфликтам между ведомствами и личным конфликтам внутри ведомств последнее слово принадлежит Центральному Комитету партии. Это дает чрезвычайную экономию времени и сил и в самых трудных и запутанных обстоятельствах обеспечивает необходимое единство действий».

Таким образом, Троцкий прямо обосновал необходимость диктатуры партии, а в ней важнейшее место ЦК, подчинение ей государственного аппарата в виде Советов и общественных объединений трудящихся (профсоюзов).

В этом же году В. И. Ленин в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Опыт популярной беседы о марксистской стратегии и тактике», обращаясь в первую очередь к зарубежным марксистам, следующим образом описал «механизм пролетарской государственной власти, рассмотренный «сверху», с точки зрения практики осуществления диктатуры»: Диктатуру пролетариата осуществляет коммунистическая партия большевиков... Партией, собирающей ежегодные съезды .., руководит выборный на съезде Центр. Комитет из 19 человек, при чем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям, именно так называемым «Оргбюро» (Организационному бюро) и «Политбюро» (Политическому бюро), которые избираются на пленарных заседаниях Цека в составе пяти членов Цека в каждое бюро.. Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии... Партия непосредственно опирается в своей работе на профессиональные союзы... Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов.. состоят из коммунистов и проводят все директивы партии».

В 1920 г., однако, по вопросам стратегии дальнейшего развития, в том числе взаимодействия партии и профсоюзов, Советов и т.д., РКП(Б) стояла на грани раскола. В результате на X съезде была принята резолюция «О единстве партии», которая запрещала создание в партии фракций и групп. Именно в это время усиливаются процессы по обеспечению централизации партии, обеспечению ее единства как командного штаба.

В дальнейшем необходимости диктатуры пролетариата и руководящей роли коммунистической партии были посвящены работы И. В. Сталина «Об основах ленинизма: Лекции, читанные в Свердловском университете» (1923 г.) и Сталин И. В. «К вопросам ленинизма» (1926 г.). В последней, рассуждая о механизме диктатуры, он добавляет к Советам и профсоюзам в качестве ее приводящих ремней («приводы», «рычаги») кооперацию, союз молодежи и партию, как авангард диктатуры. Именно последняя должна объединять, направлять, обучать и централизована руководить пролетариатом. «В этом смысле можно было бы сказать, что диктатура пролетариата есть, *по существу*, “диктатура” его авангарда, “диктатура” его партии, как основной руководящей силы пролетариата».

Сталин еще более активно вынужден возражать против отождествления диктатуры пролетариата с диктатурой вождей. Он отмечает, что говорить о тождественности диктатуры пролетариата, диктатуры партии, диктатуры вождей можно только при понимании диктатуры как руководства. Понятие диктатуры пролетариата шире, т. к. она «состоит из руководящих указаний партии, плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением.. Между руководящими указаниями партии и их претворением в жизнь лежат, следовательно, воля и действия руководимых, воля и действия класса, его готовность (или нежелание) поддержать такие указания, его умение (или неумение) провести эти указания, его умение (или неумение) провести их так именно, как требует этого обстановка».

Опять же, по его мнению, партию нельзя отождествлять с государственной властью. Она является «ядром власти». То что «верхи партии» и «верхи советские» слиты, не означает, что партия может заменить государство или является государством, она лишь руководит ими, ее работа «идет» через них. «Советы, являются организацией сплочения трудящихся масс вокруг пролетариата при руководстве партии». Таким образом,

Сталин доказывает, что «диктатуре пролетариата не противоречит не только руководство (“диктатура”) партии, но и руководство (“диктатура”) вождей», но последние не тождественны, не сливаются с первым.

К середине 20-х гг. нарастала тенденция усиления роли ЦК и минимизация возможности внутрипартийной борьбы, угрозы «вождям», что выразилось в закреплении в Уставе партии норм, ограничивающих возможность легальной критики ее руководства. Наиболее жестко, она была закреплена в редакции Устава ВКП(б) 1934 г., где содержалось ценное разъяснение/ указание по вопросу «О внутрипартийной демократии и партийной дисциплине»: «Свободное и деловое обсуждение вопросов партийной политики в отдельных организациях или в партии в целом является неотъемлемым правом каждого члена партии, вытекающим из внутрипартийной демократии.. Но широкая дискуссия, особенно дискуссия всесоюзного масштаба по вопросам партийной политики, должна быть организована так, чтобы она не могла привести к попыткам незначительного меньшинства навязать свою волю громадному большинству партии и к попыткам образования фракционных группировок, ломающих единство партии, к попыткам раскола, могущим поколебать силу и стойкость диктатуры пролетариата на радость врагам рабочего класса. Поэтому широкая дискуссия всесоюзного масштаба может быть признана необходимой только в том случае, если: а) эта необходимость признается по крайней мере несколькими местными парторганизациями областного или республиканского масштаба; б) если внутри ЦК нет налицо достаточно твердого большинства в важнейших вопросах партийной политики; в) если, несмотря на наличие твердого большинства в ЦК, стоящего на определенной точке зрения, ЦК все же считает необходимым проверить правильность своей политики путем дискуссионного обсуждения в партии..» [4].

Таким образом, очевидно, что идейные установки большевиков изначально имели потенциал, а затем в перипетиях в период и после Гражданской войны предусматривали создание иерархической системы власти, в которой централизованная партия осуществляет прямое управление всей системой государственных и общественных органов в целях построения социалистического централизованного общества как первого этапа на пути перехода к коммунизму, когда централизация планирования и управления станет естественным и перестанет требовать политического принуждения со стороны партии и государственного аппарата. Данные установки, а не «злая» воля руководства партии («вождей») обусловили постепенное выстраивание системы власти, в которой «вы дисциплинированные» представительные (ВЦИК, система Советов) и управленческие органы (Совнарком) признавали руководство партии.

В таких условиях именно ЦК партии, а не какой-либо из государственных органов или должностное лицо, выступал как коллективный гарант советского строя, его руководитель и охранитель. При этом, возможность «диктатуры вождя» являлась диалектически допустимой в зависимости от условий (внутренняя или внешняя угрозы, экономические вызовы и т. п.).

Список использованной литературы

1. Ленин, В. И. Государство и революция / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. [В 55 т]. Т. 33. Государство и революция. – Изд. 5-е – Москва : Изд.полит. лит., 1969. – С.1–120.

2. О централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности : Декрет Совета Народных Комиссаров // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов № 57 от 26 (13) марта 1918 года. – URL: <https://istmat.org/node/29136>.

3 Ленин, В. И. Очередные задачи Советской власти / В.И.Ленин // Полное собрание сочинений. [В 55 т]. Т. 36. Март – июль 1918. – Изд. 5-е – Москва : Изд.полит. лит., 1969. – С.165-208.

4. Фельштинский, Ю. Лев Троцкий. Большевик. 1917–1923 гг. / Ю. Фельштинский, Г. Чернявский. – Книга 2 – М.: Центрполиграф, 2012. – 512 с.

5. Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм / Л.Д. Троцкий [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1920/terr.htm#st01> (дата обращения 02.02.2025).

**В СЛУЖЕНИИ ФЕМИДЕ И ОБЩЕСТВУ:
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Д. СПАСОВИЧА**

УДК 347.965.45

М. С. Пермиловский

*(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

**ОБРАЗ АДВОКАТА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»:
ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА И СВОБОДА (РЕЛЯТИВИЗМ?) СОВЕСТИ**

Рассмотрены способы адвокатской аргументации, описанной в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», а также представленной в судебной речи В. Д. Спасовича по «Делу Кроненберга». Анализ первоисточников и дневниковых записей Ф. М. Достоевского показал, что судебная речь В. Д. Спасовича предопределила образ адвоката в романе. В обоих случаях защита основывалась не на праве, а на свободе совести в истолковании социальных норм, что позволило оказать нравственное воздействие на результаты судебных дел. Изложено критическое отношение писателя к такому подходу в правозащитной деятельности.

Он стоял всегда за нарушенное, за попранное право,
ибо стоял за личность человека, за его достоинство,
которые находят себе выражение в этом праве.

«Воспоминания о писателях»

А. Ф. Кони о Ф. М. Достоевском

Он рассматривал вопросы о пределах карательной власти
государства и о взаимодействии законов и нравов.

«Отцы и дети судебной реформы:
(к пятидесятилетию судебных уставов)»

А. Ф. Кони о В. Д. Спасовиче

Истории отечественной адвокатуры известно немало классических адвокатов-судебных ораторов: С. А. Андреевский, Н. П. Карабчевский, А. Я. Пассовер, Ф. Н. Плевако, Д. В. Стасов, А. И. Урусов. Среди них одним из самых выдающихся деятелей был уроженец Минска Владимир Данилович Спасович (1829 – 1906), посвятивший себя адвокатуре начиная с проведения в России судебной реформы 1866 года и проявивший себя не только как талантливый адвокат, но и как новаторский юрист, приемы и способы правовой защиты которого достойны внимательного изучения [5, с. 141-142]. До настоящего времени сохранились судебные речи В. Д. Спасовича по многим известным делам, в том числе по «Делу о банкире Кроненберге, обвинявшемся в истязании своей семилетней дочери». В рамках этого дела В. Д. Спасовичем произнесена судебная речь [4, с. 49-71], по итогам которой подсудимый С. Л. Кроненберг, обвинявшийся в истязании своей дочери путем побоев, был оправдан. Эту образцовую для правовой защиты речь можно изложить следующими тезисами.

Вначале адвокатом создано благоприятное впечатление о репутации подсудимого (получение европейского юридического образования, участие в войне и награждение Орденом Почетного легиона) и вызвано сочувствие к нему (незаклучение брака с женщиной, тайком родившей от него дочь и передавшей ее на воспитание крестьянам; последующее

признание отцовства и предоставление дочери своего имени; воспитание ребенка в ущерб личной жизни; проживание с дочерью в Царстве Польском, где гражданское законодательство допускало наказание детей). Затем поставлены под сомнение имеющиеся в деле доказательства истязания (по мнению защитника, медицинское заключение содержало сведения об общем состоянии здоровья дочери, из которых нельзя точно определить характер побоев; подчеркнуто противоречие свидетельских показаний – два свидетеля утверждали о систематических побоях, три свидетеля не заметили наказаний, гувернантка, дававшая девочке уроки, тоже не обратила внимания на наличие побоев; в соотношении понятий «побои» и «истязания» сделан вывод о том, что в рассматриваемом случае понятие «истязание» имеет скорее эмоциональную, а не юридическую характеристику, а истязаний как таковых не было, поскольку подсудимый «не морил ребенка голодом, не вырывал у него зубы» [4, с. 69]).

Говоря о мотивах поведения подсудимого, В. Д. Спасович подвел их под необходимость пресечения отцом безнравственности дочери, выражавшейся в неопрятности, дурных привычках, мелких хищениях, а главное – в «бесцельной лжи». Обвиняемый, со слов В. Д. Спасовича, считал, что «ложь есть мать всех пороков и подлость ума и сердца» [4, с. 67]. Отсюда заключение: основная цель наказания дочери – нравственная, состояла в искоренении обмана и в этом случае «власть отеческая может употребляться более строго, чем обыкновенно» [4, с. 68]. «Преследовать отца за то, что он наказывал больно, но по делу, – говорил в судебной речи В. Д. Спасович, – это плохая услуга семье, плохая услуга государству, потому что государство только тогда и крепко, когда оно держится на крепкой семье» [4, с. 68]. Произведенное наказание, хотя само по себе неоправданно, но отчасти достигло своей цели – дочь меньше лжет. Наказывать С. Л. Кроненберга за это – значит отрицать отеческую власть, а вместе с ней власть государства наказывать своих граждан за допущенные нарушения, – подытожил В. Д. Спасович.

«Дело Кроненберга» и судебная речь В. Д. Спасовича вызвали интерес у классика русской литературы Федора Михайловича Достоевского (1821 – 1881) и вдохновили писателя на образ адвоката Фетюковича в романе «Братья Карамазовы». В главах с X по XIII книги двенадцатой («Речь защитника. Палка о двух концах», «Денег не было. Грабежа не было», «Да и убийства не было», «Прелюбодей мысли») раскрывается авторская интерпретация адвокатской свободы совести (или ее релятивизм по отношению к духовно-нравственному канону).

Описывая речь адвоката, Ф. М. Достоевский обращает внимание на искренний и простодушный голос, который «может вдруг ударить по сердцам с неведомою силой» [1, с. 152–153]. В своей речи защитник Фетюкович «переворачивает» доводы обвинителя. К примеру, возврат Дмитрия Карамазова в дом своего отца не свидетельствует о совершенном им убийстве, а, напротив, подтверждает «жалость и доброе чувство потому, что была чиста совесть»; оставленный на полу отцовского дома клочок бумаги от пакета с деньгами (при отсутствии самих денег) не может доказывать факт грабежа исходя из простого утверждения «не было денег, не было, стало быть, и грабежа», а деньги, которыми в последующем распоряжался Дмитрий Карамазов были даны ему госпожою Верховцевой; Дмитрий Карамазов не убивал своего отца, поскольку ранее в силу лишь своего темперамента угрожал ему расправой и совершить преступление «как по писаному» никак не мог, а если бы даже и смог, то «он должен был тогда почувствовать двойную, тройную потребность убить себя и убил бы себя непременно, если бы сзади его лежал труп отца, ... но он не убил себя именно потому, что «мать замолила о нем», и сердце его было неповинно в крови отца» [1, с. 163]; слуга Павел Смердяков перед повешеньем не признал себя виновным в убийстве Федора Карамазова, потому что у самоубийцы «могло и не быть раскаяния, а было лишь отчаяние ... отчаяние может быть злобное и непримиримое» [1, с. 166].

В заключительной части судебной речи Фетюковича Ф. М. Достоевский передает «наскок на совесть» [2, с. 57], который, по мнению писателя, совершил В. Д. Спасович

в «Деле Кроненберга». Адвокат Фетюкович различает «простое убийство» и «отцеубийство». Второе уже само по себе предполагает инстинктивное обвинение, а значит, предвзятость в оценке обстоятельств и доказательств. «Да, страшная вещь пролить кровь отца, – произносит Фетюкович, – кровь родившего, кровь любившего, кровь жизни своей для меня не жалевшего, с детских лет моих моими болезнями болевшего, всю жизнь за мое счастье страдавшего и лишь моими радостями, моими успехами жившего» [1, с. 168]. Однако защитник подчеркивает, что Федор Карамазов – это беда, ежедневно «за коньячком» он рассказывал сыну «житейские правила, от которых воротит сердце», надсмехался над ним, клеветал на него в обществе, скупал его долговые расписки, чтобы посадить в тюрьму и, наконец, отбивал у него девушку. Федор Карамазов «не может и недостойн называться отцом ... любовь к отцу, не оправданная отцом, есть нелепость, есть невозможность» [1, с. 168–169].

После таких нападок адвокат, воздействуя на совесть присяжных, цитирует Священное Писание, чтобы вся Россия слышала: «спрашивать с детей наших» может только тот, кто исполняет христианские заветы, в остальном «не погубим души человеческой!» [1, с. 169–170]. Адвокат осознает, что есть и другое понимание слова «отец», которое можно «принять лишь верой» – отец, несмотря на злодеяния, всегда остается отцом, поскольку «он родил меня». Но это, по его мнению, должно оставаться вне действительности, так как «если хотим быть гуманными, христианами мы обязаны проводить убеждения, оправданные рассудком и опытом» [1, с. 170]. Отсюда заключение: настоящая нормальная семья утверждается не на предрассудках, а на доказанной отцом любви к нему. В ином случае «сын получает свободу и право считать отца своего за чужого себе и даже врагом своим» [1, с. 171]. Защитник кульминировал свою речь признанием, что осуждение Дмитрия Карамазова – образцовая жестокость для него самого, настоящее наказание – милосердие. Только через милосердие подсудимый сможет раскаяться, поэтому «лучше отпустить десять виновных, чем наказать одного невинного» [1, с. 173] – попытожил Фетюкович.

Священное Писание содержит заповедь о почитании отца и матери. Непочтение же к родителям, как пишет протоиерей Серафим Слободской: «Есть великий грех» [3, с. 578]. И только если родители требуют чего-либо, противоречащего вере и Священному Писанию, им необходимо сказать: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?» [3, с. 579]. Исполнение данной заповеди не зависит от поведения отца или матери или тем более от осуждения такого поведения, что являлось бы прямым несоблюдением заповеди о неосуждении ближнего.

Государственный закон, в отличие от его комментаторов, признает ценность любой человеческой жизни и предусматривает неотвратимость наказания, не разделяя преступления на «простые» и другие.

Несмотря на это, Фетюкович создает субъективный взгляд на социальные нормы. Его правозащитный подход характеризуется релятивизмом совести по отношению как к внешним обстоятельствам преступления, так и к внутреннему духовно-нравственному состоянию подсудимого. По сути этот же релятивизм насаждается присяжным.

Именно такой образ адвоката у Ф. М. Достоевского неслучаен, судя по дневнику писателя, он напрямую связан с участием В. Д. Спасовича в «Деле Кроненберга» [1, с. 586–587; 2, с. 346–347]. Здесь подчеркивается редкий для адвокатской практики талант В. Д. Спасовича, применение которого, как правило, влечет благоприятные для подсудимого последствия, что и произошло в «Деле Кроненберга». Однако это повлекло неоднозначную оценку Ф. М. Достоевского, то есть само по себе оправдание подсудимого воспринято им положительно ввиду сохранения семьи, поскольку иное привело бы к длительной ссылке и каторге С. Л. Кроненберга, но избранный В. Д. Спасовичем способ аргументации – фактическое благоприствование отцу и обвинение дочери, вызвал резкую критику.

В «Деле Кроненберга» талант В. Д. Спасовича позволил, по мнению Ф. М. Достоевского, отвлечься от сути обвинения и перевести внимание на благородство подсудимого,

признавшего отцовство (не обращая внимания при этом на то, что он не жил вместе с ребенком). Квалифицируя действия обвиняемого как побои, а не как истязания, В. Д. Спасович, с точки зрения Ф. М. Достоевского, допустил некорректность, потому что такая квалификация была увязана с моментом судебного разбирательства (когда следы на теле ребенка уже исчезали), а не с моментом нанесения побоев. Самое главное, что возмутило Ф. М. Достоевского – это абсолютное невнимание к семилетнему ребенку и даже обвинение его в обмане и воровстве в целях оправдания подсудимого. Писатель подчеркивает, что, во-первых, возраст ребенка оправдывает его поведение (это намеренно не учтено адвокатом) и, во-вторых, хищение было незначительным (чернослив), а в остальном характеристика девочки основывалась на предположении о ее стремлении к «краже банковских билетов» [2, с. 62].

Произведенное наказание В. Д. Спасович оценивает как более строгую меру, чем обыкновенно, на которую отец имеет право. Ф. М. Достоевский особо отмечает неопределенность и произвольность такой оценки, позволяющей адвокату задаться вопросом: «Где же предел отцовской власти?» [4, с. 70]. «Предел этой власти в том, – отвечает Ф. М. Достоевский, – что нельзя семилетнюю крошку, несравненно чистейшую и безгрешнейшую, чем мы с вами, г-н Спасович, и чем все бывшие в зале суда, судившие и осуждавшие эту девочку, – нельзя драть ее девятью «шпицрутенами», и драть четверть часа, не слушая ее криков: «папа, папа!», от которых почти обезумела дворничиха, – нельзя быть вне себя, потому что есть предел всякому гневу» [2, с. 67]. Поэтому должны быть пределы и правовой защиты или, как писал Ф. М. Достоевский, пределы адвокатской отзывчивости, чтобы не жертвовать собой для клиента.

В. Д. Спасович обращал внимание, что «все обвинение Кроненберга поставлено совершенно неправильно» [4, с. 70], в чем, по мнению Ф. М. Достоевского, он был глубоко прав, поскольку «в этом деле что-то не так, несмотря на действительную виновность» [2, с. 72]. Представляется, что это связано с отсутствием тогда специальных правовых средств защиты прав и интересов детей. Пройдет еще более ста лет, прежде чем в 1989 году принцип обеспечения семейного окружения, атмосферы счастья, любви и понимания как гарантия полного и гармоничного развития личности ребенка будет закреплён в Конвенции о правах ребенка.

Не давая оценки «Делу Кроненберга», следует отметить, что в зависимости от пределов свободы совести правовая защита может быть положительной или отрицательной. На примере описанного Ф. М. Достоевским образа адвоката и судебной речи В. Д. Спасовича видно, что релятивизм совести является психологическим приемом правовой защиты, влияющим на тенденциозное отношение к подсудимому. В случае его реальной виновности в преступлении это может позволить избежать наказания, что противоречит принципам нравственности и права.

Список использованной литературы

1. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – Т. 15. Книги XI–XII. Эпilog. – Ленинград: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1976. – 624 с.
2. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя за 1876 год, январь–апрель. / Ф. М. Достоевский. – Т. 22. – Ленинград: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1981. – 408 с.
3. Закон Божий: для семьи и школы / сост. прот. Серафим Слободской. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, – 2011. – 720 с.
4. Спасович, В. Д. Сочинения. Т. 6: Судебные речи (1875–1882) / В. Д. Спасович. – СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1913. 378 с.
5. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. – СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. Т. 31: София – Статика. Т. 31. 1900. 472 с.

А. А. Слукина

(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)

ВЛИЯНИЕ РЕЧЕЙ В. Д. СПАСОВИЧА НА РАЗВИТИЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Материалы посвящены влиянию речей выдающегося юриста Спасовича В. Д. на развитие юриспруденции. Основной темой исследования является анализ идей Спасовича В. Д., касающихся защиты прав человека, адвокатской этики и необходимости судебных реформ. Рассматривается Тифлисское дело как яркий пример эффективной судебной защиты, демонстрирующий значимость ораторского мастерства и критического анализа доказательств. Основная проблема – выявление конкретного вклада Спасовича В. Д. в укрепление принципов справедливости, законности и уважения к правам человека. Новизна работы заключается в комплексном анализе влияния речей Спасовича В. Д. не только на судебную практику, но и на развитие юридической науки и образования.

Спасович Владимир Данилович – это не только выдающийся юрист, а символ российской адвокатуры. Его имя стало синонимом профессионализма, честности и принципиальности. Принадлежащие ему судебные речи оказали огромное влияние на развитие юриспруденции, укрепили принципы справедливости и законности, а также сформировали представление об адвокате как о защитнике прав и свобод человека. Это наследие до сих пор остается актуальным и служит примером для современных юристов.

Спасович В. Д. быстро завоевал репутацию одного из лучших адвокатов России, благодаря своему таланту, эрудиции и умению убеждать присяжных. Спасович В. Д. участвовал во многих громких и резонансных делах, защищая людей разных сословий и убеждений. Его речи отличались глубоким анализом фактов, логичностью аргументации, знанием психологии и умением воздействовать на эмоции слушателей. «В числе многих и многие годы я восхищался его оригинальным, непокорным словом, которое он вбивал, как гвозди, в точно соответствующие им понятия, – любовался его горячими жестами и чудесной архитектурой речи, неотразимая логика которых соперничала с глубокой их психологией и указаниями долгого, основанного на опыте житейского раздумья,»[6, с. 229] – писал Анатолий Федорович Кони, давая характеристику Спасовичу В. Д., подчёркивая, что он обладает своим уникальным способом выражения мыслей, используя слова не просто как инструмент, а как способ проникновения в суть вещей. Владимир Данилович в своих судебных речах выступал в роли исследователя, акцентируя внимание на насущных вопросах, волнующих российское общество, также выдвигая возможные решения.

Спасович В. Д. виртуозно владел искусством судебной риторики, превращая каждое дело в демонстрацию силы аргументации, логики и психологического воздействия на присяжных. Наиболее ярким примером является его речь по делу Нины Андреевской. Летом 1876 года в Тифлисе таинственно исчезла Нина Андреевская, дочь известного врача. Семья Андреевской владела значительным состоянием, которое было разделено между вдовой и детьми, включая Нину. Незадолго до исчезновения Нины, сёстры решают разделить наследство, но вдруг Нина внезапно исчезает. Ночью у реки нашли одежду Нины, а вскоре и её тело. Основные подозрения пали на Давида Чхотуа, управлявшим наследством сестер, и его брата Николая.

Дело Андреевской было построено преимущественно на косвенных доказательствах. Спасович В. Д. продемонстрировал виртуозное умение оперировать ими, подвергая сомнению логические связи, представленные обвинением, и предлагая альтернативные объяснения фактам. Он показал, как из одних и тех же обстоятельств можно сделать

разные выводы, и как важно не принимать косвенные улики за неоспоримую истину. Это способствовало более внимательному и осторожному отношению к косвенным доказательствам в судебной практике. Спасович В. Д. также уделил большое внимание анализу личности подсудимого и жертвы, их взаимоотношений и возможных мотивов. Он попытался понять, что могло толкнуть подсудимого на преступление, и как развивались его отношения с убитой. Это подчеркнуло важность психологического анализа в уголовном процессе и необходимость учета индивидуальных особенностей личности при вынесении приговора. Также значительная часть речи Спасовича посвящена полемике с медицинскими экспертами, проводившими экспертизу тела убитой. Он тщательно изучил медицинскую литературу и смог аргументированно опровергнуть их выводы, касающиеся причин смерти и других важных обстоятельств дела. Это стимулировало развитие судебной медицины и повышения требований к квалификации судебных экспертов.

Речи Спасовича способствовали укреплению роли адвоката в обществе как защитника прав и свобод человека. Он своим примером показывал, что адвокат должен руководствоваться высокими этическими принципами и честно выполнять свой профессиональный долг. Спасович В. Д. считал, что адвокат должен быть не просто юристом, а защитником прав и свобод человека. Он был готов браться за самые сложные и резонансные дела, защищая людей, которых общество уже осудило. Он верил в силу закона и считал, что каждый человек имеет право на справедливый суд. Его речь продемонстрировала силу убедительной аргументации, умения анализировать факты, выявлять противоречия в показаниях свидетелей и воздействовать на эмоции присяжных. Она стала образцом для подражания для юристов и адвокатов. Владимир Данилович продемонстрировал необходимость тщательной подготовки к судебному процессу, изучения всех деталей дела и выявления слабых мест в позиции противника.

Спасович В. Д. показал, что обвинение не представило ни единого железного доказательства, лишь строило догадки. Несмотря на мощную защиту и веские доводы, апелляционный суд оставил решение первой инстанции без изменений. Давид Чхотуа получил 20 лет каторги, повар Габисония – 10 лет каторги.

Речь Спасовича В. Д. по делу Андреевской укрепила принципы состязательности и презумпции невиновности, подчеркнула важность косвенных доказательств, экспертных заключений и психологического анализа в уголовном процессе, а также продемонстрировала высокие этические стандарты адвокатской деятельности. Это дело стало важной вехой в развитии судебной практики и юридической науки.

Спасович В. Д. был не только выдающимся практиком, но и крупным ученым. Его научные труды, например, учебник «Учебник уголовного права», оказали значительное влияние на развитие уголовного права и процесса. Его речи анализировались в юридических учебных заведениях как примеры блестящей аргументации, логики и юридической техники. Речи Спасовича научили юристов более критически относиться к доказательствам, не принимать их на веру, а тщательно анализировать и оценивать их достоверность.

Таким образом, судебные речи Владимира Даниловича Спасовича оказали неоценимое и многогранное влияние на развитие юриспруденции. Его блестящее ораторское мастерство не только вдохновило целые поколения юристов, но и укрепило фундаментальные принципы правосудия и справедливости, законности и уважения к правам человека. Спасович В.Д. внес существенный вклад в усиление презумпции невиновности, критический подход к доказательствам, и повышение стандартов защиты прав подсудимых. Он показал, что адвокат – это не просто юрист, а защитник человеческого достоинства, борющийся за справедливость даже в самых сложных и запутанных делах. Его речи стали образцом для изучения, а его этические принципы - компасом для будущих поколений адвокатов. В конечном счете, наследие Спасовича В. Д. способствовало формированию более гуманной и справедливой правовой системы. Не зря говорят, что адвокатские речи и другие произведения Спасовича В. Д. отличаются «силой чеканного слова,

богатством языка и глубиной мысли, умелым использованием сравнений» [11, с. 58]. Логика судебных речей Спасовича выделяется своей глубокой аналитичностью и системным подходом к правовым вопросам. Он умело сочетал юридическую аргументацию с философскими размышлениями, что позволяло ему не только обосновывать свою позицию, но и вызывать эмоциональный отклик у слушателей, делая свои речи запоминающимися и убедительными.

Список использованной литературы

1. Вишневский, А. Ф. Уголовно-правовые идеи Спасовича В. Д.: к 190-летию со дня рождения ученого / А. Ф. Вишневский, А. П. Грахоцкий // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №12 (109). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-idei-v-d-spasovicha-k-190-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-uchenogo> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Упоров, И. В. Российский адвокат Спасович В. Д. как правовед и публицист / И. В. Упоров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – №1-3 (76). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-advokat-v-d-spasovich-kak-pravoved-i-publitsist> (дата обращения: 10.04.2025).
3. Вишнякова, Н. В. К 180-летию В. Д. Спасовича / Н. В. Вишнякова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2009. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-180-letiyu-v-d-spasovicha> (дата обращения: 10.04.2025).
4. Спасович, В. Д. Судебные речи Вступительная статья Резника Г. М. / В. Д. Спасович // Серия : Антология мысли. – 2014. – С. 403
5. Спасович, В. Д. Сочинения Спасовича В. Д.: Том 6: Судебные речи. (1875-1882) / В. Д. Спасович // Сочинения Спасовича В. Д. – 1894. – С. 378.
6. Кони, А. Ф. Отцы и дети судебной реформы (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864-1914 [Электронный ресурс] / А. Ф. Кони. – Москва : Издание Т-ва И. Д. Сытина., 1914. – 319 с. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/522208> (дата обращения: 16.04.2025)
7. Нигматуллина, Т.А. Искусство слова : хрестоматия по судебной риторике / Т. А. Нигматуллина, Р. Я. Вельц // Башкирский институт социальных технологий (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений». – Уфа : Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО». – 2017. – С. 672.
8. Спасович, В. Д. Судебные речи / В. Д. Спасович, Г. М. Резник. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 403 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-02632-0. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/559714> (дата обращения: 16.04.2025).
9. Спасович, В. Д. Речь по делу Давида и Николая Чхотуа и др. (Тифлисское дело) / В. Д. Спасович // Юриспруденция. – 2011. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rech-po-delu-davida-i-nikolaya-chhotua-i-dr-tiflisskoe-delo> (дата обращения: 10.04.2025).
10. Попова, Т. Г. Об особенностях судебной речи / Т. Г. Попова, М. Н. Федулова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 58.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 346.7

Е. Г. Абраменко

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В материалах рассматриваются особенности политико-правового регулирования технологий искусственного интеллекта на национальном и международном уровнях. В частности, определены особенности подходов законодательства Европейского Союза, США, КНР, Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан. Также выявлено влияние разницы в подходах на международный консенсус в данной сфере. Отдельное внимание уделяется принятию модельного закона СНГ «О технологиях искусственного интеллекта».

Стремительное развитие искусственного интеллекта (ИИ) демонстрирует острую потребность в правовом регулировании этого процесса на всех уровнях: национальном и международном. Одним из лидеров в разработке правового регулирования технологий ИИ является Европейский Союз. В мае 2024 г. Евросовет принял «Закон об искусственном интеллекте», целью которого стала гарантия, безопасности систем искусственного интеллекта, развернутых в ЕС для человека, его прав и свобод. Закон классифицирует системы искусственного интеллекта в зависимости от уровня риска:

Неприемлемый риск (будут запрещены): создают явные риски для безопасности и прав людей (например, государственные системы социального рейтинга, подсознательные манипуляции и некоторые формы биометрического наблюдения).

Рискованный уровень (будут соответствовать строгим требованиям, с точки зрения прозрачности и надежности): используются в критически важных областях (например, критическая инфраструктура, образование, человеческие ресурсы и финансовые услуги).

Ограниченный риск (будут соблюдать обязательства прозрачности): представляют ограниченный риск (например, системы ИИ, взаимодействующие с людьми, должны информировать пользователей о том, что они разговаривают с машиной).

Минимальный риск (будут подчиняться лишь легким требованиям соответствия): системы искусственного интеллекта с минимальным риском (например, спам-фильтры и видеоигры на основе ИИ).

Целями закона являются: обеспечение безопасности и уважения основных прав, содействие инновациям и конкурентоспособности, эффективное управление и надзор.

Для обеспечения реализации закон «Об искусственном интеллекте» предусматривает многоуровневую систему структур управления, включающую общеевропейские (Европейский Совет по искусственному интеллекту) и национальные надзорные органы [6].

В отличие от Европейского Союза в США на существует единого федерального закона, регулирующего сферу искусственного интеллекта. Как правило регулирование осуществляется на уровне соответствующих ведомств и штатов.

В 2023 г. Президентом США был подписан Указ «О разработке и использовании ИИ в условиях безопасности надежности и доверия». Основными целями в соответствии с указом являются: создание новых стандартов безопасности и защиты для ИИ, защита конфиденциальности потребителей, содействие равенству и гражданским правам, защита

потребителей в целом, поддержка работников; содействие инновациям и конкуренции, сотрудничество с международными партнерами по внедрению стандартов ИИ в мире, а также разработка руководства для федеральных ведомств по использованию и закупке ИИ и ускорению найма квалифицированных работников в этой области.

В 2023 г. был создан Институт безопасности искусственного интеллекта США, главной задачей которого стала разработка рекомендаций по безопасности ИИ и снижение рисков, связанных с использованием передовых технологий ИИ – системами.

В 2024 г. Президентом был подписан меморандум «Укрепление лидерства Соединенных Штатов в области искусственного интеллекта; использование искусственного интеллекта для достижения целей национальной безопасности; а также повышение надежности искусственного интеллекта», который декларирует 3 основные цели: лидерство в разработке безопасного и заслуживающего доверия ИИ; использование мощного ИИ для достижения целей национальной безопасности; продолжение работы направленной на создание стабильной и ответственной структуры для продвижения международного управления ИИ.

Одним из мировых лидеров в сфере разработки и применения искусственного интеллекта является Китай. В 2021 году правительством КНР анонсирован переход от концепции «Интернет+» к концепции «Искусственный интеллект+».

В августе 2023 года в Китае вступили в силу «Временные правила оказания услуг с использованием ИИ», ключевыми принципами которых стали: ИИ должен придерживаться основных социалистических ценностей и не должен подстрекать к подрыву государственной власти; ИИ не должен дискриминировать пользователей по этнической принадлежности, убеждениям, стране, региону, полу, возрасту; разработчики должны уважать права интеллектуальной собственности, соблюдать законные права и интересы граждан, содействовать сохранности физического и психического здоровья; работа алгоритмов должна быть прозрачной; власти должны поощрять инновационное применение технологии генеративного искусственного интеллекта в различных отраслях и содействовать созданию инфраструктуры ИИ; провайдеры, должны подписывать с разработчиками договор и предоставлять оборудование для обеспечения безопасности данных, а также регистрировать генерацию противоправного контента и блокировать его; за работой сервисов генеративного ИИ должны следить специальные органы [1].

В 2023 г. в рамках третьего форума «Один пояс-один путь» Китай выступил с инициативой по управлению искусственным интеллектом и призвал страны к техническому сотрудничеству в данном вопросе.

В целом описанные выше правовые акты демонстрируют разницу в подходах к правовому регулированию технологий искусственного интеллекта. Отсутствие единства продемонстрировал и состоявшийся в Париже с 10 по 11 февраля 2025 г. AI Action Summit. В результате саммита была подписана Декларация «Об инклюзивном и устойчивом искусственном интеллекте», которая призывает обеспечить прозрачность, инклюзивность, этичность, безопасность и надежность ИИ с учетом международных правовых норм. Документ не подписали представители США и Великобритании. В частности, США выступили с критикой ЕС за избыточное регулирование и модерацию контента на интернет-платформах, а представители Великобритании, отметили, что в декларации отсутствуют практические меры в отношении глобального управления и недостаточно проработаны вопросы национальной безопасности [7].

Рассматривая вопросы политико-правового регулирования в сфере ИИ, безусловно необходимо обратить внимание на меры предпринимаемые в данной области в странах СНГ (например, в Российской Федерации (РФ), Республике Беларусь и Республике Казахстан).

15 апреля 2014 г. Правительством РФ была принята государственная программа «Информационное общество», реализация которой рассчитана на 2 этапа: 2011–2021 гг.,

2022–2030 гг. В 2024 году завершена реализация проектов направления «Цифровая трансформация». В 2025 году началась реализация проектов направления «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы». Одним из элементов программы является проект «Искусственный интеллект», направленный на ускорение развития технологий ИИ, через создание условий для формирования рынка данных; проведение научных исследований и разработок в сфере ИИ; подготовку кадров для сферы ИИ [4].

В октябре 2019 г. была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. В ней определены основные принципы нормативного правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий ИИ.

19 августа 2020 г. распоряжением Правительства Российской Федерации был принят первый документ, заложивший основы правового регулирования технологий ИИ – Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники (до 2024 г.).

9 июля 2024 года в результате внесения поправок в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» была введена ответственность за причинение вреда при использовании решений с искусственным интеллектом. 26 июля 2024 года Совет по правам человека при президенте и Минцифры Российской Федерации сообщили об инициативе по разработке правил и ограничений использования ИИ в отдельных отраслях (здравоохранение, судопроизводство, транспорт, сфера безопасности и психологической помощи).

Республикой Казахстан в 2024 г. была разработана Концепция развития искусственного интеллекта 2024–2029. Документ обозначил курс Правительства на переход в управлении данными в цифровом формате без человеческого фактора, т. е. часть работы государственных информационных ресурсов будет выполнять ИИ. Приоритетными отраслями экономики для внедрения ИИ будут государственное управление, здравоохранение, образование, финансы, логистика, сельское хозяйство и промышленность [5]. В мае 2024 года в Министерстве цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан создали новую структуру – Комитет искусственного интеллекта, среди функций которого: формирование и осуществление государственной политики в сфере искусственного интеллекта; обеспечение реализации государственной политики в сфере искусственного интеллекта; выработка и реализация правового регулирования в области развития технологий искусственного интеллекта и др. [2]. На 2025 г. запланировано принятие закона «Об искусственном интеллекте».

Согласно Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года: «широкое внедрение получают облачные технологии, большие данные, искусственный интеллект, технологии блокчейн, открытые данные в деятельности государственных органов, бизнес-сообщества, населения» [3].

В Беларуси принятые стратегические и программные акты рассматривают использование технологий ИИ в качестве инструмента социально-экономического развития, средства повышения эффективности процессов управления, отвечающего национальным интересам (Концепция национальной безопасности, Программа социально-экономического развития на 2021–2025 годы, Государственная программа инновационного развития на 2021–2025 годы и др. государственная программа «Цифровое развитие»). Необходимо отметить, что государственные программы не содержат положений направленных на регулирование отношений в сфере развития ИИ.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 года № 136 Министерство связи и информатизации Республики Беларусь было наделено новыми полномочиями по управлению процессами цифрового развития во всех отраслях

экономики. Созданы Центр цифрового развития и Центр перспективных исследований, которые нацелены на поддержку процессов цифрового развития. Также, в Республике Беларусь планируется разработать закон «О технологиях искусственного интеллекта», предусматривающий цели и задачи государственной политики в данной сфере, меры по обеспечению безопасности, этические принципы и др.

В рамках СНГ 18.04.2025 г. Межпарламентской Ассамблеей СНГ был принят модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта» (разработан Республикой Беларусь). Спецификой данного закона стала ориентация на построение концепции опережающего моделирования и имплементации в правотворческий процесс оценки рисков воздействия искусственного интеллекта на человека. Действие модельного закона распространяется на технологии ИИ, исключая военную и оборонную сферы.

Список использованной литературы

1. Временные меры по управлению службами генеративного искусственного интеллекта: рассмотрены и приняты 12-й Конференцией Национального управления информации в Интернете в 2023 году 23 мая 2023 года и одобрены Национальной комиссией по развитию и реформам, Министерством образования, Министерством науки и технологий, Министерством промышленности и информационных технологий, Министерством общественной безопасности и Государственным управлением радио и телевидения, которые настоящим обнародованы и должны быть реализованы с 15 августа 2023 года // Государственная канцелярия интернет-информации КНР. – URL: https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (дата обращения 29.04.2025).

2. Комитет Искусственного интеллекта и развития инноваций Министерства цифрового развития и инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан : [сайт]. – Минск, 2025. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/aicd?lang=ru> (дата обращения 29.04.2025)

3. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 г. : Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 4 февр. 2020 г. № 3 // Министерство экономики в Республике Беларусь. – URL : <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf> (дата обращения 29.04.2025).

4. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Минцифры. – URL: <https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva/vedomstvennyj-proektnyj-ofis-vpo/administrirovanie-i-soprovozhdenie-ispolneniya-naczionalnogo-proekta-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva/cz3-iskusstvennyj-intellekt> (дата обращения 29.04.2025).

5. Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024-2029 гг: Постановление правительства Республики Казахстан от 24.июл.2024 г. № 592 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592> (дата обращения 29.04.2025).

6. Регламент ЕС об искусственном интеллекте: анализ основных положений и принципов регулирования // Искусственный интеллект Российской Федерации. – URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-po-razvitiyu-ii-v-drugikh-stranakh/2024_reglament-evropeyskogo-soyuza-ob-iskusstvennom-intellekte-ano-cifrovaya-ekonomika/ (дата обращения 29.04.2025).

7. Саммит по развитию ИИ в Париже. Главное из выступлений и решений // Группа компаний РБК. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/02/2025/67adc1e69a7947a9e82690d7 (дата доступа 29.04.2025).

А. А. Ананич

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ГРАЖДАНИНА

Материалы посвящены сложившейся системе способов защиты права на изображение гражданина. Современные цифровые технологии позволяют использовать изображение гражданина в новом ключе. В связи с этим, на основе анализа действующего законодательства Республики Беларусь и опыта Российской Федерации, предлагается рассмотреть вопрос о расширении способов защиты права на изображение гражданина.

Согласно ст. 25 и 28 Конституции Республики Беларусь каждому гарантируется защита его личных неимущественных прав, таких как свобода, неприкосновенность и достоинство личности, личная жизнь, честь и достоинство [1]. К охраняемым Конституцией нематериальным благам относится и внешний облик человека, принадлежащий ему от рождения, не отчуждаемый и не передаваемый иным способом, а также основанное на нем право на изображение гражданина. Как самодостаточное личное нематериальное благо, изображение гражданина представляет собой его внешний (индивидуальный) облик в объективированной форме, например, в произведении изобразительного искусства, на фотографии или в видеозаписи в конкретный момент времени.

В соответствии с п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) отношения, связанные с осуществлением и защитой неотчуждаемых прав и свобод человека и других нематериальных благ (личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными), регулируются гражданским законодательством, поскольку иное не вытекает из существа этих отношений [2]. Что же касается самих способов защиты, то, согласно пункту 2 статьи 151 ГК, нематериальные блага защищаются в соответствии с гражданским законодательством в случаях и порядке, предусмотренных этим законодательством, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (статья 11) вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения [2].

В условиях современного технического прогресса использование закрепленных ранее способов защиты уже недостаточно. Новые возможности использовать изображение гражданина, в том числе при помощи инструментов искусственного интеллекта, появляются даже быстрее, чем человек успевает их осознать. Все это выходит далеко за рамки права на изображение гражданина и установленных в законодательстве Республики Беларусь способов защиты такого права. В совокупности это показывает назревшую необходимость как в новых способах защиты права на изображение гражданина, так и в расширении понятия права на изображение гражданина.

В Республике Беларусь Конституционным Судом было принято решение от 30.10.2018 г. «О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина». По мнению Конституционного Суда, нормы гражданского законодательства должны не только устанавливать способы охраны конкретного изображения гражданина, зафиксированного на материальном носителе, но и определять режим использования изображения гражданина другими лицами. Исходя из изложенного, Конституционный Суд указал, что в действующем законодательном регулировании имеется правовой дефект, обусловленный отсутствием в гражданском законодательстве надлежащего правового механизма обеспечения каждому охраны его изображения, вследствие чего в процессе правоприменения это может привести к нарушению конституционных прав, свобод и законных интересов граждан [3].

Данное решение Конституционного Суда Республики Беларусь дополнительно подчеркивает важность права гражданина на изображение и необходимость его улучшения и доработки в действующем законодательстве. В этой связи можно отметить опыт других государств.

Так, в Гражданском кодексе Российской Федерации, например, предусмотрена специальная статья 152.1 об охране изображения гражданина. Обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина. После смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей [4]. Такое согласие не требуется в случаях, когда:

1) использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах;

2) изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования;

3) гражданин позировал за плату.

Как способ защиты предусмотрено изъятие из оборота и уничтожение без компенсации материальных носителей, содержащих изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением порядка, указанного выше. Если такие материалы попали в Интернет, то у гражданина есть право требовать удаления такого изображения, а также пресечения или запрещения дальнейшего его распространения.

Учитывая специфику защиты изображения гражданина, положительно можно отметить закрепление специальной нормы, которая обеспечивает защиту права. Однако способы защиты, касающиеся незаконного размещения или распространения изображения гражданина в Интернете, требуют дальнейшего анализа и доработки, т.к. информация, которая однажды попадает в Интернет, не может быть полностью оттуда удалена, что не гарантирует должной защиты нарушенного права.

Отдельно следует выделить Рекомендации Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по итогам парламентских слушаний на тему «Развитие цифрового права в Республике Беларусь», принятые постановлением Палаты Представителей Национального Собрания Республики Беларусь от 10.01.2025 г. № 141-П8/П (далее – Рекомендации).

Так, согласно Рекомендациям, Республика Беларусь по итогам 2023 года в мировых рейтингах занимает 55 место (из 166 стран) по индексу готовности к использованию передовых технологий и 107 место (из 193 государств) по индексу готовности к искусственному интеллекту [5].

Отмечается, что в стране в целом созданы законодательные условия для цифровизации, обеспечения кибербезопасности, защиты информации и персональных данных, формирования цифровой инфраструктуры, внедрения новых информационных технологий.

Вместе с тем, по мнению депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь и других участников парламентских слушаний, активное развитие цифровых технологий и их использование как в повседневной жизни граждан, так и в социально-экономической, общественно-политической сферах привели к необходимости совершенствования законодательства по вопросам обращения цифровых имущественных прав и цифрового имущества, применения технологий искусственного интеллекта, робототехники, киберфизических систем, беспилотного транспорта.

С учетом мнения представителей государственных органов и научного сообщества о состоянии и правовом регулировании в сферах информатизации и цифровизации,

использования информационно-коммуникационных технологий, обеспечения кибербезопасности, защиты информации и персональных данных, о перспективах цифрового развития и зарубежном опыте по данным направлениям, Палата представителей отмечает важность и актуальность определения направлений совершенствования законодательства в этих сферах и рекомендует Совету Министров Республики Беларусь совместно с иными заинтересованными проработать необходимость закрепления в гражданском законодательстве норм, определяющих правовую природу цифрового имущества, цифровых имущественных и неимущественных прав, их понятие и виды, а также устанавливающих особенности правового регулирования указанных объектов гражданских прав, в частности цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав, охраны изображения гражданина, способы защиты цифровых прав физических и юридических лиц [5].

В заключении следует отметить, что неустанное развитие информационных технологий, в том числе искусственного интеллекта, не только показывает необходимость правового регулирования новых общественных отношений, но и отражает необходимость назревших изменений в уже действующем законодательстве. Изучение и закрепление новых способов защиты права на изображение гражданина в законодательстве Республики Беларусь будет способствовать как эффективной защите нарушенного права с учетом новых технологий, так и расширению в необходимой степени права на изображение гражданина.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. [Электронный ресурс] – // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г., № 218-З : прин. Палат. представит. 28 окт. 1998 г. : одобр. Сов. Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
3. О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина [Электронный ресурс]: решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 30 окт. 2018 г., № Р-1145/2018 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть третья [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ, 26 нояб. 2001 г., № 146-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – Минск, 2025.
5. Постановление Палаты Представителей Национального Собрания Республики Беларусь от 10 янв. 2025 г. № 141-П8/П [Электронный ресурс] – // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 342.7:004.738.5

Мехрибан Бабаханова Эльдар кызы

(Азербайджанский Университет Языков, Азербайджанская Республика)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В материалах рассматриваются проблемы совершенствования конституционно-правового регулирования информационного общества и электронного государства

в контексте развития гражданского общества. Особое внимание уделено вопросам цифрового неравенства, защиты персональных данных и прозрачности государственных органов.

Развитие гражданского общества в современную эпоху невозможно без активной интеграции цифровых технологий в систему государственного управления и правового регулирования. Формирование информационного общества и электронного государства требует переосмысления существующих конституционно-правовых механизмов, направленных на защиту прав граждан и обеспечение прозрачности деятельности государственных органов. Целью настоящего исследования является выявление основных проблем конституционно-правового обеспечения информационного общества и электронного государства, а также определение путей совершенствования правовых механизмов с учетом интересов гражданского общества.

Задачами исследования являются анализ действующего законодательства, выявление основных вызовов цифровой эпохи для прав человека и разработка предложений по повышению эффективности правового регулирования. Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к изучению взаимодействия институтов гражданского общества и государства в условиях цифровизации, а также в разработке практических рекомендаций по совершенствованию конституционно-правового регулирования в данной сфере.

Гражданское общество представляет собой совокупность негосударственных институтов и инициатив, которые выражают интересы граждан и способствуют реализации их прав и свобод. Одной из важнейших характеристик гражданского общества является его способность влиять на деятельность государства через механизмы общественного контроля, участия в процессе принятия решений и защиты прав человека. В условиях формирования информационного общества роль гражданского общества значительно возрастает, поскольку цифровые технологии предоставляют новые инструменты для взаимодействия граждан с государством и между собой.

Современное развитие гражданского общества напрямую связано с конституционно-правовыми отношениями, которые определяют рамки взаимодействия между государством и институтами гражданского общества. В эпоху стремительной цифровизации особое значение приобретает правовое обеспечение информационного общества и электронного государства, что оказывает существенное влияние на степень открытости и прозрачности власти, а также на реализацию конституционных прав граждан. Одним из важнейших факторов в формировании гражданского общества в современном государстве является уровень развития информационного общества.

В условиях развития информационного общества особое значение приобретает вопрос баланса между публичными интересами и правами личности. Конституционно-правовые отношения должны учитывать необходимость защиты частной жизни в цифровой среде, где обработка больших массивов данных становится нормой. Государства, формируя политику в сфере электронного управления, должны учитывать принципы законности, прозрачности и пропорциональности вмешательства в частную жизнь.

Особое внимание следует уделить защите уязвимых групп населения в цифровой среде, в том числе пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями. Недостаточная цифровая грамотность этих групп повышает риск их исключения из процессов электронного взаимодействия с государственными институтами. В этом контексте конституционно-правовое регулирование должно предусматривать дополнительные гарантии равного доступа к цифровым услугам и необходимую государственную поддержку. Перспективным направлением совершенствования конституционно-правовых отношений является внедрение принципа технологического нейтралитета в регулирование. Это позволит обеспечивать равные условия для применения различных технологий и предотвратить монополизацию отдельных технологических решений в государственном управлении. Такой подход способствует развитию конкурентной среды и защите прав граждан.

Таким образом, развитие конституционно-правовых отношений в условиях цифровизации требует всестороннего анализа вызовов и рисков, связанных с внедрением новых технологий. Принятие своевременных и эффективных мер позволит укрепить гражданское общество, повысить уровень доверия граждан к институтам государственной власти и обеспечить полноценную реализацию конституционных прав в цифровую эпоху.

Активное использование цифровых технологий существенно изменило механизмы взаимодействия граждан и государства, открыло новые возможности для реализации конституционных прав. В Республике Беларусь нормативно-правовая база электронного правительства формируется, но остаются значительные резервы для совершенствования. Развитие информационного общества и внедрение электронного государства требуют пересмотра существующих конституционно-правовых механизмов. Сегодня перед гражданским обществом стоят вызовы, связанные с цифровизацией всех сфер жизни, что требует активного правового регулирования в сфере информационных технологий. Основные проблемы включают цифровое неравенство, защиту персональных данных, а также обеспечение информационной безопасности граждан. Конституции Беларуси и Азербайджана закрепляют право на доступ к информации, однако на практике необходима большая прозрачность органов власти и развитие механизмов общественного контроля через цифровые технологии. Для совершенствования правового обеспечения информационного общества необходимо развитие законодательства, повышение правовой грамотности граждан, интеграция международных стандартов защиты данных, а также активное внедрение цифровых моделей участия граждан в управлении государственными процессами.

Таким образом, цифровизация требует комплексного подхода к реформированию конституционно-правовых отношений, что обеспечит развитие гражданского общества в условиях цифровой эпохи.

УДК 342.7:004.9

Д. М. Белых

*(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА

В материалах рассматриваются современные тенденции развития конституционно-правовых отношений в условиях формирования информационного общества и электронного государства. Проводится анализ правового регулирования цифрового взаимодействия государства и общества, а также выявляются проблемные вопросы и пути совершенствования законодательной базы в рассматриваемой сфере.

Конституционно-правовые отношения представляют собой совокупность общественных отношений, урегулированных нормами конституционного права. Они возникают в процессе осуществления прямого волеизъявления народа, органов государственной и муниципальной власти [12]. Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) закрепляет ряд правовых норм, которые формируют основу для механизма цифрового взаимодействия [1].

В ст. 19 Конституции РФ закрепляется принцип равенства прав и свобод человека и гражданина, что предполагает, что цифровизация не должна создавать неравенства между различными группами населения страны. Однако, в качестве одной из проблем

можно выделить недоступность цифровых технологий для некоторых категорий граждан (например, лиц пожилого возраста, не владеющих навыками работы с электронными устройствами, лиц, проживающих на отдалённых территориях, где отсутствует возможность доступа к сети Интернет). При таких условиях формируется ситуация, в которой цифровизация государственных услуг приводит к исключению многих людей из процессов общественного развития. Это может привести к цифровой изоляции граждан, их цифровому отчуждению, что равносильно неравному обращению с гражданами, их дискриминации [14]. Для решения данного вопроса необходимо, чтобы гражданам был гарантирован доступ к государственным услугам без необходимости обращения к цифровым технологиям до тех пор, пока это остается возможным в альтернативе государственным онлайн-услугам. Цифровые технологии должны выступать как средство совершенствования государственного управления в целях повышения его прозрачности, эффективности и доступности.

Также, ч. 1 ст. 24 Конституции РФ содержит запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. С развитием электронных государственных сервисов и систем хранения информации значительно возрастает риск вмешательства в частную жизнь граждан, что влечёт необходимость особого внимания со стороны законодательных органов в целях совершенствования соответствующего правового регулирования.

В свою очередь, ч. 4 ст. 29 Конституции РФ устанавливает, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Процессы цифровизации затрагивают практически все сферы жизни общества и государства. Цифровые технологии активно используются в системе органов государственной власти и местного самоуправления, что влечёт за собой различные последствия. Так, их применение позволяет оптимизировать административные процессы и повышает эффективность работы государственного аппарата, однако в то же время обуславливает риски разглашения конфиденциальной информации, может привести к несанкционированному вмешательству в функционирование систем хранения и передачи данных. Нарушение работы государственных органов через вмешательство в их информационные сервисы третьих лиц затрагивает основы суверенной власти и подрывает основы конституционного строя РФ (примером может послужить «инцидент информационной безопасности», произошедший в октябре 2024 года, когда в результате крупномасштабной хакерской атаки из строя вышло множество государственных интернет-ресурсов, включая ГАС «Правосудие» и сайты федеральных и арбитражных судов, что существенно затруднило работу российской судебной системы). Это способствует появлению концепции обеспечения цифрового суверенитета, т. е. распространения суверенитета на виртуальное пространство, что является новеллой конституционализма [13].

Различные учёные дают свои определения понятия «информационное общество». Так, А. В. Власов разъясняет его в двух значениях. Согласно первому оно представляет собой концепцию, характеризующую модель современного общества, направленного на производство, распространение и использование информации и знаний в качестве основных ресурсов. Во втором значении оно предстаёт как действительное состояние социума, где информация выступает главным движущим фактором, определяющим экономический, социокультурный и политический ландшафт [9].

Среди нормативных правовых актов, направленных на внедрение и развитие процессов цифровизации в Российской Федерации, следует выделить следующие документы:

Распоряжением Правительства РФ от 25 декабря 2013 г. № 2516-р утверждена Концепция развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде [7];

Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 года № 646 утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [4]. Данный документ закрепляет

ряд важных терминов, таких как «информационная безопасность Российской Федерации», «система обеспечения информационной безопасности», «информационная инфраструктура», устанавливает направления развития информационной безопасности РФ [8].

Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. [5];

Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. [6].

Формирование и развитие электронного государства является одним из важнейших этапов развития современного общества, что обусловлено непрерывным развитием информационно-телекоммуникационных технологий и возрастающими потребностями общества в соответствующем государственном управлении.

А. С. Киселев понимает под электронным государством систему, предусматривающую взаимодействие законодательных, исполнительных и судебных органов государственной, муниципальной власти и населения на основе использования новейших информационно-телекоммуникационных технологий, в целях оказания услуг гражданам, организациям, бизнесу, повышения прозрачности принимаемых решений, налаживания диалога между гражданами и государством по интерактивной связи, и создания возможности прямого участия граждан в решении государственных и местных вопросов с помощью цифровых сервисов [11].

Электронное государство включает в себя ряд взаимосвязанных компонентов, к которым относятся следующие:

- электронные услуги – предоставление физическим и юридическим лицам государственных услуг посредством сети Интернет;
- электронное управление – использование информационных технологий для организации работы государственных органов и органов местного самоуправления;
- электронная демократия – применение информационно-коммуникационных технологий для расширения возможностей участия граждан в политической жизни государства (например, применение Дистанционного электронного голосования на выборах Президента РФ в 2024 году);
- информационная инфраструктура – технологическая основа для функционирования электронных сервисов, включая системы электронного документооборота, цифровые платформы и государственные информационные системы (например, Государственная автоматизированная система «Выборы»).

Правовое регулирование электронного государства включает в себя следующие нормативные правовые акты:

Конституция Российской Федерации, в частности положения ст. 23 и 24, регламентирующие защиту персональных данных, ст. 29, закрепляющей право на информацию, а также ст. 32, устанавливающей право участвовать в управлении делами государства. Данные нормы закладывают основы для развития цифровых форм государственного управления.

Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», закрепляющий принципы правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, а также права и обязанности субъектов информационных отношений [2].

Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об электронной подписи», обеспечивающий юридическую значимость электронных документов и направленный на защиту электронных сделок [3].

Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.

В качестве проблемных вопросов правового обеспечения информационного общества и электронного государства можно выделить следующие:

- недостаточное правовое регулирование механизма цифрового взаимодействия и несогласованность между собой положений отдельных нормативных правовых актов

(нормы, регулирующие защиту персональных данных, оказание электронных услуг, обеспечение информационной безопасности носят разрозненный характер и содержатся в большом количестве различных нормативных правовых актов);

- угрозы информационной безопасности и риски утечек данных, что включает в себя отсутствие эффективного контроля за операторами персональных данных, мягкие санкции за утечки информации, правовые пробелы в части регулирования использования данных биометрии и искусственного интеллекта;

- низкий уровень цифровой грамотности граждан;

- ограниченный доступ к цифровым сервисам в отдалённых регионах, порождающий цифровое неравенство [10].

В качестве путей решения вышеуказанных проблем можно вывести следующие предложения: разработка единого Цифрового кодекса, который бы включал в себя нормы в области регулирования информационно-коммуникационных технологий и информационной безопасности; конституционное закрепление новых цифровых прав (например, право на цифровую идентичность, цифровое самоопределение и доступ к сети Интернет); создание независимых органов контроля за цифровыми сервисами государства (например, уполномоченный по цифровым правам); восприятие в российском законодательстве международного опыта и стандартов (к примеру, нормы Совета Европы и Европейского союза по защите персональных данных).

Конституционно-правовое обеспечение информационного общества и электронного государства является неотъемлемым фактором эффективного цифрового развития. На данный момент переход к полностью цифровому государству в Российской Федерации представляется нереалистичным. Основными препятствиями остаются сложность в обеспечении доступа к информационным технологиям для всего населения, а также трудности в реализации организационно-управленческих мероприятий, направленных на обеспечение цифрового суверенитета. В настоящее время перенос процессов в цифровую среду постепенно осуществляется, однако требует значительных ресурсов для обеспечения технической защищённости. На первом этапе целесообразно сосредоточиться на переводе всех внутренних процессов органов власти в цифровую систему. Так, сегодня приняты многочисленные нормативные акты, направленные на создание и регулирование цифрового государства и использование информационных технологий. Однако, действующее законодательство пока не охватывает всех аспектов общественных отношений, существующих в данной сфере. Для дальнейшего развития концепции цифрового государства в России необходимо совершенствование законодательной базы, конкретизация прав и обязанностей граждан, в частности лиц, работающих с информацией. При этом разработка новых норм должна происходить при активном участии специалистов в области информационных технологий. Кроме того, требуется усиление системы кибербезопасности, разработка современного программного и технического обеспечения. Одновременно, важно обеспечить равный доступ к цифровым технологиям для всего населения Российской Федерации. Проведение указанных преобразований позволит достичь баланса в эффективности цифровизации государственного и муниципального управления и обеспечения охраны и защиты прав и свобод граждан Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Российская Федерация. Законы. Конституция: [федер. закон : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

2. Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: [федер. закон №149: принят Гос. Думой 8 июл. 2006 г.: одобрен Советом Федерации 14 июл. 2006 г.] // Собрание Законодательства РФ. – 2006. – №31 (1 ч.) – ст. 3448.

3. Российская Федерация. Законы. Об электронной подписи: [федер. закон № 63: принят Гос. Думой 25 мар. 2011 г.: одобрен Советом Федерации 30 мар. 2011 г.] // Собрание Законодательства РФ. – 2011. – №15 – ст. 2036.
4. Российская Федерация. Подзаконные акты. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 го-да № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.
5. Российская Федерация. Подзаконные акты. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.
6. Российская Федерация. Подзаконные акты. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.
7. Российская Федерация. Подзаконные акты. Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2013 г. № 2516-р «Об утверждении Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.
8. Белоусов, А. Л. Правовое обеспечение развития устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры [Электронный ресурс] / А.Л. Белоусов // Вестник РУДН – 2023. – № 2. – С. 500-521.
9. Власов, А. В. Информационное общество сегодня: текущие тренды, перспективы развития и вызовы [Электронный ресурс] / А. В. Власов // Коммуникология: электронный научный журнал – 2023. – № 4. – С. 94-110.
10. Киржеманова, Я. Р. Концепция электронного государства: проблемы и пути совершенствования законодательства [Электронный ресурс] / Я. Р. Киржеманова // Актуальные исследования – 2025. – № 2 (237). – С. 1-2.
11. Киселев, А. С. Современные теоретические подходы к понятию электронного государства [Электронный ресурс] / Киселев А. С. // Актуальные проблемы российского права – 2018. – № 6 (91). – С. 32-38.
12. Миронов, А. Л. Конституционно-правовые отношения как средство конституционно-правового регулирования [Электронный ресурс] / А. Л. Миронов // Вестник Московского университета МВД России – 2011. – № 6. – С. 112-115.
13. Романовская, О. В. Правовые основы цифрового государства [Электронный ресурс] / О. В. Романовская // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» – 2024. – № 2. – С. 76-85.
14. Скурко, Е. В. Электронное государство: проблемы формирования «цифрового гражданина» и преодоления цифрового неравенства [Электронный ресурс] / Е. В. Скурко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал – 2021. – № 2. – С. 144-152.

УДК 342

Д. С. Береговцова
(БрГУ имени А.С. Пушкина, Республика Беларусь)

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

В рамках данным материалов автором исследованы основные модели специализированных уполномоченных по правам ребенка в зарубежных странах. С этой целью автором был проведен анализ законодательства некоторых зарубежных государств в данной области, рассмотрены положительные и отрицательные стороны данных моделей.

В соответствии с положениями Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. ребенком признается каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, оно не достигло совершеннолетия ранее. Соответственно под правами ребенка следует понимать права человека до достижения им возраста 18 лет.

Реализация и защита прав ребенка является первостепенной задачей для международного сообщества в целом, и каждого государства в частности, так как дети с силу психофизиологических особенностей являются наиболее уязвимыми членами человеческого общества и права ребенка нуждаются в системе дополнительных гарантий, включая организационные. В системе организационных гарантий прав человека особое место занимает институт уполномоченного по правам человека. В ряде современных зарубежных государств получила распространение практика введения специализированных уполномоченных, осуществляющих защиту прав человека в определенных сферах либо защиту прав определенных лиц (как правило, наиболее уязвимых категорий), например, детей, потребителей, военнослужащих, квир-сообщества (по вопросам гендерного разнообразия) и др.

Институт уполномоченного по правам ребенка (детского омбудсмена) уже довольно давно (более 40 лет) внедрен в конституционное законодательство многих государств, занимает важное место в механизме защиты прав несовершеннолетних, в связи с чем исследование данного опыта представляет несомненный интерес для государств, в которых данный институт отсутствует на данный момент. Отметим, что вопросы деятельности специализированных омбудсменов в недостаточной степени исследованы в отечественной науке конституционного права.

Полагаем, что уполномоченного по правам ребенка следует определить как специальное должностное лицо, назначаемое либо парламентом, либо органами исполнительной власти, либо иным образом с целью наблюдения за соблюдением прав и свобод ребенка.

Впервые данный институт появился в Норвегии еще в 1981 г. и в дальнейшем получил закрепление в таких странах как Российская Федерация, Швеция, Великобритания, Испания, Исландия, Люксембург, Израиль, Нидерланды, Литва, Польша, Казахстан и др.

Различают различные модели уполномоченных по правам ребенка в зависимости от способов нормативного закрепления данного института (данные модели определены в дайджесте ЮНИСЕФ «Институт уполномоченного по правам ребенка»): институт омбудсмена учреждается на основании специального парламентского закона об уполномоченном (Норвегия, Швеция); институт уполномоченного образуется в соответствии с законодательством об охране прав ребенка с целью обеспечения исполнения данного закона и контроля за его исполнением (Австрия, Казахстан); должность уполномоченного создается не на основе закона, а просто вводится в структуру уже существующих государственных органов (ФРГ, Испания); уполномоченный по правам ребенка создается неправительственными организациями и действует под их эгидой (Израиль) [1].

Согласимся с мнением подавляющего большинства исследователей, что наиболее универсальной является первая модель уполномоченного по правам ребенка, поскольку в данном случае уполномоченный наделяется правами и обязанностями на законодательной основе, что позволяет ему наиболее эффективно выполнять свои функции.

В Казахстане, который является ярким примером второй модели, данный институт создан указом главы государства и детально регламентирован в Законе «О правах ребенка», в соответствии с которым уполномоченный наделен широким перечнем полномочий, в числе которых осуществление международного сотрудничества в области реализации и защиты прав ребенка, координация деятельности других органов в области защиты прав ребенка, осуществление стратегических контрольных, реализационных функций в области защиты прав детей (ст. 7 Закона) [2]. Вместе с тем, уполномоченный осуществляет свою деятельность на общественных началах, что по нашему мнению, в значительной степени снижает эффективность данного института в данной стране, снижает статус уполномоченного.

Полномочия специализированных уполномоченных по правам ребенка напрямую зависят от модели, в соответствии с которой учреждается данный институт. Как правило,

омбудсмены рассматривают жалобы на нарушения прав детей, осуществляют информационно-просветительскую деятельность в области реализации и защиты прав ребенка, расследуют конкретные нарушения прав детей, могут вносить предложения нормотворческим органам относительно внесения изменений и дополнений в уже существующие нормативные правовые акты, о принятии новых нормативных правовых актов, дают детям консультации по правовым вопросам.

Что же касается Республики Беларусь, то существует мнение, что фактически функции детского омбудсмена выполняет Национальная комиссия по правам ребенка, созданная на основании Указа Президента Республики Беларусь от 18 марта 1996 г. № 106 «О создании Национальной комиссии по правам ребенка» для осуществления и совершенствования государственной политики по обеспечению защиты прав и законных интересов детей. При этом в 2006 г. были значительно расширены ее полномочия, состав и функции.

Вместе с тем, в научном сообществе нашей страны высказывается мнение о недостаточной эффективности данной комиссии, так как она делает акцент на профилактической работе по предотвращении правонарушений несовершеннолетних, а не на реализации ими своих прав и законных интересов [3, с. 213]. Полагаем, что вопрос создания Уполномоченного по правам ребенка еще не снят с повестки дня в нашей стране. При этом в случае введения подобного института в нашей стране, по нашему мнению, следует перенять опыт тех государств, в которых принят самостоятельный закон о детском омбудсмене.

Подводя итоги, следует отметить, что Уполномоченный по правам ребенка относительно новый институт конституционного права в зарубежных странах, уже неоднократно доказавший свою эффективность и целесообразность, что обусловлено прежде всего тем обстоятельством, что его деятельность направлена исключительно на защиту прав детей от нарушений со стороны государства, общества и семьи. Детский омбудсмен существует в странах с различными формами правления, принадлежащих к различным правовым семьям. Каждая конкретная страна самостоятельно решает вопрос о необходимости введения данного института и о способах его нормативного закрепления.

Список использованной литературы

1. Гашина, Е. В. Сравнительный анализ института Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации и Норвегии / Е. В. Гашина. – // Молодой ученый. – 2019. – № 50 (288). – С. 495-499. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/288/65198/>. – Дата доступа: 20.02.2025.
2. О правах ребенка: закон Республики Казахстан от 8 августа 2002 г. № 345 (с изм. и доп.). – [Zakon.kz](https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345_). – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345_. – Дата доступа: 20.02.2025.
3. Дорина, В. В. Развитие института Уполномоченного по правам ребенка в Республике Беларусь / В. В. Дорина // Осенние чтения «Молодежь и право»: материалы II междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 19–20 ноября 2021 г. / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: А. В. Шидловский (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 211-213.

УДК 342

Т. А. Голынец

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОГО ПРАВА

В материалах исследуются актуальные вопросы становления цифрового права в системе права Республики Беларусь, мнения относительно того, что представляет

собой цифровое право, и какова его принадлежность в системе права. В рамках настоящего исследования цифровое право рассматривается как определенная совокупность правовых норм в рамках гражданского права, как комплексный межотраслевой правовой институт, как подотрасль информационного права, самостоятельная отрасль права, а также как некий новый механизм правового регулирования. В заключении делается вывод, что в настоящее время цифровое право является формирующейся, структурирующейся отраслью права, регулирование новых общественных отношений в перспективе приведет к выделению цифрового права в системе права.

Одной из важных составляющих устойчивого развития государства является его соответствие современным технологическим требованиям, позволяющим укреплять государственный суверенитет и обеспечивать реализацию прав граждан и юридических лиц.

При этом благодаря возможностям цифровизации наряду с традиционно сложившимися и реализуемыми отношениями возникают новые направления развития отношений. Это позволяет вести речь о возникновении новых объектов правоотношений, новых форм взаимодействия и в целом возникновения новой сферы жизни, принципиально отличающейся по своему укладу от привычной.

В исследовании вопросов цифрового права внесли вклад как отечественные, так и зарубежные ученые. В Республике Беларусь следует назвать имена таких ученых, как Н. Л. Бондаренко, Г. А. Василевич, Н. В. Сильченко, О. И. Чуприс, Е. И. Коваленко, Л. А. Краснобаева, В. И. Павлов, а также М. С. Абламейко, Ю. А. Амелечня, В. А. Шаршун и др.

В Республике Беларусь вопросам цифровизации, цифрового права и цифровых отношений в настоящее время уделяется значительное внимание в правовом регулировании, на уровне законодательства, на уровне правоприменения, в том числе и в судебной практике.

Так, например, в ст. 28 Конституции Республики Беларусь нашло отражение положение о том, что государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании. Вопросам цифровизации, кибербезопасности, развития цифровых технологий, цифровой трансформации экономики, использования новейших цифровых знаков в контексте обеспечения национальной безопасности уделено внимание в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5.

Цифровой трансформации экономики и созданию цифровой экономики посвящены положения Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1.

Развитию инновационной сферы и построению современной цифровой экономики в Республике Беларусь, способствует Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8). Благодаря данному Декрету в Республике Беларусь созданы условия для внедрения в экономику технологии реестра блоков транзакций (блокчейн), иных технологий, основанных на принципах распределенности, децентрализации и безопасности совершаемых с их использованием операций, урегулировано обращение цифровых знаков (токенов) (которые до того времени не являлись объектом правоотношений), и др.

Также следует отметить, например, Указ Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348, которым утверждена Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг., Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности», Указ Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации» и др.

Наряду с цифровым правом в качестве возможных наименований рассматриваемой совокупности правовых норм используются также «сетевое право», «киберправо», «интернет-право», «платформенное право», «право цифровых технологий» и др. Изначально

изменение правоотношений в рассматриваемой сфере связывалось с развитием интернета, а в дальнейшем с возникновением новых технологий. Вследствие этого происходило смещение акцента в наименовании соответствующих правовых норм. В целом указанные термины могут рассматриваться как синонимы цифрового права.

Полагаем, что понятие «цифровое право» является вполне удачным. Представление цифрового права только как определенного цифрового формата или определенной цифровой формы не способствует исследованию цифрового права. Вкладываемые смыслы в наименование цифрового права охватывают широкий круг общественных отношений. В сложившейся практике делового оборота активно используются понятия цифровых прав, цифровых активов, цифровизации и т. п.

Однако цифровое право как явление позволяет вести речь как о технологической составляющей, информационном компоненте рассматриваемых отношений, так и о правах человека, цифровой реальности (виртуальной, дополненной), вопросах этики в праве, правопорядке в целом. Эти отношения не являются только формой, они представляют собой смысловое ядро новых отношений, новой реальности, которая требует нового регулирования на основе накопленных фундаментальных правовых знаний.

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что в научном сообществе нет единого мнения относительно того, что представляет собой цифровое право, и какова его принадлежность в системе права. В этой связи полагаем необходимым выделить различные подходы к цифровому праву и охарактеризовать их.

Цифровое право рассматривается как определенная совокупность правовых норм в рамках гражданского права, как комплексный межотраслевой правовой институт, как подотрасль информационного права, как самостоятельная отрасль права. Существуют и такие подходы, которые отрицают вовсе потребность в отраслевом определении цифрового права, а также подходы, указывающие на цифровое право как на некий новый механизм правового регулирования, принципиально отличающийся от ранее существовавшего.

В. Э. Волков считает, что цифровое право в широком смысле «не предполагает выделение особой отрасли права или правового института, а скорее представляет собой новое направление государственного регулирования цифровой реальности. Оно способно в перспективе заново отформатировать правовую систему и предложить вместо нынешнего деления правовой системы на отрасли что-то совершенно новое» [1, с. 8].

О. В. Зайцев замечает, что «некоторые правоотношения существуют только в условиях особой цифровой среды, которая заметно видоизменяет характер взаимодействия их участников, иногда фактически создавая новую реальность» [2, с. 119]. Важной характеристикой цифрового права является то, что оно регулирует и те отношения, которые ранее или не подлежали регулированию, или не существовали вовсе (ввиду отсутствия соответствующих технологий). В этой связи на первое место выходит не форма представления цифрового права, а его регулятивный потенциал.

Существует точка зрения, заключающаяся в том, что цифровое право не следует выделять в самостоятельный элемент в системе права. Так, по мнению В. Н. Синюкова, «субъекты права сами определяют границы цифрового права, вступая в виртуальные коммуникации. В этом смысле цифровое право преодолевает формальные рамки традиционных отраслей права и их законодательных кодификаций. Цифровое право изначально не нуждается в классической правотворческой систематизации. Оно само форма структуризации регулятивного материала» [3, с. 18].

Также В. Н. Синюков указывает, что «цифровое право формируется цифровыми транзакциями и выступает в этом смысле как социологическая реальность, чистое живое право» [3, с. 19], а в будущем следует вести речь об уходе от частного и публичного права с переходом к фундаментальному праву (сохраняющему ключевые этические параметры правового образа жизни человека) и прикладному праву (основанному на закономерностях цифровой организации социальных связей) [3, с. 20].

С. Банакас и ряд других ученых полагают, что «речь нужно вести о регулировании частных и публичных отношений, выступающих в цифровой форме, посредством характерных для них методов регулирования (соответственно саморегулирования и власти и подчинения). Разумеется, цифровая форма известных общественных отношений определяет особенности их регулирования, но вряд ли делает их какими-то новыми» [4, с. 497].

Подобную точку зрения можно обнаружить, исследуя цифровые права как объекты гражданских прав. Так, по мнению российского ученого Е. А. Суханова, цифровые права «в действительности представляют собой не новый вид субъективных гражданских прав (существующий наряду с корпоративными, обязательственными и исключительными правами), а лишь их новую («цифровую») форму» [5, с. 15].

Как новое явление, цифровое право сталкивается с различными подходами и взглядами на основополагающие вопросы, начиная от названия соответствующей совокупности правовых норм, определения их системности и единства, и заканчивая их местом в системе права.

Названные подходы, рассматривающие цифровое право с точки зрения конструирования в определенной мере новой реальности, обладают серьезным потенциалом для исследования. Большинство ученых склоняются к тому, что признание цифрового права отраслью права нецелесообразно. Однако, учеными признается за цифровым правом регулятивное значение и самостоятельное место в системе права (будь то институт права, межотраслевой институт права, подотрасль права), а также в системе законодательства на уровне отрасли законодательства.

Цифровое право, по нашему мнению, в настоящее время является формирующейся, структурирующейся отраслью права. Формирование самостоятельного массива законодательных актов, обозначение предметных границ, регулирование новых общественных отношений в перспективе приведет к выделению цифрового права в системе права.

Список использованной литературы

1. Волков, В. Э. Цифровое право. Общая часть : учеб. пособие / В. Э. Волков. – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2022. – 111 с.
2. Зайцев, О. В. Цифровое право в системе российского права / О. В. Зайцев // Lex russica. – 2024. – Т. 77, № 9. – С. 116–126.
3. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. – М. : Проспект, 2020. – 640 с.
4. Банакас, С. Цифровые отношения как предмет правового исследования / С. Банакас, Д. А. Петров, В. Ф. Попондопуло, Е. В. Силина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – № 14 (2). – С. 492–509.
5. Суханов, Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» / Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2021. – Т. 21, № 6. – С. 7–29.

УДК 340

Д. А. Гончарова

*(Национального центра законодательства и правовой информации
Республики Беларусь, Республика Беларусь)*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В виду активного цифрового развития, государственная система правовой информации Республики Беларусь претерпевает изменения все больше укореняясь в цифровом

формате. В статье рассмотрены последние тенденции развития каналов правового информирования, созданных и актуализируемых Национальным центром законодательства и правовой информации Республики Беларусь. Обращено внимание на положительную динамику роста интереса граждан к правовой информации, предоставляемой посредством внедрения современных информационных технологий.

Важнейшей составляющей обеспечивающей эффективную государственную политику в сфере права, в том числе реализацию конституционного права граждан на информацию, является деятельность по распространению (предоставлению) правовой информации.

В настоящее время возможность свободного доступа к официальной правовой информации тесно сопряжена с внедрением и развитием информационных технологий. В основе данного процесса лежит государственная система правовой информации Республики Беларусь (далее – ГСПИ), которая уже более 25 лет функционирует при активном участии Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦЗПИ, Центр).

В контурах ГСПИ происходит регулирование важнейших процессов правовой коммуникации и обеспечения доступности правовых актов, поскольку данная система объединяет государственные органы и организации, формирующие единое информационно-правовое пространство Республики Беларусь [1, с. 176].

Основополагающим механизмом функционирования ГСПИ является деятельность НЦЗПИ по официальному опубликованию правовых актов, ведение государственных информационно-правовых ресурсов, создание условий для взаимодействия государства и граждан по совершенствованию законодательства в цифровой среде, обеспечение правовой информированности граждан. Значительное внимание при этом уделяется созданию, аккумуляции и распространению (трансляции) качественного правового контента – новостной и аналитической информации правовой тематики в различных форматах [2, с. 128].

В современных условиях цифровизации, а многие сейчас уже употребляют термин «цифровой трансформация», ГСПИ находится в постоянном совершенствовании и обновлении путей и способов передачи правовой информации. Значительное внимание в этой связи приобретает представленность государственной позиции в информационном пространстве и правовое просвещение общества посредством медийной работы Центра.

Основным информационно-правовым источником получения достоверной правовой информации является Национальный правовой Интернет-портал (далее – Портал) – основной государственный информационный ресурс сети Интернет в области права и правовой информатизации, функционирующий на основании Указа Президента Республики Беларусь от 29 декабря 2006 г. № 754 «Об официальном Интернет-портале Президента Республики Беларусь».

Уже 12 лет Портал является единственным источником официального опубликования нормативных правовых актов в нашем государстве. Ежегодно на портале публикуется порядка 10 тысячи документов. Статистика востребованности раздела «Официальное опубликование» (более 40 % всех просмотров) свидетельствует о высокой заинтересованности общества правовыми новациями [1, с. 178].

Однако цель по повышению правовой информированности в обществе невозможно реализовать только через предоставление доступа к опубликованным правовым актам. НЦЗПИ отмечает растущую востребованность новостных материалов, аналитических материалов, комментариев нормотворцев и практических работников. Такие материалы сопровождают официальное опубликование и помогают правильно трактовать и исполнять норму права.

Указом Президента Республики Беларусь от 6 февраля 2009 г. № 65 «О совершенствовании работы государственных органов, иных государственных организаций со средствами массовой информации», предусмотрено государственными органами – разработчикам

нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности граждан и юридических лиц и устанавливающих новые либо принципиально изменяющих существующие подходы к правовому регулированию определенной сферы общественных отношений, направление пресс-релизов к нормативным правовым актам в НЦЗПИ.

Аккумуляция на Портале материалов разъяснительного, справочного характера, новостей, аналитических данных, способствует повышению доступности правовой информации, помогает правоприменителю или иному заинтересованному лицу более точному пониманию законодательства.

Совместно с Верховным Судом Республики Беларусь НЦЗПИ осуществляет ведение специализированного банка данных «Судебные постановления», содержащего направленные с 1 января 2021 г. судами общей юрисдикции, вступившие в законную силу судебные постановления, которыми заканчивается рассмотрение дела 1-й инстанции по существу, а также постановления вышестоящих инстанций по результатам рассмотрения жалоб и протестов на эти постановления. Доступ к ресурсу осуществляется посредством информационно-поисковой системы «ЭТАЛОН-ONLINE». Указанный банк данных содержит более 730 000 судебных решений по административным, гражданским и уголовным делам.

Необходимо отметить тенденцию последних лет – использование социальных сетей и мессенджеров как источников предоставления правовых знаний. Центром активно ведутся аккаунты в социальных сетях и мессенджерах, общая аудитория которых составляет более 35 тыс. подписчиков.

Оперативному информированию о новациях законодательства, событиях правовой сферы способствуют трансляции на Youtube-канале НЦЗПИ. Благодаря удобному формату онлайн семинары стали популярными у населения, за последние годы этой работы Youtube-канала НЦЗПИ проведено более 70 трансляций, количество подписчиков увеличилось в разы.

Для несовершеннолетних пользователей, интересующихся правовой тематикой, функционирует Детский правовой сайт. Специализированный ресурс призван решать задачи правового просвещения, формирования правовой культуры подрастающего поколения, гражданственности и патриотизма. Более 1,5 млн. просмотров ресурса в год подтверждает его востребованность.

Основными ресурсами ГСПИ в части профессиональной работы с правовой информацией, являются информационно-поисковая система (ИПС) «ЭТАЛОН» и ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE». При этом ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE» работает как в сети Интернет, так и на основе облачных сервисов в рамках единой республиканской сети передачи данных. Для удобства использования ИПС на мобильных устройствах разработаны приложения для операционных систем iOS и Android.

В системах «ЭТАЛОН» созданы различные тематические банки данных с учетом потребностей правоприменителей, например, банки данных «Идеологическая работа», «Государственная служба», «Евразийская экономическая интеграция», «Нормотворчество», «Правоприменительная практика», «Технические нормативные правовые акты» и другие.

Важное значение для привлечения общественности к участию в нормотворчестве, имеет сайт «Правовой форум Беларуси». Данный сайт является основной официальной площадкой в сети Интернет для публичного обсуждения проектов правовых актов. Всего с 2013 года на ресурсе проведено 979 публичных обсуждений, в среднем обсуждается около двухста проектов в год. Участвовать в обсуждении проектов правовых актов может любой желающий.

Для эффективной работы субъектов нормотворческой деятельности созданы и развиваются вспомогательные информационно-аналитические ресурсы, среди которых банк данных «Нормотворчество» и интернет-ресурс «Юридический словарь» (для обеспечения единства юридической терминологии при разработке проектов правовых актов). Словарь

содержит более 50 000 юридических терминов на белорусском, русском и английском языках, соединенных тематическими (ассоциативными) связями, и более 68 000 нормативных определений терминов из актов законодательства. В словаре реализована возможность выстраивать термины и определения в соответствии с отраслями (подотраслями) правового регулирования, а также выделены эталонные определения терминов.

С 1 января 2025 года в целях организации доступа государственных органов (организаций) к автоматизированной информационной системе по обеспечению нормотворческого процесса (далее – АИС «Нормотворчество»), технологической отладки их взаимодействия система была введена в опытно-промышленную эксплуатацию. Запуск АИС «Нормотворчество» – важнейший шаг внедрения в нормотворческий процесс технологии искусственного интеллекта.

Таким образом, стремительное развитие информационных технологий помогает эффективному решению задач, стоящих перед ГСПИ. НЦЗПИ, как ведущее государственное учреждение по работе с правовой информацией, постоянно исследует новые возможности оптимизации работы с правовым массивом, активно внедряет передовые технологии в механизмы предоставления правовой информации заинтересованным в ней субъектам. Различные способы популяризации источников официальной правовой информации, а также вовлечение граждан, бизнес-сообщества в обсуждение проектов правовых актов, способствуют доверительному отношению общественности к принимаемым в государстве актам законодательства, что благоприятно влияет на уровень правовой культуры в обществе.

Список использованной литературы

1. Коваленко, Е. И. Актуальные вопросы развития государственной системы правовой информации Республики Беларусь в эпоху цифровой трансформации / Е. И. Коваленко // Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2018): сборник материалов VI Международной научно-практической конференции – 2018 – С. 176–185.

2. Мательский, А. Ф. О некоторых вопросах государственной правовой политики по обеспечению доступности законодательства, реализуемой Национальным центром правовой информации / А. Ф. Мательский, И. А. Чупракова // «Право.by» – 2023 – № 1 – С. 127–133.

УДК 304.3

А. Г. Караткевич

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМА МИНИМИЗАЦИИ

В материалах выделяется главное противоречие современного общественного развития: постиндустриальная эпоха бросает вызов социально-политической стабильности. Автор считает, что постиндустриальное общество – современность, несет в себе ряд рисков: информационных, геополитических, трансформационных. Анализируются отличительные критерии и признаки информационного общества: цифровая экономика; высокий уровень информационных потребностей, их удовлетворение для основной массы людей; высокая информационная и политическая культура граждан; свободный доступ каждого индивида к информации. Автор поднимает вопрос о необходимости принятия на наднациональном уровне (СГ, СНГ, ЕАЭС) модельного - рамочного закона о развитии информационного общества, который в какой-то мере минимизирует негативные последствия становления информационного общества, что особо актуально в условиях глобализации.

Термин «информационное общество» появился во второй половине XX века: отражает тот факт, что одним из основных стратегических ресурсов развития любого общества являются знания и информация. Поэтому, прежде всего, он включает в себя информационную индустрию, развивающуюся на фоне возрастающей роли знаний и информации, не только в технологической, но и в социально-политической, социально-экономической, социально-культурной сферах. Процесс перехода к информационному обществу требует огромных материальных затрат и несет в себе радикальные последствия для развития общества, так как формирует новый производственный и технологический уклад и новую систему социокультурных ценностей. Однако, происходит он не скачкообразно, а эволюционным путём. Т. е. информационное общество формируется на завершающей стадии индустриального общества, постепенно, заменяя его во всех сферах жизнедеятельности человека.

В качестве критериев перехода в стадию формирования информационного общества выделяются следующие.

1. Технологический, где анализируются информационные технологии, применяемые не только в производстве, но и в системе образования и в др. сферах.

2. Экономический, т.к. информация (знания) является ключевым фактором – главным ресурсом развития экономики.

3. Политический, это свободный доступ к информации, что ведет к политическому плюрализму, который характеризуется консенсусом между различными классами и социальными группами.

4. Культурный, это толерантность и терпимость, признание социокультурной ценности информации.

В современном представлении, информационное общество – это общество, в котором производство и потребление информации является важнейшим видом жизнедеятельности, информация признается главным ресурсом и в котором новые ИКТ, и знания становятся главными технологиями, а информационная среда, наряду с социальной и экономической, – новой средой обитания человека [1].

Отличительные признаки информационного общества: цифровая экономика; высокий уровень информационных потребностей, их удовлетворение для основной массы людей; высокая информационная и политическая культура граждан; свободный доступ каждого индивида к информации. Поэтому, информационному обществу присущи: единое информационное пространство; приоритет в экономике новейших технологических укладов, базирующихся на использовании сетевых информационных технологий; доминирование информационных ресурсов в обеспечении стабильного и устойчивого развития общества; возрастающая роль инфраструктуры в системе общественного производства и соответственно в функционировании экономической системы (финансовых – денежных потоков и др.); практическое удовлетворение потребностей общества в информационных услугах; высокая значимость обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства (эффективная система обеспечения прав индивидов, социальных и политических институтов).

Несмотря на то, что глобальное информационное общество формируется локально, в разных странах этот процесс происходит с различной интенсивностью и своими особенностями, движение к информационному обществу – неизбежная тенденция, как для высокоразвитых, так и для развивающихся стран.

Однако, необходимо выделить главное противоречие современного общественного развития: постиндустриальная эпоха бросает вызов социально-политической стабильности. Следует отметить, что постиндустриальное общество – современность, несет в себе ряд рисков: информационных – манипулирование общественным мнением и др.; геополитических – процессы глобализации, которые в значительной степени негативно влияют на положение простых людей; трансформационных – происходящие сегодня трансформационные изменения несут в себе непредсказуемые последствия.

Заостряя внимание на рисках, которые несет в себе информационное общество, необходимо отметить следующее. Дело в том, что одной из особенностей производства в завершающей стадии индустриального общества является рост удельного «веса информации» в «товарной массе» валового продукта, вытеснению ею продукта материального. Другими словами: если капитал и труд – главные структурные элементы индустриального общества, информация и знание – основа общества постиндустриального или информационного (движущая лила его развития). Следовательно, в той же мере, в которой индустриальное общество породило неравенство отношений собственности, постиндустриальное общество порождает неравенство информационное [2].

Сторона, обладающая материальным и административным ресурсом, получает преимущество в формировании информационной «повестки дня» в масштабах информационного воздействия на общество. В этом случае возникает возможность навязывать индивидуальному и массовому сознанию виртуальные сущности, не имеющие прообраза в реальной жизни: диалога между властью и обществом нет и не будет; механизмов воздействия на власть нет; политические партии, профсоюзы не нужны, так как они фактически являются корпоративными институтами, защищающими узкогрупповые интересы. Например, относительно профсоюзов приводятся следующие доводы – модель социального взаимодействия с профсоюзами не востребована современной рыночной экономикой, так как работодатель заключает с работником индивидуальный договор, где оговариваются все условия труда; современная рыночная экономика широко закрепила практику участия работников в акционерном капитале (управлении) и др.

Еще раз подчеркнем: в ближайшей перспективе процессы глобализации будут определять развитие социально-политической ситуации. Современная конфигурация мирового разделения труда поставит перед всеми субъектами гражданского общества вопрос о нахождении баланса между сохранением достигнутого уровня жизни и повышением конкурентоспособности национальных экономик, как гаранта социально-политической стабильности.

Вместе с тем, возникает вопрос – сможет ли эта противоречивая тенденция, как и прежде, решаться в рамках существующих механизмов, например социального партнерства. До последнего времени происходящие в обществе трансформационные изменения не затрагивали эту технологию. Однако, современную экономическую и политическую ситуацию нельзя сравнить с ситуацией конца XX века. Поэтому в новых условиях – постиндустриального, информационного общества – эти социальные технологии не обойдутся без политической трансформации.

В теоретико-концептуальных подходах справедливо обосновано, что эффективное социальное взаимодействие – возможно только в обществе рыночной экономики на определенном этапе его развития. Вместе с тем, общественное развитие находится в постоянном движении. Либеральная эпоха, когда считалось, что рынок все отрегулирует, уходит в прошлое и, закономерно, уступает место координированному государственно-общественному регулированию не только экономических, но и политических и др. отношений.

В современных условиях главным ресурсом социально-экономического развития становится творческая способность человека. Тем самым пересматривается система отношений власти и общества, государства и человека, собственника и работника. В связи с чем становится обязательным: обеспечение свободного развития гражданина и групп граждан (политических партий, профсоюзов и др. структур гражданского общества), защита их прав и свобод, обеспечение верховенства права, что в свою очередь требует и демократизации экономической и политической жизни, и социальной справедливости, и солидарности, и эффективной гуманистической экономики.

Таким образом, в современных условиях возрастает роль и значимость инновационных технологий социально-политического взаимодействия, суть которого заключается в диагностике причин возникновения социально-политических проблем, оценке степени их актуальности и возможности оперативного устранения [3].

Вместе с тем, наша страна достаточно сильно привязана к России и, соответственно, к мировому рынку. Это значит, что оценивая современную ситуацию, мы не должны замыкаться в границах, а сравнивать с тем, что происходит на наднациональном уровне. Сегодня мир наблюдает процесс становления нового геополитического порядка. Новая эпоха (современность) ставит под вопрос соответствие современного общества новым реалиям. Издержки финансовых кризисов обнажили аномалии в производстве и, соответственно, в экономической сфере, что, конечно же, влияет на другие сферы жизнедеятельности конкретного общества. Все это может привести к определенным политическим последствиям. Быстро меняющийся постиндустриальный мир бросает все новые и новые технологические вызовы, формируя, в частности спрос на мобильного работника, готового весь период своей экономической активности к освоению новых профессий. Это значит, что когда меняется структура экономики, на первое место выходят не трудовые навыки и компетенции работника, а его адаптационный потенциал, позволяющий безболезненно менять сферу приложения труда, возможно несколько раз в течение жизни. Поэтому в силу глобализации экономики государственное регулирование социальных и иных отношений не может дать желаемого эффекта.

В заключение следует отметить, что утвердившись в научном обороте в конце XX в. термин «информационное общество» сегодня определяется: общество нового типа, основой которого является развитие информационных технологий; в котором знание рассматривается в качестве основного критерия развития общества; глобальное общество, где обмен информацией не будет иметь пространственных и политических границ; свободный доступ к информации позволят принимать консолидированные решения с целью улучшения уровня жизни людей и др.

Вместе с тем, возникает вопрос: что же является основным признаком и критерием зрелости информационного общества. Некоторые исследователи считают, что специфическим признаком информационного общества является только распространение информации [4]. Можно согласиться, если говорить об информационном обществе с точки зрения пространственного определения.

На основании изложенного констатируем, что основным признаком информационного общества является законодательное закрепление обозначенных положений. Критерием зрелости – реализация этих положений на практике. Поэтому заявленная тема секции 4: ...правовое обеспечение информационного общества, актуальна. Возможно на наднациональном уровне (СГ, СНГ, ЕАЭС) необходимо принять модельный – рамочный закон о развитии информационного общества. Конечно, данный закон будет носить рекомендательный характер, но в какой-то мере минимизирует негативные последствия, что особо актуально в условиях глобализации. Однако, данная проблема требует дополнительных - специальных исследований.

Список использованной литературы

1. Электронное правительство: учебно-методическое пособие / Т. С. Мельникова, Э. Ф. Абубикерова. – Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, Саратов, 2018. – С.9.
2. Шабров, О. Ф. Эффективность государственного управления в условиях постмодерна / О. Ф. Шабров // Власть. – 2010. – № 5. – С. 4-9.
3. Петухов В. В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России / В. В. Петухов // Социс. – 2012. – № 1. – С. 49.
4. Политические институты и процессы в информационном обществе: учеб. пособие/ И. В.Вашкевич [и др.]: под. ред И. В.Вашкевич. – Минск: БГУИР, 2018. – С.16.

Т. М. Киселёва

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

МЕСТНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ГРАЖДАН КАК ФОРМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Публичные правовые инициативы граждан на местном уровне являются одной из значимых форм местного самоуправления, реализация которых часто невозможна из-за пробелов в законодательстве. На данный момент отсутствует регламентация процедуры осуществления отдельных местных инициатив, что определяет необходимость разработки и принятия специального нормативного правового акта. В качестве возможного акта в статье предлагается концепция Закона «Об основах реализации инициатив граждан на местном уровне».

Местное самоуправление, как форма организации и деятельности населения соответствующих территорий, предполагает активное участие граждан в решении вопросов местного значения. Особая роль граждан в соответствующих отношениях подтверждается закреплением в законодательстве многообразия форм непосредственного участия населения в управлении делами государства и общества на местном уровне. При этом следует отметить, что в соответствии со ст. 9 Закона Республики Беларусь от 04.01.2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [1] основным звеном системы местного самоуправления тем не менее названы местные Советы депутатов – представительные государственные органы. Безусловно, местные Советы депутатов, имеющие статус государственного органа и обладающие исключительными полномочиями по решению таких значимых для административно-территориальных единиц вопросов как утверждение местных бюджетов, программ социально-экономического развития и местных налогов, занимают особое место в системе местного самоуправления. Но реальное самоуправление будет возможно только в случае активного участия населения соответствующих территорий. Распространенной формой такого участия являются местные инициативы граждан.

В белорусском законодательстве получили свое закрепление различные инициативы населения по вопросам местного значения, которые с определенной долей условности можно подразделить на несколько групп:

1. Инициативы, связанные с организацией и деятельностью местных Советов депутатов. К данной группе относятся полномочия граждан по выдвижению кандидатов в депутаты местных Советов, отзыву депутатов, инициированию созыва сессий местных Советов, обращению в Совет Республики Национального собрания с предложением рассмотреть вопрос о роспуске местного Совета депутатов.

2. Инициативы в сфере нормотворчества. Указанная группа объединяет такие формы местного самоуправления как реализация нормотворческой инициативы граждан на местном уровне, участие общественности в публичном обсуждении проектов актов местных органов, направление гражданами предложений в Совет Республики по вопросу отмены несоответствующих законодательству решений местных Советов и др.

3. Инициативы по вопросам реализации непосредственных форм местного самоуправления. Данная группа объединяет возможности граждан инициировать местные референдумы, местные собрания, реализовывать гражданские инициативы и др.

Таким образом, можно увидеть, что законодательство гарантирует населению соответствующих административно-территориальных единиц широкие возможности в решении вопросов местного значения, в том числе в форме выражения правовых инициатив. Однако важно учитывать, что закрепление указанных форм не гарантирует их осуществление на практике.

Одним из возможных препятствий может стать излишне сложная процедура. В частности, реализация отдельных инициатив зачастую требует своего рода санкционирования предложения граждан местными органами власти. К примеру, для инициирования вопроса об отзыве депутата местного Совета депутатов избирателям необходимо провести собрание, для созыва которого граждане должны обратиться с письменным заявлением к председателю местного Совета депутатов, на территории которого планируется провести собрание избирателей (ст. 131 Избирательного кодекса Республики Беларусь) [2]. Таким образом, местный Совет депутатов предварительно решает, есть ли основания для отзыва депутата (в том числе депутата данного Совета), хотя, как представляется, соответствующая инициатива должна исходить исключительно от избирателей, а закрепленный порядок ограничивает возможности местного населения. Полагаем, что в данном случае разрешение на проведение собрания должен давать соответствующий исполнительный комитет, проверяя при этом исключительно соблюдение процедуры, но не наличие оснований для отзыва.

Кроме того, необходимым условием участия граждан в местном самоуправлении выступает надлежащее регулирование соответствующих отношений, установление в законодательстве четких и выполнимых правил. Следует признать, что на данный момент в правовом регулировании существуют определенные пробелы.

К примеру, п. 3.1. ст. 12 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» устанавливает, что сессия местного Совета депутатов созывается в том числе по инициативе не менее 10 процентов граждан, обладающих избирательным правом и проживающих на соответствующей территории. Указанная статья при этом не содержит норм, касающихся реализации такой инициативы. Можно предположить, что конкретные правила должны быть установлены самими местными Советами в их регламентах. Если обратиться к Регламенту Минского городского Совета депутатов, утвержденному решением Минского городского Совета депутатов от 23.06.2010 г. № 35, то можно обнаружить что п. 50 указанного акта повторяет нормы Закона, но не закрепляет специальные правила. Устав города Минска, утвержденный решением Минского городского Совета депутатов от 26.06.2001 г. № 193 также в ст. 17 дублирует норму Закона о праве граждан инициировать сессию местного Совета без каких-либо уточнений. Соответственно, гарантируемое законодательством право не может быть реализовано, так как не решен вопрос, каким образом гражданам следует организовывать сбор подписей, кто будет осуществлять проверку подписей и не решены иные организационные вопросы.

Как уже было отмечено выше, гражданам гарантируется право участвовать в отношениях, связанных с конституционно-правовой ответственностью местных Советов депутатов. В соответствии с ч. 3 ст. 33 и ч. 2 ст. 34 Закона Республики Беларусь от 08.07.2008 г. № 370-З «О Национальном собрании Республики Беларусь» [3] Совет Республики по предложению не менее 10 процентов граждан, обладающих избирательным правом и проживающих на соответствующей территории, рассматривает вопросы о роспуске местного Совета депутатов и об отмене решения местного Совета, не соответствующего законодательству. Однако процедура выражения указанной инициативы не раскрывается, что является препятствием для ее осуществления.

В литературе уже неоднократно, в том числе и автором данной статьи, указывалось на отсутствие должного регулирования процедуры реализации гражданами нормотворческой инициативы на местном уровне. Согласно п. 1 ст. 35 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» граждане имеют право по вопросам местного значения в установленном порядке вносить в местный Совет проекты решений. Также п. 2 указанной статьи определяет, что проекты решений по вопросам местного значения, внесенные гражданами в Совет, подлежат обязательному рассмотрению на сессии местного Совета депутатов с участием представителей граждан. Но вопросы реализации процедуры свое регулирование на уровне Закона не получили. Отсутствует

такое регулирование и на уровне решений местных Советов депутатов, за исключением норм Устава города Минска, в ст. 39 которого определено, что в порядке, установленном Советом, жители города, достигшие восемнадцати лет, в количестве 3000 человек имеют право на правотворческую инициативу по вопросам городского значения. Закрепление данных норм, в то же время, не является достаточным и не позволяет гражданам воспользоваться соответствующим правом.

Выявленные в законодательстве пробелы явно свидетельствуют о необходимости установления универсальных правил реализации правовых инициатив граждан на местном уровне. Однако следует признать, что создание соответствующих норм будет связано с рядом трудностей, связанных с различиями в самой сущности предусмотренных инициатив.

В первую очередь необходимо обратить внимание, что отдельные местные правовые инициативы могут реализовываться исключительно гражданами, обладающими избирательным правом (например, выдвижение кандидатов в депутаты местного Совета, инициирование местного референдума и др.), либо всеми жителями соответствующей территории, без учета их гражданства (а иногда и не только жителями, но и гражданами, владеющими имуществом на территории административно-территориальной единицы). Также различаются территории, в пределах которых реализуется местная инициатива – избирательный округ, административно-территориальная единица или ее часть и т. д. В связи с этим оправданным будет принятие акта, закрепляющего процедуру реализации инициатив на местном уровне, исключая процедуры, имеющие специальное регулирование (к примеру, в сфере избирательных и связанных с ними отношений, отношений по реализации гражданских инициатив, направлению предложений по законодательству об обращениях граждан и юридических лиц и т.д.).

Полагаем, что таким новым актом может стать Закон Республики Беларусь «Об основах реализации инициатив граждан на местном уровне». Регулирование соответствующих отношений именно законом определяется их важностью, так как они связаны с реализацией конституционного права граждан на участие в управлении делами государства.

Представляется, что в предлагаемом законе возможно предусмотреть следующий алгоритм реализации местных инициатив.

Первым этапом должно стать создание инициативной группы из числа граждан, имеющих право участвовать в реализации соответствующей инициативы. В Законе необходимо определить количественный состав инициативных групп в зависимости от административно-территориальной единицы, в пределах которой будет реализовываться инициатива. К примеру, в пределах области и города Минска инициативная группа может включать не менее 50 граждан, в пределах района и города областного подчинения – 30, в пределах города районного подчинения – 20, а на уровне поселка или сельсовета – 10. Количественный состав должен быть достаточным для сбора необходимого числа подписей, но не чрезмерным, чтобы исключить ограничение возможностей граждан.

Полномочия по регистрации инициативных групп следует возложить на соответствующие местные исполкомы (данное полномочие необходимо также закрепить в Законе «О местном управлении и самоуправлении»). Считаем важным установить в новом законе норму, согласно которой при регистрации инициативная группа должна представить четкую формулировку инициативы (или проект решения), в поддержку которых будет осуществляться сбор подписей. Заявление инициативной группы должно быть рассмотрено не позднее 15 дней. Решение об отказе в регистрации может быть обжаловано в судебном порядке.

Следующим этапом должен стать сбор подписей инициативной группой. Сбор подписей может осуществляться в пределах определенного периода времени, например, не более месяца, и только членами инициативной группы. Финансирование расходов, связанных со сбором подписей, должно быть возложено на инициативную группу с учетом существующих в законодательстве ограничений. В условиях развития цифровизации

в Республике Беларусь полагаем возможным закрепить электронную форму сбора подписей для тех граждан, которые имеют ID-карту и могут идентифицировать себя в сети Интернет. Для осуществления сбора подписей в онлайн-формате можно использовать Единый портал электронных услуг «Е-Паслуга», внедрив в него соответствующий ресурс.

Необходимой стадией реализации инициатив должна быть проверка собранных подписей. Такую проверку должен осуществлять соответствующий исполнительный комитет в срок не более 15 дней. Правила проверки подписей можно заимствовать из избирательного законодательства.

По результатам проверки подписей исполнительный комитет либо отказывает в реализации инициативы, либо направляет соответствующую инициативу в уполномоченный орган. Необходимо также закрепить право обжалования отказа в судебном порядке.

Безусловно, предложенная процедура является общей и требует уточнений для отдельных видов инициатив. Однако наличие таких универсальных правил позволит гражданам принимать более активное участие в решении вопросов местного значения, что будет способствовать развитию демократии на местном уровне, а также повышению социальной ответственности населения соответствующих административно-территориальных единиц.

Таким образом, в целях развития местного самоуправления в Республике Беларусь существует необходимость законодательной регламентации процедуры реализации инициатив граждан на местном уровне. Решить существующие проблемы возможно путем разработки и принятия Закона Республики Беларусь «Об основах реализации инициатив граждан на местном уровне». При разработке проекта соответствующего закона необходимо учитывать особенности конкретных местных инициатив, обеспечивать активное участие и ответственность граждан в реализации инициатив, а также использовать достижения цифровизации государства и общества.

Список использованной литературы

1. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. №108-З [Электронный ресурс] // URL: ИПС Эталон-онлайн. – Минск, 2025.
2. Избирательный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь от 11 февраля 2000 г. №370-З [Электронный ресурс] // URL: ИПС Эталон-онлайн. – Минск, 2025.
3. О Национальном собрании Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь 8 июля 2008 г. № 370-З [Электронный ресурс] // URL: ИПС Эталон-онлайн. – Минск, 2025.

УДК 349:004 (476)

Ю. С. Покормяхо

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЦИФРОВОГО ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

На сегодняшний день значительную роль в жизни общества занимают цифровые технологии. Цифровизация общественных отношений последовательно формирует новую социальную, экономическую, политическую и правовую реальность, обуславливает обновление и трансформацию права. Республика Беларусь активно внедряет цифровые технологии в экономику, государственное управление, социальную сферу. Однако стремительное развитие информационных технологий требует правового регулирования. В данной статье рассматривается развитие цифрового права в правовой системе Республики Беларусь.

В настоящее время невозможно представить современное общество без информационных технологий. Они преобразуют и улучшают современный мир, внося новые возможности и перспективы развития. В последнее время в современном мире происходят серьезные изменения в различных областях жизнедеятельности общества.

В эпоху стремительного развития цифровых технологий вопросы развития правового регулирования цифровых прав становятся актуальными для обеспечения сбалансированного взаимодействия между инновационными технологиями и защитой основных прав современного общества. Цифровые технологии с каждым годом становятся неотъемлемой частью повседневной жизни, внося изменения в различные сферы современного мира.

Широкое применение информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности человека существенно влияет на мировое развитие, создает важные предпосылки для крупных экономических и социальных преобразований, ведет к формированию передового общества.

Право является одной из тех сфер, где информационные технологии играют важную роль, содействуя более тесному и эффективному решению государственных и общественных вопросов. Потенциал информационных технологий велик.

Национальная правовая система является постоянно развивающейся структурой, без которой невозможно эффективное функционирование государства и общества. В этой связи правовая система также подвержена процессам цифровизации, как и любые другие сферы государственной и общественной жизни современного общества.

Цифровизация в настоящее время является одним из главных вызовов развития современного государства. Прогресс технологического развития Республики Беларусь невозможен без внедрения цифровых технологий в экономику и социальные сферы жизни государства.

Цифровое право следует понимать как совокупность правовых норм и институтов, регулирующих многообразные отношения, связанные с внедрением и использованием цифровых технологий, но эти нормы относятся к различным отраслям права и не объединены ни единым предметом, ни методом регулирования [1, с.21].

В современных условиях невозможно окончательно сформулировать предмет цифрового права в связи с постоянным стремительным развитием его основы – цифровых технологий. в настоящее время предмет цифрового права – это самые разнообразные общественные отношения, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся в киберпространстве.

Влияние цифровых технологий на развитие общественных отношений, которое неминуемо проявляется и в правотворческой деятельности, представляется комплексным и многогранным. В этом отношении можно отметить следующие тенденции развития цифровых прав.

1. Право в условиях цифровых технологий становится более доступным для различных категорий граждан.

2. Развитие цифровых технологий способствует широкому вовлечению граждан в процесс правотворчества.

3. Цифровизация общественных отношений приводит к тому, что все процессы в обществе, включая правовую сферу, многократно ускоряются.

4. Цифровые технологии при их внедрении в правотворческую деятельность могут способствовать ее качественному упорядочению [2, с. 118–119].

Цифровизация представляет собой объективный процесс активного внедрения цифровых технологий во все сферы общественной жизни, в первую очередь, в экономическую сферу. Развитие цифровой экономики, начиная от производства и заканчивая сферой услуг, в настоящее время неразрывно связано с формирующейся цифровой реальностью, которая не только меняет сам характер взаимодействия субъектов экономических отношений, но и воздействует на самих этих субъектов. Такое воздействие неизбежно сказывается на развитии права, которое перед вызовом цифровизации вынуждено давать ответы как в сфере правотворчества, так и в сфере правоприменения.

Отдельным важнейшим направлением цифровизации правовой сферы государства является цифровизация процессов нормотворчества. На реализацию данных процессов в Республике Беларусь возлагаются достаточно серьезные ожидания. Внедрение достижений информационных технологий позволит существенно повысить эффективность взаимодействия нормотворческих органов, сократить сроки разработки и согласования актов, сократить затраты государственных органов на документооборот и обеспечить надлежащую оптимизацию протекающих в стране нормотворческих процессов. В совокупности это будет способствовать разработке эффективных правовых норм, соответствующих текущему состоянию общественных отношений и обеспечивающих их стабильное регулирование в будущем [3].

В современном мире созданы такие цифровые технологии, как искусственный интеллект, технологии виртуальной реальности, дополненной реальности, Блокчейн, облачные сервисы. Исходя из стремительного развития цифровых технологий, правовое регулирование данной сферы правоотношений в Республике Беларусь требует дальнейшего совершенствования.

Таким образом, в век стремительного развития науки и техники на современном этапе необходимо создать законодательную базу, регулирующую отношения в сфере цифровых технологий.

В законодательстве Республики Беларусь институт цифровых прав пока не урегулирован. Исходя из природы цифровых прав, следует отметить, что цифровые права не образуют новый объект гражданских прав, а являются новой формой осуществления гражданских прав в рамках информационных систем.

Республика Беларусь активно стремится адаптировать свое законодательство к новым вызовам цифровой эры, формируя правовую базу для защиты прав и интересов граждан, а также обеспечивая развитие цифровой экономики.

Список использованной литературы

1. Рожкова, М.А. Право цифровой экономики – 2021 (17): Ежегодник-антология / Рук. и науч.ред. д.ю.н. М.А.Рожкова. – Москва: Статут, 2021. – 476с.
2. Шаршун, В. А. Основные направления цифровизации национальной правовой системы: общая характеристика [Электронный ресурс] / В. А. Шаршун // Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2021. – С. 118–123.
3. Мательский А.Ф. Нормотворчество в цифровом формате как эволюционный этап развития электронного государства Режим доступа : <https://pravo.by/document/search/?q=%D0%BC> . – Дата доступа : 02.05.2025.

УДК 343.8

А. Ю. Рожкова

(Псковский филиал Университета ФСИН России, Российская Федерация)

НЕЙРОТЕХНОЛОГИИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА КУРСАНТОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ДОЗВОЛЕНИЕ И НЕДОПУСТИМОСТЬ

В государственной повестке развитие цифровизации и искусственного интеллекта является ключевой стратегией безопасности граждан и государства. Остаются

нерешенные проблемы: как отсутствие законодательного закрепления термина «цифровизация», внедрение цифровых технологий не всегда сопровождается соответствующим правовым регулированием, где изменения законодательства пока не раскрывают природу цифровых правоотношений, требующие ведомственный подход в применении экспериментальных правовых режимов и установлении особенных правовых режимов пределов, назначения и контроля применения цифровых и нейротехнологий.

Обозначим общие тренды цифровизации и нерешенные проблемы правового регулирования, где произошли фрагментарные трансформации в отдельных сферах экономики, в частности, финансовая, налоговая, таможенная, страховая деятельность. Например, автор А. Ю. Яковлева-Чернышева указывает, что для развития смарт-контрактов юридически не урегулирована проблема распределения ответственности сторон сделки [1, с. 223]. Продолжается научная дискуссия о применимости гражданского законодательства, которое в силу своей традиционности, не вполне состоятельно в области электронного денежного оборота. В. В. Шумилова обозначила нерешенный вопрос о правовом толковании «эмиссия электронных денежных средств» [1, с. 441]. Проблемные тезисы нашли свое отражение в работе Н. В. Разуваева [2, с. 20], специфики правового режима гражданского оборота цифровых активов, их отличия последнего от правового режима традиционных имущественных благ; характер и основные особенности трансформации субъективных гражданских прав, объектами которых являются цифровые активы.

Тем не менее к существенным изменениям можно отнести статью 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), содержащую понятие цифровых прав [3], общие условия их приобретения, реализации и прекращения. Норма устанавливает правила, которые способствуют защите прав участников цифровых отношений. Недостатком рассматриваемой статьи можно назвать неясность в разъяснении прав и признаков, установленных для информационных систем, разъяснений по применению норм о цифровых правах нет. Введение цифрового рубля предусматривает изменения статей 128, 140, 1128, 1174 ГК РФ как объекта гражданских прав, в качестве платежного средства, сбережения, счета цифрового рубля и прав завещательного распоряжения, где обнаружены риски правоприменения [4, с. 131], связанные с разграничением ответственности между оператором платформы (Банк России) и пользователем в случае невыполнения перевода, установлены однозначно права и обязанности субъектов правоотношений. Приоритетом развития цифровизации стали финансовые отношения, которые отразились в известных законодательных актах, которые вводят понятия финансовых платформ, цифровых финансовых активов и цифровой валюты, а также устанавливают правила их использования и регулирования. Практическое применение позволило появиться онлайн банкам, системам быстрых платежей, пополнение и вывод средств с криптокошельков. Однако возникает сложность применения статьи 141.1 ГК РФ по отношению к цифровым финансовым инструментам.

Подобные гражданско-правовые аспекты не исключены и для курсантов уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) как граждан-пользователей цифровых и нейротехнологий, а также имеющих право на образование и свободу профессионального самоопределения, но одновременно лиц, несущих государственную службу УИС. И здесь предлагается акцентировать внимание на предмет образовательной подготовки курсантов УИС, где уместно применить конструкцию «дозволение и недопустимость» для установления порядка и пределов применения цифровых и нейротехнологий.

Так, автором, К. Е. Игнатенковой детально дано толкование и разграничение дефиниции «дозволение», где на основе обзора научного труда дадим авторское понимание: «дозволение» [5, с. 9] как способ локально-правового регулирования образовательной подготовки курсантов позволяет осуществить гражданские права на раскрытие профессионального потенциала при закреплении пределов и порядка применения цифровых и нейротехнологий. При этом в конструкции «дозволение» предусмотрены пределы

вводимых локальных норм и правил, раскрывающих «допустимость» на образовательное право и профессиональную свободу, где, в свою очередь, пределы предусматривают «недопустимость» или «запрет», позволяющий не нарушить внутренний правопорядок и беспредельную свободу применения современных технологий, нарушающих образовательные права курсантов на получение государственно-правовых компетенций УИС.

С одной стороны, «дозволение» [5, с. 9] раскрывает активное и добровольное применение цифровых и нейротехнологий при формировании цифровых компетенций курсантов. С другой стороны, «дозволение» обуславливает ценностную ориентацию, выраженную в правопорядке и безопасности, а также мотивационную и стимулирующую ориентацию формирования правосознания курсантов как будущих представителей государства и закона. При этом, тем же автором, К. Е. Игнатенковой, упомянут значимый принцип «гармонизации частных и публичных интересов» [5, с. 9], который обеспечивает локально-правовое регулирование гражданских прав на образование, нематериальных благ (п. 1 ст. 150 ГК РФ) и прав на государственную безопасность сотрудника УИС. В качестве же запрета служит бесконтрольное, нецелевое и небезопасное применение цифровых и нейротехнологий, связанных с образовательной подготовкой курсантов УИС.

Так, в образовательной практике проблема кроется в том, что на законодательном уровне закреплены нормы (ст. 16 № 273-ФЗ «Об образовании») по внедрению и применению технологий в форме дистанционного и онлайн обучения, в том числе с применением нейрокурсов и иных нейросервисов. Также в органах УИС подготовка курсантов предусматривает применение норм образовательного законодательства (п. 1 ст. 78 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации»), где однако не закреплены условия и пределы применения современных технологий для органов внутренней службы, когда подготовка курсантов с применением доступных нейросервисов подвергает опасности их государственно-правовых компетенций в части получения недостоверных (возможно фейковых) сведений, тем самым снижает качество образовательных результатов, и как следствие недостаток правовой грамотности, правосознания, необъективной правовой оценки ситуаций и проявления правовой индифферентности, влияя в целом на безопасность УИС.

Обратимся к ведомственному приказу от 13.06.2023 № 382 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» (далее – Порядок), который устанавливает административный регламент по организации подготовки курсантов. Пункт 3 (разд. I Порядка) гласит о контроле «состояния подготовки», где надо понимать, ведется учет успеваемости и качества на предмет владения индикаторами – знаниями, умениями и навыками. При этом подготовка проводится в специальных небезопасных условиях «с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также к участию в мероприятиях по обеспечению безопасности в учреждениях и органах УИС.» (п. 6 Порядка).

Однако организация подготовки курсантов полностью имплементировала образовательные нормы и не устанавливает особенный порядок пределов и целевых условий применения «образовательных технологий и электронного обучения» (абз. 2 п. 7 разд. II Порядка). Иными словами, дозволение в силу отсутствия ведомственного (локально) правового регулирования действует частично, выраженное лишь в активном и беспрецедентно свободном применении «образовательных технологий» курсантами при подготовке, где ранее указанные ценностно-мотивационные и иные ориентиры правопорядка и безопасности недостаточно формируют компетенции, несоответствующие в дальнейшем квалификационными требованиями, указанными в приказе № 688 от 19.08.2019.

Последний упомянутый приказ устанавливает нормы «охраны профессиональной служебной деятельности», предусматривающие применение «образовательных технологий» (разд. I, II, III, IV, V, VI), где в ведомственных регламентах необходимо, на наш взгляд, закрепить пределы безопасности, порядок целевого и внутреннего применения технологий.

В целом, вопросами применения нейротехнологий задаются многие авторы научных трудов [6], например, применительно к криминалистике, оперативно-розыскной деятельности и иных процессуальных действий, где подобные технологии носят профессионально-служебную значимость и целевое назначение. В связи с этим, полагаем, что правовое регулирование о назначении и порядке применения технологий присущ и для образовательной подготовки будущих сотрудников УИС. В частности, целевым назначением технологий могут служить ведомственные образовательные платформы (электронная образовательная среда УИС) с интерактивными и интегрированными сервисами в пределах биометрической идентификации обучаемого [7, с. 4], аналитики, оценки компетенций и прогнозирования персональной траектории обучения, а также онлайн-сопровождения учебных курсов, проверки работ курсантов и информационной безопасности онлайн-курсов.

Список использованной литературы

1. Цифровые технологии и право : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции в 6 т., Казань, 22 сентября 2023 года. – Казань: Познание, 2023. – 340 с.
2. Разуваев, Н. В. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы / Н. В. Разуваев // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2021. – № (1). – С. 18-38.
3. Николаев, А. И. Особенности применения цифровых прав в Российской Федерации / А. И. Николаев // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 16 ноября 2022 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2022. – С. 166-168.
4. Захаров, А. В. Цифровой рубль в системе объектов гражданского права / А. В. Захаров // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 29. – С. 129-139.
5. Игнатенкова, К. Е. Дозволение как способ правового регулирования / К. Е. Игнатенкова. – Саратов. 2006. – 28 с.
6. Кетия, Т. А. Нейросети и Правоохранительные органы: понятие, принципы, примеры / Т. А. Кетия // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 37. – С. 701-704.
7. Шамсутдинова, Т. М. Проблемы и перспективы применения нейронных сетей в сфере образования / Т. М. Шамсутдинова // Открытое образование. – 2022. Т. 26. – № 6. – С. 4-10.

УДК 342.4*342.5*42.53

И. В. Родичева, Р. И. Алискеров

*(Российский государственный социальный университет,
Филиал в г. Анапа, Российская Федерация)*

КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН И ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В материалах рассматриваются результаты сравнительного анализа государственного устройства и конституционных положений Республики Дагестан и Чеченская Республика. Основной проблемой работы является низкая научная разработанность данной темы и «закрытость» правовых систем данных республик. Научной новизной исследования являются сделанные выводы о существующих различиях между

двумя республиками Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации и их уникальных чертах, основанных как на факторах исторического развития, так и на ключевых национальных особенностях.

Сравнительный анализ государственного устройства органов власти и конституционных положений Республики Дагестан и Чеченской Республики позволяет выявить особенности и различия в их политических системах и правовых основах. Обе республики находятся в составе Российской Федерации и имеют свои особенности, обусловленные историческими, культурными и этническими факторами. Вопросы становления государственной власти в Республике Дагестан подробно рассмотрены в научных трудах Н. Т. Муслимовой, в работе А. Э. Мамедова изучены сравнительные особенности двух конституций Республики Дагестан, а именно Конституций Республики Дагестан 1994 года и 2003 года, Становление государственности в Республике Дагестан рассмотрено в исследовании Х. М. Нестуровой, А. Д. Алиевой, Г. М. Рабаданова, тема изучения государственного устройства Чеченской Республики является менее разработанной и изученной. Можно выделить работу М. Х. Сайдумова, который рассматривая становление государственности национальных автономий на юге России затрагивает вопросы становления государственного устройства Чеченской республики.

Республика Дагестан и Чеченская Республика – два соседних субъекта Российской Федерации имеющих яркие отличительные национальные особенности, связанные не только с историей данных регионов, но и религиозными традициями этих территорий. Сравнительный анализ государственного устройства и конституционных положений Республики Дагестан и Чеченской Республики служит не только научному интересу, но и решает более глубокие задачи, такие как укрепление многонациональности российского государства. Республика Дагестан и Чеченская Республика, будучи субъектами РФ, имеют схожие конституционные принципы, но отличаются в деталях государственного устройства. Проведенный сравнительный анализ по ключевым аспектам, а именно «провозглашенный статус», «многонациональность» и «социальная политика» представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Ключевые аспекты конституционного строя Республики Дагестан и Чеченской Республики

Критерий	Республика Дагестан	Чеченская Республика
Статус	Единое демократическое правовое государство	Демократическое правовое государство
Многонациональность	Многонациональный народ Республики Дагестан - составная часть многонационального народа Российской Федерации	Многонациональный народ Чеченской Республики, осознает свою историческую ответственность за утверждение гражданского мира, свидетельствует о своей исторической общности с Россией и ее многонациональным народом
Социальная политика	Социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека	Социальность государства прямо не обозначена
Порядок принятия	Принята Конституционным Собранием	Принята на референдуме

Проведенный сравнительный анализ позволил выявить сходные и отличительные черты в государственном устройстве изучаемых субъектов России. Высшим должностным лицом Чеченской Республики является Глава Чеченской Республики (Мехк-Да), который возглавляет исполнительную власть Чеченской Республики и вправе возглавить высший исполнительный орган Чеченской Республики - Правительство Чеченской Республики.

Республика Дагестан - Дагестан есть единое демократическое правовое государство в составе Российской Федерации, выражающее волю и интересы всего многонационального народа Дагестана[6]. Государственную власть в Республике Дагестан осуществляют Глава Республики Дагестан, Народное Собрание Республики Дагестан, Правительство Республики Дагестан, Суды Республики Дагестан.

Сравнительный анализ органов государственной власти Республики Дагестан и Чеченской Республики подробно представлен в таблице 2.

В Республике Дагестан осуществляется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

Основными структурными единицами органов исполнительной власти республики Дагестан являются Правительство Республики Дагестан, Администрация Главы и Правительства Республики Дагестан, а также 17 министерств Республики Дагестан.

Примечательным являются образованные в структуре Правительства комитеты Республики Дагестан, среди которых широкий спектр комитетов занимается вопросами сельского хозяйства, а именно ветеринарией, виноградарством, лесным и рыбным хозяйством.

Таблица 2 – Сравнительные характеристики органов власти Республики Дагестан и Чеченской Республики

Наименование	Республика Дагестан	Чеченская Республика
Глава Республики	Глава Республики Дагестан является высшим должностным лицом и возглавляет исполнительную власть	Глава Чеченской Республики возглавляет исполнительную власть и вправе возглавить высший исполнительный орган государственной власти
Законодательная власть	Народное Собрание – парламент Республики Дагестан (состоит из 90 депутатов)	Парламент Чеченской Республики (состоит из 41 депутата)
Исполнительная власть	Правительство Республики Дагестан	Правительство Чеченской республики
Судебная власть	Федеральные суды, Конституционный Суд Республики Дагестан, мировые судьи Республики Дагестан	Федеральные суды, Конституционный Суд Чеченской Республики, мировые судьи Чеченской Республики.
Факторы влияния	Федеральное законодательство, этнический и религиозный состав населения, социально-экономическое развитие, политическая история, федеральная политика.	Федеральное законодательство, традиции и обычаи, политическая воля федерального центра, личность главы региона.

К ключевым особенностям конституционного законодательства республик можно отнести положения статьи 16 Конституции Республики Дагестан, о том, что «запрещается подрыв безопасности государства и создание вооруженных формирований». Конституция Чеченской Республики очевидно делает более широкий акцент на централизации власти в регионе.

В целом, можно сделать вывод о том, что обе республики имеют общие черты субъектов Российской Федерации. Однако Республика Дагестан демонстрирует больший акцент на защите многонационального состава своей республики и предоставлении населению социальных гарантий, Чеченская Республика отражает в конституционных нормах больший акцент на историческом опыте восстановления государственности после кризиса 1990-х годов.

Список использованной литературы

1. Муслимова, Н. Т. Конституция Республики Дагестан 1994 года и особенности формирования политических институтов власти в Дагестане / Н. Т. Муслимова [Электронный ресурс] // ACTA HISTORICA: труды по историческим и обществоведческим наукам. – 2021. – Т. 4. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsiya-respubliki-dagestan-1994-goda-i-osobennosti-formirovaniya-politicheskikh-institutov-vlasti-v-dagestane/viewer> (дата обращения: 08.03.2025).

2. Сайдумов, М. Х. Реализация советской национальной политики при строительстве государственности национальных автономий на юге России: историко-правовые особенности конституционных закреплений / М. Х. Сайдумов [Электронный ресурс] // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2023. – Т. 45. – № 1. URL: <https://goo.su/bfj6> (дата обращения: 11.03.2025).

3. Конституция Чеченской Республики, принята на референдуме 23.03.2003, в ред. от 20.07.2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/819051373?ysclid=m9d67rynlu474168978> (дата обращения: 08.03.2025).

4. Конституция Республики Дагестан, принята Конституционным Собранием 10 июля 2003 г., в ред. от 12.11.2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/802018919?ysclid=m5wppmxc1m838742799> (дата обращения: 08.03.2025).

УДК 34.01

Г. А. Руденков

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В материалах описывается история цифровых прав человека, освещаются правовые акты, обеспечивающие их защиту. Сравниваются меры разных международных организаций по обеспечению защиты цифровых прав. Рассматривается мнение ученых о том, что можно отнести к цифровым правам. Отмечается, что законодательное урегулирование использования искусственного интеллекта необходимо для предотвращения алгоритмической предвзятости при принятии им решений и обеспечения безопасности населения. Подчеркивается недопустимость намеренного ограничения доступа к Интернету.

Права человека отражают условия, в которых развивается государство. Реализация, содержание прав и они сами так же непостоянны, как и соответствующий им исторический контекст. В настоящее время широко распространен Интернет и различные информационные технологии, а значит, права человека получают новые риски быть нарушенными.

Главное, что необходимо отметить в сущности цифровых прав человека – то, что фактически они являются продолжением реализации прав человека предыдущих поколений, адаптированным к цифровым реалиям. Тем не менее, для лучшего их понимания и дальнейшего развития представляется целесообразным рассмотреть отдельные нюансы в их истории.

Впервые понятие цифровых прав человека возникло во время дискуссии о новом, четвертом поколении прав человека. Так, в качестве прав четвертого поколения предлагались права, связанные с биологией и генетикой (соматические права) [1, с. 71; 2, с. 16]. Однако, на наш взгляд, при причислении отдельных прав к четвертому поколению во главу угла должен быть поставлен критерий охвата общественных отношений, в которые включена как можно большая часть населения. Несомненно, таковыми являются нормы в сфере информационных технологий: большинство людей используют электронные устройства, а отсутствие Интернета непредставимо для множества процессов, включая государственное управление. Это и есть принципиальное изменение в общественном укладе за последние десятилетия – переход человечества в цифровую эру. По мнению исследователей, традиционная концепция прав человека находится под давлением, поскольку технологии создают новые условия для их нарушения (смартфоны, интерактивные динамики, фитнес-трекеры и т. д.) [3].

Председатель Конституционного суда Российской Федерации В. Д. Зорькин считает, что к цифровым правам относятся права людей на доступ, использование и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности, сети Интернет [4]. Собственное мнение на этот счет есть и у белорусских исследователей. Так, Т. В. Сафонова причисляет к цифровым правам право на защиту от информации, причиняющей вред здоровью и развитию, право на забвение, право на электронную цифровую подпись, на создание и использование информационных технологий, информационных систем и информационных сетей, право на защиту персональных данных. Дополнительно причислены к цифровым правам право на доступ к государственным электронным услугам, право на доступ в Интернет, право на цифровую связь и др. [5, с. 457]. Одной из основ цифровых прав можно назвать право на свободу мнений и неприкосновенность частной жизни (о чем также ведет речь Т. В. Сафонова) [5, с. 456].

В середине 1990-х годов дискуссия о цифровых правах, в частности о киберправе, породила термин «лошадиное право», который использовался для определения состояния киберправа в первые годы распространения Интернета. Понятие получило распространение благодаря судье Фрэнку Х. Истербруку, выступившему на конференции по этой теме. Истербрук поднял вопрос о том, что киберправо не нуждается в отделении в самостоятельную область права, потому что «... лучший способ изучить закон, применимый к специализированной деятельности, – это изучить общие правила» [6, с. 1]. Лоуренс Лессиг, профессор Гарвардской школы права, в статье 1999 года выразил несогласие с данным утверждением, аргументировав тем, что право должно развиваться по мере расширения влияния киберпространства [7, с. 502].

Когда речь заходит о цифровых правах, нельзя проигнорировать основные международные нормативные правовые акты, относящиеся к правам человека предыдущего поколения, от которых берут свое начало цифровые права. К таким НПА относится Всеобщая декларация прав человека. 12 статья закрепляет право на защиту от вмешательства в личную и семейную жизнь, тайну корреспонденции. Также к общественным отношениям, возникающим в Интернете, применимы статьи 18, 19, 21 и 27 данного документа [8].

Одной из первых правозащитных организаций, которые озаботились систематизацией цифровых прав, стала Electronic Frontier Foundation (EFF), основанная в 1990 г. в США. Она подняла вопрос о недопустимости цензуры и слежки в Интернете, выступила за свободу выражения мнений в цифровой среде, за право на шифрование переписки и неприкосновенность персональных данных. Именно деятельность EFF и аналогичных организаций поспособствовали включению цифровых прав человека в повестку международных институтов, включая ООН и Европейский союз. Уже в 2011 году ООН признала право на доступ в Интернет неотъемлемым правом человека. Такое заявление было сделано в Докладе по вопросу о поощрении защиты права на свободу мнений и их

свободное выражение. Совет ООН в 2016 году выпустил резолюцию по правам человека, утверждающую недопустимость намеренного ограничения доступа в Интернет правом и необходимость обеспечить защиту прав человека в Сети на том же уровне, что и в офлайне.

Рассматривая закрепление цифровых прав на постсоветском пространстве, можно отметить, что в целом право на доступ к Интернету не зафиксировано, возможно, из-за технических проблем обеспечения стабильного сигнала в отдаленных регионах. Однако, например, в законодательстве Республики Беларусь можно найти нормативные правовые акты, регулирующие некоторые цифровые права. Среди таких Законы «Об информации, информатизации и защите информации», «О регистре населения», «О защите персональных данных» и «Об электронном документе и электронной цифровой подписи». В то же время уже несколько стран дальнего зарубежья закрепили право на доступ к Интернету в своем законодательстве, а некоторые из них – даже в Конституции. Кроме ООН принцип открытости Интернета закреплен в Декларации о будущем Интернета, которая была подписана не только государствами-членами ЕС, но и США, Украиной, Грузией, Канадой, Австралией, Израилем, Японией и Сербией 28 апреля 2022 года. Декларация помимо открытости утверждает и то, что Сеть должна придерживаться принципов безопасности, глобальности, свободы и иных.

Дорожная карта по цифровому сотрудничеству ООН определила, что до 2030 года должны быть достигнуты основные цели по обеспечению возможности установления цифровых соединений. Среди них можно назвать общемировой доступ в Интернет, защиту цифровых прав человека, повышение доступности общественных благ и другие.

Еще одним не менее важным документом, закрепляющим цифровые права человека, который приняли в Европейском союзе, стал регламент GDPR от 25 мая 2018 года. Среди нововведений – право на удаление данных пользователя, на исправление своих данных при условии удаления прежних.

2 февраля 2025 года вступили в силу правила обращения с искусственным интеллектом (далее – ИИ), разработанные в ЕС. В соответствии с Законом ЕС об ИИ, стали запрещены системы, подсчитывающие так называемый «социальный рейтинг» (который применяется, например, в Китае), представляющие риски для здоровья и безопасности, а также стало недопустимо использовать программы для распознавания эмоций в учреждениях образования и на рабочих местах. Закон запрещает и использование систем, применимых для технологии Deepfake, копирующей чужие лицо и голос.

Уровень защиты цифровых прав не перестает повышаться и у нас. В СНГ разрабатывают модельный закон о технологиях ИИ и планируют завершить его уже в 2025 году. По словам заместителя генерального директора по научной работе Объединенного института проблем информатики Национальной академии наук Беларуси Сергея Касанина, в сентябре 2024 г. был завершён третий этап работы над данным законом, и целью его является унификация законодательства стран, входящих в СНГ, в сфере регулирования ИИ.

Как можно заметить, основная тенденция разработки новых нормативных правовых актов в различных международных организациях – это регулирование использования ИИ. В ЕС и СНГ это происходит практически одновременно, что свидетельствует о том, что проблема распространения технологий с применением ИИ возникла именно в последние годы, когда его возможности стали выходить за рамки привычного представления. Хотя отставание разработки модельного закона Содружества Независимых Государств от закона ЕС об ИИ и происходит в пределах погрешности, данный факт снова подчеркивает, что на постсоветском пространстве имеется проблема распространения технологий среди населения в целом, и это касается не только доступа к Интернету.

В то время как основной целью СНГ при создании упомянутого закона является стандартизация законов стран-участниц и он не будет противоречить национальным законодательствам, закон ЕС в первую очередь направлен на защиту конкретных прав человека

и не обеспечивает унификацию уже существующих законов государств – членов Европейского союза. Таким образом, можно отметить некое единообразие в разработке соответствующих нормативных правовых актов в странах Содружества и определенную свободу действий для государств в будущем, после публикации закона. В ЕС же, наоборот, прослеживается жесткое верховенство общего законодательства над национальными.

Примечательно, что обеспечение цифровых прав человека началось с международных нормативных правовых актов, а не с национальных. На наш взгляд, это обусловлено тем, что сама проблема возникла в трансграничной среде – в Интернете. Также одной из сторон нарушения прав может выступать и само государство, намеренно ограничивая доступ к Сети и к конкретным интернет-ресурсам, устанавливая тем самым цензуру, поэтому при защите таких прав должен быть кто-то «над» государством, а именно международная организация. Часто в национальном законодательстве прописано, что приоритет в правоприменении имеют международные договоры.

Вспоминая Electronic Frontier Foundation, можно сказать, что в самих США не ведется законодательной деятельности по закреплению цифровых прав, и именно поэтому возникают такие неправительственные правозащитные организации. Однако, несмотря на их неофициальный статус, как уже говорилось выше, они имеют большое влияние как на международной арене, так и в своем государстве. Защита цифровых прав в США обеспечивается таким явлением, как прецедентное право, и конституционными правами на неприкосновенность частной жизни и свободу слова.

Говоря об ИИ, стоит упомянуть, в чем заключаются проблемы его применения. Основные сложности состоят в алгоритмической предвзятости ИИ, которая берется из неправильной интерпретации материала, предоставленного для обучения. В будущем это может привести к серьезным ошибкам в банковской, медицинской сферах и в сфере информационных технологий, в которых для анализа данных и иногда принятия решений используются нейросети [9, с. 29]. Например, рассматривая ошибки в медицинской сфере, можно вспомнить случай, когда алгоритм для прогнозирования объема медицинской помощи пришел к выводу, что чернокожий пациент меньше нуждается в обслуживании, чем белый, так как в прошлом меньше тратил на медицинские услуги. В то время как в действительности траты зависят от социального положения и достатка [10]. Как упоминалось выше, существует технология Deepfake, и, учитывая стремительное развитие генеративного ИИ, особенно в последнее время, она действительно представляет большую опасность. Кроме того, с существующими на данный момент техническими возможностями можно будет генерировать видеоролики для совершения преступлений и введения в заблуждения полностью с нуля.

Подводя итоги, можно отметить, что цифровые права человека постоянно требуют совершенствования их защиты, стремительно расширяется их перечень, так как появляются новые технологии. Законодателям в различных странах сложно успевать за бурно развивающейся цифровой реальностью на протяжении всей истории цифровых прав. Несмотря на то что такие права стали зарождаться еще в 1990-х годах, разработка законодательства продолжается.

Список использованной литературы

1. Рудинский, Ф. М. Гражданские права человека: общетеоретические вопросы / Ф. М. Рудинский // Право и жизнь. – 2000. – №31. – С. 70–78.
2. Лаврик, М. А. К теории соматических прав человека / М. А. Лаврик // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 3. – С. 16–26.
3. Time for a Fourth Generation of Human Rights? // United Nations Research Institute for Social Development [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: <https://www.unrisd.org/en/library/blog-posts/time-for-a-fourth-generation-of-human-rights>. – Date of access: 20.04.2025.

4. Зорькин, В. Д.: Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан / Российская Газета [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>. – Дата доступа: 21.04.2025.
5. Сафонова, Т. В. Понятие и классификация информационных и цифровых прав и свобод человека и гражданина / Т. В. Сафонова // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 73-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 11 марта 2021 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 456–458.
6. Easterbrook, Frank H. Cyberspace and the Law of the Horse / Frank H. Easterbrook // University of Chicago Legal Forum №207, 1996. – P. 1–5.
7. Lessig, Lawrence. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach / Lawrence Lessig // Harvard Law Review. – 1999. – №113 (2). – P. 501–549.
8. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : прин. Резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи, 10 декабря 1948 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/declhr.shtml>. – Дата доступа: 21.04.2025.
9. Абламейко, С. В. Искусственный интеллект в Беларуси – история и перспективы / С. В. Абламейко // Наука и инновации. – 2021. – №5 (231). – С. 26–31.
10. Dissecting racial bias in an algorithm used to manage the health of populations // Chicago Booth [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access: <https://www.chicagobooth.edu/research/center-for-applied-artificial-intelligence/research/our-faculty-research/2019/dissecting-racial-bias-in-an-algorithm-used-to-manage-the-health-of-populations>. – Date of access: 21.04.2025.

УДК 342.849

Т. В. Сенькова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЕ

В материалах рассмотрено понятие электорального суверенитета, впервые получившее закрепление в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, раскрыто его содержание. Исходя из содержания электорального суверенитета автором выделены и охарактеризованы меры, направленные на обеспечение электорального суверенитета. Также автором статьи предлагается закрепление в Избирательном кодексе принципа обеспечения электорального суверенитета, наряду с другими принципами избирательного процесса.

Впервые на законодательном уровне понятие «электоральный суверенитет» получило закрепление в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Под электоральным суверенитетом Концепция понимает «неотъемлемое и исключительное право государства самостоятельно и независимо организовывать и проводить выборы, референдумы в целях обеспечения реализации полновластия народа и свободы его выбора при верховенстве Конституции Республики Беларусь и национального законодательства, недопущения вмешательства в избирательный процесс» [1, п. 4]. В соответствии с положениями Концепции обеспечение электорального суверенитета относится к одному из основных национальных интересов в политической сфере, в свою очередь, осуществление действий, направленных на дискредитацию либо срыв электоральных кампаний, является внутренним источником угрозы национальной безопасности [1, п. 9, п. 31].

Исходя из приведенного выше определения электорального суверенитета можно выделить три его составляющие. Во-первых, электоральный суверенитет базируется на бесспорном праве суверенного государства организовывать и проводить избирательные кампании, референдумы в соответствии с национальным законодательством.

Также очевидно, что электоральный суверенитет непосредственно связан с реализацией народного суверенитета, а именно, конституционно закрепленного права белорусского народа осуществлять свою власть, участвовать в политической жизни страны, в том числе путем выборов, формировать и выражать национальные интересы.

Как отмечают некоторые ученые-юристы важное значение для обеспечения электорального суверенитета имеют электоральные ценности лиц, задействованных в избирательном процессе, под которыми понимаются представления народа о значимости избирательного процесса, проявления активной жизненной позиции, участия в политической жизни государства. К важным электоральными ценностями белорусского народа относят национальную безопасность, семью, здоровье, правопорядок, свободу, реализацию конституционных прав и свобод [2].

И последняя составляющая сущности электорального суверенитета – это недопустимость вмешательства в избирательный процесс. С одной стороны, это ограничение иностранного вмешательства, и с другой стороны – недопустимость незаконных действий, направленных на оказание влияния на ход и результаты выборов, их дискредитацию, срыв избирательных кампаний.

Избирательный кодекс Республики Беларусь (далее – Избирательный кодекс) предусматривает ряд мер, направленных на обеспечение электорального суверенитета. Эти меры могут быть рассмотрены исходя из элементов составляющих электоральный суверенитет.

В первую очередь гарантией электорального суверенитета является национальная правовая основа избирательной системы. Ее составляют Конституция Республики Беларусь, Избирательный Кодекс, иные акты законодательства, постановления Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь [3, ст. 2]. Республика Беларусь, признавая приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивая соответствие им законодательства [4, ст. 8], как суверенное государство имеет право самостоятельно решать внутренние дела, в том числе связанные с проведением электоральных кампаний, имея в этом вопросе достаточно богатый опыт, сложившиеся правовые традиции и понятную для граждан избирательную систему. Национальное избирательное законодательство обеспечивает четкие механизмы организации и проведения избирательных кампаний и соответствует общепризнанным принципам избирательного права, нормам международного законодательства.

Важнейшей гарантией электорального суверенитета выступают, закрепленные в законодательстве принципы избирательного права и процесса такие как: всеобщее, равное, прямое избирательное право, свобода участия в выборах, гласность, тайное голосование. Например, прямое избирательное право – основа для формирования легитимной власти. Данный принцип основополагающий для функционирования демократических систем, он обеспечивает гражданам возможность активно участвовать в избирательном процессе и влиять на принятие решений, которые касаются функционирования государства. Организация и проведение выборов в соответствии с указанными принципами позволяет обеспечить свободное волеизъявление граждан Республики Беларусь, а также их конституционное право на участие в политической жизни страны.

Ключевое значение как для обеспечения электорального суверенитета, так и защиты конституционного строя имеют нормы национального избирательного законодательства, устанавливающие ограничения для иностранного участия в избирательном процессе. Любое суверенное государство заинтересовано в недопущении иностранного вмешательства в избирательный процесс и стремится предусмотреть соответствующие нормы в избирательном законодательстве, которое должно выступать гарантом политической стабильности и национальной безопасности. В этой связи ограничения избирательных прав возможны. Кроме того, такие ограничения допустимы и в соответствии с международными нормами.

Можно согласиться с тем, что принцип ограничения иностранного вмешательства в избирательном процессе тесно связан с принципом уважения государственного суверенитета, а выборы являются одной из наиболее чувствительных сфер государственного суверенитета [5, с. 302].

Недопустимость иностранного вмешательства в избирательный процесс обеспечивается установлением ряда ограничений, касающихся требований к кандидатам на выборные должности, финансирования избирательных кампаний, предвыборной агитации, наблюдения за выборами.

Гражданство является одним из основных доминирующих требований в избирательном праве. Повышенные требования или квалифицированные цензы, как правило, устанавливаются для реализации пассивного избирательного права при замещении выборных должностей. К таким требованиям можно отнести возраст, ценз оседлости, отсутствие судимости, гражданство, отсутствие иностранного гражданства и другие [6, с. 142].

В Республике Беларусь требование о наличии гражданства установлено в отношении кандидатов на должность Президента Республики Беларусь (гражданство по рождению), депутата Палаты представителей, депутата местного Совета депутатов, члена Совета Республики, делегата Всебелорусского народного собрания от гражданского общества. Для кандидатов на пост Главы государства увеличен ценз оседлости, что также является определенным барьером к иностранному влиянию.

В отношении кандидатов на пост Президента Республики Беларусь установлено требование о недопустимости наличия, в том числе в прошлом, гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и другие преимущества [3, ст. 57; 4, ст. 80].

Также, в соответствии со ст. 60 Избирательного кодекса кандидатами в депутаты не могут быть выдвинуты граждане, имеющие гражданство (подданство) другого государства и (или) документы иностранных государств, предоставляющие права на льготы и преимущества в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью. Исключение составляют граждане Российской Федерации, постоянно проживающие в Республике Беларусь, которые имеют право участвовать в выборах депутатов местных Советов депутатов. Аналогичные ограничения установлены в отношении кандидатов в члены Совета Республики, в делегаты Всебелорусского народного собрания от гражданского общества. Их несоблюдение влечет отказ в регистрации кандидата на выборную должность.

Что касается требования об отсутствии документов иностранных государств, предоставляющих права на льготы и преимущества, то оно не является новым в законодательстве Республики Беларусь. С 2011 года подобные нормы были установлены в отношении государственных служащих с внесением изменений и дополнений в Закон «О государственной службе» от 14 июня 2003 г. № 204-З и сохранены в действующем законодательстве о государственной службе.

Таким образом, требования, связанные с гражданством в сфере государственного управления, обусловлены реализацией политических прав, в полной мере, принадлежащих только гражданам государства, соотносятся с запросом об обеспечении национальных интересов, государственной безопасности, суверенитета и не противоречат международным нормам.

Одним из способов обеспечения справедливой политической конкуренции и электорального суверенитета является запрет на иностранное финансирование выборов. Это вопрос не является дискуссионным ни для Республики Беларусь, ни для зарубежных государств, где он также установлен. Аналогичное ограничение существует и в финансировании деятельности политических партий.

В соответствии со ст. 48 Избирательного кодекса «запрещается прямое или косвенное участие в финансировании и другая материальная помощь иностранных государств

и организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, международных организаций, организаций, учредителями (участниками, собственниками имущества) которых являются иностранные государства, иностранные организации, международные организации, иностранные граждане и лица без гражданства, при подготовке и проведении выборов, референдума, отзыва депутата, члена Совета Республики». Также ст. 48¹ Избирательного кодекса установлены запреты на иностранное финансирование при формировании избирательных фондов кандидатов на выборные должности [3]. Нарушение этих требований влечет отмену решения о регистрации кандидата в Президенты Республики Беларусь или в депутаты без предварительного предупреждения.

Избирательное законодательство определяет порядок предвыборной агитации и предоставляет такое право гражданам, политическим партиям, общественным объединениям, трудовым коллективам, доверенным лицам кандидатов на выборные должности. Однако, иностранные граждане и лица без гражданства не имеют права принимать участия в агитации [3, ч. 5 ст. 45]. В период агитации запрещаются действия, направленные, на срыв избирательных кампаний, что призвано обеспечивать стабильность избирательного процесса.

Важное значение при проведении выборов имеет институт международного наблюдения за национальными избирательными процедурами. Можно согласиться с тем, что существование института международного наблюдения «соответствует логике углубления демократических начал глобализации». В тоже время, преследуя задачи укрепления демократии, обеспечения гласности, соблюдения прав и свобод человека, поддержания доверия к избирательным процессам, обмена опытом организации и проведения электоральных кампаний и др., институт международного наблюдения должен использовать независимые и универсальные критерии при оценке выборов, избегая «двойных стандартов», и не становится инструментом влияния на ход и результаты избирательных кампаний [7, с. 28]. Так, в соответствии с Избирательным кодексом иностранные наблюдатели не могут вмешиваться в избирательный процесс, они не вправе использовать свой статус для осуществления деятельности, не связанной с наблюдением за подготовкой и проведением выборов, не могут осуществлять агитацию, препятствовать работе избирательных комиссий [3, ст. 13].

Избирательный кодекс, с отсылкой на действующее законодательство, предусматривает ответственность за нарушение порядка организации и проведения выборов и голосования. Так, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях в ст. 10.9 устанавливает ответственность за нарушение законодательства о выборах и референдуме, в ст. 10.21. – ответственность за незаконное проведение опросов общественного мнения, относящихся, в том числе, к выборам, в ст. 24.15. – за нарушение законодательства об иностранной безвозмездной помощи, в частности, получение и (или) использование иностранной безвозмездной помощи в случаях, запрещенных законодательством [8].

Ст. 191 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусматривает ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав, права на участие в референдуме, ст. 192 – за нарушение законодательства о выборах, выразившееся в действиях, указанных в соответствующей статье и совершенных должностными лицами государственных органов, общественных объединений, других организаций и иными лицами. Ст. 369² содержит административную преюдицию и устанавливает ответственность за получение и (или) использование иностранной безвозмездной помощи в случаях, запрещенных законодательством, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения [9].

Таким образом, Республика Беларусь, как любое суверенное государство, стремится исключить влияние иностранных государств во внутривнутриполитической сфере и предусмотреть меры, направленные на обеспечение электорального суверенитета. Это меры, представляющие собой целесообразные и эффективные ограничения при организации и проведении электоральных кампаний, а также специальные гарантии в виде юридической

ответственности за нарушение избирательного законодательства. Полагаем, что обеспечение электорального суверенитета, должно найти детальное закрепление в Избирательном кодексе, как самостоятельный принцип избирательного процесса, наряду с другими принципами.

Список использованной литературы

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.05.2025).
2. Шахновская, И. В. Становление концепции электорального суверенитета в Республике Беларусь // И. В. Шахновская. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02402367b&q_id=2709825 (дата обращения: 12.05.2025).
3. Избирательный кодекс Республики Беларусь : 11 февраля 2000 г. № 370-3 : принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : одобрен Советом Респ. 31 янв. 2000 г. : с изм. от 16 февр. 2023 г. № 252-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.05.2025).
4. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 109 с.
5. Ларин, А. А. Принцип ограничения иностранного вмешательства в избирательный процесс / А. А. Ларин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 2-1. – С. 302-307.
6. Сенькова, Т. В. Гражданство как условие профессиональной деятельности / Т. В. Сенькова // Приоритетные направления развития правовой системы общества : Материалы IX Международной научно-практической конференции в двух частях, Гомель, 12–13 мая 2022 года. Том Часть 2. – Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2022. – С. 139-143.
7. Байханов, И. Б. Электоральный суверенитет и международное наблюдение за выборами / И. Б. Байханов // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2012. – № 4(115). – С. 28-32.
8. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 янв. 2021 г. № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобрен Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : с изм.: от 17 февраля 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.05.2025).
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. : от 17 февраля 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.05.2025).

УДК 343.2/.7

И. М. Синица, О. Г. Шляхтова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В материалах рассматривается определение понятия информационно-коммуникативной среды и ее роль в уголовно-процессуальных отношениях в Республике Беларусь через выявление ее сущностных черт. Информационно-коммуникативная среда, являясь

одним из активно используемых понятий в современных научных дискуссиях, связанных с прогрессом технических средств во всех сферах жизни, требует глубокого понимания и четкого определения, поскольку представляет собой новый фокус зрения на уголовно-процессуальные отношения.

Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий в современном мире создало беспрецедентные условия для интерактивного обмена информацией с использованием распределенных информационных ресурсов сети Интернет и определило появление нового такого понятия как «информационно-коммуникативная среда». Данное понятие широко используется в научных и общественных дискуссиях, однако отсутствует в действующем национальном законодательстве. На международном уровне оно трактуется как «информационные коммуникативные среды, что подразумевает под собой информационные системы, обеспечивающие оперативное взаимодействие людей, технических средств и программного обеспечения, находящихся на значительном удалении друг от друга» [1].

На наш взгляд, имеется необходимость в уточнении определения информационно-коммуникативной среды, т.к. зачастую в публикациях используются технические, философские либо социально-экономические определения.

С этим связаны существующие терминологические проблемы. Нередко исследователи используют данный термин без какой-либо его трактовки. Среди же многочисленных определений как наиболее содержательное и полное мы можем выделить мнение Д. А. Фурсовой, которая определяет информационно-коммуникативную среду «как интеграцию онлайн- и офлайн сред, в которых информация рассматривается в качестве основообразующего “материала”, Интернет и многочисленные цифровые устройства – как набор условий, социальная среда определяет социокультурные условия, а акторы информационно-коммуникативной среды представлены людьми и различными программами» [2, с. 165].

Кроме того, ряд авторов употребляют термин «информационно-коммуникативная среда» как синоним понятия «информационно-коммуникационная среда», что на наш взгляд является неверным. Прилагательное «коммуникационный» шире по своему смысловому значению, поскольку может употребляться как в значении «пути сообщения», так и в значении «языковая передача сообщения», прилагательное «коммуникативный» связано со значением «общение, связь».

Таким образом, наш взгляд, отличие между информационно-коммуникативной и информационно-коммуникационной средой заключается в том, что информационно-коммуникативная среда рассматривается как средство обеспечения коммуникации и взаимодействия между людьми и организациями, а информационно-коммуникационная среда – как техническое средство обработки, хранения и передачи информации.

В целом, информационно-коммуникативная и информационно-коммуникационная среды – это два важных понятия в сфере информационных технологий, не нашедшие, однако, правового отражения. Мы видим, что эти понятия в основном имеют технологическую, социокультурную и гуманитарную направленность исследования.

В то же время, информационные технологии проникают во все сферы жизни, в том числе те, которые, казалось бы, в достаточной мере урегулированы нормами права и основаны на строго упорядоченном взаимодействии участников, к каковым относятся уголовно-процессуальные отношения в Республике Беларусь. Рассматривая эти отношения с новой точки зрения, в понятие «**информационно-коммуникативная среда**» мы вкладываем социально-правовое взаимодействие участников процесса: регулирующие его процессуальные нормы, порядок обмена информацией между участниками (суд, сторона обвинения и защиты, свидетели), правовые механизмы передачи данных (подача ходатайств, представление доказательств, протоколирование действий), а также этические и процессуальные аспекты (конфиденциальность, права участников, правила ведения диалога).

В свою очередь **информационно-коммуникационная** – это техническая и технологическая инфраструктура (серверы, компьютерные, мобильные устройства, сети передачи данных), обеспечивающая сбор, обработку, хранение, передачу и защиту информации в рамках определённой системы (например, уголовного процесса). Она включает в себя аппаратные, программные и сетевые средства, которые позволяют участникам взаимодействовать, обмениваться данными и использовать цифровые ресурсы в соответствии с установленными стандартами и протоколами.

Информационно-коммуникативная среда и информационно-коммуникационная среда имеют различные цели и задачи, поэтому считать данные термины синонимами не совсем корректно. В уголовном процессе обе среды взаимосвязаны: коммуникационная среда поддерживает реализацию коммуникативных норм, а правовые правила задают рамки использования технологий. Например, видеоконференц-связь (коммуникационная среда) должна соответствовать процессуальным требованиям к проведению допроса (коммуникативная среда).

Таким образом, в уголовном процессе понятие информационно-коммуникативной среды заключается в системе правовых, организационных и технических механизмов, обеспечивающих взаимодействие участников процесса, обмен информацией, обеспечение безопасности и контроля за соблюдением закона, а также соблюдение процессуальных норм.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) можно выделить следующие нормы, регулирующие указанные механизмы:

статья 219. Применение звуко- и видеозаписи при допросе. Эта статья определяет процедуру допроса свидетелей, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего. Она также устанавливает право сторон на использование звуко- и видеозаписи допроса, а также правила и процедуры для их использования;

статья 66. Меры по обеспечению безопасности. Данная статья к иным процессуальным мерам безопасности относит использование технических средств контроля; прослушивание переговоров, ведущихся с использованием технических средств связи, и иных переговоров;

статья 224¹. Проведение допроса, очной ставки, предъявление для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции), в которой устанавливается правила допроса потерпевшего, свидетеля, очная ставка или предъявление для опознания лиц и (или) объектов с участием потерпевшего или свидетеля могут быть проведены дистанционно с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции). Применение систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) при производстве следственных действий должно обеспечивать возможность реализации участниками следственного действия их прав и исполнения обязанностей, предусмотренных УПК;

статья 88. Доказательства. Здесь установлены правила и процедуры для сбора, хранения, обработки и использования доказательств, включая правила для использования информационно-коммуникативных средств (звуко- или видеозаписи хода судебных заседаний, показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, в том числе их звуко- и видеозапись и другие носители информации);

статья 186. Деятельность органов дознания по уголовным делам, которая определяет правила для установления и закрепления следов преступления, в том числе наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров.

Таким образом, информационно-коммуникативная среда в уголовном праве Республики Беларусь играет существенную роль в обеспечении эффективности уголовного процесса и защите прав участников процесса. Она позволяет ускорить процесс рассмотрения уголовных дел, облегчить доступ к информации и доказательствам, а также повысить эффективность контроля за соблюдением закона и защиты прав участников уголовного процесса.

Важным аспектом информационно-коммуникативной среды в уголовном процессе является обеспечение конфиденциальности информации и защиты персональных данных участников процесса. Кроме того, информационно-коммуникативная среда в уголовном процессе должна обеспечивать равноправие участников процесса и предотвращать любые формы дискриминации.

В современных условиях многие сферы общественной жизни управляются посредством информационных технологий, что ставит эффективность борьбы с преступностью в прямую зависимость от информационно-технологического обеспечения деятельности органов, ведущих уголовный процесс, и правового регулирования такого обеспечения. Считаем, что глобальная цифровизация и международный опыт будут способствовать дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности, что позволит рассмотреть вопросы внедрения электронной формы ведения уголовных дел, использования электронных доказательств, дистанционного проведения следственных действий и судебного разбирательства, применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия (возможности этого активно обсуждаются в научных и общественных кругах).

Юридическое определение понятия «информационно-коммуникативная среда» в уголовном процессе необходимо для решения ключевых задач правоприменения и обеспечения справедливости судопроизводства. Уголовный процесс требует строгого соблюдения формальных правил. Точная терминология позволит унифицировать понимание взаимодействия участников (суд, стороны обвинения и защиты, свидетели), избежать разночтений в применении норм, например, при оценке законности получения доказательств, участникам эффективно защищать свои интересы, опираясь на предсказуемые нормы. Определение информационно-коммуникативной среды превращает её из абстрактного понятия в инструмент защиты прав, стандартизации и контроля. Без этого уголовный процесс рискует стать «ареной» решений, где технологии и коммуникации используются вне правовых рамок, а участники лишаются гарантий справедливости.

Именно поэтому представляется важным выработать определение информационно-коммуникативной среды, которое было бы как можно более полным и точным. В связи с этим, для четкого и единого понимания рассматриваемого термина нами предлагаются следующие определения:

– информационно-коммуникативная среда – это совокупность правовых, организационных и технических механизмов, которые используются для обмена информацией между людьми и организациями и соблюдением процессуальных норм включающая в себя такие элементы, как электронная почта, социальные сети, мессенджеры, веб-сайты и др. Она регулирует как социально-правовые аспекты коммуникации, так и технические средства её реализации;

– информационно-коммуникационная среда – это более широкое понятие, которое включает в себя информационно-коммуникативную среду, а также аппаратное и программное обеспечение, используемое для обработки и хранения информации, такие как компьютеры, серверы, базы и банки данных, архивы, биометрические системы и т. д.

В целом, информационно-коммуникативная среда в уголовном процессе играет важную роль в обеспечении справедливости и эффективности уголовного правосудия. Поэтому соблюдение норм, фактически регулирующих информационно-коммуникативную среду в уголовном процессе, является важным условием для обеспечения справедливости и законности уголовного правосудия в Республике Беларусь.

Список использованной литературы

1. Концепция согласованной социальной политики государств-членов ЕврАзЭС, представленная постановлением Бюро Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 17 нояб. 2005 г., № 13 [Электронный ресурс] // Документы

заседания Бюро Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества. – Режим доступа : <https://etalonline.by/document/?regnum=f20500064>. – Дата доступа : 06.03.2025.

2. Фурсова, Д. А. К проблеме определения понятия «информационно-коммуникативная среда» / Д. А. Фурсова // Вестник МГУКИ. – 2020. – № 2 (94). – С. 164–164.

УДК 342.843.4

И. Г. Скороход

(Белорусский государственный экономический университет, Республика Беларусь)

О НЕКОТОРЫХ КРИТЕРИЯХ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Предпринята попытка разработки некоторых критериев легитимности выборов Президента Республики Беларусь. Отмечается, что необходимость научного осмысления данной проблематики обусловлена впервые закреплённым в Конституции Республики Беларусь правом Всебелорусского народного собрания рассматривать вопрос о легитимности выборов. Высказываются некоторые предложения по совершенствованию правового регулирования общественного контроля со стороны институтов гражданского общества за проведением выборов.

В современном мире обсуждение вопросов выборов не может быть рассмотрено полноценно без учёта их легитимности. В политических системах, где народ играет ключевую роль в проведении выборов, легитимность становится основополагающим принципом.

По этой причине вполне логичным и оправданным является закрепление в Конституции Республики Беларусь нормы о праве Всебелорусского народного собрания рассматривать вопрос о легитимности выборов (п. 6 ст. 89³).

Фактически конструкция «легитимность выборов» получила конституционное основание. Тем самым появился еще один механизм, гарантирующий соблюдение принципов и положений Конституции.

Однако для обеспечения верховенства Конституции необходимы надлежащие объективные доводы (критерии легитимности) для принятия высшим представительным органом народовластия Республики Беларусь обоснованного и убедительного решения. Поэтому целью данной статьи является разработка некоторых критериев легитимности выборов Президента Республики Беларусь на примере избирательной кампании 2025 г.

Термин «легитимность» имеет латинское происхождение – *legitimus*, означающий «согласный с законами, законный, должный, правильный» [1].

Однако легитимность – это не просто юридическая категория. Она включает в себя оценку того, как люди воспринимают политические институты, в том числе и выборы. Тем самым легитимность выборов напрямую связана с уровнем доверия граждан к ним.

1. Доверие к выборам – критерий их легитимности.

Термин доверие происходит от слова «вера». Доверие – то, что имеет место до веры. Предлог «до» обозначает явление, не просто предшествующее вере, но и непосредственно к ней ведущее. Доверие не статично, оно всегда в движении и проходит различные тесты и испытания. В конституционном праве доверие может быть частью внутреннего состояния общества, выработанного за определенный период времени [2, с. 632].

По информации представителя Института социологии НАН Беларуси Александра Посталовского «готовность участвовать в выборах у нас традиционно высокая и составляет 65–70 %» [3].

По результатам голосования на выборах Президента Республики Беларусь 26 января 2025 г. из общего числа избирателей – 6 903 994, приняло участие в голосовании – 5 916 195 избирателей, что составляет 85,69 %. При этом число голосов, поданных за действующего Президента Беларуси составило 86,82 %.

В итоге Президент с уверенностью может опереться на избирателя: он получил поддержку от народа и право на управление.

2. Легальность (законность) проведения выборов.

Легитимность выборов зависит от соблюдения законных процедур. В странах с развитой демократией и уважением к закону, избрание президента по конституции считается достаточным основанием для признания его власти законной. Поэтому процессуальные вопросы всегда были в числе основных для легитимности выборов Президента Республики Беларусь.

Регистрация кандидатов, предвыборная агитация, проведение голосования и подведение итогов выборов были организованы в соответствии с требованиями Конституции и Избирательного кодекса Республики Беларусь.

Вот какое заявление сделали наблюдатели от Содружества Независимых Государств: *«Выборы Президента Республики Беларусь, состоявшиеся 26 января 2025 г., проведены в полном соответствии с Конституцией и Избирательным кодексом Республики Беларусь, были свободными, прозрачными, конкурентными и соответствовали принципам проведения демократических выборов, обеспечили право граждан Республики Беларусь на свободное волеизъявление»* [4].

Аналогичные заявления прозвучали и от других международных, а также национальных наблюдателей.

Таким образом, легитимность выборов Президента Республики Беларусь в 2025 г. была обеспечена исполнением и соблюдением правовых норм всеми участниками избирательного процесса.

3. Критерий конкурентности и альтернативности выборов.

Каким бы совершенным и демократичным не было избирательное законодательство оно не должно становиться определяющим критерием легитимности выборов. Крайне важно, чтобы избиратель мог свободно осуществлять свой выбор из нескольких кандидатов. Т. е. число зарегистрированных кандидатов должно быть не меньше числа мандатов.

Как известно на выборах Президента Республики Беларусь 26 января 2025 г. в избирательный бюллетень было включено пять кандидатов. Бюллетень также содержал пункт «Против всех кандидатов», что обеспечивало право принятия альтернативного решения – проголосовать против всех кандидатов.

Таким образом, конкурентность выборов Президента была обеспечена.

Однако конкурентность выборов не следует отождествлять с их альтернативностью. Альтернативность выборов представляет собой более широкое понятие, чем конкурентность.

Альтернативность выборов реализуется различными способами и средствами. Например, при выдвижении кандидатов на должность Президента путем сбора подписей можно подписаться за того или иного кандидата либо не подписываться ни за одного. У граждан есть возможность проводить агитацию за или против кандидата на собраниях, митингах, в средствах массовой информации, глобальной компьютерной сети Интернет. Граждане Республики Беларусь могут вносить денежные средства во внебюджетный фонд и в избирательные фонды лиц, выдвигаемых кандидатами в Президенты Республики Беларусь. Также можно выступать доверенными лицами кандидатов в Президенты, помогать кандидатам в проведении избирательной кампании, представлять интересы кандидатов во взаимоотношениях с государственными органами, общественными объединениями, избирателями. Наконец, у граждан есть право вообще никак не участвовать в президентской избирательной кампании, а в день голосования не прийти на избирательный участок.

Тем самым Конституцией и Избирательным кодексом, допускается возможность альтернативного поведения избирателя, который является самостоятельным критерием легитимности выборов Президента.

4. Явка избирателей.

В Республике Беларусь президентские выборы всегда играли ключевую роль в политической жизни страны, и в них традиционно принимало участие значительное количество граждан.

С юридической точки зрения, легитимность выборов определяется:

1) признанием выборов состоявшимися и зависит от минимальной явки избирателей, которая должна быть достаточной для возникновения правоотношений, связанных с признанием выборов состоявшимися;

2) результатом выборов, когда для избрания необходимо определённое количество голосов избирателей.

По данным Центральной избирательной комиссии в списки граждан, имеющих право участвовать в голосовании на выборах Президента 26 января 2025 г., были включены 6 903 994 избирателя. Бюллетени получили 5 916 834 избирателя, что составило 85,7 % граждан, включенных в списки, приняли участие – 5 916 195 избирателей, или 85,69 %.

Президентом Республики Беларусь избран Лукашенко Александр Григорьевич, за кандидатуру которого подано 5 136 293 голоса избирателей, что составило 86,82 %, то есть более половины граждан Республики Беларусь, принявших участие в голосовании.

Таким образом, выборы Президента Республики Беларусь в 2025 г. считаются состоявшимися, что соответствует ч. 1 и 2 ст. 82 Конституции.

5. Соответствие выборов Президента международным стандартам.

Выборы не ограничиваются голосованием. Это сложный и взаимосвязанный процесс, который включает в себя ряд этапов. В условиях демократии на всех стадиях избирательного процесса необходимо обеспечить возможность прямого и точного выражения воли народа.

Воля народа, который является носителем суверенитета и единственным источником власти получает свое адекватное выражение в избирательном процессе при выдвижении кандидатов в Президенты. Это обусловлено тем, что в Республике Беларусь существует единственный субъект, имеющий право выдвигать кандидатов на должность Президента – народ Республики Беларусь. Данное право реализуется путём сбора подписей гражданами Республики Беларусь, обладающими избирательным правом.

Конституционное положение о праве граждан выдвигать кандидатов на должность Президента соответствует основным международным стандартам в области прав человека закреплённым в ст. 21 Всеобщей декларации прав человека, ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пункте «b» ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств.

Вышеназванные общепризнанные международные принципы и нормы получили свое практическое подтверждение на выборах Президента Беларуси в 2025 г. На этот счет международными наблюдателями были сделаны соответствующие заявления [5; 6].

6. Общественный контроль за выборами Президента как критерий их легитимности.

Общественный контроль за выборами делает избирательный процесс максимально открытым, прозрачным и честным.

Однако общественный контроль – это не только наблюдатели на избирательных участках. В его осуществлении участвуют и другие субъекты избирательного процесса: члены избирательных комиссий, кандидаты, их доверенные лица, общественные объединения, политические партии, представители средств массовой информации, сами избиратели и другие субъекты. В рамках, предоставленных им законом полномочий, они выполняют задачи по общественному контролю.

В связи с этим общественный контроль должен осуществляться на всех стадиях избирательного процесса. Поэтому целесообразным и обоснованным было создание в Республике Беларусь Центра общественного наблюдения за выборами Президента Республики Беларусь 26 января 2025 г. При Центре работала «горячая линия», по которой граждане могли сообщить о возможных нарушениях избирательного законодательства.

Также Федерация профсоюзов Беларуси создала Telegram-канал «Народный контроль», где оперативно предоставлялась соответствующая информация. В рамках этого канала был запущен чат-бот, с помощью которого избиратели могли самостоятельно сообщать информацию о происходящем на избирательных участках.

Благодаря этим инструментам и механизмам, у граждан появилась возможность напрямую участвовать в общественном контроле за выборами Президента Республики Беларусь.

Считаем, что для повышения роли гражданского общества в формировании органов публичной власти необходимо принятие Закона «Об основах общественного контроля в Республике Беларусь». Нормы данного Закона следует распространить не только на правоотношения в области общественного контроля за деятельностью трёх ветвей власти, но и на общественный контроль за проводимыми в стране выборами.

В рамках одной статьи, безусловно, невозможно дать содержательную характеристику всем аспектам легитимности выборов Президента.

Выводы о законности избирательных процедур, их демократичности и конкурентности можно сделать только на основе анализа множества факторов.

В связи с этим данная тема открыта для дальнейших научных исследований, которые, несомненно, обогатят отечественную науку конституционного права и будут являться основой для принятия Всебелорусским народным собранием обоснованного и убедительного решения о легитимности выборов.

Список использованной литературы

1. Большой юридический словарь [Электронный ресурс] : Статьи на букву «Л» (часть 1, «ЛВ»-«ЛИБ»). – Режим доступа: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/large-legal/fc/slovar-203-1.htm#zag-5165>. – Дата доступа: 18.02.2025.

2. Скороход, И. Г. О доверии к выборам [Электронный ресурс] / И. Г. Скороход // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутренних дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2023. – С. 630–634.

3. Александр Посталовский: на Западе готовность участия в выборах – 10-15 %, у нас – 65-70 % [Электронный ресурс] : Институт социологии. – Режим доступа: <https://socio.bas-net.by/aleksandr-postalovskij-na-zapade-gotovnost-uchastiya-v-vyborah-10-15-u-nas-65-70/>. – Дата доступа: 18.02.2025.

4. Заявление Миссии наблюдателей от СНГ по результатам наблюдения за подготовкой и проведением выборов Президента Республики Беларусь, состоявшихся 26 января 2025 года [Электронный ресурс] : Интернет-портал СНГ. – Режим доступа: <https://e-cis.info/news/564/124752/>. – Дата доступа: 19.02.2025.

5. Миссия наблюдателей ШОС признала выборы Президента Беларуси прозрачными и демократичными [Электронный ресурс] : БЕЛТА. – Режим доступа: <https://belta.by/society/view/missija-nabljudatelej-shos-priznala-vybory-prezidenta-belarusi-prozrachnymi-i-demokratichnymi-691806-2025/>. – Дата доступа: 21.02.2025.

6. Встреча с делегацией Panaфриканского парламента [Электронный ресурс] : Президент Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/vstreca-s-delegaciej-panafrikanskogo-parlamenta>. – Дата доступа: 21.02.2025.

О. А. Шабаетва

(Иркутский юридический институт (филиал)
«Университет прокуратуры Российской Федерации», Российская Федерация)

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ МЕХАНИЗМА ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА

В материалах поднят актуальный вопрос о понимании механизма цифрового государства и необходимости его изучения в рамках науки теории государства и права. Отмечено, что традиционные подходы к пониманию механизма государства являются недостаточными для изучения функционирования современного цифрового государства. Автор приходит к выводу, что механизм цифрового государства – это часть механизма государства, совокупность государственных организаций, использующих цифровые инструменты, методы, средства, способы и технологии при осуществлении своих задач и функций.

В современной реальности государственное управление тесно взаимосвязано с процессом цифровизации. Информационные технологии меняют социальное взаимодействие, изменяется и система правового регулирования. В современной науке ведутся активные обсуждения по вопросам преобразования государства в условиях цифровизации [1]. В данном случае государство выступает основной платформой технологического развития, проводит политику внедрения цифровизации в систему управления.

Информационные технологии активно внедряются в деятельность государства, процесс этот носит длящийся характер. В этой связи появилась такая правовая категория как «цифровое государство». Под цифровым государством в данном контексте мы будем понимать суверенную политико-территориальную организацию (платформу), состоящую из органов управления и принуждения, существующую за счет общества, осуществляющую власть с использованием цифровых инструментов и технологий в целях создания и поддержания в обществе правопорядка [2, с. 563].

При этом стоит выделить два основных подхода к пониманию цифрового государства: функциональный и организационный. При функциональном подходе цифровое государство выражается через совокупность цифровых инструментов, методов, средств, способов и технологий в целях создания и поддержания в обществе правопорядка. Организационный подход представляет собой совокупность функционирующих органов власти, участвующих в цифровизации государственного управления (операторы информационно-цифровых платформ и ресурсов). Говоря о механизме цифрового государства в дальнейшем мы будем придерживаться организационного подхода.

Цифровизация государственного управления – это комплексный процесс трансформации деятельности государственных органов, основанный на внедрении и использовании цифровых технологий, включая автоматизацию, анализ больших данных (Big Data), искусственный интеллект (ИИ), облачные вычисления, и другие инновации, с целью повышения эффективности управления, улучшения качества государственных услуг, обеспечения прозрачности и подотчётности, а также развития взаимодействия между государством, гражданами и бизнесом. Ученые справедливо отмечают, что одной из целей цифровизации государственного управления является повышение его эффективности в части достижения конкретных социально значимых результатов от применения цифровых технологий [3, с. 59].

Государство всегда организовано оформлено и структурно выражено вовне. В этой связи, говоря о цифровом государстве, возникает вопрос о понимании его механизма. В науке теории государства и права вопрос о понимании механизма цифрового

государства изучен крайне слабо. При этом изучение данного вопроса поможет четко представить организационное выражение цифрового государства, выяснить кто может быть непосредственным носителем государственной власти в условиях цифровизации. В данной связи важно разграничить категории «механизма государства» и «механизма цифрового государства», что позволит более точно понять особенности организации и функционирования государственной власти в эпоху цифровизации.

В науке теории государства и права понятие «механизм государства» трактуется неоднозначно. Одни ученые под этим понятием понимают органы государства в единстве с другими государственными организациями – государственными учреждениями и государственными предприятиями, которые органами власти не являются, но наряду с ними входят в состав государства, выполняя его задачи и функции [4, с. 220]. Другие авторы полагают, что механизм государства – это государственный аппарат, т. е. система государственных органов [5, с. 125]. Здесь встает вопрос о соотношении понятий «механизм государства» и «государственный аппарат». Третьи, отождествляя понятие «механизм государства» и «государственный аппарат», включают в механизм государства наряду с государственными органами государственные учреждения и предприятия, но рассматривают их в качестве «своеобразных вещественных придатков государственных органов» [6, с. 100].

В этой связи думается, что под государственным аппаратом целесообразнее понимать систему только государственных органов, а под механизмом государства систему всех государственных организаций: органов государства, государственных учреждений и государственных предприятий. При этом последние государственную власть собой не олицетворяют (как органы государства). Однако их властная деятельность ограничена рамками только данных учреждений и предприятий и за их пределы, как правило, не выходит.

Переходя к вопросу о понимании механизма цифрового государства, обратимся к организационному подходу. Механизм цифрового государства – это часть механизма государства, выраженная в совокупности взаимосвязанных органов государства, государственных учреждений и предприятий, использующих цифровые инструменты, методы, средства, способы и технологии при осуществлении своей деятельности.

Верно отмечают авторы, что инновационная функция государства становится одним из ключевых направлений его воздействия на общество в условиях информационно-технического прогресса. Она направлена на стимулирование инноваций, адаптацию к новым технологиям и их использование для решения социально-экономических задач [7].

Кроме того, в механизме цифрового государства прослеживается определенная специфика. Целью организационно-правового взаимодействия органов государства, государственных учреждений и предприятий является обеспечение наиболее полных возможностей участия граждан в осуществлении власти и предоставлении им государственных услуг, реализуемых с использованием цифровых технологий [8, с. 1583].

Исходя из этого в механизме цифрового государства можно выделить «режим операторов» (органы государства, государственные учреждения и предприятия) и «режим пользователей» (круг специализированных субъектов, которые заинтересованы в получении информации, например, граждане, государственные служащие). Основным органом исполнительной власти в сфере информационных технологий в России на современном этапе является Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России).

Механизм цифрового государства представляет собой сложную систему взаимосвязанных элементов, призванных обеспечивать эффективное управление страной и предоставление государственных услуг с использованием цифровых технологий. Помимо основных элементов (органов государства, государственных учреждений и предприятий) механизм цифрового государства включает в себя множество компонентов и процессов, работающих в связке для достижения общей цели. Среди них можно выделить: нормативное правовое регулирование в сфере цифровизации [9]; информационная инфраструктура

(сети связи и передача данных, центры обработки данных, платформы для разработки и развертывания цифровых сервисов); цифровые платформы и сервисы (государственные порталы, онлайн-сервисы); кадровый потенциал; безопасность и защита данных.

Таким образом, механизм цифрового государства – это часть механизма государства, совокупность государственных организаций, использующих цифровые инструменты, методы, средства, способы и технологии при осуществлении своих задач и функций. При этом элементами механизма цифрового государства являются: государственный аппарат (органы государства), государственные учреждения и предприятия. Думается, что становление и развитие цифрового государства в настоящее время в России представляет собой не завершённый процесс. Следовательно, понимание механизма цифрового государства, его структуры также будет трансформироваться, отвечая современным вызовам.

Изучение механизма цифрового государства требует комплексного подхода, в первую очередь с точки зрения науки. Это позволит разработать более эффективные и справедливые механизмы управления, обеспечить защиту прав граждан и избежать потенциальных рисков и угроз, связанных с использованием цифровых технологий.

Список использованной литературы

1. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило [и др.] ; под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 244 с. ; А. А. Кирилловых. Цифровое государство (digital state) : организационно-правовые аспекты : монография. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 184 с.
2. Шабаева, О. А. Цифровое государство как явление современной реальности : понятие и сущность / О. А. Шабаева // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2024. – Т. 34, вып. 3. – С. 563–569.
3. Зубарев, С. М. Цифровизация государственного управления: новая административная реформа? / С.М. Зубарев // Административное право и процесс. – 2020. – № 7. – С. 62–66; Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е.И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А.А. Ефремов [и др.]. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 114 с.
4. Мухаев, Р. Т. Теория государства и права: учебник для вузов / Р. Т. Мухаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 550 с.
5. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права: учебник / А. Ф. Черданцев; предисл. С. С. Алексеев. – М.: Юристъ, 2003. – 393 с.
6. Матузов, Н. И. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 640 с.
7. Степаненко, Д. М. Инновационная функция государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.01. Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / Д. М. Степаненко; Белорусский государственный университет. – Минск, 2023. – 37 с.
8. Золаев, Э. А. Цифровое государство как новый этап развития общества / Э. А. Золаев // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 5. – С. 1583–1594.
9. Иванцова, Ю. Г. Механизм совершенствования информационного законодательства в условиях перехода республики Беларусь к информационному обществу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.01. Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / Ю. Г. Иванцова; Белорусский государственный университет. – Минск, 2020. – 24 с.

В. А. Шаршун

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В материалах рассматриваются особенности цифровых правоотношений, их понятие и содержание. К цифровым правоотношениям следует относить возникающие на основе норм права общественные отношения, связанные с использованием информации в цифровом виде, а также иные общественные отношения, которые возникают, осуществляются и прекращаются в цифровой среде. В настоящее время нет единой отрасли права, регулирующей цифровые правоотношения, они регулируются как нормами информационного, так и иных отраслей права. Важной задачей является планомерная работа по систематизации законодательства, регулирующего цифровые отношения.

Одной из ключевых тенденций современности является широкое распространение цифровых технологий в различных сферах государственной и общественной жизни. Это приводит к тому, что ранее существовавшие общественные отношения под воздействием данных технологий начинают видоизменяться, трансформируются, а также появляются новые общественные отношения, основанные на применении цифровых технологий. Цифровизация как процесс внедрения цифровых технологий может затрагивать все элементы общественного отношения (субъекты, объекты, содержание, и др.) и определять их особенности. Например, создание технологии блокчейн повлекло за собой возникновение специального правового регулирования. Все это обуславливает необходимость исследования как сущности правоотношений в цифровой среде, так и различных аспектов совершенствования правового регулирования данных отношений.

Цифровой средой является пространство, опосредованное информационно-коммуникационными сетями, прежде всего сетью Интернет, информационными ресурсами, различными цифровыми платформами и т.д. Это искусственная среда, включающая совокупность компьютерных и сетевых технологий, организующая отношения между объектами физического мира посредством передачи информации по сетям и телекоммуникационным каналам; совокупность цифровых технологий, инфраструктуры и данных, которые обеспечивают взаимодействие и обмен информацией в цифровом формате. Правовое регулирование общественных отношений в цифровой среде основывается в первую очередь на том, что это частные или публичные отношения, и лишь затем – на том, что они облечены в цифровую форму.

Цифровые отношения возникают как по поводу совершения определенных действий с информацией в цифровой форме, так и с реальными вещными и обязательственными правами, выраженными в цифровой форме. Поэтому по своей природе цифровые отношения можно рассматривать, с одной стороны, как часть информационных отношений (например, отношения по поводу распространения информации в сети Интернет, оказания государственных электронных услуг), а с другой стороны – как часть обязательственных и вещных отношений, которые существуют исключительно в цифровой форме (например, отношения по поводу прав на виртуальные объекты). Абзац восьмой части первой статьи 1 Закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» определяет информационные отношения как отношения, возникающие при поиске, получении, передаче, сборе, обработке, накоплении, хранении, распространении и (или) предоставлении информации, пользовании информацией, защите информации, а также при применении информационных технологий. Таким образом, данное определение охватывает только часть цифровых отношений, не включает, например, обязательственные отношения, которые возникают в цифровой среде.

Некоторые ученые высказывают мнение о существовании отдельной комплексной отрасли права, регулирующей цифровые отношения – цифрового права [1, с. 166; 2, с. 68]. Мы согласны с позицией С. Банакаса и других ученых, что цифровое право – это не особое подразделение в системе права, а цифровая форма частных и публичных общественных отношений [3, с. 495-496]. По нашему мнению, цифровая форма существующих общественных отношений определяет особенности их регулирования, но не делает их какими-то новыми, составляющими предмет какой-то обособленной отрасли или института цифрового права. Целесообразно говорить о существовании новой цифровой реальности – общественных отношений, которые выступают в цифровой форме и регулируются как с помощью нормативного правового регулирования, так и механизмов саморегулирования. Полагаем, что, пока преждевременно говорить о выделении цифрового права в отдельную отрасль, правовое регулирование цифровых отношений осуществляется в рамках информационного и других отраслей права.

В научной литературе существуют различные определения цифровых отношений. Так, В. В. Блажеев, М. А. Егорова определяют цифровые отношения как «урегулированные правом отношения по использованию данных в цифровом виде, а также результатов анализа данных и результатов обработки и использования таких данных в различных сферах общественной жизни с использованием цифровых технологий» [4, с. 67–68]. И. Ю. Пащенко к цифровым правоотношениям относит «значительный объем уже сложившихся и постепенно складывающихся правоотношений, основанных на правовых нормах, которые нацелены на регулирование информации, передающейся по цифровым каналам связи» [5, с. 23]. М. Г. Терехов констатирует, что «цифровые правоотношения в рамках правового поля в настоящее время не имеют детального и уточненного законодательного закрепления» [2, с. 68]. Ю. В. Волков рассматривает цифровые отношения как обмен вычислительными данными в электронно-цифровом пространстве, основанном на вычислительной технике [6]. Данные определения объединяет обязательный признак цифровых данных в цифровых правоотношениях, их существование исключительно в цифровой форме, в рамках цифровых каналов связи, электронно-цифрового пространства.

По нашему мнению, к цифровым правоотношениям можно отнести возникающие на основе норм права общественные отношения, связанные с использованием информации в цифровом виде, а также иные общественные отношения, которые возникают, осуществляются и прекращаются в цифровой среде. Цифровые отношения охватывают собой не только отношения, связанные с информацией в цифровом виде, но и другие отношения, например по поводу осуществления цифровых прав граждан, электронной торговли, исполнения смарт-контрактов, прав на виртуальные объекты, ответственности за правонарушения в цифровой среде, т. е. и отношения, объектом которых является не информация, а иные блага, например, цифровые права, имущество, деньги и т.д. При этом цифровые правоотношения в самом общем виде не имеют четко выраженной отраслевой принадлежности, они регулируются нормами различных отраслей права. Например, отношения по поводу прав на виртуальные объекты в Республике Беларусь регулируются как нормами гражданского права, так и нормами других отраслей права, в том числе регулирующего отношения в сети Интернет, уголовного и др. Отношения по поводу электронной торговли регулируются как нормами гражданского права, так и информационного, административного, уголовного права. Таким образом, цифровые отношения регулируются как нормами информационного права, так и иными нормами, которые относятся к другим отраслям права.

Содержание цифровых правоотношений включает в себя традиционные элементы: субъекты, объекты, права и обязанности сторон правоотношений. Как и традиционные правоотношения, цифровые правоотношения возникают на основе различных юридических фактов. С точки зрения субъектного состава цифровые правоотношения в целом

охватывают традиционных субъектов: физические, юридические лица, государственные органы, административно-территориальные единицы и государство в целом. В то же время можно выделить и специфические субъекты, например, исходя из их роли в соответствующих цифровых правоотношениях – провайдер, оператор инвестиционных платформ, оператор криптоплатформы, владелец токена и др. Весьма дискуссионным является вопрос относительно статуса искусственного интеллекта как субъекта правоотношений. В некоторых работах ученые пишут о необходимости признания роботов субъектами права [7], о роботах как о новых «цифровых личностях», новых субъектах права [8]. Полагаем, что такая постановка проблемы является искусственной. Ученые, предлагающие придать искусственному интеллекту правосубъектность, аргументируют это тем, что в праве могут использоваться различные юридические фикции, что робот — это такая же фикция, как, например, юридическое лицо, которое обладает правосубъектностью. С этим нельзя согласиться, поскольку юридическое лицо как фиктивный субъект права может обладать имуществом, включая робототехнику. При этом номинальным владельцем такого имущества юридического лица являются его участники – физические лица. В то же время поведение робота в конечном счете всегда определяется волей человека. Поэтому нет оснований наделять искусственный интеллект правосубъектностью, считать его агентом или посредником, рассматривать робота в качестве квазиразновидности юридического лица, социализировать или иным образом искать у него возможности формирования собственной воли и ее проявления вовне. Кроме того, искусственный интеллект – это объект права (имущество), который отличается особенностями, подлежащими учету при его эксплуатации и правовом регулировании соответствующих отношений. Например, робот может представлять собой источник повышенной опасности для окружающих, соответственно, его владелец несет риск последствий эксплуатации робота как такого источника. Участником общественных отношений выступает не искусственный интеллект, не робот, а его владелец, обязанный контролировать его использование и возместить вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих.

В настоящее время законодательство Республики Беларусь, регулирующее цифровые отношения, не носит системного характера. Так, например, существует достаточно большой массив правовых актов, которые регулируют отношения в информационной сфере, в том числе и цифровые отношения. Например, в информационно-поисковой системе «Эталон-online» под рубрикой 10.03 «Законодательство об информации, информатизации и защите информации, цифровом развитии, средствах массовой информации, издательском деле, архивном деле и делопроизводстве, рекламе» Единого правового классификатора Республики Беларусь содержится 4211 действующих нормативных правовых актов [9]. При этом в этот массив не входят Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, Уголовный, Банковский кодексы, а также ряд других нормативных правовых актов, которые имеют отношение к информационным и цифровым отношениям. В то же время развитие информационных технологий требует соответствующего правового обеспечения и нормативного закрепления. В этой связи важное значение имеет как совершенствование правового регулирования цифровых отношений, так и систематизация законодательства в данной сфере, например, на основе осуществления электронной инкорпорации в рамках существующих информационно-поисковых систем. В дальнейшем возможна и кодификация законодательства, регулирующего цифровые отношения. Однако в настоящее время такая кодификация представляется нецелесообразной. Нормы, регулирующие цифровые отношения, содержатся практически во всех отраслях законодательства. Например, не представляется возможным изъятие из Уголовного кодекса Республики Беларусь и Кодекса Республики об административных правонарушениях и включение в новый кодекс норм, которые устанавливают ответственность за правонарушения в информационной и цифровой сферах. Это будет противоречить п. 2 ст. 1 Уголовного

кодекса Республики Беларусь и п. 2 ст. 1.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Кроме того, сформированы институты информационного права, которые регулируются значительным количеством правовых актов, например, институты государственных секретов, профессиональной тайны, средств массовой информации, правового регулирования отношений в сети Интернет и др. Не так давно сформирован такой новый институт информационного права, как институт персональных данных, правовое регулирование которого находится в стадии развития. Включение указанного нормативного массива в кодифицированный нормативный правовой акт представляется весьма проблематичным.

Таким образом, цифровые правоотношения – это возникающие на основе норм права общественные отношения между субъектами, которые связаны с использованием информации в цифровом виде, а также ряд других общественных отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в цифровой среде. Субъекты цифровых правоотношений обладают определенной спецификой исходя из их роли в таких отношениях. В то же время искусственный интеллект не может рассматриваться в качестве субъекта цифровых правоотношений, поскольку по своей сути он является объектом права (имуществом), который отличается особенностями, подлежащими учету при его применении и правовом регулировании соответствующих отношений. В настоящее время нет единой отрасли права, регулирующей цифровые правоотношения, они регулируются как нормами информационного, так и иных отраслей права. Важной задачей является поэтапная и планомерная работа по систематизации законодательства, регулирующего цифровые отношения.

Список использованной литературы

1. Головкин, Р. Б. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизме цифровизации экономики и государственного управления» / Р. Б. Головкин, О. С. Амосова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 2. – С. 163–166.
2. Терехов, М. Г. Цифровое право / М. Г. Терехов // Экономика. Право. Общество. – 2021. – № 3. – С. 67–70.
3. Банакас, С. К. Цифровые отношения как предмет правового исследования / С. К. Банакас, Д. А. Петров, В. Ф. Попондопуло, Е. В. Силина // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2023. – № 2 (14). – С. 492–509.
4. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. Москва : Проспект, 2020. – 640 с.
5. Пашенко, И. Ю. Цифровые правоотношения как новое явление для системы правового регулирования / И. Ю. Пашенко // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). – 2022. – № 4 (43). – С. 21–25.
6. Волков, Ю. В. Цифровые отношения как предмет права [Электронный ресурс] / Ю. В. Волков // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/387751566_CIFROVYE_OTNOSENIA_KAK_PREDMET_PRAVA (дата обращения: 19.02.2025).
7. Архипов, В. В., Наумов, В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности / В. В. Архипов, В. Б. Наумов // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157–170.
8. Васильев А. А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты / А. А. Васильев, Д. Шпопер // Известия АлтГУ. Юридические науки. – 2018. – № 6 (104). – С. 23–26.
9. Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE» // URL: <https://etalonline.by> (дата обращения: 19.02.2025).

Н. А. Щербин, Л. А. Краснобаева

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНИНА

В материалах исследуется цифровизация взаимодействия государства и граждан через платформы Е-Паслуга и Обращения.бел. Рассматриваются вопросы функциональной возможности платформ, а также вопрос стоимости получения электронной цифровой подписи для физических лиц. Определяется, что цифровая коммуникация представляет собой научно обоснованный и технологически реализуемый процесс передачи электронных данных, информации или обращений.

В период повсеместной цифровизации во всех сферах деятельности человека не остается в стороне и вопрос преобразования формы взаимодействия государства и гражданина с использованием цифровых технологий. Цифровая коммуникация представляет собой процесс взаимодействия и передачи электронных данных, информации или сообщений. Она охватывает широкий спектр форматов и за последние десятилетия утвердилась в качестве основного способа обмена информацией, как среди частных лиц, так и в институциональных государственных структурах.

Цифровизация взаимодействия государства и гражданина – это процесс трансформации коммуникационных и управленческих процессов между государственными органами и гражданами посредством внедрения цифровых технологий, социальных сетей и онлайн-платформ.

Рассматривая вопрос цифровой коммуникации, стоит отметить, что основными направлениями деятельности правительства в эпоху цифровизации являются взаимодействие между: государством и гражданами (G2C); государством и бизнесом (G2B); различными ветвями государственной власти (G2G); государством и государственными служащими (G2E) [1, с. 126].

В Республике Беларусь вопрос цифрового взаимодействия был решен путем создания двух наиболее важных интернет-порталов, а именно Единого портала электронных услуг (далее – Е-Паслуга) и Государственной единой республиканской информационной системы учета и обработки обращений граждан и юридических лиц (далее – Обращения.бел) [4; 2].

Следует отметить, что осуществление административных процедур в электронной форме представляет собой комплекс действий, позволяющий подавать (отзывать) заявление заинтересованного лица, получать административное решение (уведомлять о принятом административном решении), подавать (отзывать) административную жалобу через единый портал электронных услуг, использовать информационное взаимодействие, которым является сервис Е-Паслуга [9].

Сервис Е-Паслуга создан для упрощения взаимодействия граждан с органами власти через переход на онлайн-форматы. Платформа предлагает универсальный инструмент для оперативного решения административных вопросов – от подачи заявлений до получения комплексных услуг без необходимости личного посещения учреждений. Сервис Е-Паслуга объединяет информационные системы различных министерств и ведомств и предоставляет доступ к 269 электронным услугам и 430 административным процедурам [3].

Актуальность приобретает вопрос использования единого портала электронных услуг в отсутствие электронной цифровой подписи. В соответствии с перечнем доступных

физическим лицам электронных услуг, предоставляемых через единый портал с использованием исключительно логина и пароля, граждане могут осуществлять следующие действия: просмотр сведений Торгового реестра Республики Беларусь; сведений о правонарушениях, хранящихся в едином государственном банке данных о правонарушениях; просмотр финансовой информации на Едином портале финансового рынка; сведений для проверки благонадежности деловой репутации; сведений из Банка данных исполнительных производств; систематизированных сведений об автомобиле, в том числе нахождения транспортного средства в розыске по полному совпадению VIN и диагностических сведений о транспортном средстве; сведений о заложенном движимом имуществе по идентификационному номеру транспортного средства [10].

По нашему мнению, необходимо расширить перечень административных процедур, доступных через систему авторизации с использованием логина и пароля. К таким процедурам следует отнести: верификацию подлинности документов, удостоверяющих личность; запрос информации о правонарушениях, содержащихся в Едином государственном банке данных о правонарушениях, что особенно актуально для граждан при трудоустройстве; получение электронной цифровой подписи, которое может осуществляться с использованием USB-носителя (например, AvPass или AvBign) или SIM-карты [12].

Эти меры будут направлены на повышение эффективности и удобства предоставления государственных услуг населению.

Следует снизить стоимость получения электронной цифровой подписи в целях популяризации таковой среди населения Республики Беларусь. Так, издание сертификата ЭЦП-М физического лица на один год по состоянию на начало 2025 года стоит 61 рубль 80 копеек, что увеличивает стоимость административной процедуры при осуществлении ее в электронной форме и делает ее экономически непримечательной для физических лиц [13].

Интернет-портал Обращения.бел создан в связи с изменением понятия «электронного обращения», под которым стало пониматься обращение заявителя, поданное посредством Единой республиканской автоматизированной системы учета и обработки обращений граждан и юридических лиц. Посредством сервиса Обращения.бел пользователи могут в электронной форме обратиться в государственные органы и иные организации [11]. Электронное обращение подается только через систему обращений в сети Интернет по адресу: <https://обращения.бел>. Использование системы Обращения.бел происходит на безвозмездной основе. Воспользоваться ею могут заявители, а также государственные органы и иные государственные организации, к которым поступают обращения в электронной форме.

Для того, чтобы подать электронное обращение физическому лицу следует воспользоваться: учетной записью национальной почтовой электронной системы, полученной в отделении почтовой связи; сертификатом открытого ключа либо ID-картой; логином и паролем, сформированными в процессе регистрации в системе обращений. При этом потребуется обязательное подтверждение факта регистрации по номеру мобильного телефона.

ID-карта, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 16 марта 2021 г. № 107 «О биометрических документах», является биометрическим документом, удостоверяющим личность, в виде пластиковой смарт-карты с интегральной микросхемой, содержащей электронное средство биометрической идентификации и криптографический токен аутентификации [5]. Законодатель считает, что идентификация позволит избежать ситуаций с указанием недостоверных данных при подаче электронного обращения. Объем указываемых заявителем сведений соответствует объему данных, которые должно содержать электронное обращение в соответствии с ч. 1 п. 2 ст. 25 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300 «Об обращениях граждан и юридических лиц».

Актуальность цифровизации взаимодействия гражданина и государства подчеркивается и в Концепции национальной правовой политики Республики Беларусь,

утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196. Так, в соответствии с п. 41.9 необходимо обеспечивать снижение административной нагрузки на субъекты хозяйствования, граждан посредством оптимизации административных процедур, их перевода в электронную форму, п. 41.10 определяет необходимость внедрения передовых информационных технологий и осуществления цифровизации государственного управления [6].

Цифровизация затронула и визовую политику Республики Беларусь, в частности, в соответствии с постановлением Совета Министров от 16 декабря 2024 г. № 953 «Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 15 июля 2010 года № 1065» начала осуществляться выдача въездных электронных виз в Республику Беларусь посредством общегосударственной автоматизированной информационной системы [14].

Также следует упомянуть Указ Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии», который устанавливает одно из направлений цифрового развития – перевод не менее 75 процентов административных процедур в цифровую форму. В вопросе цифровой коммуникации Указ устанавливает основные направления цифрового развития до 2030 года следующие задачи: развитие отечественных программно-технических средств; создание и развитие государственных цифровых платформ; организация обмена данных в рамках ЕАЭС; совершенствования оказания электронных услуг [8].

Президент Беларуси Александр Лукашенко 2 апреля 2025 года подписал Директиву № 11 «О совершенствовании функционирования системы органов власти и управления, усилении исполнительской дисциплины», которой предусматривается внедрение в практическую деятельность современных цифровых технологий в государственном управлении. Документ предусматривает задачей в целях дальнейшей дебюрократизации деятельности государственных органов работу по цифровизации и упрощению всех административных, управленческих процессов и взаимодействие государственных органов с юридическими лицами и гражданами. Предполагается сокращение до одного года создание и модернизация государственных информационных систем в целях цифровизации административных процедур [7].

Таким образом, цифровизация взаимодействия государства и граждан в Беларуси активно развивается через внедрение платформ Е-Паслуга и Обращения.бел, что упрощает доступ к административным услугам и снижает бюрократическую нагрузку. Е-Паслуга объединяет системы различных ведомств, предлагая сотни электронных процедур, однако необходимость использования платной электронной подписи ограничивает доступность сервиса для населения.

Портал Обращения.бел обеспечивает упрощение коммуникации между гражданами и государственными органами. Законодательная база, включая Указ №381 и Концепцию правовой политики, закрепляет приоритеты цифровизации, такие как перевод 75% процедур в электронную форму и развитие государственных платформ.

Несмотря на прогресс, остаются проблемы, связанные с техническими и экономическими барьерами, требующие дальнейшей оптимизации. Реализация этих мер позволит укрепить доверие граждан к цифровым сервисам и повысить эффективность государственного управления.

В современном мире цифровые коммуникации – это ключевой инструмент для обмена информацией. Они охватывают широкий спектр технологий и инструментов, включая интернет, электронную почту, мессенджеры, видеозвонки и социальные сети. Эти технологии стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни.

Список использованной литературы

1. Голубева, А. А. Электронное правительство: введение в проблему / А. А. Голубева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2005. – № 2. – С. 120–139.

2. Государственная единая республиканская информационная система учета и обработки обращений граждан и юридических лиц : [сайт]. – Минск, 2021–2025. – URL: <https://обращения.бел/> (дата обращения: 19.04.2025).

3. Единый портал электронных услуг // Национальный центр электронных услуг. – URL: <https://nces.by/o-nas/news/epeu/#:~:text=Единый%20портал%20электронных%20услуг.%20НЦЭУ,административных%20процедур%20в%20электронном%20виде> (дата обращения: 19.04.2025).

4. Единый портал электронных услуг Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2023–2025. – URL: <https://e-pasluga.by/home.html> (дата обращения: 19.04.2025).

5. О биометрических документах : Указ Президента Респ. Беларусь от 16 марта 2021 г. № 107 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2021. – 1/19577.

6. О Концепции правовой политики Республики Беларусь Указ № 196 от 28 июня 2023 г. // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-196-ot-28-iyunya-2023-g> (дата обращения: 19.04.2025).

7. О совершенствовании функционирования системы органов власти и управления, усилении исполнительной дисциплины Директива № 11 от 2 апреля 2025 г. // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-no-11-ot-2-aprela-2025-g> (дата обращения: 19.04.2025).

8. О цифровом развитии Указ № 381 от 29 ноября 2023 г. // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-381-ot-29-noyabrya-2023-g> (дата обращения: 19.04.2025).

9. Об основах административных процедур : Закон Респ. Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З : в ред. от 7 декабря 2023 г. № 314-З // *ilex* : информ. правовая система (дата обращения: 19.04.2025).

10. Перечень электронных услуг, доступных для физических лиц на едином портале электронных услуг // Национальный центр электронных услуг. – URL: <https://nces.by/epcu-fl/> (дата обращения: 19.04.2025).

11. Подача электронных обращений через [обращения.бел](https://obращения.бел/) // ООО «ЮрСпектр». – URL: <https://ilex.by/news/podacha-elektronnyh-obrashhenij-cherez-obrashheniya-bel/> (дата обращения: 19.04.2025).

12. Полный гид по получению ЭЦП // Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь. – URL: <https://nalog.gov.by/landing-esp/> (дата обращения: 19.04.2025).

13. Регистрация Абонента с выдачей носителя ключевой информации // Национальный центр электронных услуг. – URL: https://nces.by/wp-content/uploads/gossuok/sf_2024.02.01/6.3.10.pdf (дата обращения: 19.04.2025).

14. Электронную визу можно будет получить на портале «Е-Паслуга» // Национальный правовой портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/mart/87997/> (дата обращения: 19.04.2025).

УДК 342

И. И. Эсмантович

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматривая социальное государство как конституционную ценность, взаимоотношения социального государства и социальной политики, социальной справедливости и национальных интересов Республики Беларусь, автор попытался обозначить взаимосвязь развития концепции социального государства и обеспечения социальной безопасности Республики Беларусь.

Конституция Республики Беларусь провозгласила: «Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство». Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства [1].

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь сформулировала официальный взгляд государства на обеспечение безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности Республики Беларусь, определила единые подходы к формированию и реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности, подчеркнула взаимосвязь национальной безопасности и социально-экономического развития Республики Беларусь. Выделила понятие «социальной безопасности» как состояние защищенности личности, общества и государства от воздействия социальных угроз, обеспечивающее сохранение жизни, здоровья и благосостояния граждан, духовно-нравственных ценностей белорусского народа [2].

Обеспечение прав и свобод человека и гражданина, гарантий их реализации; социальную справедливость, баланс прав и обязанностей человека и гражданина, социальную ответственность каждого в качестве идеологических императивов на современном этапе выделила Концепция правовой политики [3].

Таким образом, стратегическими национальными интересами государства в настоящее время являются устойчивое социально-экономическое развитие, благополучие граждан, создание комфортных условий для жизнедеятельности и развития личностного потенциала, что требует формирования концепции социального государства в Республике Беларусь, охватывающей политические, экономические, социальные и правовые аспекты.

Анализируя историю становления современного социального государства Республики Беларусь, следует отметить, что понятие «социальное государство» в качестве нормативно-правовой категории впервые официально было использовано в Конституции Республики Беларусь 1994 года. С этого момента началось формирование стройной системы социальной политики, социально-ориентированной экономики, основанной на создании государством благоприятных условий для самообеспечения граждан и стимулирование их общественно-полезной деятельности в различных сферах.

Формирование и развитие эффективной социальной политики является показателем уровня развития государства, требует качественного взаимодействия государства и населения, повышения уровня жизни населения, обеспечения доступности социальных услуг, улучшения их качества, развития и реализации человека и социального капитала. Современная Республика Беларусь активно проводит социальную политику, фактически сформировано государство с развитой системой социальной защиты, основной целью которого является повышение уровня жизни населения. В Республике Беларусь реализуется государственная программа «Социальная защита» на 2021–2025 гг., также определившая одним из приоритетов государственной политики Республики Беларусь создание условий для качественного развития потенциала человека и обеспечения достойной жизни населения, в том числе через социальную защиту и создание комфортных условий жизнедеятельности [4], направленная на достижение основных положений Целей устойчивого развития 2030 г. и Программы социально-экономического развития Республики Беларусь.

С учетом общемировых тенденций формирования и развития государствами социальных услуг Республика Беларусь активно использует накопленный опыт прошлых лет, сочетая его с инновационными достижениями современности. Активизируется работа государства по включению трудоспособного населения в процессы повышения ответственности за свое будущее, отказа от иждивенческого поведения населения.

Исходя из современных реалий назрела необходимость создания модели социального государства, которая позволит обеспечить национальную (в том числе, социальную) безопасность государства и позволит достигнуть и поддерживать такой уровень защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, который гарантирует устойчивое развитие Республики Беларусь и реализацию ее национальных интересов.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. №2875-ХП // ЭТАЛОН-онлайн. Информационно-поисковая система.
2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. №5 // ЭТАЛОН-онлайн. Информационно-поисковая система.
3. Концепция правовой политики Республики Беларусь: утв. Указом президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 // ЭТАЛОН-онлайн. Информационно-поисковая система.
4. Государственная программа «Социальная защита» на 2021–2025 годы: утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 21.12.2020 № 748 // ЭТАЛОН-онлайн. Информационно-поисковая система.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 342.951:378.141.28(476)

Д. М. Ачинович

(Белорусский государственный экономический университет, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОТЧИСЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ

В материалах обозначены актуальные проблемные вопросы и негативные тенденции в рамках отчисления студентов из белорусских вузов. Сделан предварительный вывод об основных причинах и мотивах, толкающих молодых людей на досрочное прекращение образовательных отношений. Предложены отдельные направления совершенствования нормативно-правовой базы в сфере высшего образования исходя из опыта других ведомств и стран.

Сегодня процессы глобализации и цифровизации активно влияют на все сферы общественной жизни. В этих условиях система высшего образования играет главную роль в формировании интеллектуального потенциала нации. «Образование – фундамент общества, пропуск для государства и всей нации в завтрашний день» [1]. Эта мысль подчеркивает важность устойчивого развития образовательной системы Республики Беларусь, оптимизации процессов управления высшими учебными заведениями, решения наиболее важных организационно-правовых проблем в этой сфере. Однако увеличение числа случаев досрочного отчисления студентами белорусских вузов приводит к утрате кадрового и научного потенциала страны.

Несмотря на целенаправленную государственную поддержку системы образования, включающую меры по повышению конкурентоспособности доступного и качественного образования, отвечающего национальным интересам и потребностям развития страны, в белорусских вузах сохраняются серьезные проблемы и нарастают отдельные негативные тенденции. Одной наиболее актуальной из них является рост числа отчислений студентов по собственному желанию, что во многом связано с их выездом за пределы Республики Беларусь.

На встрече А. Г. Лукашенко с членами Республиканского совета ректоров учреждений высшего образования, состоявшейся 13 февраля 2024 года, Министр образования Республики Беларусь А.И. Иванец отметил, что ежегодно из вузов страны отчисляются около 8 тысяч студентов, что составляет более 10 % от числа поступивших в 2023 году. Как подчеркнул министр, половина отчислений обусловлена низкой успеваемостью студентов, а другая половина связана с их решением прекратить обучение по собственной инициативе [2].

Не секрет, что отчисление студентов из вузов по собственному желанию в последние годы демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению, что обуславливает необходимость детального научного анализа данной проблемы. Наиболее выражено данный процесс проявляется среди обучающихся на платной основе. Вопрос приобрел особую актуальность после официального заявления А.И. Иванца, сделанного на совещании у Главы государства 21 сентября 2023 года, в котором подчеркивалась необходимость введения обязательного распределения для студентов, получивших высшее образование за счет собственных средств.

Не исключается, что указанное совещание и последующее обсуждение вопросов обязательного распределения могут дать дополнительный импульс для увеличения отчислений студентов по собственной инициативе уже в ближайшие годы, что требует дальнейшего изучения мотивационных факторов прекращения образовательных отношений.

Отдельную обеспокоенность вызывает увеличение числа случаев отчисления студентов, обучающихся за счет бюджетных средств. Наблюдается тревожная тенденция,

когда студенты-бюджетники не приходят на защиту дипломных работ и выпускные экзамены, что приводит к утрате государственных инвестиций в подготовку квалифицированных кадров. Статистические данные, озвученные Министром образования, подтверждают рост этой проблемы. На примере учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» видно, что количество отчислений по данной причине в процентном соотношении от общего числа отчисленных студентов демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению.

Таблица 1 – Информация об отчислении студентов-бюджетников БГЭУ по собственному желанию в 2017–2024 гг.

Период обучения, года	Зачислено на бюджет в соответствии с планом приема, чел.	Выпуск специалистов за счет средств бюджета, чел. (% от зачисленных)	Количество студентов-бюджетников, отчисленных по собственному желанию в период получения образования, чел. (% от общего количества отчисленных)
2017-2021	890	819 (92,0 %)	31 (44 %)
2018-2022	880	786 (89,3 %)	59 (63 %)
2019-2023	880	749 (85,1 %)	62 (47 %)
2020-2024	880	745 (84,6 %)	80 (70 %)

Как видно из таблицы, за последние четыре года наблюдается постепенное снижение доли студентов-бюджетников БГЭУ, получивших дипломы о высшем образовании, в сравнении с числом зачисленных на бюджет. Если в 2021 году этот показатель составлял 92 %, то к 2024 году он снизился до 84,6 %. А доля отчислений по собственному желанию среди общего числа отчисленных студентов показывает устойчивый рост. Данная динамика может свидетельствовать о наличии определенных проблем в образовательном процессе и снижении мотивации части студентов к завершению обучения, что требует дальнейшего анализа.

Проблема, вероятно, носит межвузовский характер и наблюдается в других учреждениях высшего образования Республики Беларусь. Учитывая значимость бюджетного обучения для подготовки квалифицированных специалистов, дальнейшее нарастание данной тенденции требует особого внимания и комплексных мер, направленных на ее устранение. Несвоевременное решение этих вопросов может привести к кризису в сфере высшего образования, что негативно скажется на кадровом потенциале и социально-экономической стабильности страны.

Существует множество причин, которые приводят к отчислению студентов. Особый интерес представляют причины, связанные с досрочным прекращением образовательных отношений по их собственной инициативе.

Досрочное отчисление студентов регулируется статьями 3-13 Кодекса Республики Беларусь об образовании [3]. Согласно указанным нормам, они могут быть отчислены по собственной инициативе, инициативе учреждения высшего образования или по обстоятельствам, не зависящим от воли обучающегося и учебного заведения.

Практика показывает, что основными причинами досрочного отчисления студентов по собственному желанию являются трудности в совмещении учебы и работы, потеря интереса к выбранной специальности и сфере деятельности, финансовые трудности, разочарование в качестве получаемого образования и отсутствие современных технологий в образовательном процессе [4, с. 1239].

Кроме того, по мнению автора, в последнее время актуальной причиной отчисления студентов-бюджетников становится их **нежелание быть подвергнутыми обязательной работе по распределению после завершения обучения**. Способствующим этому

фактором является возможность восстановления в зарубежных вузах на основании выданной справки об обучении. По окончании таких учреждений образования студенты получают дипломы установленного образца и, таким образом, освобождаются от обязательств по распределению и отработке, предусмотренных законодательством. Подобная практика не только снижает эффективность использования бюджетных средств, направленных на подготовку специалистов, но и создает дополнительные вызовы для национальной образовательной системы в условиях глобальной конкуренции за человеческий капитал.

Следует также отметить случаи, когда абитуриенты при поступлении на обучение одновременно подают заявления в белорусские и зарубежные вузы. После зачисления на бюджетную форму обучения в учреждения высшего образования Республики Беларусь многие из них принимают решение об отчислении по собственному желанию сразу после получения информации о своем успешном поступлении в заграничные вузы. Эта тенденция особенно заметна в сентябре-октябре, что приводит к значительному росту досрочных отчислений среди студентов-бюджетников.

В условиях необходимости обеспечения социальной стабильности Республики Беларусь данная проблема требует оперативных и эффективных мер для ее преодоления. Первым шагом в этом направлении стало внедрение в учреждениях высшего образования Программы мер, направленных на снижение количества отчисляемых студентов, примерный вариант которой был разработан Министерством образования на основе соответствующих предложений вузов. Однако даже беглый анализ данного документа применительно к БГЭУ показывает его низкую эффективность на практике. В данной ситуации необходимы срочные и кардинальные изменения в законодательстве с учетом положительного опыта Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований в решении аналогичных вопросов.

То есть становится очевидным, что одним из условий, способствующих отчислению студентов по собственному желанию, является отсутствие в законодательстве правовой нормы (за исключением обучающихся на условиях целевой подготовки), обязывающей их возмещать расходы на обучение пропорционально его срокам при досрочном отчислении.

Аналогичный механизм уже реализован в отношении военнослужащих силовых ведомств, включая курсантов, слушателей, магистрантов, адъюнктов и докторантов. В случае отчисления по неуспеваемости, недисциплинированности или отказа продолжать обучение и сдавать выпускные экзамены, они обязаны возместить государству расходы на обучение. При необходимости средства могут быть взысканы в судебном порядке [5].

Обоснованием такой меры является то, что военнослужащие во время обучения находятся на полном государственном обеспечении: они получают бесплатное питание, денежное довольствие, вещевое имущество и компенсацию расходов на наем жилья. Применение аналогичных механизмов к студентам гражданских вузов могло бы включать возмещение затрат на обучение, выплату стипендий, надбавок и льготное проживание в общежитиях.

Рассматриваемая проблема в отношении студентов-бюджетников уже нашла свое решение в одном из государственных образований на постсоветском пространстве. Так, 14 февраля 2024 года в Закон Приднестровской Молдавской Республики «Об образовании» внесено дополнение: **лица, с которыми был расторгнут договор об оказании образовательных услуг до освоения ими образовательных программ начального, среднего или высшего профессионального образования, программы ординатуры за счет средств республиканского бюджета и (или) успешного прохождения государственной (итоговой) аттестации в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ими своих договорных обязательств, а также по их инициативе, обязаны возместить в республиканский бюджет стоимость обучения в порядке, установленном нормативным правовым актом Правительства Приднестровской Молдавской Республики. Данная норма распространяется на лиц, заключивших договор об оказании образовательных услуг после 1 июня 2024 года [6].**

Таким образом, отчисление студентов из белорусских вузов по собственному желанию является актуальной проблемой, требующей пристального внимания и системного подхода в выработке мер, направленных на ее устранение. Рост случаев досрочного прекращения образовательных отношений негативно влияет на кадровый потенциал страны, снижая количество квалифицированных специалистов.

В условиях усиливающейся глобальной конкуренции и потребности в устойчивом экономическом росте важно совершенствовать законодательство, регулирующее обязательства студентов, получающих образование за счет бюджета. Принятие нормативных актов, направленных на создание баланса между интересами государства и студентов, станет шагом к стабилизации образовательной системы и повышению ее эффективности.

Список использованной литературы

1. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: <https://president.gov.by> (дата обращения: 14.11.2024).
2. Почему отчисляют студентов из белорусских университетов: статистика и причины // Белорусский портал 1Prof.by – Новости ФПБ, Беларуси, мира. – URL: <https://1prof.by/news/v-strane/pochemu-otchislyayut-studentov-iz-belorusskih-universitetov-statistika-i-prichiny> (дата обращения: 04.08.2024).
3. Кодекс Республики Беларусь об образовании : 13 янв. 2011 г. № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14 янв. 2022 г. № 154-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> (дата обращения: 13.12.2024).
4. Яндиев, А. Р. Концепция увеличения успеваемости и понижения отсева учащихся в вузе / А. Р. Яндиев, Д. Б. Кумахова // Экономика и социум. – 2019. – № 12(67). – С. 1238–1243.
5. Об утверждении Инструкции о порядке расчета и возмещения расходов за обучение : постановление Министерства обороны Респ. Беларусь от 24 нояб. 2014 г. № 36 : в ред. от 7 марта 2023 г. № 6 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W21529522&p1> (дата обращения: 13.12.2024).
6. О внесении изменений и дополнения в Закон Приднестровской Молдавской Республики «Об образовании» : Закон Приднестр. Молд. Республики от 14 февр. 2024 г. № 29-ЗИД-VII : принят Верх. Советом Приднестр. Молд. Республики // Официальный сайт Министерства юстиции Приднестр. Молд. Республики. – URL: <http://www.minjust.gospmr.org/oo/Publication.nsf/9306298df912e905c2258221004d4624/c24167e3db5a6afc2258acf004c5c26!OpenDocument> (дата обращения: 21.03.2025).

УДК 347.73

Т. М. Владимирова

*(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В настоящей статье рассматриваются актуальные проблемы и перспективы правового регулирования финансовых отношений в современной России. Анализируются основные вызовы, стоящие перед финансовой системой страны, включая цифровую трансформацию, международные санкции, необходимость развития инновационных

финансовых инструментов и защиты прав потребителей финансовых услуг. Исследуются текущее состояние законодательства, регулирующего финансовые отношения, и предлагаются направления его совершенствования с учетом современных экономических и социальных реалий. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения финансовой стабильности, повышения эффективности финансового контроля и надзора, а также развития международного сотрудничества в финансовой сфере.

Финансовые отношения являются кровеносной системой современной экономики, обеспечивая движение денежных средств между различными субъектами и секторами. Эффективное правовое регулирование этих отношений имеет решающее значение для обеспечения финансовой стабильности, экономического роста и социальной справедливости. В условиях динамично меняющегося мира, характеризующегося цифровой трансформацией, геополитической нестабильностью и развитием инновационных технологий, правовое регулирование финансовых отношений сталкивается с новыми вызовами и требует постоянного совершенствования.

Российская финансовая система за последние десятилетия претерпела значительные изменения. Были созданы новые институты, внедрены современные технологии, расширился спектр финансовых услуг. Однако, несмотря на достигнутые успехи, остается ряд проблем, требующих решения. К ним относятся, прежде всего недостаточная развитость финансового рынка и его зависимость от внешних факторов, высокий уровень концентрации банковского сектора и ограниченная конкуренция, низкая финансовая грамотность населения и недостаточная защита прав потребителей финансовых услуг.

Кроме того, вызывают озабоченность риски, связанные с развитием цифровых финансовых активов и других инновационных инструментов и необходимость адаптации финансово-правовой системы к изменяющимся международным стандартам и другим требованиям.

Правовое регулирование финансовых отношений представляет собой комплекс правовых норм, устанавливающих правила поведения субъектов в сфере формирования, распределения и использования денежных средств. Объектом правового регулирования выступают общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением финансовой деятельности государства, муниципальных образований, юридических и физических лиц [1].

Система правового регулирования финансовых отношений включает в себя Конституцию Российской Федерации, которая устанавливает основы финансовой системы и компетенцию органов государственной власти в сфере финансов. Бюджетные отношения и порядок формирования и исполнения бюджетов всех уровней урегулированы прежде всего нормами Бюджетного кодекса Российской Федерации [2]. Налоговый кодекс Российской Федерации определяет систему налогов и сборов, взимаемых в Российской Федерации, а также порядок их исчисления и уплаты [3]. Нормы, регулирующие общие вопросы обязательств, сделок, собственности и других гражданско-правовых отношений, имеющих значение для финансовых отношений представлены в Гражданском кодексе Российской Федерации [4]. Кроме того, ряд специальных федеральных законов регулируют отдельные виды финансовых отношений, такие как банковская деятельность, страхование, рынок ценных бумаг, валютное регулирование и контроль, противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [5–7]. Для детализации положения федеральных законов органами государственной власти в пределах своей компетенции издаются подзаконные нормативные акты: указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные акты Центрального банка Российской Федерации, министерств и ведомств.

Однако стоит отметить, что современное состояние правового регулирования финансовых отношений в Российской Федерации требует совершенствования. Рассмотрим основные из них. Первым вызовом правовой системы является цифровая трансформация

и развитие цифровых финансовых активов. Новые виды финансовых услуг, основанные на использовании блокчейна, искусственного интеллекта и других передовых технологий требуют актуального нормативно-правового регулирования. Особую актуальность приобретает регулирование цифровых финансовых активов (ЦФА) и криптовалют.

В России принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который установил правовые основы для выпуска и обращения ЦФА [8]. Однако многие вопросы, связанные с регулированием этой сферы, остаются нерешенными. В частности, необходимо определить статус криптовалют, установить правила налогообложения операций с ЦФА, разработать механизмы защиты прав инвесторов и предотвращения мошенничества. Отчасти эти проблемы удастся решить после вступления в силу изменений к данному закону.

Кроме того, необходимо совершенствовать законодательство, регулирующее использование цифровых технологий в банковской сфере, страховании и других секторах финансового рынка. Важно создать благоприятные условия для развития инновационных финансовых технологий (FinTech), не создавая при этом рисков для финансовой стабильности и защиты прав потребителей.

Введение международных санкций в отношении России и ограничение доступа к международным финансовым рынкам создают серьезные проблемы для российской финансовой системы. Ограничивается возможность привлечения иностранных инвестиций, затрудняется осуществление международных расчетов, возрастает риск девальвации рубля.

Механизмом решения данных проблем может стать защита от санкций и минимизация их негативного влияния на экономику, развитие внутренних источников финансирования и привлечение инвестиций из дружественных стран, альтернативных систем международных расчетов и платежей. И конечно, поддержка экспортно-ориентированных предприятий и стимулиция импортозамещения.

Правовое регулирование должно быть направлено на создание благоприятных условий для адаптации экономики к новым условиям и обеспечения ее устойчивого развития.

Для обеспечения экономического роста и повышения конкурентоспособности российской экономики необходимо развивать инновационные финансовые инструменты и механизмы: проектное финансирование, которое позволяет привлекать средства для реализации крупных инвестиционных проектов; краудфандинг и краудинвестинг – привлекать финансирование от широкого круга инвесторов; факторинг и лизинг – получать финансирование под залог дебиторской задолженности или имущества.

Интерес вызывают и такие инструменты как секьюритизация активов и Инфраструктурные облигации, которые позволяют привлекать средства под залог пула активов и развивать инфраструктуру.

Правовое регулирование должно стимулировать развитие этих инструментов и механизмов, обеспечивая при этом защиту прав инвесторов и предотвращение злоупотреблений.

Отдельного внимания требует решение проблем защиты прав потребителей финансовых услуг. Низкая финансовая грамотность населения и недобросовестные действия отдельных финансовых организаций приводят к тому, что потребители часто становятся жертвами мошенничества, обмана и навязывания невыгодных условий. Для решения данной проблемы перспективным решением видится повышение финансовой грамотности населения, ужесточение требований к финансовым организациям в части раскрытия информации и предоставления потребителям полной и достоверной информации о финансовых услугах. Требуется упрощения процедура рассмотрения споров между потребителями и финансовыми организациями. В этой связи необходимо развивать институт финансового омбудсмена и расширять его полномочия, а также усиливать ответственность финансовых организаций за нарушение прав потребителей.

Важным элементом системы обеспечения финансовой стабильности и предотвращения финансовых преступлений является финансовый контроль и надзор.

Ключевыми направлениями совершенствования финансового контроля и надзора являются: внедрение риск-ориентированного подхода при осуществлении контроля и надзора; использование технологий анализа больших данных и искусственного интеллекта для выявления рисков и нарушений; усиление координации между различными органами финансового контроля и надзора; повышение квалификации сотрудников, осуществляющих финансовый контроль и надзор и ужесточение ответственности за нарушение финансового законодательства.

В перспективе правовое регулирование финансовых отношений в России должно быть направлено на решение следующих задач:

Содействие развитию инновационной экономики: создание благоприятных правовых условий для развития цифровых технологий, инновационных финансовых инструментов и механизмов.

Обеспечение финансовой стабильности: поддержание устойчивости финансовой системы, предотвращение финансовых кризисов и минимизация последствий международных санкций.

Защита прав и законных интересов участников финансовых отношений: обеспечение защиты прав потребителей финансовых услуг, инвесторов и других участников финансовых отношений.

Повышение эффективности финансового контроля и надзора: использование современных технологий и методов для выявления рисков и нарушений, усиление координации между органами финансового контроля и надзора.

Развитие международного сотрудничества в финансовой сфере: участие в разработке международных стандартов и требований, сотрудничество с другими странами в борьбе с финансовыми преступлениями.

Для достижения этих задач необходимо:

Совершенствовать законодательство, регулирующее цифровые финансовые активы и криптовалюты: определить статус криптовалют, установить правила налогообложения операций с ЦФА, разработать механизмы защиты прав инвесторов и предотвращения мошенничества.

Развивать законодательство, регулирующее использование цифровых технологий в банковской сфере, страховании и других секторах финансового рынка: создавать благоприятные условия для развития инновационных финансовых технологий (FinTech), не создавая при этом рисков для финансовой стабильности и защиты прав потребителей.

Совершенствовать механизмы защиты от санкций и минимизировать их негативное влияние на экономику: развивать внутренние источники финансирования и стимулировать привлечение инвестиций из дружественных стран, укреплять финансовую независимость страны и снижать зависимость от доллара и евро.

Развивать законодательство, стимулирующее развитие инновационных финансовых инструментов и механизмов: проектное финансирование, краудфандинг и краудинвестинг, факторинг и лизинг, секьюритизация активов, инфраструктурные облигации.

Совершенствовать законодательство, направленное на защиту прав потребителей финансовых услуг: повышать финансовую грамотность населения, ужесточать требования к финансовым организациям в части раскрытия информации, упрощать процедуры рассмотрения споров, усиливать ответственность финансовых организаций за нарушение прав потребителей.

Совершенствовать законодательство, направленное на повышение эффективности финансового контроля и надзора: внедрять риск-ориентированный подход, использовать технологии анализа больших данных и искусственного интеллекта, усиливать координацию между различными органами, повышать квалификацию сотрудников, ужесточать ответственность за нарушение финансового законодательства.

Участвовать в разработке международных стандартов и требований в финансовой сфере и сотрудничать с другими странами в борьбе с финансовыми преступлениями:

противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, борьба с коррупцией, обмен информацией о финансовых операциях.

Правовое регулирование финансовых отношений в современной России сталкивается с серьезными вызовами, связанными с цифровой трансформацией, международными санкциями, необходимостью развития инновационных финансовых инструментов и защиты прав потребителей финансовых услуг. Для обеспечения финансовой стабильности, экономического роста и социальной справедливости необходимо совершенствовать законодательство, регулирующее финансовые отношения, с учетом современных экономических и социальных реалий.

Эффективное правовое регулирование финансовых отношений является ключевым фактором успеха России в современном мире.

Список использованной литературы

1. Белых, В. С. Правовое регулирование финансовой деятельности государства / В. С. Белых. - М.: Юстицинформ, 2010. - 235 с.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации : 31 июля 1998 года N 145-ФЗ : принят Гос. Думой 17 июля 1998 г. : одобр. Советом Федерации 17 июля 1998 г. : в ред. Федер. Закона от 21.04.2025. № 84-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.04.2025)
3. Налоговый кодекс Российской Федерации : 31 июля 1998 года № 146-ФЗ : принят Гос. Думой 16 июля 1998 г. : одобр. Советом Федерации 17 июля 1998 г. : в ред. Федер. Закона от от 28.12.2024. № 530-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.04.2025).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации : 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 24 окт. 1994 г. : в ред. Федер. Закона от 08.08.2024. № 237-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.04.2025)
5. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : Федер. закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ : в ред. от 01.04.2025 № 41-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.04.2025).
6. О банках и банковской деятельности : Федер. закон от 02.12.1990 № 395-1 : в ред. от 01.04.2025 № 41-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.04.2025).
7. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федер. закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ : в ред. от 07.04.2025 № 67-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.04.2025).
8. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ : в ред. от 28.12.2024 № 522-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.04.2025).

УДК 347.73

Ю. А. Забаренко

(ФГКОУ ВО «Донецкий институт ГПС МЧС России», Российская Федерация)

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В работе выделены основные правовые проблемы реализации механизма налоговой безопасности, намечены пути их решения. Отмечено, что в условиях фискальной

императивности государственного регулирования налоговых правоотношений налоговая система может стать глобальным фактором реальной угрозы экономической безопасности государства. Для построения эффективной налоговой системы, соответствующей целям обеспечения национальной, и в том числе налоговой, безопасности, необходима разработки стратегии налоговой безопасности Российской Федерации.

Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 был утвержден базовый документ стратегического планирования, определяющий национальные интересы и приоритеты Российской Федерации на долгосрочную перспективу – Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1].

В документе сделан верный акцент на неразрывную взаимосвязь и взаимозависимость национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны. Однако упущением представляется игнорирование интересов и угроз в налоговой сфере государства. Косвенно эта проблема нивелирована посредством определения экономической безопасности как одного из основных стратегических национальных приоритетов государства (п. 26) [1] и отнесения укрепления финансовой системы Российской Федерации к числу задач, которые необходимо решить для достижения целей обеспечения экономической безопасности страны (п.67) [1].

Вопросам управления налоговой системой значительного внимания не уделено и в другом профильном документе – Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 [2]. Хотя при этом оптимизация налоговой нагрузки на хозяйствующие субъекты с учетом необходимости обеспечения устойчивого развития экономики страны и модернизации ее производственно-технологической базы отнесена к числу основных задач по реализации направления, касающегося развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики (п.16 части III) [1].

В то же время налоговая система любого современного государства, в том числе и Российской Федерации, является приоритетным механизмом образования фондов денежных средств этого государства, поскольку именно за счет налогов формируется доходная база бюджетной системы страны. Налоговые правоотношения являются особыми властно-имущественными правоотношениями, построенными на целевом конфликте между государством и обществом по поводу создания, распределения и использования общественных благ. Антагонизм интересов участников налоговых правоотношений основан на доминанте реализации публичных фискальных интересов государства по отношению к экономическим интересам хозяйствующих субъектов, непосредственно в сфере деятельности которых образуется прибавочный продукт, часть которого изымается государством в форме налогов.

Фискальная императивность государственного регулирования налоговых правоотношений, перманентно актуализирующая целевой конфликт интересов сторон-участников, при несоблюдении баланса их налоговых интересов может послужить триггером девиантности экономического поведения налогоплательщиков и, как следствие, спровоцировать проблему криминализации общества.

Именно поэтому налоги и налоговую систему следует рассматривать не только как ресурсный фактор государства и действенный инструмент воздействия на социально-экономические процессы, но и как глобальный фактор реальной угрозы экономической безопасности для всех субъектов хозяйствования – как государства, так и юридических и физических лиц.

Будучи органической частью системы национальной безопасности, экономическая безопасность одновременно с этим составляет базу для формирования и функционирования всех других ее структурных элементов: финансовой, налоговой, военной, продовольственной, социальной безопасности и др.

Говоря о налоговой безопасности, как об элементе экономической безопасности, необходимо отметить, что в соответствии с п.7 части I Стратегии экономической

безопасности Российской Федерации под экономической безопасностью следует понимать «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [2].

Налоги и государственная налоговая политика объективно включены в систему экономической и финансовой безопасности, с одной стороны, как ресурсный фактор, находящийся в руках государства, с другой стороны, как крайне эффективный инструмент воздействия на экономические и социальные процессы, и в-третьих, как фактор обратнo-векторной взаимосвязи государства и налогоплательщиков.

Соответственно, на наш взгляд, для построения эффективной налоговой системы, соответствующей стратегическим целям социально-экономического развития государства и обеспечения его национальной, и в том числе экономической и налоговой, безопасности, перед государственными структурами стоит задача разработки и проведения такой налоговой политики, которая должна Парето-оптимально объединять интересы и государства, и налогоплательщиков. Достижение оптимума Парето в налоговой сфере будем понимать как достижение фискальных интересов государства без ухудшения экономической эффективности хозяйствования налогоплательщиков, а также и общественного благосостояния граждан, или как улучшение экономической эффективности деятельности налогоплательщиков без ухудшения фискальных интересов государства и ослабления социальной защиты граждан.

Существующая Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, безусловно обладая определенными достоинствами, имеет и существенные недостатки в вопросах обеспечения именно налоговой безопасности. Многие положения этого документа носят декларативный характер, отсутствуют определение национальных интересов и угроз в налоговой сфере, основных элементов системы обеспечения налоговой безопасности, включая ее основополагающие принципы, уровни и сферы, полномочия субъектов. Вопросы налогообложения прямо упоминаются в ней лишь единожды – при постановке одной из задач в рамках направления, касающегося развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики (п.16 части III) [1]. В связи с этим насуточно необходимой, по нашему мнению, представляется разработка Стратегии налоговой безопасности Российской Федерации. Она может существовать в форме самостоятельного документа либо одного из разделов Стратегии экономической безопасности Российской Федерации.

Особую актуальность разработка данного документа приобретает в свете современных политических реалий, связанных с присоединением к Российской Федерации новых субъектов, в том числе и Донецкой Народной Республики. В сложных условиях военного конфликта решение законодательных и прикладных вопросов обеспечения национальной безопасности, в том числе и в экономической и налоговой сферах, представляется приоритетной задачей в системе мер по предотвращению серьезных угроз общественного развития в различных сферах и отраслях современной российской экономики.

Список использованной литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/401425792/?ysclid=ma3sed0vzi516757260> (дата обращения 23.04.2025).

2. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». – URL: <https://base.garant.ru/71672608/?ysclid=ma3te5gvq6922581900> (дата обращения 25.04.2025).

О. В. Мороз

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ КОНТРОЛЯ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ, РАЦИОНАЛЬНОГО (УСТОЙЧИВОГО) ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Рассматривается вопрос правового закрепления государственных органов, осуществляющих контроль в области охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов, форм и сфер их контроля. Содержатся рекомендации, направленные на их надлежащее правовое изложение, с учетом значения Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» как нормативного правового акта, консолидирующего систему экологического законодательства.

В национальном экологическом законодательстве отсутствует определение контроля в области охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов (далее – контроль в области охраны окружающей среды). Однако, акцентируется внимание на следующих характеристиках: деятельность государственных органов, направленная на предотвращение, выявление и пресечения нарушения законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов [1, ст. 94; 2, ст. 1; 3, ст. 57]. Следует согласиться с точкой зрения Шахрай И.С., что «отсутствует четкость и единообразие в определении системы контролирующих органов в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов» [4, с. 46].

В соответствии со ст. 95 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об ООС) такими государственными органами являются Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и его территориальные органы, Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь, местные исполнительные и распорядительные органы. За каждым из них наряду с формами закреплены сферы рассматриваемого контроля, проводимого в форме проверки, что позволяет четко разграничить контрольную функцию (избежать дублирование полномочий) между ними. Аналогичные государственные органы со сферами контроля в форме проверки повторяются в Перечне контролирующих (надзорных) органов, уполномоченных проводить проверки, и сфер их контрольной (надзорной) деятельности [1, ст. 94, 95; 5; 6]. Положения Указа Президента Республики Беларусь «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» дополняют Закон об ООС касаясь форм контроля и порядка его проведения. В ряде основных нормативных правовых актов природоохранного и природоресурсного законодательства также содержатся положения о контроле в данной области.

Такой подход правового изложения контроля в области охраны окружающей среды обусловлен ролью Закона об ООС как нормативного правового акта, консолидирующего систему законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов, тенденцией к унификации законодательства о контрольной (надзорной) деятельности, а также обособленностью правового регулирования общественных отношений по отдельным компонентам (объектам) природной среды и некоторым направлениям природоохранной деятельности.

Представляется излишним повторение правовых норм, содержащихся в Законе об ООС и Указе Президента Республики Беларусь «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь», в основных нормативных правовых актах природоохранного и природоресурсного законодательства. К примеру, дублирование

государственных органов, осуществляющих контроль в области охраны окружающей среды. Целесообразно исключить из ст. 59 Водного Кодекса Республики Беларусь, ст. 82 Кодекса Республики Беларусь о недрах, ст. 39 Закона Республики Беларусь «Об охране атмосферного воздуха», ст. 19 Закона Республики Беларусь «Об охране озонового слоя», ст. 36 Закона Республики Беларусь «Об обращении с отходами» указание на Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, а также нормы ст. 57 Закона Республики Беларусь «О животном мире», представляющие сочетание отдельных положений ст. 94, 95 Закона об ООС. Логично отражать в них нормы по аналогии с Законом Республики Беларусь «О растительном мире»: «Контроль в области охраны и использования растительного мира осуществляется в соответствии с законодательством о контрольной (надзорной) деятельности и об охране окружающей среды». Схожее положение содержится и в Лесном кодексе Республики Беларусь применительно к контролю в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов [1; 3; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12, ст. 67-1; 13, ст. 106].

В такого рода нормативных правовых актах разумно излагать наиболее специфические аспекты контроля для конкретной сферы охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов либо направления природоохранной деятельности. К примеру, в Законе Республики Беларусь «Об охране атмосферного воздуха» таковым является положение о том, что контроль в области охраны атмосферного воздуха – часть контроля в сфере охраны атмосферного воздуха и озонового слоя. Аналогичная норма содержится в Законе Республики Беларусь «Об охране озонового слоя». Указание в ст. 26 Закона Республики Беларусь «О безопасности генно-инженерной деятельности» на сферы контроля, частью которых является контроль за соблюдением требований законодательства об охране окружающей среды при осуществлении генно-инженерной деятельности, позволяет учесть комплексный характер обеспечения безопасности генно-инженерной деятельности [9, ст. 39; 10, ст. 19; 14].

Требуется некоторая детализация контроля в области охраны и использования торфяников в ст. 39 Закона Республики Беларусь «Об охране и использовании торфяников», так как отсылка к Закону об ООС не дает прямого ответа. Понятие торфяника как природного (природно-антропогенного) комплекса может охватывать несколько компонентов (объектов) природной среды. Выделяются такие ресурсы торфяников как лесные, водные, земельные, недр, животного и растительного мира. Поэтому охрана и рациональное их использование касается ряда сфер в рамках охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов [15, ст. 1, 6].

При совершенствовании законодательства целесообразно определиться составной частью каких сфер контроля будет являться контроль в данной области по аналогии с контролем за соблюдением правовых требований об охране окружающей среды при осуществлении генно-инженерной деятельности, соотнеся их с государственными органами (организациями), его осуществляющими. В одном из правовых положений находит закрепление примерный перечень таких государственных органов: разрешается движение и стоянка механических транспортных средств и самоходных машин Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и его территориальных органов, Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь, ее областных и межрайонных инспекций охраны животного и растительного мира, других государственных органов и иных организаций, осуществляющих контроль в области охраны и использования торфяников [15, ст. 26].

Таким образом, корректное сочетание (дополнение, изложение) правовых норм, содержащихся в законодательстве об охране окружающей среды, о контрольной (надзорной) деятельности и отраслях природоресурсного законодательства является одним из актуальных вопросов дальнейшего совершенствования правового закрепления рассматриваемого вида контроля.

Список использованной литературы

1. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
2. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс] : 23 июля 2008 г., № 425-З : в ред. Закона Респ. Беларусь, 18 июля 2022 г., № 195-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
3. О животном мире [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2007 г., N 257-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
4. Шахрай И. С. Некоторые проблемы правового регулирования экологического контроля / И. С. Шахрай // Юстиция Беларуси. – 2017. – № 3. – С. 43-47.
5. Перечень контролирующих (надзорных) органов, уполномоченных проводить проверки, и сфер их контрольной (надзорной) деятельности [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
6. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
7. Водный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 30 апр. 2014 г., № 149-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
8. Кодекс Республики Беларусь о недрах [Электронный ресурс] : 14 июля 2008 г., № 406-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
9. Об охране атмосферного воздуха [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 дек. 2008 г., N 2-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
10. Об охране озонового слоя [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 нояб. 2001 г., N 56-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
11. Об обращении с отходами [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2007 г., N 271-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
12. О растительном мире [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., N 205-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
13. Лесной кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 24 дек. 2015 г., № 332-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
14. О безопасности генно-инженерной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 09 янв. 2006 г., N 96-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
15. Об охране и использовании торфяников [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 дек. 2019 г., N 272-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

В. В. Сидорович, Л. А. Краснобаева

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ
«ТОВАРОВ ДЛЯ ЛИЧНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ» И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ
И СВОБОДЫ ДВИЖЕНИЯ ТОВАРОВ**

Материалы посвящены анализу правовой категории «товары для личного пользования». Рассматривается ее значение для разграничения свободы передвижения физических лиц и свободы движения товаров при пересечении границы. Выявляются проблемы определения данного понятия в законодательстве ЕАЭС и ЕС, связанные с размытостью критериев и широким усмотрением должностных лиц таможенных органов, что порождает правовую неопределенность. Новизна заключается в аксиологическом подходе к проблеме и сравнительном анализе регуляторных моделей ЕАЭС и ЕС, с акцентом на белорусский опыт как пример более сбалансированного подхода.

Указом Президента Республики Беларусь от 10 мая 2006 г. № 313 «О пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь и видах контроля, осуществляемых в них» устанавливаются виды контроля, осуществляемых в пунктах пропуска через Государственную границу. К ним относятся такие виды контроля, как пограничный, таможенный, санитарный и другие [1]. Несложно заметить, что некоторые из этих видов контроля касаются непосредственно лиц, пересекающих границу, в то время как другие – перевозимых ими товаров. Это поднимает важный вопрос о разграничении и соотношении двух правовых категорий: свободы передвижения физических лиц и свободы движения товаров.

С аксиологической точки зрения, ограничения движения товаров носят прежде всего экономический характер и не должны рассматриваться как равнозначные ограничениям фундаментальной свободы передвижения физических лиц. Свобода передвижения – это неотъемлемая часть человеческого бытия, позволяющая взаимодействовать с миром и реализовывать другие права и свободы. Свобода же движения товаров – это в первую очередь экономическая свобода, направленная на обеспечение желаемого уровня достатка, и она не носит такого же обеспечивающего характера для реализации других прав, как свобода передвижения. Хотя материальное благополучие имеет большую значимость для человека, перемещение товаров через границу не является ни единственным, ни строго необходимым условием для реализации основных прав и свобод.

С другой стороны, в широком смысле, ограничения, накладываемые на товары, которые перевозят физические лица, действительно можно интерпретировать как ограничение свободы передвижения граждан. В отсутствие ограничений свободы движения товаров, возможность человека передвигаться безусловна: она не зависит от набора вещей, которые он везет с собой. Введение же ограничений на перевозку товаров через границу как бы «раскалывает» эту возможность на передвижение законное (с соблюдением ограничений на перемещение товаров) и незаконное (с их нарушением), тем самым фактически сужая перечень дозволенных действий по передвижению.

Нельзя также отрицать, что для обеспечения собственного существования человеку абсолютно необходимо определенное количество материальных предметов, то есть товаров. Поэтому транспортировка такого необходимого минимума вещей через границу должна считаться частью реализации именно свободы передвижения, а не свободы движения товаров, хотя установить этот минимум объективно едва ли возможно. Логично

полагать, что движение товаров, связанное с реализацией человеком своей свободы передвижения, должно ограничиваться в меньшей мере, нежели направленное на получение прибыли. В целом, ограничения движения товаров в основном выражаются в запретах на ввоз/вывоз определенных категорий или в обложении их пошлинами. В различных государствах действуют различные нормы беспошлинного ввоза товаров или провоза денег. В этом контексте важно различать коммерческие и некоммерческие перевозки товаров через границу.

Для практического разграничения этих двух аспектов в таможенном законодательстве многих стран и интеграционных объединений, таких как ЕАЭС, ЕС и США, используется категория «товаров для личного пользования». Таможенный кодекс ЕАЭС определяет их как «товары, предназначенные для личных, семейных, домашних и иных, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, нужд физических лиц» [2, пп. 46 п. 1 ст. 2]. На наш взгляд, одна из функций данной категории – как раз отделить транспортировку товаров как часть реализации свободы передвижения от транспортировки как экономической деятельности.

В Европейском союзе товары, перевозимые в личном багаже путешественников, не подлежат обложению пошлинами, при условии, что такие товары не облагаются налогом на добавочную стоимость в соответствии с положениями национального законодательства [3, art. 41]. В личный багаж при этом включаются все вещи, которые лицо предъявляет таможенными органами при пересечении границы, а также весь багаж, пересекающий границу позднее, при условии что он был зарегистрирован в компании, отвечающей за перевозку этого лица на момент его отбытия [4, art. 5]. При этом перевозка таких товаров должна носить некоммерческий характер. О некоммерческом характере может свидетельствовать несистематичность перевозок, тот факт, что перевозкам подлежат исключительно товары, подлежащие личному или семейному использованию, и что природа и количество товаров не свидетельствуют о том, что они ввозятся с коммерческими целями [4, art. 6].

Однако такой подход подвергается критике из-за размытости формулировок, особенно понятия «несистематического импорта», (“occasional imports”) что отмечает и Европейская комиссия [5, cl.2.2.2.]. Так, зачастую частные лица пересекают границу Европейского союза с иными государствами несколько раз в неделю, а иногда даже несколько раз за день – каждый раз перевозят ровно такое количество товаров, которое не облагалось бы пошлинами. Рассматривая этот вопрос, Комиссия приходит к выводу, что более подробное разъяснение термина «несистематического импорта», не предполагающее введение жесткой квоты по количеству пересечений границы, не имеет смысла; оно лишь усложнит правовое регулирование, не добавив при этом ничего содержательного. Введение же жесткой квоты по количеству пересечений границы, при которых те или иные товары не будут облагаться пошлинами, либо будут облагаться ими в меньшем объеме, судя по всему, противоречит изначальным намерениям Директивы Совета Европейского союза, регулирующей данный вопрос. Во всяком случае, Комиссия указывает на нецелесообразность дальнейшего законодательного регулирования рассматриваемой проблемы, вместо этого предлагая государствам-членам действовать в пределах, очерченных действующими актами ЕС, отмечая возможность совершенствования административных мер борьбы с данной проблемой и призывая действовать в зависимости от каждого конкретного случая [5, cl. 2.2.2.].

Аналогичным образом, хотя Комиссия и не затрагивает этот вопрос, неопределенность присутствует и в вопросе отнесения товаров к категории «подлежащих личному или семейному использованию». Установление данного признака применительно к товарам необходимо для оценки самого характера импорта как некоммерческого, а следовательно, и для разрешения вопроса об освобождении ввозимых товаров от пошлин. Наиболее детальное описание данной категории содержит лишь довольно смутные указания на «природу и количество таких товаров», которая не должна указывать на то, что

они импортируются в коммерческих целях [6, cl. (21) art.1]. Надо полагать, что здесь как и применительно к несистематическому импорту, должностное лицо таможенной службы должно руководствоваться логикой, внутренним убеждением и интересами службы и разрешать данные вопросы независимо от случая к случаю.

Такая широкая степень усмотрения, предоставляемая сотрудникам таможенных служб ЕС, имеет серьезные недостатки. Хотя полная регламентация всех возможных ситуаций и товаров нецелесообразна и потребовала бы несоразмерных усилий, и определенная гибкость в решении вопроса «на местах» необходима, действующий порядок определения предназначения товаров представляется слишком размытым. Отсутствие даже ориентировочных критериев негативно влияет на правовую определенность и создает широкие возможности для коррупционных проявлений. Неизбежна и «добросовестная» субъективность: разные сотрудники в схожих ситуациях могут принимать разные решения, что вносит элемент непредсказуемости для лиц, пересекающих границу. Возможны и случаи предвзятого отношения или произвола со стороны сотрудников, использующих свое усмотрение в корыстных целях, например, для вымогательства взяток. Доказать неправоту действий сотрудника в таких условиях крайне сложно из-за отсутствия четких критериев.

В Евразийском экономическом союзе подход к определению товаров для личного пользования отличается большей детализацией. Прежде всего, ТК ЕАЭС дает четкое, хотя и несколько громоздкое, определение этих товаров, включая непосредственно личные нужды, а также семейные, домашние и иные, не связанные с предпринимательской деятельностью [2, пп. 46 п. 1 ст. 2]. С утилитарной точки зрения это удобно, хотя и не вполне соответствует буквальному значению термина «личные» и содержит некоторую избыточность (достаточно использовать более широкую категорию «нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности»). Использование термина «домашних» нужд также вносит некоторую неопределенность относительно того, чье именно домохозяйство имеется в виду. Возможно, более оптимальным был бы термин «товары некоммерческого использования», определяемый как товары, предназначенные для нужд физических лиц, не связанных с предпринимательской деятельностью.

В качестве критериев для отнесения товаров к личным в ЕАЭС используются: явление лица (устное или письменное), характер и количество товаров, частота пересечения границы и перемещения товаров данным лицом, а также способ перемещения (в багаже, перевозчиком, в почтовых отправлениях) [2, ст. 256]. Кроме того, Решением Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 г. № 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами личного пользования» установлен Перечень категорий товаров, не относящихся к товарам для личного пользования (например, алкоголь, табак, драгоценные камни). Для многих позиций в этом перечне установлены количественные или стоимостные пределы, при превышении которых товар перестает считаться товаром для личного пользования [7]. Одновременно, тем же Решением устанавливаются нормы, в пределах которых товары для личного пользования ввозятся на таможенную территорию Евразийского экономического союза без уплаты таможенных пошлин. Стоит отметить, что показатели, при которых товары не могут считаться товарами личного пользования зачастую идентичны показателям, при которых товары личного пользования освобождаются от уплаты пошлин (например, в случае с никотиносодержащей продукцией) [7, п. 1; 8, п. 5]. Таким образом, нормы освобождения от пошлин лишь повторяют положения Перечня категорий товаров, не относящихся к товарам для личного пользования. Упростить регулирование можно было бы, убрав упоминания этих товаров либо из перечня не относящихся к личным, либо из норм беспошлинного ввоза. Первый вариант кажется более корректным, так как оставляет теоретическую возможность признать товар ввозимым для личного пользования, но при этом обложить его пошлиной из-за превышения беспошлинной нормы.

Что касается как таковых критериев отнесения товаров к товарам для личного пользования, ТК ЕАЭС относит их детализацию к компетенции Евразийской экономической комиссии [п. 2 ст. 256]. Пока соответствующее решение не принято, этот вопрос регулируется национальным законодательством. В Республике Беларусь действуют методические рекомендации Государственного таможенного комитета, которые устанавливают подробный перечень факторов для оценки предназначения товаров. К ним относятся: состав семьи, обычная потребность в таких товарах, место работы, место жительства (особенно близость к границе), цель и частота поездок, ассортимент товаров, наличие чеков, частота перемещения идентичных товаров разными лицами и другие факторы, выясняемые при опросе, [9, ч. 3 п. 2]. Этот перечень позволяет более точно определить назначение товаров. Одновременно рекомендации устанавливают и формальные критерии в зависимости от частоты пересечения границы: чем чаще лицо пересекает границу, тем меньшее количество товаров может считаться личными. При этом за определенными должностными лицами сохраняется право принимать решение о признании товаров личными даже при формальном несоответствии критерию частоты ввоза, но с необходимостью обоснования такого решения [9, ч. 2 п. 3]. Такой подход, принятый в Беларуси, представляется сбалансированным, так как сочетает четкие правила с гибкостью и возможностью учета конкретных обстоятельств, учитывая сильные и слабые стороны обоих подходов. Окончательный баланс административного усмотрения и четким правовым регулированием будет вырабатываться практикой. Остается надеяться на дальнейшее развитие сотрудничества в рамках ЕАЭС и принятие единых методических рекомендаций, что позволило бы урегулировать этот вопрос на более глубоком уровне, чем в ЕС, обеспечив при этом лучший баланс между административным усмотрением и следованием четким критериям.

Список использованной литературы

1. О пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 10 мая 2006 г. № 313 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 03.01.2024 № 4 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 25.04.2025).
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года) : в ред. Протокола от 25 дек. 2023 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 25.04.2025).
3. Council Regulation (EC) No 1186/2009 of 16 November 2009 setting up a Community system of reliefs from customs duty (codified version) // Official Journal of the European Union. L 324. 10.12.2009. P. 23–57. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32009R1186> (date of access: 25.04.2025).
4. Council Directive 2007/74/EC of 20 December 2007 on the exemption from value added tax and excise duty of goods imported by persons travelling from third countries // Official Journal of the European Union. L 346. 29.12.2007. P. 6–12. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2007/74/oj/eng> (date of access: 25.04.2025).
5. Report from the Commission to the European Parliament and the Council in accordance with Article 16 of Council Directive 2007/74/EC on the exemption from value added tax and excise duty of goods imported by persons travelling from third countries : Document 52013DC0849, 3 Dec. 2013, /* COM/2013/0849 final */ // EUR-lex : An official website of the European Union. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52013DC0849> (date of access: 25.04.2025).
6. Supplementing Regulation (EU) No 952/2013 of the European Parliament and of the Council as regards detailed rules concerning certain provisions of the Union Customs Code :

Commission Delegated Regulation (EU), 28 July 2015, 2015/2446 : Amended by Commission Delegated Regulation (EU), 29 November 2024, 2025/2018 // EUR-lex : An official website of the European Union. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:02015R2446-20250225&qid=1745790236554> (date of access: 25.04.2025).

7. Перечень категорий товаров, не относящихся к товарам для личного пользования : уст. Решением Совета Евразийск. эконом. комиссии, 20 дек. 2017 г., № 107 : в ред. Решения Совета Евразийск. эконом. комиссии от 6 сент. 2024 г. № 62 // Консультант-Плюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 26.04.2025).

8. Стоимостные, весовые и (или) количественные нормы, в пределах которых товары для личного пользования ввозятся на таможенную территорию Евразийского экономического союза без уплаты таможенных пошлин, налогов : уст. Решением Совета Евразийск. эконом. комиссии, 20 дек. 2017 г., № 107 : в ред. Решения Совета Евразийск. эконом. комиссии от 18 окт. 2024 г. № 87 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 26.04.2025).

9. Методические рекомендации по определению предназначения товаров, ввозимых физическими лицами // Официальный интернет-сайт Государственного таможенного комитета Республики Беларусь. – URL: <https://www.customs.gov.by/fizicheskimi-litsam/metodicheskie-rekomendatsii-po-opredeleniyu-prednaznacheniya-tovarov-vvozimykh-fizicheskimi-litsami>. (дата обращения: 26.06.2025).

УДК 336.221

Н. В. Хашковский

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ КАК ОСНОВНОГО УСЛОВИЯ ОТНЕСЕНИЯ СДЕЛОК К ПОДЛЕЖАЩИМ НАЛОГОВОМУ КОНТРОЛЮ ПРИ ТРАНСФЕРТНОМ ЦЕНООБРАЗОВАНИИ

Материалы посвящены ключевому условию налогового контроля сделок при трансфертном ценообразовании – взаимозависимости. Приведено определение взаимозависимости и выделены признаки правоотношений, при наличии которых субъекты сделки признаются взаимозависимыми. Также выявлены законодательные пробелы некоторых видов правоотношений взаимозависимости.

В процессе осуществления экономической деятельности субъекты предпринимательства заключают значительное количество гражданско-правовых сделок. Хотя большинство из них совершается с контрагентами, не находящимися в зависимых отношениях, определённая часть операций осуществляется между взаимозависимыми лицами. Фактор взаимозависимости сторон сделки выступает ключевым критерием при определении необходимости контроля её соответствия принципу рыночного уровня цен. Данный критерий имеет приоритет перед иными основаниями проверки трансфертного ценообразования (далее – ТЦО).

Термин «взаимозависимость» используется исключительно в налоговом законодательстве и отличается от понятий «аффилированности» в корпоративном праве или «связанных сторон» в законодательстве по бухгалтерскому учету. Вместе с тем, не редки случаи, когда субъекты, признанные аффилированными в соответствии с Законом Республики Беларусь от 09.12.1992 № 2020-ХІІ «О хозяйственных обществах», или связанными в соответствии с постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 12.12.2016 № 104 «О составлении индивидуальной бухгалтерской отчетности», являются и взаимозависимыми в налоговых отношениях.

Законодатель, регулируя вопросы ТЦО, в главе 11 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК), в статье 88 НК установил исчерпывающий перечень из пяти видов контролируемых сделок, четыре из которых подлежат контролю в силу факта их совершения между взаимозависимыми лицами.

Согласно нормативному определению, содержащемуся в части 1 пункта 1 статьи 20 НК, под взаимозависимостью понимаются особые отношения между физическими и (или) юридическими лицами, которые оказывают или потенциально способны оказывать непосредственное влияние на условия осуществления деятельности и (или) на экономические результаты деятельности как самих этих лиц, так и представляемых ими субъектов.

Взаимозависимость лиц устанавливается по четырем общим и двум специальным основаниям. Критерием выступает характер отношений, способных оказывать непосредственное влияние на условия или экономические результаты деятельности субъектов.

1. Наличие прямого и (или) косвенного участия в уставном фонде сторон сделки с долей в размере не менее 20 %.

Под прямым участием понимается непосредственное обладание долей в уставном фонде. Например, физическое лицо выступает учредителем ООО «К1» с долей в 25 %. Физическое и юридическое лицо являются взаимозависимыми.

Под косвенным участием понимается доля в уставном фонде, определяемая последовательно через третьих лиц. Например, ООО «К1» и ООО «К2», имея одно и то же физическое лицо в качестве учредителя с долей 25 %, являются взаимозависимыми.

Кроме того, могут возникнуть сложные формы участия: «перекрестное» участие и «кольцевое» владение, определение которых в белорусском законодательстве не приводится.

На практике под «перекрестным» участием организаций в уставных фондах друг друга принято понимать ситуацию, когда одна организация напрямую участвует в другой, а та в свою очередь прямо участвует в первой организации. «Кольцевое» владение бывает в ситуациях, когда одна организация через последовательности участия в других организациях косвенно участвует в собственном капитале (в себе) [4]. В таких случаях расчет доли определяется в общеустановленном порядке без применения специфики [5, с. 47–48], поэтому у некоторых взаимозависимых лиц со сложным списком участников может получиться ситуация, когда лица признаются взаимозависимыми, например, по российскому законодательству в силу специфики расчета «перекрестного» или «кольцевого» владения, а по белорусскому взаимозависимости не будет.

Учет «перекрестного» владения увеличивает процент взаимозависимости. В некоторых ситуациях данное различие может иметь решающее значение для признания лиц взаимозависимыми и установления контроля за их сделками.

2. Одинаковый состав исполнительного органа или совета директоров (наблюдательного совета) сторон сделки.

При анализе состава органов управления следует исходить из обязательного условия, согласно которому более 50 % членов органа каждого из рассматриваемых лиц должны совпадать, при этом в указанный процент включаются физические лица совместно с взаимозависимыми лицами, признанные таковыми по основанию близкого родства.

Автор полагает, что действующая редакция абзаца 4 части 2 пункта 1 статьи 20 НК содержит недостаточно четкие формулировки, что создает правовую неопределенность в вопросах количественного состава взаимозависимых лиц и принципов их распределения между органами управления анализируемых субъектов.

В целях устранения законодательных пробелов представляется необходимым внести соответствующие коррективы, предусмотрев четкое указание минимального количества взаимозависимых лиц и конкретизацию требований к их присутствию в органах управления (в составе одного или всех анализируемых субъектов).

3. Критерий контроля между сторонами сделки. По данному критерию лица признаются взаимозависимыми, если одно лицо (физическое или юридическое) осуществляет

непосредственный или опосредованный контроль над другим лицом (лицами). Данный критерий охватывает, в частности отношения между руководителем (работником) и организацией.

4. Критерий близкого родства сторон сделки. Такие физические лица между собой, а также организации, учредителями которых они выступают с долей не менее 20 %, являются взаимозависимыми.

Первые четыре критерия признания взаимозависимости носят универсальный характер, поскольку применяются во всех институтах налогового права, требующих установления особого характера отношений между субъектами. Данные критерии имеют значение для контроля ТЦО, применения правил тонкой капитализации (при определении расходов по контролируемой задолженности), заполнения электронных счетов-фактур по операциям со взаимозависимыми лицами, определения объекта налогообложения доходами иностранных организаций при выполнении работ, оказании услуг (абзацы 10–11 пункта 84 статьи 1 Закона № 47-3).

Указанные критерии детализированы в части 2 пункта 1 статьи 20 НК, которая содержит исчерпывающий перечень случаев признания отношений взаимозависимыми. Наличие таких отношений влечет необходимость специального налогового контроля при совершении определенных сделок.

Традиционные критерии взаимозависимости, закрепленные в части 2 пункта 1 статьи 20 НК, дополняются специальными основаниями, предусмотренными пунктом 2 статьи 88 НК, которые применяются исключительно в сфере ТЦО. К числу таких специальных оснований относятся «искусственное» посредничество, резидентство оффшорной зоны.

5. Критерий искусственного посредничества применяется в случаях, когда взаимозависимые лица осуществляют хозяйственные операции не напрямую, а через третье лицо, не являющееся взаимозависимым, при одновременном соблюдении следующих условий: посредник не выполняет существенных функций в организации сделки; не использует значимых активов; не принимает на себя существенных рисков.

6. Контролю подлежат сделки с резидентами юрисдикций, включенных в перечень оффшорных зон, утвержденный Указом Президента Республики Беларусь от 25.05.2006 № 353.

Следует учитывать, что в силу абзаца 5 пункта 5 статьи 88 НК сделки, заключенные организациями Республики Беларусь с операторами платежных систем на основе использования банковских платежных карточек VISA, MasterCard, American Express, зарегистрированными в оффшорных зонах, не подлежат контролю ТЦО.

Несмотря на то, что перечень обозначенных критериев является исчерпывающим, лица могут быть признаны взаимозависимыми в судебном порядке по основаниям иным, чем это предусмотрено частью 2 пункта 1 статьи 20 НК, если отношения между этими лицами оказывают или могут оказывать непосредственное влияние на условия или экономические результаты их деятельности и (или) деятельности представляемых ими лиц.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Подавляющее большинство сделок, условия которых должны соответствовать правилам ТЦО, подлежат налоговому контролю только потому, что заключены между взаимозависимыми лицами.

2. Законодательно закреплен исчерпывающий перечень из 6 критериев отнесения лиц к взаимозависимым.

К трем общим, характерным для налогового права в целом, относятся следующие критерии: 1) прямое или косвенное участие в уставном фонде организации; 2) состав коллегиального органа; 3) контроль; 4) близкое родство.

К двум специальным, характерным только для ТЦО, относятся критерии: 1) «искусственное» посредничество; 2) резидентство оффшорной зоны.

3. Ключевым критерием определения взаимозависимости является не наличие закрепленных в части 2 пункта 1 статьи 20 НК отношений сторон сделки, а их возможность оказывать непосредственное влияние на условия и экономические результаты их деятельности. Наличие результата влияния не обязательно, достаточно констатации присутствия таких отношений.

4. Взаимозависимость может быть представлена в различных комбинациях как между организациями или физическими лицами, так и между физическим лицом и организацией.

Список использованной литературы

1. О хозяйственных обществах : Закон Респ. Беларусь от 09 дек. 1992 г. № 2020-XII : в ред. от 08 июля 2024 г. № 27-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 30.04.2025).

2. О составлении индивидуальной бухгалтерской отчетности : Постановление М-ва финансов Респ. Беларусь от 12 дек. 2016 г. № 104 : в ред. от 2 дек. 2022 г. № 64 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 30.04.2025).

3. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) : 19 дек. 2002 г. № 166-З : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13 дек. 2024 г. № 47-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 30.04.2025).

4. Кармызова, Т. Л. Как рассчитать долю участия в организации в сложных ситуациях / Т. Л. Кармызова // iLex : информ. правовая система. – URL: <https://nces-private.iLex.by/view-document/BEPI/52470/#M100001> (дата обращения: 30.04.2025).

5. Воронина А. Г. Трансфертное ценообразование: определяем взаимозависимость участников сделки / А. Г. Воронина // Налоги Беларуси. – 2019. – № 3. – С. 47–48.

УДК 343.352:351.9

А. Н. Юшкевич, П. А. Зеленкевич

(Международный университет «МИТСО», Республика Беларусь)

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Материалы посвящены правовым аспектам борьбы с коррупцией в Республике Беларусь. Анализируются проблемы реализации антикоррупционных мер, включая Закон «О борьбе с коррупцией» и рекомендации FATF. Рассматриваются пути совершенствования законодательства: повышение прозрачности, общественный контроль и внедрение цифровых технологий.

Борьба с коррупцией представляет собой одну из наиболее актуальных задач государственного управления и является важным компонентом укрепления правового государства, обеспечения прозрачности и доверия граждан к институтам власти. В Республике Беларусь антикоррупционная политика реализуется через совершенствование нормативно-правовой базы, повышение эффективности государственных органов, развитие механизмов общественного контроля, а также внедрение современных цифровых технологий в управленческие процессы.

Основу антикоррупционного законодательства Республики Беларусь составляет Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», который был принят 15 июля 2015 года [1].

Этот нормативный акт определяет основные понятия, формы проявления коррупции, меры профилактики и ответственность за коррупционные правонарушения. Особое внимание уделено мерам по предотвращению конфликта интересов среди государственных служащих, декларированию доходов и имущества, а также ограничению даров и иных материальных благ.

Как отмечают Василевич Г. А. и Мороз Д. Г., одним из ключевых направлений антикоррупционной политики является усиление контроля за деятельностью государственных органов и должностных лиц. Важную роль играет проведение комплексных антикоррупционных проверок, направленных на выявление и предотвращение нарушений, связанных с государственными закупками, распределением бюджетных средств и использованием служебного положения в личных интересах. Также подчеркивается необходимость введения обязательной аттестации для руководящих кадров, что позволяет повысить уровень их профессиональной ответственности и минимизировать коррупционные риски в системе государственного управления [2, с. 157].

Одной из значимых проблем противодействия коррупции остается недостаточная прозрачность бюджетных процессов и недостаточная координация между государственными органами. В целях повышения эффективности контроля за расходованием государственных средств в Республике Беларусь внедрены дополнительные меры финансового надзора. В учебнике «Противодействие коррупции» под редакцией А. В. Конюка подчеркивается роль Комитета государственного контроля, которому предоставлены полномочия по осуществлению проверок целевого использования бюджетных средств. Это способствует выявлению и пресечению коррупционных нарушений, а также снижает вероятность реализации коррупционных схем [3, с. 241].

Не менее важным направлением антикоррупционной политики является борьба с отмыванием денег и финансированием терроризма. В этом контексте значимую роль играет Закон Республики Беларусь «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма» [4]. Данный закон обязывает финансовые учреждения внедрять системы внутреннего контроля, направленные на выявление подозрительных операций, а также взаимодействовать с Департаментом финансового мониторинга при Комитете государственного контроля.

Одним из примеров эффективной реализации антикоррупционных механизмов является цифровизация государственных услуг. Портал электронных услуг «Единый портал электронных услуг» позволяет гражданам получать административные услуги онлайн, минимизируя непосредственное взаимодействие с должностными лицами. Этот подход существенно снижает возможности для коррупционных действий. Кроме того, развитие системы «Единое окно» в таможенной и налоговой сферах позволило сократить сроки обработки документов и повысить прозрачность процедур.

Международное сотрудничество также играет важную роль в борьбе с коррупцией. Республика Беларусь активно взаимодействует с международными организациями, такими как Группа государств против коррупции (GRECO) и Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов (ЕАГ). В рамках этого сотрудничества проводятся оценки антикоррупционных мер, разрабатываются рекомендации по совершенствованию законодательства, а также внедряются международные стандарты, такие как рекомендации FATF.

Для повышения эффективности антикоррупционной политики важно привлекать общественность к процессу контроля. Примером может служить Декрет Президента Республики Беларусь № 3 от 10 мая 2019 года «О дополнительных мерах по борьбе с коррупцией», который закрепляет порядок взаимодействия государственных органов с общественными организациями [5]. В рамках указа созданы консультативные советы при министерствах, которые позволяют учитывать мнение гражданского общества при разработке и реализации антикоррупционных инициатив.

Особого внимания заслуживает проблема повышения уровня правовой грамотности населения. В этой связи реализуются образовательные программы, направленные на формирование у граждан понимания негативных последствий коррупции и методов её предотвращения. Например, в типовой учебной программе по дисциплине «Противодействие коррупции» рассматриваются темы, связанные с правовыми основами борьбы с коррупцией, правонарушениями коррупционного характера и системой мер предупреждения коррупции. Эта программа предназначена для студентов специальностей «Правоведение», «Государственное управление», «Мировая экономика», «Финансы и кредит» и других [6].

Вместе с тем, несмотря на принимаемые меры, остаются определённые вызовы, такие как недостаточное использование цифровых технологий для мониторинга исполнения законодательства, слабая интеграция с международными антикоррупционными инициативами и необходимость совершенствования механизмов защиты лиц, сообщающих о коррупционных правонарушениях. Для решения этих задач требуется комплексный подход, включающий дальнейшее развитие нормативно-правовой базы, повышение профессионализма сотрудников правоохранительных органов и использование передового международного опыта.

В связи с этим, можно выдвинуть следующие предложения по совершенствованию борьбы с коррупцией:

Первое, повышение прозрачности государственного управления, которое включает обеспечение открытого доступа к информации о деятельности государственных органов, включая бюджетные процессы и госзакупки, а также создание онлайн-платформ для публикации отчетов о расходовании государственных средств.

Второе, совершенствование законодательства и актуализация Закона «О борьбе с коррупцией» с учетом международных стандартов, введение обязательных антикоррупционных экспертиз при разработке новых нормативных правовых актов, ужесточение наказания за коррупционные преступления, особенно для высокопоставленных должностных лиц.

Третье, расширение цифровизации государственных услуг которая будет направлена на внедрение электронных платформ для минимизации личных контактов между гражданами и чиновниками, использование технологий блокчейн для обеспечения прозрачности финансовых операций и госзакупок.

Четвертое, развитие системы внутреннего и внешнего аудита и укрепления независимости контрольных органов, их технической оснащенности, а также обязательного проведения регулярных аудитов госучреждений с последующей публикацией результатов.

Таким образом, борьба с коррупцией в Республике Беларусь является сложным процессом, охватывающим различные сферы государственной деятельности. Реализация комплексной антикоррупционной политики способствует не только снижению уровня коррупции, но и укреплению верховенства права, повышению эффективности государственного управления и формированию доверия общества к институтам власти.

Список использованной литературы

1. О противодействии коррупции: Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11500305>. – Дата доступа: 25.01.2025.

2. Василевич, Г. А. Противодействие коррупции: учебное пособие для студентов учреждений высшего образования по специальностям «Правоведение», «Экономическое право», «Экономика», «Финансы и кредит», «Менеджмент» / Г. А. Василевич, Д. Г. Мороз. – Минск: Изд. БГУ, 2020. – 202 с.

3. Бабий, Н. А. Противодействие коррупции: учебник / Н. А. Бабий, В. В. Лосев, А. В. Карпицкий, Д. Г. Мороз ; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2020. – 398 с.

4. О контроле за расходами, доходами и имуществом: Закон Республики Беларусь от 15.07.2014 № 165-З [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11400165> (дата обращения 25.01.2025).

5. Декрет Президента Республики Беларусь № 3 от 10 мая 2019 г. «О дополнительных мерах по борьбе с коррупцией» [Электронный ресурс]. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-3-ot-10-maja-2019-g-21072>. (дата обращения 25.01.2025).

6. Типовая программа по дисциплине «Противодействие коррупции» [Электронный ресурс]. – URL: https://edustandart.by/en/baza-dannykh/primernye-uchebnye-programmy/item/download/7963_004e51efc4f2c7edbbfc240c12e5a604?utm_source. – (дата обращения 25.01.2025).

УДК 342.92

К. С. Яковлев, Л. А. Краснобаева

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ) ДОКТРИНА ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

В материалах рассматриваются правовые и доктринальные основы предоставления государственных услуг в Германии и Франции. Выделяются основные позиции предоставления данных услуг, представляющие интерес для Республики Беларусь. Определены значение конституционализации публичных служб и кодификации публичных служб во Франции. Также обозначены процедурно-процессуальные вопросы и проблемы в немецкой доктрине. Сформулированы положительные и негативные аспекты представленных доктрин по реализации государственных услуг.

Природа теории государственных услуг связана с публичной властью и трансформацией понимания государства как политической организации, направленной на служение обществу. Под публичной властью следует понимать волевые отношения, в рамках которых реализуются общезначимые, системообразующие, публичные интересы. Ю. А. Тихомиров определяет публичные интересы как «... общественные интересы, без удовлетворения которых невозможно, с одной стороны, реализовать частные интересы, с другой – обеспечить целостность, устойчивость и нормальное развитие организаций, государств, наций, социальных слоев, наконец, общества в целом. Это официально признанные интересы, имеющие поддержку государства и правовую защиту. Следовательно, публичный интерес есть признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития» [1, с. 54–55].

Концепция государственных услуг получила своё отражение как в континентальной, так и в англосаксонской правовых системах. Поэтому, чтобы понять и описать правовую природу и основные признаки государственных услуг как правового явления, имеющего значение для Республики Беларусь, необходимо изучить теорию и практику зарубежного опыта.

Континентальная (романо-германская) система представлена двумя конкурирующими моделями: немецкой и французской. Немецкая доктрина следует парадигме, что предоставление государственных услуг есть выражение позитивного государственного

управления. При этом важное место занимает учение о средствах и формах административного права. Формы административного права, с одной стороны, характеризуют инструментарий реализации задач и функций органа управления, с другой, правовое оформление этих форм способствует обеспечению защиты публичных прав.

Немецкая доктрина и судебная практика выработали стройную систему публично-правовых (административных) и частноправовых форм реализации публичных задач и функций. Согласно теории «двух ступеней», отношения по предоставлению государственных услуг на первом этапе могут быть административными и характеризоваться использованием публично-правовой формы (административный акт, договор, административные действия), на втором – регулироваться нормами частного права и использовать его формы, например, при субвенциях, кредитовании жилища [2, с. 126, 208].

Публичное управление в немецкой доктрине подразделяется на непосредственное и опосредованное. Непосредственное управление осуществляется через государственные органы и учреждения, опосредованное – через юридических лиц публичного права, лиц частного права [2, с. 142].

Выделяют и виды опосредованного управления: *организационная приватизация* (субъект публичного управления не освобождается от публичной задачи, для ее реализации создает, приобретает лицо частного права); *функциональная приватизация* (аутсорсинг; заключается в передаче государственных функций частным лицам без передачи властных полномочий и, следовательно, ответственность за их отправление продолжает нести заказчик); *материальная приватизация* (орган управления полностью отказывается от реализации определенной публичной задачи с передачей ей в частную сферу, при этом различаются публичные и государственные задачи; первые могут в целом отправляться в обществе, ответственность органа управления с такой передачей устраняется) [2, с. 149–157].

Таким образом, можно выделить следующие позиции правового регулирования и доктрины предоставления государственных услуг в Германии, представляющие для нас интерес:

1) рассмотрение государственных услуг с точки зрения деятельности органов государственного управления как юридического процесса;

2) высокая степень доктринальной, практической и нормативной регламентации форм и средств реализации публичных функций, а именно, использование административного договора как формы осуществления государственного управления;

3) судебный контроль и функционирование системы административной юстиции.

В данном исследовании подробно остановимся и на французской концепции публичных служб, реализующих предоставление публичных (государственных) услуг.

В связи с волной реформ, проведенных во Франции под эгидой деятельности Комитета общественных преобразований, правовую основу предоставления государственных услуг на данный момент составляют кодифицированные акты: Общий кодекс публичной службы от 1 марта 2022 г., Кодекс взаимоотношений общества и администрации от 23 октября 2015 г., Кодекс общественного здравоохранения от 7 октября 1953 г., Кодекс о социальной поддержке и семье от 23 декабря 2000 г., Кодекс об образовании от 15 июня 2000 г., Транспортный кодекс от 28 октября 2010 г. и другие.

Предоставление государственных услуг связано с деятельностью публичных служб, причем термин «государственные услуги» в законодательстве отсутствует. В истории французской доктрины публичная служба определяется как деятельность, осуществляемая в целях удовлетворения общественного интереса под контролем/опекой полномочных лиц публичного права в связи с требованием ее непрерывности [3, с. 81].

Публичная служба тесно связана с обеспечением публичного порядка как определенного минимума условий, необходимых для обеспечения нормальной общественной жизни и, как указывают исследователи, ее цель «постоянно изменяется соответственно потребностям населения» [3, с. 82, 93; 4, с. 28, 182–184]. А. Морин разделяет публичные службы (управление ими) и полицию как *виды административной деятельности* [5, р. 125, 131].

Можно выделить признаки публичных служб:

- 1) удовлетворение потребностей, представляющих публичный интерес [6, с. 20];
- 2) публичная служба оказывает услуги *непосредственно* либо *косвенно* посредством делегирования функций публичной службы частному лицу. При непосредственном осуществлении, во-первых, лицо публичного права самостоятельно под свою ответственность, используя свои материальные и человеческие ресурсы, обеспечивая общественный интерес, осуществляет публичную службу; во-вторых, лицо публичного права, может передавать управление службой другому лицу публичного права, которое «не несет ответственности за осуществление этой службы в целом» [6, с. 24].

К лицам, которым делегированы публичные службы административного характера, как правило, относятся общественные некоммерческие организации. Такие лица наделяются публичными полномочиями и возможностью издавать административные акты путем осуществления услуги, например, по включению в реестр молодых спортсменов [7].

Французская доктрина выделяет и способы делегирования полномочий:

1. Посредством выделения доли государственного участия (капитала) в фонде лица частного права.

2. Посредством наделения частного лица полномочиями на основе односторонней авторизации (разрешения) [6, р. 27–28].

3. Посредством заключения договора [6, р. 28]. Требования к таким договорам, порядок их исполнения, контроль за исполнением и процедура заключения, а равно и иные положения регламентированы Кодексом о государственном заказе от 1 апреля 2019 г.

Следует отметить, что в содержание публичной службы включена государственная служба как правовой институт по осуществлению служащими администрации публичных функций. Общий кодекс публичной службы от 1 марта 2022 г. и Кодекс взаимоотношений общества и администрации от 23 октября 2015 г. определяют, что к администрации относятся: «администрация государства, территориальных коллективов (коммюны, департамента, региона), их публичные административные учреждения, иные лица публичного и частного права, наделенные задачей административной публичной службы, в том числе организации по социальному обеспечению» (ст. L100-3 Кодекса взаимоотношений общества и администрации).

Таким образом, все служащие, определенные кодексами, осуществляют публичную службу, которой является деятельность по реализации публичного интереса, выражающаяся в предоставлении государственных услуг.

Публичная служба осуществляется на основе принципов: непрерывности, адаптивности и мутабельности, равенства, которые являются универсальными и дублируются в актах административного законодательства.

В заключение можно выделить следующие позиции правового регулирования и доктрины предоставления государственных услуг во Франции:

1. Высокая степень конституционализации публичных служб.
2. Высокая степень кодификации публичных служб и процедурно-процессуальных вопросов деятельности лиц, ее осуществляющих.
3. Высокий уровень делегирования (аутсорсинга) полномочий публичной службы.
4. Обособление системы административной юстиции и распространение ее юрисдикции на осуществление публичных служб.

Таким образом, общими признаками континентальной модели является наличие института аутсорсинга, функционирование системы административной юстиции и высокий уровень процедурно-процессуального регламентирования реализации государственных услуг.

Список использованной литературы

1. Тихомиров, Ю. А. Публичное право : учеб. для юрид. фак. и вузов / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Бек, 1995. – 485 с.
2. Васильева, А. Ф. Сервисное государство: административно-правовое исследование оказания публичных услуг в Германии и России : монография / Васильева А. Ф. – Москва : РАП, 2012. – 332 с.
3. Ведель, Ж. Административное право Франции / Ж. Ведель; под ред. М. А. Крутоглова ; пер. с фр. Л. М. Энтина. – М. : Прогресс, 1973. – 502 с.
4. Брэбан, Г. Французское административное право / Г. Брэбан; под ред. и со вступ. ст. С. В. Боботова ; пер. с фр. Д. И. Васильева и В. Д. Карповича. – М. : Прогресс, 1988. – 488 с.
5. Maurin, A. Droit administratif / A. Maurin. – 11e édition. – Paris : DALLOZ, 2018. – 411 p.
6. Coulibaly, M. Droit administratif: Le service public / M. Coulibaly // www.lex-publica.com [Электронный ресурс]. – 2025. Режим доступа : https://www.lex-publica.com/impression/cours/dadmgen/pdf/service_dag_2024-2025.pdf. – Дата доступа : 13.04.2025.
7. Conseil d'État, 2ème – 7ème chambres réunies, 15/03/2023, 466632 // www.legifrance.gouv.fr [Электронный ресурс]. – 2025. Режим доступа : <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000047313911/>. – Дата доступа : 13.04.2025.

АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК 343.228

Е. А. Березкина, И. Л. Федчук

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Республика Беларусь)

ИНСТИТУТ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В настоящей работе рассматривается институт необходимой обороны в контексте административно-деликтного права Республики Беларусь. Основная тема исследования заключается в анализе правовых норм и практики применения института необходимой обороны в административных делах, а также в выявлении его места и роли в системе административной ответственности. Проблема материалов заключается в недостаточной разработанности теоретических основ необходимой обороны в административном праве, что приводит к неоднозначности в интерпретации и применении данных норм на практике.

Необходимая оборона это неотъемлемое право любого человека, направленное на защиту себя, своих прав, ценностей и законных интересов. Это право, присуще каждому, так как любой человек может оказаться в ситуации, в которой применение необходимой обороны и правильная квалификация применения этого права, будет является важнейшим инструментом защиты в судебном производстве.

Необходимую оборону, как элемент правовой системы, можно рассматривать как сдерживающий фактор преступности, ведь перспектива получения отпора от обороняющегося больше воздействует на правонарушителя, чем вероятность оказаться в руках правосудия [3].

Но, по моему мнению, одной из самых важных функций, которые выполняет классификация необходимой обороны, является функция разграничения применения необходимой обороны как обстоятельства исключающего противоправность деяния, от использования необходимой обороны в целях являющихся общественно вредными. Например, провоцирование нападения с последующей имитацией необходимой обороны из хулиганских, корыстных и иных побуждений, излишней жестокости в применении данного права и других неправомерных деяний под прикрытием необходимой обороны.

Юридически право на необходимую оборону закреплено в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях. И согласно статье 3.1 каждое физическое лицо имеет право на защиту от противоправного посягательства. Это право принадлежит ему независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим физическим лицам или уполномоченным государственным органам [1].

Одной из важнейших функций государства является организационно – правовое обеспечение защиты личности, общества и государства от общественно вредных посягательств. Для воплощения в жизнь данной функции государства и реализации права на необходимую оборону Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях закрепляет право гражданина на соразмерное причинение вреда лицу, посягающему ценности, охраняемые законом. Данное право закреплено в статье 3.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях и является обстоятельством, исключающим противоправность деяния. Согласно этой статье, не является административным правонарушением действие, совершенное в состоянии необходимой обороны, то

есть при защите жизни, здоровья, прав и законных интересов обороняющегося или другого физического лица, интересов общества, государства, а также прав юридического лица от противоправного посягательства путем причинения посягающему вреда [1].

Основным отличительным признаком необходимой обороны – является причинение вреда именно посягающему.

Действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, не являются правонарушением, это: защита жизни, здоровья, прав обороняющегося или другого физического лица, интересов общества, государства или юридического лица от противоправного посягательства путем причинения посягающему вреда. И следовательно, данные действия не влекут административной ответственности. Однако, в ряде случаев, практика применения данного права сталкивается с трудностями из-за неопределенности границ и условий применения необходимой обороны [2].

Существует обязательное условие признания необходимой обороны при причинении посягающему вреда, с помощью которого законодатель защищает правонарушителя. То есть законодатель не допускает превышения пределов необходимой обороны (умышленных действий, явно не соответствующих характеру и степени опасности посягательства).

Следовательно превышение пределов обороны – это злоупотребление правом на оборону, влекущее ответственность.

При рассмотрении дела о правонарушении государственный орган будет определять: во-первых, имел ли право гражданин на действия по самообороне. То есть посягательство должно быть действительным и объективно общественно вредным. В противном случае речь будет идти о мнимой обороне.

во-вторых, употребил ли он это право в том случае, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть или тяжкое телесное повреждение. То есть данный фактор не освобождает от ответственности, но является обстоятельством, смягчающим ее [2].

Право на необходимую оборону прекращается с фактическим прекращением самого посягательства. После завершения посягательства к правонарушителю могут применяться насильственные действия только с целью его задержания и доставления в органы власти. Применение же насилия к лицу, прекратившему свои противоправные действия, не с целью его задержания, рассматривается как самочинная расправа и квалифицируется как правонарушение на общих основаниях.

Для защиты важно понимать степень угрозы. Например, посягающий нападает с кулаками, а обороняющийся защитил себя ножом, нанеся тяжкие телесные, и в результате, будет наказан в соответствии с уголовным законодательством. При определении наказания судом будет учтена необходимость самообороны, но также будут и учтены степень угрозы и пределы обороны [3].

В ряде случаев практика применения права необходимой обороны сталкивается с различными трудностями, о которых говорилось выше. И так как большая часть трудностей связана с определением четких границ, критериев и оценки, то необходимо более детально закрепить в законодательстве критерии пропорциональности, неотложности и соразмерности.

В результате, четкое закрепление данных критериев будет способствовать уменьшению случаев злоупотребления силой, улучшению правоприменительной практики судов и правоохранительных органов, а также позволит уменьшить правовую неопределённость и повысить правозащитные функции.

Также актуальным вопросом, который можно усовершенствовать, является введение программ психологической подготовки для граждан, чтобы они знали, как действовать в стрессовых ситуациях и избегать эскалации конфликта.

Такой институт права как необходимая оборона играет ключевую роль в защите прав граждан при противоправных посягательствах. Правильное понимание и применение этого института позволяет обеспечить баланс между защитой прав личности и соблюдением

закона. Необходимая оборона определяется как право гражданина на защиту своих прав и законных интересов от противоправных действий других лиц. Важно отметить, что действия должны быть соразмерны угрозе.

Правильное применение института необходимой обороны требует от граждан понимания как своих прав, так и границ, установленных законодательством, что способствует формированию правового сознания и уважения к закону в обществе.

Список использованной литературы

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 января 2021 г. № 91-3 : принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-3 // ЭТА-ЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 26.04.2025);

2. Необходимая оборона: проблема классификации : [сайт]. – Минск, 2003 –2024. – URL: file:///C:/Users/KAT/Downloads/neobhodimaya-oborona-problemy-kvalifikatsii.pdf (дата обращения: 26.04.2025);

3. Понимание и реализация права на необходимую оборону: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-i-realizatsiya-prava-na-neobhodimuyu-oboronu> (дата обращения: 26.04.2025).

УДК 342.92

А. В. Карамышев

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

ИНКВИЗИЦИОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ (ПУБЛИЧНЫМ) СПОРАМ

В материалах анализируются состояние и перспективы концептуально-методологического и правового обеспечения судопроизводства по делам, вытекающим из административных и иных публичных правоотношений, в Республике Беларусь. В целях совершенствования правоприменительной практики акцентируются структурные связи судопроизводства с административным процедурно-процессуальным правом.

Гражданское и административное судопроизводства реализуются, прежде всего, на основе общих фундаментальных принципов отправления правосудия. Тем не менее, базовое различие между ними существует и состоит в том, что первое имеет преимущественно состязательный характер, второе – преимущественно инквизиционный. Этим определяется расхождение, прежде всего, по ряду ключевых позиций, а именно как между сторонами того и другого процесса распределяется функция доказывания, и какова здесь ответственность суда за полноту доказательств. Данное различие, выводимое из существенно разной природы дел, как показывает обширная практика, в том числе постсоветских государств, четко и развернуто фиксируется в гражданском процессуальном и административно-процессуальном законах. Относительно последних важно подчеркнуть, что они полновесно реализуют себя в системном механизме административного процедурно-процессуального права. Принцип исследования обстоятельств дела по долгу службы (исследовательский принцип или инквизиционный принцип) в административной процедуре непрерывно продолжается в административно-судебном производстве [1, с.28]. Отечественные авторы эти же существенные различия определяют в качестве имманентных элементов гражданского процесса [2, с.31-32;3, с.78].

Применительно к гражданскому процессу и судопроизводству типичными являются следующие положения зарубежного законодательства - суд во всех случаях обязан

обеспечить принцип состязательности процесса; суд рассматривает и использует только те доказательства, которые представлены сторонами; суд не может обосновывать свое решение юридическими уликами, выдвинутыми им исходя из служебного положения. Сходные нормы содержат Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 12 января 1999 г. № 238-З (далее – ГПК), Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-З (далее – ХПК). Отражает данные константы и вступающий в действие с 1 января 2026 г. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-З (далее – КГС).

Что касается административного судопроизводства, то в нем востребована и в административно-процессуальных законах (кодексах) реализована иная содержательная модель доказывания, отражающая разноплановую специфику публично-властных отношений (споров) с участием частных лиц. Так, административный орган (публичный субъект), вынесший оспариваемый акт, обязан доказать наличие фактических условий, делающих необходимым вынесение данного акта; по искам о защите от незаконного вмешательства, не связанного с вынесением административного акта и непосредственно нарушающего права и свободы лица, обязанность по доказыванию наличия фактических условий, делающих необходимым такое вмешательство, лежит на соответствующем публичном субъекте; по искам по требованиям о вынесении административного акта (о принуждении) обязанность по доказыванию наличия фактических условий, делающих вынесение данного акта необходимым, лежит на истце; если публичный субъект ссылается на наличие фактических условий, исключающих вынесение в конкретном случае желаемого истцом административного акта, обязанность по доказыванию таких условий лежит на данном публичном субъекте (административном органе).

Еще большей оппозицией состязательной модели являются положения иностранного процесса о функциях суда – не ограничиваясь объяснениями, заявлениями и предложениями участников процесса, представленными ими доказательствами и другими материалами, содержащимися в деле, суд обязан, исходя из своего служебного положения, исследовать все фактические обстоятельства дела, имеющие значение для правильного разрешения спора; суд обязан самостоятельно по собственной инициативе или на основе ходатайства участников процесса собирать другие необходимые доказательства; суд обязан оказывать содействие участникам процесса в устранении допущенных в исках формальных нарушений, уточнении неясных исковых требований, замене ошибочных видов иска более подходящими, дополнении неполных фактических данных, а также в представлении объяснений, имеющих значение для определения и оценки обстоятельств дела.

В то же время, важную специфику административно-юстиционному процессу придают следующие положения – суд не производит оценку оспариваемого правового акта и действий (бездействия) с точки зрения политической или экономической целесообразности, а только устанавливает, не был ли в конкретном случае нарушен закон или другой правовой акт, не превысил ли субъект публичного администрирования компетенцию, а также не противоречит ли правовой акт или действие (бездействие) целям и задачам, ради которых орган был учрежден и наделен полномочиями [4, с.83]. Этот оценочный критерий соответствует императивам для административного акта, закрепленным в соответствующих законах об административной процедуре (административном производстве).

Относительно законодательства Республики Беларусь следует, прежде всего, отметить, что оно оставалось и продолжит оставаться (в КГС) на позициях квалификации административных (публичных) споров как вида «гражданских дел», что обусловлено, по нашему мнению, превалированием линейного юридико-технического фактора – традиционалистской базовой унификационной систематизацией процессуальных режимов на платформе гражданского процессуального кодекса.

Определяющее значение здесь имеет норма статьи 336 ГПК, формирующая саму процессуальную канву, – дела, возникающие из административно-правовых отношений,

рассматриваются судами по правилам искового производства с учетом ...*сущности производства* (курсив мой – А.К.) по делам, возникающим из административно-правовых отношений. Следует отметить, что в ХПК данная методологическая формула не воспринята, используется (статья 217) отсылочная конструкция «с учетом особенностей», имеющих прямое нормативное выражение.

Согласно пункту 2 статьи 352 КГС рассмотрение и разрешение дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, осуществляются по «общим правилам» искового производства с учетом «особенностей», предусмотренных подразделом 3, и «сущности производства» по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Таким образом, судопроизводство по административным (публичным) спорам, унифицируемым в разряд гражданских (экономических) дел, тем не менее, направленно формирует бинарную конструкцию. По сути, она представляет собой «свод» норм административного и гражданского процесса.

Наличие и расстановку приведенных формул есть смысл прокомментировать. В ГПК и ХПК они некоторым образом контрастируют. ГПК хоть и содержит положения об особенностях производств, не включает их в базовую концепцию и конструкцию статьи 336. Действительно, формулировка об «общих правилах» и «особенностях» не соответствует сущности этого процессуального конгломерата. Здесь нет характерных нормосвязок «общих» и «специальных» правил, поскольку очевидно коренное различие в предмете споров и критериях их разрешения. О наличии таких норм можно говорить только в рамках административно-публичного блока и в единичных случаях, например, относительно норм об общем и специальных сроках рассмотрения дел. Именно в этом ключе в ГПК обозначаются параграфы об особенностях рассмотрения некоторых категорий дел. В свою очередь, ХПК, являясь более насыщенным и структурированным, скорее ориентирован на позитивистскую институализацию административно-публичного производства как комбинации особенностей.

В КГС «особенности» и «сущность» введены в одну конструкцию. При этом, несмотря на их размещение по тексту, формулу «с учетом сущности производства» нужно выводить на первый план и соотносить с базовой (концептуально-методологической) функцией. По большому счету, сущность производства необходимо связывать с доминирующей парадигмой, выраженной в системном обеспечении административного процедурно-процессуального правового порядка. С этим созвучен, пусть и отдаленно, тезис о консолидированности административных процедур, содержащийся в пункте 23 Концепции правовой политики, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196.

На постсоветском пространстве есть примеры процедурно-процессуальной триады (закон об административной процедуре – административно-процессуальный закон (кодекс) – гражданский процессуальный кодекс). Субсидиарное применение последнего регулируется по-разному. Например, нормы гражданского процессуального кодекса применяются по прямой отсылке к ним в законе об административном судопроизводстве. Характерно, что это касается только завершающих административный процесс вопросов исполнения решений суда. Пример другого регулирования – в административном судопроизводстве могут применяться положения гражданского процессуального кодекса, если иной порядок не предусмотрен административно-процессуальным кодексом и в случаях, когда это не противоречит установленным в нем процессуальным принципам.

Понятно, что акцент делается на принципах, имеющих специальное содержание. Именно в данных принципах, основанных на них процессуальных нормах и судебном правоприменении реализуется сущностная особенность административного судопроизводства. Обязательным фактором здесь является и административная процедура, поскольку предметом судебной оценки являются административные акты (действия), правовой режим которых (материальный и процедурный) в основе своей формируется соответствующим законодательством.

Содержит ли ГПК ориентиры, задающие те или иные сущностные критерии производства по делам, вытекающим из административно-правовых отношений? Следует отметить, что комбинация норм статей 179 и 339 кодекса формирует обобщенно-усредненную платформу доказывания, сориентированную на состязательно-диспозитивный процесс. Действует базовое правило статьи 179 о доказывании каждой стороной фактов, на которых она основывает свои требования и возражения. Статья 339 называется «Обязанность доказывания и представления материалов», но вопросы доказывания в ней прямо не отражены. Специальное обязательство для государственных органов выражено диффузно как обязанность представить суду «материалы», послужившие основанием для соответствующих решений, действий (бездействия). Более того, для государственных органов «резервировано» материально-процессуальное усмотрение в виде права представлять суду «доказательства и иные материалы». Что касается суда, то он в базовой канве состязательности статьи 179 фактически сориентирован следовать усмотрению сторон, «предлагая» им представить доказательства или по ходатайству «содействуя» в их истребовании.

В этой связи важно обратить внимание на то, что в своем постановлении от 24 декабря 2009 г. № 11 «О применении судами, законодательства, регулирующего защиту прав и законных интересов граждан при рассмотрении жалоб на неправомерные действия (бездействие) государственных органов, иных организаций и должностных лиц» (далее – Постановление № 11) Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, выправляя ситуацию, путем нормоформирования сущностных признаков производства сформулировал процессуальную императивную конструкцию «бремени доказывания законности и обоснованности» принятых решений, действий (бездействия). Право представлять доказательства – это право заявителей и заинтересованных лиц.

Что касается функции суда, то норма статьи 339 ГПК о проверке судом законности и обоснованности решений, действий (бездействия) в Постановлении №11 также существенно (сущностно) скорректирована добавлением служебно-инквизиционной составляющей – «проверяет независимо от мотивов жалобы, по имеющимся и дополнительно представленным доказательствам». Положения статьи 179 ГПК о функции суда в обеспечении (состязательном) доказательственной базы применительно к производству по административным (публичным) делам Постановлением № 11 не корректировались.

В то же время, в Постановлении № 11 есть пример надлежаще обозначенного сущностного критерия административного судопроизводства. Так, в пункте 22 указывается на необходимость проверки судами соблюдения уполномоченным органом основных принципов осуществления административных процедур (ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур»). Здесь отметим, что принципы прямо или опосредованно формируют порядок рассмотрения иных (вне административных процедур) дел с участием граждан и организаций. Поэтому суды при проверке правомерности актов управления должны контролировать реализацию данных принципов, определяющих сущность того или иного административного механизма в контексте обеспечения прав и законных интересов субъектов.

Список использованной литературы

1. Ларс Брокер Инквизиционный принцип в административном праве (административная процедура и административный процесс) // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2017. – № 4 (49). – С. 26-34.
2. Гражданский процесс. Общая часть / Т. А.Белова [и др.]; под общ.ред. Т. А.Беловой, И. Н.Колядко. – 3-изд., перераб. и доп. – Минск: Изд.центр БГУ, 2020. – 379 с.
3. Административно-правовые споры в социальной сфере: теоретико-прикладные вопросы / О. И. Чуприс [и др.]; под ред. О.И.Чуприс. – Минск: БГУ, 2016. – 267 с.

4. Соловей, Ю. Подлежит ли судебной проверке дискреционность административного акта? // Ежегодник публичного права 2017: усмотрение и оценочные понятия в публичном праве. – М. Инфотропик Медиа, 2017. – 480 с.

УДК 342.9

Е. И. Усова

(Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Республика Беларусь)

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В статье поднимаются вопросы защиты в административно-деликтном порядке нарушенных прав и свобод человека и гражданина. Проводится анализ субъектно-объектного состава отдельных административных правонарушений данного рода.

Административно-деликтное регулирование общественных отношений, возникающих в результате совершения правонарушений, посягающих на права и свободы человека и гражданина на современном этапе развития Республики Беларусь, занимает важное место в системе правового регулирования.

В настоящее время наблюдается тенденция отождествления прав человека с правами, которые человек имеет как гражданин какого-либо государства. В определенной степени, такое отождествление понятно, так как это, действительно, очень схожие наборы прав, защита которых осуществляется с единой общей целью – защитить человека.

Вместе с тем, когда государство обеспечивает соблюдение прав человека, оно делает это не потому, что человек – гражданин этого государства, а потому, что он – человек. В подтверждение этому отметим, что государство обязано защищать права не только своих граждан, но и иных лиц, находящихся на его территории или под его юрисдикцией.

Административная ответственность за правонарушения, посягающие на права и свободы человека и гражданина регулируется главой 10 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) [1]. Данная глава занимает первое место в Особенной части КоАП Республики Беларусь. Это подтверждает насколько значимыми для государства являются права и свободы человека и гражданина, а также их защита. Также их важность доказывается положением статьи 2 Конституции Республики Беларусь, которая гласит: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» [2].

Следует обратить внимание, что система административных правонарушений данного рода весьма разнообразна и охватывает широкий круг общественных отношений. При этом встречаются сложности как в теоретико-правовом, так и в правоприменительном аспекте. В частности, санкции статей не в полной мере соответствуют вреду, который был причинен противоправными деяниями. Так, размер штрафа за умышленное причинение телесных повреждений (ст. 10.1 КоАП Республики Беларусь) меньше, чем за необоснованный отказ в приеме на работу (ст. 10.12 КоАП Республики Беларусь).

Обоснованную классификацию данной группы деликтов предложил Василевич Г. А. По его мнению, большой объем правонарушений позволяет группировать составы правонарушений в зависимости от того, на защиту каких прав направлены нормы главы 10 КоАП Республики Беларусь, а именно: 1) личных, 2) политических, 3) социально-экономических, социально-культурных [3, с. 39].

Анализ содержания статей указанной главы Кодекса позволяет сделать несколько предложений, направленных на совершенствование белорусского законодательства.

Так, ст. 10.8 КоАП Республики Беларусь «Нарушение законодательства о свободе вероисповеданий и религиозных организаций» относит данное правонарушение к категории проступков, устанавливая меры административной ответственности от четырех до десяти базовых величин.

Право на свободу совести и вероисповедания гарантировано международным и национальным законодательством, а его нарушение влечет ответственность.

Объектом данного правонарушения выступают общественные отношения, связанные с реализацией права граждан на свободу совести и права на свободу вероисповедания.

Объективная сторона выражается в:

- вовлечении несовершеннолетнего в религиозную организацию путем склонения его к систематическому участию в богослужениях, религиозных обрядах, ритуалах и церемониях либо обучения несовершеннолетнего религии вопреки его воле и без согласия родителей или лиц, их заменяющих;

- организации религиозного просвещения несовершеннолетних в учреждениях образования во внеучебное время без согласия родителей или лиц, их заменяющих;

- отправлении членами религиозной организации в отношении ребенка, не достигшего возраста пятнадцати лет, религиозных обрядов без согласия родителей или лиц, их заменяющих.

Субъектом правонарушений могут быть физические лица, достигшие 16 лет, вменяемые.

Субъективная сторона может характеризоваться умыслом.

Диспозиция ч. 1 ст. 10.8 позволяет интерпретировать ее положение следующим образом. Использование союза «и» между «вопреки его воле» и «без согласия законных представителей» означает, что «нарушением законодательства о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях» будет являться «обучение несовершеннолетнего религии» при наличии одновременно двух условий:

- 1) вопреки его воле;
- 2) без согласия законных представителей.

Соответственно, «обучение несовершеннолетнего религии вопреки его воле с согласия законных представителей несовершеннолетнего» таким нарушением не является, что означает легализацию принудительного «обучения несовершеннолетнего религии».

Таким образом, содержание ч. 1 ст. 10.8 КоАП Республики Беларусь видится логичным изменить на «Вовлечение несовершеннолетнего в религиозную организацию путем склонения его к систематическому участию в богослужениях, религиозных обрядах, ритуалах и церемониях либо обучение несовершеннолетнего религии вопреки его воле и (или) без согласия родителей или лиц, их заменяющих, – влекут наложение штрафа в размере от четырех до десяти базовых величин.

Что касается ч. 3 ст. 10.8 КоАП Республики Беларусь, то срок 15 лет был определен исходя из ч. 3 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 19.11.1993 г. № 2570-ХП «О правах ребёнка», согласно которой – в отношении ребенка, не достигшего пятнадцати лет, религиозные обряды отправляются с согласия родителей или лиц, их заменяющих [4].

Законодательство зарубежных стран может содержать различные требования и ограничения в отношении участия несовершеннолетних в религиозных мероприятиях, и эти требования должны быть соблюдены для защиты прав детей и обеспечения их безопасности и благополучия.

В частности, согласно п. 16 ст. 3 Закона Республики Казахстан от 11.10.2011 года № 483-IV. «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» –руководитель религиозного объединения обязан принять меры к недопущению участия несовершеннолетних, не достигших 16 лет, в богослужениях, религиозных обрядах, церемониях и (или) собраниях без сопровождения одного из родителей, совершеннолетних близких родственников или иных законных представителей несовершеннолетнего, а также при возражении второго родителя или законного представителя несовершеннолетнего.

Согласно п. 5 ст. 3 Федерального Закона Российской Федерации от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» –запрещается вовлечение малолетних в религиозные объединения, а также обучение малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих. При этом, малолетними считаются несовершеннолетние граждане, не достигшим 14 лет. (ст. 28 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Согласно ст. 145 Уголовного Кодекса Республики Узбекистан, вовлечение несовершеннолетних в религиозные организации, а равно обучение их религии вопреки их воле, воле родителей или лиц, их заменяющих, – наказывается штрафом от пятидесяти до семидесяти пяти базовых расчетных величин или обязательными общественными работами от трехсот до трехсот шестидесяти часов или исправительными работами от двух до трех лет либо ограничением свободы от одного года до трех лет или лишением свободы до трех лет.

Общий у приведенных выше положений тот факт, что участие несовершеннолетних в религиозных организациях допускается только по воле и (или) с согласия родителей или лиц, их заменяющих.

Статья 10.16 КоАП Республики Беларусь предусматривает административную ответственность за нарушение законодательства о языках.

Объект – общественные отношения, посягающие на право граждан пользоваться родным языком.

Объективная сторона выражается в:

- публичном оскорблении, порочении государственных и других национальных языков;
- создании препятствий и ограничений в пользовании государственными и другими национальными языками;
- проповеди вражды на языковой почве.

При этом публичное оскорбление национальных языков проявляется в использовании унижительных и оскорбительных выражений в отношении определенного языка или его носителей, а также в препятствовании их использованию или распространению.

Создание препятствий и ограничений в пользовании национальными языками проявляется также в запрете на использование национального языка в общественных местах, в официальных документах или в образовательных учреждениях.

Проповедь вражды на языковой почве выражается в использовании национального языка для распространения ненависти, дискриминации или насилия в отношении других языковых групп. Важно поддерживать уважение и толерантность к различным языкам и культурам, чтобы обеспечить гармоничное сосуществование разных языковых групп.

В последние годы правонарушения, связанные с оскорблением языка, стали совершаться всё чаще. Возможно, это связано с быстрым развитием средств коммуникации, средств массовой информации.

Субъект – лицо, достигшее 16 лет, вменяемое.

Субъективная сторона выражается в форме умысла.

Правовое регулирование законодательства о языках в Республике Беларусь обеспечивается большим объёмом национальных и международных нормативных правовых актов.

При реализации вопроса о привлечении к ответственности за оскорбление языка, возникает определенные сложности.

Поскольку вопрос нарушения языковых прав довольно сложный и требует специальных знаний, а составление протоколов о правонарушениях и защиты нарушенных прав не является основной деятельностью исполнительных комитетов, то это вызывает проблемы толкования и применения норм права. Видится логичным наделить правом составления протоколов об административном правонарушении по ст. 10.16 КоАП Республики Беларусь также и органы внутренних дел. Большой массив деятельности связан с подготовкой дела к рассмотрению, с применением мер обеспечения административного процесса.

В арсенале органов внутренних дел находится больше оперативных возможностей, чем у служащих исполнительных и распорядительных органов. По этой причине предлагаем расширить число субъектов, имеющих право составлять протокол об административном нарушении, предусмотренном статьей 10.16 КоАП Республики Беларусь. Соответственно, изменить п. 1 ч. 1 ст. 3.30 Процессуально-исполнительного Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [5] таким образом: «Протоколы об административных правонарушениях имеют право составлять уполномоченные на то должностные лица:

1) органов внутренних дел (по статьям 10.1–10.3, 10.6, 10.15, 10.16, 10.17, 10.20...».

Предложенные изменения положительным образом должны сказаться на правовом регулировании общественных отношений, связанных с защитой прав и свобод человека и гражданина в административном порядке.

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 6 января 2021 г. № 91-3: принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 декабря 2020 г.: в ред. от 12 июля 2025 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. – 89 с.

3. Василевич, Г. А. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право : электронный учебно-методический комплекс для специальности: «Правоведение» / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права ; сост.: Г. А. Василевич [и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – 137 с. – Библиогр.: с. 135–137.

4. О свободе совести и религиозных организациях : Закон Респ. Беларусь от 17 дек. 1992 г. № 2570-ХП : с изм. и доп. от 08 июля 2024 г. № 22-3 – Минск : Амалфея, 2025. – 17 с.

5. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Кодекс Респ. Беларусь, 6 января 2021 г., № 92-3 : принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 2020 г. : в ред. от 12 июля 2025 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 342.9

И. Л. Федчук, П. А. Дашкевич

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Республика Беларусь)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА УВЕДОМЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

В представленной работе, на основе изучения нормативных правовых актов, судебной практики и доктринальных подходов, анализируются актуальные вопросы, возникающие в контексте обеспечения надлежащего уведомления субъектов административного процесса. В результате исследования представлены обоснованные рекомендации по совершенствованию механизма уведомления участников административного производства в виде внедрения выработанного авторами определения данного института.

Современная доктрина административного процесса исходит из необходимости обеспечения оптимального баланса между требованием оперативности процессуальных действий и неукоснительным соблюдением прав и законных интересов участников производства. Наибольшую значимость данный вопрос получает в контексте применения норм ст. 12.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП), регламентирующей сроки рассмотрения дела об административном правонарушении [1, ст. 12.2].

Ключевым условием, обеспечивающим указанный баланс, выступает институт надлежащего извещения участников производства. В данном аспекте на правоприменительные органы возлагается обязанность по осуществлению исчерпывающего комплекса мер, направленных на своевременное доведение информации о времени и месте рассмотрения дела, обеспечение фактической возможности ознакомления с такой информацией, а также использование допустимых законом способов процессуальной коммуникации.

Однако в правоприменительной практике регулярно возникают сложности, связанные с умышленным уклонением правонарушителей от получения повестки.

Вследствие данного обстоятельства правоприменитель вынужден осуществлять производство в отсутствие привлекаемого лица, руководствуясь порядком, предусмотренным ст. 12.5 ПИКоАП [1, ст. 12.5]. Однако подобные решения часто становятся предметом судебного обжалования. Так, Верховный Суд Республики Беларусь 15 декабря 2022 г. рассмотрел в открытом судебном заседании жалобу Х. на постановление экономического суда Витебской области от 08.11.2022 по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 13.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. В жалобе Х. просит принятое в отношении него постановление от 08.11.2022 отменить, дело об административном правонарушении в отношении него направить на новое рассмотрение, ссылаясь на ряд обстоятельств, в том числе – ненадлежащее уведомление о дне и месте рассмотрения данного дела [2].

В контексте выявления данного аспекта обоснованной представляется разработка дефиниции надлежащего уведомления.

Обращаясь к опыту правового регулирования института надлежащего извещения в соседних государствах, справедливо будет отметить, что в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) разъясняется порядок уведомления участников производства по делу об административном правонарушении, а также регламентируются способы, которыми лица, участвующие в производстве, а также свидетели, эксперты, специалисты и переводчики извещаются или вызываются в суд, орган или к должностному лицу, в производстве которых находится дело. Среди них: извещение с помощью заказного письма с уведомлением о вручении, повестки с уведомлением о вручении, телефонограммы или телеграммы, а также по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование извещения или вызова и его вручение адресату [3, ст. 25.15].

В соответствии с позицией, изложенной в п. 24.1 Постановления Пленума Высшего арбитражного Суда Российской Федерации от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях», что КоАП РФ не содержит оговорок о необходимости направления извещения исключительно какими-либо определенными способами [4, п. 24.1]. Как следует из указанного судебного акта, отсутствие в Кодексе об административных правонарушениях специальных указаний на конкретные формы уведомления не может служить основанием для признания извещения ненадлежащим лишь по причине использования альтернативного способа информирования, не поименованного прямо в нормах КоАП РФ.

Соответственно, с учетом различных обстоятельств допустимо извещение участников процесса с использованием доступных средств связи, обеспечивающих контроль

за получением сообщения адресатом. К таковым относятся: телеграмма, факс, судебная повестка, а в исключительных случаях – с согласия гражданина – СМС-сообщение с фиксацией отправки и доставки уведомления [4, с. 104].

В Республике Беларусь наибольшее развитие институт надлежащего извещения получил в рамках гражданско-процессуального законодательства. Так, согласно ст. 142 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь, надлежащее извещение предполагает, что к началу судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия суд располагает сведениями о получении адресатом направленной ему копии судебного постановления или судебного извещения [5, ст. 142].

Так же, исходя из положений постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2012 года «О практике рассмотрения дел в порядке заочного производства», ответчик признается надлежаще извещенным о времени и месте судебного заседания при соблюдении требований о содержании судебного извещения, способе и сроке его вручения, предусмотренных ст.ст. 143-145 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) [6].

Исходя из положений ст. 143 ГПК, извещение юридически заинтересованных в исходе дела лиц о времени и месте судебного заседания или совершении процессуальных действий, а также вызов в суд свидетелей, экспертов, специалистов и переводчиков производятся судебными повестками. В необходимых случаях участники гражданского судопроизводства могут быть извещены или вызваны заказным письмом с уведомлением о его вручении, телефонограммой или телеграммой, СМС-сообщением, с использованием факсимильной связи, глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе электронной почты, а также иных средств связи, обеспечивающих фиксирование извещения или вызова [7, ст. 143]. В предусмотренных законом случаях извещение или вызов в суд производятся путем публикации в печати. Публикация в печати является надлежащим извещением или вызовом [7, ст. 145].

Немаловажным выступает и принцип добросовестности сторон, которым в настоящее время руководствуются суды. В частности, если сторона самостоятельно просит суд направлять извещения посредством электронной почты на конкретный адрес или СМС-уведомления на указанный номер, то при направлении такого сообщения она считается надлежащим образом уведомленной. Даже если ею не была проверена почта или содержание СМС-сообщения [8, с. 113].

Таким образом, на основе анализа отечественного и зарубежного законодательства, судебной практики и доктринальных подходов в области правового регулирования института надлежащего уведомления, представляется целесообразным предложить его следующее определение в рамках административного процесса: «Надлежащее уведомление – доведение до участников административного процесса информации о времени и месте его ведения, осуществляемое с использованием законодательно и обстоятельно допустимых средств связи, в том числе заказного письма с уведомлением о его вручении, телефонограммы или телеграммы, СМС-сообщения, факсимильной связи, глобальной компьютерной сети Интернет, включая электронную почту, а также иных средств связи, обеспечивающих фиксирование отправки извещения или вызова, при фактическом ознакомлении или отсутствии ознакомления адресата с его содержанием».

Список использованной литературы

1. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 января 2021 г. № 92-3 : принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 янв. 2025 г. № 61-3 // iLex : информ.-правовая система (дата обращения: 25.04.2025).

2. Дело №152АП22340/Жн // Верховный Суд Республики Беларусь. – URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/acts_vs/adm/f0047f68608c4aa0.html (дата обращения: 25.04.2025).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 7 апреля 2025 г. № 70-ФЗ : с изм. и доп. вступ. в силу с 18 апр. 2025 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 25.04.2025).

4. Шпак, А. В. Актуальные проблемы извещения участников производства по делам об административных правонарушениях / А. В. Шпак // Воронежский институт МВД РФ. – 2020. – № 6-2. – С. 102–107.

5. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь : 15 декабря 1998 г. № 219-З : принят Палатой представителей 11 ноября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. № 284-З // іlex : информ.-правовая система (дата обращения: 25.04.2025).

6. Извещение участников процесса о времени и месте судебного разбирательства посредством СМС соответствует закону // Верховный Суд Республики Беларусь. – URL: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/eb6336d0bf66e88f.html (дата обращения: 25.04.2025).

7. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь : 11 января 1999 г. № 238-З : принят Палатой представителей 10 декабря 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. № 22-З // іlex : информ.-правовая система (дата обращения: 25.04.2025).

8. Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 25 окт. 2022 г. / Междунар. Центр науч. сотрудничества «Наука и просвещение» ; редкол.: Г. Ю. Гуляев (отв. ред.) [и др.]. – Пенза : Наука и просвещение, 2022. – 156 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, КРИМИНАЛИСТИКИ, СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.72

Д. А. Арзамазова, Т. А. Кирина

(ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Российская Федерация)

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

В материалах рассматриваются актуальные проблемы телефонного мошенничества, которое стало одной из наиболее распространенных форм преступной деятельности в современном обществе. Описываются основные схемы и методы, используемые мошенниками для обмана жертв, включая фишинг, социальную инженерию и манипуляции с эмоциональным состоянием, а также представлены статистические данные о случаях телефонного мошенничества.

В современном мире с развитием информационных технологий неразрывно связан рост преступности в сфере мошенничества. Мошенничеством признается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [1]. В частности, из этой категории преступлений можно выделить телефонное мошенничество, под которым понимается вид мошеннических действий, направленный на обогащение путем обмана телефонного собеседника без визуального контакта с ним. По данным ВЦИОМ в 2024 году выявлено 67 % опрошенных, подвергшихся телефонному мошенничеству, в то время как еще в 2021 году процент составлял чуть более половины от числа всех опрошенных граждан [2].

Наиболее распространенными способами совершения преступлений в данной области являются телефонные звонки, реже встречается СМС-мошенничество. Вероятно, это связано с тем, что при непосредственном контакте с потенциальной жертвой преступнику легче ее расположить к себе и надавить при помощи психологических манипуляций с целью заполучения конфиденциальной информации.

Профессор В. С. Овчинский вводит понятие психологической атаки. По мнению исследователя, это особый нетехнический способ получения преступником конфиденциальной информации, основанный на коммуникативном взаимодействии между людьми: «В контексте незаконного доступа к данным этот подход понимается как манипуляция людьми с целью получения доступа к компьютерным системам. Психологическая атака обычно очень успешна, потому что самым слабым звеном в компьютерной безопасности часто являются пользователи компьютерных систем [3].

По своей сути понятие психологической атаки можно отождествить с понятием социальная инженерия, которое представляет собой «систему способов воздействия и контроля людей, которая побуждает их совершать определенные действия, применяемая в целях получения персональных данных личности, а также иных конфиденциальных сведений для достижения преступного результата» [4]. Социальная инженерия делится на 2 вида: алгоритм и фишинг. Алгоритмом можно назвать четкую последовательность слов, с помощью которой мошенник может склонить потенциальную жертву к определенным действиям, либо выведать какую-либо ключевую информацию. Фишингом же признается обман пользователя сайтов или различных мессенджеров путем письменной речи. То есть, прием алгоритма (иными словами претекста) в основном используется при телефонных звонках, а фишинг – при СМС-мошенничестве.

Также с укреплением и развитием цифровизации в современном обществе появляются «дипфейки». Это совокупность методов соединения фото- и видеоизображений,

аудиоинформации в поддельное целое с применением генеративно-состязательных нейронных сетей [5]. С их помощью телефонные мошенники могут имитировать голос любого человека и применить его в спам-звонке, либо же сгенерировать письменный текст для рассылки, скопировав индивидуально-авторский стиль автора, с помощью нейросети, тем самым завладев доверием потенциальной жертвы. На сегодняшний день почти каждый человек, у которого есть телефон или компьютер, пользуется системой искусственного интеллекта, в связи с этим государству необходимо быть «на шаг впереди», внося соответствующие изменения в законодательство.

В настоящее время в Уголовном кодексе РФ нет нормы о преступлениях в области телефонного мошенничества путем спам-звонков и спам-рассылок. На наш взгляд, законодательно необходимо ввести новую статью 159.7 «Информационное мошенничество». Редакция данной статьи, по нашему мнению, должна выглядеть следующим образом: «Мошенничество, связанное со спам-звонками и спам-рассылками, то есть массовые телефонные звонки от неизвестного абонента и смс-сообщения, на которые абоненты не давали свое согласие наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей...». Мы аргументируем увеличение размера санкции тем, что, проведя сравнительный анализ норм, связанных с мошенничеством, нами был сделан вывод о том, что во всех статьях в части первой максимальный размер штрафа не превышает ста двадцати тысяч рублей, но поскольку в диспозиции предложенной нами статьи ключевым критерием является массовость совершения подобного рода преступлений, мы предлагаем увеличить размер штрафа.

Таким образом, телефонное мошенничество является актуальным в современных жизненных реалиях. Зная о возможных приемах, можно значительно снизить вероятность стать жертвой мошенников.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) Статья 159. Мошенничество [сайт] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8012ecdf64b7c9cfd62e90d7f55f9b5b7b72b755/ (дата обращения: 12.02.2025).
2. Официальный сайт ВЦИОМ. [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring?ysclid=m71ug6gj3h477095304> (дата обращения: 12.02.2025)
3. Овчинский, В.С. Криминология цифрового мира / В.С. Овчинский. – Москва: Норма; Инфра-М, 2018. – 351 с.
4. Социальная инженерия и информационная безопасность: монография / В. П. Сиротин, М. Ю. Архипова, С. В. Куликова [и др.] – Москва: Эдитус, 2023. – 264 с.
5. Батоев, В. Б. Использование технологий искусственного интеллекта в выявлении видеодипфейков / В. Б. Батоев, Р. С. Юмозапов. -- EDN SYZWCV // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 3 (61). – С. 76–80.

УДК 343.01

Т. П. Афонченко

*(Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации,
Республика Беларусь)*

ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ УК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 2025 ГОДА

В настоящее время профилактическое наблюдение за осужденными рассматривается как мера уголовной ответственности, основанная исключительно на состоянии осуждения (судимости) и выражающая режим принудительной подверженности

осужденного наблюдению (контролю) со стороны территориальных органов внутренних дел и уголовно-исполнительных инспекций органов в целях профилактического воздействия, а также обеспечения применения иных мер уголовной ответственности в соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь.

В январе 2025 г. Парламентом Республики Беларусь рассмотрен и принят во втором чтении законодательный акт, на основании которого, помимо прочих, предполагается значительное реформирование действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), в том числе порядка и условий осуществления такой меры постпенального контроля, как профилактическое наблюдение (ст. 81 УК) [1]. Режим профилактического наблюдения устанавливается непосредственно законом и осуществляется в течение срока судимости за осужденными, указанными в ч. 1 ст. 81 УК, а именно: за лицами, осужденными за тяжкое или особо тяжкое преступление, либо судимым два и более раза к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления; за лицами, осужденными в порядке, предусмотренном ст. 77, 78, 79 или 117 УК; за лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания, в течение неотбытой части наказания; за лицами, освобожденными от наказания условно на основании акта амнистии или помилования, в течение неотбытой части наказания. Согласно ст. 196 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) [2], за указанными категориями профилактическое наблюдение осуществляется органом внутренних дел, а за несовершеннолетними – инспекцией по делам несовершеннолетних по месту их жительства.

Режим профилактического наблюдения в связи с наличием судимости осуществляется за лицами, осужденными за тяжкое или особо тяжкое преступление, независимо от назначенного (отбытого) наказания за совершение данных преступлений. Профилактическое наблюдение за лицами, судимым два и более раза за любые умышленные преступления, осуществляется, если эти лица соответственно осуждались за эти преступления к наказанию в виде лишения свободы в той же кратности. При осуждении за указанные преступления к наказанию в виде лишения свободы, а при осуждении за тяжкое или особо тяжкое преступление и к ограничению свободы или аресту, профилактическое наблюдение приобретает самостоятельное значение для осужденного в течение срока судимости только после отбытия этих наказаний.

Режим профилактического наблюдения и связанные с ним ограничения для осужденного за тяжкое или особо тяжкое преступление имеют самостоятельное значение наряду с режимом отбывания таких наказаний, как ограничение по военной службе, исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, общественные работы (если эти наказания были применены судом при осуждении лица за тяжкое или особо тяжкое преступление, например, в порядке ст. 70 УК).

Режим профилактического наблюдения составляет основу таких самостоятельных альтернативных наказанию форм реализации уголовной ответственности, как осуждение с отсрочкой исполнения наказания (ст. 77 УК), с условным неприменением наказания (ст. 78 УК), без назначения наказания (ст. 79 УК) или с применением принудительных мер воспитательного характера (ст. 117 УК), обеспечивая подконтрольность осужденного и профилактическое воздействие в отношении него в условиях нахождения на свободе.

Администрация исправительных учреждений, исправительных учреждений открытого типа, арестных домов сообщает о предстоящем освобождении осужденных в территориальный орган внутренних дел по месту их жительства за десять дней до их освобождения по отбытии срока наказания, а при освобождении по иным основаниям – в день освобождения. Освобождаемый уведомляется о необходимости явки в территориальный орган внутренних дел или инспекцию по делам несовершеннолетних по месту его жительства для постановки на учет в течение трех дней после прибытия к месту жительства (ст. 196 УИК).

Поскольку профилактическое наблюдение поставлено в прямую зависимость от характера и продолжительности судимости, то режим профилактического наблюдения юридически и фактически начинается: 1) в отношении лица, осужденного за тяжкое (особо тяжкое) преступление – по отбытии наказания за указанное преступление (на следующий день после отбытия наказания; для наказаний, связанных с ограничением или лишением свободы (в числе ареста) – со дня фактического освобождения из соответствующих учреждений); 2) в отношении лиц, судимых два и более раза к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления – со дня фактического освобождения из исправительного учреждения; 3) в отношении лиц, осужденных с отсрочкой исполнения наказания, с условным неприменением наказания, без назначения наказания или с применением принудительных мер воспитательного характера – со дня вступления соответствующего обвинительного приговора суда в законную силу согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК); 4) в отношении лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, а равно освобожденных условно на основании акта амнистии или помилования – со дня досрочного освобождения от наказания, не связанного с изоляцией от общества, или со дня досрочного фактического освобождения из учреждения, ведающего исполнением наказания, связанного с ограничением или лишением свободы.

Профилактическое наблюдение предполагает определенную систему режимно-ограничительных обязанностей, исчерпывающий перечень которых установлен в ч. 2 ст. 81 УК: осужденный обязан предварительно уведомлять соответствующий орган об изменении места жительства и выезде по личным делам в другую местность на срок более одного месяца, являться в этот орган по его вызову в установленный срок и при необходимости давать пояснения относительно своего поведения и образа жизни. Указанные обязанности режимно-ограничительного характера являются минимально возможными и необходимыми для осуществления профилактического наблюдения, в связи с чем сопровождают реализацию профилактического наблюдения без какого-либо самостоятельного об этом решения.

На основании ч. 3 ст. 81 режим профилактического наблюдения может быть усилен по решению суда на основании представления территориального органа внутренних дел, осуществляющего профилактическое наблюдение, обязанностями следующего содержания: 1) поступить на работу или учебу или заниматься иной деятельностью, при осуществлении которой лицо считается занятым в соответствии с законодательством о занятости населения; 2) являться в организацию здравоохранения для прохождения принудительного лечения, назначенного в соответствии со статьей 107 УК, и выполнять мероприятия, предусмотренные в рамках диспансерного наблюдения при прохождении такого лечения. Таким образом социально значимым становится обязательное трудовое участие и выполнение требований поддержания известного уровня здоровья.

Постановление суда о возложении указанных обязанностей объявляется лицу, находящемуся под профилактическим наблюдением, территориальным органом внутренних дел, осуществляющим профилактическое наблюдение.

Обязанность поступить на работу или учебу или заниматься иной деятельностью, при осуществлении которой лицо считается занятым в соответствии с законодательством о занятости населения, не может быть возложена на: 1) лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста; 2) беременных женщин; 3) лиц, осуществляющих уход за ребенком в возрасте до трех лет, ребенком-инвалидом в возрасте до восемнадцати лет, а также за ребенком в возрасте до восемнадцати лет, инфицированным вирусом иммунодефицита человека или больным СПИДом; 4) инвалидов I и II группы; 5) лиц, больных активной формой туберкулеза, не имеющих постоянного места работы. В случае возникновения в период профилактического наблюдения любого из указанных обстоятельств, суд по представлению органа внутренних дел, осуществляющего профилактическое наблюдение, изменяет требования профилактического наблюдения.

Согласно ст. 5 Закона Республики Беларусь «О занятости населения» 15 июня 2006 г. № 125-З занятыми считаются граждане: работающие по трудовому договору или осуществляющие деятельность у юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по гражданско-правовому договору, за исключением граждан, занятых на оплачиваемых временных работах по направлению органов по труду, занятости и социальной защите; осуществляющие индивидуальную предпринимательскую деятельность; осуществляющие уход за ребенком в возрасте до трех лет, ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет, ребенком в возрасте до 18 лет, инфицированным вирусом иммунодефицита человека, а также за инвалидом I группы либо лицом, достигшим 80-летнего возраста; проходящие государственную гражданскую службу без заключения трудового договора в соответствии с Законом Республики Беларусь 1 июня 2022 г. № 175-З «О государственной службе»; проходящие военную службу, службу в военизированных организациях или альтернативную службу; являющиеся учредителями (участниками, членами) юридических лиц, за исключением учредителей (участников) акционерных обществ и членов некоммерческих организаций; являющиеся адвокатами, нотариусами.

На исполнение постановления суда о возложении обязанности поступить на работу или учебу или заниматься иной деятельностью, при осуществлении которой лицо считается занятым, распространен порядок, предусмотренный в ч. 4 и 5 ст. 202 УИК. Подобное означает, что если лицо, на которое судом возложена обязанность поступить на работу или учебу или заниматься иной деятельностью, при осуществлении которой лицо считается занятым, не работает (не обучается), ему предлагается в течение пятнадцати дней самостоятельно устроиться на работу по трудовому договору, поступить на учебу или заняться иной деятельностью. В противном случае по истечении указанного срока лицо направляется в территориальные органы по труду, занятости и социальной защите для организации его трудоустройства. Лицо, за которым осуществляется профилактическое наблюдение, обязано зарегистрироваться в течение пяти рабочих дней со дня получения направления в орган по труду, занятости и социальной защите и не вправе отказываться от предложенной ему работы по месту жительства. Кроме того, лицо, за которым осуществляется профилактическое наблюдение, должно письменно уведомлять о поступлении на работу или учебу, о начале осуществления иной деятельности, при осуществлении которой лицо считается занятым в соответствии с законодательством о занятости населения, об увольнении с работы (отчислении), о прекращении осуществления иной деятельности, при осуществлении которой лицо считается занятым в соответствии с законодательством о занятости населения, об изменении места работы или учебы, вида иной деятельности, при осуществлении которой лицо считается занятым в соответствии с законодательством о занятости населения, не позднее трех рабочих дней с даты наступления таких обстоятельств.

Профилактическое наблюдение не осуществляется за постоянно не проживающими в Республике Беларусь иностранными гражданами и лицами без гражданства, в связи с чем для осуществления профилактического наблюдения за иностранным гражданином или лицом без гражданства необходимо наличие у него выданного в установленном порядке разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь и вида на жительство. Согласно ст. 1 Закона от 4 января 2010 № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства», постоянно проживающий в Республике Беларусь иностранный гражданин (лицо без гражданства) – лицо, получившее разрешение на постоянное проживание и вид на жительство, биометрический вид на жительство в Республике Беларусь иностранного гражданина или биометрический вид на жительство в Республике Беларусь лица без гражданства. Принимая во внимание положения указанного Закона, профилактическое наблюдение не осуществляется: 1) за временно пребывающими в Республике Беларусь иностранными гражданами и лицами без гражданства – лицами, прибывшими в Республику Беларусь на срок не более девяноста суток в календарном году на основании визы или

в порядке, не требующем получения визы, и не имеющими разрешения на временное проживание в Республике Беларусь или разрешения на постоянное проживание, если иное не определено Законом Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства» и международными договорами Республики Беларусь; 2) за временно проживающими в Республике Беларусь иностранными гражданами и лицами без гражданства, то есть лицами, получившими в порядке, установленном законодательными актами, разрешение только на временное проживание.

Профилактическое наблюдение прекращается при погашении судимости (в отношении лица, осужденного за тяжкое, особо тяжкое преступление, а также судимого два или более раза к лишению свободы за любые умышленные преступления, в том числе условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания либо освобожденных от наказания условно на основании акта амнистии или помилования; осужденного без назначения наказания, а также в отношении лица, осужденного с применением принудительных мер воспитательного характера), либо по истечении испытательного срока (при осуждении с условным применением наказания). Применительно к осуждению с отсрочкой исполнения назначенного наказания режим профилактического наблюдения прекращается со дня вступления в законную силу решения суда об освобождении осужденного от наказания. Режим профилактического наблюдения в отношении осужденных, отбывших наказание за тяжкое или особо тяжкое преступление, может быть прекращен досрочно в связи с досрочным снятием судимости (ч. 1 ст. 98 УК). В отношении лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, освобожденных от наказания условно на основании акта амнистии или помилования, профилактическое наблюдение прекращается с истечением неотбытой части наказания.

Вопросы изменения требований профилактического наблюдения, возложения обязанностей при профилактическом наблюдении разрешаются судом по месту жительства лица, за которым осуществляется профилактическое наблюдение (ст. 401-1 УПК). При рассмотрении судом вопросов возложения обязанностей при профилактическом наблюдении, изменения его требований вызываются представители администрации исправительного учреждения либо органа внутренних дел, а также лицо, находящееся под профилактическим наблюдением. Неявка без уважительных причин в судебное заседание лица, находящегося под профилактическим наблюдением, надлежащим образом извещенных о времени и месте судебного заседания, не препятствует проведению судебного разбирательства (ст. 402-2 УПК).

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. №275-З [Электронный ресурс] // ИПС Эталон-онлайн. – Минск, 2025.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 г. №365-З [Электронный ресурс] // ИПС Эталон-онлайн. – Минск, 2025.

УДК 343.982.4.

А. В. Безбожная

*(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Российская Федерация)*

ПРИЗНАКИ ПИСЬМА, ХАРАКТЕРНЫЕ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ РУКОПИСИ ЛИЦОМ, НАХОДЯЩИМСЯ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ

В современной экспертной деятельности важно не только устанавливать идентичность исполнителя рукописи, но и проводить анализ психофизиологического состояния

человека в момент её создания. Вместе с тем вопросы влияния нетипичных психофизиологических состояний на особенности почерка остаются недостаточно разработанными в криминалистике. Это определяет актуальность рассматриваемой темы, поскольку закономерности и пределы изменений почерка под воздействием подобных факторов до настоящего времени не получили достаточного освещения.

Алкогольное опьянение является одним из дестабилизирующих факторов, сопровождающимся различными степенями сужения сознания и нарушением волевой сферы. Даже незначительное количество алкоголя оказывает воздействие на физическое состояние человека, вызывая ухудшение слуха и зрения, нарушение координации движений, снижение концентрации внимания и другие отклонения. В современной судебно-почерковедческой экспертизе задачи, связанные с исследованием почерка в состоянии изменённого сознания, признаются одними из наиболее сложных.

В своих работах В. В. Томилин уделяет значительное внимание вопросам изменений почерка под влиянием различных факторов. Учёный выделяет ряд диагностических признаков, среди которых аграфия, параграфия, отклонения в почерковом стиле, вычурность написания, символизация, атаксия, нарушение координации движений и тремор. Характер и степень выраженности изменений в почерке зависят от уровня алкогольного опьянения и степени сформированности почерковых навыков. Так, при низкой выработанности письма изменения проявляются уже на стадии лёгкого опьянения, в то время как при высоковыработанном почерке изменения чаще наблюдаются на стадии среднего опьянения.

При лёгкой и средней степени алкогольного опьянения структура почерка, как правило, остаётся неизменной, однако увеличивается количество упрощённых элементов. У лиц с высокоразвитым почерковым навыком протяжённость движений сохраняется, тогда как у остальных она может возрасти. Наклон и связность буквенных элементов при лёгком опьянении в основном остаются стабильными, однако при тяжёлой степени состояния эти показатели существенно ухудшаются. Говоря о пространственной организации движений в рукописях лиц в состоянии алкогольного опьянения, следует отметить, что размеры, форма и расположение полей могут как оставаться прежними, так и подвергаться изменениям. Для тяжёлого опьянения характерно появление ломаных линий в письме и выраженная неравномерность размещения строк относительно друг друга. Интервалы между словами могут оставаться без изменений, уменьшаться либо увеличиваться. Что касается знаков препинания, их расположение в большинстве случаев сохраняется, хотя возможны и отклонения. Причины указанных нарушений объясняются несколькими факторами: во-первых, снижением роли зрительного контроля из-за воздействия алкоголя на зрительный анализатор, что приводит к ухудшению восприятия и нарушению координации движений; во-вторых, потере контроля над вспомогательными элементами письма вследствие сосредоточения внимания пишущего на содержании текста; в-третьих, нарушением координации движений второй группы.

Особое значение в процессе исследования следует придавать анализу частных признаков движений пера, поскольку именно они оказываются решающими при выполнении задач, поставленных перед экспертом. При лёгкой и средней степени алкогольного опьянения наибольшую стабильность сохраняют такие характеристики, как форма движений при формировании начальных элементов букв, общее направление письма, а также размещение точек начала и завершения написания буквенных знаков. Кроме того, остаётся устойчивой непрерывность движений в пределах одной буквы и последовательность их выполнения. Менее стабильными признаками являются протяжённость движений, их размещение по вертикали и горизонтали, а также степень непрерывности при соединении букв. Наиболее выраженные нарушения признаков письменной речи чаще всего фиксируются у лиц, находящихся в состоянии средней степени опьянения.

Орфографические ошибки могут проявляться в различных формах, степень выраженности которых зависит от уровня грамотности пишущего. К основным видам таких ошибок относятся:

- 1) неправильное написание слов, содержащих шипящие, глухие согласные и безударные гласные звуки;
- 2) ошибки в согласовании слов по роду, числу и падежу; – пропуски или удвоение букв, слогов, а также пропуски целых слов в структуре предложений;
- 3) замена букв на другие, принадлежащие тому же слову или находящиеся в соседних словах; – добавление лишних букв, взятых из состава того же или соседнего слова;
- 4) изменение длины штрихов в буквах по сравнению с их стандартным написанием; – неправильное размещение дополнительных штрихов над и под такими буквами, как «т», «ш»;
- 5) проявление неуверенности при написании и расстановке знаков препинания, что приводит к исправлениям в буквах и повторному нанесению знаков;

Согласно мнению В.В. Томила, изменения в почерке наблюдаются как у лиц, умеренно употребляющих алкоголь, так и у страдающих хроническим алкоголизмом, при этом замена букв чаще фиксируется у последней группы. Даже незначительное содержание алкоголя в крови (около 0,4 %) способно значительно повлиять на особенности письма, несмотря на возможное отсутствие выраженных клинических признаков опьянения.

Следует также уделить внимание анализу частных признаков почерка лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения:

- 1) буквы могут утрачивать свои привычные формы: их углы становятся либо чрезмерно округлыми, либо, напротив, чрезмерно заострёнными; – отдельные элементы букв могут пропускаться или подвергаться деформации;
- 2) наблюдается нарушение пропорций между высотой и шириной буквенных знаков: петли чрезмерно вытягиваются, а штрихи становятся несоразмерными;
- 3) перекладки и горизонтальные элементы часто размещаются асимметрично;
- 4) линии, формирующие буквы, приобретают волнообразный или ломаный характер вместо прямых и чётких очертаний;
- 5) наклон букв может существенно меняться даже в пределах одного слова;
- 6) в структуре почерка могут появляться случайные точки, линии или черточки, не относящиеся к основным элементам письма;
- 7) возможны пропуски отдельных букв в словах либо их удвоение;
- 8) отдельные буквы могут сливаться друг с другом, формируя трудноразличимые или своеобразные графические конструкции;

Данные признаки являются следствием нарушения контроля над мелкой моторикой, снижения концентрации внимания и общего ослабления когнитивных функций под влиянием алкоголя. Исследование подобных особенностей письма позволяет эксперту сделать обоснованные выводы о состоянии человека в момент написания текста.

В криминалистике экспертиза почерка играет ключевую роль в выявлении признаков возможной подделки документов. Алкогольное опьянение может вызвать значительные изменения в почерке человека, что помогает установить подлинность или фальшивость письменных материалов. В ходе криминологических исследований уделяется особое внимание тому, как различные уровни опьянения влияют на форму и читаемость текста, что критически важно при расследованиях, связанных с подделкой документов. Текущие методики анализа почерка требуют постоянного обновления с учётом новых факторов, таких как влияние алкоголя. Разработка новых методов для исследования почерка в изменённых состояниях способствует повышению точности экспертиз и улучшению диагностики на основе данных почерковедческого анализа.

В заключение следует подчеркнуть, что изменения в рукописном тексте могут свидетельствовать о воздействии алкогольного опьянения на момент написания. Однако установление этого признака зачастую возможно лишь с определённой вероятностью,

поскольку необходимо учитывать и другие факторы, такие как наркотическое опьянение или влияние фармацевтических препаратов, которые также способны нарушать почерк и особенности письма.

Список использованной литературы

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 25 июня 2002 г., № 73-ФЗ : в ред. Федер. закона от 25.06.2002 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
2. Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею : учеб. пособие / Е. Ф. Буринский. – М. : ЛексЭст, 2002. – 464 с.
3. Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика : учеб. пособие / В. Ф. Орлова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. – 160 с.
4. Томилин В. В. Основы судебно-медицинской экспертизы письма : учеб. пособие / В. В. Томилин. – М. : Медицина, 1974. – 125 с.
5. Шкоропат Е. А. Особенности методики диагностического исследования рукописей, выполненных в алкогольном опьянении / Е. А. Шкоропат, Р. В. Бондаренко // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 3. – С. 232-236.

УДК 341.645

А. П. Грахоцкий

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ПРОБЛЕМА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ В ДИСКУССИЯХ НЕМЕЦКИХ ПРАВОВЕДОВ (1945–1949 ГОДЫ)

В материалах рассматривается полемика западногерманских правоведов по вопросу уголовного преследования нацистских преступников в первые послевоенные годы. В немецких научных кругах выделялись два подхода к данной проблеме: часть исследователей выступала за применение международно-правовых норм при отправлении правосудия в отношении бывших нацистов, большинство учёных-правоведов обосновывали правомерность использования германского уголовного законодательства.

После победы над нацистской Германией союзники по антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобритания и Франция) приступили к реализации политики денацификации страны. Эта политика имела 3 приоритетных направления: очищение государственного аппарата от нацистских функционеров; арест и интернирование сотрудников преступных структур Третьего рейха (СС, СА, СД, гестапо, полиция, генеральный штаб и др.); уголовное преследование лиц, причастных к совершению преступлений национал-социализма [1]. Именно на последнем аспекте и сосредотачивается внимание в данной статье.

В период с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. в Нюрнберге проходил Международный военный трибунал над 24 главными нацистскими преступниками. Устав трибунала, принятый на Лондонской конференции 8 августа 1945 г., устанавливал три категории преступлений: 1) против мира (планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны); 2) против человечности (убийства, истребление, порабощение, ссылка, преследование гражданского населения по политическим, расовым или религиозным мотивам); 3) военные преступления (убийства, истязания или увод в рабство гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью) [2].

В результате судебного разбирательства 12 представителей нацистской верхушки были приговорены к смертной казни, 3 человека получили пожизненное заключение, ещё 4 – тюремный срок от 10 до 20 лет, трое были оправданы. Однако основной целью Нюрнбергского трибунала было не просто наказание конкретных преступников, а делигитимация системы нацистского государства. Нюрнбергский процесс закладывал основы всей послевоенной системы международного правосудия [3].

11 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой подтвердила принципы международного права, признанные Уставом Международного военного трибунала. В 1950 г. Нюрнбергские принципы были изложены в специальном докладе Комиссии международного права и представлены Генеральной Ассамблее ООН. В документе содержались следующие принципы: 1) неотвратимости наказания физических лиц, совершивших международные преступления; 2) приоритета норм международного права: лица, совершившие деяния, признанные, согласно международному праву, преступлением, подлежат наказанию даже в том случае, если национальное законодательство не предусматривает ответственности за данное преступное деяние; 3) индивидуальной ответственности: занятие виновным лицом руководящего должностного положения в определённом государстве не освобождает такое лицо от ответственности по международному праву; 4) неотвратимости наказания для лиц, действовавших во исполнение приказа своего правительства [4].

Устав Международного военного трибунала и вынесенный на процессе приговор стали основополагающими нормами для последующих судебных разбирательств, организованных союзниками по антигитлеровской коалиции в своих оккупационных зонах. 30 октября 1945 г. был издан Закон Контрольного совета № 4. Контрольный совет являлся органом верховной власти в оккупированной Германии. В его состав входили главнокомандующими вооружённых сил СССР, США, Великобритании и Франции. Согласно Закону № 4, немецким органам правосудия запрещалось рассматривать преступления, совершённые гитлеровцами по отношению к гражданам стран-союзниц по антигитлеровской коалиции. Подобного рода уголовные дела разбирались исключительно трибуналами союзников [5, S. 35–36].

31 января 1946 г. вступил в действие Закон Контрольного совета № 10. Опираясь на положения Нюрнбергского трибунала, данный закон определял правовые основы уголовного преследования гитлеровских преступников во всех зонах оккупации и выделял следующие виды нацистских преступлений: против мира, против человечности, военные преступления, а также «принадлежность к определённым категориям преступной группы или организации, объявленной преступной Международным Военным Трибуналом». Главнокомандующий соответствующей оккупационной зоны получал право создавать трибуналы для организации правосудия и определять процедуру их функционирования [6, S. 53–55].

Всего западные союзники привлекли к ответственности 5 133 нацистских преступника, 668 из них были приговорены к смерти. Пред военными трибуналами предстали сотрудники концентрационных лагерей Бухенвальд, Дахау, Флоссенбюрг, Маутхаузен, Дора-Миттельбау, Аушвиц, Берген-Бельзен, Нацивейлер-Штрутгоф и др. [7, S. 96–99].

Однако в ходе холодной войны по мере разрастания противоречий между СССР и странами Запада стремление союзников к наказанию гитлеровских преступников стремительно ослабевало. Так, по замыслу западных держав образованная в 1949 г. Федеративная Республика Германия должна была включиться в процесс противостояния военно-политических блоков, а вновь создаваемые вооружённые силы Германии были призваны усилить позиции коллективного Запада в ходе потенциального конфликта со странами социалистического лагеря. В таких условиях продолжение конфронтации с немецкими политическими элитами, в среде которых уголовное преследование нацистских преступников было крайне непопулярным, считалось «контрпродуктивным» [8].

В оккупационных зонах проходило постепенное расширение компетенции германских судов (1948–1950 гг.). В этой связи возникал вопрос о том, каким правом должны были

руководствоваться немецкие суды при рассмотрении дел о нацистских преступлениях: уголовным кодексом Германии, который был принят ещё в 1871 г., или Законом Контрольного Совета № 10? В среде германских учёных-юристов и практиков преобладала точка зрения, что судьи были вправе самостоятельно определять, на основе какого законодательства им следовало рассматривать то или иное дело. Таким образом создавались предпосылки для того, чтобы избежать применения международных уголовно-правовых норм, квалифицировавших нацистские злодеяния, как преступления против мира и человечности. За редким исключением западногерманские судьи отдавали предпочтение нормам немецкого законодательства [9, S. 286–288].

В свою очередь, Закон Контрольного Совета № 10 был подвержен острой критике. Немецкие правоведы Э. Шмидт, Х. Фельдман, Г. Годенберг утверждали, что данный законодательный акт нарушал принцип запрета обратной силы закона: Закон Контрольного Совета № 10 содержал составы преступлений (против мира и человечности, военные преступления), которые не были известны германскому уголовному праву времён Третьего рейха [9, S. 290]. Так, Г. Гольденберг заключал, что игнорирование запрета обратной силы закона являлось обычной практикой для нацистского государства, допуская нарушение данного принципа, послевоенная Германия «уподоблялась» Третьему рейху [10].

Среди западногерманских правоведов были и противники подобных точек зрения. Немецкий философ права Г. Радбрух приводил следующие аргументы в защиту Закона Контрольного Совета № 10. Нормотворчество союзников не нарушало принцип обратной силы закона в виду того, что оно устанавливало меру наказания за деяния, которые в момент их совершения признавались преступными в соответствии с «надзаконным» (естественным) правом. Последнее призвано защищать права человека как высшее благо даже в том случае, когда позитивное право в реальности являлось «бесправием», противным основным принципам естественного права. Исходя из этого, в результате издания Закона Контрольного Совета № 10 нормы естественного («надзаконного») права приобрели форму позитивного права [11]. Позицию Г. Радбруха разделяли Ф. Бауэр и М. Гюде [12; 13].

Правоведы А. Виммер, Р. Гравесон, Г. Струксберг, Р. Ланге отмечали, что применение обратной силы закона в законодательных актах Контрольного совета представлялось допустимой и необходимой мерой в целях восстановления в Германии законности и правопорядка: наказание нацистских преступников, совершивших злодеяния, не охваченные действовавшим на тот момент уголовным законом, являлось долгом правового государства. Таким образом немецкое правосудие не нарушило основополагающие принципы права, а, наоборот, содействовало восстановлению справедливости и верховенства права [9, S. 292].

Немецкий исследователь Й. Перелс писал, что основной целью запрета обратной силы закона в правовом государстве являлась защита граждан от государственного произвола. Однако в случае рассмотрения преступлений, совершённых гитлеровским режимом, данный запрет выполнял противоположную функцию: являлся гарантом ненаказуемости нацистского произвола. Учёный пришёл к выводу, что нарушение запрета обратной силы закона содействовало предотвращению государственного насилия в отношении к гражданам и становлению правового государства в Германии [14].

В германской юридической литературе 1946–1950 гг. преобладали научные публикации, в которых высказывалась положительная оценка Закона Контрольного Совета № 10 и других законодательных инициатив союзников. Однако, по мнению М. Брошата, данный факт не являлся подтверждением того, что большинство немецких правоведов поддерживало применение Закона № 10. Учёный обращает внимание, что в неопубликованных докладах западногерманских правоведов, которые хранятся в фондах архивов ФРГ, абсолютно доминировала обратная точка зрения. Автор предполагает, что оккупационные администрации могли препятствовать опубликованию статей, где содержалась критика законодательства союзников [15].

Уже в 1951–1952 гг. немецкие суды фактически прекратили применение Закона Контрольного совета № 10. 26 мая 1952 г. ФРГ заключила с западными союзниками так

называемый «Общий договор», в котором провозглашались окончательная отмена оккупационного режима и восстановление суверенитета Западной Германии. 30 мая 1956 г. состоялась официальная отмена действия Закона Контрольного Совета № 10. все уголовные дела о нацистских преступлениях, находившиеся на тот момент на рассмотрении американских, британских и французских военных трибуналов, были переданы органам правосудия ФРГ [16, S. 18–24].

Таким образом, к началу 1950-х годов в правосудии Западной Германии сформировалась устойчивая практика, согласно которой суды рассматривали нацистские преступления исключительно в рамках немецкого законодательства. Юстиция ФРГ проигнорировала нормы Международного военного трибунала в Нюрнберге и основанные на положениях этого трибунала законодательные акты союзников. При рассмотрении дел нацистских преступников немецкие судьи руководствовались положениями Уголовного кодекса Германии. В данном законодательном акте отсутствовали такие составы, как преступления против мира, человечности, геноцид. Исходя из этого, организованные государством, бюрократически спланированные массовые уничтожения мирных граждан на оккупированных территориях могли рассматриваться лишь как отдельные убийства.

Список использованной литературы

1. Лёзина, Е. Денацификация Западной Германии. 70 лет с момента завершения программы / Е. Лёзина // Вестник общественного мнения. – 2018. – № 3–4. – С. 192–206.
2. Баранова, М. В. Право Нюрнберга как результат опережающего нормативного обобщения опыта развития человечества / М. В. Баранова. – Нижний Новгород, 2016. – 95 с.
3. Седнев, Р. И. Становление международных уголовно-правовых норм и правовые проблемы привлечения к уголовной ответственности военных преступников Второй мировой войны / Р. И. Седнев, Е. А. Шаталов Е. А. // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 2. – С. 48–54.
4. Кравченко, К. М. Нюрнбергские принципы как основа международного уголовного правосудия / К. М. Кравченко // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 7. – С. 105–107.
5. Jasch H.-Ch., Kaiser W. Der Holocaust vor deutschen Gerichten : Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen. / H.-Ch. Jasch, W. Kaiser. – Ditzingen: Reclam, 2017. – 263 S.
6. Weinke, A. Die Nürnberger Prozesse / A. Weinke. – München: Beck, 2006. – 128 S.
7. Rückerl, A. NS-Verbrechen vor Gericht: Versuch einer Vergangenheitsbewältigung / A. Rückerl. – Heidelberg: Müller, Jurist. Verl., 1984. – 343 S.
8. Frei, N. Vergangenheitspolitik: die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit / N. Frei. – München: Beck, 1996. – 464 S.
9. Laage, C. Die Auseinandersetzung um den Begriff des gesetzlichen Unrechts nach 1945 / C. Laage // Die juristische Aufarbeitung des Unrechts-Staats / Hg. T. Blanke, S. Baier. – Baden-Baden: Nomos-Verl.-Ges., 1998. – S. 265–297.
10. Hodenberg, H. Zur Anwendung des Kontrollratsgesetzes Nr. 10 durch deutsche Gerichte / H. Hodenberg // – Süddeutsche Juristenzeitung. – Jahrg. 2. Sondernummer: Humanitätsverbrechen und ihre Bestrafung. – März 1947. – S. 113–123.
11. Radbruch, G. Zur Diskussion über die Verbrechen gegen die Menschlichkeit / G. Radbruch // Süddeutsche Juristenzeitung. – Jahrg. 2. Sondernummer: Humanitätsverbrechen und ihre Bestrafung. – März 1947. – S. 131–136.
12. Bauer, F. Das „gesetzliche Unrecht“ des Nationalsozialismus und die deutsche Strafrechtspflege (1968) / F. Bauer // Bauer, F. Die Humanität der Rechtsordnung : ausgewählte Schriften / B. Fritz; Hg. J. Perels. – Frankfurt: Campus-Verl., 1998. – S. 53–59.
13. Güde, M. Die Anwendung des Kontrollratsgesetzes Nr. 10 durch die deutschen Gerichte / M. Güde // Deutsche Rechts-Zeitschrift. – 1947. – Heft 4. – S. 111–118.

14. Perels, J. Die Restauration der Rechtslehre nach 1945 / J. Perels // Kritische Justiz. – 1984. – Heft 4. – S. 359–379.
15. Broszat, M. Siegerjustiz oder Strafrechtliche „Selbstreinigung“. Aspekte der Vergangenheitsbewältigung der deutschen Justiz während der Besatzungszeit 1945 – 1949 / M. Broszat // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 1981. – Heft 4. – S. 477 – 544.
16. Freudiger, K. Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen / K. Freudiger. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2002. – 444 S.

УДК 340.14

А. В. Духновская

(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Российская Федерация)

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНУЮ ПРАКТИКУ

В материалах рассматривается внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в судебно-экспертную практику, анализируются основные технологии ИИ, такие как машинное обучение, нейронные сети и обработка естественного языка, а также их потенциал в улучшении качества судебных экспертиз. Особое внимание уделено этическим и правовым аспектам применения ИИ в судебной системе, а также существующим проблемам и вызовам, связанным с его интеграцией. В статье рассматриваются примеры успешного использования ИИ в судебной практике различных стран, а также перспективы его дальнейшего развития и внедрения в судебно-экспертную исследовательскую деятельность.

Современное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) представляет собой важное достижение в области вычислительных систем и машинного обучения. ИИ можно понимать как область науки, направленную на создание систем, способных выполнять задачи, которые традиционно требуют человеческого интеллекта, такие как принятие решений, обработка информации и обучение. В судебно-экспертной практике ИИ может быть использован для анализа и обработки больших объемов данных, что открывает новые возможности для повышения качества экспертиз.

Существует несколько ключевых технологий, которые составляют основу современного ИИ. Одной из них является машинное обучение (ММ), которое включает алгоритмы, позволяющие системе «обучаться» на основе данных, выявляя скрытые закономерности и делая прогнозы. В судебной практике это может быть использовано для анализа текстов документов, выявления взаимосвязей в данных или прогнозирования исходов судебных дел.

Еще одной важной технологией является обработка естественного языка (ОНЯ), которая позволяет ИИ анализировать и понимать тексты, написанные на человеческом языке. В судебно-экспертной сфере это особенно важно для автоматического анализа документов, составленных на естественном языке, таких как показания свидетелей, отчеты экспертов и другие материалы.

Кроме того, одной из значимых технологий является нейронные сети, которые представляют собой модели, вдохновленные работой человеческого мозга. Нейронные сети эффективно решают задачи классификации, распознавания образов, обработки изображений и видео, что может быть полезно при экспертизе визуальных доказательств (например, фотографий, видеозаписей, сгенерированных изображений).

Использование ИИ в судебной практике поднимает важные вопросы, связанные с этическими и правовыми аспектами. Важно понимать, что принятие решений, основанных

на алгоритмах, должно соответствовать правовым нормам и гарантировать справедливость. В частности, необходимо убедиться, что результаты, полученные с использованием ИИ, могут быть проверены и объяснены, чтобы избежать ситуации, когда «черный ящик» алгоритма будет неоправданно влиять на судебные решения.

Одним из основных правовых вопросов является законность применения ИИ в судебных экспертизах. В некоторых странах существуют нормативно-правовые акты, которые регулируют использование ИИ в судебных процессах, однако в большинстве случаев такие законы остаются неполными и требуют доработки. Вопросы, связанные с достоверностью данных, на которых обучается ИИ, а также ответственность за ошибки, совершенные ИИ, также требуют внимательного регулирования.

Особое внимание следует уделить этическим проблемам, связанным с возможным предвзятым отношением алгоритмов, что может привести к несправедливым решениям. Проблемы дискриминации, связанные с обучением ИИ на исторически предвзятых данных, могут ухудшить качество экспертиз. В этом контексте необходимо разрабатывать этические стандарты и процедуры контроля за использованием ИИ в судебной сфере.

Использование ИИ в судебно-экспертной деятельности открывает широкие возможности для улучшения качества анализа и повышения эффективности работы судебных экспертов. Одной из таких областей является анализ документов, включая письменные показания, отчеты, электронные письма и другие материалы, которые могут содержать важные доказательства. ИИ с помощью алгоритмов обработки естественного языка способен быстро извлекать ключевую информацию, классифицировать данные и делать выводы, что значительно ускоряет процесс экспертного анализа.

Также ИИ может быть полезен при оценке цифровых доказательств, таких как данные из мобильных телефонов, компьютеров или социальных сетей. Используя методы машинного обучения и нейронных сетей, ИИ может помочь идентифицировать важные данные, восстановить удаленную информацию или выявить закономерности в действиях подозреваемых, что сложно или невозможно сделать вручную.

Еще одной перспективной областью применения является анализ изображений и видеозаписей. ИИ может быть использован для распознавания лиц, объектов, а также для анализа видеозаписей с целью выявления изменений или манипуляций с изображениями. В судебной практике это помогает объективно оценивать доказательства, полученные с камер видеонаблюдения, а также проводить экспертизу фото- и видеоматериалов, связанных с делом.

В некоторых странах уже сделаны успешные шаги в направлении использования ИИ в судебной системе. Например, в США ИИ используется для анализа судебных решений и прогнозирования вероятных исходов дел на основе анализа исторических данных. Это позволяет юристам и судьям делать более обоснованные решения и прогнозы по делам, снижая субъективизм и ускоряя процессы.

В Китае активно внедряются системы, использующие ИИ для обработки огромных массивов данных, которые необходимы для принятия решений в судебных делах. При точной и правильной настройке и учете всех юридических и этических аспектов технологии могут значительно повысить скорость и точность судебных экспертиз, что показывают реальные примеры в Китае и США.

Так, например, использование системы анализа данных для судебных разбирательств по делам, связанным с цифровыми доказательствами, в таких странах как Великобритания и Германия. В этих странах ИИ помогает детально анализировать электронные доказательства, предотвращая манипуляции с данными и делая процесс экспертизы более прозрачным и объективным.

Использование искусственного интеллекта в судебно-экспертной практике обещает значительные улучшения в точности и скорости анализа данных, однако существуют

определенные технические и практические проблемы, которые могут ограничивать его широкое применение. Эти проблемы необходимо учитывать при внедрении ИИ в судебные процессы, чтобы гарантировать, что технологии не приведут к ошибкам или несправедливости.

Несмотря на огромный потенциал, ИИ не всегда может обеспечить 100 % точность, особенно в сложных или нестандартных ситуациях. Это связано с тем, что алгоритмы машинного обучения, используемые в судебно-экспертной практике, часто обучаются на больших объемах данных, но не всегда могут адекватно обработать редкие или исключительные случаи. Например, анализ текстов, который может быть точным при стандартных запросах, может ошибаться при трактовке специфической юридической терминологии или при встрече с неоднозначными формулировками.

Один из главных вызовов, с которым сталкиваются судьи и эксперты при использовании ИИ, – это так называемая проблема "черного ящика". ИИ-системы, такие как нейронные сети, могут достигать высокой точности в прогнозах, но часто они не могут предоставить понятные объяснения, почему был принят тот или иной вывод. Это вызывает опасения по поводу прозрачности и справедливости судебных решений, так как ответственные лица не всегда могут понять, каким образом алгоритм пришел к своему заключению.

ИИ-системы требуют большого количества обучающих данных для своего функционирования. Если данные, на которых обучается ИИ, являются неполными, неточными или предвзятыми, это может привести к ошибочным результатам. Например, если ИИ обучается на данных, которые отражают исторические предвзятости или ошибки, это может повлиять на справедливость судебных решений. Важным аспектом является обеспечение высокого качества данных, на которых обучаются алгоритмы, чтобы минимизировать риски ошибок и предвзятости.

Внедрение ИИ в судебно-экспертную практику может привести к изменениям в профессии судебных экспертов. Ожидается, что в некоторых областях ИИ будет выполнять задачи, которые ранее были исключительной прерогативой человека, такие как анализ большого объема документов или извлечение информации из цифровых доказательств. Это может вызвать снижение потребности в экспертных кадрах или изменение их роли в процессе расследования. Однако важно понимать, что роль эксперта не исчезнет полностью: эксперты будут необходимы для обеспечения контроля за решениями ИИ и их дальнейшей интерпретации в контексте конкретных дел.

Несмотря на существующие проблемы, перспективы внедрения искусственного интеллекта в судебно-экспертную практику крайне положительные. Если технологии будут развиваться в соответствии с юридическими и этическими стандартами, ИИ может существенно улучшить качество судебных экспертиз и повысить эффективность правосудия.

Одной из главных перспектив является автоматизация рутинных и времязатратных процессов, таких как обработка большого объема информации, поиск и анализ доказательств. ИИ может ускорить этапы предварительного анализа, освобождая время судебных экспертов для более сложных и творческих задач. Например, в судебных делах, связанных с финансовыми преступлениями, ИИ может обрабатывать миллионы финансовых документов за считанные минуты, выявляя аномалии, которые потребовали бы недельной работы эксперта.

Применение ИИ для обработки цифровых доказательств, таких как данные с мобильных телефонов, компьютеров или интернет-ресурсов, может повысить точность и достоверность судебных экспертиз. ИИ может выявить невидимые для человека закономерности или детали, которые могут оказать решающее значение в судебных разбирательствах. Это особенно важно в делах, связанных с киберпреступностью, где объем данных и сложность анализа традиционными методами значительно ограничивают возможности экспертов.

Еще одной перспективой является использование ИИ для прогнозирования вероятных исходов судебных разбирательств. Уже сейчас в некоторых странах разрабатываются

системы, которые на основе анализа судебной практики могут предсказать, как судья может решить определенное дело. Такие прогнозы могут помочь адвокатам и судебным экспертам лучше подготовиться к процессу, а также предложить более обоснованные и обоснованные рекомендации.

В будущем необходимо разработать четкие этические стандарты, которые будут регулировать использование ИИ в судебных процессах. Это включает в себя создание системы проверки решений ИИ, чтобы предотвратить возможность ошибок или предвзятости. Также необходимо обеспечить, чтобы решения, принятые с использованием ИИ, могли быть объяснены и понятны для всех участников судебного процесса. Этические аспекты будут играть важную роль в доверии общественности и юридических специалистов к технологиям ИИ.

В перспективе возможно создание интегрированных платформ, которые объединят технологии ИИ с существующими правовыми системами. Эти платформы могут обеспечивать полный цикл анализа и обработки данных, включая сбор доказательств, их оценку и формирование выводов для судебных разбирательств. Таким образом, ИИ станет неотъемлемой частью судебного процесса, обеспечивая более объективный, быстрый и эффективный подход к судебным экспертизам.

Для успешного внедрения ИИ в судебно-экспертную практику необходимо учитывать ряд факторов:

1. Разработка стандартов и нормативных актов

Важно создать четкие и детализированные правовые и этические нормы для регулирования использования ИИ в судебной практике. Это включает в себя разработку стандартов качества данных, требований к прозрачности алгоритмов и этических норм.

2. Обучение судебных экспертов

Судебные эксперты должны пройти обучение по использованию ИИ в своей практике, чтобы эффективно взаимодействовать с новыми технологиями. Это повысит их квалификацию и поможет им интегрировать ИИ в свою профессиональную деятельность.

3. Мониторинг и контроль за использованием ИИ

Для обеспечения объективности и справедливости решений, принятых с использованием ИИ, необходимо создать независимый механизм контроля и мониторинга. Это будет гарантировать, что алгоритмы ИИ не нарушают права участников судебного процесса.

Внедрение искусственного интеллекта в судебно-экспертную практику является важным шагом к улучшению качества судебных разбирательств, повышению их эффективности и прозрачности. ИИ предоставляет огромные возможности для автоматизации рутинных процессов, анализа больших объемов данных и обработки доказательств, что значительно ускоряет проведение судебных экспертиз и способствует более объективным выводам.

Однако, несмотря на перспективы, существуют ряд технических и правовых проблем, которые необходимо решить для эффективного применения ИИ в судебной системе. Одной из главных проблем является точность и интерпретируемость решений, принимаемых ИИ. "Черный ящик" алгоритмов может вызывать сомнения у судебных экспертов и других участников процесса в отношении справедливости и прозрачности принимаемых решений. Проблемы, связанные с качеством обучающих данных, предвзятостью алгоритмов и недостаточной регулировкой применения ИИ, требуют внимания и разработок на уровне законодательства и этических стандартов.

Перспективы использования ИИ в судебной экспертизе, тем не менее, являются весьма оптимистичными. С развитием технологий ИИ его роль в судебной системе будет только возрастать. Применение ИИ для анализа цифровых доказательств, автоматизации рутинных процессов, прогнозирования исходов дел и оптимизации работы судебных экспертов позволит не только ускорить судебные разбирательства, но и повысить их качество. Важно также отметить, что внедрение ИИ не должно означать замены человеческого эксперта, а скорее его дополнение и усиление, поскольку окончательное решение всегда остается за человеком.

Для успешного внедрения искусственного интеллекта в судебно-экспертную практику необходимо разработать четкие правовые и этические стандарты, создать систему контроля за применением ИИ в судебных процессах, а также обучить судебных экспертов работать с новыми технологиями. Эти шаги будут способствовать внедрению инноваций в судебную систему, гарантируя, что использование ИИ будет направлено на улучшение качества правосудия, сохранение справедливости и защиты прав граждан.

Таким образом, искусственный интеллект обладает значительным потенциалом для трансформации судебной экспертизы, но для его эффективного и этичного применения необходим комплексный подход, включающий технические разработки, правовые и этические нормы, а также подготовку специалистов, способных работать в условиях новых технологий. В дальнейшем ИИ будет играть все более важную роль в обеспечении справедливости и объективности судебных решений, если будет правильно внедрен и контролируем.

Список использованной литературы

1. Черногор, Н. Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правопорядка / Н. Н. Черногор. // Журнал российского права. – 2022. – № 4. – С. 5–15.
2. Россинская, Е. Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 368 с.
3. Омельянюк, Г. Г., Усов А. И. Тренды развития судебной экспертологии в современных условиях / Г. Г. Омельянюк, А. И. Усов // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации. – Уфа, 2022. – С. 156-161.
4. Бессонов, А. А. Искусственный интеллект в расследовании преступлений: настоящее и будущее / А. А. Бессонов // Материалы Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и большие данные (big data) в судебной и правоохранительной системе: реалии и требование времени». – Косшы, 2023. – С. 24–29.
5. Leone M. From Fingers to Faces: Visual Semiotics and Digital Forensics // International Journal of Semiotic Law. 2021. Vol. 34. 579-599 p. <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09766-x>.
6. Pace L. R., Salmon L. S. A., Bowen Ch. J., Baggili I., Richard G. G. Every Step You Take, I'll Be Tracking You: Forensic Analysis of the Tile Tracker Application // Forensic Science International: Digital Investigation. 2023. Vol. 45. St. 301559. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2023.301559>.
7. Kim S., Jo W., Lee J., Shon T. AI-Enabled Device Digital Forensics for Smart Cities // The Journal of Supercomputing. 2022. No. 78. 3029-3044 p. <https://doi.org/10.1007/s11227-021-03992-1>.

УДК 343.14

С. Л. Емельянов

(Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины, Республика Беларусь)

ХАРАКТЕР И РАЗМЕР ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, КАК ЭЛЕМЕНТ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В настоящем исследовании раскрываются понятие, содержание и порядок определения характера и размера вреда, причиненного преступлением, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу. Основное внимание уделяется наиболее дискуссионным вопросам установления размера и способов возмещения указанного вреда в уголовном процессе, с учетом сложившихся подходов к данной проблеме среди ученых и практических работников. По результатам проведенного исследования вносится ряд предложений, направленных на совершенствование действующего законодательства и правоприменительной практики.

В соответствии со ст. 89 УПК Республики Беларусь, одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (элементом предмета доказывания), является характер и размер вреда, причиненного преступлением [1].

Общественно опасное деяние всегда влечёт за собой наступление определённых вредных последствий. В контексте темы таковыми является имущественный, физический и моральный вред на стороне физических и юридических лиц.

В уголовном процессе вред, причинённый гражданину или юридическому лицу, подлежит возмещению в полном объёме. Законом, в частности, предусмотрено возмещение убытков. Под убытками понимаются реальный ущерб и упущенная выгода (ст. 14 ГК) [2]. Кстати говоря, долгое время теория и практика уголовного процесса стояла на позиции недопущения возмещения упущенной выгоды.

В состав убытков не могут включаться финансовые (экономические) санкции за нарушение обязательства налогоплательщика перед бюджетом, поскольку они имущественным вредом не являются. Следовательно, их уплата по своей правовой природе не есть возмещение вреда, причинённого преступлением.

Для определения размера имущественного вреда в расчёт должны браться рыночные цены. В то же время следует принимать во внимание то, что в предусмотренных законодательством случаях должны применяться цены, установленные или регулируемые уполномоченными на то государственными органами (ст. 394 ГК). В частности, государство урегулированы цены на отдельные виды сельскохозяйственной продукции.

При определении размера реального ущерба и упущенной выгоды нужно учитывать износ имущества, а также то, что из суммы, подлежащей взысканию, должна быть исключена та их часть, которую гражданский истец каким-либо образом сберёт.

К реальному ущербу относятся и так называемые сопутствующие убытки, возникающие в связи с тем, что потерпевший предпринимал определённые действия в целях сглаживания последствий вреда (например, это могут быть расходы на дополнительное питание, протезирование и т.д.). Однако к таким убыткам не могут относиться затраты по ремонту повреждённого имущества в той части, в какой они привели к улучшению имущества.

В рамках уголовного процесса допускается как возмещение причинённых убытков, так и возмещение вреда в натуре (предоставление вещи того же рода и качества, исправления повреждений вещи и т. п.). Критерием выбора того или иного способа возмещения ущерба является своевременное и полное восстановление нарушенных прав гражданского истца несмотря на то, что, согласно ст. 951 ГК, лицо, ответственное за причинение вреда прежде всего обязано возместить вред в натуре. При этом должна приниматься во внимание возможность гражданского истца приобрести (починить) имущество собственными силами и средствами или за счёт третьих лиц, вследствие чего возникает право требования денежной компенсации возникших денежных затрат.

При наличии каких-либо осложнений, связанных с установлением стоимости имущества, должны назначаться соответствующие экспертизы.

Не исключена ситуация, когда гражданский истец может отказать от возмещения ущерба в натуре по причине значительного снижения потребительских качеств передаваемого ему имущества (в рамках уголовно-процессуальной реституции). Представляется, что в рассматриваемой ситуации прежде всего нужно исходить из приоритета защиты прав потерпевшего и, следовательно, удовлетворить требование о возмещении причинённых убытков. Тем не менее действующее уголовно-процессуальное законодательство такой порядок возмещения вреда не предусматривает. Исключение могут составлять те случаи, в которых к соответствующему соглашению придут обе стороны деликтного правоотношения. Однако в судебной практике допускаются ошибки, заключающиеся в том, что обвиняемому оставляют повреждённое имущество, а причинённый вред возмещается в полном объёме.

Установление точного размера упущенной выгоды имеет свои специфические черты, поскольку упущенная выгода – это доход за вычетом всех расходов и обязательных

отчислений при получении этого дохода, который фактически не был получен пострадавшим. Таким образом, неполученный доход представляет собой величину, на которую могло бы возрасти, но вследствие правонарушения не возросло имущество пострадавшего. При этом до сих пор отсутствует чёткая методика его расчёта.

Следует отметить, что на размер возмещения вреда оказывает влияние умысел или грубая неосторожность потерпевшего. В случае иных противоправных действий потерпевшего юридическая ответственность на обвиняемого (гражданского ответчика) возлагается в полном объёме. Такое законодательное решение достаточно спорно, поскольку отсутствует, на наш взгляд, более или менее серьёзные причины, по которым субъекты деликтного правоотношения должны отвечать за поведение противной стороны.

Более последовательно рассматриваемый вопрос разрешён во многих зарубежных странах. Применительно к указанной правовой ситуации действует принцип «непредотвращения ущерба», распространённый в правовых системах Англии и США. Согласно ему, независимо от того, предприняла ли потерпевшая сторона какие-либо действия, ограничивающие его ущерб, или нет, она имеет право на возмещение тех убытков, которые она не смогла бы предотвратить разумными действиями.

Особый интерес представляет проблема определения понятия морального вреда, подлежащего возмещению, и его размера.

Под моральным (неимущественным) вредом, подлежащим возмещению, понимаются физические или нравственные страдания, причиненные действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина (ст. 152 ГК).

Согласно ст. 44 УК, осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, так и материального возмещения морального вреда. По общему правилу граждане, пострадавшие от преступных действий лица, привлечённого к уголовной ответственности, вправе требовать компенсации морального вреда во всех случаях, в том числе и при нарушении любых имущественных прав.

Весьма спорной является общепризнанная и широко используемая практика компенсации морального вреда, наступившего в результате гибели жертв преступления. Существующая практика, будучи во многом хотя и справедливой, в целом не основана на действующем законодательстве. Право на жизнь – это личное неимущественное право, обеспечивающее физическое благополучие личности. Данное нематериальное благо, принадлежащее гражданину от рождения, неотчуждаемо и непередаваемо иным способом (ст. 151 ГК). Согласно ст. 1033 ГК, не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя (в частности, право на возмещение вреда, причинённого жизни или здоровью). Таким образом, если заявляется гражданский иск о компенсации морального вреда в связи со смертью близкого родственника или члена семьи, речь может идти лишь о нравственных страданиях заявителей, возникших в результате потери близкого человека, и не более того. Подобного рода последствия преступления не должны служить основанием для компенсационных выплат.

Без внимания не должен оставаться ещё один аспект проблемы. С морально-этической точки зрения вряд ли уместно оценивать в денежном эквиваленте горечь потери близкого человека. Сама постановка такого вопроса изначально является кощунственной. При этом не следует забывать о возможности использования права на компенсацию морального вреда недобросовестными лицами, которые не испытали никаких негативных последствий, связанных со смертью жертвы преступления.

Внесение изменений в действующее законодательство, однозначно предусматривающих обсуждаемое право, с учётом изложенного, недопустимо. В то же время вполне приемлемым вариантом урегулирования столь неоднозначной правовой ситуации может стать допущение выплаты обвиняемым единовременной материальной помощи членам семьи погибшего в фиксированном размере.

В соответствии со ст. 970 ГК, размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных

страданий, а также степени вины причинителя вреда. Характер физических и нравственных страданий подлежит оценке с учетом фактических обстоятельств дела, а также с учетом индивидуальных особенностей потерпевшего. При этом должны быть соблюдены требования разумности и справедливости. Помимо указанного, во внимание может приниматься имущественное положение причинителя вреда.

Проблема установления размера морального вреда является весьма актуальной. Суды, несмотря на наличие перечисленных нами критериев, по-разному подходят к определению размера компенсации. Существует немало примеров, когда судами не в полном объеме учитывалась общественная опасность совершённых преступлений, тяжесть наступивших последствий, степень нравственных и физических страданий с учётом данных о личности каждого из них, а также виновное поведение самого потерпевшего.

На наш взгляд, практически невозможно разработать методику исчисления сумм возмещения морального вреда, пригодную для всех случаев. Самое главное, чтобы подход к оценке конкретных обстоятельств дела отвечал требованиям разумности и взвешенности.

По нашему мнению, подлежит критической оценке положение, согласно которому при установлении размера компенсации морального вреда может приниматься во внимание материальное положение обвиняемого. Дело в том, что, в силу ст. 952 ГК, уменьшение размера возмещения вреда, причинённого обвиняемым, с учётом его имущественного положения, не допускается при совершении умышленных преступлений. Однако судебная практика свидетельствует об обратном. Также в этой связи не должно широко толковаться правило о соблюдении требования разумности в целях предотвращения завуалированного учёта имущественного положения делинквента.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. №295-3 [Электронный ресурс] // ИПС Эталон-онлайн. – Минск, 2025.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. №218-3 [Электронный ресурс] // ИПС Эталон-онлайн. – Минск, 2025.

УДК 343.1

А. Л. Ермакова

*(Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова,
Российская Федерация)*

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА, И ИХ ВРЕМЕННЫЕ ГРАНИЦЫ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ НА ЭТАПЕ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Автор рассматривает положения уголовно-процессуального законодательства, предусматривающие длительность применения заключения под стражу и иных обеспечительных мер, продление которых осуществляется по правилам ст. 109 УПК РФ, после направления уголовного дела в суд. Отсутствие максимального срока судебного ареста по отдельным категориям преступлений, а также легитимного основания для увеличения дальнейшей изоляции субъектом предварительного расследования при возвращении уголовного дела из суда в порядке ст. 237 УПК РФ являются важными проблемами, которые требуют разрешения на нормативном уровне в целях формирования единой судебной практики.

Меры пресечения представляют собой системообразующее, центральное звено в механизме процессуального принуждения. Они применяются к подозреваемому, обвиняемому

и подсудимому в, соответственно, досудебном и судебном производстве по уголовному делу. Как автор отмечал ранее в своих исследованиях, пробельность в длительности применения рассматриваемой меры берет начало на первоначальном этапе ее избрания органом предварительного расследования [1], однако в данной статье пристальное внимание будет уделено периоду, исчисляемому с момента поступления уголовного дела в суд.

В уголовно-процессуальном законодательстве содержится ограничение на длительность содержания под стражей лиц, обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, в то время как в отношении общественно опасных деяний остальной категории максимального периода ареста на стадии судебного разбирательства не предусмотрено. Санкционирующий орган по истечении 6 месяцев со дня поступления уголовного дела в суд вправе продлить срок изоляции, но только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и каждый раз не более чем на 3 месяца. Некоторые ученые согласны с современными законоположениями. Так, И. А. Самылина предполагает, что в силу уникальности каждого уголовного дела в законе нельзя установить единый срок процессуального принуждения для суда первой инстанции, поскольку в противном случае судебное производство было бы загнано в «прокрустово ложе» [2].

Большинство процессуалистов имеют другую точку зрения на данную проблему. Например, В. В. Трухачев считает, что установление четких границ длительности мер пресечения окажет положительное влияние на эффективность судебного разбирательства и позволит правоприменителям более осознанно подходить к принятию решений, избегая неоправданных задержек. В противном случае на должностных лиц могут быть наложены дисциплинарные взыскания за несоблюдение требований законодательства [3]. Е. В. Золотарь предлагает предусмотреть предельный срок содержания под стражей до постановления судом приговора – 1 год [4].

Мы разделяем концепцию установления временных границ, поскольку закрепление в уголовно-процессуальном законе максимально возможного периода судебного применения любой меры обеспечительного характера, связанной с изоляцией от общества, в отношении подсудимых будет способствовать созданию справедливой и «прозрачной» системы процессуального принуждения и повышения доверия общества к судебной системе, обеспечению более упорядоченного и предсказуемого уголовного судопроизводства, реализации принципа «разумности» срока изоляции и, как следствие, привлечению к ответственности за его несоблюдение, а также уменьшению затяжных процессов и улучшению общего качества правосудия.

Представляется, что в течение периода расследования следователь зафиксировали все доказательства, подтверждающие причастность лица к преступлению, что является основанием для изменения самой жесткой меры пресечения на более мягкую. При вынесении постановления о применении заключения под стражу, суд, выражая опасения воспрепятствования рассмотрению уголовного дела, а также оказания давления на лиц, должен помнить о том, что механизм обеспечительных мер в уголовном судопроизводстве располагает еще, как минимум, одной мерой пресечения, связанной с изоляцией от общества и установлением дополнительных запретов, которые способствуют недопущению противоправных действий со стороны виновного – домашним арестом.

На этапе судебного разбирательства может возникнуть ситуация возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, которая является отличной от поступательного, ординарного движения уголовного судопроизводства.

Опираясь на мнение Конституционного Суда РФ, высказанное в п. 3.2 постановления № 23-П [5], можно утверждать, что при данном механизме материалы дела (после устранения препятствий его рассмотрения судом) изменяются и их, соответственно, необходимо вновь предъявлять для ознакомления. Получается, что очередное продление срока содержания под стражей для ознакомления с новыми материалами дела (появившимися после возобновления следственных действия) даже после истечения 18-месячного срока

в подобной ситуации признается законным. В своем решении Конституционный Суд РФ отмечает, что возвращение надзорному органу материалов уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ действительно представляет собой «особую» процедуру, отличную от дополнительного расследования и имеющую свои принципиальные особенности и цели в контексте неразрывного уголовного судопроизводства. Соответственно, на нее не распространяется правило о 18-месячном предельном сроке изоляции. Как считает Т. В. Куряхова, данная неординарная процедура не подразумевает предельного ограничения изоляции, поскольку относится к «особому» судебному порядку и предполагает последующее возвращение уголовного дела от прокурора обратно в суд [6].

Конституционный Суд РФ подчеркивает, что при определении срока действия меры пресечения санкционирующий орган должен исходить из категории «разумности» во избежание неоправданного содержания в изоляции от общества. Вместе с этим применение «размытых», не ограниченных временными рамками понятий не всегда находит однозначную поддержку в юридическом сообществе.

Представители российской уголовно-процессуальной доктрины высказывают разное мнение по поводу анализируемого института. Некоторые ученые-правоведы негативно относятся к данной законодательной конструкции, считая, что предоставление суду полномочий продления периода предварительного заключения сверх предельного в рамках возвращения уголовного дела прокурору является «возрождением» механизма дополнительного расследования [7; 8]. В то же время другие оценивают указания высшего конституционного органа положительно, хотя и отмечают, что данные правовые позиции могут привести к неоднозначным толкованиям в процессе правоприменения [9; 10].

В анализируемом Постановлении высший судебный орган конституционного контроля пришел к неоднозначному выводу о том, что по обновленным правилам, применяемым к особому порядку движения уголовного дела, из ч. 5 ст. 109 УПК РФ исключается требование о необходимости предъявления материалов для ознакомления за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей. Такой вывод был сомнительно воспринят юридической общественностью [11]. Мы, в свою очередь, также придерживаемся позиции, согласно которой рассматриваемый период должен быть соблюден без исключения на всех стадиях уголовного судопроизводства. Этот срок, безусловно, необходим обвиняемому и защитнику для ознакомления с новыми материалами, появившимися после устранения препятствий к судебному рассмотрению дела.

Пробелом в правоприменительной практике являются случаи, когда выделенного судом разумного срока содержания под стражей органу предварительного расследования оказывается недостаточно для устранения выявленных нарушений. Возникает ситуация, когда следователю необходимо продлить предельные сроки (6, 12 или 18 месяцев в зависимости от тяжести преступления) изоляции для завершения производства процессуальных действий и направления уголовного дела обратно прокурору, однако закон не предусматривает дальнейшего увеличения по вышеназванному обстоятельству. В такой ситуации следователи вынуждены «искусственно выходить» на ознакомление обвиняемого с фактически неоконченными материалами уголовного дела, чтобы иметь законное основание для продления предельного срока. Такую практику нельзя считать оптимальной и соответствующей закону, в связи с чем цели увеличения максимального периода изоляции подлежат дополнительной регламентации.

Таким образом, введение четких предельных мер пресечения, связанных с изоляцией от общества, в уголовно-процессуальном законодательстве является необходимым шагом для защиты конституционных прав граждан. Это не только устранил неопределенность и произвольность в судьбоносной субъективной категории «усмотрение судьи», но и создаст более справедливую и прозрачную систему механизма принуждения, что в конечном итоге повысит доверие общества к правосудию.

Список использованной литературы

1. Ермакова, А. Л. Меры пресечения и их временные границы: пробелы уголовно-процессуального законодательства / А. Л. Ермакова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2023. – № 3(96). – С. 153-160.
2. Самылина, И. Н. «Разумные сроки» в уголовном процессе / И. Н. Самылина // Российская юстиция. – 2009. – № 4. – С. 48-53.
3. Трухачев, В. В. Предельные сроки предварительного следствия и судебного разбирательства уголовных дел / В. В. Трухачев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 1(12). – С. 445-453.
4. Золотарь, Е. В. Актуальные вопросы применения заключения под стражу в качестве меры пресечения: специальность 12.00.09 "Уголовный процесс": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Золотарь Ефим Валериевич. – Москва, 2006. – 17 с.
5. По делу о проверке конституционности положений частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Махина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2015 № 23-П // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 27.03.2025)
6. Куряхова, Т. В. Особенности продления предельного срока содержания под стражей по возвращенному судом уголовному делу / Т. В. Куряхова // Законодательство и практика. – 2018. – № 1(40). – С. 51-54.
7. Корнуков, В. М. Конфликтность интересов в российском уголовно-процессуальном праве с позиции его исторического развития / В. М. Корнуков // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 4(41). – С. 597-602.
8. Хитрова, О. В. Особый порядок движения уголовного дела или возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования? / О. В. Хитрова // Российский следователь. – 2013. – № 21. – С. 13-16.
9. Бобовкин, М. В. Правовое положение осужденного при возвращении уголовного дела прокурору на стадии кассационного обжалования / М. В. Бобовкин, В. А. Ручкин, Э. Р. Айсина // Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 60-67.
10. Загорский, Г. И. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и сроки содержания под стражей: некоторые теоретико-правовые вопросы / Г. И. Загорский, Ф. М. Кобзарев, М. С. Шалумов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 38. – С. 42-50.
11. Червоткин, А. С. Заключение под стражу при возвращении уголовного дела прокурору / А. С. Червоткин // Уголовный процесс. – 2016. – № 5(137). – С. 66-73.

УДК 343.2/.7

И. А. Измайлова

(Омская академия МВД России, Российская Федерация)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ВОПРОСЕ ПРЕСТУПНОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРЫ

В работе рассмотрены основные аспекты уголовно-правовой борьбы с преступным загрязнением атмосферы в Российской Федерации и Республике Беларусь. В ходе изучения выявлены основные плюсы и минусы законодательства содружественных государств и предложены пути решения имеющихся проблем.

Сравнительно-правовой анализ законодательства иностранных государств является одним из методов научного исследования в сфере юриспруденции, который позволяет в рамках изучения опыта других стран, вносить корректировки, в национальное законодательство перенимая наиболее положительные тенденции в борьбе с имеющимися проблемами.

Как отмечает С. А. Боголюбов, важно понимание общего и особенного в эколого-правовых системах наших стран, определение того, по какому пути целесообразно идти, что положительного можно использовать прямо сейчас, а для чего необходимо время и приложение усилий.

В рамках написания статьи в целях сравнительного исследования представляется уместным остановиться на изучении опыта Республики Беларусь в борьбе с преступным загрязнением атмосферы.

Нормы об экологических преступлениях в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее- УК РБ) размещены в разделе 9 «Преступления против экологической безопасности и природной среды» в главе 26 «Преступления против экологической безопасности и природной среды». Загрязнение атмосферы предусмотрено ст. 274 УК РБ. В рамках данной статьи, в качестве элемента объективной стороны преступления, выделены последствия в виде: причинения ущерба в крупном размере (ч.2), причинение смерти человеку или заболевание людей (ч.3). В ст. 251 УК РФ в качестве общественно опасных последствий выделяют: загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха (ч.1), причинение вреда здоровью человека (ч.2), смерть человека (ч.3) [1]. На наш взгляд, УК РБ более последовательно реализует принцип *ultima ratio* («последнего довода») в вопросах преступного загрязнения атмосферы. Это проявляется в том, что часть 1 статьи 274 УК РБ исключена и не предусматривает ответственности за загрязнение атмосферы без наличия квалифицирующих признаков, что подчеркивает строгость и избирательность уголовно-правового регулирования в данной сфере.

Также следует остановиться на крупном размере, установленным в качестве квалифицирующего признака предусмотренного ч.2 ст. 274 УК РБ. Под причинением крупного ущерба признается размер ущерба на сумму, в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления. В рамках ст. 251 УК РФ отсутствует указанный признак, что свидетельствует с одной стороны об упрощает процесс доказывания факта преступления, а с другой о неэффективности применения принципа экономии уголовной репрессии, который предполагает привлечение лица к уголовной ответственности в случаях, когда другие меры (административные, гражданско-правовые) недостаточны для достижения целей правосудия и последствия значительны или нарушение правил привело к серьезному ущербу.

Поскольку причинение ущерба при загрязнении атмосферы не образует отдельный состав преступления, вопросы имущественного характера в Российской Федерации решаются в рамках арбитражного производства. Так, например, Арбитражным судом Челябинской области был рассмотрен иск Управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (РОСПРИРОДНАДЗОРА) по Челябинской области, к акционерному обществу «САТКИНСКИЙ ЧУГУНОПЛАВИЛЬНЫЙ ЗАВОД» в размере 981 946 руб. Основанием являлось отсутствие в период с 23.11.2016 по 12.07.2017 разрешения на выброс вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух, в результате чего был причинен вред окружающей среде (атмосферному воздуху). Однако в удовлетворении данного иска было отказано в связи с тем, что сам по себе факт продолжения ответчиком своей производственной деятельности после истечения срока действия разрешения может являться основанием для начисления сверхлимитной платы за негативное воздействие на окружающую среду, но не может быть достаточным основанием для возложения на ответчика обязанности по возмещению реального ущерба, причиненного окружающей среде [2].

Сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в вопросе преступного загрязнения атмосферы показывает, что обе страны стремятся

к эффективной борьбе с экологическими преступлениями, но используют разные подходы. Беларусь делает акцент на принципе **ultima ratio**, что позволяет минимизировать уголовную репрессию, но может оставлять некоторые случаи загрязнения без должного внимания. Россия, с другой стороны, упрощает процесс доказывания, но рискует избыточно применять уголовную репрессию.

Для повышения эффективности борьбы с преступным загрязнением атмосферы обеим странам можно рассмотреть возможность заимствования положительного опыта друг у друга. Это позволит выработать более сбалансированный подход, который будет учитывать как необходимость защиты окружающей среды, так и принципы справедливости и соразмерности наказания.

Список использованной литературы

1. Боголюбова, А.С. Экологическое право : учеб. для вузов / А.С. Боголюбова. – М. : Норма : ИНФРА-М, 1998. – 482 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09 июля 1999 г. № 275-З с изм. и доп. от 17 февраля 2025 г. № 61-З. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900275> (дата обращения 22.02.2025).

УДК 343.10

Н. Н. Ковтун

(Нижегородская академия МВД России, Российская Федерация)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРОКИ: РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИЕ КОНТЕКСТЫ ТОЧНОГО ИХ ПОНИМАНИЯ И ИСЧИСЛЕНИЯ

В работе исследуются коллизии, связанные с точным пониманием и исчислением сроков, как фундаментальных процессуальных гарантий, по нормам УПК РБ, отдельные предписания которого не согласуются ни с сутью, установленных законом гарантий, ни с потребностями следственно-судебной практики, ни с обеспечением интересов и прав заинтересованных лиц – участников процесса. На конкретных примерах практики автор показывает, к каким негативным коллизиям и нарушением конституционных прав и свобод может привести неточное изложение или понимание воли закона.

Практически в каждой национальной системе уголовно-процессуального права, вне зависимости от его типологической формы, уголовно-процессуальные сроки давно, верно и справедливо характеризуются как одна из наиболее действенных гарантий личности и правосудия, строго ограничивающая усмотрение публичных процессуальных органов и во временных рамках разумного производства по делу, и в пределах действия мер процессуального принуждения. Как следствие, изначально востребованной, прежде всего, является точность и согласованность и в их нормативной регламентации, и в понимании-применении непосредственно судебно-следственной практикой. По идее, законодатель решает эти проблемы: в российском уголовно-процессуальном законе в нормах ст. 128 УПК РФ; в УПК Республики Беларусь – в нормах ст. 158 УПК РБ. Принимая во внимание рамки работы, мы конвенционально откажемся от повторов в анализе тех проблем и коллизий, которые являет практика уголовного судопроизводства России [1; 2], и, напротив, в контексте тех же, по сути, проблем остановимся на анализе норм УПК РБ.

В соответствии с нормами ст. 158 УПК РБ все установленные уголовно-процессуальные сроки исчисляются часами, сутками, месяцами. Отметим, за рамками указанной

нормы, как и в ст. 162 УПК РФ, остались правила исчисления срока, измеряемого в такой временной единице как «год», хотя в дальнейшем закон не раз апеллирует к этому сроку. В итоге, следует, видимо полагать, что к этому временному периоду также применяются правила исчисления срока применительно к единице измерения «месяц». Во-вторых, в законе не установлены правила к пониманию-исчислению сроков-моментов: «немедленно», «незамедлительно» «непосредственно» (ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 244 УПК РФ), которые должно учитывать либо по правилам, установленным для единицы измерения «час», либо в соответствии с наработанными оценочными критериями разумности.

Нас, пока, интересуют другие моменты. По букве закона при исчислении того или иного установленного временного периода не принимаются во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока (ч. 1 ст. 158 УПК РФ). По нормам ст. 162 УПК РФ, как известно, предусмотрен несколько иной порядок. Во-первых, правило «...не принимаются во внимание» установлено исключительно к единице исчисления «месяц»; во-вторых, крайне принципиально уточнение, по сути которого закон акцентирует: указанное изъятие не действует, если в специальной норме закона установлены иные правила исчисления срока. В итоге, к примеру, срок предварительного следствия, предусмотренный нормами ст. 162 УПК РФ исчисляется именно с момента возбуждения уголовного дела, а не с нуля следующих суток. Нормативная ценность и практическая оправданность такого понимания и исчисления срока весомо верифицируется судебно-следственной практикой, ибо уже в первые сутки расследования, как правило, реализуется целая система следственных и процессуальных действий, связанных с необходимостью неотложного закрепления доказательств по делу. В том числе, решаются вопросы о процессуальном задержании (гл. 12 УПК РФ) или о применении к подозреваемому меры пресечения; например, в виде заключения под стражу. Если принять за основу «букву» норм чч. 1 и 3 ст. 158 УПК РФ, где процессуальные сроки исчисляются именно с нуля часов следующих суток, все эти следственные, процессуальные действия, акты применения мер процессуального принуждения не имеют под собой легального основания. Они реализованы за рамками легального срока предварительного расследования; следовательно – изначально незаконны; их процессуальные результаты – недопустимы для процесса доказывания. Позиции Верховного Суда РФ и в целом судебной практики в этих моментах, как представляется, однозначны, по сути [3, с. 35–36].

У нас нет возможности к детальному анализу подобной следственной практики непосредственно в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь. Тем не менее, обращаясь к сути иных предписаний действующего закона, считаем оправданным заключить, что, как по итогам наработанной следственной практики, так и итоговых актов надзорной деятельности органов прокуратуры, в практической деятельности и собственно актах применения права, в итоге, возобладали подходы, когда:

- срок предварительного следствия по уголовному делу, с учетом норм ч. 1 ст. 190 УПК РФ, несмотря на отсутствие (выше) указанной оговорки в нормах ст. 158 УПК РФ, все же исчисляется **со дня** возбуждения уголовного дела, а не нуля часов следующих за этим суток;

- срок содержания подозреваемого (обвиняемого) под стражей – именно **со времени его заключения под стражу** (ч. 2 ст. 127 УПК РФ), а не по правилам чч. 1 и 3 ст. 158 УПК РФ.

По сути, эти же правила должны применяться и применительно к исчислению тех временных периодов, которые измеряются посредством такой временной единицы как «сутки»; при условии, конечно, что в специальной норме закона указан конкретный момент (факт объективной реальности), который максимально точно объективирует начальный момент исчисления данного срока-гарантии. Например:

- задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, по нормам ч. 4 ст. 108 УПК РФ не может длиться свыше десяти суток **с момента фактического задержания**, а не с нуля часов следующих суток, как «требуют» нормы ст. 158 УПК РФ. Аналогично должны быть исчислены и сроки установленные нормами: ч. 5 ст. 108, ч. 2 ст. 113, ст. 118 УПК РФ;

– жалобы и протесты, указанные в нормах ч. 2 ст. 147.1 УПК РБ, должны быть рассмотрены уполномоченным субъектом в течение 3 суток именно **с момента их поступления**;

– обвинение должно быть предъявлено обвиняемому не позднее 3 суток **с момента вынесения постановления** о привлечении лица в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 243 УПК РБ), а не по правилам ст. 158 УПК РБ;

– предварительное решение по уголовному делу, поступившему в суд от прокурора, должно быть принято судьей не позднее четырнадцати суток **со дня поступления** данного дела в суд (ч. 3 ст. 276 УПК РБ); и т. д.

Наконец, из тех же, по сути, единых подходов следует понимать и применять исчисление сроков, измеряемых временной единицей «час». Основания для этого вывода, на наш взгляд, содержатся непосредственно в нормах закона. Так:

– вопрос о возбуждении уголовного дела, при задержании подозреваемого по нормам чч. 1 и 1.1 ст. 108 УПК РБ, должен быть решен уполномоченным органом в течение 12 часов **с момента фактического задержания**. В случае отказа в возбуждении дела или непринятия решения о возбуждении уголовного дела в указанный срок задержанный должен быть немедленно освобожден (ч. 2 ст. 108 УПК РБ);

– задержание по основаниям, предусмотренным чч. 1 и 1.1 ст. 108 УПК РБ, не может длиться свыше 72 часов **с момента фактического задержания**, по истечении которых задержанный должен быть освобожден из-под стражи либо в отношении его должна быть применена мера пресечения, предусмотренная уголовно-процессуальным законом (ч. 3 ст. 108 УПК РБ).

Как представляется, органы прокуратуры, осуществляющие надзор за законностью и обоснованностью подобного задержания, вряд ли найдут разумными и достаточными разъяснения уполномоченных должностных лиц органа уголовного преследования, поясняющих, что при исчислении указанных сроков они «строго» исходили из норм чч. 1-2 ст. 158 УПК РБ. Тем более что сотрудники надзорного ведомства всегда смогут напомнить им как «букву» вышеуказанных норм, так и правила исчисления срока, в силу которых:

– немедленно после доставления задержанного в орган уголовного преследования должностным лицом, осуществившим фактическое задержание, составляется протокол, в котором указываются основания, место и время фактического задержания **с указанием часа и минут** последнего (ч. 1 ст. 110 УПК РБ), что нивелирует правила ст. 158 УПК РБ.

Таким образом, в каждой из приведенных норм закон точно указывает на конкретный юридический факт, с которого следует исчисление установленного срока-гарантии. Причем по известным правилам конкуренции норм, как представляется, действует именно специальная норма, а не более общее нормативное предписание. И напротив, если исходить из «буквы» закона, именно предписание общей нормы (ст. 158 УПК РБ), по идее, определяет правила исчисления срока в тех правовых ситуациях, где указание на конкретный юридический факт отсутствует. К примеру, именно этот алгоритм видится единственно законным, если исходить из буквы чч. 1-3 ст. 158 УПК РБ, по сути следующих норм:

– решение по заявлению или сообщению должно быть принято в срок не позднее трех суток, а при необходимости проверки достаточности наличия или отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела – не позднее десяти суток (ч. 1 ст. 173 УПК РБ);

– прокурор или его заместитель, если иное не предусмотрено ч. 2 настоящей статьи, обязаны по поступившему к ним уголовному делу в срок не более пяти суток, а по сложным и многоэпизодным уголовным делам – не более пятнадцати суток принять одно из следующих решений (ч. 1 ст. 264 УПК РБ).

Однако, если это именно так и нами, действительно, точно воспринята воля закона, достаточно правомерен вопрос о единстве (правовой определенности) в тождественном, по сути, правовом регулировании [4, с. 35-36, 5, с. 17]. В итоге, вопросы согласованного правоприменения должны быть решены, если не на уровне актуальных изменений закона, то, как минимум, на уровне прецедентов-разъяснений высшей судебной инстанции государства.

Не до конца решен законодателем вопрос и с точным пониманием (исчислением) такого временного периода как «месяц». К примеру:

- по нормам ч. 1 ст. 127 УПК РБ: мера пресечения в виде заключения под стражу при предварительном расследовании уголовного дела не может превышать двух месяцев;
- уголовное дело должно быть предъявлено для ознакомления обвиняемому не позднее чем за месяц до истечения предельного срока содержания обвиняемого под стражей, установленного ч. 4 ст. 127 настоящего Кодекса (ч. 5 ст. 255 УПК РБ);
- независимо от числа обвиняемых, привлеченных к ответственности по уголовному делу, общий срок ознакомления их и их законных представителей, защитников с делом не может превышать одного месяца (ч. 4 ст. 257 УПК РБ).

Суть проблемы в каждом из подобных случаев в точном исчислении временного периода «месяц», «два месяца»: и т. д. Поясним: месяц, в календарном его исчислении, может исчисляться и как 31 сутки, и как 30 суток, и как 28 или 29 суток. Соответственно, два месяца это срок: либо 31 + 31 сутки (декабрь-январь, июль-август); либо 31 + 30 суток; либо 31 + 28 (29) суток. В итоге, «обобщающая» категория «месяц – два месяца» может включать в себя совершенно различные временные периоды, что становится крайне принципиальным при исчислении, к примеру, срока содержания обвиняемого под стражей, срока следствия. Российская уголовно-процессуальная практика, однозначно, обратила внимание на эти коллизионные моменты, предложив, в итоге, следующие варианты прецедентов-решений:

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 20 ноября 2015 г. удовлетворено апелляционное представление прокурора, в котором указывалось на неправильное определение судом конечной даты (31.12.2015 г.) срока содержания под стражей Д.

В порядке ст. 91 УПК РФ подозреваемый был задержан 31 октября 2015 г. в 19 часов 20 минут; в дальнейшем к нему была применена мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на два месяца. Изменив постановление Верхневилуйского районного суда от 2 ноября 2015 г., суд апелляционной инстанции постановил: считать конечной датой двухмесячного срока содержания Д. под стражей 30 декабря 2015 г. (Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 января 2017 г.)).

По букве ч. 2 ст. 128 УПК РФ, при избрании судом первой инстанции в отношении Д. меры пресечения в виде заключения под стражу (сроком на два месяца), датой **соответствующей** 31 октября должна быть дата 31 декабря 2015 г. Тем не менее, суд вышестоящей инстанции более точно исчислил, установленный интервал, как сумму двух месяцев: из расчета 30 плюс 31 сутки. Если же при исчислении срока буквально следовать «соответствующей» дате, указанной в ст. 128 УПК РФ (и решении суда первой инстанции), то к моменту истечения срока, – как 31 декабря 2015 г., – подозреваемый Д. фактически содержался бы под стражей 62 суток; что уже не два месяца, установленных законом. Отсюда, срок в два месяца это либо временной интервал, состоящий из суммы 30 плюс 31 сутки, либо два месяца по правилам исчисления суток в январе-феврале (в ординарном или високосном году). Нормы ст. 158 УПК РБ никак не регулируют эти моменты.

Эти же, прецедентные правила, как разъяснил Президиум Верховного Суда РФ, должны применяться при исчислении месячного срока содержания под стражей. Так, если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу, – разъясняет данный орган, – срок в соответствии с ч. 3 ст. 128 УПК РФ исчисляется с момента фактического задержания. Определяя конечную дату срока содержания под стражей, суды правильно полагали, что если лицо было задержано, например, 3 мая, то окончание месячного срока приходится на 2 июня; процессуальный «месяц», как видим, исчислен как 31 сутки (Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей от 18 января 2017 г.).

С позиций правовой определенности и единства в правоприменении определенные коллизии являет и правильное понимание (исчисление) временной единицы «год». В частности, в рамках производства по одному из дел возникла проблема точного исчисления срока давности уголовного преследования, установленного в отношении обвиняемого как 5 лет и 6 месяцев. Суть проблемы заключалась в том, что на этом временном отрезке два года были високосными. В итоге, для целей постановления того или иного вида итогового судебного решения, возник вопрос об учете или игнорировании в исчислении этих 2-х «лишних» суток для определения точной даты истечения срока. Мнения, естественно, разделились. Одна из сторон настаивала, что «год» – это «год», и, соответственно, ничего в сутках пересчитывать не надо. Другая, акцентируя права обвиняемого, настаивала на учете 2 указанных суток, в силу чего срок давности на момент постановления приговора истек, и суд должен постановить принципиально иное решение [1]. Между тем, как представляется, указанное в принципе не предмет для дискуссий, а предмет буквальной воли закона, которая не может, и не должна зависеть от субъективного усмотрения и понимания сторон.

Насколько подобные правила присущи судебной-следственной практике уголовного судопроизводства Республики Беларусь, признаем, нам неизвестно. Возможно, национальный законодатель принципиально иначе, и более продуктивно решил эти моменты. Как следствие, обращаясь к вопросам, поставленным на обсуждение в этой статье, мы лишь ставим на обсуждение доктрины и практики более или менее рациональные варианты решения общих процессуальных проблем, что будет, безусловно, полезным и в плане обмена опытом, и в плане формирования изначально законной деятельности в национальных уголовно-процессуальных системах.

Список использованной литературы

1. Ковтун, Н. Н. Уголовно-процессуальные сроки: неопределенность закона, доктрины, коллизии судебной-следственной практики / Н. Н. Ковтун // Российский журнал правовых исследований. – Том 11. – 2024. – № 1. – С. 55–64.
2. Ковтун, Н. Н. Как не следует пояснять и тем более исчислять уголовно-процессуальные сроки / Н.Н. Ковтун // Мировой судья. – 2024. – № 3. – С. 13–20.
3. Бекетов, А. О., Бородин. А. А. Взаимосвязь сроков содержания под стражей и предварительного расследования / А. О. Бекетов, А. А. Бородин // Уголовное право. – 2019. – № 3. – С. 101–108.
4. Пирмаев, Е. В. Языковой способ толкования как способ реализации и дальнейшего совершенствования права / Е. В. Пирмаев // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 1. – С. 35–36.
5. Глушков, М. Р. Об исчислении сроков сутками в уголовном судопроизводстве / М. Р. Глушков // Российский следователь. – 2015. – № 5. – С. 16–18.

УДК 343.5

С. А. Кузьмичёв

*(Управление Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области,
Республика Беларусь)*

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ: ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Несмотря на то, что понятие «малозначительность» ещё в 1999 году включено в Уголовный кодекс Республики Беларусь до настоящего времени у сотрудников следственных

подразделений возникают сложности в его применении на практике. В статье автором на основе анализа правоприменительной деятельности предложены возможные критерии (отличительные признаки) малозначительности деяния, которые могут быть использованы в ходе досудебного уголовного производства.

В правоприменительной практике возникают ситуации, когда совершённым общественно-опасным деяниям придаётся формальный характер, в результате чего они рассматриваются с позиции «малозначительности».

Малозначительность деяния в уголовном праве является одной из самых сложных категорий для уяснения. В законодательстве пока не существует единого понятия и чёткого определения критериев, по которым можно установить характер малозначительности.

Согласно ч. 4 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее УК) не являются преступлением действие или бездействие, формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению. Малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам.

С позиции современного понимания в содержание понятия «преступление» включается исключительно формальная сторона, вытекающая из формы его предписания: запрещённость и наказуемость.

Со времён Древней Руси законодатель не включал в понятие «преступление» его материальный признак. Например, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые на законодательном уровне определило понятие «преступление» как *«всякое нарушение закона, чрез которое посягается на неприкосновенность прав Власти Верховной и установленною Ею властей или же на права или безопасность общества, или частных лиц»*.

В процессе развития уголовного законодательства запрещённость и наказуемость определённых деяний (формальная сторона преступления) стали увязываться с объектами, страдающими от преступного посягательства (материальный признак) [1].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о попытках сформировать практикующими сотрудниками формализованные критерии, которые бы позволяли определять общественно-опасное деяние малозначительным.

Например, гражданин М., находясь в вечернее время в магазине «Копеечка», в присутствии продавцов открыто похитил два батончика «Марс», общая стоимость которых составила 2 рубля 98 копеек.

Установлено, что М. на момент совершения преступления находился в состоянии алкогольного опьянения, имел не снятую и не погашенную в установленном законом порядке судимость, на требования продавцов оплатить товар не реагировал, выбежав из магазина.

Органом уголовного преследования принято решение о возбуждении в отношении М. уголовного дела по ч. 1 ст. 206 УК (грабёж), которое по результатам расследования направлено в суд.

Судом М. признан виновным в открытом хищении имущества и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 30 базовых величин *(1 110 рублей на дату постановления приговора)*. Кроме того, в отношении М. применены принудительные меры безопасности и лечения от алкоголизма.

Гражданин К., будучи в состоянии алкогольного опьянения, путём вырывания пробоя на входной двери проник в жилой дом, откуда похитил две сардельки и 5 сигарет. Общая стоимость похищенного составила 2 рубля 60 копеек.

Действия К. квалифицированы по ч. 2 ст. 205 УК *(кража, совершённая с проникновением в жилище)* и по приговору суда наряду с принудительным лечением от алкоголизма последнему назначено 3 месяца ареста.

Несмотря на то, что в описанных выше случаях совершённые деяния возможно признать малозначительными, характеризующие обвиняемых сведения, факты нахождения в состоянии алкогольного опьянения и иные обстоятельства явно свидетельствовали о совершении преступлений.

Аналогичной позиции правоохранительные органы придерживаются и при квалификации действий лиц, когда предметом преступного посягательства выступают спиртные и слабоалкогольные напитки.

Так, гражданин Р. открыто похитил из магазина бутылку пива, стоимостью 3 рубля 29 копеек. Как и в предыдущих случаях, в момент совершения преступления он не реагировал на требования продавца оплатить товар и покинул помещение магазина. При изучении его личности получены сведения о том, что подозреваемый состоит на учёте в уголовно-исполнительной инспекции органа внутренних дел (за ним осуществлялось профилактическое наблюдение), допустил рецидив.

По приговору суда Р. назначено наказание в виде 3 месяцев ареста, а также принудительное лечение от алкоголизма.

Аналогичные уголовные дела, по которым предметом хищения явились спиртные и слабоалкогольные напитки стоимостью от 3-х до 5-ти белорусских рублей, в 2023 году следственными подразделениями Гомельской области возбуждены в отношении Р., Б., С. и В., по которым судами постановлены обвинительные приговоры.

В то же время на практике имеют место факты признания деяний малозначительными, отдельные из которых совершены при схожих вышеописанным преступлениям обстоятельствах.

Гражданин Р. путём срыва замка входной двери проник в жилой дом, откуда похитил продукты питания стоимостью 8 рублей 40 копеек.

Потерпевший З. пояснил, что Р. ему знаком, ранее безвозмездно передавал ему продукты питания, привлекать его к ответственности не желает, поскольку похищенное он и так собирался ему передать, ущерб для себя считает незначительным.

В рассматриваемом случае деяние признано малозначительным в возбуждении уголовного дела отказано.

Несовершеннолетний А., воспользовавшись утерянной банковской картой, за 1 рубль 45 копеек приобрёл напиток «Фанта», после чего попытался оплатить товар в интернет-магазине стоимостью 26,63 доллара США, однако операция не была проведена по причине недостаточности денежных средств на счёте.

Несмотря на то, что несовершеннолетний покушался на хищение денежных средств на сумму свыше 2-х базовых величин органом уголовного преследования принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по причине малозначительности деяния. Принятие указанного решения обусловлено позицией потерпевшего, не желавшего привлекать несовершеннолетнего к уголовной ответственности, поведением последнего после совершения указанных действий и иными обстоятельствами.

Несовершеннолетние В., Д., К. и М., действуя в группе лиц, похитили со двора домовладения П. два ведра и 10 кг клубники. Потерпевший П. заявил об отсутствии намерения привлекать несовершеннолетних к ответственности, поскольку причинённый ущерб для него являлся незначительным.

Гражданка М. в состоянии алкогольного опьянения возвращалась домой и решила на одном из огородах нарвать перья лука для употребления в пищу. Будучи застигнутой потерпевшей, она продолжила свои действия, заявив, что теперь «лук» принадлежит ей, после чего ушла. Вес похищенного составил 220 грамм, а стоимость 1 рубль 32 копейки.

Будучи повторно опрошенной, потерпевшая заявила, что М. перед ней извинилась, возместила ущерб, поэтому к ответственности она её привлекать не желает. Аналогичные пояснения получены от М., которая раскаялась в содеянном.

По результатам проверки органом уголовного преследования действия М. признаны малозначительными, в возбуждении уголовного дела отказано.

Аналогичные решения в 2022-2023 годах следователями Гомельской области принимались и по иным составам преступлений.

Анализ приведённых выше уголовных дел и материалов проверок свидетельствует о том, что размер причинённого ущерба не являлся определяющим критерием при рассмотрении вопроса о наличии в деянии признаков малозначительности, при этом во всех случаях принимались во внимание как характеризующие виновных лиц сведения (в том числе их мотивы, поведение после произошедшего и др.), так и пояснения потерпевших [2].

Для определения наличия в деянии признаков малозначительности отдельными учёными предлагается учитывать следующие обстоятельства:

- размер причинённого вреда;
- тяжесть наступивших последствий;
- способ совершения преступления;
- роль лица в совершении преступления;
- учёт квалифицирующих признаков (обстоятельств) при совершении общественно опасного деяния;
- направленность действий лица при совершении преступления;
- несоразмерность предусмотренного наказания характеру совершённого правонарушения (например, посягательство на жизнь и здоровье человека) [3].

Приведённые критерии заслуживают определённого внимания, в то же время, по мнению автора проведённого исследования, они должны рассматриваться лишь в совокупности с иными обстоятельствами.

Возможность расценивать деяние малозначительным не может быть установлена только из сформулированной в уголовном законе конструкции. В каждом конкретном случае вопрос о малозначительности должен решаться самостоятельно, в том числе с учётом формирующейся правоприменительной практики. Принятие такого решения должно основываться как на объективных, так и субъективных факторах, поскольку только их совокупность позволяет установить степень общественной опасности деяния.

Список использованной литературы

1. Потеинов, В. А. О понятии малозначительности деяния в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ и критерии оценки / В. А. Потеинов // Вестник ВГУ. Серия: право. – 2019. – № 4. – С. 329–337.

2. Кузьмичёв С. А. Малозначительность в контексте обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь / С. А. Кузьмичёв // Основные направления системы совершенствования национальной безопасности : тезисы докладов IV Международной научно-практической конференции (Минск, 21 июня 2024 г.) / ред. кол. С.Я. Аземша (председатель) и др. – Минск : СтроймедиаПроект, 2024. – С. 240-244.

3. Хилюта, В. В. Малозначительность в уголовном праве: определение критериев / В. В. Хилюта [Электронный ресурс] – 2021. – Режим доступа : КонсультантПлюс. Беларусь // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Дата доступа : 18.01.2025.

УДК 343.123.3

Г. Ю. Ликинов

(ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева», Российская Федерация)

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НА ОСНОВАНИИ СТ. 28.2 УПК РФ

В материалах рассмотрены вопросы, связанные с прекращением уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, в частности ст. 28.2 УПК РФ. Раскрываются

понятия прекращения уголовного преследования, нереабилитирующие основания и их виды, а также рассматриваются правовые пробелы нововведенной ст. 28.2 УПК РФ и предлагаются способы их решения.

В статье проанализирован сложившийся институт прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, в уголовно–процессуальном законодательстве Российской Федерации, в частности ст. 28.2 УПК РФ.

Законодатель, каждый день стремительно, проводит изменения в правовой системе. Это коснулось и уголовно–процессуального законодательства, а именно, появилось новое нереабилитирующее основание прекращения уголовного преследования. Цель исследования – проанализировать институт прекращения уголовного преследования, в частности ст. 28.2 УПК РФ, выявить правовые пробелы и предложить способы их решения.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с прекращением уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям.

Современная российская уголовная политика направлена, с одной стороны, на реализацию положений о неотвратимости привлечения виновного к уголовной ответственности за совершенное им преступление, а с другой – принцип гуманизма, в определенных случаях закрепленный нормами уголовного права, предоставляет возможность государству не применять крайние меры принуждения, связанные с ограничением прав и свобод, к преступнику [6, с. 622].

Принцип гуманизма в уголовном и уголовно–процессуальном законодательстве Российской Федерации, является основополагающим, так как вследствие постепенного и плавного перехода к демократизации правовой системе во всем мире, перехода от смертной казни к более мягким наказаниям, исключение всякого рода пыток по отношению к виновным, привел к существующему на сегодняшний день – гуманному уголовному процессу. К такому обновлению относится и институт прекращения уголовного преследования, который начал своё формирование ещё в эпоху Просвещения, вследствие развития идеи прав и свобод человека и гражданина

Прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям является важным институтом уголовно-процессуального права, который обеспечивает прекращение уголовного преследования без признания обвиняемого невиновным, то есть реабилитированным. Само слово «реабилитация» с латинского **«rehabilitatio»** означает «восстановление». Нереабилитирующие основания – это такие обстоятельства, при которых лицо не признается виновным, но и не оправдывается, а уголовное дело прекращается ввиду определенных обстоятельств. Несмотря на то, что лицо освобождается от уголовного преследования, а в дальнейшем от ответственности и наказания, данный институт расценивается правоприменительной практикой как основанное на материалах расследования подтверждение того, что лицо совершило преступление и де-факто признало себя виновным и вследствие этого претерпевает негативные последствия, такие как например, заглаживание вреда, которое было причинено преступлением и возмещение гражданского иска. Этот институт играет важную роль в оптимизации работы правоохранительных органов и судов, а также способствует защите прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Нереабилитирующими основаниями являются: истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности; примирение с потерпевшим; деятельное раскаяние; назначение меры уголовно–правового характера в виде судебного штрафа; амнистия; смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего; отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению; призыв или подписание контракта на военную службу; назначение меры уголовно–правового характера в виде судебного штрафа; и иные случаи, предусмотренные УПК РФ [1, с. 55].

В работе Дорноступа И. П. приведены определения таким понятиям как уголовное преследование и нереабилитирующие основания [5, с. 12], а также рассмотрены некоторые отдельные виды освобождения: примирение сторон, изменение обстановки и деятельное раскаяние.

Автор заявляет, что: «Уголовно-процессуальное законодательство прямо не говорит о реабилитирующих и нереабилитирующих основаниях прекращения уголовного преследования» [5, с. 51]. Мы согласны с данным мнением, так как и на сегодняшний день, в УПК РФ напрямую не указано, какое из оснований является реабилитирующим, а какое нереабилитирующим, все нормативные положения, касающиеся данного института, являются расплывчатыми. Также, на наш взгляд, нереабилитирующие основания – это такие обстоятельства, при которых лицо не признается виновным, но и не оправдывается, а уголовное дело прекращается ввиду определенных обстоятельств. Но это не означает, что после того, как лицо было освобождено, оно будет реабилитировано, наоборот, подозреваемый или обвиняемый, де-факто признало себя виновным и имеет за собой негативные последствия, например, заглаживание вреда, которое было причинено преступлением и возмещение гражданского иска, на основании ГПК РФ. [2, с. 68]. Букша Н. Ю., в своей работе рассматривает другие основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования [4, с. 78]. К таковым относится возмещение ущерба и истечение сроков давности. Но, так или иначе, вследствие стремительных перемен в законодательстве нашей страны, ни один из вышеуказанных авторов в своих работах не упоминает такое основание, как прекращение уголовного преследования в связи с призывом или подписанием контракта на военную службу. Сама статья 28.2 УПК РФ была принята 23.03.2023 года, законодатель хоть и с запозданием, но ввиду продолжения специальной военной операции ввёл данную новеллу в законодательство нашей страны, тем самым пополнив список оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования.

Так, в 2020 году в судах прекращено почти 230000 уголовных дел, в том числе в связи с деятельным раскаянием – 10453, примирением с потерпевшим – 102451, применением принудительных мер воспитательного воздействия – 1879, с назначением судебного штрафа – 41505, что составляет почти 30 %. За предшествующие годы при общем уменьшении количества рассмотренных в суде дел с 982145 в 2016 году до 721461 в 2020 году, уменьшилась также доля осужденных лиц с 75,5 % до 73,6 % [3, с. 57].

Согласно официальной статистики в Российской Федерации за 2023 год было 426.598 случаев прекращения уголовных дел и уголовных преследований.

Ст. 28. 2 УПК РФ: «Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время». Так получается, что в разрешение международных конфликтов вовлекаются лица подозреваемые, обвиняемые и осужденные за совершение преступлений.

Так как статья является новой, то она порождает на практике ряд правовых пробелов, которые следует проанализировать и предложить возможные решения данных проблем.

Во-первых, особо следует обратить внимание на проблему обеспечения прав потерпевших, которые могут возникать при применении данного основания. Новый закон может усложнить процедуру возмещения вреда, причиненного противоправными действиями лиц, освобождаемыми от уголовной ответственности и наказания по новому основанию, так как эти вопросы «разрешаются в порядке гражданского судопроизводства». В уголовно-процессуальном законодательстве не закреплено требование установления всего круга обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ перед принятием решения о прекращении уголовного преследования по данному основанию. При этом следует иметь ввиду то, что исключается возможность получения дополнительных доказательств в связи с удалением от места расследования в интересах военной службы лица,

в отношении которого уголовное преследование прекращается. Практика доказывания обоснованности требований потерпевшего о возмещении вреда в порядке гражданского судопроизводства усложняется.

В статье не указан момент, с которого может быть применено данное основание. В такой формулировке, представляется, что процессуальный порядок прекращения уголовного преследования, закрепленный в данной норме, является недостаточно урегулированным. Следователь и дознаватель, на сегодняшний день, могут использовать данное основание в любой момент, в том числе и в самом начале уголовного преследования, например, с целью повышения статистических показателей и так далее. Это опасно тем, что в данном случае уголовное дело и уголовное преследование может быть прекращено, без выяснения всех обстоятельств, которые подлежат доказыванию. С позиции идеальной модели состязательного уголовного процесса такой подход следует признать неправильным. В общем виде доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств. Это слишком сложная и многогранная деятельность, которая требует особого внимания.

Так, без выяснения размера вреда, причиненного деянием, нельзя дать правильную правовую оценку содеянному. Во-вторых, от размера причиненного вреда зависит квалификация деяния. В-третьих, – размер наказания. В-четвертых, это необходимо для решения вопросов о гражданском иске. Исходя из этого, нарушаются не только права потерпевшего, но и основополагающие принципы уголовного судопроизводства: уважение чести и достоинства личности, законность при производстве по уголовному делу, право на обжалование процессуальных действий и решений и охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Также на основании ч.2 и ч.3 ст. 28.2 УПК РФ, право возражать против такого основания прекращения уголовного преследования имеют сам подозреваемый и начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов. И при этом мнение потерпевшего не учитывается. Это неправильно как с правовой, так и с моральной точки зрения.

Обоснование введения новой статьи в уголовно-процессуальное законодательство связано в первую очередь с проведением специальной военной операции. Законодатель вследствие изменения обстановки в стране, проводит и стремительные перемены в российской правовой системе. На наш взгляд, такие преобразования необходимы. Детальное регулирование процедуры приостановления и прекращения уголовного преследования лиц, призванных на военную службу в период специальной военной операции, назрела давно.

Мы предлагаем дополнить ч.1 ст. 28.2 УПК РФ, следующей фразой: «после установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренной статье 73 настоящего Кодекса».

Дополняя статью данной фразой, прекращение уголовного преследования возможно только после установления всех обстоятельств, которые подлежат доказыванию.

Также стоит дополнить ч. 2 ст. 28.2 УПК РФ, следующим предложением: «После получение согласия на прекращение уголовного преследования либо возражения против такого решения потерпевшим». В данном случае, потерпевший имеет право возражать против применения данного основания и уголовное дело не может быть прекращено, а продолжается в обычном порядке.

Следовательно, данная норма будет иметь гарантирующее значение в обеспечении интересов потерпевшей стороны по данному уголовному делу и не нарушает основные принципы уголовного судопроизводства, например: право на обжалование процессуальных действий и решений и охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Список использованной литературы

1. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174–ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – 291 с.

3. Основные статистические показатели судимости в России за 2003 – 2007 годы и 2008 – 2020 годы. – [Электронный ресурс] – URL: <https://cdep.sudrf.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата доступа 22.0.2025)

4. Букша Н. Ю. Назначение института прекращения уголовного дела и уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юр. наук / Букша Наталья Юрьевна. – Краснодар, 2005. – 206 с.

5. Дорноступ, И. П. Нереабилитирующие основания прекращения уголовного преследования в деятельности органов предварительного расследования МВД России: дис. ... канд. юр. наук / Дорноступ Игорь Павлович. – М., 2003. – 153 с.

6. Ендольцева, Ю. В. Прекращение уголовного преследования и прекращение уголовного дела: современное состояние правоприменения / Ю. В. Ендольцева // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – №4. – С. 619–628.

УДК 343.138

М. В. Макаревич

(Минский городской суд, Республика Беларусь)

ОБ УСТРАНЕНИИ ПРЕПЯТСТВИЙ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ

В материалах рассматриваются вопросы, связанные с приобщением к материалам уголовного дела в предварительном судебном заседании по ходатайству прокурора из надзорных производств органов прокуратуры постановлений, указанных в п. 2 ч. 1 ст. 280-1 УПК, когда такие процессуальные решения отсутствуют в деле на момент их поступления в суд. Проанализирована законность, обоснованность, целесообразность и эффективность использования такого инструмента к устранению препятствий для рассмотрения уголовного дела судом. Предложен алгоритм действий по правильному использованию судьей данного правового механизма.

В соответствии с требованиями ст. 280-1 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) судья при изучении поступившего в суд уголовного дела обязан проверить наличие в нем всех необходимых постановлений о принятии должностными лицами органа уголовного преследования процессуальных решений, связанных с движением уголовного дела и сроками расследования.

При этом отсутствие в деле одного из постановлений, прямо указанных в п. 2 ч. 1 ст. 280-1 УПК, а именно постановлений о возбуждении уголовного дела, его выделении в отдельное производство, возобновлении приостановленного предварительного расследования, принятии уголовного дела к производству, продления срока предварительного следствия, соединении уголовных дел, производстве предварительного следствия следственной группой, передаче уголовного дела прокурору для направления в суд, о направлении уголовного дела в суд, является безусловным основанием для возвращения уголовного дела прокурору.

Представляется, что законодателем не случайно отдельно отмечена необходимость наличия в уголовном деле именно данных постановлений. Отсутствие в нем этих обязательных процессуальных решений нарушает детально регламентированный в УПК порядок досудебного производства. Без наличия в деле всех указанных в п. 2 ч. 1 ст. 280-1 УПК постановлений невозможно дальнейшее рассмотрение дела в суде.

Вместе с тем современные тенденции развития судопроизводства связаны с трансграничностью преступности, постоянным увеличением находящихся в производстве следственных подразделений многоэпизодных и сложных уголовных дел о преступлениях в сферах незаконного оборота наркотиков, высоких технологий, о квалифицированных мошенничествах, совершенных организованными группами. По таким делам большой объем следственных и иных процессуальных действий производится значительным количеством следователей, входящих в состав следственных групп. Эти дела как правило возбуждаются по факту совершения преступления в условиях отсутствия сведений о личности руководителей и иных участников организованных групп. По подобного рода делам должностными лицами органов уголовного преследования выносятся значительное количество (не редко более 100) постановлений, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 280-1 УПК. После установления отдельных участников организованных групп уголовные дела в отношении них в порядке ст. 165 УПК выделяются в отдельное производство с копированием собранных материалов из ранее возбужденных уголовных дел, после чего направляются в суд.

При таких обстоятельствах не редкими являются случаи установления судьями при изучении поступивших в суд уголовных дел подобной категории отсутствия в них из-за технических ошибок отдельных должностных лиц органов уголовного преследования по формированию дел одного или нескольких постановлений, указанных в п. 2 ч. 1 ст. 280-1 УПК, вынесенных по уголовным делам, из которых выделены дела, поступившие в суд. Не единичными являются и случаи установления судьями таких же нарушений при формировании отдельными должностными лицами органов уголовного преследования даже незначительных по объему уголовных дел.

Подобные обстоятельства безусловно являются основанием для проведения по делу предварительного судебного заседания. Вместе с тем дискуссионным является вопрос о возможности устранения в нем таких препятствий для рассмотрения уголовного дела судом.

В юридической литературе приводится мнение о том, что восполнить в предварительном судебном заседании отсутствие в деле постановлений, указанных в п. 2 ч. 1 ст. 246 УПК, невозможно. Ходатайства прокурора о приобщении недостающих материалов дела из надзорных производств являются необоснованными. Подобная позиция противоречит требованиям ч. 8 ст. 280-2 УПК, согласно которой в предварительном судебном заседании могут исследоваться только уже имеющиеся в деле документы [1, с. 41]. Представляется, что указанный подход является спорным.

Так, в силу ч. 6 ст. 280-2 УПК прокурор вправе заявить в предварительном судебном заседании ходатайства. При этом УПК не ограничивает его в объеме таковых, не запрещает ходатайствовать о приобщении к уголовному делу материалов, имеющих значение для его правильного разрешения. Кроме этого, ч. 2 ст. 322 УПК обязывает судью удовлетворить заявленные сторонами ходатайства, если связанные с ними обстоятельства, подлежащие выяснению, имеют значение для уголовного дела. Представляется, что обстоятельства, связанные с фактическим отсутствием в материалах дела постановлений, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 280-1 УПК, с учетом позиции прокурора о том, что в ходе досудебного производства данные постановления фактически выносились, что подтверждается наличием их копии в надзорном производстве прокуратуры, и не помещены в материалы дела из-за технической ошибки при его формировании, безусловно имеют значение для правильного разрешения дела.

Согласимся в данном случае с иным приведенным в юридической литературе мнением о том, что суд при выявлении им существенной неполноты исследования обстоятельств дела, препятствующей вынесению законного, обоснованного и справедливого решения, в целях устранения сомнений вправе даже потребовать от сторон предоставления дополнительных материалов [2, с. 47].

Применительно к исследуемой ситуации полагаем, что судья должен удовлетворить подобное ходатайство прокурора и приобщить данные постановления к материалам дела, после чего исследовать их в предварительном судебном заседании с участием сторон в соответствии с ч. 8 ст. 280-2 УПК вместе с другими имеющимися в деле документами.

При этом факт приобщения к уголовному делу постановлений, указанных в п. 2 ч. 1 ст. 280-1 УПК, в предварительном судебном заседании по ходатайству прокурора сам по себе не устраняет возможные препятствия для рассмотрения дела судом. Для принятия решения о назначении судебного разбирательства судье также необходимо установить имело ли место фактическое вынесение должностными лицами органа уголовного преследования данных постановлений в ходе досудебного производства и время их вынесения. О подобных обстоятельствах может свидетельствовать наличие на приобщенных прокурором документах отметок участников уголовного процесса об ознакомлении с данными процессуальными решениями и получении их копий с проставлением времени данных событий.

В соответствии с ч. 3 ст. 280-2 УПК у судьи имеется возможность проведения предварительного судебного заседания в отсутствие обвиняемого и его защитника при их неявке без уважительных причин. Вместе с тем полагаем, что в рассматриваемой ситуации судье следует обеспечить участие обвиняемого и его защитника в предварительном судебном заседании, выслушав их мнение по обсуждаемому вопросу, уточнив объем процессуальных документов, с которым они ранее знакомились при окончании досудебного производства.

На наш взгляд, судья в предварительном судебном заседании также необходимо изучать надзорные производства органов прокуратуры с целью выяснения обстоятельств направления должностными лицами органов уголовного преследования прокурору копий недостающих в уголовном деле постановлений. Проверить их наличие в надзорных производствах и даты поступления копий таких постановлений в прокуратуру. К примеру, копия постановления следователя о принятии уголовного дела к своему производству в силу ч. 2 ст. 183 УПК должна быть направлена прокурору в течение 24 часов с момента его вынесения.

Представляется, что приобщение к делу в предварительном судебном заседании по ходатайству прокурора постановлений, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 280-1 УПК, отсутствующих в нем в виду неправильного формирования материалов исключает необходимость возвращения уголовного дела прокурору, так как препятствия для его рассмотрения в данном случае устранены. Такой подход способствует оперативности рассмотрения поступившего в суд уголовного дела, исключает затраты, последующие при его возвращении прокурору для устранения в нем фактически лишь технических недостатков.

Более того исследуемый правовой инструмент в настоящее время уже активно используется в отечественной правоприменительной практике, которая развивается по пути обязательного устранения в предварительном судебном заседании препятствий для рассмотрения уголовного дела судом во всех случаях, когда это возможно.

К примеру, судом Партизанского района г. Минска 19.10.2022 прокурору возвращено уголовное дело по обвинению Д. и иных лиц по ч. 4 ст. 212 УК [3]. В предварительном судебном заседании установлено, что данное дело возбуждено 17.09.2021 следователем В. и в этот же день принято им к своему производству. Предварительное следствие по делу кроме В. производилось иными следователями. Однако, сведений о принятии данного уголовного дела ими к своему производству в соответствии с ч. 2 ст. 183 УПК на момент поступления в суд в уголовном деле не имелось. Прокурором заявлено ходатайство о приобщении к делу копий постановлений о поручении предварительного следствия следственной группе (содержали отметки об ознакомлении с ними обвиняемых) и принятия уголовного дела к производству В. в качестве ее руководителя от 23.09.2021 и 18.01.2022. Эти документы были вынесены по делу, из которого выделено уголовное дело, поступившее в суд. Данное ходатайство удовлетворено районным судом. Вместе с тем судья пришел к неверному выводу о невозможности назначения по настоящему уголовному делу судебного разбирательства. Судья посчитал, что приобщение в предварительном судебном заседании к материалам дела копий процессуальных документов из другого дела, не находившегося в производстве суда, не устранило препятствие для рассмотрения дела судом.

Суд апелляционной инстанции отменил данное постановление районного суда, указав, что, приобщив постановления следователя, начальника следственного подразделения, предоставленные прокурором, районный суд фактически согласился с позицией прокурора об их наличии в деле. Об этом же свидетельствуют данные об ознакомлении с этими постановлениями обвиняемых и их защитников как в ходе досудебного производства, так и в предварительном судебном заседании. Вывод суда о приобщении указанных процессуальных решений к делу в нарушение предусмотренного ст. 165 УПК порядка не обоснован, поскольку как усматривается из постановления следователя от 28.06.2022 в отдельное производство выделено другое уголовное дело, а не отдельные процессуальные документы [3].

По ряду уголовных дел, находившихся в производстве суда Партизанского района г. Минска, в связи с отсутствием в них постановлений о принятии дел следователями к своему производству, о поручении предварительного следствия следственной группе, возобновления приостановленного предварительного следствия также проводились предварительные судебные заседания. В ходе них данные постановления приобщены к уголовным делам прокурорами из надзорных производств. Такие случаи имели место по уголовным делам по обвинению З. по ч. 1 ст. 368 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [4], Б по ч. 2 ст. 339 УК [5], Р. по ч. 1 ст. 168 УК [6]. Судьи пришли к выводу о фактическом вынесении должностными лицами органов уголовного преследования в ходе досудебных производств этих постановлений, отсутствовавших в уголовных делах на момент их поступления в суд. Такие обстоятельства не повлекли возвращение уголовных дел прокурору, что способствовало их оперативному рассмотрению судом.

Отметим, что разъяснения о необходимости возвращения уголовных дел прокурору только в тех случаях, когда устранить имеющиеся в деле препятствия для их рассмотрения судом невозможно на судебных стадиях уголовного процесса, закреплены в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами Уголовного-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору». В частности, в нем указано, что не имеется оснований для возвращения дела прокурору в случае наличия в отдельных документах технических ошибок, а также отсутствия в деле определенных документов, когда они представлены в судебном заседании.

Таким образом, полагаем, что исследуемый правовой инструмент по устранению препятствий для рассмотрения судом уголовного дела не противоречит требованиям УПК, в целях оперативности рассмотрения дел и процессуальной экономии может и должен использоваться в правоприменительной практике. При этом он применим только в тех случаях, когда отсутствие в деле постановлений, указанных в п. 2 ч. 1 ст. 280-1 УПК, очевидно носит характер допущенной должностным лицом органа уголовного преследования технической ошибки в формировании его материалов, что подтверждается объективными сведениями.

Список использованной литературы

1. Мохорев, А. Н. Порядок и основания возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом / А. Н. Мохорев // Судовы ВЕСНІК. – 2022. – № 4 – С. 39-43.
2. Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.09 / Л. А. Воскобитова ; Мос. гос. юрид. акад. – М., 2004. – 55 с.
3. Архив суда Партизанского района г. Минска за 2022 г. – Уголовное дело № 98У22242.
4. Архив суда Партизанского района г. Минска за 2023 г. – Уголовное дело № 98У23158.
5. Архив суда Партизанского района г. Минска за 2023 г. – Уголовное дело № 102У23548.
6. Архив суда Партизанского района г. Минска за 2023 г. – Уголовное дело № 98У23289.

А. Г. Маркелов

(Казанский филиал (институт) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Российская Федерация)

СУДЕБНЫЕ АСПЕКТЫ ОСОБОГО (КОМПРОМИССНОГО) РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА СОКРАЩЕННОГО ДОЗНАНИЯ

В материалах раскрываются ключевые аспекты применения особого (компромиссного) разбирательства в контексте уголовных дел, расследованных в сокращенной форме, что представляет собой актуальную и важную проблему в области современного уголовного судопроизводства. Акцентируется внимание на том, как этот процессуальный институт влияет на эффективность правосудия, сокращая временные и ресурсные затраты при рассмотрении дел, что особенно важно в условиях перегруженности судебной системы. Автор поднимает проблемные аспекты, связанные с применением особого (компромиссного) разбирательства по делам о преступлениях, расследованных в форме сокращенного дознания, и предлагает конкретные рекомендации по совершенствованию Российского уголовно-процессуального законодательства относительно исследуемой проблематики.

Сокращенное дознание – это упрощенная и в тоже время компромиссная форма предварительного расследования, применяемая в отдельных случаях, когда совершенное преступление не представляет большой общественной опасности и когда обвиняемый признает свою вину и готов к сотрудничеству. При этом, особое (компромиссное) судебное разбирательство по делам о преступлениях, расследованных в форме сокращенного дознания, представляет собой специфическую технологию, направленную на упрощение и ускорение процесса рассмотрения и разрешения отдельных категорий уголовных дел (небольшой или средней тяжести). Эта оригинальная технология применяется в случаях, когда заинтересованные стороны достигают компромисса, то есть согласия по ключевым вопросам разрешения уголовного дела, что позволяет избежать длительных судебных разбирательств, в том числе сократить ресурсы и снизить общую нагрузку на судебную систему. Об аргументации этой идеи автором была опубликована отдельная статья [2, с. 132–135].

Особое (компромиссное) судебное разбирательство по делам о преступлениях, расследованных в форме сокращенного дознания, начинается с принятия судьей решения о назначении и подготовке уголовного дела к судебному разбирательству. От качества проверки поступившего в суд уголовного дела и непосредственной подготовки к нему напрямую зависит эффективность дальнейшего его рассмотрения и разрешения. На этом судебном этапе отсекаются все поступившие в суд уголовные дела, которые были ненадлежащим образом оформлены и направлены в суд для рассмотрения по существу.

При назначении и подготовке к судебному разбирательству судьей также осуществляется судебный контроль за законностью и обоснованностью принятых всех процессуальных решений органами предварительного расследования, в том числе решений послужившими основаниями для рассмотрения уголовного дела в суде в особом (компромиссном) порядке. Лишь удостоверившись в их соблюдении и убедившись в наличии достигнутого сторонами компромисса, судья выносит постановление о назначении предварительных слушаний по данному уголовному делу.

В целях совершенствования и реализации идеи компромисса в исследуемом особом производстве необходимо остановиться на отдельных судебных особенностях и проблемах реализации главы 32.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ [5]), которая по мнению автора имеет существенные системные недостатки, а именно в законодательной конструкции. Так, серьезные нарекания автора

вызывают положения ст. 226.9 УПК РФ под названием «Особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме». Эту норму логично было бы прописать в разделе 10 УПК РФ «Особый порядок судебного разбирательства», а не ограничиваться ссылкой на ст. 316 и 317 УПК РФ. Зачем это было делать не совсем понятно. Изложив бы ст. 226.9 УПК РФ в разделе X УПК РФ законодатель четко обозначил бы особый характер компромиссного судебного производства по делам о преступлениях расследованных в форме дознания в сокращенной форме, как это сделано по отношению к главам 40 и 40.1 УПК РФ. В такой очевидной и верной редакции у правоприменителя не возникало бы вопросов по ее реализации в особом (компромиссном) порядке. В этой связи считаем правильным ст.226.9. УПК РФ перенести в главу 40 раздела X УПК РФ.

В соответствии с п. 2 ч. 5 ст. 217 УПК РФ при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, дознаватель разъясняет этим лицам право ходатайствовать о рассмотрении и разрешении уголовного дела в особом порядке (глава 40 УПК РФ) суде с использованием средств компромисса. При этом от указанных лиц, в том числе потерпевшего и (или) его представителя законодатель не требует получения соответствующего решения. Обдумав свое решение, эти лица либо заявляют ходатайство дознавателю, либо нет. При этом, в случае получения от указанных лиц соответствующего ходатайства о рассмотрении и разрешении их уголовного дела в особом (компромиссном) порядке, закон не обязывает дознавателя разъяснять суть самой особой (компромиссной) технологии и ее очевидные последствия. В связи с этим, считаем необходимым закрепить в законе норму, которая будет обязывать дознавателя разъяснить заинтересованным лицам всю технологию особого судебного разбирательства и ее правовые последствия. По этой причине считаем правильным внести соответствующие изменения и дополнения в ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ и ч. 5.1 ст. 226.7 УПК РФ, в том числе сделать специальную ссылку на ст. 217 УПК РФ.

Судебное заседание по ходатайству обвиняемого (подсудимого) о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в связи с применением особой (компромиссной) по делу расследованного в сокращенной форме проводится в порядке, установленном главами 35, 36, 38 и 39 УПК РФ с учетом требований ст. 316 и 317 УПК РФ. Так, судебное производство по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением, проводится с обязательным участием подсудимого и его защитника и начинается с изложения государственным обвинителем, предъявленного подсудимому обвинения. При этом требование ч. 3 ст. 316 УПК РФ обязывает прокурора огласить ранее заявленное обвиняемым и его защитником ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства. По этой причине, суд в начале судебного заседания выясняет у подсудимого наличие заявленного им ходатайства и уточняет позицию потерпевшего относительно достигнутого компромисса и разрешения уголовного дела в особом порядке. При всем этом, действующий УПК РФ недостаточно четко регламентирует особенности и технологию получения соответствующего ходатайства или согласия от заинтересованных сторон. Так, согласно ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ, ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме подается дознавателю в письменном виде и должно быть подписано подозреваемым, а также его защитником. При всем этом, законодатель не обязывает дознавателя получать подобные ходатайства только после непосредственных консультаций с защитником и только в присутствии последнего. Полагаем правильным и по аналогии с п.2 ч. 2 ст. 314 УПК РФ, т.е. в случае заявления письменного ходатайства обвиняемым об особом порядке судебного разбирательства при согласии лица с предъявленным обвинением (глава 40 УПК РФ), получать такие ходатайства только после консультаций с защитником и в его присутствии, выясняя добровольность принятия решения. Привлекаемой к уголовной ответственности лицо должно осознавать характер и последствия заявленного им такого ходатайства. Аналогичным образом распространить

эту гарантию и на потерпевшего. В связи с этим считаем правильным отметить, что суд при вынесении приговора обязан лично удостовериться о том, что подсудимый действительно осознает характер и последствия заявленного им письменного ходатайства; ходатайство было заявлено добровольно и после проведения консультаций с защитником; государственный или частный обвинитель и (или) потерпевший не возражают против заявленного обвиняемым ходатайства, ущерб возмещен в полном объеме, тем самым суд удостоверяется в действительности заключенного компромисса между заинтересованными сторонами процесса.

В соответствии с ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ, при поступлении возражения какой-либо из сторон против дальнейшего особого (компромиссного) производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, а равно по своей инициативе в случае установления обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, в том числе при наличии достаточных оснований полагать на самооговор подсудимого, судья выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке. Из этой формулировки закона не совсем понятно, по какой причине суд может вернуть уголовное дело прокурору. В качестве достойного варианта вполне возможно было бы назначить судебное заседание в общем порядке, как это прописано в ч. 6 ст. 316 УПК РФ. В частности, «при возражении подсудимого, государственного или частного обвинителя, потерпевшего против постановления приговора без проведения судебного разбирательства либо по собственной инициативе судья выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке». Переход от особого к общему порядку судебного разбирательства позволил бы с наименьшими затратами быстро восстановить картину преступления при условии, если у суда или сторон появились сомнения в правильности отражения произошедшего преступления в материалах уголовного дела. В этом контексте, считаем правильным смягчить предписания ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ и предусмотреть соответствующую альтернативу для суда: либо возвращение уголовного дела для производства дознания в общем порядке, либо продолжение производства по уголовному делу, но в условиях полного судебного следствия. В этом контексте также уместно отметить, что «если после скоротечного упрощенного расследования будет производиться полноценное судебное разбирательство, права участников процесса не только не пострадают, наоборот, такая процедура позволит избежать самооговоров, нарушений прав и законных интересов других участников уголовного процесса, а также способствовать установлению фактических обстоятельств преступления»[4, с. 35].

В соответствии с ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ «приговор постановляется на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, а также дополнительных данных о личности подсудимого, представляемых в порядке, установленном ч. 3 ст. 226.9 УПК РФ». При этом ч.1 ст. 226.9 УПК РФ прямо указывает, что в случае производства дознания в сокращенной форме судебное разбирательство осуществляется по правилам, установленным ст. 316 и 317 УПК РФ применительно к подсудимому, который согласен с предъявленным обвинением и ходатайствует о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства. Так, согласно ч. 5 ст. 316 УПК РФ, «судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание». Отсюда возникает вопрос: почему суд с точки зрения ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ обязан исследовать доказательства, а с позиции ч. 5 ст. 316 УПК РФ – это делать не обязательно. Полагаем, что сущность особой компромиссной технологии заключается именно в отказе от непосредственного исследования всех обстоятельств содеянного. На то и компромисс.

Тогда зачем он нужен. К аргументации авторского мнения свидетельствует соответствующая практика рассмотрения подобных дел, разрешенных оперативно в условиях достигшего компромисса между заинтересованными сторонами. Так, при рассмотрении и разрешении уголовного дела, произведённого с применением особой (компромиссной) технологии расследованных в сокращенной форме дознании, фактического и непосредственного исследования доказательств в суде действительно не происходит, иначе это бы противоречило самой сущности аналогичной компромиссной технологии особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным в порядке главы 40 УПК РФ [1].

Законодатель согласно ч.2 ст. 226.9 УПК РФ предписывает суду исследовать только те доказательства, которые указаны в обвинительном постановлении, следовательно, суд не может исследовать другие доказательства: этим сужаются полномочия суда в части проверки и исследования иных доказательств, подтверждающих виновность подсудимого в совершении преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 29 УПК РФ только суд правомочен признавать лицо виновным в совершении преступления и назначать ему наказание. При этом признавать лицо виновным в совершении преступления суд может только на основе доказательств, подтверждающих виновность обвиняемого в совершении преступления и проверенных в ходе судебного следствия, чего в нашем случае происходить явно не будет. Считаем, что в этой части и исходя из условий и правил компромисса, достигшего между заинтересованными сторонами, законодателю следует сделать исключение из общих правил доказывания и рассмотрения дела по существу.

Отдельно стоит остановиться на проблеме рассмотрения уголовного дела, поступившего в суд с обвинительным постановлением, где доказательствами по делу выступили результаты оперативно-розыскной деятельности. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы в качестве доказательств по делу, но только после их обязательной проверки и оценки. В частности, при проверке и оценке устанавливается их соответствие требованиям УПК РФ, предъявляемым к доказательствам по делу. Если они не отвечают предъявляемым требованиям, то в соответствии со ст. 89 УПК РФ их использование в процессе доказывания недопустимо. Результаты ОРД нет в перечне видов доказательств, установленных ч.2 ст. 74 УПК РФ и потому они по определению не могут признаваться таковыми. Не стоит забывать, что результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактических данных, которые могут стать доказательствами после собирания, проверки и оценки их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона. В этом контексте уместно вспомнить и определение Конституционного суда Российской Федерации от 1 декабря 1999 г. № 211-О, в котором указано, что «проведение оперативно-розыскных мероприятий, сопровождающих производство предварительного расследования по уголовному делу, не может подменять процессуальные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом» [3]. По этой причине, очевидно суд не может вынести приговор лишь на одних результатах оперативно-розыскной деятельности.

Список использованной литературы

1. Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда от 10.03.2020 г. по делу № 22-569/2020 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/kXYOC5tBVz1J/> (дата обращения: 08.02.2025)
2. Маркелов, А. Г. Идея разумного компромисса при сокращенной форме дознания в доказывании по уголовным делам / А. Г. Маркелов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 3. – С. 132-135.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав ч. 4 ст. 127 УПК РСФСР, п. 1 ч. 1 ст. 6 и п.3 ч.1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно - розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда РФ от 01 декабря 1999 г. № 211-О [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 09.02.2025).

4. Плеснева, Л. П. Особенности производства дознания в сокращенной форме: метод. рекомендации / сост. Л. П. Плеснева, М. П. Перякина, В. Г. Степанова, С. В. Унжакова. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. – 35 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I). – Ст. 4921.

УДК 343.1

Н. В. Машинская

*(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

ИСТЕЧЕНИЕ СРОКОВ ДАВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

На основе анализа современного уголовно-процессуального закона и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации формулируется вывод о невозможности производства по уголовному делу после истечения срока давности уголовного преследования.

Истечение срока давности привлечения лица к уголовной ответственности (далее – истечение сроков давности) как и другие нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности может применяться лишь когда подозреваемый, обвиняемый не возражают против прекращения уголовного преследования. В противном случае производство по делу продолжается в обычном порядке вплоть до принятия судом итогового процессуального решения о виновности либо невиновности лица (ч.2 ст.27 УПК РФ). Исходя из того, что в сфере уголовного судопроизводства каждому обеспечивается конституционное право на судебную защиту, право на доступ к правосудию, а также действует презумпция невиновности, такое законодательное установление представляется вполне логичным, направленным на реализацию конституционных гарантий.

Однако существенную корректировку в толкование указанного правового предписания внесло постановление Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) от 18 июля 2022 г. № 33-П. В соответствии с правовой позицией, изложенной в постановлении, органы предварительного расследования после истечения срока давности уголовного преследования не вправе осуществлять правоприменительную деятельность неопределенно долго, продлевая сроки предварительного следствия для дальнейшего осуществления уголовного преследования подозреваемого, обвиняемого. Разъясняя необходимость обеспечения прав и свобод личности, реализуя принцип гуманизма в сфере уголовного судопроизводства, КС РФ указывает на нецелесообразность применения мер уголовно-правового характера в связи с истечением срока давности, в виду прошествии значительного времени со дня совершения преступления, что существенным образом уменьшает общественную опасность содеянного. В результате приведенных рассуждений КС признал ч.2 ст.27 УПК РФ и п. «в» ч.1 ст.78 УК РФ не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они допускают продолжение уголовного преследования после истечения на стадии предварительного расследования срока давности привлечения к уголовной ответственности [1].

Изложенная позиция представляется вполне обоснованной, соответствующей конституционным положениям, принципам уголовного судопроизводства, логике законодателя. Приятное КС РФ решение, потребовало приведения в соответствие положений Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) Конституции РФ, в результате чего Федеральным законом от 13.06.2023 г. № 220-ФЗ включена ч.2.2 в ст.27 УПК РФ, предусматривающая пресекательные сроки осуществления предварительного расследования по уголовным делам, которые еще не переданы в суд, но по которым уже истекли сроки давности.

С одной стороны, включение указанной новеллы положительным образом влияет на правоприменительную практику, обеспечивая ее единообразие. В упомянутой норме устанавливается не только срок, в течение которого орган предварительного расследования вправе продолжить производство по делу, но и основание прекращения уголовного преследования при условии, когда уголовное дело так и не направлено в суд либо не прекращено по иному основанию. В таких случаях уголовное преследование должно быть прекращено в связи с непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (ч.2.2 ст.27 УПК РФ). Примечательно то, что указанное основание является реабилитирующим.

С другой стороны, рассматриваемая норма обнаруживает другие проблемы ее применения. Прежде всего, возникает вопрос о том вправе ли вообще органы предварительного расследования осуществлять производство по уголовному делу, сроки давности по которому истекли. Связывая возможность прекращения уголовного преследования с наличием рассматриваемого основания, законодатель исходил из того, что по прошествии значительного временного периода с момента совершения преступления свидетельствует о существенном снижении общественной опасности деяния, делает возможным восстановление социальной справедливости другим способом, без применения уголовного закона. Предварительное расследование сопряжено с возможностью производства следственных действий и принятием процессуальных решений, ограничивающих конституционные права лиц, однако по смыслу, выявленному в упомянутом постановлении КС РФ незаконное и необоснованное уголовное преследование – грубое посягательство на достоинство личности [2]. Нет ли противоречий между смыслом, выявленным КС РФ и новеллой, закрепленной ч.2.2 ст.27 УПК РФ? Каким образом следователь и дознаватель (далее – следователь) смогут принимать такие решения после истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности?

Значительно раньше КС сформулировал правовую позицию, согласно которой к лицу не допускается применение меры пресечения в виде заключения под стражу, если срок давности привлечения к уголовной ответственности истек [3]. Вправе ли следователь ограничивать другие конституционные права лиц, находящихся под уголовным преследованием в рассматриваемой ситуации? В соответствии с конституционным положением человек представляет высшую ценность, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства. При этом все права, предусмотренные Конституцией РФ, имеют одинаковую значимость, в силу чего, нельзя придавать праву на неприкосновенность личности наибольшую ценность перед, например, правом на неприкосновенность жилища, тайну личной жизни и т.д. Если распространить указанную позицию на иные конституционные права, ограничение которых возможно в ходе предварительного расследования, то дальнейшее осуществление уголовного преследования, после истечения срока давности окажется невозможным и сведется к формальному производству некоторых следственных действий, не сопряженных с ограничением конституционных прав и, позволяющих принять лишь решение о прекращении уголовного преследования.

Принятое КС РФ решение о несоответствии ч.2 ст.27 УПК РФ и п. «в» ч.1 ст.78 УК РФ Конституции РФ не только не устранило проблему возбуждения уголовного дела

в случаях, предусмотренных п.3 ч.1 ст.24 УПК РФ, а, напротив, позволило правоприменителям вкладывать собственный смысл в реализацию указанной нормы. По мнению следователей после истечения сроков давности, уголовное дело можно возбудить и продолжать его расследование в сроки, установленные ч.2.2 ст.27 УПК РФ.

Примеров возбуждения уголовного дела при истечении сроков давности в правоприменительной практике достаточно. Так, например, в связи с увольнением в мае 2020 года с работы гражданка З. через сервис «Госуслуги» подала заявление о постановке ее на учет в Центр занятости и трудоустройства населения для получения денежных средств по безработице. В связи с обращением ей было назначено пособие, которое она получала в период с июня по сентябрь 2020 года. Органам дознания стало известно, что в июне и в июле 2020 года, после увольнения с работы, З. несколько раз выходила на работу по трудовому договору в магазин, где работала кассиром. Установив, что в действиях З. имеются признаки преступления, предусмотренного ч.1 ст.159.2 УК РФ [4], в сентябре 2022 года дознаватель возбудил уголовное дело, несмотря на то, что сроки давности по соответствующему преступлению, истекли.

Правоприменительная практика «получила» возможность осуществлять производство по уголовному делу, по которому истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, забывая о том, что для возбуждения уголовного дела необходимо наличие повода и основания, под которыми понимают не только материально-правовые основания (наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления), но и отсутствие процессуальных препятствий к осуществлению предварительного расследования. При этом полностью игнорируется смысл правила, изложенного в п.3 ч.1 ст. 24 УПК РФ, в соответствии с которым уголовное дело не может быть возбуждено при наличии указанного основания. Исключения из этого правила носят исчерпывающий характер (ч. 3, 4 и 5 ст.78 УК РФ). Следует согласиться с мнением В.А. Лазаревой о том, что в рассматриваемых случаях понятие давности привлечения к уголовной ответственности и давности уголовного преследования, являются идентичными, при этом уголовное преследование направлено на установление оснований уголовной ответственности [5, С.14-21].

Таким образом, анализ позиций КС РФ, а также действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства позволяет сомневаться в правильности правового предписания, предусмотренного ч.2.2 ст. 27 УПК РФ в той части, которая позволяет продолжать уголовное преследование после истечения срока давности. Выражая свое мнение относительно возможности прекращения уголовного преследования по п.3 ч.1 ст.24 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый, прежде всего не согласен с основанием прекращения уголовного дела, а не с принятием этого процессуального решения в принципе. В этой связи представляется уместным, в случае если органы предварительного расследования не уложились в предусмотренные законом сроки для осуществления уголовного преследования лица, совершившего преступление, реализовывать правило о прекращении уголовного преследования по реабилитирующему основанию. Указанное правило будет стимулировать активную правоприменительную деятельность в ходе предварительного расследования, а также обеспечит конституционные права личности.

Список использованной литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 N 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова»//СПС КонсультантПлюс.

2. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2018 N 281-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Румянцева Михаила Олеговича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью первой статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» //СПС КонсультантПлюс.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000 N 296-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гончарова Николая Степановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 5, 89, 93, 143, 154, 221, 247 и 378 Уголовно – процессуального кодекса РСФСР»//СПС КонсультантПлюс.

4. Уголовное дело № 12201110001001418 //Архив отделения дознания по обслуживанию Октябрьского округа города Архангельска УМВД России по городу Архангельску.

5. Лазарева, В. А. Уголовно-процессуальные последствия истечения срока давности уголовного преследования / В. А. Лазарева // Мировой судья. – 2022. – №3. – С. 14-21.

УДК 343.97

С. С. Мельник¹, М. М. Карасева²

*(¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
Российская Федерация)*

*(²Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российская Федерация)*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА НЕКОТОРЫХ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ КОМПЛЕКСНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

В материалах исследуются особенности угрозы экстремизма в Исламской Республике Пакистан, Республике Индия и Китайской Народной Республике. Авторами проанализировано правовое регулирование и факторы, влияющие на уголовно-правовую политику в указанных странах в области борьбы с экстремизмом. Отмечается необходимость развития конвенционных механизмов регулирования, наполнения двусторонними соглашениями (в том числе межведомственными) и формированием универсальных механизмов противодействия экстремизму, что объективно необходимо для системного противодействия экстремизму как фундаментальной угрозе международному миру и безопасности. Публикация подготовлена при поддержке МГИМО МИД России в рамках XV конкурса молодых ученых МГИМО «Расширение горизонтов сотрудничества БРИКС» (грант № КМУ-15/07 «Уголовно-правовая политика государств БРИКС+ по защите традиционных ценностей»).

Уголовно-правовая политика стран в области противодействия экстремизму вызывает неподдельный интерес с учетом того факта, что по всему миру количество таких противоправных деяний растет экспоненциально. Такая угроза привлекает все большее внимание мирового сообщества, такая международная организация как Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС) не стала исключением. Именно эффективность некоторых заинтересованных акторов будет определять основу и промежуточные итоги борьбы с такими фундаментальными вызовами как терроризм и экстремизм.

Хоть такие явления и неразрывно связаны друг с другом, однако именно экстремизм, по какой-то причине, остается вне рамок универсального международно-правового регулирования. Тем не менее, государства-члены ШОС активно развивают сотрудничество компетентных органов в целях борьбы именно с этой угрозой (об этом свидетельствует факт принятия соответствующих конвенционных механизмов в 2001 и 2017 году соответственно) [1; 2].

Тем не менее, сам характер угрозы от экстремизма (а вместе с ним и уголовно-правовая политика), даже в государствах-членах ШОС, значительно отличается. Например, в национальном отчете о взаимной оценке Китайской Народной Республики отмечается

исключительно угроза со стороны «Исламского движения Восточного Туркестана», а также ограниченная угроза со стороны местных «экстремистских террористических бандформирований» (без конкретизации). Особо отмечается и взаимосвязь между экстремистскими группами и зарубежной религиозно-экстремистской пропагандой [3].

В Исламской Республике Пакистан проблема экстремизма является более острой (так как религиозный фактор существенно на это влияет). Национальное управление по борьбе с терроризмом осуществляет постоянный контроль и мониторинг информационно-коммуникационного пространства в сети «Интернет» на предмет потенциальных нарушений именно соответствующего правового регулирования (компетенция и функции отражены в Закон № XIX «О Национальном управлении по борьбе с терроризмом») [4].

Конститутивное значение при этом имеет Закон № XXVII 1997 г. «О противодействии терроризму», на основе которого Министерство внутренних дел Исламской Республики Пакистан ведут перечень запрещенных организаций, нарушающих фетву по противодействию терроризму. Подавляющее большинство мазхабов на территории государства подписали указанный акт и признают его силу без исключений. При этом рост таких преступлений остается стабильно высоким в целом по стране. Еще в 2019 году в национальном отчете о взаимной оценке Исламской Республики Пакистан отмечалась необходимость принятия программ по противодействию терроризму и экстремизму, а также сотрудничества с международными организациями в целях эффективной борьбы с ними [5]. Такие программы в значительной степени влияют на уголовно-правовую политику страны.

В Республике Индия экстремистские угрозы имеют нечто общее с Исламской Республикой Пакистан, но их классификация значительно углублена. В целом, можно говорить об угрозах со стороны следующих преступных групп:

- 1) формирования, связанные с ИГИЛ и Аль-Каидой (запрещенные в Российской Федерации террористические организации);
- 2) региональные повстанческие движения (преимущественно север Индии);
- 3) «Спящие» ячейки преступных организаций;
- 4) Радикальные религиозные объединения [6].

Основным стремлением правоохранительных органов в Республике Индия является осуществление эффективного международного сотрудничества для предотвращения распространения экстремистской идеологии, при этом представляется, что это необходимо осуществлять в рамках определенного международно-правового регулирования (хотя бы соответствующие конвенции ШОС, которые пока что не применяются в государстве). Особо необходимо и заключение соответствующих межведомственных соглашений с некоторыми странами или же развитие уже существующих конвенционных механизмов в рамках международных региональных организаций (БРИКС и ШОС соответственно).

Несмотря на разную внутреннюю структуру угроз экстремизма в странах ШОС это не является единственной проблемой, так как необходимо учитывать и особенности, связанные с принадлежностью к разным правовым семьям (Китайская Народная Республика относится к коммунистической правовой семье, Исламская Республика Пакистан к мусульманской семье, а Республика Индия к смешанной семье), равно как и текущую конъюнктуру международных отношений (конфликт между Индией и Пакистаном) [7].

Все эти факторы, вне всяких сомнений, влияют на региональную систему безопасности государств-членов ШОС. Ввиду особой политической ситуации, думается, что целесообразно развивать двустороннее сотрудничество в качестве продолжения конвенционного регулирования, а уже затем переходить к универсальным механизмам борьбы с такой угрозой как экстремизм. Последовательность в развитии системы противодействия экстремистской идеологии прочная основа для укрепления международного мира и безопасности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уголовно-правовая политика государств в борьбе с экстремизмом, даже в рамках государств-членов ШОС, различается.

В числе основных факторов можно назвать разный характер угроз, общий уровень преступности в стране, особенности правового регулирования и принадлежность к определенной правовой семье. Вместе с тем дальнейшее развитие этого направления объективно необходимо, ввиду чего конвенционное регулирование на уровне ШОС требует некоторого дополнения, что и будет основной задачей для, пожалуй, большинства государств-членов ШОС в ближайшее время.

Список использованной литературы

1. Шанхайская конвенция по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 05.06.2001 г.
2. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 09.06.2017 г.
3. Отчет о взаимной оценке Китайской народной Республики (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег [Электронный ресурс] // ЕАГ ФАТФ. – URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/Post_Plenary_MER_of_China_Russian.pdf (дата обращения 29.04.2025).
4. National Counter Terrorism Authority Act // Government of Pakistan. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://nacta.gov.pk/wp-content/uploads/2017/09/NACTA-Act.pdf> (дата обращения: 25.04.2025).
5. Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures // APG FATF. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/fsrb-mer/APG-Mutual-Evaluation-Report-Pakistan-October%202019.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).
6. Country Reports on Terrorism 2022: India. 2022. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2022/india> (дата обращения: 25.02.2025).
7. Pakistan defence minister says military incursion by India is imminent // Reuters. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.reuters.com/world/pakistan-defence-minister-says-military-incursion-by-india-is-imminent-2025-04-28/> (дата обращения 29.04.2025).

УДК 12.00.08

А. В. Муравлянский, А. Д. Гурьянова

(Сургутский государственный университет, Российская Федерация)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВИЛ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГРУППОЙ ЛИЦ

В особенной части действующего уголовного кодекса Российской Федерации содержится 147 квалифицированных и особо квалифицированных составов преступления с признаками «совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой». И несмотря на то, что любое деяние, совершённое в составе группы, приобретает повышенную степень общественной опасности, далеко не все виды преступлений применяют этот квалифицирующий признак. Не всегда и дифференцируется ответственность при совершении преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. Авторы предлагают своё видение выхода из создавшейся ситуации.

С 01 января 1997 года в нашей стране действует уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года. Во многих нормах уголовного права действуют квалифицирующие

и особо квалифицирующие признаки, в частности такие, как: 1. Деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору; 2. Деяния, совершенные организованной группой. Аналогичное положение существует и в действующем УК Республики Беларусь.

Эти признаки далеко не новы для уголовного законодательства, они использовались и в УК РСФСР 1922/26 и 1960 годов, в частности первый из них встречается в действующем УК 140 раз, второй – 47. Для сравнения: признак «из хулиганских побуждений» встречается 9 раз; «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» – 12 раз; «в отношении несовершеннолетнего» – 13 раз; «в отношении двух или более лиц» – 17 раз.

Повышенная общественная опасность преступлений совершённых группой лиц по предварительному сговору и организованной группой давно уже признана юридическим сообществом, об этом писали ещё Н. С. Таганцев, А. П. Жиряев (первый из русских учёных, посвятивших соучастию свою монографию), М. Д. Шаргородский, А. Н. Трайнин, а позже такие авторы, как А. Ф. Ананьин, С. В. Афиногенов, Н. А. Беляев, С. В. Бородин, С. Г. Бурчак, Р. Р. Галиакбаров, Л. Д. Гаухман, П. И. Гришаев, П. Ф. Гришанин, А. И. Долгова, Д. С. Дядькин, А. Ф. Зелинский, Г. А. Злобин, В. Д. Иванов, Н. Г. Иванов, М. И. Ковалёв, А. П. Козлов, Г. А. Кригер, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, А. И. Кулагин, Г. М. Миньковский, В. П. Малков, В. А. Никонов, В. С. Прохоров, Н. А. Стручков, П. Ф. Тельнов, Б. С. Утевский и многие другие.

Полностью соглашаясь с выводами уважаемых авторов, тем не менее позволим себе заметить, что наше уголовное право стоит на позициях т.н. «общей криминализации», хотя последнее время довольно часто использует криминализацию «казуальную», более присущее англо-саксонскому праву. Так и в данном случае, несмотря на то, что практически любое преступление, совершённое группой лиц по предварительному сговору, а уж тем более организованной группой, характеризуется большей общественной опасностью, чем совершённое в одиночку, законодатель признаёт таковое только в отдельных, указанных в законе (особенной части УК) случаях.

Кроме того, не смотря на более высокую общественную опасность преступлений, совершённых организованными преступными группами, что убедительно доказывается в работах М. И. Ковалёва, А. И. Долговой, Н. Г. Иванова, А. П. Козлова, В. А. Никонова и подтверждается позицией Пленума ВС РФ, во многих составах (например п. «в» ч. 2 ст. 141, п. «а» ч. 2 ст. 164 и многие другие) оба рассматриваемых признака указываются в одной части статьи, т. е. фактически приравниваются друг к другу.

Считая такой подход не совсем правильным, предлагаем убрать указанные квалифицирующие признаки из норм особенной части уголовного кодекса, с одновременным внесением изменений в общую часть, добавив в неё новую норму:

«Статья 67.1 «Назначение наказания при совершении преступлений группой лиц»

1. При назначении наказания за преступление против личности, совершённого группой лиц, либо иного преступления, совершённого группой лиц по предварительному сговору, размеры и сроки максимального наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части настоящего кодекса увеличиваются на одну треть.

2. При назначении наказания за преступление, совершённое организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) размеры и сроки максимального наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части настоящего кодекса увеличиваются на половину.

3. Минимальные размеры и сроки наказания не могут быть меньше одной трети максимального наказания, предусмотренного частью 1 и 2 настоящей статьи.

4. В случае, если максимальный срок наказания, при применении части 1 или 2 настоящей статьи превышает 20 лет лишения свободы, суд вправе назначить наказание (за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение

особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних) в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни».

Думается, что в дальнейшем такой подход можно будет применить и к другим квалифицирующим признакам состава преступления. Это, на наш взгляд, позволит более справедливо дифференцировать назначение наказания и применять эту же дифференциацию по отношению к преступлениям, в нормах о наказании за которые такие квалифицирующие признаки пока не используются.

УДК 343.352

А. Э. Набатова, А. Е. Рыжанкова

(Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Материалы посвящены вопросам применения смертной казни в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике (далее – КНР). В работе дана характеристика этому виду наказания в двух странах, проанализированы преступления, предусматривающие смертную казнь в качестве меры наказания, отмечены особенности ее назначения и применения.

Право на жизнь занимает центральное место в системе фундаментальных прав человека, впервые закрепленное в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 года (далее – Декларация), провозглашающей что: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» [1]. Данное положение стало ключевым ориентиром для разработки других международных правовых актов, таких как Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, детализирующий гарантии права на жизнь и ограничения на ее лишение (ст. 6) [2]. Он предусматривает, что смертная казнь, если она не отменена, может применяться лишь в отношении особо тяжких преступлений, и только после справедливого судебного разбирательства, проведенного в строгом соответствии с нормами правосудия. Отметим, что Республика Беларусь ратифицировала оба этих акта, тогда как КНР ратифицировала только Декларацию. В уголовном законодательстве обеих государств имеется такой вид наказания как смертная казнь, и ее применение осуществляется с учетом норм международного права за определенные категории преступлений.

Беларусь и Китай являются важными стратегическими партнерами. О чем свидетельствует постоянно развивающаяся договорная база. Сегодня она включает более 80 соглашений, среди которых значимое место занимает договор о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, подписанный в 1993 году, что позволяет в двухстороннем порядке осуществлять взаимодействие между нашими странами в борьбе с организованной преступностью, терроризмом, экстремизмом. В процессе сотрудничества, так или иначе, возникают вопросы, связанные с назначением и исполнением уголовных наказаний. Смертная казнь не является исключением, что и определяет актуальность рассмотрения данной проблемы на примере двух стран.

Таким образом, целью исследования выступает смертная казнь как мера наказания в контексте правовых систем обеих стран. Объектом являются общественные отношения, возникающие в связи с понятием и содержанием смертной казни в Республике Беларусь и КНР. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: дать характеристику смертной казни в Республике Беларусь и КНР, рассмотреть особенности данного вида наказания в контексте правовых систем обеих стран.

Итак, Конституция Республики Беларусь (ст. 24) закрепляет фундаментальное право человека на жизнь, одновременно устанавливая возможность применения смертной казни в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления и только на основании обвинительного приговора суда. В КНР право на жизнь закреплено в ст. 1002 Гражданского кодекса, которая гласит: «Физические лица обладают правом на жизнь. Безопасность и достоинство жизни физических лиц охраняются законом. Никакие организации или физические лица не должны посягать на право на жизнь.» [3]. Отсутствие фундаментального права человека в Конституции КНР неоднозначно оценивается, однако в виду культурных, социальных и иных различий между нашими странами такой подход отражает специфику национальной правовой системы Китая и его исторически сложившиеся традиции в регулировании прав человека.

В Республике Беларусь в качестве исключительной меры наказания допускается применение смертной казни – расстрела (до отмены смертной казни). В ст. 59 УК Республики Беларусь (далее – УК) содержится перечень преступлений, за которые может быть назначена смертная казнь (ч. 2 ст. 124, ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 289, ч. 2 ст. 356 и ч. 2 ст. 359), а также за сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах и некоторые иные особо тяжкие преступления. Отсюда, можно говорить, что перечень преступлений, указанный выше не является исчерпывающим, а вопрос применения смертной казни в национальной правовой доктрине решается дифференцированно при наличии всех указанных выше признаков. В санкциях 14 составов преступлений Особенной части УК смертная казнь предусмотрена как наказание [4].

В Уголовном кодексе КНР (далее – УК КНР) отсутствуют указания на исключительность применения смертной казни или ее возможную отмену. В 47 статьях Особенной части УК КНР она предусмотрена как наказание и применяется к лицам, совершившим тяжчайшие преступления (ст. 48 УК КНР). Исходя из смысла закона, можно сделать вывод, что данный вид наказания может быть применен и в тех случаях, когда он прямо не указан в санкции статьи Особенной части УК КНР. Так, например, ст. 113 УК КНР (применение смертной казни и конфискации имущества за преступления против государственной безопасности) является общей для преступлений против государственной безопасности (Глава 1 УК КНР) и содержит отягчающие признаки, при наличии которых может быть применена смертная казнь за данные преступления. Например, к ним относятся: государственная измена (ст. 102 УК КНР); вооруженный мятеж, вооруженные массовые беспорядки (ст. 104 УК КНР); измена и предательство (ст. 108 УК КНР) и др. В Главе 8 УК КНР – Коррупция и взяточничество, ст. 383 (санкция за коррупцию) также является общей для данной группы преступлений и содержит в качестве наказания смертную казнь при наличии отягчающих признаков. Например, в ст. 141 УК КНР (производство и реализация поддельных лекарственных средств), ст. 232 УК КНР (умышленное убийство), ч. 3 ст. 236 УК КНР (изнасилование), ст. 347 УК КНР (контрабанда, сбыт, перевозка или изготовление наркотиков) санкция напрямую предусматривает применение смертной казни за совершение указанных деяний [5].

Таким образом, в КНР и Республике Беларусь смертная казнь применяется за такие преступления как заговор или иные действия, совершенные с целью захвата государственной власти, убийство, изнасилование, диверсия и др. В КНР помимо указанных преступлений, применение смертной казни имеет место за незаконный оборот наркотиков, совершение хищений и финансовых преступлений, коррупцию и др.

Можно правомерно утверждать то, что перечень преступлений, за которые может быть применена смертная казнь в КНР шире, чем в Республике Беларусь. Во-первых, это связано со спецификой уголовного законодательства в обеих странах и его национальными особенностями. Во-вторых, динамикой преступности в различных группах преступлений, что обуславливает наличие такой меры наказания как смертная казнь

(например, за коррупцию в КНР). В-третьих, общими тенденциями гуманизации уголовного законодательства (в Республике Беларусь меньшее количество составов, в КНР все чаще назначают альтернативные смертной казни наказания).

Также есть некоторые отличия в субъектах, к которым не применяется смертная казнь. В Беларуси к таковым относятся: лица, совершившие преступления в возрасте до восемнадцати лет; женщины; мужчины, достигшие шестидесяти пяти лет на момент постановления приговора. В Китае смертная казнь не применяется к лицам, не достигшим к моменту совершения преступления 18-летнего возраста, к женщинам, находящимся во время судебного разбирательства в состоянии беременности, к лицам, достигшим к моменту судебного разбирательства 75-летнего возраста. Как видим, в КНР относительно женщин включен физиологический критерий – состояние беременности, и сниженный возрастной критерий к обоим полам – 75 лет, что существенно расширяет полномочия судов при применении данного вида наказания к более широкому кругу лиц, чем в Беларуси.

Тем не менее, в китайском законодательстве есть интересная особенность. Суть ее в том, что в отношении осужденных к смертной казни, когда нет необходимости привести приговор в исполнение немедленно, одновременно с постановлением приговора его исполнение может быть отсрочено на два года (ст. 48 УК КНР). Характер поведения осужденного в период «испытательного срока» может влечь наступление различных последствий. Во-первых, если такой осужденный во время отсрочки не совершил умышленного преступления, то по истечении двух лет наказание может быть заменено пожизненным лишением свободы. Во-вторых, если осужденный искупил вину серьезными заслугами, то по истечении отсрочки наказание может быть заменено лишением свободы на срок от 15 до 20 лет.

Таким образом, уголовное законодательство КНР направлено на стимулирование позитивного посткриминального поведения осужденных, дает им шанс на жизнь, и обретение свободы через 15, 20 лет. В Беларуси, институт отсрочки приговора в части исполнения смертной казни отсутствует, а разрешение вопросов, связанных с заменой наказания решается через институт помилования.

Есть некоторые отличия в способах исполнения смертной казни в наших странах. В Беларуси, смертная казнь реализуется в условиях строгой конфиденциальности через расстрел, тело казненного для захоронения родственникам не выдается. В КНР, помимо расстрела, используется смертельная инъекция. Причем, приведение в исполнение смертного приговора через инъекцию осуществляется не только в учреждениях исполнения уголовных наказаний, но и с помощью мобильных передвижных комплексов, позволяющих выезжать в отдаленные районы страны. Так же, в Китае, допускается присутствие родственников осужденного при приведении в исполнение смертного приговора. В Республике Беларусь такое участие исключено.

Подводя итог, отметим. Анализ применения смертной казни в Республике Беларусь и КНР показывает, что, несмотря на существующие различия в правовых системах, обе страны продолжают использовать эту меру наказания. В Беларуси смертная казнь имеет ограниченный характер и применяется в исключительных случаях, тогда как в Китае она предусмотрена за более широкий круг преступлений и сопровождается возможностью отсрочки исполнения приговора. Различия также проявляются в процедуре и средствах исполнения. В целом, исследование демонстрирует, что подход к смертной казни в обеих странах формируется под влиянием исторических, культурных, социально-экономических и правовых факторов, определяющих место этой меры наказания в национальных правовых системах. На современном этапе, учитывая характер внешних и внутренних угроз исключить смертную казнь из системы наказаний пока не представляется возможным.

Список использованной литературы

1. Всеобщая декларация прав человека, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 2.02.2025).

2 Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 2.02.2025)

3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 109 с.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. №275-З [Электронный ресурс] // ИПС Эталон-онлайн. – Минск, 2025.

5. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общей ред. проф. А. И. Чучаева и проф. А. И. Коробеева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. – 2-е изд. – М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021.— 312 с.

УДК 343

И. Н. Поздняк

(управление координации служебной деятельности управления Государственного комитета судебных экспертиз по Гомельской области, Республика Беларусь)

ЦИФРОВЫЕ УГРОЗЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ, ТЕХНОЛОГИЯ DEEPFAKE

В материале рассматривается понятие дипфейка и технология создания контента с дипфейком, угрозы и риски, а также методики выявления дипфейк-контента, сгенерированные при помощи искусственного интеллекта.

Применение искусственного интеллекта несет в себе массу позитивных возможностей в различных отраслях общественных отношений, но в то же время при использовании этой технологии мошенниками, он проявляется с деструктивной стороны. В цифровом мире при массированном информационном потоке восприятие человека изменилось, критическое мышление притупилось, и порой сложно найти разницу между фейком и реальностью. Как и любой технологический виток, развитие искусственного интеллекта несет в себе скрытые угрозы применения данной технологии. В своем выступлении 28.05.2024 г. на Форуме медийного сообщества Беларуси в г. Могилёве Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил: «Что такое «фейк», «постправда», «дипфейк»? Обычная ложь. Искажение фактов. Вранье. Подлог. И нам всем надо чаще называть вещи своими именами.» [1].

Термин «дипфейк» (англ. *deepfake*) состоит из двух понятий: «глубинное обучение» (англ. *deep learning*) и «подделка» (англ. *fake*). Таким образом, понятие дипфейка можно определить как метод синтеза цифровой информации (контента), основанный на искусственном интеллекте, в котором реалистично созданный контент является поддельным (фейковым). Применяя данную технологию, злоумышленники используют нейросеть, накладывая фрагменты контента на исходное изображение или видео. Происходит подмена изображения лица, мимики человека, его жестов и голоса в видеоряде или звуковой дорожке.

Для реализации технологии создания дипфейка необходимы исходные данные, т. е., фото- и видеоизображения, образцы голоса жертвы, которые в последующем нейросеть анализирует и синтезирует, чтобы создать реалистичные видео- и аудиозаписи, часто с лицами или голосами людей, которые на самом деле в создании контента не участвовали. Чем больше у искусственного интеллекта имеется исходных данных, тем качественнее будет результат подделки. В настоящее время проблем с поиском фото- и видеоизображений потенциальной жертвы нет. Мы сами формируем искомые данные для искусственного интеллекта путем размещения в различных сетях на просторах интернета личных фотографий, видеозаписей и иной информации.

Основными инструментами при создании реалистичного видеоряда на основе анализируемых изображений жертвы являются генеративные состязательные сети (GAN). Генеративная состязательная сеть (далее – GAN) – это архитектура глубокого обучения. Она учит две нейронные сети конкурировать друг с другом и генерировать более реалистичные новые данные из заданного для их обучения набора. Например, можно создавать изображения или видео из соответствующих баз данных. GAN называют состязательной, потому что она обучает две разные сети и противопоставляет их друг другу. Одна из них генерирует новые данные, используя выборку входных данных и максимально изменяя ее. А вторая пытается предсказать, являются ли полученные выходные данные оригинальными. Другими словами, сеть прогнозирования определяет, являются ли сгенерированные данные поддельными или настоящими (рисунок 1).

Рисунок 1 – Принципиальная схема работы GAN при создании дипфейка

Система создает новые, улучшенные версии поддельных данных до тех пор, пока сеть прогнозирования не перестанет отличать подделку от оригинала [2]. Яркий пример применения мошенниками технологии дипфейк в феврале 2024 г. прокатился по всем информационным платформам. На своем сайте газета South China Morning Post сообщила о финансовых потерях на сумму 200 млн гонконгских долларов (25,6 млн долларов США), понесенных офисом транснациональной компании в Гонконге, название которой не раскрывается, из-за мошенничества с использованием технологии дипфейк.

Все началось с фишингового сообщения от финансового директора компании из Великобритании о проведении секретной транзакции, которое получил сотрудник финансового отдела гонконгского филиала. Возникшие у сотрудника сомнения развеялись после того, как его пригласили на групповую видеоконференцию с участием финансового директора и других сотрудников компании. Все участники мероприятия были узнаваемы, выглядели и говорили как реальные люди. Во время видеоконференции мошенники попросили жертву представиться, но не вступали с ней в беседу, а давали указания. Следуя полученным инструкциям, сотрудник произвел 15 переводов на общую сумму 200 млн гонконгских долларов на пять банковских счетов в Гонконге. Только через неделю он понял, что это мошенничество, и обратился в штаб-квартиру компании.

По данным полиции мошенники обращались и к другим сотрудникам этой компании, используя ту же тактику видеозвонка, но безуспешно [3]. Согласно сведениям Глобального альянса по борьбе с мошенничеством (GASA) в минувшем году из-за действий сетевых мошенников по всему миру было утрачено 1,026 трлн долларов. И это только официально известная сумма. Больше всего подобных криминальных схем фиксируется

в Соединенных Штатах. Согласно анализу GASA около 60 % пострадавших не сообщают о преступных действиях в правоохранительные органы, а 24 % опрошенных не видят смысла это делать, поскольку привлечь аферистов к ответственности очень сложно. Исследование GASA показало: 78 % из 49,5 млн респондентов сталкивались хотя бы с одной попыткой сетевого обмана за последний год, а 59 % – ежемесячно [4].

Помимо финансового ущерба, технология дипфейк применяется и для нанесения репутационных потерь, а также может быть использована для создания фальшивых новостей и манипуляции общественным мнением. «Дональд Трамп арестован». В марте 2023 г. на просторах интернета были опубликованы фотографии задержания бывшего президента США (рисунок 2). Через несколько дней выяснилось, что данный фотоматериал сгенерирован нейросетью Midjourney V5. Но к этому времени он успел разлететься по социальным сетям и новостным сайтам. Журналист Элиот Хиггинс, который создал фейковые фотографии с помощью нейросети Midjourney V5, не рассчитывал на такой всплеск интереса со стороны аудитории: за два дня пост в Twitter набрал 5 млн просмотров [5].

Рисунок 2 – Опубликованные фотографии (дипфейк)

Еще одним примером ведения информационной войны стало распространение 10.08.2024 на разных телеграм-каналах видеозаписи брифинга официального представителя Министерства Обороны Российской Федерации генерал-лейтенанта Конашенкова И. Е. о ходе проведения специальной военной операции, на которой он сообщил о том, что спецназ «Ахмат» договорился с ВСУ и пропустил их на территорию Курской области (рисунок 3).

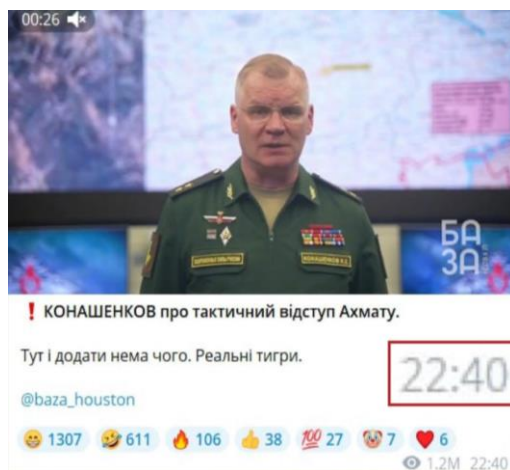

Рисунок 3 – Опубликованная видеозапись на украинском телеграмм-канале

На сегодняшний день технология дипфейк широко используется в ведении гибридных (информационных) войн путем информационно-психологического воздействия на население с целью разрушения систем государства, политика которого не устраивает противника. С применением технологии дипфейк создаются и распространяются сюжеты от имени рейтинговых государственных средств массовой информации, конечная цель которых – посеять панические настроения, повысить социальное напряжение в обществе, запугать либо дискредитировать власти государства.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, обращаясь на Форуме медийного сообщества к журналистам, также отметил: «Вы глубоко понимаете тему гибридной агрессии, которой мы противостоям с того момента, как начали делать первые суверенные шаги. Когда проводили референдумы, спасали народную собственность и сами принимали важнейшие решения. И с тех самых пор, как только дали понять, что будем проводить самостоятельную политику, мы живем под огнем постоянной критики, лжи, абсурдных обвинений. Это терабайты сфабрикованных и щедро проплаченных медийных фальшивок под красивой оберткой.» [6].

В противоборстве с дипфейками важное значение имеет не только факт разоблачения фальшивок, но и привлечение их «авторов» к установленной законом ответственности. Все чаще в судебных заседаниях в качестве вещественных доказательств выступают видеозаписи. Это связано с доступностью данной технологии, развитием инфраструктуры камер наружного наблюдения системы «умного города» и наличием у каждого из нас смартфона с камерой. Достоверность представленной суду видеозаписи пока еще не ставится под сомнение, но с развитием доступности технологии дипфейк этот вопрос, несомненно, возникнет.

Негативные последствия применения технологии дипфейк очевидны, и во всем мире предпринимаются попытки разработки программных продуктов по идентификации дипфейков. Однако применительно к судебному процессу окончательную точку в вопросе установления оригинальности видеозаписи и выявления признаков синтеза видеозаписи искусственным интеллектом будет ставить судебный эксперт.

По нашему мнению, при проведении экспертизы в целях решения вопроса о создании видеозаписей с использованием технологии дипфейк необходимо применять комплексный подход с привлечением экспертов из разных отраслей, компетентных в проведении портретных, компьютерно-технических, фоноскопических видов экспертиз, а также специалистов из других областей. На сегодняшний момент единой методики исследования видеозаписей с дипфейком не существует. Во всем мире разрабатываются методы выявления дипфейков, каждый из которых имеет как достоинства, так и недостатки. Данные инструменты (методы) лишь помогают эксперту прийти к выводу о создании исследуемого контента при помощи искусственного интеллекта. Выбор экспертом метода (методов) для идентификации синтезированного контента зависит от способа создания дипфейка, уровня обучаемости искусственного интеллекта, нейронной сети, которая использовалась при его создании.

Каждая новая технология имеет свои слабые стороны, и дипфейк – не исключение. Так, на синтезируемых искусственным интеллектом изображениях могут быть обнаружены ошибки: статичный фон, муар, шумы, некорректная мимика лица, внезапное изменение тембра речи, нестыковки звуковой дорожки с видеозаписью, резкие паузы и другие признаки, указывающие на синтезированное искусственным интеллектом видеоизображение человека.

В опубликованном исследовании факультета компьютерных наук и инженерии Университета Буффало (Государственный университет Нью-Йорка, США) «Выявление лиц, созданных GAN с использованием не соотносящихся элементов роговицы глаза» рассматривается вопрос идентификации дипфейков на основе несоответствия изображения в роговицах глаз. На изображениях лиц, синтезированных GAN, могут проявляться

«артефакты» в виде непоследовательных зеркальных бликов роговицы между двумя глазами. В данной работе описывается метод извлечения и сравнения бликов роговицы двух глаз. Качественные и количественные оценки данного метода при обнаружении несоответствующих бликов позволяют эффективно идентифицировать синтезированные GAN изображения [7].

В начале из изображения извлекаются зеркальные отражения роговицы, которые в дальнейшем сопоставляются (рисунок 4, 5).

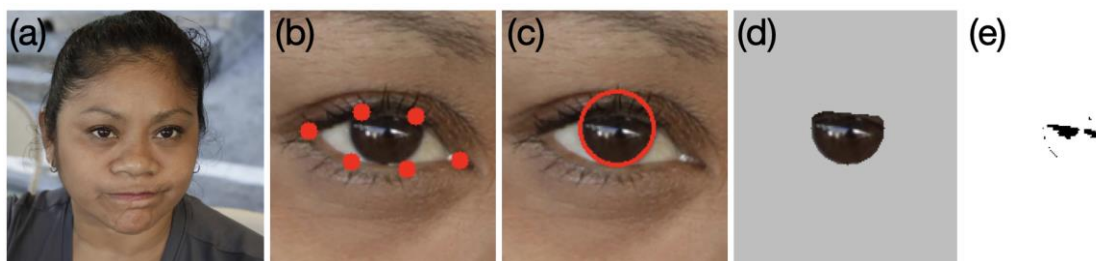

Рисунок 4 – Общий процесс получения зеркального блика роговицы:

а изображение лица в высоком разрешении; б обнаружение лицевых ориентиров вокруг глаз; с обнаружение области роговицы; д пересечение области глаза и круглой области роговицы; е извлеченная область зеркального отражения роговицы

Примеры сопоставления зеркальных отражений роговиц глаз:

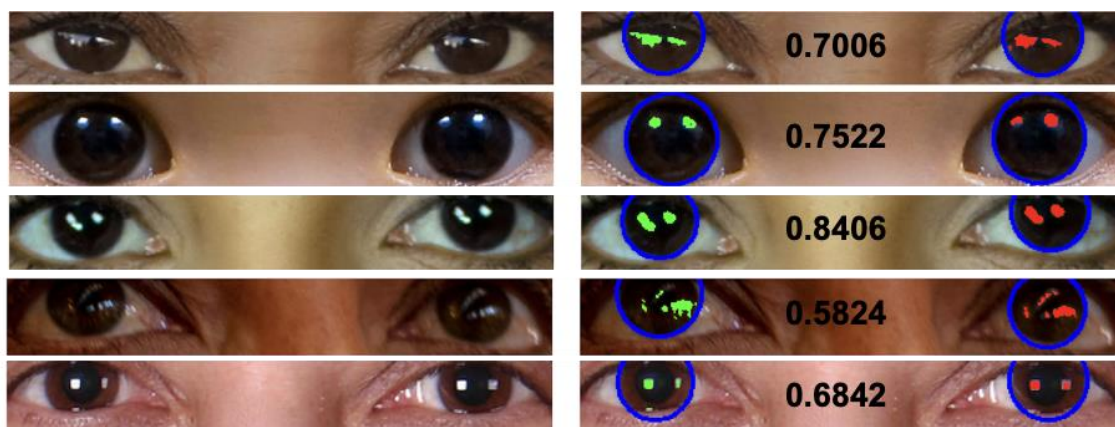

Рисунок 5 – Изображения реальных человеческих глаз

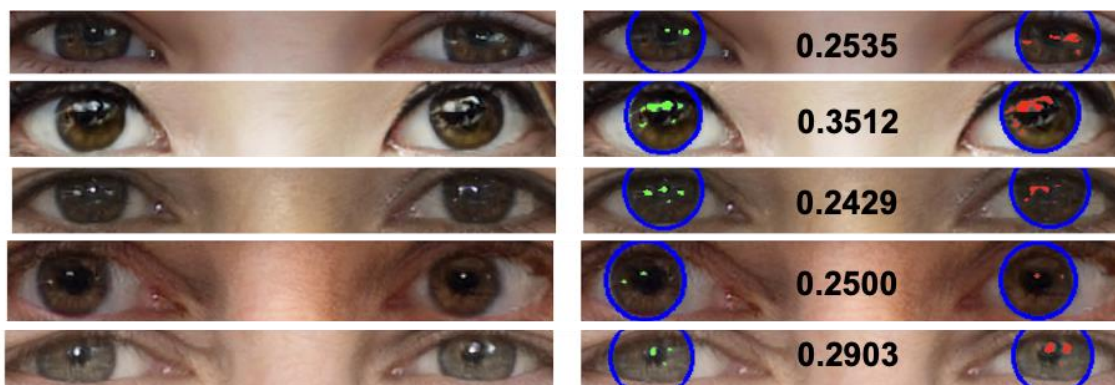

Рисунок 6 – Изображения, синтезированные с применением GAN-технологии

Эта методика применима к качественным изображениям, на которых человек представлен в анфас при ярком освещении, позволяющем объективу запечатлеть зеркальный блик в роговице глаза (рисунок 6). Разрабатываются методики выявления дипфейков с помощью определения «артефактов» в речи. Так, компания Pindrop представила методику, направленную на выявление «артефактов» или элементов звука, которых в дипфейках быть не должно. Например, в русском языке существуют фрикативные или щелевые согласные: ф, в, с, з, ш, ж. Системам искусственного интеллекта особенно сложно освоить звуки, возникающие при произнесении таких согласных, поскольку алгоритм воспринимает их как фоновый шум. В результате на фейковых записях данные согласные пропускаются или звучат иначе [8].

Создаются методики анализа как изображения (контрастности пикселей и границы смешивания в градациях оттенков серого цвета, позволяющие определить точки наложения изображения), так и звуковой дорожки (по артефактам звучания речи, акустическим и гидродинамическим различиям между образцами голосов реальных людей и дипфейков, детальному частотному анализу аудиоданных). Кроме того, анализируются и метаданные файла на предмет установления даты создания файла, координат географического положения, оборудования, на котором создан файл, и т. п. [9].

Приведенные в материале методы являются лишь примерами приемов разоблачения дипфейк-контента, они постоянно развиваются и совершенствуются, создаются новые. Но и сама технология дипфейк также не стоит на месте, это своего рода «гонка вооружений», в которой происходит непрерывная борьба технологий. Угрозы и вызовы, исходящие от применения технологии дипфейк, очевидны. От эффективности противостояния этим угрозам зависит не только защищенность прав и законных интересов граждан, но и информационная безопасность государства и общества в целом.

Список использованной литературы

1. Лукашенко: жизнь научила белорусов мыслить критически и проверять информацию, прежде чем делать выводы [Электронный ресурс] // Sb.by. Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/lukashenko-zhizn-nauchila-belorusov-myslit-kriticheskii-proveryat-informatsiyu-prezhde-chem-delat-v.html>. – Дата доступа 13.05.2024.
2. Что такое GAN? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://aws.amazon.com/ru/what-is/gan/>. – Дата доступа 05.05.2024.
3. Everyone looked real: multinational firm's Hong Kong office loses HK\$200 million after scammers stage deepfake video meeting [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/law-and-crime/article/3250851/everyone-looked-real-multinational-firms-hong-kong-office-loses-hk200-million-after-scammers-stage>. – Дата доступа: 13.05.2024.
4. В 2023 году интернет-мошенники похитили не менее одного процента мирового ВВП [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sb.by/articles/piraty-xxi-veka-internet-moshenniki.html> (дата обращения 10.05.2024).
5. AI-generated images of Trump being arrested circulate on social media [Электронный ресурс]. – URL: <https://apnews.com/article/fact-check-trump-nypd-stormy-daniels-539393517762> (дата обращения 10.05.2024).
6. Общественно-политические новости в области права [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/maj/77865/>. – (дата обращения 10.05.2024)
7. Exposing gan-generated faces using inconsistent corneal specular highlights [Электронный ресурс] – URL: https://cse.buffalo.edu/ubmdfl/projects/GAN_detect_iris/GAN_Iris.htm (дата обращения 13.05.2024).

8. Pindrop: Security, Identity, and Intelligence for Every Voice [Электронный ресурс] – URL: <https://www.pindrop.com/> (дата обращения 13.05.2024).

9. 5 Best Deepfake Detector Tools & Techniques (August 2024) [Электронный ресурс] – URL: <https://www.unite.ai/ru/best-deepfake-detector-tools-and-techniques/> (дата обращения 13.05.2024).

УДК 343.8

А. В. Позняк, И. С. Языкеева

(ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Российская Федерация)

УЧЕТ НАХОЖДЕНИЯ НА ИЖДИВЕНИИ РЕБЕНКА У ОБВИНЯЕМОГО ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ: ЗАИМСТВОВАНИЕ ОПЫТА БЕЛАРУСИ И МОДИФИКАЦИЯ УК РФ

В материалах рассматривается проблема учёта наличия детей на иждивении у обвиняемого при назначении наказания за незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ. Поскольку наличие малолетних детей не всегда учитывается при вынесении решения по статье 228.1 УК РФ, в работе предлагается изменить редакцию п. 2 ч. 1 ст. 61 УК РФ, чтобы подчеркнуть финансовую зависимость ребёнка от родителя. Это позволит справедливо индивидуализировать наказание и учесть интересы осуждённого и его детей.

Нормы особенной части уголовного права способствуют обеспечению дифференциации «ответственности за преступление с учетом характера и степени его общественной опасности» [1]. Иными словами, они служат основой для оценки преступного деяния. Стоит отметить, что согласно ст. 60 УК РФ степень и характер общественной опасности влияют на назначение наказания: «при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи» [5]. Однако в уголовном законодательстве есть определенные проблемы при определении соответствующей степени и характера общественной опасности, что влияет на правильное назначение наказания. Рассмотрим необходимость учета смягчающего обстоятельства на примере назначения наказания по статье 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Анализируя судебную статистику по назначению наказания за данное преступление, можно отметить, что наличие малолетних детей не всегда учитывается при вынесении решения. Статья 60 УК РФ указывает, что наказание должно быть справедливым, но это с точки зрения ст. 228.1 не всегда может реализоваться. Так, группа лиц была осуждена по ст. 228.1 УК РФ с соответствующей квалификацией в зависимости от статуса субъекта. Одним из правонарушителей являлась девятнадцатилетняя А. В. Орлова. При обжаловании приговора гражданка ссылалась на воспитание малолетних детей. Несмотря на данные заявления А. В. Орлова была приговорена «к 10 годам с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима со штрафом в размере 200 000 рублей» [6]. В данном случае статья может требовать изменения смягчающего обстоятельства, касающегося наличия малолетних детей у виновного, а именно подчеркнуть материальную зависимость ребёнка от родителя.

Необходимость учета иждивения при назначении наказания обуславливается множеством факторов. Во-первых, это помогает индивидуализировать наказание, что обеспечивает принцип справедливости. Также это учитывает не только интересы самого

осужденного и находящихся у него на попечении детей, но и помогает обеспечить основную задачу уголовного закона – охрана прав и свобод человека и гражданина. Помимо ухудшения жизни иждивенцев также идет нагрузка на государство, т.е. на системы опеки, детские дома.

В п. 2 ст. 1 УК РФ прописано, что настоящий Кодекс основывается не только на Конституции РФ, но и на нормах международного права. Так, в правилах Организации Объединенных Наций, касающихся обращений с женщинами-заключенными и мерами наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы прописывается, что особое внимание при назначении наказания имеет именно статус «беременные женщины и женщины с детьми на иждивении», что подчёркивает важность данного изменения в соответствии с международным актом [2].

При этом в Республики Беларусь используется следующая формулировка - «наличие на иждивении у виновных лиц детей» [3, с. 11]. Мы полагаем, что данное словосочетание имеет важное значение, поскольку мы констатируем не просто факт их существования, а определяем именно финансовую зависимость между родителем и детьми. Поскольку факт наличия детей сам по себе не всегда свидетельствует о степени их зависимости от лица, совершившего преступления. Например, дети могут находиться на обеспечении другого родителя или иметь собственные доходы. В отличие от этого, наличие иждивенцев предполагает зависимость от лица, что делает этот фактор более значимым для вынесения решения судом.

На основании вышеизложенного мы предлагаем внести изменения в УК РФ, а именно изменить редакцию п. г ч. 1 ст. 61 УК РФ в следующей форме: «наличие малолетних детей у виновного на **иждивении**».

С целью проверки целесообразности заявленного предложения нами было организовано эмпирическое исследование, который заключается в анонимном опросе должностных лиц в количестве 40 респондентов.

При анализе внесения изменений в редакцию п. г ч. 1 ст. 61 УК РФ ряд из опрошенных дали положительный ответ. Так, 39,5 % респондентов (16 человек) от общего числа ссылались на защиту детства, т.е. «есть вероятность, что уровень жизни в семье не будет падать, если кормилец вместо отбывания срока в тюрьме будет детей воспитывать. Так, что имеет место быть». Еще 33 % (13 человек) согласились с данным изменением, опираясь на то, что при вынесении решения учитывается как раз-таки наличие на иждивении детей, поэтому «можно было бы поменять данную формулировку, чтобы она использовалась как таковой». Оставшиеся 27,5 % из респондентов (11 человек) дали отрицательный ответ в виду её нецелесообразности.

На основе результатов опроса мы пришли к выводу, что данная проблема носит комплексный характер. Добавление изменений в редакцию п. г ч. 1 ст. 61 УК РФ необходимо для обеспечения справедливости и правильного разъяснения нормы закона, поскольку в нашем законодательстве принято именно буквальное толкование закона [4, с. 448]. Наиболее полные нормы Общей части помогут конкретизировать применение наказания в Особенной части. Благодаря учету иждивения основные принципы уголовного права, такие как индивидуализация наказания и справедливость, будут соблюдаться в полной мере.

Список использованной литературы

1. Елисеев С. А. Понятие Особенной части уголовного права // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. №361. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-osobennoy-chasti-ugolovnogo-prava> (дата обращения: 01.10.2024).

2. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) от 21.12.2010 г.[сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml (дата обращения: 14.04.2025 г.)

3. Мингалимова, М. Ф. Назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Мингалимова Марьям Фердинандовна; [Место защиты: Университет прокуратуры Российской Федерации]. – Москва, 2019. – 11 с.

4. Уголовное право. Общая часть : учебник для бакалавров / Сиб. федер. ун-т, Юрид. ин-т ; отв. ред. А. Н. Тарбагаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2016. – 448 с.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст.60. (дата обращения: 01.10.2024 г.)

6. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 22.05.2019 N 20П19пр [сайт]. – URL:<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=g1&req=doc&cacheid=39A2D8CE8D135B9EFD4658CED4F18078&mode=backrefs&base=ARB&n=585703&rnd=ncWJkA#d2z54fUZSDyKaDEa> (дата обращения: 10.03.25 г.).

УДК 343.12

Я. П. Ряполова

(Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ВОСПРИЯТИЯ ОПЫТА СТРАН СНГ*

В материалах рассмотрены преимущества и прогнозируемые риски интеграции электронных уголовных дел в процессуальную практику уголовного судопроизводства. Проанализирован опыт правового регулирования электронного документооборота в странах постсоветского пространства, дана оценка изменениям УПК РФ в этом направлении, сделан вывод о преобладании в России на текущий момент ведомственного подхода к вопросу разработки и внедрения электронного документооборота в досудебном производстве, в то время как предпочтительным вариантом могло бы стать функционирование единой цифровой платформы с равноуровневым доступом к ней различных пользователей – участников процесса.

Переход на цифровой формат производства по уголовному делу может качественно изменить уголовное судопроизводство, сделав его более технологичным и эффективным: ускорить оформление, подписание и обмен процессуальными документами между участниками процесса (суд, прокуратура, органы предварительного расследования), обеспечить прозрачность и возможность отслеживания в реальном времени различных манипуляций с документами, в том числе в целях контроля и повышения эффективности прокурорского надзора (внесение изменений, фиксация времени и даты составления, согласования, направления участникам и пр.) без отрыва следователя от работы с материалами уголовного дела и всего процесса расследования, минимизировать риски потери или уничтожения и фальсификации материалов, обеспечить возможность удаленного доступа для работы с материалами и ознакомления в объемах, допускаемых процессуальным законодательством, судей, защитников, потерпевших и пр., архивировать всю документацию по делу, повысить учетно-регистрационную дисциплину, упростить заполнение статистических карточек и т. п. Ожидается упрощение процедуры собирания доказательств и составления процессуальных документов: в рамках электронных программ будут разработаны и унифицированы формы протоколов следственных действий и процессуальных документов [1, с. 9].

Во многих странах постсоветского пространства ведется активная работа в сфере использования информационных технологий и систем в уголовном процессе, большое внимание уделяется проекту «электронного уголовного дела».

Так, в целях оптимизации деятельности руководство СК Республики Беларусь разрабатывает концептуальные и методологические подходы, технические задания, образовывало специальные группы для создания Единой автоматизированной информационной системы. В целях повышения качества и оперативности работы СК Республики Беларусь в 2018 г. было введено программное обеспечение «Е-уголовное дело», систематизирующее уголовные дела, составляющее опись и дающее процессуальные подсказки в целях недопущения совершения ошибки [2, с. 148].

В 2018 г. Узбекистан предпринял значительный шаг в сторону цифровизации своей судебной системы, запустив пилотный проект по внедрению электронного уголовного дела в Яккасарайском и Мирабадском районах Ташкента. Во время испытательного периода системы вся документация обрабатывалась в двух форматах: электронном и бумажном, что позволило обеспечить надежность и доступность информации. Анализ результатов пилотного проекта показал значительное улучшение процессов в судебной системе благодаря введению электронного документооборота. Особенно выделяется возможность оперативного доступа к документам и ускорение процедуры рассмотрения уголовных дел, что способствует повышению общей эффективности правосудия [3, с. 329].

В октябре 2024 г. кабинетом министром Республики Молдовы утверждено постановление о внедрении информационной системы «e-Dosar», которая позволит отслеживать исполнение решений, статистику правонарушений и аварий на дорогах и другую необходимую информацию для следственных органов и инстанций, уполномоченных рассматривать дела. В то же время система предоставит возможность доступа ко всей информации в режиме реального времени, способствуя повышению прозрачности процесса рассмотрения дел. Правительство выступает за создание централизованной электронной платформы, направленной на оцифровку и автоматизацию процессов, связанных с управлением уголовными делами и делами о правонарушениях [4].

Также прогрессивным шагом следует считать принятие нового УПК РФ Республики Армения: на уровне закона впервые закреплена возможность формирования электронного уголовного дела. Статьей 8 УПК РА 2021 г. [5] определено, что процессуальные действия фиксируются в протоколе, составленном в электронном виде, если такой возможности нет – на бумажном носителе с помощью компьютера или в рукописном варианте. Материалы уголовного производства, зафиксированные электронным способом, хранятся в электронной системе (электронное уголовное производство или электронное уголовное дело), а документы, подготовленные компьютерным или рукописным способом, – также в бумажной версии. В электронную систему загружаются компьютеризированные или рукописные документы, а также содержимое электронных носителей. Объекты и другие материалы хранятся как неотъемлемая часть электронных материалов дела, а их фотографии загружаются в электронную систему. Еще до этого Следственным комитетом Армении в практической деятельности активно внедрялись специализированное программное обеспечение «Электронное следствие» и «Оцифровка уголовных дел» [6, с. 73].

Согласно ст. 51.1 УПК Республики Азербайджана от 14 июля 2000 г. [7] уголовное судопроизводство в электронном порядке ведется посредством информационной системы «Электронный суд», в которой интегрированы информационные системы органов, осуществляющих уголовный процесс. Функционал этой платформы позволяет проводить электронную регистрацию, создавать личные кабинеты для участников уголовного процесса и иных лиц, участвующих в уголовном процессе, что позволяет ознакомиться с ходом процесса по делу, вынесенными решениями, состоянием их исполнения, поданными на них жалобами или протестами, отправить или принять процессуальные документы. Для электронного документооборота используются усиленная электронная подпись и сертифицированные средства электронной подписи.

В казахстанском УПК также предусмотрена возможность использования электронных документов в качестве протоколов следственных и иных процессуальных действий,

постановлений и приговоров, удостоверенных электронной подписью, защитник также может использовать электронные средства фиксации при опросе лиц с их согласия. В 2018 г. в этой стране было впервые рассмотрено «электронное» уголовное дело [8, с. 75]. В ст. 42.1 УПК РК регламентирован электронный формат уголовного судопроизводства, норма предоставляет субъекту расследования в соответствующем постановлении самостоятельно выбрать бумажный и (или) электронный вариант оформления материалов уголовного дела. Такое решение принимается следователь с учетом мнения участников уголовного процесса и при наличии технической возможности и может быть впоследствии изменен в зависимости от фактических обстоятельств [9, с. 130].

Изложенное свидетельствует о том, что многие страны постсоветского пространства либо уже перешли на электронный формат ведения уголовного дела, либо делают первые шаги в этом направлении.

В России согласно ч. 2 ст. 474 УПК РФ формируемые в процессе расследования уголовных дел процессуальные документы могут быть выполнены типографским, электронным или иным способом, т.е. законодателем закреплена возможность подготовки документов электронным способом, что закладывает серьезный правовой фундамент для обеспечения перевода материалов уголовного дела в наглядно-образную или электронную форму [10, с. 71]. Возможность электронного обмена документами успешно реализуется в ходе судебного производства, на уровне отдельных субъектов РФ налажено активное межведомственное взаимодействие с использованием электронного документооборота судов с органами МВД, прокуратуры, судебного департамента, налоговой службы и других государственных органов, информация или содействие которых необходимы для быстрого и беспрепятственного осуществления правосудия.

Положительно следует оценить введение Федеральным законом РФ от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ возможности вручения итогового обвинительного документа в электронном виде при наличии технической возможности, ходатайства (согласия) обвиняемого, защитника или потерпевшего; подачи жалоб, заявлений и ходатайств прокурору, следователю, руководителю следственного органа, в орган дознания, дознавателю в форме электронного документа в ходе досудебного производства [11]. Несмотря на то что перечень процессуальных документов, подаваемых и направляемых в форме электронного документа, в УПК РФ по-прежнему ограничен и еще рано говорить об активном внедрении процедуры подписания процессуальных документов посредством электронной и, тем более, усиленной квалифицированной электронной подписи, это тем не менее весомый шаг в развитие перспективы электронного документооборота и перехода бумажного делопроизводства по уголовному делу в электронный формат.

Сейчас в российской практике в системе правоохранительных органов наблюдается преобладание ведомственного подхода к оцифровке данных различных производств [12, с. 64] – система электронного документооборота в органах внутренних дел, автоматизированный информационный комплекс «Надзор», инициативные разработки Следственного комитета РФ, например, автоматизированная система уголовно-правовой статистики и информационная система «Электронный паспорт уголовного дела» и некоторые другие [13, с. 125] и др. Положительным моментом при таком подходе можно считать то обстоятельство, что зрелость IT-технологий, доступных нашим следственным органам и всей правоохранительной системе, позволяет говорить о готовности к введению электронных форм взаимодействия между различными ведомствами и гражданами при приеме и рассмотрении заявлений о преступлении. В то же время российскими учеными-процессуалистами отмечается необходимость разработки на федеральном уровне единой цифровой платформы, объединяющей госорганы, осуществляющие уголовное судопроизводство, как по вертикали, так и по горизонтали, обеспечив при этом связь с населением [14, С 216].

В краткосрочной перспективе прогнозируемые изменения сопряжены с разрешением ряда трудностей – вызовами новой цифровой реальности, связанных с необходимыми

мерами адаптации, как правовых институтов, так и самих правоприменителей и граждан к полному переходу в цифровой формат. Представляется, что внедрение возможности ведения дела в электронном формате не должно отождествляться с полной заменой бумажного делопроизводства: на первых порах целесообразно сохранить возможность составления документа в двух форматах. Это обуславливает определенные сложности и неудобства, в том числе в случае необходимости подписании процессуального документа несколькими должностными лицами.

Также необходимо будет решить вопросы информационной безопасности и контроля доступа к материалам уголовного дела. Сохраняются риски несанкционированного искажения, передачи или распространения электронных данных, а значит нарушения конфиденциальности и тайны предварительного расследования, если вся информация по уголовному делу будет храниться в электронном формате и обрабатываться на недостаточно защищенных ресурсах. Новый формат ставит вызовы перед решением проблемы сохранности электронных данных при системной сбое, заражение вредоносной программой, хакерских атаках и т.д. Кратно усиливает риск утраты конфиденциальности и то обстоятельство, что специалисты сторонних организаций, обеспечивающие техническую поддержку и контроль работы систем и аппаратных комплексов, отвечающих за электронный документооборот, получают доступ к охраняемой законом информации.

С позиции соотношения частных и публичных начал актуализируется проблема «цифрового неравенства», когда для отдельных лиц все еще остаются недоступными для понимания или использования достижения электронных технологий. Каждое вводимое законодателем технологическое решение не должно выступать каким-либо ограничением или препятствием для реализации заинтересованными субъектами своих законных интересов.

В условиях ведения электронного уголовного дела присутствует постоянная угроза конфликта при взаимодействии пользователей, заказчиков и разработчиков специализированного программного обеспечения, используемого для работы с электронными материалами уголовного дела, риск технической несовместимости новых интеграций и существующих программных продуктов; необходимость дополнительных расходов на обновление программного обеспечения ввиду изменения законодательства, «моральное» устаревание аппаратных комплексов и т. п.

Таким образом, электронный документооборот и интеграция электронных уголовных дел в процессуальную практику уголовного судопроизводства – неизбежный этап цифровой трансформации уголовно-процессуальной деятельности, воспринятой в качестве приоритетного направления совершенствования правоохранительной деятельности во многих странах постсоветского пространства. Данный процесс сопряжен с решением многих задач организационно-технического и правового характера, связанных с регулированием использования и защиты электронной информации, оценки доказательственного значения электронных документов, а также созданием необходимых условий для адаптации всех субъектов уголовного судопроизводства к новому формату.

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-28-01341, <https://rscf.ru/project/25-28-01341/>*

Список использованной литературы

1. Адамович, О. А. Электронное уголовное дело: перспективы и проблемы внедрения / О. А. Адамович // Теоретико-прикладные вопросы развития досудебного производства по уголовным делам на современном этапе : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 26–27 сент. 2019 г. : в 2 т. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред) [и др.]. – Новополюцк : Полоц. гос. ун-т, 2019. – Т. 2.
2. Можяева, Л. Е. Электронный документооборот в органах, обеспечивающих экономическую безопасность Республики Беларусь / Л. Е. Можяева, Д. Г. Савченко // Технологии XXI века в юриспруденции. – 2022. – С. 145–150.

3. Rakhimova, U. Introduction of electronic criminal case into the criminal process of Uzbekistan: prospects and challenges [Электронный ресурс]. – URL: <https://inscience.uz/index.php/socinov/article/view/3734/3692> (дата обращения 2.02.2025).

4. Кабинетом министром Республики Молдовы утверждено постановление о внедрении информационной системы «e-Dosar» [Электронный ресурс]. – URL: <https://gov.md/ru/content/informacionnaya-sistema-e-dosar-odobrena-pravatelstvom-ugolovnye-dela-i-dela-o> (дата обращения 2.02.2025).

5. Уголовно-процессуальный кодекс РА от 30 июня 2021 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=166538#> (дата обращения 2.02.2025).

6. Саргсян, Г. М. Об использовании компьютерных технологий в деятельности Следственного комитета Республики Армения / Г. М. Саргсян // Предварительное расследование. 2017. – № 2. – С. 73–75

7. УПК Республики Азербайджана от 14 июля 2000 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280#pos=1073;-8 (дата обращения 2.02.2025).

8. Задорожная, В. А. Производство по уголовному делу в электронном формате по законодательству Республики Казахстан / В.А. Задорожная // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – №4 (19). – С. 71–75.

9. Синкевич, В. В. Цифровизация уголовного процесса: зарубежный и отечественный опыт / В. В. Синкевич // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – №. 1 (60). – С. 129–134.

10. Гимазетдинова, И. Н. Уголовное дело как комплексный процессуальный акт и возможность его перевода в электронный формат / И. Н. Гимазетдинова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2023. – №. 2 (65). – С. 70-75.

11. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465608/ (дата обращение 25.01.2025 г.).

12. Воскобитова, Л. А. Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших / Л. А. Воскобитова // Lex Russica. – 2020. – №. 4 (161). С. 64.

13. Ряполова, Я. П. Модернизация стадии возбуждения уголовного дела в контексте перехода на электронный формат российского уголовного судопроизводства / Я. П. Ряполова // I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее : материалы научно-практической конференции к 200-летию со дня рождения Николая Ивановича Стояновского и 10-летию образования Следственного комитета Российской Федерации. – Москва, 2021. – С. 125.

14. Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России / Л. Н. Масленникова, Т. Е. Сушина // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 214 - 224.

УДК 347.921.3:343.13

И. М. Синица, И. Н. Цыкунова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

МЕДИАТОР КАК УЧАСТНИК МЕДИАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В материалах рассматриваются вопросы, связанные с нормативным закреплением медиатора как участника медиации, применяемой при производстве по уголовным

делам, в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь. Проанализированы основные аспекты процессуального статуса медиатора, вытекающие из положений действующего законодательства.

Медиация по уголовным делам получила законодательное закрепление в национальных правовых системах многих государств мира и успешно применяется на практике. Современная доктрина уголовного права, сталкиваясь с необходимостью преодоления веками складывавшегося карательного уклона уголовной ответственности, когда реагирование на преступление основано на обязательном наказании лица, его совершившего, все большее значение придает восстановительному правосудию. Последнее связано с разрешением конфликта путем переговоров (диалога) между потерпевшим и виновным, применением примирительных процедур, возмещением причиненного вреда, программы ресоциализации лиц, преступивших закон.

Более десяти лет назад был принят Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее – Закон «О медиации»), установивший понятие и процедуру применения медиации для урегулирования споров в сфере частноправовых отношений. Однако указанный закон не распространяет свое действие на разрешение уголовно-правовых споров.

Медиативная процедура по уголовным делам стала допустимой с принятием Закона Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», которым были внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК). УПК был дополнен ст. 30¹, предусматривающей возможность примирения обвиняемого с потерпевшим путем заключения медиативного соглашения. Одновременно в п. 14¹-14³ ст. 6 УПК были определены связанные с его заключением понятия: «медиация», «медиатор», «медиативное соглашение».

Ст. 30¹ УПК закрепляет право сторон на обращение к медиации. В ней определены следующие ключевые моменты ее правового регулирования: во-первых, установлены категории уголовных дел, прекращение производства по которым возможно в принципе (в силу п. 4 ч. 1 ст. 30 УПК о преступлениях, относящихся к категориям не представляющих большой общественной опасности или менее тяжких в связи с примирением с потерпевшим в соответствии со ст. 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г.), во-вторых, указана обязательность принятия такого процессуального решения и, в-третьих, оговорена недопустимость прекращения уголовного производства в связи с примирением обвиняемого и потерпевшего, касающаяся уголовных дел частного-публичного обвинения, возбужденных прокурором при наличии оснований, закрепленных в ч. 5 ст. 26 УПК.

Отечественная модель медиации обладает некоторыми отличительными чертами, к которым можно отнести проведение медиативной процедуры одновременно с процессом без приостановления производства по уголовному делу, исключительно по взаимному согласию обвиняемого и потерпевшего, и возможность ее реализации по уголовным делам любого вида обвинения: публичного, частного-публичного и частного. Примирение может быть достигнуто по уголовным делам о преступлениях любой категории (в зависимости от характера и степени общественной опасности), однако, как выше указано, процессуальные последствия его достижения неодинаковы.

Резюмируя правовой «вес» внесенных изменений, мы можем согласиться с О. В. Петровой, что «Внедрение медиации не изменило уголовно-правовую политику как таковую: идея примирения и до этого была знакома действующему белорусскому закону. Примирение, проводимое с участием медиатора, стало возможным по делам частного обвинения, т. е. в случае совершения деяний, влекущих ответственность по требованию потерпевшего..., а также в ситуации возможности освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Таким образом, новый закон затрагивает только те институты, где государство и до этого момента учитывало частные интересы пострадавшего» [1, с. 87-88].

Участниками медиации согласно п. 6 Правил проведения медиации, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 г. № 1150 являются стороны (представители сторон) и медиатор. В ч. 3 ст. 30¹ УПК установлено, что медиатора для проведения медиации выбирают обвиняемый и потерпевший по собственной инициативе и взаимному согласию.

Отметим, что статус медиатора в уголовном процессе не получил закрепления в УПК. Однако в п. 14² ст. 6 УПК содержится определение медиатора, под которым понимается не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, отвечающее требованиям законодательства, участвующее в переговорах обвиняемого и потерпевшего в целях содействия их примирению. Таким образом, законодатель обозначил определенные аспекты его процессуального статуса, на которых мы остановимся далее.

Первый аспект можно сформулировать следующим образом: поскольку медиатор – лицо, не заинтересованное в исходе уголовного дела, его можно отнести к иным участникам уголовного процесса (глава 7 УПК). Наша позиция отлична от позиции авторов (например, О. Г. Дзяконова [2, с. 178], С. А. Пашин, Р. Р. Максудов [3, с. 10]), считающих возможным законодательно определить статус медиатора как специалиста. Медиатор, обладая специальными знаниями в области медиации, тем не менее, не может отождествляться со специалистом. Специалистом является это лицо, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий. Задача специалиста в уголовном процессе заключается, таким образом, в оказании содействия правосудию. Задачей же медиатора является оказание содействия примирению обвиняемого и потерпевшего. Медиатор не принимает участия в проведении следственных и других процессуальных действий, он участвует в переговорах сторон, и в этом смысле медиация проводится «вне рамок производства по уголовному делу, параллельно с ним» [4, с. 718] и не является процессуальным действием. Исходя из данных рассуждений, считаем недопустимым отнесение медиатора к специалисту.

Второй аспект, касающийся положения медиатора в уголовном процессе, определяется требованиями, которые законодательство предъявляет к медиатору. В УПК отдельных требований к нему не установлено, и мы исходим из положений следующих актов: Закона «О медиации», постановления Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 г. № 1150 «Об утверждении Правил проведения медиации», постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 17 января 2014 г. № 12 «О подготовке в сфере медиации», постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 17 января 2014 г. № 15 «Об утверждении Правил этики медиатора». Таких требований всего три: наличие высшего юридического или иного высшего образования; прохождение подготовки в сфере медиации, либо наличие опыта работы в качестве примирителя в соответствии с процессуальным законодательством; получение свидетельства медиатора. Отметим, что отдельно закреплены категории лиц, которые не могут осуществлять деятельность медиатора, например, имеющие судимость.

Третий аспект относится к цели участия медиатора в уголовном процессе, а именно – в переговорах обвиняемого и потерпевшего. Полагаем, что определенная УПК цель – содействие примирению обвиняемого с потерпевшим в рамках специальной процедуры примирения – определяет сущность медиации, применяемой при производстве по уголовным делам. Целью участия медиатора в уголовном процессе является не «урегулирование спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения» (так сформулирована цель медиации в определении медиации, закрепленном в ст. 1 Закона «О медиации»), а оказание содействия примирению обвиняемого и потерпевшего. Как представляется, такая формулировка соответствует специфике отношений, вытекающих из факта совершения лицом преступления, и направлена на защиту прав и свобод участников процесса и публичных интересов в равной степени.

Реализация медиатором своих функций в переговорах обвиняемого и потерпевшего предполагает наличие у него соответствующих прав и обязанностей, перечень которых, однако, в УПК не определен. Процедура медиации обладает специфическими чертами, поскольку возникает в связи с совершением преступления и имеет особенности, присущие уголовно-процессуальным правоотношениям. Необходимость строгого соблюдения процессуальной формы требует четкого закрепления прав и обязанностей медиатора, а также основания его отвода в УПК.

В Республике Беларусь медиаторы могут быть как частными специалистами, так и сотрудниками специализированных организаций (учреждений либо обособленных подразделений юридического лица), что не влияет на их правовой статус. Такие учреждения подлежат регистрации в Министерстве юстиции Беларуси, а обособленные подразделения организаций, которые занимаются медиацией, – учету в Главных управлениях юстиции местных областных исполнительных комитетов. На январь 2025 года в реестре организаций и обособленных подразделений по медиации – 12 субъектов [5]. Общее количество медиаторов, внесенных в Реестр медиаторов, формируемый Министерством юстиции Республики Беларусь, на ту же дату составляет 1360 человек. Из них по утверждению Л. Власовой, медиатора, международного эксперта в области бизнес-медиации, учредителя Центра медиации и переговоров (г. Минск), практикуют не более 10 % [6]. На сегодняшний день медиативная практика по уголовным делам в Республике Беларусь хоть и незначительна, но имеется, «в качестве примера можно привести проекты учебно-практического «Центра “Медиация и право”», учрежденного общественной организацией «Белорусский республиканский союз юристов», который продвигает восстановительную медиацию и имеет уникальный многолетний положительный опыт ее внедрения по уголовным делам с участием несовершеннолетних в городах Минске, Барановичи, Солигорске. Работа данного центра демонстрирует применимость процедуры медиации в разрешении уголовно-правовых конфликтов в социокультурных условиях и традициях Республики Беларусь и преимущества альтернативных способов» [1, с. 88].

Таким образом, действующее законодательство Республики Беларусь определяет статус медиатора в качестве участника медиации по уголовным делам как независимого лица, привлекаемого обвиняемым и потерпевшим по собственной инициативе и взаимному согласию для проведения медиации в целях достижения их примирения. Необходимыми формальными требованиями к лицу, желающему стать медиатором, является наличие высшего, но не обязательно юридического, образования, профессиональной основы деятельности (специальной подготовки либо опыта работы в сфере медиации) и получение свидетельства медиатора.

В целом, такие законодательные требования отвечают тенденции общемировой медиативной практики, которая идет по пути профессионализации медиаторов. Во многих государствах медиаторы проходят специальную подготовку по программам, обучающим навыкам проведения медиативных процедур, и обязательную сертификацию. Считаем, что для медиатора, принимающего участие в медиации по уголовному делу, должно быть предпочтительным наличие высшего юридического образования, позволяющему ориентироваться в строгих правилах, регламентирующих уголовно-процессуальные отношения. Кроме того, на наш взгляд, аналогично тому, как судьей в Республике Беларусь может быть лицо, достигшее 25-летнего возраста, что свидетельствует о наличии определенной зрелости и жизненного опыта, медиатором в примирении по уголовным делам должно быть лицо, достигшее того же возраста.

В целях дальнейшего развития медиативной процедуры примирения обвиняемого с потерпевшим представляется целесообразным закрепить в УПК права и обязанности медиатора, а также основания его отвода.

Список использованной литературы

1. Петрова, О. В. Внедрение медиации в механизме уголовно-правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] / О.В. Петрова // Эпомен. – 2021. – № 66. – С. 84-94. – URL: <https://epomen.ru/issues/2021/66/7.pdf> (дата обращения 23.02.2025).
2. Дьяконова, О. Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.12 / О. Г. Дьяконова. – Москва, 2021. – 647 л.
3. См.: Галимова, М. А. Правовое регулирование примирительных процедур в уголовном судопроизводстве / М. А. Галимова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 1 (38). – С. 10-14.
4. Зайцева, Л. Л. Медиация в уголовном процессе. История одного законопроекта [Электронный ресурс] / Л. Л. Зайцева // Государство и право в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, 26–27 ноября 2020 года, г. Минск / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 716-719. Электронная библиотека БГУ. – URL.: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/263169>. – (дата обращения: 13.02.2025).
5. Медиаторы в Беларуси [Электронный ресурс] // AMBI LEGAL. – URL.: <https://ambylegal.by/ru/news/mediators-in-belarus/> (дата обращения: 23.02.2025).
6. Власова, Л. Медиация в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Л. Власова // Журнал arbitration.ru. – URL: <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/mediatsiya-v-respublike-belarus-/> (дата обращения: 20.02.2025).

УДК 343.34

Н. Ю. Скрипченко

(ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»,
Российская Федерация)

КВАЛИФИКАЦИЯ КРИМИНАЛЬНОГО ХУЛИГАНСТВА В СВЕТЕ НОВЫХ РАЗЪЯСНЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

Материалы содержат анализ разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам уголовно-правовой оценки хулиганства, отраженных в постановлении № 36 от 26 ноября 2024 г. Отмечая высокую практическую значимость документа, определившего объем вреда, квалифицируемого как «насилие»; конкретизирующего транспорт общего пользования; разъяснившего характер действий, подлежащих оценке как «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия», автор обращает внимание на положения, отличающиеся расширительным толкованием.

Потребность в актуализации постановления № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (далее – Постановление), принятого Пленумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2007 г. [1], обусловлена рядом причин. Во-первых, за время действия указанного акта состав хулиганства пять раз находился в фокусе внимания законодателя [2, 3, 4, 5, 6], существенно изменившего содержание ст. 213 УК РФ. Непоследовательность, а по ряду моментов и противоречивость трансформации уголовно-правовой нормы привнесли целый ряд проблем в судебную практику.

Во-вторых, компенсируя частичную декриминализацию хулиганства в 2003 г., законодатель существенно расширил присутствие «хулиганских побуждений» в Особенной части УК РФ, закрепив широкий перечень составов, объективно схожих с хулиганством.

Реверсия уголовно-правового регулирования хулиганства в 2020 г. не сопровождалась синхронным сокращением уголовно-правового значения «хулиганских побуждений», что дезориентировало сотрудников правоохранительных органов в разграничении смежных преступлений.

В-третьих, отнеся к криминообразующим признакам состава ст. 213 УК РФ экстремистские побуждения, законодатель не только наполнил состав хулиганства новым содержанием, но и «добавил» правоприменительно конкурирующие составы.

Изложенное подчеркивает значимость проделанной Пленумом работы по пересмотру постановления «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», результатом которой стала новая редакция указанного акта, принятая 26 ноября 2024 г. [7]

В числе положений, получивших, на наш взгляд, содержательное наполнение, следует отметить судебное толкование категории «насилие», ориентирующее органы уголовной юстиции в характере физического вреда, охватываемого п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Отнеся к указанному способу насильственные действия, соединенные с причинением легкого вреда здоровью потерпевшему, физической боли либо с ограничением его свободы, а также побои (абз. 2 и 3 п. 1(1) Постановления), Пленум ответил на вопрос о необходимости дополнительной квалификации действий хулигана, причинившего в ходе грубого нарушения общественного порядка средней тяжести вреда здоровью потерпевшему. Идентичность максимального размера основного наказания (5 лет лишения свободы), предусмотренного санкциями ч. 2 ст. 112 и ч. 1 ст. 213 УК РФ, исключала однозначный ответ на вопрос, охватывается ли вред здоровью средней тяжести, причиненный из хулиганских побуждений (п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ) насильственным хулиганством (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ), определяя формирование практики в двух направлениях: в одних случаях действия виновного квалифицировались по совокупности указанных составов, других – по составу хулиганства. [8, С. 23].

Унифицированному правоприменению способствуют и положения п. 1 (2) Постановления, конкретизирующего транспортные средства, входящие в предусмотренный п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ «транспорт общего пользования». Разъясняя закон, Пленум не относит к указанному объективному признаку объекты транспортной инфраструктуры, исключив допускаемое отдельными судами широкое толкование п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, квалифицируя по указанной норме действия лиц, грубо нарушающих общественный порядок на территории железнодорожного вокзала, аэропорта, перехода станции метрополитена, железнодорожной платформы, перрона и т. п.

Перевод в 2020 г. признака «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия» из основного в квалифицирующий, исключил единообразное применение закона в оценке вооруженного хулиганства. В одних случаях правоприменитель ориентировался на положения п. 2 Постановления, вменяя ч. 2 ст. 213 УК РФ лицам, использующим оружие для физического или психического воздействия на потерпевшего, в других – исходил из того, что изменения в законе позволяют применять указанный состав вне связи с п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Приведя редакцию п. 2 Постановления в соответствие с действующим законом, Пленум сохранил подход, ограничивающий реализацию ч. 2 ст. 213 УК РФ случаями применения оружия для физического или психического воздействия на граждан.

Определяющая обстоятельства, подлежащие установлению при признании поражающего предмета оружием, п. 3 Постановления был дополнен положениями, ориентирующими сотрудников органов уголовной юстиции в оценке действий хулигана, использующего в процессе преступных действий взрывчатые вещества и взрывные устройства.

Разъяснения относительно квалификации действий лица, использующего в процессе совершения хулиганства животного, представляющего опасность для жизни или здоровья человека, были дополнены указанием на оценку по ч. 2 ст. 213 УК РФ по признаку применения предмета, используемого в качестве оружия.

Поворотным в практике квалификации хулиганства является отказ высшей судебной инстанции оценивать, как вооруженное хулиганство действия виновных, использующих в процессе грубого нарушения общественного порядка заведомо негодное оружие или предметы, имитирующие оружие. Новая редакция п. 4 Постановления допускает квалификацию соответствующих действий по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ по признаку «угроза применения насилия».

Особого внимания заслуживает позиция Верховного Суда РФ в оценке хулиганских действий, совершаемых в соучастии. Отсылая в п. 5 Постановления к ст. 35 УК РФ для установления объективных и субъективных признаков, характерных для конкретной формы соучастия, Пленум ориентирует на установление совместности действий виновных, описанных в пунктах «а», «б» и (или) «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, для квалификации содеянного как «совершенное группой лиц по предварительному сговору», не требуя при этом применения насилия и угроз каждым соучастником.

В числе новых положений следует отметить п. 5(1), устанавливающий правила квалификации действий лиц, совместно совершающих мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), при этом действия одного из соучастников «перерастают» в преступное деяние, содержащее признаки, предусмотренные пунктами «а», «б» и (или) «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Учитывая положения закона, исключающие ответственность соучастников за действия исполнителя при эксцессе (ст. 36 УК РФ), высший судебный орган предлагает дифференцированный подход: преступные действия исполнителя, допустившего качественный эксцесс, квалифицировать по ст. 213 УК РФ, а лиц, участвующих в совершении мелкого хулиганства, – по ст. 20.1 КоАП РФ.

Содержащие критерии, по которым следует разграничивать преступления против личности, совершенные из хулиганских побуждений, и хулиганство, совершенное с применением насилия, п.п. 12 и 13 Постановления были дополнены положениями, учитывающими криминообразующее значение насилия для состава хулиганства. В числе признаков, позволяющих разграничить побои, причинение вреда здоровью членам семьи виновного, родственникам или знакомым, и хулиганство, Пленум указал очевидность для виновного грубого нарушения общественного порядка и выражающее явное неуважение к обществу.

Список использованной литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.
2. Федеральный закон от 24 апреля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4008.
3. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
4. Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 48. Ст. 6651.
5. Федеральный закон от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 15 (Часть I). Ст. 2135.
6. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 543-ФЗ «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 1 (Часть I). Ст. 82.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2024 г. № 36 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 1.

8. Степанова И.Б., Соколова О.В. Проблемные вопросы квалификации хулиганства // Российская юстиция. – 2024. – № 11. – С. 16 – 25.

УДК 343.985.7

А. В. Третьяков

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНОГО ВИДА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ И ИНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Многоликость и динамика экстремистских проявлений обязывают правоохранительные органы «действовать на опережение» и существенно актуализируют исследования теоретико-методологических аспектов доказывания. Исключительно высокая степень общественной опасности преступлений экстремистской направленности предполагает тщательное и качественное их расследование, установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, в том числе обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

Правовую основу предупреждения и искоренения экстремизма в государстве составляют Конституция Республики Беларусь, Закон «О противодействии экстремизму», иные акты законодательства, а также международные договоры Республики Беларусь [4]. Принципиальные и основные аспекты предупреждения экстремистской деятельности законодатели зафиксировали в Основном Законе. Специальный акт – Закон «О противодействии экстремизму» определяя правовые и организационные основы противодействия экстремизму, раскрывает само понятие экстремизма, перечисляет действия, посредством которых реализуются посягательства на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя и общественную безопасность государства.

Еще в 2010 году, Г. А. Василевич, в своей статье «Противодействие экстремизму – залог стабильного развития Республики Беларусь» обозначил, что именно на противодействии в первую очередь способствующем или предшествующим экстремизму противоправным деяниям должна строиться профилактика экстремизма (поскольку профилировать захват зданий и сооружений, организацию массовых беспорядков и т.д. представляется запоздалым действием; выявленное приготовление к подобным действиям следует уже не профилировать, а со всей жесткостью закона пресекать) [5].

Таким образом, эффективное противодействие экстремизму осуществляется посредством: принятия профилактических мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих экстремистской деятельности; предупреждения и пресечения экстремистской деятельности. К их числу можно отнести и закрепленные статьей 17 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь задачи уголовного процесса по защите личности, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, включая уголовные дела возбужденные по фактам совершения преступлений экстремистской направленности [3].

На примере опыта работы следователей управления Следственного комитета Республики Беларусь по г. Минску рассмотрим организацию расследования преступлений, предусмотренных статьей 342 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)

«Организация и подготовка действий, грубо нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них», как вид наиболее часто выявляемых уголовно-наказуемых деяний экстремистской направленности совершенных по завершению электоральной кампании 2020 года.

Ответственность по указанной выше статье УК наступает за организацию групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок и сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти или повлекших нарушение работы транспорта, предприятий, учреждений или организаций, либо активное участие в таких действиях при отсутствии признаков более тяжкого преступления (часть 1), а также за обучение или иную подготовку лиц для участия в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок, финансирование или иное материальное обеспечение такой деятельности при отсутствии признаков более тяжкого преступления (часть 2) [2].

Выявление признаков совершения конкретным лицом обозначенного выше уголовно-наказуемого деяния осуществляется сотрудниками органов дознания при проведении оперативно-розыскных мероприятий, либо следователями, входящими в состав следственной группы по расследованию конкретного уголовного дела, объединившего в себе расследование целого ряда преступлений экстремистской направленности.

Как уже обозначалось выше, во второй половине 2020 года в Республике Беларусь, преимущественно в г.Минске, стали происходить незаконные массовые мероприятия (протестные акции) обусловленные проведением в стране выборов Президента Республики Беларусь. Некоторые из них сопровождались многочисленным силовым сопротивлением сотрудникам правоохранительных органов. Массовые протестные акции продолжались до декабря 2020 года.

В обозначенный выше период в целях фиксации протестных акций сотрудниками правоохранительных органов производилась фото-видеосъемка. Кроме этого участниками несанкционированных массовых мероприятий самостоятельно осуществлялись фото и видео съемка с мест событий. Многие из них размещали фото и видео в открытом доступе в сети Интернет, в социальных сетях, либо мессенджерах. Также видео фиксация происходящего проходила при помощи камер видеонаблюдения установленных на объектах инфраструктуры.

Уже на первоначальном этапе организации расследования уголовных дел, фото и видео материалам придавалось особое значение как источнику прямых доказательств. В этой связи следователями в сформированную методику расследования уголовных в качестве обязательных следственных действий на первоначальном этапе расследования заложены изъятие мобильных устройств, компьютерной и иной цифровой техники, с последующим проведением осмотра и извлечением из памяти фото, видео файлов и иной информации свидетельствующей о причастности фигуранта к экстремистской деятельности.

Получаемая информация требовала накопления и систематизации, в связи с чем в управлении Следственного комитета по г.Минску принято решение о формировании в криминалистическом отделе фото-видеотеки и хранении полученных материалов с целью дальнейшего их использования при установлении причастных к противоправной деятельности лиц, и привлечения их к установленной ответственности.

Осуществлено аккумулирование фото-видео материалов, полученных путем: проведения мониторинга глобальной компьютерной сети Интернет, изъятия записей с камер видеонаблюдения городской инфраструктуры, извлечения из памяти мобильных устройств, видеорегистраторов, установленных на городском общественном транспорте, а также на автомобилях правоохранительных органов, автотранспорте граждан.

Дополнительным источником явились материалы, размещаемые в телеграмм-каналах протестной направленности, осмотр которых производился в рамках расследуемого уголовного дела.

Аккумулировано более 260,5 тысяч фото и видео файлов объемом 25,5 Тб. Начиная с августа 2020 по 2023 год с использованием собранной видеотеки выявлено более 1,5 тысяч лиц, причастных к участию в проведении незаконных массовых мероприятий в г.Минске.

По мнению А. В. Сергеевой каждое следственное действие по рассматриваемой категории преступлений можно условно разделить на три элемента:

- непосредственное отыскание или выяснение сведений, позволяющих установить наличие или отсутствие обстоятельств подлежащих доказыванию по уголовному делу;
- получение сведений (изъятие следов, запись показаний и т.д.);
- надлежащее уголовно-процессуальное оформление содержания хода и результатов следственного действия – составление протокола [6].

Допрос по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности является не столь распространенным следственным действием, что вполне закономерно, поскольку основным объектом данного преступления является общественная опасность. В тех случаях, когда свидетели, потерпевшие имели место быть, они установлены, их допрос является одним из наиболее важных средств собирания доказательств.

Следственные действия: допрос свидетеля, подозреваемого, осмотр, обыск, выемка, с различной степенью частоты встречаются в типичных следственных ситуациях на первоначальном этапе расследования уголовных дел рассматриваемой категории. Своевременное и качественное проведение этих следственных действий, в том числе с учетом выявленных особенностей, во многом предопределяет основные направления дальнейшего расследования уголовного дела. Особое внимание уделяется осмотру изъятых компьютерной техники, мобильным устройствам, накопителям и иной компьютерной информации, включая информацию полученную через сеть Интернет.

Для последующего этапа расследования характерно проведение следственных действий, направленных на закрепление доказательств полученных на первоначальном этапе расследования.

На этом этапе осуществляется собирание доказательств, позволяющих сформулировать обвинение, наиболее полно выявляются все эпизоды преступной деятельности подозреваемого, обвиняемого. Именно в данный период складываются условия, позволяющие подробно изучить личность подозреваемого, обвиняемого, правильно выбрать момент проведения тех или иных процессуальных действий либо оперативно-розыскных мероприятий. Выбор их и последовательность проведения в значительной степени определяются складывающейся следственной ситуацией после осуществления первоначальных следственных действий.

Именно на этом этапе осуществляются мероприятия по выявлению других преступлений. Как показывает практика, в качестве дополнительных эпизодов инкриминируемых в вину выявляются и расследуются преступления, предусмотренные статьями 348, 349, 361, 361-1, 361-2 УК.

Типичными следственными действиями на последующем этапе расследования являются допрос обвиняемого, очная ставка, дополнительные допросы, проверка показаний на месте, назначение экспертиз.

Обращая внимание на полноту собирания доказательств, следователь рассматривает необходимость производства таких следственных действий как повторный допрос обвиняемых, проведение экспертиз, оценку собранных доказательств с точки зрения их допустимости, относимости и достоверности.

К обязательным элементам предмета доказывания относятся: установление мотивов, целей, идеологических взглядов, которых придерживается лицо, совершающее преступления данного вида. Полученные сведения, наряду с информацией по результатам изучения личности фигуранта, зачастую ложатся в основу подготовки и внесения представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению конкретным обвиняемым преступления.

Эффективным инструментом в расследовании уголовных дел экстремистской направленности становится искусственный интеллект. С точки зрения В.В. Бычкова, искусственный интеллект в сфере раскрытия и расследования преступлений, в том числе экстремистской направленности, включая совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, можно описать как компьютерно-программное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, способное не только решать задачи следственной деятельности, но и самосовершенствоваться с целью повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений [7].

Уже на сегодняшний день при расследовании уголовного дела, методом OSINT проводится поиск информации в общедоступных источниках сети Интернет. Для реализации данного направления используются возможности искусственного интеллекта – программы распознавания по лицам «КИПОД» в республиканской системе мониторинга общественной безопасности.

Приведу положительные примеры: при осуществлении поиска информации в общедоступных источниках сети Интернет (криминалистической разведки) по факту безвестного исчезновения гражданина Щ. в 2022 году следователями г.Минска установлены факты активного участия его дочери и зятя в несанкционированных массовых мероприятиях 2020 года. В этом же году, мониторингом сведений, содержащихся на экстремистских телеграмм-каналах установлены личности 32 граждан Республики Беларусь, входящих в состав нацистских вооруженных формирований, ведущих боевые действия на территории Луганской и Донецкой областей в составе вооруженных сил Украины. Полученные сведения успешно использованы в расследовании других уголовных дел.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 22 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 77 с.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 // ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2025.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
4. О противодействии экстремизму: Закон Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 4 янв. 2007 г. №203-З // ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь/ Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2025.
5. Василевич, Г. А. Противодействие экстремизму – залог стабильного развития Республики Беларусь / Г.А. Василевич // Юридическая наука и образование. – 2010. – Выпуск 3. – Минск: Право и экономика, 2010. – 310 с.
6. Сергеева, А. В., Автореферат. Особенности досудебного производства по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности / Сергеева Анна Валерьевна. – Москва, 2012. – 30с.
7. Бычков, В. В., Искусственный интеллект в сфере раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / В. В. Бычков // Российский Следователь. – 2022. – № 1. – С 3-6.

Е. Н. Трикоз, В. Э. Карпович

(Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российская Федерация)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СТРАН БРИКС В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ОПЫТ ИНДИИ И ЮАР*

Проводимая государствами БРИКС уголовно-правовая политика по сохранению и защите традиционных ценностей обладает особой значимостью и актуальностью ввиду признанной на официальном уровне некоторыми западными государствами политики по фальсификации истории, осквернению советских памятников, нарушению прав и свобод верующих, а также связи с практикой размывания института традиционных ценностей в области брака и семьи. В статье представлен анализ специфических нормативных основ и практики реализации уголовно-правовой политики на примере таких двух стран БРИКС, как Индия и ЮАР, которые в последние годы сформировали собственный опыт по защите и сохранению традиционных ценностей.

В современных реалиях мировой повестки сохранение и защита традиционных ценностей является одной из главных задач, стоящих перед значительным числом государств, национальные стратегии которых нацелены на сохранение собственной самодентичности и цивилизационно-культурного наследия.

В Российской Федерации на необходимость обеспечения защиты традиционных ценностей указано в нормативных правовых актах и документах стратегического планирования. К таковым, в первую очередь, следует относить Конституцию Российской Федерации [1], Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 [2], а также Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [3].

Вместе с тем некоторые западные страны стремятся исказить важные для культурной памяти поколений историко-политические события (в частности, ход и последствия Великой Отечественной войны и результаты Второй мировой войны), осквернить советские памятники и сооружения, ограничивать права и свободы верующих неугодных конфессий, насаждать пропаганду нетрадиционных ценностей и др., что в свою очередь неминуемо ставит под угрозу национальную безопасность и стабильность правопорядка значительного числа незападных государств.

Безусловно, сохранение традиционных ценностей представляется возможным лишь с учетом проводимой государством комплексной политики [4], в том числе в уголовно-правовой сфере, предусматривающей и обеспечивающей соответствующие механизмы по судебной защите традиционных ценностей от преступных посягательств [8]. В литературе дается определение «уголовно-правовой политики» как комплексного феномена, включающего в себя собственно уголовную политику, уголовно-процессуальную политику, уголовно-исполнительную политику, криминологическую политику, а также правоохранительную политику [5].

Не является исключением и особенный опыт некоторых государств БРИКС в рамках проводимой ими уголовно-правовой политики по сохранению и защите традиционных ценностей, что наиболее ярко представлено опытом Индии и ЮАР. В Конституциях обоих государств содержатся положения о защите основных прав и свобод человека и гражданина, включая защиту права на свободу вероисповедания и религии, а также укрепление традиционного института семьи и брака.

Уголовная политика Индии предопределяется тем фактом, что правовая система страны относится к смешанной (гибридной) семье права, т. к. сочетает в себе черты британского общего права, фрагменты мусульманской правовой традиции, и традиционные институты индульской правовой культуры [6]. Наряду с нормативными правовыми актами, официальными источниками в Индии признаются, согласно ст. 143 *Конституции 1950 г.*, правовые положения, сформулированные и изданные Верховным судом страны в своих постановлениях, которые носят юридически обязательный характер для судов всех уровней, включая высокие суды штатов.

Индийское законодательство содержит ряд положений, прямо касающихся сохранения и защиты традиционных ценностей. Так, статья 49 Конституции Индии предусматривает охрану памятников, мест и объектов национального значения. При этом современное индийское уголовное законодательство основывается на следующих кодифицированных актах, которые вместе составляют юридическую основу проводимой уголовно-правовой политики: «Бхаратия Ньяя Санхита» 2023 г. (*The Bharatiya Nyaya Sanhita*) [11], заменивший индийский Уголовный кодекс 1860 г.; «Бхаратия Нагарик Суракша Санхита» 2023 г. (*The Bharatiya Nagarik Suraksha Sanhita*) [10], заменивший Уголовно-процессуальный кодекс 1973 г.; и «Бхаратия Сакшья Адхиниям» 2023 г. (*The Bharatiya Sakshya Adhiniyam*) [12], принятый вместо индийского Закона о доказательствах 1872 г., а также ряд иных профильных индийских законов.

Что касается уголовно-правовой защиты традиционных ценностей в этой стране, в числе которых особый приоритет отдается правовому статусу женщин и детей, то на это направлены санкции за совершение целого ряда преступлений. Большинство таких составов закреплены в новом УК Индии 2023 г., в частности, в главе 5 «Преступления против женщин и детей» (статья 77 «Вуайеризм», статья 78 «сталкинг», статья 79 «Слово, жест или действие, направленные на оскорбление скромности женщины», статьи 98-99 о покупке и продаже детей для целей проституции, а также иные составы преступлений) и главе 16 «Преступления против религии» (к примеру, статья 301 «Незаконное проникновение на территорию захоронений» и статья 300 «Нарушение порядка проведения религиозного собрания» и иные составы преступлений).

Тематически глава 15 «О преступлениях, затрагивающих здоровье населения, безопасность, порядок, порядочность и мораль» УК Индии посвящена вопросам защиты и сохранения традиционных ценностей. К числу примечательных составов преступлений в этой главе можно отнести такие, как: статья 274 «Фальсификация продуктов питания или напитков, предназначенных для продажи», статья 279 «Загрязнение воды в общественном источнике или водохранилище», статья 294 «Продажа непристойных книг и прочее» и статья 296 «Непристойные действия и песни».

Аналогичный опыт строго уголовного преследования за посягательство на традиционные ценности и национальные приоритеты накоплен в законодательстве Южно-Африканской Республики. Ее правовая система также относится к числу смешанных (плюралистических) правовых порядков [7]. Также как и в Индии, в правовой практике ЮАР особую роль играет обычное и прецедентное право. Поэтому вопросы защиты и сохранения традиционных ценностей рассматриваются в тесной связи с конкретным уголовным делом и основываются на принципах и правилах, изложенных в судебных прецедентах.

Права коренных народов ЮАР, их традиции и устои в области брачно-семейного, земельного и наследственного, как показывает судебная практика, равным образом защищаются в рамках уголовного процесса [9]. Однако следует отметить, что в ЮАР по сей день не был принят единый кодифицированный УК, поэтому складывается фрагментарная уголовная политика.

Таким образом, представленный зарубежный опыт формирования особой уголовной политики в Индии и ЮАР свидетельствует о значительном внимании указанных стран БРИКС к делу правовой охраны и судебной защиты традиционных ценностей.

Представляется целесообразным продолжить изучение опыта уголовно-правовой политики государств БРИКС в части защиты традиционных ценностей, в том числе с целью вынести на обсуждение указанные вопросы на пленарные заседания профильных рабочих групп БРИКС. Это позволит консолидировать усилия стран БРИКС и их компетентных органов, а также найти общий консенсус в вопросах единообразной уголовной политики по защите и сохранению традиционных ценностей.

**Публикация подготовлена при поддержке МГИМО МИД России в рамках XV конкурса молодых ученых МГИМО «Расширение горизонтов сотрудничества БРИКС» (грант № КМУ-15/07 «Уголовно-правовая политика государств БРИКС+ по защите традиционных ценностей»).*

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 31, 04.08.2014, ст.4398.
2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 46, 14.11.2022, ст.7977.
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 27 (ч. II), 05.07.2021, ст.5351.
4. Малиновский А. А., Трикоз Е. Н. Санкционная политика государства: историко-правовой обзор / А. А. Малиновский, Е. Н. Трикоз // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28, № 4. – С. 705-729. – DOI 10.22363/2313-2337-2024-28-4-705-729.
5. Грудинин Н. С. Содержание и основные направления уголовно-правовой политики Российской Федерации / Н. С. Грудинин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2023. – № 2(847). – С. 130-136. – DOI 10.52070/2500-3488_2023_2_847_130.
6. Трикоз Е. Н. Сравнительное уголовное право (Индия) / Е. Н. Трикоз, Н. А. Крашенинникова. – М.: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство ЮРАЙТ", 2020. – 179 с. – ISBN 978-5-534-13966-2.
7. Трикоз Е. Н. Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе / Е.Н. Трикоз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 4(32). – С. 91-97. – DOI 10.17803/2311-5998.2017.32.4.091-097.
8. Шестак В. А., Карпович В. Э. Причины преступности в Республике Индия / В. А. Шестак, В. Э. Карпович // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2021. – № 5. – С. 24-26. – DOI 10.18572/2071-1190-2021-5-24-26.
9. Matthee J. Influence of the Cultural Defence on Conduct and Culpability in South African Criminal Law. *Laws*. 2024; 13(2):23. <https://doi.org/10.3390/laws13020023>
10. The Bharatiya Nagarik Suraksha Sanhita, 2023 // Indiacode. URL: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/20099/1/a2023-46.pdf> (дата обращения 01.04.2025).
11. The Bharatiya Nyaya Sanhita, 2023 // The Ministry of Home Affairs of India. URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/250883_english_01042024.pdf (дата обращения 01.04.2025).
12. The Bharatiya Sakshya Adhiniyam, 2023 // The Ministry of Home Affairs of India https://www.mha.gov.in/sites/default/files/250882_english_01042024.pdf (дата обращения 01.04.2025).

Д. О. Чистилина

(Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ*

Материалы посвящены исследованию различных подходов в России и зарубежных странах к вопросу внедрения систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальное доказывание. Цифровизация уголовного процесса является перспективным направлением, однако она должна проходить в условиях хорошо продуманной системы правового регулирования и учета технических рисков. Современные системы искусственного интеллекта следует рассматривать не как замену человека, а как его помощника, позволяющего оптимизировать некоторые процедуры в уголовном процессе.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) в наше время занимает все более прочные позиции во всех сферах жизнедеятельности. С его помощью облегчается решение множества задач, основанных на обработке большого массива информации, за счет чего сокращается время, затрачиваемое на их выполнение. Более того, ИИ обладает рядом когнитивных функций, поэтому имеет способность к самообучению и генерированию решений.

Причем нейрокибернетики считают, что ИИ должен быть схож с головным мозгом, а кибернетики сосредоточились на равнозначности реакции человека и машины в плане принятия каких-то решений. Принцип работы ИИ заключается в сочетании большого объема данных с возможностями быстрой, итеративной обработки и интеллектуальными алгоритмами, что позволяет программам автоматически обучаться на базе закономерностей и признаков, содержащихся в данных [1, с. 159–162]. Пока существующие системы ИИ функционируют на основе большого количества данных, загруженных в программу, перебирая находящуюся у них в памяти информацию, что не позволяет говорить о совершенном процессе самообучения.

Для целей правового регулирования интересным представляется определение ИИ, предложенное О. А. Ястребовым: «искусственный интеллект – это результат деятельности человека, который представляет собой сложную совокупность коммуникационных и технологических взаимосвязей, обладающую способностью логически мыслить, управлять своими действиями и корректировать свои решения в случае изменения внешних условий» [2, с. 36–55].

Подобные способности ИИ, безусловно, привлекли внимание специалистов в юридической сфере, так как юридическая деятельность содержит множество формальных требований, изобилует зачастую монотонной работой и требует большого количества времени на обработку огромного массива информации (поиск в базах данных, выявление закономерностей в решениях и материалах дела и т.д.). В связи с этим интерес теоретиков и практиков к вопросу внедрения систем ИИ в юридическую сферу вполне оправдан. Однако необходимо иметь четкое представление о том, в каких направлениях юридической деятельности он может быть наиболее полезен.

Часто ИИ применяют для целей классификации, т. е. распределения данных по группам согласно заданным параметрам (оценка достоверности информации, выявление контрафакта и т. д.), что не только облегчает процесс поиска нужной информации, но и позволяет обратить внимание на детали, которые могли ускользнуть от взора следователя или эксперта. Так, новый комплекс фото-видео-фиксации «Автоураган» уже стоит на службе у органов Госавтоинспекции и помогает фиксировать нарушения ПДД и вычислять машины, находящиеся в розыске [3, с. 129–136].

В последнее время все чаще говорят о необходимости внедрения системы ИИ в уголовно-процессуальную деятельность, но на фоне всех рассуждений о его пользе и повышении эффективности уголовно-процессуальной деятельности [4, с. 226–231] необходимо задуматься о рисках, с которыми связано введение подобных систем в уголовный процесс.

Системы ИИ уже используются в некоторых зарубежных странах, причем довольно успешно. Так, в Шанхае создали робота, способного выносить обвинение в суде. Он обучался, анализируя уголовные дела в период с 2015 по 2020 годы. Помимо этого, в Китае ИИ в прокуратурах применяется при оценке доказательств. Также в Китае функционирует система Smart Court, которая позволяет судье быстро находить аналогичные дела прошлых лет и применять их для разрешения спора. Судья при этом может не согласиться с системой, но свое решение он должен обосновать. Система Smart Court способна не только анализировать представленные в суд доказательства (документы), но и уведомлять судью о формальном нарушении законодательства.

В 2017 году в Казахстане Генеральной прокуратурой Республики и Верховным судом Республики была представлена программа «Зандылык», проверяющая проекты актов прокурора или судьи на соответствии требованиям уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Она нацелена на повышение качества уголовного правосудия, снижение неэффективного документооборота и жалоб участников процесса на нарушения закона при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел [5, с. 318–321].

В США же разработали систему ИИ, которая может заменить адвоката и защитить подсудимого в суде, однако юристы негативно восприняли данную разработку и поставили под сомнение качество оказываемых таким «адвокатом» услуг.

Некоторые судьи также начали применять возможности ИИ в своей работе. В Колумбии судья использовал ChatGPT при вынесении судебного решения о компенсации выплат по страхованию, причем данный вопрос в стране не урегулирован.

В штате Висконсин программа COMPAS, оценивающая риск совершения рецидива в зависимости от образования, криминальной истории и других характеристик преступника, помогла вынести приговор, избрав максимальное наказание подсудимому. Обжаловать его не удалось, так как суд апелляционной инстанции сослался на тайну методологии разработанной программы [6, с. 83–87].

Китайская компания Watrix разработала программно-аппаратный комплекс, распознающий людей по функционально-динамическим признакам походки и общего телосложения, что позволяет уменьшить время, затрачиваемое на поиск лица, совершившего преступление.

Интеллектуальные системы применяются и в голландской полиции. Они оказывают значительную помощь при расследовании, помогая анализировать всю доступную информацию по уголовному делу, определить вероятный уровень сложности дела и подготовить его к расследованию, выполняя всю рутинную работу. Также система помогает выявить серийность в преступной деятельности [7, с. 62–66].

В суде Индии анализ цифровых доказательств осуществляется алгоритмом DESOP, с помощью которого делается вывод о готовности рассмотрения дела в суде и возможности их исследования [8, с. 47–51].

Кроме того, ИИ используется и в оперативно-розыскных целях. На рынках Dark-Web ИИ выступает в качестве «киберагента», способного осуществлять одновременное наблюдение за большим количеством лиц, нежели реальные оперативные работники, внедряться в преступные сети, не компрометируя свою личность, передавая оперативные данные в правоохранительные органы. Так, в Нидерландах создан и активно используется чат-бот Sweetie 2.0, который выглядит как 10-летняя девочка из Филиппин, которая общается онлайн с людьми, проявляющими сексуальный интерес к детям [9, с. 448–450].

Однако функционирование подобных систем несет в себе не только пользу, но и приводит к возникновению различных проблем на уровне законодательства. Так, невозможность

оспорить решения, вынесенные с помощью ИИ, ввиду закрытости алгоритма разработчиком, что приводит к нарушениям прав граждан. Кроме того, появляется вопрос об ответственности, если система искусственного интеллекта допустит ошибку.

В России не так активно внедряются системы ИИ в правовую сферу, однако некоторые подвижки в этом вопросе уже есть.

В Белгородской области в качестве эксперимента три судебных участка используют ИИ для подготовки приказов о взыскании налогов. Хотя отметим, что система самостоятельно не выносит решение, а лишь сокращает время, затрачиваемое на его формальную подготовку.

Остальные существующие системы направлены, скорее, на систематизацию и устранение формальностей и сложностей взаимодействия между государственными органами и гражданами.

Система ГАС «Правосудие» автоматизирует работу аппарата судов, существенно ускоряет документооборот между судами различных уровней, а также облегчает доступ граждан к результатам судебной деятельности.

В настоящее время ведется работа по созданию и внедрению в деятельность судов суперсервиса «Правосудие онлайн», основной задачей которого является организация взаимодействия граждан с судом, начиная с момента подачи электронных документов до вынесения судебного решения. С 2024 года сервис работает посредством Единого портала государственных услуг. В феврале 2024 года на Едином портале государственных услуг введен в эксплуатацию сервис подачи в суды общей юрисдикции процессуальных документов в электронном виде в рамках гражданского и административного процессуального законодательства. Обратим внимание на то, что пока подобный сервис недоступен для уголовных дел, хотя во многих ведомствах (МВД РФ, СК РФ) уже функционируют системы электронной подачи заявлений о совершенных или готовящихся преступлениях.

Наиболее перспективным для внедрения систем ИИ видится уголовно-процессуальное доказывание, где ошибки чаще всего носят субъективный характер. Причинами ошибок являются низкий уровень правовой культуры; недостаточный опыт профессиональной деятельности; низкий уровень нравственных качеств конкретно правоприменителя, халатное отношение к своим профессиональным обязанностям и др. Поэтому В. В. Пшавы, В. В. Плетнев, К. С. Тимофеев считают, что возможности ИИ можно использовать при устранении ряда причин именно субъективного характера, которые лежат в основе возникновения ошибок в уголовном судопроизводстве [10, с. 140–143].

В связи с этим особое внимание в процессе исследования хотелось бы обратить на риски в теории и на практике, которые могут стать препятствием для оптимального функционирования и транспарентности российского уголовного процесса в условиях цифровизации.

Интеллектуально-волевой элемент при принятии решения с использованием систем ИИ вызывает большие вопросы, так как у подобных систем отсутствуют элементы осознания и отношения к последствиям. Остается неясным, как ИИ будет оценивать степень причиненного морального вреда, перенесенных нравственных страданий, которые с трудом поддаются оценке человеком, так как не содержат конкретных критериев этой оценки. Кроме того, сложно представить, что введенные данные будут полностью свободны от предвзятости, так как ИИ будет функционировать и обучаться на основе введенных в него решений, принятых человеком, не свободным от субъективных взглядов. Конечно, разработчики стремятся устранить имеющиеся недостатки, но на данный момент совершенной системы ИИ не существует.

В связи с этим необходимо использовать риск-ориентированный подход при правовом регулировании процесса использования систем ИИ в уголовном процессе, просчитывая все выгоды и издержки. Причем в мире сложилось 2 подхода к правовому регулированию

систем ИИ. Первый заключается в регулировании по мере понимания возникающих проблем (США, Китай), а второй исходит из принципа предосторожности, предугадывания возможных проблем (Швеция, Бельгия, Испания) [11, с. 299–308].

Неоспоримым фактом является то, что процесс использования ИИ должен контролироваться людьми, что было отмечено в Законе об искусственном интеллекте, принятом ЕС в 2023 году [12].

Таким образом, российская правовая система содержит ряд принципов и нормативных положений, которые на данный момент препятствуют использованию систем ИИ в уголовном процессе без хорошо продуманных шагов в этом направлении. Кроме того, существующие системы ИИ требуют последующей технической доработки.

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01341, <https://rscf.ru/project/25-28-01341/>*

Список использованной литературы

1. Горохов, А. В., Искусственный интеллект / А. В. Горохов, В. А. Мартынов, В. А. Гаврин // Скиф. – 2022. – №4 (68). – С. 159–162.
2. Ястребов, О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы / О. А. Ястребов // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – №2. – С. 36–55.
3. Жигалова, Е. А. Анализ зарубежного и российского опыта использования искусственного интеллекта / Е. А. Жигалова, Р. Р. Жигалов // Философия права. – 2024. – № 1 (108). – С. 129–136
4. Чистилина, Д. О. Повышение эффективности правосудия путём реформирования уголовно-процессуального законодательства / Д. О. Чистилина // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. В. Николюка. 2016. С.403–406.
5. Караева, А. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в российском уголовном судопроизводстве сквозь призму зарубежного опыта / А. А. Караева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 318–321.
6. Чуканова, Е. С. Искусственный интеллект и правосудие: миф или реальность / Е. С. Чуканова, А. И. Бабченко // Уголовная юстиция. – 2024. – № 23. – С. 83–87.
7. Кетия, Т. А. Нейросетевые технологии в деятельности правоохранительных органов России и зарубежных стран / Т. А. Кетия // Евразийская адвокатура. – 2022. – № 4 (59). – С. 62–67.
8. Шестакова, Л. А. Цифровизация уголовного процесса: страны Азии и Востока / Л. А. Шестакова // Основы экономики, управления и права. – 2022. – № 3 (34). – С. 47-51.
9. Шевелева, К. В. Возможности использования технологий искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности: зарубежный опыт / К. В. Шевелева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7(223). – С. 448–450.
10. Пшава, В. В. К вопросу о роли искусственного интеллекта в минимизации ошибок в уголовном судопроизводстве / В. В. Пшава, В. В. Плетнев, К. С. Тимофеев // Право и практика. – 2024. – №2. – С. 140–143.
11. Цифровое право: учебник / Под ред. докт. юрид. наук, проф. МГИМО Э. Л. Сидоренко. — М.: Юрлитинформ, 2024. — 720 с.
12. Закон об искусственном интеллекте Европейского союза [Электронный ресурс]. — URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2023-0188-AM-808-808_EN.pdf (дата доступа: 11.04.2025).

В. В. Якубук

(Государственный пограничный комитет Республики Беларусь, Республика Беларусь)

**О ВОПРОСАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЛИЦ, ПОСТРАДАВШИХ
ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРИ ВЫНЕСЕНИИ РЕШЕНИЙ ОБ ОТКАЗЕ
В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Настоящее исследование посвящено изучению проблематики реализации прав пострадавших в уголовном судопроизводстве. Детально изучаются проблемные вопросы обеспечения указанных прав на стадии возбуждения уголовного дела, в частности, при вынесении решений об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом, рассматриваются причины возникновения правовой неопределенности и автором предлагаются пути ее решения. Кроме того, отмечается необходимость рассмотрения вопроса о внедрении правовых механизмов непосредственного восстановления нарушенных прав и разрешения конфликтных ситуаций.

Положениями части второй ст. 59 Конституции Республики Беларусь государственным органам и должностным лицам предписано осуществлять принятие необходимых мер по реализации и защите прав и свобод граждан. В развитие этих положений пунктами 12, 35 и 43 Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, в качестве основной задачи деятельности государства определено обеспечение прав и свобод граждан и гарантий их реализации, в случае их нарушения правоохранительным органам надлежит принимать соответствующие меры для их восстановления. При этом, в рамках развития законодательства также необходимо осуществлять дальнейшую оптимизацию уголовного процесса.

Так, в качестве начальной стадии уголовного судопроизводства выступает стадия возбуждения уголовного дела. Основной задачей указанной стадии является оперативное рассмотрение получаемой органами уголовного преследования информации о совершенных (совершаемых) преступных деяниях. Проблематика этой стадии неоднократно исследовалась белорусскими процессуалистами: А. И. Шведом [1], А. Данилевичем и В. Самариным [2], В. М. Орловским [3] и другими. Основное внимание уделялось процессуальному порядку ведения судопроизводства и принятию итоговых процессуальных решений, в том числе об отказе в возбуждении уголовного дела.

Следует отметить, что результаты процессуальной деятельности в этой первой стадии процесса непосредственно затрагивают права и законные интересы пострадавших лиц и имеют существенное значение как для дальнейшего ведения предусмотренного Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК) судопроизводства, так и в других правовых областях при окончательном завершении процессуальной деятельности (в частности, для привлечения лица к материальной или дисциплинарной ответственности, заявления гражданского иска). Вместе с тем, непосредственное осуществление в рамках «доследственных» проверок медиативной (примирительной) деятельности, направленной на реальную реализацию прав пострадавших от противоправных деяний лиц и действительное разрешение конфликтов (споров), преимущественно остается за рамками уголовного процесса и является как правило исключением в связи с выполнением должностными лицами таких действий по своему усмотрению при наличии у них соответствующих ресурсов. Однако, как отмечается М. М. Бабаевым, общественное развитие приводит к неизбежности дальнейшего реформирования правоохранительной деятельности с целью ее трансформации в сферу «социальных услуг»,

наделения ее вместо репрессивной роли задачей «обслуживания безопасностью», корректировке ее целей «с субъекта нападения на объекты защиты» [4, с. 30]. При этом, должного всестороннего внимания реализации прав лиц, пострадавших от преступлений, на начальной стадии уголовного процесса в научной литературе уделено недостаточно. Целью проведенных исследований в основном было раскрытие правообеспечительной роли уголовного судопроизводства. Научные работы практически не посвящались непосредственному изучению различных возможностей правосстановительной функции процесса для этих участников. При этом, объективно, что лицо, пострадавшее от преступления, вступает в уголовный процесс с очевидной целью полного возмещения причиненного ему вреда и иного восстановления его прав и законных интересов. Правоведами в данном случае отмечается, что «имеются объективные обстоятельства, затрудняющие или препятствующие лицу использовать свое право на возмещение (компенсацию), одним из которых является отсутствие в УПК нормы, позволяющей пострадавшему реализовать указанное право на стадии возбуждения уголовного дела» [1, с. 81]. С целью разрешения данной проблематики в ходе последовательно осуществляемой дебиюрократизации государственного аппарата, по нашему мнению, научному сообществу необходимо всестороннее рассмотреть вопрос корректировки вектора уголовного процесса в сторону большего усиления его правозащитного потенциала, приданию процессу дополнительных возможностей для реализации правосстановительной функции как в целом, так и на стадии возбуждения уголовного дела. Необходимо всестороннее осмысление возможности предоставления правовых средств оперативного разрешения конфликтных ситуаций (обеспечения такого разрешения) и проведения соответствующих превентивных мероприятий для предупреждения их возникновения. В частности, наложение ареста в ходе «доследственных» проверок на незаконно изъятое (удерживаемое) имущество позволит исключить возможность его отчуждения третьим лицам (иного распоряжения) и предоставит действенный инструмент для оперативного возмещения вреда в ходе как уголовного процесса, так и в рамках других производств. Также, при наличии согласия всех заинтересованных участников процесса возможно окончательное разрешение определенных конфликтных ситуаций непосредственно при вынесении решения об отказе в возбуждении уголовного дела без возникновения необходимости дальнейшего инициирования пострадавшими лицами начала осуществления гражданского процесса. Указанные вопросы требуют дальнейшего научного осмысления и проведения правовых исследований.

В силу определенных ограничений объема настоящего исследования нами более подробно будут рассмотрены проблемные вопросы обеспечения реализации прав пострадавших лиц при вынесении решения об отказе в возбуждении уголовного дела по материалам «доследственной» проверки.

Так, согласно положениям ч. 2 ст. 178 УПК заявителю направляется копия указанного процессуального решения, при этом также производится разъяснение его права и порядка обжалования этого решения, права на ознакомление с материалами проведенной проверки. При обнаружении нарушений трудовых, семейных и других прав любых (не только непосредственных участников судопроизводства) заинтересованных субъектов хозяйствования и граждан в силу ч. 4 ст. 178 УПК одновременно с вынесением этого решения осуществляется разъяснение соответствующего права и порядка обращения в судебные органы с целью осуществления правосстановления в ходе гражданского судопроизводства.

Следует отметить возникающие на практике ситуации, когда заявление (сообщение) о противоправном деянии подается не лицом, пострадавшим от преступления, а иными лицами – очевидцем конфликтной ситуации, родственником пострадавшего, рядовым работником предприятия и другими лицами, при этом, как правило, лично не заинтересованными в результатах рассмотрения поданной ими информации и не имеющими правовой интерес как в получении копий процессуальных документов, так и в целом

в участии в судопроизводстве. То есть, как также отмечается в научной литературе [1, с. 77], не исключаются случаи несовпадения в одном субъекте заявителя и лица, пострадавшего от преступления, особенно при причинении вреда здоровью последнего или наличии других обстоятельств, исключающих способность инициирования им начала уголовного процесса. Указанная ситуация лишает, в частности, пострадавшее лицо возможности получения копии решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Однако, как справедливо указывается А. И. Шведом, «права пострадавшего не должны быть нарушены и при отсутствии у него возможности лично подать заявление о совершенном в отношении его преступлении» [1, с. 82]. При этом, положениями ст. 11 и части второй ст. 34 Конституции Республики Беларусь определяется прямая обязанность государственных органов и должностных лиц по непосредственному предоставлению гражданам возможности ознакомления с материалами, касающимися их прав и законных интересов. Нормы Основного Закона имеют прямое действие, однако отсутствие соответствующей регламентации в УПК может приводить к неоднозначной правовой практике и неопределенности решений должностных лиц по этому вопросу. В данном случае, по нашему мнению, необходимо рассмотреть вопрос о наделении всеми правами заявителя лица, пострадавшего от преступления. С этой целью следует регламентировать безусловное приобретение лицом, пострадавшим от преступления, статуса заявителя в уголовном процессе независимо от подачи каждым из таких пострадавших соответствующего заявления.

Предлагаемые в научной литературе идеи о включении в уголовно-процессуальный закон норм различной степени детализации, регламентирующих статус как отдельных, так и всех имеющихся участников уголовного процесса (заявителя, лица, пострадавшего от преступления, и других), в практической деятельности, по нашему мнению, не всегда будут являться действительно направленными на эффективную реализацию прав и законных интересов граждан и субъектов хозяйствования, особенно при их нежелании активного участия в процессуальной деятельности. В отдельных случаях такие нормы могут создать избыточное правовое регулирование общественных отношений, вызвать негативный эффект в ходе правоприменения, а не определить ожидаемый участниками процесса надлежащий процессуальный порядок. Так, например, в силу незначительности произошедшего конфликта, примирения в мелких бытовых ситуациях и отсутствия в целом подлежащего преследованию уголовно-правового спора объективно возможно отсутствие у этих участников желания быть активно вовлеченными в уголовный процесс на этой первоначальной стадии, в большинстве случаев завершающейся решением об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом, органы уголовного преследования будут обязаны осуществлять реализацию каждого из регламентированных прав и законных интересов участников, производить их вызов для ознакомления с процессуальными документами и другим образом постоянно привлекать их к ведению уголовного судопроизводства, отвлекая от трудовой или иной общественно-полезной деятельности. Полная реализация данных предложений, по нашему мнению, должна быть более глубоко и всесторонне проработана белорусскими учеными-процессуалистами с учетом их практической востребованности гражданами и субъектами хозяйствования.

Изложенное приводит нас к выводу о необходимости в настоящее время только дополнения понятия «заявитель» указанием на наделение всеми его правами любого лица, пострадавшего от преступления, а не только непосредственно подавшего соответствующее заявление. При этом, например, при принятии процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела каждое пострадавшее лицо будет иметь возможность получения копии соответствующего постановления, а также право его обжалования и ознакомления с материалами «доследственной» проверки.

В связи с указанным представляется целесообразным дополнение п. 10 ст. 6 УПК предложением следующего содержания: «Другие физические и юридические лица, пострадавшие от преступления, также обладают правами заявителя.». Такое дополнение

будет служить более точной корректировке законодательства, соблюдению принципа системности правового регулирования одновременно с краткостью изложения правовых предписаний. При этом, следует согласиться с мнением А. В. Солтановича об обязательности правовой регламентации в УПК только наиболее существенных положений с исключением излишней конкретизации, что повлечет необходимость их дальнейшей детализации [5, с. 393–394].

Указанное изменение уголовно-процессуального закона увеличит правообеспечительный потенциал уголовного судопроизводства и обеспечит практическое применение конституционных принципов правового социального государства. Кроме того, реализация такого изменения закона послужит в определенной степени процессуальной экономии и дебюрократизации общественных отношений в силу отсутствия необходимости активного вовлечения каждого пострадавшего лица путем истребования от него заявления в непосредственное ведение уголовного процесса на его ранней стадии, безусловному получению ими информации о принятии касающихся их интересов процессуальных решений, в том числе для возможного использования таких решений в других сферах (в частности, подача иска в порядке гражданского судопроизводства). Применение указанного предложения в правоприменительной практике приведет к большей открытости действий правоохранительных органов для всех заинтересованных лиц, увеличению доверия к деятельности органов уголовного преследования, формированию дополнительных механизмов обеспечения прав и законных интересов граждан и субъектов хозяйствования и будет являться одной из мер всестороннего обеспечения национальной безопасности.

Список использованной литературы

1. Швед, А. И. Актуальные теоретические и практические аспекты стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Швед Андрей Иванович ; Академия МВД Республики Беларусь. – Минск, 2005. – 143 л.
2. Данилевич, А. Место стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса Республики Беларусь / А. Данилевич, В. Самарин // Законность и правопорядок. – 2013. – № 3. – С. 24–29.
3. Орловский, В. М. Некоторые уголовно-процессуальные аспекты отказа в возбуждении уголовного дела / В. М. Орловский // Правовое обеспечение устойчивого развития Республики Беларусь в контексте интеграционных процессов : материалы 1-й респ. науч.-практ. конф., 6-7 апр. 2006 г., г. Гомель : в 2 ч. / Гомел. гос. ун-т ; редкол.: Е. В. Богданов [и др.]. – Гомель, 2006. – Ч. 2. – С. 325–327.
4. Бабаев, М. М. Избранные труды по криминологии / сост.: Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Юрлитинформ, 2022. – 600 с.
5. Солтанович, А. В. К вопросу о пределах детализации правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности / А. В. Солтанович // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – Вып. 12. – С. 393–396.

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО, ХОЗЯЙСТВЕННОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО (АРБИТРАЖНОГО) ПРОЦЕССА

УДК 347.73

В. А. Брилёва

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРАУДФАНДИНГА

Автор обосновывает отнесение цифрового права к комплексной отрасли законодательства, формулирует понятия «цифровое право», «цифровые права». В материалах рассматриваются нормативные правовые акты, касающиеся цифрового финансового института «краудфандинг». В результате исследования аргументирована констатация отсутствия нормативного правового акта, комплексно регламентирующего современные методы привлечения инвестиций, основанных на концепции краудсорсинга, регулирующего цифровой институт «краудфандинг».

Цифровизация охватывает все сферы жизнедеятельности человека. Перед механизмом правового регулирования стоит сложная задача: эффективно с учетом существующих рисков осуществить упорядочение разноотраслевых общественных отношений, в фокусе которых находятся цифровые технологии.

Автор исследования находится на доктринальной позиции отнесения цифрового права к комплексной отрасли законодательства в силу констатации урегулированных правом не обособленных видовых общественных отношений, а наличия сферы общественных отношений, объединяющей различные виды цифровых правоотношений, и единых целей государственного управления в данной области [1, с.65].

В рамках исследования под «цифровым правом» следует понимать обособленную сферой правового регулирования общность норм, направленных на упорядочение возникновения и влияния цифровых технологий, цифровых данных, IT-инфраструктуры на экономические, социальные процессы, государственное управление. Согласно модельному закону «О цифровых правах», утвержденному Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 14 апреля 2023 г. № 55-12, цифровое право – «субъективное гражданское право на цифровой объект, подтвержденное записями в информационной системе» [2, ст. 3].

Республика Беларусь с 2017 года следует по пути развития цифровой экономики, придерживается планомерного перехода к цифровому формату нормотворчества, использования цифровых технологий в правоприменительной деятельности. Согласно Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь №196 28 июня 2023 г., намечены тенденции цифровизации публично-правовых и частноправовых отношений. Так, пунктом 45 Концепции предусматривается, что в сфере частно-правовых отношений предстоит правовое регулирование «обращения цифрового имущества и цифровых имущественных прав, применения искусственного интеллекта, робототехники, киберфизических систем, беспилотного транспорта», в том числе институтов краудфандинга и краудинвестинга [3].

Мировая практика использования финансовых инструментов краудфандинга и краудинвестинга доказала их эффективность в контексте эффективного взаимодействия потребителей и производителей товаров, услуг, поиска инвесторов, привлечения инвестиций, решения социальных задач. В тоже время, необходимо учитывать, что использование

указанных финансовых инструментов сопряжено с повышенными рисками, обозначенными Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь «О внутреннем контроле при осуществлении банковских операций» № 818 от 24 декабря 2014 г. [4].

Институт краудфандинга упоминается в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь 18 марта 2019 г. № 1 в контексте гуманитарного аспекта информационной сферы (глава 4): для современной белорусской информационной среды характерно создание сетевых сообществ для коммуникации, обмена информацией, опытом и знаниями, общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов, широко применяется практика краудфандинга, повышается роль общественных советов и независимых экспертов в принятии решений государственными органами, формируются институты общественного самоконтроля в целях сохранения исторического, культурного наследия и укрепления правосознания [5, п. 10].

Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы, утверждённая Указом Президента Республики Беларусь 29 июля 2021 г. № 292, предусматривает развитие в жилищно-коммунальном хозяйстве сервисов краудфандинга и краудинвестинга в цифровых платформах умных регионов, предоставляющих жителям возможность выбора вариантов благоустройства их придомовых участков (глава 7) [6, п. 10].

Несмотря на наличие ряда нормативных правовых актов, в которых упоминается цифровой финансовый институт «краудфандинг», в системе законодательства Республики Беларусь отсутствует нормативный правовой акт, комплексно регулирующий современные методы привлечения капитала, основанные на концепции краудсорсинга (привлечение ресурсов общественности для решения конкретных задач, например, Википедия, Linux и др.). Под краудфандингом следует понимать коллективное финансирование проектов через онлайн-платформы. Основными участниками краудфандинга выступают авторы проектов, инвесторы (краудфандеры) и краудфандинговые платформы для взаимодействия авторов и инвесторов. В зависимости от целевого назначения привлечения ресурсов можно выделить следующие виды краудфандинга: благотворительный (сбор средств на безвозмездной основе); с вознаграждением (финансирование проекта в обмен на нефинансовые вознаграждения: продукцию, скидки, сувениры, упоминание в проекте и т. д.); кредитный (займы от частных лиц через онлайн-платформы с целью получения процентов).

В ряде стран мира институты краудфандинга и краудинвестинга урегулированы нормативными правовыми актами, например, в Российской Федерации с 1 января 2020 года действует Федеральный закон «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)».

Список использованной литературы

1. Брилёва, В. А. О месте цифрового права в системе права / В. А. Брилёва // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2025. – № 2 (149). – С. 65-69.
2. О цифровых правах: Модельный закон, утв. Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, 14 апреля 2023 г., № 55-12 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
3. Концепции правовой политики Республики Беларусь, утв. Указом Президента Республики Беларусь, 28 июня 2023 г., №196 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
4. О внутреннем контроле при осуществлении банковских операций: Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь, 24 декабря 2014 г., № 818 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

5. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, утв. Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

6. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы, утв. Указом Президента Республики Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 347.4

А. А. Богустов

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Республика Беларусь)

МОДЕЛЬНЫЙ КОДЕКС ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Материалы посвящены актуальным вопросам правового регулирования объектов интеллектуальной собственности, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта (ИИ). В ней рассматриваются правовые проблемы, возникающие при создании произведений ИИ, включая вопросы авторства и правосубъектности. Статья подчеркивает необходимость разработки новых регуляторных механизмов для адекватного реагирования на вызовы, связанные с использованием ИИ в сфере интеллектуальной собственности, и предлагает пути для дальнейших исследований в этой области.

Процесс модернизации модельного законодательства для государств-участников СНГ затронул и Модельный кодекс интеллектуальной собственности (далее – *Кодекс*). Это проявилось в принятии в ноябре 2024 года новой редакции этого рекомендательного акта [1]. В литературе справедливо отмечается, что характерной чертой модельного законодательства является выполнение им функции «определенного нормативно-ориентирующего стандарта» [2, с. 140]. В этой связи представляет интерес проведение анализа новелл Кодекса, касающихся основ регулирования отношений, не получивших на настоящий момент регламентации на национальном уровне. К их числу, несомненно, относятся отношения по поводу определения правового режима результатов работы компьютерных систем, в том числе относящихся к категории искусственного интеллекта (далее – *ИИ*).

Решение этого вопроса выступает одной из ближайших перспектив развития национального законодательства государств евразийского региона. Например, на это обращают внимание разработанные в рамках СНГ «Рекомендации по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок» [3]. В частности в этом документе отмечается необходимость установления «правил, по которым будет предоставляться охрана произведениям, созданным при помощи систем ИИ с высокой степенью автономности. Для определения правового режима результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием систем ИИ, необходимо решить вопросы об оригинальности, о наличии творческого и (или) интеллектуального труда при создании произведения, о возможности охраны таких произведений в качестве вложений в процесс обучения системы и создания результата (объект смежного права)» (п. 3.5.3).

Кодекс закрепил возможность существования прав интеллектуальной собственности на результаты, полученные в процессе работы компьютерных систем, в том числе и компьютерных систем, относящихся к категории искусственного интеллекта (ст. 16, ч. 1 ст. 24).

Новизна решаемых задач вызывает потребность в дальнейшем обсуждении конкретных подходов к регламентации этих отношений, а указанные положения способны выступить отправной точкой для подобной дискуссии. Несмотря на незначительный объем нормативного материала, содержащегося в Кодексе по вопросу определения правового режима результатов деятельности ИИ, он позволяет определить некоторые возможные направления развития национального законодательства.

Большой интерес представляют положения, определяющие субъектов прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные в процессе работы компьютерных систем. Из ч. 1 ст. 16 Кодекса следует, что субъектами прав на подобные объекты «являются лица, поставившие задачу получить такой результат. Получение незапланированного результата (иного результата), основанного на первоначальной задаче и обладающего качествами результата интеллектуальной деятельности, не изменяет субъектный состав обладателей прав».

Во-первых, ст. 16 Кодекса находится в главе «Общие положения» и, следовательно, ее действие распространяется не только на авторско-правовые отношения, но и на иные сферы интеллектуальной собственности. Из этого следует, что Кодекс допускает, что результаты работы компьютерных систем потенциально могут приобретать и черты изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Это подтверждает и ч. 2 ст. 16 Кодекса из которой следует, что объем, срок действия и состав интеллектуальных прав, возникающих на указанные результаты работы компьютерных систем, определяются национальным законодательством.

Во-вторых, определение в качестве субъекта прав на возникший объект поставившего задачу лица, во многом предопределяет решение вопроса о возможности признания правосубъектности ИИ. Используемая в ст. 16 Кодекса формулировка не позволяет рассматривать ИИ ни в качестве субъекта, ни квазисубъекта права.

Кодекс содержит правила, касающиеся установления режима результатов деятельности компьютерных систем в качестве объектов авторского права. Из ч.1 ст.24 Кодекса следует, что к объектам авторского права относятся в том числе «результаты, полученные в процессе работы компьютерных систем, в том числе компьютерных систем, относящихся к категории искусственного интеллекта, которые в силу своей оригинальности, выразительности и привлекательности получают социальное признание и востребованность, приобретая качества произведения науки, литературы или искусства, в случае, если национальным законодательством государств – участников Содружества предусмотрены соответствующие объекты интеллектуальной собственности».

На наш взгляд, упомянутые положения выглядят нуждающимися в конкретизации.

Из содержания Кодекса следует, что он не ограничивает получение результатов только деятельностью ИИ. Представляется, что при создании объектов компьютерными системами, не наделенными свойством ИИ, установление специального правового режима является излишним. Это следует из определения компьютерной системы как «взаимосвязанной совокупности элементов, отвечающих за хранение и обработку информации, которая генерируется на компьютере (электронной вычислительной машине – ЭВМ). Элементы компьютерной системы представлены аппаратно-программным комплексом: оборудованием и программами» (ст. 1 Кодекса). В этой связи можно утверждать, что набранный и сохраненный на компьютере текст либо обработанное при помощи фоторедактора изображение также являются объектами, созданными при помощи компьютерных систем. Но очевидно, что только на основании этого подобные результаты не должны обособляться среди иных объектов авторского права.

Таким образом, в отдельную группу охраняемых объектов могут быть выделены только результаты функционирования ИИ. Но и они по своей природе не однородны. Анализ законодательства и судебной практики постсоветских стран указывает на то, что начинают дифференцироваться результаты автономного функционирования генеративного («сильного») ИИ от объектов, созданных в процессе использования ИИ как вспомогательной технологии.

Автор настоящей статьи ранее пришел к выводу о том, что применение технологии ИИ приводит к возникновению объекта авторского права в том случае, когда оно носит вспомогательный характер. Но созданный в результате этого объект не требует установления каких-либо специальных правил и на него будет распространяться общий режим авторско-правовой охраны, поскольку эта технология рассматривается всего лишь как один из инструментов [4, с.96-97]. Это, в частности, подтверждается материалами российской судебной практики. Например, в п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. установлено, что: «Творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств» [5]. Показательным является и Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30 ноября 2023 г. по делу № А40 – 200471/23, которое признало видеоролик, созданный с использованием ИИ объектом авторского права [6].

Подобный подход закреплен и в Законе Украины «Об авторском праве и смежных правах» [7], который, как будет указано ниже устанавливает особый правовой режим в отношении результатов деятельности генеративного ИИ (называемые в Законе «неоригинальными объектами, сгенерированными компьютерной программой»). При этом упомянутый Закон специально оговаривает, что «произведения, созданные физическими лицами с использованием компьютерных технологий, не считаются неоригинальными объектами, сгенерированными компьютерной программой» (абз. 2 ч. 1 ст. 33).

Таким образом, правила, установленные п. 1 ст. 24 Кодекса, могут относиться только к результатам деятельности автономного (генеративного) ИИ. Но подобный подход выглядит противоречивым в рамках используемой Кодексом концепции. Как было указано ранее, в п. 1 ст. 24 Кодекса закреплено, что результаты работы компьютерных систем «в силу своей оригинальности, выразительности и привлекательности получают социальное признание и востребованность, приобретая качества произведения науки, литературы и искусства». Другими словами, Кодекс признает, что подобные объекты не являются результатом творческой деятельности.

Но в ст. 1 Кодекса произведение определяется как «совокупность образов, получивших в результате творчества автора (авторов) свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения». Из этого можно сделать вывод о том, что объектом авторского права может выступать исключительно результат творческой деятельности. Объекты же, созданные ИИ лишь, приравниваются к результатам творческой деятельности, «приобретая качества произведения науки, литературы и искусства», что в конечном итоге и должно определять их правовой режим.

Очевидно, что такой режим должен быть отличен от режима, предоставляемого объектам авторского права в традиционном их понимании по меньшей мере в возможности признания неимущественных прав и сроков охраны.

Примером такого подхода выступает ст. 33 Закона Украины «Об авторском праве и смежных правах», устанавливающая права особого рода «*sui generis*» на неоригинальные объекты сгенерированные компьютерными программами. Эти права признаются в отношении объектов отличающихся от существующих подобных объектов и созданных в результате функционирования компьютерной программы без непосредственного участия физического лица в образовании этого объекта (абз.1 ч.1 ст.33). Из анализа указанной статьи можно сделать вывод, что сущность прав «*sui generis*» состоит в том, что: 1) объекты сгенерированные компьютерными программами автономно не признаются результатами творческой деятельности; 2) субъектами прав «*sui generis*» считаются лица на каких-либо правомерных основаниях использующих компьютерную программу; 3) неимущественные права в отношении таких объектов не возникают; 4) срок охраны имущественных прав на подобные объекты составляет 25 лет с момента их создания, что значительно меньше сроков, установленных в отношении традиционных объектов авторского права. Не сложно

заметить, что эти же черты характерны и для большинства разновидностей смежных прав. То есть, права особого рода «*sui generis*» по своему содержанию совпадают со смежными правами. Однако обоснование целесообразности охраны результатов деятельности ИИ в рамках прав особого рода «*sui generis*» либо смежных прав не входит в предмет настоящего исследования и заслуживает самостоятельного обсуждения.

На основании сказанного выше можно сделать вывод, что предложенный Кодексом механизм установления правового режима результатов работы компьютерных систем представляет значительный интерес как с практической, так и теоретической точки зрения. При этом ряд воплощенных в Кодексе положений, в случае их возможной реализации в национальном законодательстве нуждаются в дальнейшей разработке и конкретизации.

Список использованной литературы

1. Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств – участников СНГ (новая редакция): принят на 57-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ: постановление от 22 нояб. 2024 г. № 57-20 // Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 12.01.2025).

2. Бехруз, Х. Сравнительное правоведение / Х. Бехруз. – Одесса: Фенікс; М.: Транслит, 2008. – 504 с.

3. Рекомендации по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок: прил. к постановлению Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 14 апр. 2023 г. № 55-23 // Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/rekomendacii (дата обращения: 12.01.2025).

4. Богустов, А. А. Определение юридической природы результатов деятельности искусственного интеллекта в судебной практике / А. А. Богустов // Копирайт. – 2024. – № 3. – С. 87–98.

5. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апр. 2019 г. № 10 // Информационно правовой-портал Гарант.ру. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130696> (дата обращения: 12.01.2025).

6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30 ноября 2023 г. № А40 – 200471/23 // Электронное правосудие. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb> (дата обращения: 12.01.2025).

7. Про авторське право і суміжні права: Закон України від 01 грудня 2022 р. № 2811-IX // Верховна Рада України. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2811-20#n461> (дата обращения: 12.01.2025).

УДК 347.921

М. Г. Ващебрович, Д. А. Глухотаренко

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Республика Беларусь)

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Институт представительства является одним из важнейших в гражданском процессе, обеспечивающим реализацию права на судебную защиту для лиц, не имеющих

возможности лично участвовать в судебном разбирательстве. Эффективность представительства влияет на защиту прав и законных интересов граждан и организаций в суде. Автором были выявлены проблемы, возникающие в практике применения норм о представительстве, в частности, вопрос подтверждения полномочий представителя.

Институт представительства в гражданском обороте обладает достаточно широкой областью применения и отличается разнообразием как по участникам, так и по правоотношениям, которые он регулирует. Он применяется как для физических, так и для юридических лиц. В соответствии с законом потребность в данном институте возникает у физических лиц, когда они не могут лично исполнять свои права и обязанности по различным причинам, например, из-за отсутствия дееспособности, возраста или состояния здоровья.

Следует также отметить, что Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) не содержит дефиниций таких понятий, как «судебное представительство», «процессуальное представительство» и «представительство адвоката».

Если же говорить про научное определение представительства, то М. С. Шакарян описывает судебное представительство как правоотношение, в рамках которого одно лицо (судебный представитель) совершает процессуальные действия в пределах предоставленных ему полномочий от имени и в интересах представляемого (стороны или третьего лица). В результате этого у последнего возникают соответствующие права и обязанности. Определение судебного представительства как процессуальной деятельности подчеркивает динамичность процесса и имеет большое значение для практической работы представителя (особенно адвоката), позволяя сосредоточиться на конкретных действиях по реализации его полномочий в суде [1, с. 88].

Из данного определения можно сделать вывод о том, что процессуальный представитель является активным участником процесса. Однако данное определение имеет и определенные недостатки. Во-первых, оно не отражает сущности представительства и его места в системе права. Во-вторых, оно игнорирует наличие и содержание правоотношений между представителем и представляемым, а также между представителем и судом. В-третьих, это понятие не охватывает общественные отношения, связанные с основаниями (уполномочие, доверенность) и субъектами представительства, а также имущественными отношениями по возмещению расходов на представителя.

Определение представительства как правового отношения акцентирует внимание на правах и обязанностях, возникающих в контексте процессуальных взаимодействий. Обычно выделяют два типа отношений: между представителем и представляемым, а также между ними и судом. В первом случае представитель получает процессуальные полномочия, а во втором – суд допускает его к участию в процессе. Поэтому нельзя утверждать, что в рамках процессуального представительства существуют исключительно процессуальные отношения, в которых обязательным субъектом выступает суд.

Следует также отметить, что содержание процессуального представительства не ограничивается только этими видами отношений. Представитель в лице адвоката, исполняя публично-правовые функции по оказанию правовой помощи, берет на себя определенные обязательства. Государство не вправе оставаться безучастным к вопросу о том, кто и насколько качественно предоставляет юридическую помощь в судебном представительстве. Качественную и профессиональную помощь может предоставить только адвокат, как опытный представитель правозащитного института [1, с. 90].

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что анализ процессуального представительства как правоотношения способствует более глубокому пониманию различных аспектов судебного представительства, исследованию прав и обязанностей сторон этого правоотношения, а также помогает определить реальное положение представителя в процессе как субъекта одновременно публично-правовых и частноправовых отношений.

Представителем в суде может быть дееспособное лицо, обладающее надлежащим образом оформленным полномочием на ведение дел в суде. Согласно ст. 72 ГПК, представителями в суде могут быть: адвокаты; работники юридических лиц по делам этих лиц; уполномоченные общественных объединений, которым законом предоставлено право представлять и защищать в суде права и законные интересы своих членов и других лиц; уполномоченные организаций, получивших законодательное право на представительство; законные представители; близкие родственники и супруги; представители, назначенные судом; один из процессуальных соучастников по поручению других соучастников; а также патентные поверенные [4, с. 48].

Лицами, не имеющими права быть представителями в суде (согласно ст. 73 ГПК), являются: несовершеннолетние, кроме родителей-несовершеннолетних по делам своих детей; лица, признанные недееспособными или ограниченно дееспособными; судьи, следователи и прокуроры, за исключением случаев, когда они выступают в роли законных представителей недееспособных лиц или представителей суда, прокуратуры или другого органа расследования.

Следует подчеркнуть, что права и законные интересы недееспособных граждан, а также лиц с ограниченной дееспособностью, защищают в суде их родители, усыновители, опекуны и попечители. Законные представители совершают от имени представляемых все процессуальные действия, которые эти лица имеют право совершать, с законодательно установленными ограничениями. Законные представители представляют суду документы, подтверждающие их право оказывать интересы подопечных. В случаях, когда необходимо участие гражданина, признанного безвестно отсутствующим, его представителем становится опекун, назначенный для защиты имущества безвестно отсутствующего [2, с. 162].

Полномочия представителей, назначенных судом, оформляются определением. Адвокат может выступать в роли представителя на основании доверенности и допускается к участию в деле только при её правильном оформлении. Доверенность может быть выдана для выполнения отдельных процессуальных действий, ведения конкретного гражданского дела, нескольких дел или для представления интересов доверителя в суде по любому делу в течение установленного срока. В дополнение к доверенности адвокат должен предоставить суду специальное разрешение (лицензию) на занятия адвокатской деятельностью и ордер юридической консультации.

Граждане могут уполномочивать своих представителей на участие в деле с помощью устного заявления, сделанного в суде. В доверенности, выданной представляемым, должны быть явно указаны права представителя на:

- предъявление иска;
- передачу дела в третейский суд;
- полный или частичный отказ от иска;
- признание иска;
- дачу объяснений на жалобу (протест);
- предъявление исполнительного документа к взысканию;
- получение присужденного имущества, включая деньги;
- подачу заявления о пересмотре решения по вновь открывшимся обстоятельствам.

Кроме того, следует отметить, что отношения адвоката с представляемым оформляются соглашением об оказании юридических услуг. Представление интересов доверителя адвокатом по назначению (ст. 77 ГПК) является исключением из данного правила. Характер отношений между представителем в лице адвоката и представляемым требует ясного и однозначного определения предмета договора (прав и обязанностей адвоката и представляемого) [4, с. 53].

В силу ст. 79 ГПК представитель в лице адвоката вправе совершать от имени представляемого все процессуальные действия. А именно: подписание искового заявления,

предъявление иска, передачу дела в третейский суд, полный или частичный отказ от иска, признание иска, заключение мирового соглашения, соглашения о применении медиации, медиативного соглашения, изменение предмета или основания иска, а также размера исковых требований, передачу полномочий другому лицу (передоверие), заявление ходатайств о приостановлении производства по делу по соглашению сторон, об обеспечении иска, о вынесении дополнительного решения, об отсрочке или о рассрочке исполнения решения, об изменении способа и порядка его исполнения, обжалование судебного постановления, дачу объяснений на жалобу (протест), предъявление исполнительного документа ко взысканию, получение присужденного имущества, в том числе денег, подачу заявления о пересмотре решения по вновь открывшимся обстоятельствам. Он также не может быть допрошен об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с исполнением им профессиональных обязанностей защитника или представителя. Поэтому именно от адвокатов заинтересованные лица могут получить наиболее квалифицированную помощь.

Представитель в лице адвоката отличается от других субъектов, имеющих право на представительство в гражданском судопроизводстве, наличием уникального сочетания прав, процессуальных обязанностей и запретов. Кроме того, в отличие от других представителей, адвокат имеет право осуществлять свои функции по оказанию юридической помощи как в процессуальных, так и в непроцессуальных формах [3, с. 106].

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать определение судебного представительства, а именно: судебное представительство – это урегулированная нормами гражданского процессуального права деятельность дееспособного лица (представителя), осуществляемая от имени и в интересах другого лица (представляемого) в суде на основании закона, договора или акта уполномоченного государственного органа, направленная на защиту прав, свобод и законных интересов представляемого путем совершения процессуальных действий и использования предоставленных законом средств.

Институт представительства в гражданском процессе играет ключевую роль в обеспечении доступа к правосудию и эффективной защите прав и законных интересов лиц, не имеющих возможности лично участвовать в судебном разбирательстве. Он позволяет реализовать конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи и является важным элементом справедливого и состязательного процесса. Развитие института представительства отражает эволюцию представлений о роли и задачах гражданского судопроизводства, а также о гарантиях защиты прав и законных интересов участников процесса. Совершенствование правового регулирования представительства, устранение существующих пробелов и коллизий, а также обеспечение единообразной судебной практики являются важными задачами для повышения эффективности гражданского судопроизводства в целом.

Список использованной литературы

1. Лазутина, Л. Ф. Гражданский процесс / Л. Ф. Лазутина. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 92 с.
2. Белова, Т. А. Гражданский процесс / Т. А. Белова. – Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – 300 с.
3. Шерстюк, В. М. Представительство в суде / В. М. Шерстюк. – М : Норма, 2019. – 113 с.
4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь : 11 янв. 1999 г. № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : с изм. от 8 июля 2024 г. № 22-З : по состоянию на 24 апр. 2025 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. – 288 с.

А. А. Греченков¹, И. В. Колодинская²

¹(Академии МВД Республики Беларусь, Республика Беларусь)

²(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

О ГАРАНТИЯХ ДЛЯ РАБОТНИКОВ, СОВМЕЩАЮЩИХ РАБОТУ С ПОЛУЧЕНИЕМ НАУЧНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматриваются вопросы предоставления гарантий работникам, совмещающим работу с получением научно-ориентированного образования. Анализируются положения о продолжительности социальных отпусков работникам, получающим научно-ориентированное образование в заочной форме получения образования или в форме соискательства, и периодах их предоставления. Рассматриваются нормы, регламентирующие предоставления отпуска для прохождения вступительных испытаний при приеме в учреждения образования, организации, реализующие образовательные программы научно-ориентированного образования, для получения научно-ориентированного образования. Обращается внимание на отдельные недостатки законодательства о совмещении работы с получением научно-ориентированного образования, вносятся аргументированные предложения по его возможному совершенствованию.

В настоящее время вопросы правового регулирования реализации работниками образовательных программ научно-ориентированного образования приобретают особое значение. Это связано с тем, что государство заинтересовано в увеличении количества высокообразованных граждан [1, с. 18] от которых напрямую зависит будущее страны.

Заинтересованность государства в подготовке научных кадров высшей квалификации находит отражение в динамике развития законодательства. Так, Законом Республики Беларусь от 29 июня 2023 г. № 273-З «Об изменении законов по вопросам трудовых отношений» (далее – Закон № 273-З) [2] с 1 января 2024 г. был существенно расширен объем гарантий в связи с получением образования для работников, получающих научно-ориентированное образование.

В частности, впервые был предусмотрен специальный отпуск с сохранением среднего заработка для завершения работы над квалификационной научной работой (диссертацией) на соискание ученой степени доктора наук (ст. 187 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК)). По нашему мнению, данный отпуск по сравнению с традиционным отпуском, предусмотренным ст. 190 ТК, который предоставляется для работы над диссертацией, может стать для соискателя ученой степени доктора наук одним из важных стимулов к скорейшему завершению работы над докторской диссертацией и его формированию как научного работника высшей квалификации [3, с. 50], [4, с. 188].

Обязанностью, а не правом нанимателя стало предоставление отпуска для прохождения вступительных испытаний при приеме в учреждения образования, организации, реализующие образовательные программы научно-ориентированного образования, для получения научно-ориентированного образования (ст. 219 ТК). Очевидно, что возложение на нанимателя обязанности обеспечивать работников таким отпуском означает расширение содействия с его стороны в освоении работниками соответствующих образовательных программ.

На наш взгляд, отмеченные изменения могут быть однозначно оценены как положительные. Вместе с тем необходимо признать, что некоторые нормативные положения в сфере совмещения работы с получением научно-ориентированного образования, даже с учетом их неоднократной оптимизации, не в полной мере способствуют получению работниками такого образования.

В качестве характерного примера затронем еще раз ст. 219 ТК. Несмотря на положительные изменения, произошедшие с ней в связи с принятием Закона № 273-З, полагаем, что в ее названии и содержании вплоть до настоящего времени присутствует ряд спорных положений и некорректных формулировок, требующих более пристального внимания законодателя. Отметим некоторые из них.

1. Продолжительность отпуска в рассматриваемой статье установлена как предельная – до 12 календарных дней. Думается, что определяя продолжительность отпуска таким образом, законодатель дает возможность нанимателю использовать указанную норму исключительно в своих интересах и предоставлять работнику отпуск в минимальном размере. Кроме того, статья не предусматривает исключения из продолжительности данного отпуска времени на проезд к месту нахождения учреждения образования, организации, реализующие образовательные программы научно-ориентированного образования, для получения научно-ориентированного образования, и обратно.

При этом можно констатировать, что в отличие от работников, желающих получить научно-ориентированное образование, работники, допущенные к вступительным испытаниям при приеме в учреждения образования для получения среднего специального образования и высшего образования (ст. 212 ТК), имеют больше возможностей для реализации права на образование. Это выражается в том, что для них установлена не максимальная продолжительность отпуска для прохождения вступительных испытаний, как в ст. 219 ТК, а минимальная. В частности, для получения среднего специального образования таким работникам предоставляется отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью не менее 7 календарных дней, а для получения высшего образования – не менее 12 календарных дней. Причем в указанную продолжительность отпуска не включается время на проезд к месту нахождения учреждения образования и обратно.

С учетом сказанного полагаем, что в анализируемой статье речь следует вести о минимальной продолжительности отпуска без включения в нее времени на проезд к месту нахождения учреждения образования и обратно.

2. В отличие от ст. 212 ТК, которая, регламентируя отпуска для прохождения вступительных испытаний при приеме в учреждения образования для получения среднего специального и высшего образования, устанавливает в качестве необходимого основания предоставления отпусков допуск к вступительным испытаниям, исследуемая статья такое основание не устанавливает. Однако подобная позиция не соответствует подходам, существующим среди специалистов, сложившимся на практике и нашедшим отражение в смежных нормах ТК. В частности, согласно ч. 2 ст. 217 основанием предоставления отпусков для прохождения вступительных испытаний при приеме в учреждения образования, организации, реализующие образовательные программы научно-ориентированного образования, является извещение, выдаваемого учреждением образования, организацией, реализующей образовательные программы научно-ориентированного образования, пропуск для участия в централизованном тестировании, выдаваемого учреждением образования [5], которые и свидетельствуют о допуске работников к вступительным испытаниям.

Исходя из сказанного представляется, что в анализируемой статье следует вести речь о допуске к соответствующим вступительным испытаниям как основании предоставления отпуска.

3. В рассматриваемой статье говорится о том, что отпуска предоставляются без сохранения заработной платы. Однако подобное положение не соответствует подходам, существующим среди специалистов, и нашедшим отражение в общих нормах ТК. Так, в ч. 1 ст. 150 ТК отпуск определяется как освобождение от работы по трудовому договору на определенный период для отдыха и иных социальных целей с сохранением прежней работы и среднего заработка в случаях, предусмотренных ТК.

С учетом сказанного полагаем, что в анализируемой статье речь следует вести о сохранении за время отпуска среднего заработка, который исчисляется согласно Инструкции о порядке исчисления среднего заработка, утверждённой постановлением Министерства труда Республики Беларусь от 10 апреля 2000 г. № 47 [6].

4. Название исследуемой статьи, в котором присутствует слово «отпуска», предполагает, что речь в ней должна идти о нескольких отпусках. Однако в тексте статьи говорится только об одном отпуске – для прохождения вступительных испытаний при приеме в учреждения образования, организации, реализующие образовательные программы научно-ориентированного образования, для получения научно-ориентированного образования.

Для сравнения отметим, что в ст. 212 ТК наблюдается обратная ситуация. В названии данной статьи речь идет об одном отпуске, а в содержании говорится о двух отпусках – для прохождения вступительных испытаний при приеме в учреждения образования для получения среднего специального образования и для прохождения вступительных испытаний при приеме в учреждения образования для получения высшего образования.

Исходя из сказанного думается, что в анализируемой статье следует вести речь только об одном отпуске.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным ст. 219 ТК изложить в следующей редакции:

«Статья 219. Отпуск для прохождения вступительных испытаний при приеме в учреждения образования, организации, реализующие образовательные программы научно-ориентированного образования, для получения научно-ориентированного образования.

Работникам, допущенным к вступительным испытаниям при приеме в учреждения образования, организации, реализующие образовательные программы научно-ориентированного образования, для получения научно-ориентированного образования предоставляется отпуск без сохранения среднего заработка продолжительностью 12 календарных дней, не считая времени на проезд к месту нахождения учреждения образования, организации, реализующие образовательные программы научно-ориентированного образования, для получения научно-ориентированного образования, и обратно».

В качестве примера нормы, требующей более пристального внимания законодателя, укажем еще ч. 5 ст. 216 ТК, согласно которой работникам, получающим научно-ориентированное образование в заочной форме получения образования или в форме соискательства, для сдачи кандидатских экзаменов предоставляется отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью до 15 календарных дней [5].

Вместе с тем анализ Положения о подготовке научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 1 декабря 2011 г. № 561 [7] (далее – Положение), убеждает в наличии в нем не только кандидатских экзаменов как формы промежуточной аттестации аспирантов (адъюнктов, соискателей) при освоении содержания образовательной программы аспирантуры (адъюнктуры), обеспечивающей получение квалификации «Исследователь», но и иных форм промежуточной аттестации обучающихся.

К примеру, в соответствии с п. 70 Положения такими формами являются:

- отчет аспиранта (адъюнкта, соискателя) о выполнении индивидуального плана работы;
- отчет докторанта (соискателя) о выполнении индивидуального плана работы;
- кандидатский экзамен по специальной дисциплине;
- кандидатский экзамен и дифференцированный зачет по общеобразовательным дисциплинам (для лиц, обучающихся в аспирантуре в форме соискательства).

Помимо промежуточной аттестации при завершении освоения содержания образовательных программ научно-ориентированного образования аспиранты (адъюнкты, докторанты, соискатели) проходят также итоговую аттестацию. Согласно п. 78 Положения формами итоговой аттестации являются:

- отчет аспиранта (адъюнкта, докторанта, соискателя) о выполнении индивидуального плана работы и осуществляется государственной аттестационной комиссией;

– кандидатские экзамены и зачеты по общеобразовательным дисциплинам (для соискателей, зачисленных в аспирантуру (адъюнктуру) для сдачи кандидатских экзаменов и зачетов по общеобразовательным дисциплинам).

Можно сделать вывод о том, что в ч. 5 ст. 216 ТК при установлении отпуска без сохранения заработной платы учтены исключительно кандидатские экзамены и не приняты во внимание другие формы промежуточной и итоговой аттестации аспиранта (адъюнкта, докторанта, соискателя), предусмотренных законодательством в сфере научно-ориентированного образования, которые, по нашему мнению, также требуют предоставления такого отпуска. Выходом из сложившейся ситуации видится предоставление возможности работникам, совмещающим работу с получением научно-ориентированного образования, воспользоваться правом на отпуск в связи с получением образования не только для сдачи кандидатских экзаменов, но и для прохождения всех форм промежуточной и итоговой аттестации.

Следует также обратить внимание на то, что, устанавливая в ч. 5 ст. 216 ТК предельную продолжительность отпуска – до 15 календарных дней, законодатель по существу учитывает только интересы нанимателя, поскольку дает ему возможность предоставлять работнику отпуск в минимальном размере. С учетом сказанного представляется, что речь в данной норме следует вести об отпуске конкретной продолжительности.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным ч. 5 ст. 216 ТК изложить в следующей редакции: «Работникам, получающим научно-ориентированное образование в заочной форме получения образования или в форме соискательства, на период прохождения промежуточной и итоговой аттестации предоставляется отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью 15 календарных дней.».

Думается, что предложенные нами изменения ТК будут способствовать расширению доступности научно-ориентированного образования и повышению его качества в современных условиях.

Список использованной литературы

1. Зданович, В. М. Получение послевузовского образования / В. М. Зданович // Кадровая служба. – 2011. – № 11(123). – С. 13–18.
2. Об изменении законов по вопросам трудовых отношений [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 29 июня 2023 г., № 273-З. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300273>. – Дата доступа : 25.04.2025.
3. Колодинская, И. В. Новеллы Трудового кодекса Республики Беларусь в сфере совмещения работы с получением образования / И. В. Колодинская // Трудовое и социальное право. – 2024. – № 1 (49). – С. 49–52.
4. Колодинская, И. В. Совмещение работы с получением образования в Беларуси : историко-правовое исследование : монография / И. В. Колодинская ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – 235 с.
5. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : Одобрен Советом Республики 30 июня 1999 года : в ред. Закона Республики Беларусь от 24.12.2007 г., № 299-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
6. Об утверждении Инструкции о порядке исчисления среднего заработка [Электронный ресурс] : постановление Министерства труда Республики Беларусь, 10 апреля 2000 г., № 47 : в ред. постановления Министерства труда Республики Беларусь от 31.10.2022 г., № 63 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

7. О подготовке и аттестации научных работников высшей квалификации [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 1 декабря 2011 г., № 561 : в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 07.05.2020 г, № 156 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 94:347.627(470)«17/19»

Н. В. Денисенко

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ПРИЗНАНИИ БРАКА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Материалы посвящены проблемам рассмотрения дел о признании брака недействительным в Российской империи. Исследуются различные категории дел – о многобрачии, о принудительных браках, о брачных союзах, совершенных в запрещенных степенях родства и свойства, о четвертых браках, о брачных союзах православных и нехристиан. Делается вывод о том, что дела о законности браков были смешанной подсудности: их рассмотрение входило в компетенцию как духовных, так и светских судов. Автор обращает внимание, что смешанная юрисдикция дел о браке приводила к противоречиям на практике, когда по решению светского суда лицо могло быть оправдано, а в духовном суде подвергалось наказанию.

В Российской империи брачный союз считался таинством и заключался в церкви по правилам и обрядам соответствующего вероисповедания [1, ст. 31, 61, 90]. В соответствии с этим дела о признании законности браков подлежали ведомству духовного суда [2, ст. 796].

Согласно статье 805 Законов о судопроизводстве гражданском епархиальное начальство должно было основывать свои заключения о законности или незаконности, действительности или недействительности браков «на точном разуме правил Святой Церкви и определений Святейшего Синода» и представлять свои решения о признании браков недействительными на утверждение Святейшего Синода [2, ст. 805; 3, с. 200-201]. Исключение составляли дела о многобрачии: в 1903 г. окончательное решение этих дел предоставлено епархиальным начальствам [4].

В Римско-католической церкви дела о браке рассматривал епархиальный епископ или архиепископ. В случае, если дело было рассмотрено епископом, то второй инстанцией являлся архиепископ. По делам, решенным первоначально архиепископом, второй инстанцией был епископ одной из епархий, ближайших к архиепархии, назначенный предварительно Папой Римским. При несовпадении решений духовных судов первой и второй инстанции, а также в случае апелляции, жалобы и протеста рассмотрение дел предоставлялось Римскому Престолу. Дела о браках переносились из первой инстанции во вторую без апелляции. Если во второй инстанции выносилось решение, аналогичное с решением первой инстанции, и обе стороны были им удовлетворены, то дело не подлежало пересмотру [5, ст. 60].

В соответствии со «Сводом законов гражданских» недействительными признавались следующие браки православных подданных: 1) совершенные по принуждению («по насилию»); 2) с лицом, страдающим психическими заболеваниями (находящимся «в сумасшествии»); 3) между лицами, находящимися в запрещенных церковью степенях родства и свойства; 4) заключенный при наличии нерасторгнутого предыдущего брачного союза; 5) заключенный при недостижении брачного возраста или лицами старше восьмидесяти лет; 6) брачные союзы лиц, имеющих священнослужительский или монашеский сан;

7) четвертый по счету брак; 8) брачные союзы православных и католиков с нехристианами; 9) брак, заключенный лицом, осужденным по приговору суда на «всегдашнее безбрачие» [1, ст. 37]. Такому осуждению подлежали: 1) лица, виновные в заключении нового брака при существовании предыдущего. В таком случае новый брак признавался недействительным, а прежний продолжался при условии согласия на это законного супруга. Лицо, виновное в многобрачии, не могло даже после смерти своего супруга вступить в брак. Если же законный супруг не соглашался на продолжение брака, то супруг, вступивший в брак при наличии прежнего, осуждался на «всегдашнее безбрачие» [1, ст. 40, 41]; 2) лица, брак которых расторгался по причине их «безвестного отсутствия» в течение 5 лет и более [6, ст. 236]; 3) лица, признанные виновными в прелюбодеянии [7, ст. 256]; 4) лица, брак которых расторгался вследствие доказанной «физической неспособности к брачному сожитию» [7, ст. 256].

Рассмотрение дела о признании недействительным брака, заключенного «по насилью», могло быть инициировано только тем супругом, который был принужден к заключению брака путем насилия, а также его родителями или опекунами. Срок для подачи иска составлял 6 месяцев со дня прекращения обстоятельств, препятствовавших подаче жалобы [2, ст. 803]. Дела о браках, совершенных «по насилью, обману или в сумасшествии» одного из лиц, вступавших в брак, подлежали светскому суду в вопросах насилия или обмана, а решение вопроса о действительности или недействительности брака находилось в компетенции духовного суда [6, ст. 208]. В соответствии с этим такие дела начинались в уголовном суде, приговор которого относительно насилия или обмана сообщался духовному суду как для решения о действительности или недействительности брака, так и для определения ответственности духовных лиц, совершавших бракосочетание [8, ст. 1012].

Таким образом, как отмечал И. Г. Оршанский, указанные дела могли быть предметом рассмотрения трех судебных инстанций: 1) в уголовном суде при рассмотрении факта преступления и наказания за него; 2) в духовном суде при определении факта действительности или недействительности брака; 3) в гражданском суде при установлении гражданских личных и имущественных последствий приговора духовного суда [9, с. 235].

Порядок рассмотрения дел о многобрачии претерпевал изменения. Так, по закону 1836 года дела о многобрачии рассматривались духовным судом, после чего поступали в светские суды для определения уголовного наказания [10; 9, с. 240]. С 1850 г. дела о многобрачии находились в компетенции уголовного суда, который истребовал от духовенства точные сведения о совершении брака при существовании предыдущего [11; 8, ст. 1013]. В 1889 году дела о многобрачии были изъяты из ведения суда присяжных [12; 13, с. 100]. Следует отметить, что в циркулярном указе Святейшего Синода от 11 января 1890 г. № 2 содержалось постановление о том, что «решение духовного суда по делам о многобрачии может последовать прежде и независимо от решения суда уголовного по этим делам» [3, с. 290].

Как отмечал И. Г. Оршанский, указанная категория дел могла быть предметом рассмотрения судов 5 раз: «поступая первоначально в уголовный суд, они переходят в консисторию для установления факта двоебрачия; затем поступают вторично в уголовный суд для определения виновным наказания, отсюда опять в консисторию для определения о незаконности брака и ответственности духовных лиц, участвующих в его совершении, и наконец в гражданский суд для разрешения спорных вопросов о правах сопряженных с браком» [9, с. 235–236].

При этом дела о вступлении в брак в запрещенных степенях родства и свойства, о браке христиан с нехристианами и о четвертом браке православных поступали в уголовный суд по окончании разбирательства в духовном суде [8, ст. 1014]. Аналогичный порядок рассмотрения устанавливался для дел о браках лиц духовного звания, которым запрещено вступать в брак, если при этом виновными был употреблен обман или подлог: такие дела сначала подлежали рассмотрению в духовном суде, а затем поступали в уголовный суд [8, ст. 1015].

В свою очередь, дела о личных и имущественных правах как самих супругов, так и рожденных от брака детей, подлежали рассмотрению гражданского суда [14, ст. 1337]. При этом в случае, когда в гражданском суде выявлялись обстоятельства, рассмотрение которых находилось в компетенции духовного суда, и без их разрешения нельзя было постановить решение по гражданскому делу, то производство в гражданском суде приостанавливалось [14, ст. 1338].

Смешанная подсудность дел о браке имела свои недостатки. Как уже указывалось, до 1850 года дела о многобрачии были подсудны духовным судам, после которых эти дела поступали в светские суды. С 1850 года эти дела стали рассматриваться в светских судах. И.Г. Оршанский видел непоследовательность закона в том, что такое важное преступление, как многобрачие, было подсудно светским судам, а менее важные дела – духовному суду [9, с. 241].

Смешанная подсудность таких дел приводила на практике к тому, что лицо, обвиняемое в многобрачии, могло быть оправдано присяжными в уголовном суде, а затем осуждено духовным судом «на всегдашнее безбрачие» с признанием второго брака недействительным и назначением виновному епитимии [9, с. 244]. К. П. Победоносцев также указывал на случаи оправдания «двоеженцев и троеженцев» при бесспорности самого факта двое- и троеженства. Церковный суд не мог оставить без внимания этот факт, когда возникал вопрос о действительности брака [13, с. 98]. По Уставу уголовного судопроизводства церковный суд зависел от приговора уголовного суда. Когда обвиняемый умирал или скрывался от суда, то уголовное производство прекращалось, и церковный суд не мог основываться на приговоре уголовного суда, хотя факт был вполне доказан. И. Г. Оршанский объяснял это противоречие наличием двух разнородных судов и двух систем материального права для одной и той же категории дел [9, с. 244]. Это противоречие особенно остро проявилось после проведения судебной реформы 1864 г., когда появилась новая система судов, рассмотрение дел в которых основывалось на внутреннем убеждении судьи и характеризовалось состязательностью процесса. В духовных судах, в свою очередь, преобладала формальная теория доказательств [9, с. 245].

Недостатки смешанной подсудности можно проследить на следующем примере. 14 октября 1863 года Минский уголовный суд передал в Минскую духовную консисторию дело о двоеженстве жителя Новогрудка Ф. Бейера. В решении уголовного суда указывалось, что дела о многобрачии «подлежат ведомству духовных правительств». Только после решения духовного суда дело должно передаваться в уголовный суд для наказания преступника по «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных». Консистория, в свою очередь, 29 октября 1863 года постановила: поскольку дела о многобрачии подлежат светским уголовным судам, передать дело о преступлении Ф. Бейера в ведомство уголовного суда [15, с. 145].

Такое же разногласие могло обнаружиться и при производстве дела о четвертом браке. Так, духовный суд мог признать лицо виновным, а уголовный – оправдать. Хотя в Уставе уголовного судопроизводства и не содержалось нормы о необязательности решения духовного суда для уголовного, но эта необязательность «вытекала из сущности уголовной юрисдикции» [9, с. 245].

Таким образом, дела о законности браков были смешанной подсудности: их рассмотрение входило в компетенцию как духовных, так и светских судов. Одни дела рассматривались светскими судами после истребования от духовного суда необходимых сведений (дела о многобрачии), рассмотрение других дел начиналось в духовном суде, который после вынесения решения передавал их в уголовный суд (дела о браках с нехристианами, в запрещенных степенях родства и о четвертых браках), третьи дела рассматривались сначала в уголовном суде, а затем в духовном (дела о браках, совершенных «по насилью, обману или в сумасшествии» одного из лиц, вступавших в брак). Смешанная юрисдикция дел о браке приводила к противоречиям на практике, когда по решению

светского суда лицо могло быть оправдано, а в духовном суде подвергалось наказанию. Эти противоречия проистекали главным образом из различных принципов, лежавших в основе устройства светских и духовных судов: после судебной реформы в светских судах основополагающим был принцип состязательности процесса, решения принимались на основе внутреннего убеждения судьи. В духовных судах, в свою очередь, преобладала формальная теория доказательств.

Список использованной литературы

1. Свод законов Российской империи : в 16 т. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1857–1903. – Т. 10, ч. 1 : Законы гражданские, 1900. – 385 с.
2. Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских (Свод законов. Том X. Часть 2) дополнены и изменены по Продолж. 1863 и 1868 г. и позднейшим узаконениям. – СПб.: тип. Ю.А. Бокрама. – 1869. – 505 с.
3. Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода 1867-1900 гг. / Собр. и изд. А. Завьялов, секр. Святейшего Синода. - 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург : И. Л. Тузов, 1901. – 444 с.
4. Высочайшее повеление, объявленное Министром Юстиции (Собр. Узак. 21 февраля 1904 г., отд. I, ст. 245) «О перечне дел, на изменение порядка разрешения коих впоследствии, 10 декабря 1903 года, Высочайшее Его Императорского Величества соизволение» от 10 дек. 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III : в 33 т. – Т. 23. – № 23675.
5. Свод законов Российской империи : в 16 т. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1857–1903. – Т. 11, ч. 1 : Уставы духовных дел иностранных исповеданий, 1857. – 266 с.
6. Устав духовных консисторий. – СПб. : Синод. тип., 1883. – 200 с.
7. Устав духовных консисторий. – СПб. : Синод. тип., 1857. – 134 с.
8. Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс] // НПП «Гарант-сервис». – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>. – Дата доступа: 10.04.2025.
9. Оршанский, И. Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному / И. Г. Оршанский. – СПб. : тип. А. Е. Ландау, 1879. – 456 с.
10. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 10 декабря «О мерах к предупреждению многобрачия» от 18 ноябр. 1836 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II : в 55 т. – Т. 11. – № 9713.
11. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О пояснениях и исправлениях узаконений о действительности и законности браков и о детях, от данных браков рожденных» от 6 фев. 1850 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II : в 55 т. – Т. 25. – № 23906.
12. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета (Собр. Узак. 21 июля 1889 г., ст. 644) «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащим ведению судебных мест с участием присяжных заседателей» от 7 июл. 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III : в 33 т. – Т. 9. – № 6162.
13. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права: в 2 ч. / К. П. Победоносцев. – М.: Статут, 2003. – Ч. 2. Права семейственные, наследственные и завещательные. – 639 с.
14. Устав гражданского судопроизводства 1864 г. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 590 с.
15. Грахоцкі, А. П. Прыманенне нормаў царкоўнага права ў рэгуляванні парадку заключэння шлюбу ў Беларусі (другая палова XIX–пачатак XX ст.) / А. П. Грахоцкі // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2010. – № 5. – С. 139–146.

Н. А. Журович

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

В работе исследуются вопросы возмещения морального вреда, определяются основания и его размер. На примере судебной практики рассматриваются конкретные критерии, применяемые судами для определения размера и возможности удовлетворения требований в полном объеме. Приводятся статистические данные рассмотрения подобных дел судами Республики Беларусь и обосновывается актуальность изучения данной темы.

Право требовать возмещение морального вреда является результатом нарушения личных неимущественных прав граждан и, как правило, является дополнительной мерой ответственности к нарушению имущественных прав. Например, при совершении ДТП, причинении вреда жизни и здоровью, незаконном увольнении и т.д.

Актуальность изучения данного института подтверждается ростом статистических данных за последние годы. Если в 2022 году судами Республики Беларусь было рассмотрено 957 дел о возмещении морального вреда, из которых 844 удовлетворено, то в 2024 году рассмотрено 1090 и удовлетворено 962 [1]. Это свидетельствует о повышении правовой грамотности населения и потребности в эффективных механизмах восстановления нарушенных нематериальных ценностей.

Дела о возмещении морального вреда рассматриваются судами и возможность обращения предусмотрена Конституцией Республики Беларусь, Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь), Постановлением Пленума Республики Беларусь «О практике применения законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда» (далее – Постановление Пленума) и другими нормативными правовыми актами.

Статья 152 ГК Республики Беларусь определяет моральный вред как испытываемые гражданином физические и (или) нравственные страдания [2].

Постановление Пленума содержит разъяснения относительно природы физических и нравственных страданий. К физическим страданиям относятся боль, нарушение функций организма, изменения в эмоционально-волевой сфере и другие отклонения от нормального состояния здоровья, возникающие в результате действий (или бездействия), нарушающих нематериальные блага или имущественные права гражданина.

Нравственные страдания проявляются в ощущениях страха, стыда, унижения, а также в других негативных психологических переживаниях, связанных с утратой близких, потерей работы, раскрытием врачебной тайны, невозможностью вести активную общественную жизнь, а также с ограничением или лишением гражданских прав и подобных ситуаций.

Для реализации права на возмещение морального вреда необходимо наличие вины причинителя вреда, нарушение личных неимущественных прав, действие или бездействие, приведшее к такому нарушению и причинно-следственная связь между действием (бездействием) и наступившими последствиями [3].

Компенсация морального вреда может быть взыскана судом только в денежной форме (ст. 970 ГК). Причем ГК Республики Беларусь устанавливает лишь общие критерии определения размера компенсации: степень вины нарушителя, степень физических и нравственных страданий потерпевшего, его индивидуальные особенности, а также принципы разумности и справедливости [2]. Из этого перечня мы видим, что итоговое решение больше зависит от субъективного восприятия последствий как сторонами, так и судом. Некоторые судьи ориентируются преимущественно на сумму, заявленную истцом, другие пытаются учитывать тяжесть правонарушения, степень тяжести телесных повреждений или длительность лечения, третьи ссылаются на принцип разумности и справедливости. В результате даже по схожим делам размеры компенсации могут отличаться в несколько раз.

Степень вины нарушителя, а также физические и нравственные страдания были полностью подтверждены решением суда Борисовского района, который рассмотрел дело о взыскании материального и морального вреда с ответчика – КУП «Миноблавтодорстрой». Истица, возвращаясь домой, подскользнулась на обледенелой обочине и получила травму в виде закрытого перелома лодыжек и заднего края большеберцовой кости со смещением. В этом месте ответчиком проводились ремонтные работы, отчего образовались ямы, в последствии покрытые льдом.

В связи с полученной травмой истица находилась на листке нетрудоспособности 120 дней, перенесла 2 операции и запланирована еще одна. В результате данного происшествия ей причинен материальный и моральный вред, поскольку она перенесла несколько операций, испытывала физическую боль и на момент обращения в суд продолжала лечение. В исковом заявлении размер материального вреда составил 3684 рубля, моральный вред заявлен в 10000 рублей.

С учетом приобретения лекарственных средств, понесенных транспортных и иных расходов, суд удовлетворил частично требования о возмещении материального вреда в размере 543 рублей 28 копеек. А моральный вред, с учетом сложившихся обстоятельств по делу, характера и уровня физических и нравственных страданий потерпевшей, серьезности и важности последствий, которые наступили для истицы, а также исходя из фактических условий, при которых он был причинен, суд удовлетворил в полном объеме [4].

Указанный пример показывает совпадение испытываемых истицей страданий и последствий с мнением и оценкой всех обстоятельств дела судьей.

Интересным критерием определения размера взыскания морального вреда является принцип разумности и справедливости. Он означает, что размер компенсации морального вреда должен быть соразмерен фактическим обстоятельствам дела, степени страданий потерпевшего и учитывать индивидуальные особенности сторон. Такая аргументация удовлетворенного требования в полном объеме нашла свое отражение в решении суда Фрунзенского района г. Минска. Истица была восстановлена в прежней должности с возмещением ей среднего заработка за время вынужденного прогула, а также морального вреда в размере 200 рублей. Суд признал уважительным аргумент невозможности вызвать в нерабочий день поликлиники, воскресенье, врача, и нашел доказанным сообщение в мессенджерах о плохом самочувствии, и последующем обращении в медицинское учреждение. Обосновывая решение в части возмещения морального вреда, он указал, что в связи с незаконным увольнением, он считает необходимым взыскать и моральный вред. А его размер определил исходя из степени нравственных страданий истицы, а также требований разумности и справедливости [5].

В этом примере мы видим прямую зависимость возмещения морального вреда от удовлетворенного требования о восстановлении на работе и определении того размера, который заявила сама истица и с ней согласился суд. Данное решение было обжаловано в вышестоящую инстанцию, однако оставлено без изменения.

Но не всегда суд апелляционной инстанции оставляет без изменения решения по таким делам судов первой инстанции. В судебной практике имеется дело о взыскании истцами – детьми погибшего морального вреда с нанимателя в связи со смертью на рабочем месте работника, их отца. Подтвердив сильную связь с отцом, невозможность принятия утраты и ухудшения состояния и поведения детей, суд удовлетворил требования в полном объеме. Однако, Судебная коллегия по гражданским делам уменьшила размер морального вреда на 50 процентов, в связи с тем, что ответчик единовременно выплатил сумму морального вреда и ежемесячно выплачивает 3 базовые величины. А обращение ответчиков спустя год не нашло подтверждение появления у них тревожности из-за смерти отца [6].

Как отмечает судья Верховного Суда Республики Беларусь Филипчик Р. И. критерии определения размера компенсации морального вреда – один из самых дискуссионных вопросов не только в Республике Беларусь, но и в других странах. Этот размер

езде определяется по-разному. Известно, что учеными разных государств проводилась разработка методики подсчета размера компенсации морального вреда, однако законодательного закрепления она так и не получила [7].

Хочется верить, что когда-нибудь такие критерии появятся и судам будет легче принимать решения о размере морального вреда, а для граждан обращение в суд будет более доступным и эффективным инструментом защиты своих прав, ведь обеспечение правовой защиты моральных интересов является важным аспектом укрепления правового государства и повышения уровня социальной справедливости.

Список использованной литературы

1. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2022 год и 2024 год [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/. – Дата доступа: 30.04.2025.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. От 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

3. О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/civil/moral/ef8ee81516d64154.html. – Дата доступа: 30.04.2025.

4. Судом Борисовского района взыскан материальный вред и компенсация морального вреда в пользу педагога, получившего травму на обледенелой обочине дороги [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/dbcbab86cb414f63.html. – Дата доступа: 30.04.2025.

5. Суд Фрунзенского района г. Минска восстановил на работе незаконно уволенного работника и взыскал в его пользу средний заработок за время вынужденного прогула и возмещение морального вреда [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/minskij/gorodskoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/04b74db327db43b9.html. – Дата доступа: 30.04.2025.

6. Хиневич, О.А. Спорная ситуация. Возмещение морального вреда в связи со смертью отца [Электронный ресурс] / О.А. Хиневич // ООО «ЮрСпектр». – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BEARB/198040/хиневич%20спорная%20ситуация?searchKey=4bq&docSwitcherKey=25y1&searchPosition=1#M100007>. – Дата доступа: 30.04.2025.

7. Право на возмещение морального вреда: интервью судьи Верховного Суда Республики Беларусь Риммы Филиппчик [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/04b05b563f4e4cbd.html. – Дата доступа: 30.04.2025.

УДК 349

Т. А. Зыкина

*(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

КВАЛИФИКАЦИЯ РАБОТНИКА: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

В статье рассмотрены вопросы, связанные с квалификацией работника, как одного из ключевых состояний, оказывающих прямое воздействие на работодателя при

заключении, исполнении и прекращении трудового договора. Проанализированы отдельные проблемы, связанные с определением квалификации, ее классификаций. Предложено закрепить в Трудовом кодексе России минимальные требования к квалификации работника.

Заключение трудового договора предусматривает со стороны работника наличие двух важных обстоятельств: свободное волеизъявление и достижение необходимого возраста.

Свобода труда – требование конституционное, оно связано с тем, что воля ищущего работу человека должна сформироваться без принуждения. Возраст поступления на работу варьируется в зависимости от особенностей работы, с которыми индивид встретится в процессе труда, поэтому в отдельных случаях установлены возрастные цензы. Например, невозможно поступить на работу, связанную с источником повышенной опасности, если претенденту не исполнилось восемнадцати лет.

Требования к работнику, связанные с личной свободой и возрастом не в полной мере отражают его способности к выполнению того или иного труда. Учет знаний и умений, опыта, которыми наделен конкретный человек, осуществляет работодатель при приеме на работу. Именно эти качества дают возможность осуществлять трудовую функцию.

В соответствии с ТК РФ (ст.ст. 15, 56) стороны должны оговорить трудовую функцию, которая включает в себя требования к квалификации претендента для занятия той или иной должности, выполнения обязанностей по определенной профессии или специальности.

Определение объема квалификации работника содержится в ст.195.1 ТК РФ. Оно отражается в знаниях, умениях, профессиональных навыках и опыте работы претендента на ту или иную должность.

Степень овладения знаниями в той или иной деятельности подтверждается наличием диплома, свидетельства, удостоверения или иного документа. При этом следует знать, что работодатель может проверить подлинность диплома по его учетным данным. Для этого Рособрнадзор создал федеральный реестр документов об образовании, квалификации и обучении, который в настоящее время содержит информацию о всех дипломах и свидетельствах, начиная с 1991 г.

Необходимость проверить диплом на подлинность связана с тем, что встречаются случаи предоставления поддельных документов, которые недобросовестные лица могут, например, купить в переходах метро или в Интернете.

Квалификация работников различается и эти различия могут быть существенными, даже у специалистов, занимающих одинаковые должности.

Квалификация быть обычной - соответствующей минимальным требованиям, предъявляемым для занятия той или иной должности, выполнении определенной работы. Так, чтобы поступить на работу библиотекарем, необходимо иметь среднее специальное образование: библиотечное, в области культуры и искусства или педагогическое. Но, чтобы занять более престижную должность библиотекаря II категории, требуется иметь высшее образование либо проработать библиотекарем не менее 3-х лет.

Требование наличия обычной квалификации, как правило, касается лиц, впервые после обучения, поступающих на работу или поступающих на работу после длительного перерыва.

Поскольку от квалификации зависит заработная плата, то вполне оправдано стремление работника к ее повышению. Способ повышения квалификации всегда связан с получением образования: среднего специального, высшего или прохождения курсового обучения, завершающегося получением диплома или удостоверения о повышении квалификации или о переподготовке. Поддержание квалификации требует периодического обновления знаний. И здесь нет единых требований, даже к представителям тех видов профессий и должностей, которые предусматривают обязательность процедуры повышения квалификации. Представляется, что минимальные требования к повышению квалификации, среди которых: периодичность, виды и др. требуют закрепления в ТК РФ.

Квалификация и ее уровень всегда связаны с получением знаний путем образования. Однако, качественный уровень квалификации всегда связан со стажем работы по специальности.

Профессиональный стаж имеет значение, как при приеме на работу, так и при продвижении по карьерной лестнице, при реализации права на различные льготы и преимущества в сфере труда. Например, на надбавку к заработной плате.

Таким образом, квалификация работника объединяет в себе как теоретические знания, так и его практические навыки и умения, сформировавшиеся в результате выполнения трудовых обязанностей в течение определенного времени.

Поскольку работодатель может предъявлять повышенные требования к квалификации работника, предлагается выделить: продвинутую квалификацию (после подтверждения длительного опыта) и высокую квалификацию (после овладения необходимыми знаниями, которые превышают требуемый стандарт).

Также можно предложить ввести в правовой оборот понятия квалификации, достаточной для выполнения работы и квалификацию недостаточную. Такая классификация связана с прохождением аттестации и может быть основанием, как для продвижения работника, так и для его увольнения.

Требования к квалификации отражают отраслевую специфику: квалификации педагогов, врачей, представителей рабочих профессий и др.

Содержание требований к квалификации работника отражено в специальных нормативных актах - тарифно-квалификационных справочниках работ и профессий, профессиональных стандартах. Эти документы являются основой для разработки должностных инструкций, которые адресованы каждому трудящемуся.

Представители науки психологии в понятие квалификации, помимо знаний, навыков и опыта работы, добавляют некоторые личностные качества работника: компетентность, ответственность, коммуникабельность, организованность и др. [1]. Действительно, особенности профессиональной деятельности, неотделимы от необходимости иметь для выполнения работы мотивационные, когнитивно-волевые, характерологические личностные качества [2].

Таким образом, квалификация представляется одним из главных качеств, присущих работнику, без наличия которой шанс получить работу существенно снижается.

Список использованной литературы

1. Про профессионализм: черты, характеристики URL://https://www.b17.ru/article/pro_professionalizm/(дата посещения 23.03.25)

2. Авдеева И. О. Профессионализм: генезис и категориальный анализ URL:file:///C:/Users/%D0%9C%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BE/Downloads/professionalizm-genezis-i-kategorialnyy-analiz%20(1).pdf (дата посещения 23.03.25).

УДК 347.626.2

А. А. Ивахненко

*(Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета,
Российская Федерация)*

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БРАЧНОГО ДОГОВОРА В СВЕТЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ СВЯЗЕЙ ГРАЖДАНСКОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В современных условиях составление и заключение супругами брачного договора становится все более актуальной процедурой. По своей правовой природе брачный договор

является разновидностью двусторонней сделки, но имеет свою специфику, обусловленную основными началами (принципами) семейного законодательства. Автором рассматриваются основные концепции, выделенные учеными, цивилистами при определении правовой природы брачного договора. На основании изученной литературы, статистики и судебной практики изложен собственный взгляд на рассматриваемую проблему. Отмечается субсидиарность применения норм права, подтверждающую суверенность семейного права.

Межотраслевая связь между гражданским и семейным правом в некоторых вопросах правового регулирования исторически обусловлена. Ведь семейное право, как отрасль права выделилась из гражданского, поэтому так называемые «родительские» отношения неизбежно детерминировали прочную связь. Таковыми, к примеру, являются отношения, вытекающие из заключения брачного договора.

Согласно правовой статистике, брачные договоры в России все чаще заключаются супружескими парами (диаграмма 1).

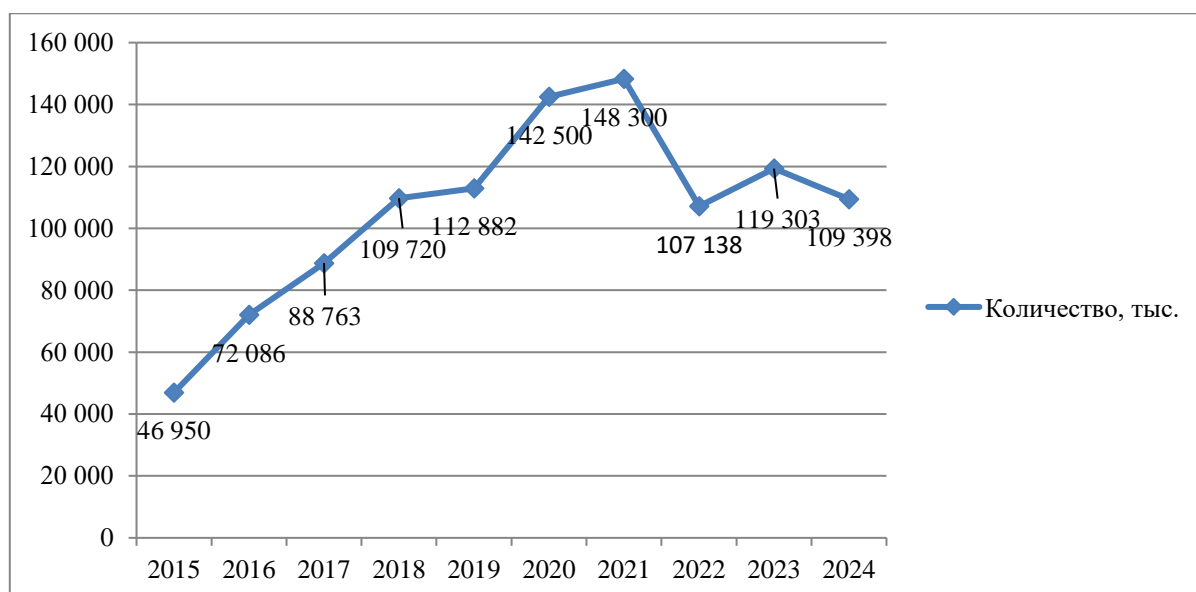

Диаграмма 1 – Статистика заключения брачных договоров в России [1]

В настоящее время брачный договор существует в двух плоскостях правовой реальности, т.к. подчиняется в правовом регулировании гражданскому и семейному законодательству. В связи с этим в научной литературе нет единого мнения относительно правовой природы рассматриваемого института. Что же все-таки представляет собой брачный договор? Выгодная гражданско-правовая сделка между супругами или особая семейно-правовая сделка, направленная на защиту имущественных прав супругов?

Представитель первой точки зрения И. Л. Корнеева полагает, что брачный договор имеет все признаки сделки и является ее разновидностью [2]. Это соглашение между двумя лицами, т. е. двусторонняя сделка, что отсылает нас к общей части гл. 9 ГК РФ.

Южанинова М. П. в своем исследовании на основании высказываний цивилистов выделяет следующие отличительные черты. Во-первых, предмет правового регулирования является имущество супругов (ст. 256 ГК РФ). Дополним, что установление, изменение и прекращение прав и обязанностей по брачному договору производится в отношении лишь гражданско-правовых объектов, прав и обязанностей (имущественные отношения), а личные неимущественные отношения, являющиеся предметом семейного права, не могут быть урегулированы брачным договором. Во-вторых, к имущественным отношениям супругов применяется гражданское законодательство, если это не противоречит существу семейных отношений [3].

Также выделим еще один признак – брачный договор основывается на свободном волеизъявлении супругов на его заключение (не вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств). При этом они рассматриваются как обычные субъекты гражданского права (не ограниченные в дееспособности, не состоящие под опекой и попечительством, по состоянию здоровья могут самостоятельно осуществлять свои права и исполнять обязанности, не страдающие заболеваниями).

В соответствии с этой позицией, мы можем дать характеристику брачному договору как сделке. По времени заключения он является консенсуальным, т. к. он считается заключенным с момента достижения соглашения между сторонами по всем существенным условиям. Его вступление в силу может быть отложено до наступления определенного юридического факта (события), связанного с регистрацией брака. Но данное обстоятельство не переводит его в разряд реальных[4]. Реальность чаще выражается в отлагательных условиях, а условие в будущем узаконить свои отношения не является условием брачного договора.

Другая его важная характеристика – возмездность. И.Л. Корнеева указывает, что она выражается в соединении вкладов супругов или возможность каждым пользоваться ими в период брака [2].

Кроме этого, договор является двусторонним. Стороны имеют равные права и обязанности, ограничение прав недопустимо. Если условия брачного договора будут существенно ущемлять права одной из сторон, то он может быть признан недействительным по общим правилам недействительности сделки (п. 2 ст. 43 СК РФ).

Около половины исков о признании брачного договора недействительным удовлетворяются судами (диаграмма 2).

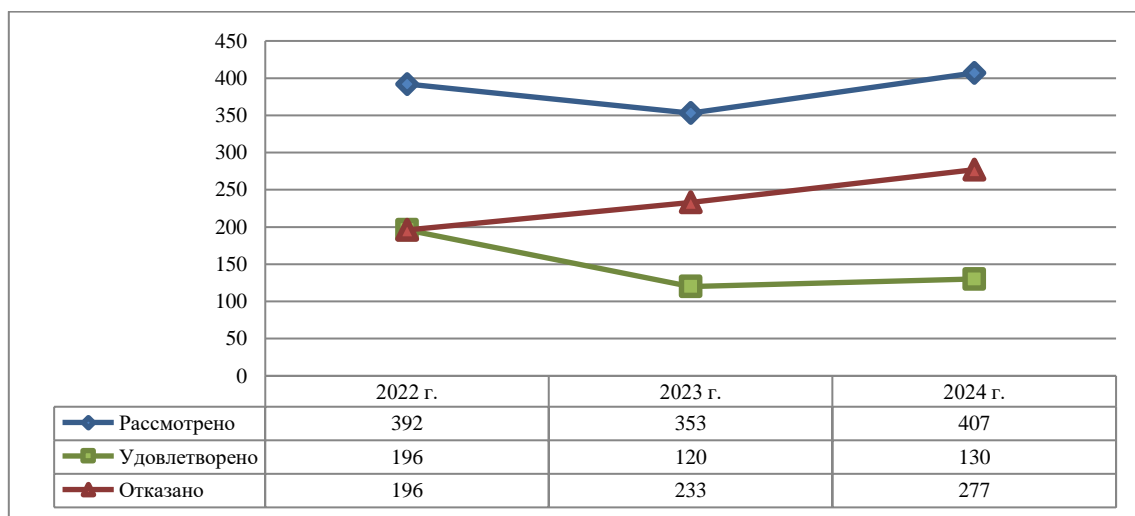

Диаграмма 2 – Споры об изменении, расторжении, признании брачного договора недействительным [5]

Признать брачный договор недействительным можно в случае, если один из супругов получает все имущество, в т.ч. которое будет приобретено и зарегистрировано в будущем на его имя, причем объектов недвижимости множество, а другой не получит ничего. В пример можно привести дело Верховного суда РФ [6]. Так, супруги прожили 18 лет в браке. Супруга вела домашнее хозяйство, воспитывала детей, а супруг вел предпринимательскую деятельность. По условиям брачного договора все имущество, приобретенное в период брака, остается в собственности того, кем приобретено. Суд посчитал, что супруга остается в невыгодном положении и признал брачный договор недействительным, т.к. после расторжения брака супруга лишилась всего имущества, в т. ч. пригодного для проживания с детьми.

Также можно признать брачный договор недействительным, если имеет место явное недобросовестное поведение одного из супругов. К примеру, брачным договором определено, что супруге переходит в собственность все имущество, а кредит супруги будут платить в равных долях [7].

Также интересно дело Московского городского суда. По брачному договору хоть и были определены доли каждому (1/5 доля в праве собственности на квартиру супруге, а 4/5 – супругу), но суд признал такое распределение долей неравноценным в связи с тем, что супруга и несовершеннолетние дети, проживающие с ней, лишились достаточной жилой площади для проживания [8].

Р. А. Тарасов отрицает гражданско-правовой характер брачного договора, выделяя его специфические черты:

- особый субъективный состав (супруги или лица желающие вступить в брак, без возможности представительства от стороны);
- акцессорность от брака, иначе он не может существовать;
- цель – регулирование имущественных отношений семьи;
- особый предмет (имущество, в т.ч. приобретенное в будущем);
- особое содержание (правовой режим собственности, права и обязанности по взаимному содержанию, способы участия в доходах, порядок несения расходов и др.);
- дополнительные основания недействительности сделки («порок основания» – недействительность брака, «порок интереса» – неблагоприятное положение для сторон) [9].

К тому же Верховный суд РФ в своем определении отмечал: «брачный договор – это разновидность двусторонней сделки, но имеющая специфику, обусловленную началами семейного права» [10].

Такой подход является достаточно широким, что позволяет рассмотреть брачный договор не только с имущественной стороны, но и с начал семейного права, с позиции таких категорий, как моральные и правовые предписания, личные и общественные интересы.

В результате исследования сделаем следующие выводы. Брачный договор, по нашему мнению, имеет двойственную юридическую природу, являясь гражданско-правовой сделкой с особенностями, предусмотренными семейным правом. Смешанный характер обуславливается тем, что в него входят как гражданские права и обязанности (например, установление режима долевой или раздельной собственности), так и семейные права и обязанности (взаимное содержание, порядок несения расходов супругами). Выделяя семейное право в самостоятельную отрасль, следует подчеркнуть суверенность применения семейного законодательства (ст. 2 СК РФ). Однако нормы гражданского права также будут применяться в порядке субсидиарности (ст. 4 СК РФ), когда есть прямая отсылка или этот вопрос урегулирован в общей части ГК РФ.

Действительно, брачный договор может служить инструментом для защиты имущественных прав супругов, изменив законный режим имущества супругов. Если один из супругов оказался в неблагоприятном положении, то брачный договор можно признать недействительным и восстановить свое положение, что подтверждает судебная практика и статистика.

Список использованной литературы

1. Министерство юстиции Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2024-god/>
2. Корнеева, И. Л. Семейное право : учебник и практикум для вузов / И. Л. Корнеева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 285 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-9916-2547-0. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/index.php/bcode/559854>.
3. Южанинова, М. П. Правовая природа брачного договора в российском законодательстве // Человек. Социум. Общество. – 2023. – № 9. – С. 118.

4. Старцева, С. В., Мусина, О. В. Правовая природа и элементы брачного договора // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 7–2(121). – С. 188.
5. Судебная статистика РФ // Агентство правовой информации. URL: <https://stat.api-пресс.рф/>
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.05.2020. Дело N 78-КГ20-14. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?>
7. Апелляционное определение Московского областного суда от 03.06.2019 года. Дело N 33-18038/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?>
8. Определение Московского городского суда от 26.12.2018 года. Дело N 4г-17231/18 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?>
9. Тарасов, Р. А. Заключение несовершеннолетними брачного договора до вступления в брак // Молодой ученый. – 2022. – № 19 (414). – С. 330.
10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.01.2015 г. №5-КГ14–144 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1233200.

УДК 33.021:347.5

Н. И. Исайчикова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЛИКТНОГО ПРАВА

Целью данного исследования является комплексный анализ деликтного права с позиций экономической теории, выявление механизмов влияния правовых норм на поведение участников гражданского оборота и определение условий оптимального функционирования деликтных институтов.

Деликтное право представляет собой один из фундаментальных институтов частного права, регулирующий отношения, возникающие в связи с причинением вреда одним лицом другому. В традиционном понимании его основная функция заключается в восстановлении нарушенных прав потерпевшего путем возложения обязанности по возмещению ущерба на причинителя вреда. Однако такой подход, фокусирующийся исключительно на корректирующей справедливости, оставляет без внимания более широкие социально-экономические последствия функционирования деликтных институтов.

Экономический анализ права, получивший развитие во второй половине XX века благодаря работам Рональда Коуза, Гвидо Калабрези и Ричарда Познера, предложил принципиально новый взгляд на правовые институты. Согласно этому подходу, право рассматривается не только как система норм, обеспечивающих справедливость, но и как механизм, влияющий на поведение экономических агентов и распределение ресурсов в обществе. Применительно к деликтному праву это означает, что правила ответственности должны оцениваться не только с точки зрения их способности обеспечить компенсацию потерпевшему, но и с позиций их влияния на общественное благосостояние[1,2].

Актуальность экономического подхода к деликтным отношениям обусловлена несколькими факторами. Во-первых, современное общество характеризуется возрастающей сложностью технологических процессов и усилением взаимозависимости экономических субъектов, что приводит к увеличению потенциальных источников вреда и усложнению причинно следственных связей. Во-вторых, ограниченность ресурсов, направляемых на предотвращение вреда, требует их оптимального распределения, что невозможно без понимания экономических стимулов, создаваемых различными правилами ответственности. В-третьих, растущие масштабы потенциального ущерба от техногенных катастроф, экологических нарушений и массовых деликтов делают особенно важным вопрос об эффективности превентивного воздействия права.

Экономический анализ деликтного права базируется на нескольких фундаментальных концепциях микроэкономической теории, адаптированных к специфике правовых отношений. Центральное место среди них занимает концепция экономической эффективности, которая служит основным критерием оценки различных правовых институтов. Эффективность по Парето, названная в честь итальянского экономиста Вильфредо Парето, предполагает такое состояние экономической системы, при котором невозможно улучшить положение одного субъекта без ухудшения положения другого. В контексте деликтного права это означает, что оптимальное правило ответственности должно максимизировать совокупное благосостояние всех участников, включая как потенциальных причинителей вреда, так и потенциальных потерпевших. Однако строгий критерий Парето оказывается слишком ограничительным для практического применения, поскольку большинство правовых изменений затрагивают интересы различных групп по-разному [2].

Более гибким и практически применимым является критерий Калдора-Хикса, согласно которому изменение считается эффективным, если выигрыш тех, кто получает преимущества, превышает потери тех, кто несет издержки, причем в принципе возможна компенсация проигравшим за счет выигравших. Этот критерий позволяет сравнивать различные правила ответственности путем оценки их совокупного воздействия на общественное благосостояние, даже если они по-разному влияют на отдельные группы участников.

Фундаментальное значение для экономического анализа деликтного права имеет теория трансакционных издержек, развитая Рональдом Коузом. Трансакционные издержки включают расходы на поиск информации, ведение переговоров, заключение и исполнение контрактов, а также на защиту прав собственности. Знаменитая теорема Коуза утверждает, что в условиях нулевых трансакционных издержек первоначальное распределение прав собственности не влияет на итоговое размещение ресурсов, поскольку стороны всегда могут договориться о взаимовыгодном перераспределении прав [3].

Применительно к деликтному праву это означает, что если бы потенциальные причинители вреда и потерпевшие могли без издержек договариваться между собой, то правила ответственности не влияли бы на уровень предосторожности и общественное благосостояние. Однако в реальности трансакционные издержки существенны, особенно в ситуациях с большим числом участников, асимметричной информацией и сложностью предмета переговоров. В таких условиях правила ответственности играют ключевую роль в создании стимулов для оптимального поведения.

Концепция внешних эффектов или экстерналий также имеет принципиальное значение для понимания экономической природы деликтных отношений. Отрицательные внешние эффекты возникают, когда деятельность одного субъекта причиняет ущерб другим, но этот ущерб не учитывается в частных издержках причинителя. Классическим примером является загрязнение окружающей среды предприятием, которое несет только прямые производственные издержки, но не учитывает ущерб, наносимый здоровью населения и экосистеме.

Деликтное право можно рассматривать как механизм интернализации внешних эффектов, то есть включения социальных издержек в частные расчеты потенциальных причинителей вреда. Угроза деликтной ответственности заставляет субъектов учитывать возможный ущерб третьим лицам при принятии решений об уровне активности и мерах предосторожности. Таким образом, правильно сконструированная система деликтной ответственности должна обеспечивать, чтобы частные стимулы совпадали с общественными интересами.

Список использованной литературы

1. Карапетов, А. Г. Экономический анализ права / А. Г. Карапетов. – Москва : СТАТУТ, 2016. – 528 с.

2. Одинцова, М. И. Экономика права : учебное пособие для вузов / М. И. Одинцова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 345 с.
3. Шмаков, А. В. Экономическая теория права : учебник и практикум для вузов / А. В. Шмаков, Н. С. Епифанова. – 3-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 446 с.

УДК 347.6

Е. М. Караваева, Д. С. Гузова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НОТАРИАЛЬНОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В материалах авторами исследуются особенности и актуальные вопросы нотариального удостоверения наследственных прав граждан. Анализируются нормы белорусского законодательства, регулирующие порядок открытия наследства, принятия наследства и оформления наследственных прав. Особое внимание уделяется роли нотариата в обеспечении законности и защиты прав наследников. Рассматриваются особенности наследования по закону и по завещанию, а также проблемы, возникающие в нотариальной практике. На основе анализа судебной практики и доктринальных источников предлагаются пути совершенствования законодательства.

Институт наследования известен человечеству со времён существования семейно-родовых общин. В первобытнообщинном строе институт наследования только начал своё формирование, и регулировался данный институт при этом не нормами права, а обычаями и традициями, которые существовали в племени. В этот период исторического развития вещи, предметы, использовавшиеся при жизни членом общины, не являлись его частной собственностью. После смерти владельца они переходили к его семье, роду или всей общине, зачастую без какого-либо учёта близости родства с умершим или наличия этого родства. Понятие «наследование» появилось одновременно с понятием «собственность» и связано непосредственно со сменой поколений в обществе [1, с. 47]. С течением времени сложилась относительно встроенная система норм, которая регламентировала переход имущества от умершего лица к наследникам.

В Республике Беларусь на данный момент, все вопросы, касающиеся наследования, регулируются Гражданским кодексом, Законом «О нотариате и нотариальной деятельности», Инструкцией о порядке совершения нотариальных действий и иными актами законодательства. Оформление наследственных прав в Республике Беларусь возложено на нотариусов. Нотариус разъясняет наследникам сроки и способы принятия наследства, так чтобы правовые последствия принятия наследства соответствовали волеизъявлению всех наследников в пределах, определяемых законодательством Республики Беларусь. В настоящее время в Гражданском кодексе Республики Беларусь в разделе VI «Наследственное право», главе 69 «Общие положения о наследовании», ст. 1031 дано понятие наследования. Так, наследованием считается переход имущества (наследства, наследственного имущества) умершего к другим лицам в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент (универсальное правопреемство), если из Гражданского кодекса и иных законов не вытекает иное [2]. Субъекты наследственных правоотношений включают в себя наследодателя, наследников, и должностных лиц, содействующих наследованию.

Согласно п. 2 ст. 210 Гражданского кодекса Республики Беларусь, собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие законодательству, общественной пользе и безопасности, не наносящие вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям и не

ущемляющие прав и защищаемых законом интересов других лиц [2]. Завещание может быть совершено гражданином (физическим лицом), обладающим дееспособностью в полном объеме (должно исполниться 18 лет) и должно быть совершено лично. Совершение завещания через представителя не допускается. Законодатель предусмотрел такую возможность для каждого гражданина с 18-ти лет ввиду того, что в мире нередки несчастные случаи, и никто не застрахован от них. Однако трудно объяснить позицию законодателя, в соответствии с которой несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет вправе вступать в трудовые правоотношения, самостоятельно получать заработную плату, распоряжаться ей по своему усмотрению, но не может распорядиться тем же имуществом на случай смерти. Считаем, что законодателю необходимо прояснить данный момент и включить в число исключений из общего правила несовершеннолетних, самостоятельно работающих по трудовому договору и получающих заработную плату.

Общепринятая в отечественном законодательстве позиция о двух основаниях наследования – завещание и закон, нуждается в совершенствовании, поскольку завещание или закон определяют условия и порядок реализации принятого наследником решения (согласия) вступить в наследство, т. е. основанием наследования является совокупность юридических фактов, а именно: согласие наследника принять наследство, которое реализуется в порядке и на условиях, предусмотренных завещанием или законом. Предлагается изменить диспозицию ч. 1 ст. 1032 Гражданского кодекса Республики Беларусь, сформулировав её в следующей редакции: «Наследование возникает на основании решения (согласия) наследника принять наследство в порядке и на условиях, установленных завещанием и (или) законом».

Нотариус обязан проверить дееспособность завещателя, а именно: понимает ли он значение своих действий, может ли он действительно принять решение о распоряжении своим имуществом после смерти. Ведь для удостоверения завещания гражданину в обязательном порядке нужно обладать дееспособностью в полной мере. Если нотариус сомневается в дееспособности гражданина, то он отправляет гражданина на прохождение психолого-психиатрической экспертизы с поставленным вопросом о том, понимает ли гражданин значение своих действий, а именно, способен ли он понимать значение удостоверения завещания, но производить запросы из медицинских учреждений нотариус не может. На сегодняшний день нотариус не имеет законных оснований и полномочий на осуществление запроса необходимых данных из медицинских учреждений, так как эта информация является врачебной тайной и не может быть выдана без согласия самого гражданина или его законного представителя. На данный момент, нотариусы могут только ознакомиться с возрастом человека, провести беседу, предложить пройти психолого-психиатрическую экспертизу и вернуться с результатом к нотариусу снова. Таким образом, процент возможности удостоверения ничтожных завещаний и завещаний, которые могут быть признаны судом недействительными, имеет вероятность. Представляется, что именно отсутствие возможности реальной проверки дееспособности на момент удостоверения завещания является причиной того, что впоследствии завещание признается недействительным. Как пример недостаточности данной проверки в целях обеспечения соблюдения законности при удостоверении завещания можно привести дело, которое было предметом рассмотрения Первого кассационного суда общей юрисдикции (пример из соседнего государства – Российской Федерации) [4]. По данному делу был удовлетворен иск о признании завещания недействительным в силу того, что наследодатель на момент его совершения не мог отдавать отчет своим действиям и в полной мере руководить ими в силу наличия психического заболевания. Само по себе удовлетворение иска ставит под сомнение то обстоятельство, что нотариусом была проверена дееспособность в плане отклонения от психической нормы. Кроме того, под сомнение можно поставить и саму возможность проверки психического здоровья нотариусом. Необходимо принимать во внимание то, что при некоторых психических заболеваниях есть стадии ремиссии, когда человек адекватен, а есть состояние, когда внешне отклонения от некой условной нормы не проявляются [3]. Как

следствие можно утверждать, что действующее правовое регулирование, предполагающее, что нотариус может проверить дееспособность гражданина для целей обеспечения законности совершения сделки, нуждается в изменении. Подобным образом законность не гарантирована. Исходя из всего вышеперечисленного, представляется целесообразным дополнить Инструкцию о порядке совершения нотариальных действий пунктом об обязательном прохождении психолого-психиатрической экспертизы завещателями, старше 75-ти лет, так как есть вероятность, что начиная именно с этого возраста, большинство завещателей обращается к нотариусам за удостоверением завещания по сложившейся в странах постсоветского пространства практике. Конечно, предлагаемый возраст (возможно, прохождение данной экспертизы не должно быть в зависимости от возраста) нуждается в большем исследовании, которое, на данный момент провести мы не имеем возможности, но тот факт, что наличие у завещателя результатов психолого-психиатрической экспертизы является необходимостью при удостоверении завещания. Наличие результата психолого-психиатрической экспертизы позволит избежать удостоверения ничтожных завещаний, и тех, которые могут быть признаны судом недействительными.

Таким образом, проведенное исследование и изучение нотариального удостоверения наследственных прав подтвердило важность его нормативного закрепления как гаранта законности и защиты интересов участников наследственных правоотношений. Также необходимо помнить, что нотариус имеет право удостоверить наследственные права в случае их бесспорности, в противном случае это будет решаться судом.

Список использованной литературы

1. Лиджиева В. Н., Хинеев А. В., Церенова Г. Г., Шевенова Г. Б., Эрднеева Г. А. Развитие законодательства о наследовании по завещанию в римском праве раннего периода [Электронный ресурс] / В. Н. Лиджиева, А. В. Хинеев, Г. Г. Церенова, Г. Б. Шевенова, Г. А. Эрднеева // Аграрное и земельное право. – 2019. – №12 (180). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-zakonodatelstva-o-nasledovanii-po-zaveschaniyu-v-rimskom-prave-rannego-perioda>. – Дата доступа: 20.05.2025.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=НК9800218&q_id=. – Дата доступа: 20.05.2025.
3. Абраменков М. С. Понятие и сущность наследования / М. С. Абраменков // Наследственное право. – 2015. – №1. – Режим доступа: <https://pravo163.ru/ponyatie-i-sushhnost-nasledovaniya/>. – Дата доступа: 16.05.2025.
4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27.04.2022 №88-4826/2022. – Режим доступа: <https://www.klerk.ru/doc/620380/>. – Дата доступа: 16.05.2025.

УДК 347.9

И. А. Каратаев

(Саратовская государственная юридическая академия, Российская Федерация)

ПОНЯТИЕ «ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК» ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ДЕЛ ОБ ОСПАРИВАНИИ И ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ

Материалы посвящены анализу понятия «публичный порядок». В результате исследования автор приходит к следующим выводам: о нецелесообразности выработки

какой-либо дефиниции анализируемому понятию; о присущей ему содержательной эластичности. В статье также подчеркнуто, что при проверке соответствия арбитражного решения публичному порядку государственный суд должен в первую очередь устанавливать неблагоприятные последствия, наступающие в результате игнорирования третейским судом фундаментальных правовых начал.

Российское цивилистическое процессуальное законодательство в качестве одного из безусловных оснований для отмены арбитражного решения и отказа в приведении его в исполнение называет нарушение публичного порядка (пункт 2 части 4 статьи 421 и пункт 2 части 4 статьи 426 ГПК РФ, пункт 2 части 4 статьи 233 и пункт 2 части 4 статьи 239 АПК РФ). При этом подчеркнем, что упомянутые нормы государственный суд применяет *sua sponte* в рамках производства по делам об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительного листа на их принудительное исполнение.

Термин «публичный порядок», использованный законодателем, легально закрепленной дефиниции не имеет. Его содержание можно уяснить лишь из практики Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) и судебных постановлений арбитражных судов и судов общей юрисдикции, а также из цивилистической процессуальной доктрины. Сказанное приводит к двум последствиям: содержание публичного порядка постоянно расширяется, так как ученые и правоприменители включают в него новые элементы; единообразное и стабильное применение судами приведенных ранее норм права на протяжении длительного времени невозможно, что детерминировано первым из двух обозначенных следствий.

Другой, не менее важной проблемой применения положений процессуального законодательства о противоречии арбитражного решения публичному порядку для последующего вынесения определения о его отмене или отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение, является следующая: государственные суды фактически осуществляют пересмотр арбитражных актов, которыми завершается рассмотрение спора по существу. На ее наличие было указано, к примеру, П. А. Ильичевым и А. А. Кукуевым. Ученые отметили, что обозначенная проблема становится препятствием в формировании «про-арбитражного подхода в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [1].

Сказанное предопределило актуальность проведения настоящего исследования, в рамках которого, несмотря на довольно небольшой объем статьи, автор ставит перед собой цель сформировать представление о понятии «публичный порядок».

Как уже было указано ранее, российский законодатель лишь приводит термин «публичный порядок» в нормативно-правовых актах, не раскрывая при этом его содержание. Стоит отметить, что в российском цивилистическом процессуальном законодательстве, действовавшем до 01 сентября 2016 года, применительно к арбитражу внутренних споров в качестве безусловного основания для отмены арбитражного решения и отказа в приведении его в исполнение было закреплено следующее: решение третейского суда нарушает основополагающие принципы российского права. В качестве таковых судебная практика, сложившаяся до реформы третейского разбирательства 2015 года, рассматривала следующие основополагающие начала: равноправие спорящих сторон, состязательность, беспристрастность, справедливость [2], добросовестность [3], соразмерность гражданско-правовой ответственности [4], правовая определенность [5] и другие. Следуя правилам формальной логики, можно утверждать, что любое отступление от одного из названных принципов должно влечь за собой отмену арбитражного решения и невозможность его принудительного исполнения в виду отказа государственного суда в выдаче исполнительного листа.

В научной литературе, как отмечает О.Ю. Скворцов, до реформы третейского разбирательства 2015 г. велась дискуссия о соотношении понятий «публичный порядок» и «основополагающие принципы российского права». Ученый также подчеркивает, что «использование ранее действовавшим законодательством термина «основополагающие

принципы российского права» своим следствием имеет доктринальный подход к понятию публичного порядка, суть которого в том, что под нарушением публичного порядка понимается нарушение принципов арбитража, установленных Законом об арбитраже (третейском разбирательстве)» [7, с. 309]. В настоящее время ряд авторов по-прежнему отстаивает необходимость включения в содержание понятия «публичный порядок» исключительно принципов третейского разбирательства (например, С. Л. Дегтярев, П. А. Ильичев, А. А. Кукуев) [1; 6].

В рамках современной российской правовой доктрины у понятия «публичный порядок», как и ранее, нет какой-либо четко определенной дефиниции. Как правило, ученые указывают на взаимосвязь рассматриваемого термина с иными – «публичный интерес», «основополагающие принципы российского права» [6], называют его оценочным понятием, содержательная интерпретация которого осуществляется судом [7, с. 309–310]. Здесь также подчеркнем, что с содержательной стороны публичный порядок не статичен. Он довольно эластичен ввиду различного рода изменений, которые происходят в государстве [8].

С учетом сказанного думается, что анализируемое понятие априори не нуждается в какой-либо дефиниции. Также представляется, что коль скоро публичному порядку присущ параметр «эластичность», то при проверке на соответствие ему арбитражного решения государственный суд должен исходить из представления о публичном порядке в контексте правового, политического, социального и экономического устройства государства, сложившегося на момент применения соответствующих правовых предписаний.

Подтверждение выдвинутой ранее гипотезе можно обнаружить в практике высшей судебной инстанции Российской Федерации. Так, общеизвестно, что пандемия, вызванная распространением новой коронавирусной инфекции 2019-nCoV, оказала существенное влияние на всю мировую экономику, в том числе на экономику Российской Федерации. Для обеспечения экономической стабильности государства в Федеральный закон от 26.10.2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) была введена статья 9.1, которой Правительству Российской Федерации предоставлено право введения моратория на возбуждение дел о банкротстве (далее – мораторий). При этом, в силу пункта 3 статьи 9.1. Закона о банкротстве, в период действия моратория штрафные санкции не начисляются.

ВС РФ в ряде дел охарактеризовал приведенные ранее положения Закона о банкротстве как направленные на защиту публичного порядка, поскольку в условиях кризиса их действие обеспечило экономическую безопасность государства. В этой связи, высшей судебной инстанцией было подчеркнуто, что игнорирование третейским судом положений статьи 9.1 Закона о банкротстве влечет за собой нарушение публичного порядка, так как арбитражное решение не основано на ценностях, составляющих его содержание [9; 10].

Сказанное подтверждает, что ВС РФ на момент проверки соответствия арбитражного решения публичному порядку, исходил из его содержания, трансформировавшегося под влиянием экономических, политических и иных вызовов.

Попытка дать определение понятию «публичный порядок» была сделана ВС РФ в пункте 51 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2019 г. №53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» (далее – Постановление №53) [11]. Так, высшей судебной инстанцией разъяснено, что публичный порядок образует совокупность фундаментальных правовых начал (принципов). При этом, исходя из содержания пункта 51 Постановления №53, можно утверждать, что им установлено два следующих критерия, одновременное наличие которых позволяет признавать различные основополагающие начала в качестве элементов публичного порядка, а именно: внутренний, то есть характеризующих их непосредственно как принципы (высшая императивность, универсальность, особая общественная и публичная значимость) и внешний, то есть отражающий их выражение во вне (основа построения экономической, политической и правовой системы Российской Федерации).

Интересно также и следующее. При формулировании определения понятия «публичный порядок» и критериев, которым должны соответствовать его элементы, ВС РФ не привел ни одного конкретного фундаментального правового начала, которое можно было бы рассматривать в качестве структурной единицы национального публичного порядка. Сказанное, на наш взгляд, можно объяснить той изменчивостью, которая присуща содержанию рассматриваемого понятия. В то же время высшая судебная инстанция подчеркнула, что фундаментальные начала должны быть именно правовыми, то есть находить свое непосредственное выражение в нормах права.

Нарушение публичного порядка, по мнению ВС РФ, выражается не только в игнорировании третейским судом фундаментальных правовых начал, но и в наступлении последствий в виде нанесения ущерба суверенитету или безопасности государства, а также в нарушении интересов больших социальных групп либо конституционных прав и свобод физических или юридических лиц [11].

Учитывая сказанное, отметим, что при проверке соответствия арбитражного решения публичному порядку государственный суд должен установить не столько нарушение основополагающих начал, сколько достоверно определить наличие (отсутствие) последствий такого нарушения, которые приведены в пункте 51 Постановления №53. Подобного рода смещение акцентуации, как представляется, решает проблему фактического пересмотра решения третейского суда государственным судом, так как последний не будет осуществлять переоценку установленных первым обстоятельств, а также проверять правильность применения норм процессуального и материального права. Указанное применимо и в тех случаях, когда третейских суд, например, неверно применил положения гражданского законодательства о снижении размера штрафных санкций, а равным образом в принципе не рассмотрел сделанное об этом заявление стороны спора или необоснованно отказал в его удовлетворении.

В научной литературе высказана позиция, согласно которой государственный суд при проверке решения третейского суда на соответствие публичному порядку должен устанавливать исключительно факты отступления от принципов арбитража, закрепленных в статье 18 Федерального закона от 29.12.2015 г. №382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – Закон об арбитраже) [6]. Указанная позиция представляется нам весьма спорной ввиду следующего.

Так, в пункте 51 Постановления №53 сказано, что противотечение публичному порядку как основание для отмены арбитражного решения или отказа в приведении его в исполнение не должно подменять собой иные основания, установленные цивилистическим процессуальным законодательством. Системный анализ положений Закона об арбитраже, процессуального законодательства и разъяснений ВС РФ приводит к следующему выводу. Нарушение третейским судом принципов, перечисленных в статье 18 Закона об арбитраже, влечет за собой отмену арбитражного решения или отказ в приведении его в исполнение исключительно на основании части 3 статьи 233 и части 3 статьи 239 АПК РФ, части 3 статьи 421 и части 3 статьи 426 ГПК РФ, в связи с чем положения о противоречии публичному порядку применены быть не могут.

Сказанное позволяет также сделать следующий вывод. Процессуально-правовые принципы, в том числе те, которые присущи третейскому разбирательству, не могут рассматриваться в качестве элементов публичного порядка при проверке на соответствие ему арбитражного решения.

Подводя итог изложенному, отметим следующее. Понятие «публичный порядок», несмотря на свойственную ему содержательную эластичность, государственные суды должны применять таким образом, чтобы не допустить выхолащивание смысла третейской защиты и присущих ей отличительных черт.

Список использованной литературы

1. Ильичев, П.А., Кукуев, А.А. Некоторые вопросы влияния публичного порядка на приведение в исполнение арбитражных решений [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия. – Режим доступа: <https://vk.cc/cL1i9N>. – Дата доступа: 20.04.2025 г.
2. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09 ноября 2010 г. №9431/10 по делу №А56-75431/2009 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://vk.cc/cL1imy>. – Дата доступа: 20.04.2025 г.
3. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 июня 2011 г. №1884/11 по делу №А41-9221/2009 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://vk.cc/cL1ixa>. – Дата доступа: 20.04.2025 г.
4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2013 года №ВАС-16497/12 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://vk.cc/cL1jl7>. – Дата доступа: 20.04.2025 г.
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 05 февраля 2013 г. №ВАС-11606/12 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <https://vk.cc/cL1jf2>. – Дата доступа: 20.04.2025 г.
6. Дегтярев, С.Л. Проверка нарушения публичного порядка в решениях арбитражей (третейских судов) судами общей юрисдикции [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия. – Режим доступа: <https://vk.cc/cL1jsz>. – Дата доступа: 20.04.2025 г.
7. Скворцов, О.Ю. Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации / О.Ю. Скворцов // М.: Издательство Юрайт, 2025. – 324 с.
8. Павлова, Н.В. Оговорка о публичном порядке как судебный эксклюзив и предел вежливости конкретной нации. Комментарий к Обзору практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2025.
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2025 г. (резоллютивная часть от 05 февраля 2025 г.) № 307-ЭС24-19068 по делу №А56-67650/2023 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2025.
10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 февраля 2023 г. (резоллютивная часть от 15 февраля 2023 г.) №305-ЭС22-22860 по делу №А40-117758/2022 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2025.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. №53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2025.

УДК 347.91.95

С. В. Кацубо

(Учебно-практический Центр «Медияция и право», Республика Беларусь)

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ПАРТИСИПАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ С УЧАСТИЕМ АДВОКАТОВ

В условиях многообразия правовых отношений, возникновения споров и разногласий при их осуществлении, и в связи с этим возрастающей нагрузкой на судебную систему всё более актуальным становится альтернативное разрешение споров (АРС). Одним из таких методов является партисипативная процедура, которая позволяет сторонам достичь

взаимовыгодного решения при активном участии адвокатов. В тезисах особое внимание уделяется возможности применения партисипативной процедуры в различных сферах правовых отношений, включая коммерческие, семейные и трудовые споры, а также рассматривается вопрос о необходимости обучения адвокатов навыкам участия в партисипативных процедурах.

Современное общество сталкивается с многообразием правовых отношений, требующих применения широкого круга нормативных положений, определенного опыта правоприменения при их осуществлении, при разрешении возникающих споров и разногласий. Зачастую традиционные методы разрешения споров, такие как судебные разбирательства, все чаще оказываются затратными, долгими во времени и не всегда помогают сохранению отношений между сторонами. В связи с этим всё большее внимание уделяется альтернативным способам разрешения споров, которые помогают сторонам находить взаимоприемлемые решения в досудебном порядке. Одним из таких методов является партисипативная процедура, которая соединяет в себе медиацию, переговоры и юридическое сопровождение. Особую роль в таких процедурах играют адвокаты, которые выступают не только как представители сторон, но и как фасилитаторы, помогающие сторонам достичь консенсуса.

В переводе с французского партисипация (participation) означает участие, соучастие; причастность [2]. В переводе с английского participative – могущий участвовать, участвующий [3].

Появление дополнительных примирительных процедур позволит ускорить и удешевить, а также сделает более эффективным урегулирование конфликта между сторонами максимально используя их инициативу и видение разрешения спора [1].

Актуальность обусловлена тем, что судебная система многих стран перегружена, и это приводит к затягиванию процессов, а также к снижению качества правосудия. Кроме того, растет потребность в более гибких и менее формализованных способах разрешения споров, особенно в условиях динамично меняющихся социальных и экономических отношений. Еще одним из факторов является то, что партисипативная процедура предоставляет возможность для творческого подхода к решению конфликтов, что особенно важно в случаях, когда стандартные юридические механизмы оказываются недостаточно гибкими.

В отличие от других форм APC, партисипативная процедура, разнится тем, что в ней активное участие принимают не только стороны конфликта, но и их адвокаты. Это дает маневр обеспечить баланс между поиском компромисса и защитой законных интересов каждой из сторон. Адвокаты в данном процессе выступают не только как представители своих клиентов, но и как фасилитаторы, способствующие конструктивному диалогу.

Невозможно переоценить роль адвокатов в партисипативной процедуре, так как они обеспечивают юридическую грамотность процесса, помогают сторонам понять их права и обязанности, а также способствуют выработке решений, которые будут соответствовать как требованиям закона, так и интересам клиентов. А также, адвокаты могут выступать в роли мотиваторов, стимулируя стороны к поиску взаимовыгодных решений и предотвращению усиления конфликта.

Следует отметить, что партисипативная процедура с участием адвокатов представляет собой перспективный инструмент для разрешения споров, который соединяет в себе конфиденциальность, гибкость и юридическую защищенность. Её активное применение может помочь не только снижению нагрузки на судебную систему, но и улучшению качества разрешения конфликтов, что делает её важным элементом современной правовой системы.

Участие адвокатов в партисипативной процедуре является ключевым элементом её успешного применения. Адвокаты выполняют несколько важных функций, такие как представительская, когда адвокаты выступают в роли представителей своих клиентов, защищая их интересы и обеспечивая соблюдение их прав. Консультативная функция, это

когда адвокаты предоставляют сторонам профессиональные консультации, помогая им понять свои права, обязанности и возможные последствия тех или иных решений. Это, например, важно в сложных правовых ситуациях, где стороны могут не обладать достаточными знаниями в области права. Важной функцией является фасилитационная. Адвокаты способствуют тому, чтобы стороны могли сосредоточиться на поиске взаимовыгодного решения и могли преодолеть эмоциональные барьеры.

Несмотря на очевидные преимущества партисипативных процедур, их применение сопряжено с рядом ограничений и вызовов, которые необходимо учитывать для успешной реализации таких механизмов. Рассмотрим ключевые аспекты этих вызовов: добровольность участия, ограниченная применимость, недостаточная правовая база, недостаток осведомленности и доверия, роль адвокатов, экономические и временные затраты.

Успех партисипативной процедуры напрямую зависит от готовности сторон к сотрудничеству и поиску компромисса. Если одна из сторон не заинтересована в диалоге или стремится к затягиванию процесса, процедура может оказаться неэффективной. В ситуациях, когда одна сторона имеет значительно больше ресурсов или влияние, это может привести к дисбалансу в переговорах, что усложнит достижение справедливого решения.

Также партисипативные процедуры не всегда подходят для разрешения споров, требующих обязательного установления правового прецедента или защиты публичных интересов, таких как уголовные дела или споры, затрагивающие права третьих лиц.

Следует отметить, что многие участники споров не знают о возможностях партисипативных процедур, не понимают их преимуществ, что ограничивает их применение, или считают их менее авторитетными по сравнению с традиционным судебным разбирательством. Также, еще одним из ограничений является то, что не все адвокаты обладают необходимыми навыками для эффективного участия в партисипативных процедурах, такими как медиация, фасилитация и ведение переговоров.

На основе проведенного исследования мы приходим к следующим выводам: ограничения и вызовы, связанные с применением партисипативных процедур, подчеркивают необходимость тщательной подготовки и выбора подходящих случаев для их использования. Для преодоления этих ограничений необходимо развитие правовой базы, повышение осведомленности участников споров, а также профессиональная подготовка адвокатов и медиаторов. Только с учетом этих факторов партисипативные процедуры смогут стать эффективным инструментом разрешения споров. В этой связи, видится необходимость в следующем:

1. Закрепление на законодательном уровне четких правил и процедур проведения партисипативных процессов, включая медиацию и переговоры с участием адвокатов.
2. Установление механизмов принудительного исполнения соглашений, достигнутых в рамках партисипативных процедур.
3. Проведение информационных кампаний, направленных на популяризацию партисипативных процедур.
4. Внедрение специализированных программ обучения адвокатов навыкам медиации, фасилитации и ведения переговоров, разработка стандартов профессиональной этики для адвокатов.
5. Рассмотреть возможность обеспечения доступности таких процедур для малого бизнеса и социально незащищенных групп, например через субсидирование.

На наш взгляд, реализация таких мер позволит не только преодолеть существующие ограничения, но и создать благоприятные условия для широкого применения партисипативных процедур с участием адвокатов. Это, в свою очередь, будет способствовать снижению нагрузки на судебную систему, повышению доступности правовой защиты и укреплению доверия между участниками споров.

Список использованной литературы

1. Партиципативная процедура как способ эффективного альтернативного разрешения спорных правоотношений / Полецук И.Н. / Проблемы гражданского права и процесса. Сборник научных статей. - Гродно, 2018. - С. 317-323.
2. Французско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://1554.slovaronline.com/49362-participation>. – Дата доступа: 15.03.2025.
3. Англо-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wooordhunt.ru/word/participative>. – Дата доступа: 15.03.2025.

УДК 346

А. А. Квятович

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

РОЛЬ УПРАВЛЯЮЩЕГО В ДЕЛЕ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И БАНКРОТСТВЕ

В материалах рассматриваются некоторые особенности правового статуса управляющего в деле о несостоятельности и банкротстве. Исследованы вопросы правового регулирования его деятельности. Проанализированы требования, предъявляемые к управляющему, рассмотрены основные задачи, которые возлагаются на управляющего. Сделан вывод о значимой роли управляющего в деле о несостоятельности и банкротстве.

В современных условиях развития рыночных отношений зачастую появляются субъекты хозяйствования-банкроты, которые становятся такими в силу различных причин, в особенности из-за неэффективной системы управления, отсутствия эффективной стратегии развития бизнеса, недостаточного уровня ответственности руководства при принятии решений, низкого уровня квалификации сотрудников субъекта хозяйствования, слабого уровня эффективности маркетинга и др.

Вопросы несостоятельности и банкротства в национальной экономике регулирует институт несостоятельности (банкротства). Данный институт является комплексным правовым институтом, а также современной формой урегулирования споров между должником и кредиторами.

Следует указать, что правовая урегулированность вопросов процедуры несостоятельности и банкротства находит интерес, как у ученых, так и у практических работников, соответственно она имеет большое научное и практическое значение.

Правовое регулирование процедуры несостоятельности и банкротства в Республике Беларусь отражено в Законе Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности» (далее – Закон). Согласно ст. 1 Закона под банкротством понимается «неплатежеспособность должника, признанная решением суда, рассматривающего экономические дела, о признании должника – юридического лица банкротом и открытии ликвидационного производства, о признании должника – индивидуального предпринимателя банкротом с прекращением предпринимательской деятельности и открытии ликвидационного производства». Несостоятельность – это «неплатежеспособность должника, признанная решением суда о признании должника несостоятельным и введении санации» [1].

Необходимо отметить, что в юридической литературе ученые высказывают разные мнения относительно понятия несостоятельность и банкротство, которые также отличаются от закреплённого законодательством. Например, А. А. Коренная под несостоятельностью понимает открытую, юридически зафиксированную системную неплатежеспособность,

которую, однако, возможно преодолеть (финансовое оздоровление, мировое соглашение и т.д.), банкротство же – состояние необратимого финансового кризиса, когда происходит реализация имущества должника в целях погашения имеющейся задолженности [2, с. 30]. По мнению Л. В. Волкова, несостоятельность является качественной характеристикой неэффективности бизнеса, внешней стороной которой выступает неплатежеспособность в виде неспособности должника выполнить свои обязательства и удовлетворить требования кредиторов на какую-то определенную дату. А банкротство в свою очередь является результатом несостоятельности и представляет прекращение существования бизнеса в рамках заданной организационно-экономической и производственно-технической системы из-за его несоответствия предъявляемым требованиям [3, с. 12]. В. Ф. Попондопуло пишет, что «банкротство рассматривается как частный, наиболее серьезный случай несостоятельности, когда несостоятельный должник совершает уголовно наказуемые деяния, наносящие ущерб кредиторам» [4, с. 124–125]. Е. С. Юлова трактует банкротство как «совокупность применяемых к должнику мер, предусмотренных законодательством о банкротстве» [5, с. 40]. Исходя из анализа указанных определений, можно сделать вывод, что определения предложенные законодателем и А. А. Коренной позволяют наиболее полно уяснить понятие и сущность несостоятельности и банкротства.

Институт несостоятельности (банкротства) является также универсальным институтом, в котором участвуют различные лица, чьи интересы, как правило, не совпадают, находятся в конфликте. Такими лицами являются должник и кредиторы. Так, в соответствии со ст. 1 Закона «должник – неплатежеспособное юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией (за исключением унитарного предприятия, основанного на праве оперативного управления (казенного предприятия)) либо некоммерческой организацией, осуществляющей деятельность в форме потребительского кооператива, фонда; неплатежеспособный индивидуальный предприниматель». «Кредиторы – лица, имеющие по отношению к должнику право требования по денежным обязательствам, обязательным платежам, обязательствам по выплате заработной платы и производству иных выплат в соответствии с законодательством о труде» [1]. Кроме того, в деле о несостоятельности или банкротстве также принимает участие временный (антикризисный) управляющий, который назначается судом для исполнения полномочий в делах о несостоятельности или банкротстве, т. е. лицо которое действует в интересах должника и кредиторов.

Согласно ст.1 Закона «временный (антикризисный) управляющий – это юридическое лицо или индивидуальный предприниматель (гражданин Республики Беларусь либо иностранный гражданин, лицо без гражданства, имеющие вид на жительство в Республике Беларусь), назначаемые судом для исполнения полномочий в делах о несостоятельности или банкротстве (временный управляющий – в защитном периоде, антикризисный управляющий – в конкурсном производстве, санации, ликвидационном производстве) (далее, если не установлено иное, – управляющий)» [1].

Действующее законодательство наделяет управляющего определенными полномочиями и предъявляет к нему конкретные требования, т.к. целью института несостоятельности (банкротства) является восстановление платежеспособности должника и соразмерное удовлетворение требований всех кредиторов. Также он может быть привлечен к ответственности за ненадлежащее исполнение возложенных на него обязанностей.

Управляющий должен отвечать требованиям добросовестности, компетентности и независимости.

Добросовестность управляющего заключается в том, что при осуществлении своей деятельности он должен учитывать права и законные интересы всех участников в деле о несостоятельности и банкротстве. Он должен оказывать содействие обеим сторонам в достижении положительных результатов и стремиться предотвратить наступление вредных, нежелательных последствий. Таким образом, управляющий должен обеспечить баланс прав и законных интересов участников в деле несостоятельности и банкротства, посредством соразмерности и пропорциональности.

Компетентность – это совокупность знаний и опыта, необходимых для целесообразной и эффективной профессиональной деятельности управляющего в деле несостоятельности и банкротства, а также умение применять имеющиеся знания и опыт на практике. У управляющего не должно быть судимости, он не должен состоять на учете в организациях здравоохранения в связи каким-либо с психическим заболеванием, алкоголизмом, наркоманией и т. д.

Так, согласно Закону, управляющий должен иметь в обязательном порядке высшее образование (предпочтительно экономическое или юридическое) и определенный опыт хозяйственной, предпринимательской деятельности. Он должен быть аттестован на соответствие профессионально-квалификационным требованиям, которые предъявляются к управляющим, и иметь аттестат управляющего. Порядок аттестации и переаттестации физических лиц на соответствие профессионально-квалификационным требованиям, требования, предъявляемые к опыту хозяйственной (предпринимательской) деятельности управляющего в деле о несостоятельности и банкротстве, основания для прекращения действия аттестата управляющего устанавливаются Советом Министров Республики Беларусь.

В Республике Беларусь управляющим может быть индивидуальный предприниматель, а также юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством Республики Беларусь, являющееся коммерческой организацией и удовлетворяющее требованиям национального законодательства и международным договорам Республики Беларусь. Тогда, к руководителю управляющего – юридического лица будут предъявляться требования, предъявляемые законодательством к управляющему – индивидуальному предпринимателю. Для реализации деятельности управляющим – юридическим лицом нужно чтобы в его штате было минимум два работника, включая руководителя, имеющих аттестат управляющего.

Управляющий должен быть независимым при осуществлении своей деятельности, т.е. исполняя свои обязанности, он не должен иметь личную заинтересованность в деле о несостоятельности и банкротстве. Управляющий должен следовать объективности, справедливости и беспристрастности в отношении всех участников в деле о несостоятельности и банкротстве, не должно быть привилегий, преференций к кому-либо из участников в деле о несостоятельности и банкротстве и наоборот предвзятости. Независимость управляющего имеет большое значение, т.к. будучи независимым, он сможет достигнуть баланса интересов всех субъектов в деле о несостоятельности и банкротстве.

Управляющий обязан сообщить суду о том, что он в соответствии с законодательством является заинтересованным лицом какой-либо стороны в деле о несостоятельности и банкротстве. Иначе он будет освобожден от исполнения обязанностей управляющего. Кроме того, лица, участвующие в деле о несостоятельности и банкротстве, могут заявлять отвод управляющему в соответствии с Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь.

Таким образом, можно сделать вывод, что управляющий должен пользоваться доверием суда, кредиторов и должника.

Закон закрепляет следующие процедуры несостоятельности или банкротства: защитный период; конкурсное производство; санацию; ликвидационное производство [1]. В санации и ликвидационном производстве также возможно заключение мирового соглашения.

Задачи управляющего могут отличаться в зависимости от того, в каком периоде и какой процедуре он участвует. Например, в защитном периоде основная задача управляющего состоит в анализе обоснованности фактов, содержащихся в заявлении о несостоятельности и банкротстве, проверка наличия (отсутствия) установленных Законом оснований для подачи заявления о несостоятельности и банкротстве, проверка наличия (отсутствия) оснований для открытия конкурсного производства; в конкурсном производстве основной

задачей является проверка наличия (отсутствия) оснований для признания должника несостоятельным и введения санации или для признания должника – юридического лица банкротом и открытия ликвидационного производства, признания должника – индивидуального предпринимателя банкротом с прекращением предпринимательской деятельности и открытия ликвидационного производства, установление наличия (отсутствия) фактов преднамеренного банкротства, сокрытия банкротства или препятствования проведению расчета с кредиторами; в санации – обеспечение эффективной, рациональной хозяйственной, предпринимательской деятельности и восстановление платежеспособности должника – юридического лица, а также осуществления расчетов с кредиторами в соответствии с установленной Законом очередностью; в ликвидационном производстве – реализация ликвидации должника – юридического лица или осуществление прекращения деятельности должника – индивидуального предпринимателя, продажа имущества должника и по возможности максимальное удовлетворение требований кредиторов в соответствии с установленной Законом очередностью. Так же следует отметить, что в защитном периоде, конкурсном производстве, санации и ликвидационном производстве основной задачей управляющего является содействие заключению мирового соглашения.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что роль управляющего в деле о несостоятельности или банкротстве достаточно велика, так с одной стороны он должен удовлетворить максимально требования всех кредиторов, с другой – обеспечить защиту должника от необоснованных требований кредиторов и сохранность его имущества. Таким образом, процедура несостоятельности и банкротства это сложный процесс, в ходе которого необходимо урегулировать разногласия и конфликты между должником и кредиторами и при этом соблюсти их права и законные интересы.

Кроме того, законодатель предъявляет серьезные требования к управляющему. Так, управляющий должен обладать теоретическими знаниями в сфере несостоятельности и банкротства, а также быть практикующим специалистом, имеющим опыт и навыки в осуществлении хозяйственной (предпринимательской) деятельности.

Согласно действующему законодательству управляющий для осуществления своей деятельности наделен достаточно широкими полномочиями, в то же время для него установлены обязанности и ответственность за ненадлежащее исполнение данных обязанностей. Управляющий должен исполнять свои обязанности добросовестно, разумно и целесообразно, быть незаинтересованным лицом в отношении должника и кредиторов.

Таким образом, управляющий играет важную роль в деле о несостоятельности и банкротстве, т. к. он обеспечивает баланс интересов кредиторов и должника, а также защищает их права и законные интересы.

Список использованной литературы

1. Об урегулировании неплатежеспособности : Закон Республики Беларусь, от 13 дек. 2022 г. N 227-З // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 23.04.2025).
2. Коренная, А. А. Терминологический анализ категорий «несостоятельность» и «банкротство»: уголовно-правовой аспект / А. А. Коренная // Юрислингвистика. – 2021. – № 22. – С. 28-32.
3. Волков, Л. В. Несостоятельность аргументов в пользу активизации банкротства российских предприятий / Л. В. Волков // Дайджест-финансы. – 2006. – № 11. – С. 10-14.
4. Коммерческое право: учеб. / под ред. В. Ф. Попондопуло, В. Ф. Яковлевой. 3-е изд., перераб. и доп. Ч. 1. – М.: Юрист, 2002. – 414 с.
5. Юлова, Е. С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб. и практикум / Е. С. Юлова. – М. : Юрайт, 2016. – 413 с.

Н. П. Ковалёва

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ АНТИИСКОВЫХ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В материалах проводится анализ антиисковых обеспечительных мер (anti-suit injunctions) так как глобализация экономики повлекла увеличение числа споров, в которых компании и граждане предстают перед иностранными судами и арбитражами. Данное исследование является актуальным, так как участники судебных разбирательств, осложненных иностранным элементом, лишены возможности быстро и надлежащим образом принять антиисковые обеспечительные меры с положительным результатом.

Обеспечительные меры в целом и антиисковые в частности впервые появились именно в английском праве и являлись средством правовой защиты, основанном на праве справедливости. Исторически общее право не знало такого средства правовой защиты, как обеспечительные меры, поэтому суды не имели возможности защитить сторону при помощи этого института, даже когда необходимость в защите была очевидной. Обеспечительные меры стали продуктом права справедливости, которое в определенный момент исторического развития начало применяться всеми судами Англии [1, с. 275]. В силу прецедентного характера англосаксонской системы права справедливо привести пример выдачи антиисковых мер установленный в прецеденте «Re Maxwell Communications Corporation в 1992 г.», положения которого состояли в следующем: «если основной вопрос состоит в том, какой из судов, английский или иностранный, является более подходящим для рассмотрения данного дела, то этот вопрос обычно может решаться иностранным судом по принципу «forum non conveniense» и английскому суду не следует вмешиваться в решение этого вопроса, однако если в исключительных случаях английский суд придет к выводу, что судебный процесс в иностранном суде будет недобросовестным и отягощающим процесс и что английский суд является надлежащим судом, т. е. более подходящим для рассмотрения спора, то суд может выдать обеспечительные меры, предотвращающие рассмотрение иска в иностранном суде» [1, с. 279]. Иными словами, английский суд должен всегда найти баланс, в случае появления сомнений в добросовестности иностранного судебного процесса и при наличии отягощения, выдав при этом антиисковые обеспечительные меры.

Несмотря на данные положения и особую избирательность в применении запрета данная позиция вызывала и вызывает спор у юристов, например, некоторые указывают «что изначально задуманные как средство борьбы с недобросовестными и отягчающими процесс разбирательствами в иностранном суде, антиисковые обеспечительные меры со временем стали методом навязывания английских взглядов по вопросу о том, в каком суде правильнее рассматривать спор» [1, с. 281]. И как следствие она неоднократно обжаловалась со ссылкой на международные договоры Европейского союза, и примером может служить решение суда ЕС по делу C-159/02 от 27 апреля 2004 г. в котором было доказано, что ответчик действует недобросовестно, что может помешать судебному разбирательству по существу, что повлекло выдачу судебного запрета, препятствующего ответчику в продолжение судебного разбирательства в другом государстве [2]. Необходимо отметить, что в английском праве антиисковые меры «anti-suit injunction» действуют по принципу «in personam» когда запреты накладываются на определенную сторону, а не на иностранный суд и на этом основании в настоящее время английские судебные органы могут применять антиисковые меры, но только к странам, не входящим в ЕС.

Общий вывод о возможности принятия или неправомерности в использовании такой меры, как «*anti-suit injunction*» представляется необходимым после рассмотрения отношения к данному феномену стран романо-германской правовой системы, например, нейтральное отношение Франции и Германии к «*anti-suit injunction*» просматривается в делах: № 10/01643 «Вивенди против Жерар», рассмотренное Апелляционным судом г. Парижа, где пересматривался отказ Суда большой инстанции вынести запрет на судопроизводство в отношении судебного процесса, возбужденного в одном из судов США и дело Верховного земельного суда г. Дюссельдорфа по отклонению заявления о вынесении запрета судопроизводства. И как справедливо было отмечено «указанные суды Франции и Германии не приняли акта о запрете ответчику на проведение процесса в другом суде не потому, что сочли себя неполномочными, а потому, что отсутствовали все необходимые предпосылки для издания такого судебного акта» [1].

По причине недостаточного количества суждений и работ о возможности применения «*anti-suit injunction*» в Республике Беларусь, представляется самостоятельно проанализировать данный вопрос. Часть 1 статьи 255 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) содержит исчерпывающий перечень мер по обеспечению иска, а в Законе Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде» и вовсе отсутствует перечень обеспечительных мер. При этом в Законе «О международном арбитражном (третейском) суде» содержится норма, предоставляющая стороне международного арбитражного разбирательства обратиться в суд с просьбой принять меры по обеспечению иска, последний в свою очередь в пределах компетенции и в соответствии с порядком, установленным процессуальным законодательством Республики Беларусь, исполняет просьбу [3, ст. 23]. При этом в п. 2 ч. 1 статьи 255 ГПК закреплено: «запрещение ответчику совершать определенные действия», что предполагает возможность принятия антиисковых обеспечительных мер и в Республике Беларусь при условии соблюдения основания: «если непринятие мер обеспечения может затруднить или сделать невозможным исполнение решение суда» (ст. 254 ГПК). В силу актуальности рассматриваемой темы представляется необходимым рассмотреть относительно новое для Беларуси понятие «антиисковый запрет», так как 12 июля 2023 г. в Республике Беларусь был принят Закон Республики Беларусь «О применении специальных ограничительных мер», который и ввел положение об «антиисковом запрете». Многоступенчатый порядок применения меры закреплен в ст. 11 вышеуказанного нормативного акта, в частности он содержит в себе все стадии от подачи заявления лицом, в отношении которого инициировано разбирательство в иностранном суде или иностранном третейском суде (арбитраже), и заканчивая вынесением экономическим судом области (города Минска) решения о запрете или об отказе в запрете стороне инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде или иностранном третейском суде (арбитраже) [4]. Основанием принятия «антиискового запрета» является неисполнимость пророгационного и/или арбитражного соглашения. При этом причиной неисполнимости является совершение в отношении одной из сторон недружественных действий, которые создают ей препятствия в защите своих нарушенных или оспариваемых прав и свобод либо в защите своих законных интересов (ч. 1 статья 4) [4].

Обобщая вышеизложенное, предполагается возможным считать «антиисковый запрет» подвидом антиисковой меры. Отличие видится лишь в специализации на защите национальных интересов и безопасности Республики Беларусь, ее суверенитета и территориальной целостности, политической и экономической стабильности, прав, свобод и законных интересов граждан и организаций Республики Беларусь.

В заключение хотелось бы отметить необычный характер института антиисковых мер несмотря на наличие таких плюсов, как возможность на первоначальном этапе спора разрешить коллизию юрисдикций, снизить правовую неопределенность и исключить ведение параллельного процесса, который в последующем может затруднить или сделать невозможным исполнение одного из судебных решений.

Список использованной литературы

1. Ходыкин, Р. М. Антиисковые обеспечительные меры в цивилистическом процессе и международном арбитраже / Р. М. Ходыкин // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: Liber Amicorum в честь А. А. Костина, О. Н. Зименковой, Н. Г. Елисеева / Составители: С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова, А. И. Муранов, Е. В. Вершинина. – Москва: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2013. – С. 274 – 296.
2. Judgment of the Court (Full Court) of 27 April 2004. Gregory Paul Turner v Felix Fareed Ismail Grovit, Harada Ltd and Changepoint SA. [Электронный ресурс] – 2025. – Режим доступа // <https:curia.europa.eu/juris/liste>. – Дата доступа: 23.04.2025
3. О международном арбитражном (третейском) суде: Закон Республики Беларусь, 9 июля 1999 г. № 279-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 1999. – № 56. – 2/60
4. О применении специальных ограничительных мер: Закон Республики Беларусь, 12 июля 2023 г. № 280-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 2023. – 2/3000.

УДК 349.2

Е. А. Ковалёва

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ПРАВОВОЙ СТАТУС РАБОТНИКОВ «ЗОЛОТОГО ВОЗРАСТА»

В материалах проводится анализ законодательства, международных стандартов о правовом положении работников предпенсионного и пенсионного возраста. Делается вывод, что возраст не может являться критерием для дискриминации работников, а принятие актов трудового законодательства, нарушающих права таких работников, не основано на Конституции Республики Беларусь.

Статьей 14 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) запрещается дискриминация в трудовых правах в зависимости от возраста, если это не связано со спецификой трудовой функции работника. В то же время в объявлениях о приеме на работу прослеживаются случаи, когда кандидата в работники ограничивают определенным возрастом. В последнее время даже в законодательстве имеются такие случаи. Особую актуальность темы вызывает недавнее повышение в республике пенсионного возраста и необходимость гражданам доработать до пенсии в «золотом возрасте». Возрастных работников, по сравнению с молодежью, характеризует приобретение опыта, наличие высокой квалификации, повышенной ответственности.

В настоящее время российские аналитики утверждают, что российская экономика переживает кадровый голод по причине демографической ситуации 1990-х годов. Согласно данным сервисов «Работа.ру» и «Подработка» ИТ сфера демонстрирует наибольший прирост вакансий для пенсионеров (+183,8 % за 2024 г.); в сферах образования, культуры и госслужбы (+55 %); в торговле количество вакансий для пенсионеров в I квартале 2024 г. выросло на 49,7 %, в сфере маркетинга и рекламы — на 47,5 %, в финансовой отрасли — на 38,6 %. Вакансии, не требующие опыта работы, а также сфера услуг показали наименьший прирост рабочих мест – 27,1 % и 21,5 % соответственно. Если молодое поколение достаточно легко относится к смене места работы (в 2024 г. 45 % молодых людей в возрасте 18–27 лет перешли на другую работу), то старшее поколение ценит стабильность, стаж, постоянство [1].

В разделе III Трудового кодекса Республики Беларусь и разделе XII Трудового кодекса Российской Федерации не содержится особенностей правового регулирования труда работников пенсионного или предпенсионного возраста, следовательно все положения и гарантии кодексов касаются и таких работников. Пенсионный возраст рассматривается, в частности, как уважительная причина для расторжения трудового договора (ст. 40, 41 ТК).

На международном уровне защита прав работников «золотого возраста» регулируется Конвенцией МОТ № 111 1958 г. О дискриминации в области труда и занятий и Рекомендацией МОТ № 162 1980 г. О пожилых трудящихся. Указанные акты не дают понятия таким гражданам, а предоставляют государствам в соответствии с национальным законодательством и местными условиями самостоятельно определять возрастные критерии. В Беларуси в различных нормативных актах установлены разные возрастные категории. Так, работнику, которому до достижения общеустановленного пенсионного возраста остается не более двух лет, гарантируется продление срока действия контракта либо заключение нового не менее чем до достижения пенсионного возраста (ст. 262-5 ТК).

В соответствии со ст. 26 Закона Республики Беларусь «О занятости населения» от 15 июня 2006 г. № 125-З в редакции Закона от 11 октября 2024 г. № 36-З лица за пять лет до достижения общеустановленного пенсионного возраста относятся к категориям безработных, особо нуждающихся в социальной защите и не способных на равных условиях конкурировать на рынке труда. По статистическим данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь по состоянию на 31 марта 2025 г. в Гомельской области зарегистрировано в качестве безработных граждан в возрасте от 55 до 59 лет 41 чел., в возрасте старше 60 лет – 32 чел., в целом по Беларуси 393 и 211 чел. соответственно [2].

Таким безработным предусмотрены дополнительные гарантии в области содействия занятости путем установления брони приема на работу. Порядок установления брони регулируется постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 июля 2022 г. № 475 «Об установлении брони приема на работу». Такое бронирование осуществляется на основании анализа сведений о свободных рабочих местах (вакансиях), поступающих от нанимателей, и представляет собой совместную работу органов государственной службы занятости, нанимателей и местных исполнительных и распорядительных органов. Право трудоустройства гарантируется им и п. 1 ч. 1 ст. 16 ТК, а отказ в заключении трудового договора может быть признан необоснованным в судебном порядке.

В соответствии с Рекомендацией № 162 1980 г. О пожилых трудящихся в государствах такие работники без дискриминации по возрасту должны пользоваться равенством возможностей и обращения наравне с другими трудящимися, в частности, относительно: доступа к профессиональной ориентации и трудоустройству; доступа к работе по их выбору как в государственном, так и в частном секторах; к возможностям профессиональной подготовки, повышению квалификации и с предоставлением оплачиваемого учебного отпуска; к продвижению по службе и справедливому распределению работы; вознаграждению за равный труд; мерам социального обеспечения и социальных пособий; условиям труда, включая меры в области техники безопасности и гигиены труда. Эти меры должны быть направлены на то, чтобы пожилые трудящиеся имели возможность продолжать работать в удовлетворительных условиях [3].

В то же время в законодательстве Республики Беларусь встречаются случаи дискриминационных проявлений относительно возраста. Так, Законом Республики Беларусь от 15 декабря 1992 г. № 2038а-XII «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде Республики Беларусь» в Законе появились нормы, позволяющие нанимателю расторгать по своей инициативе трудовой договор с работником, достигшим пенсионного возраста (мужчины - 60 лет, женщины - 55 лет) и имеющим право на полную пенсию, если с ним не заключен срочный трудовой договор (ст. 18-1, п. 1-1 ст. 33 КЗоТ).

По этому поводу в своем заключении от 23 сентября 1994 г. № 3-1/94 «О соответствии Конституции Республики Беларусь норм Кодекса Законов о труде, предусматривающих

возможность расторжения трудового договора в связи с достижением работником пенсионного возраста» Конституционный Суд Республики Беларусь отмечает, что, одним из основных принципов, на которых строится государственная политика в отношении ветеранов, является создание необходимых условий для участия в общественно полезной деятельности, реализации права на труд без каких-либо ограничений, за исключением состояния здоровья. Существование в законодательстве такого основания увольнения, как достижение пенсионного возраста не отвечает нормам нравственности, предполагающим формирование уважительного отношения к старшему поколению. Это не способствует утверждению демократического социального правового государства, которое провозглашено в ст. 1 Конституции, нормы Кодекса законов о труде, предусматривающие возможность расторжения трудового договора по инициативе нанимателя в связи с достижением работником пенсионного возраста, не соответствуют статьям 2, 13, 14, 22, 41 Конституции.

В настоящее время в законодательстве появилась норма о дискриминации по возрасту педагогических работников. Так, п. 4-3 постановления Министерства образования Республики Беларусь от 20 декабря 2024 г. № 204 «Об изменении постановления Министерства образования Республики Беларусь от 3 июня 2019 г. № 71» была введена ежегодная надбавка руководителям и специалистам из числа профессорско-преподавательского состава, имеющим ученую степень кандидата и доктора наук, за научно-педагогическую деятельность с учетом вклада в развитие и научно-методическое обеспечение образовательной деятельности, которая выплачивается по день достижения ими пенсионного возраста включительно. С учетом имеющегося опыта законотворческой деятельности считаем недопустимым наличие в законодательстве таких не соответствующих Конституции Республики Беларусь положений.

Список использованной литературы

1. Витчак, Е. Реабилитация возраста: как опыт работников 50+ меняет правила на рынке труда [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/535815-reabilitacia-vozrasta-kak-opyt-rabotnikov-50-menaet-pravila-na-rynke-truda> (дата обращения: 18.04.2025).

2. Распределение безработных по возрасту [Электронный ресурс]. – URL: <https://gsz.gov.by/directory/unemployment-age-graph/> (дата обращения: 29.04.2025).

3. О пожилых трудящихся: Рекомендация МОТ № 162 1980 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ohranatruda.ru/upload/iblock/044/Rekomendatsiya-N-162-o-pozhilykh-trudyashchikhsya.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).

УДК 349.2

Т. В. Ковалёва

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ УВОЛЬНЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Материалы посвящены попытке исследования изменений в правовом регулировании дисциплинарных увольнений в Республике Беларусь. В процессе работы выявлены следующие тенденции развития: усиление публичного интереса при применении дисциплинарных увольнений; усиление положений, обязывающих руководителя применить меры дисциплинарного взыскания вплоть до увольнения; установление обязанности привлечения к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения по требованию государственных органов.

Со времени принятия Трудового кодекса Республики Беларусь в 1999 г. (далее – ТК) в положения, регулирующие дисциплинарные увольнения, был внесен ряд изменений, касающихся систематизации оснований расторжения трудового договора по инициативе нанимателя, совершенствования их формулировок, увеличения количества материальных составов дисциплинарных увольнений. Указанные изменения позволили нам выявить следующие тенденции развития в области дисциплинарных увольнений в Республике Беларусь.

1. Усиление публичного интереса при применении дисциплинарных увольнений.

Отличительной чертой дисциплинарной ответственности является то, что она, как правило, наступает перед нанимателем. Нарушая именно трудовые обязанности, работник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности. Анализ оснований дисциплинарных увольнений позволил нам сделать вывод, что при совершении дисциплинарного проступка затрагиваются не только права нанимателя, но и интересы общества и государства. С целью защиты национальных интересов в законодательстве произошло увеличение оснований дисциплинарных увольнений, например, возможность применения меры взыскания в виде увольнения за причинение имущественного ущерба, не сопряженного с хищением имущества нанимателя, как самому нанимателю, так и другим лицам.

Увеличение количества дисциплинарных увольнений произошло также за счет дополнения оснований, характерных для законодательства о государственной службе, например, увольнение за незаконное привлечение к ответственности (п. 10 ст. 42 ТК) в большей степени регулируется специальным законодательством.

Также наблюдается достижение публичных целей (повышение эффективности хозяйствования, обеспечение надлежащих условий труда в организациях государственной и частной форм собственности, повышение качества продукции (работ, услуг), совершенствование работы по подбору и расстановке руководящих кадров) через частную заинтересованность нанимателя в соблюдении дисциплины труда работниками.

2. Усиление положений, обязывающих руководителя организации применить меры дисциплинарного взыскания вплоть до увольнения.

В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 12 ТК основным правом нанимателя является право привлекать работников к дисциплинарной ответственности. Из этого положения исходят и большинство ученых трудового права, [1, с. 6], [2, с. 25], [3, с. 26]. Противоположную точку зрения высказывал В. Н. Смирнов: «уклоняясь от наложения дисциплинарного взыскания или иной меры воздействия, предусмотренной законом, администрация не выполняет свои прямые обязанности по укреплению трудовой дисциплины, допускает нарушение закона» [4, с. 64].

В своем решении от 30 апреля 2021 г. № Р-1267/2021 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам трудовых отношений» Конституционный Суд Республики Беларусь отмечает, что, наряду с предоставлением нанимателю права привлекать работника к дисциплинарной ответственности, законодатель возлагает на него обязанность обеспечивать производственно-технологическую, исполнительскую и трудовую дисциплину, а одним из методов обеспечения является именно привлечение виновных к ответственности. За неисполнение или ненадлежащее исполнение данной обязанности нанимателя (уполномоченное должностное лицо нанимателя) несут ответственность, предусмотренную ТК и иными законодательными актами.

В то же время реализация права привлечения работников к дисциплинарной ответственности возложена на уполномоченное должностное лицо нанимателя – руководителя (его заместителей) организации (ее обособленного подразделения), руководителя структурного подразделения (его заместителей), иного работника, которым нанимателем предоставлено право принимать все или отдельные решения, вытекающие из трудовых

и связанных с ними отношений, или иное лицо, которому такое право предоставлено законодательством (ст. 201 ТК). Для указанных лиц привлечение к дисциплинарной ответственности является обязанностью исходя из следующего:

- императивное предписание ст. 197 ТК: за совершение дисциплинарного проступка устанавливается, а не может устанавливаться дисциплинарная ответственность. В то же время ст. 198 ТК предоставляет право выбора меры дисциплинарного взыскания из перечисленных законодательством;

- являясь одним из видов юридической ответственности, и дисциплинарной присущ принцип неотвратимости ответственности, на наличие которого обращали внимание П. С. Бутов [2, с. 7], Ю. Н. Полетаев [5], А. М. Касумов [6, с. 66];

- в п. 1.4. Директивы Президента Республики Беларусь от 11 марта 2004 г. № 1 «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины» указано на обеспечение безусловного привлечения к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения, в частности, за нарушение требований по охране труда, повлекшее увечье или смерть других работников. В первоначальной редакции данного пункта необходимо было обеспечивать безусловное и немедленное расторжение контрактов в данных случаях, что не соответствовало праву нанимателя на выбор меры ответственности, в связи с чем и были внесены изменения. Требование о прекращении трудового договора с руководителями за необеспечение должной трудовой дисциплины подчиненных, сокрытие фактов нарушения ими трудовой и исполнительской дисциплины либо за непривлечение виновных лиц к ответственности, установленной законодательством, было закреплено в п. 1 ч. 1 ст. 47 ТК. При этом у нанимателя отсутствует обязанность увольнения работника, совершившего грубые нарушения трудовой дисциплины, однако руководитель не имеет права не привлечь этого работника к дисциплинарной ответственности. В противном случае он сам подлежит привлечению к дисциплинарной ответственности;

- в законодательстве отсутствуют основания освобождения от дисциплинарной ответственности. Н. А. Духно, В. И. Ивакин отмечали, что с принципом неотвратимости должен сочетаться принцип целесообразности, который связан как с правом, так и моралью. Лицо, совершившее правонарушение и признанное виновным, может быть полностью или частично освобождено от санкции [7, с. 17].

В белорусском законодательстве не используется термин освобождение от дисциплинарной ответственности, но указывается на наличие уважительных причин для непривлечения виновных лиц к установленной законодательством ответственности за такие нарушения (п.1 ст. 47 ТК). При этом, что относить к уважительной причине для непривлечения виновных лиц к дисциплинарной ответственности, не раскрывается. Следует обратить внимание, что во всех иных видах юридической ответственности содержатся нормы, посвященные освобождению от ответственности: гл. 12 Уголовного кодекса Республики Беларусь; гл. 8 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях; ст. 778, 852, 936, 967 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

В связи с отсутствием в законе оснований для освобождения от дисциплинарной ответственности, а также обстоятельств, смягчающих эту ответственность, непривлечение к ней работника может повлечь негативные последствия для самого руководителя, так как данное освобождение не основано на законе.

3. Установление обязанности привлечения к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения по требованию государственных органов.

Несмотря на то, что дисциплинарная ответственность наступает перед нанимателем, согласно п. 5 Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» меры дисциплинарной ответственности могут применяться к работникам определенных организаций по письменному требованию уполномоченных государственных органов. Данное положение нашло свое продолжение в ст. 42–45 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г.

№ 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь». Следовательно, при направлении указанного требования, так как в нем не указано иного, привлекать к ответственности будет именно руководитель организации либо уполномоченное им должностное лицо. Направляя такое требование, государственный орган не предоставляет нанимателю право выбора привлекать или нет работника к дисциплинарной ответственности.

Таким образом, анализ изменений ТК позволил нам выявить следующие тенденции в области дисциплинарных увольнений: усиление публичного интереса при применении дисциплинарных увольнений; усиление положений, обязывающих руководителя применять меры дисциплинарного взыскания вплоть до увольнения; установление обязанности привлечения к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения по требованию государственных органов.

Список использованной литературы

1. Жукова, Ю. А. Дисциплинарная ответственность работников как правовое средство обеспечения исполнения трудовых обязанностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Жукова Юлия Антоновна ; Саратов. гос. акад. права. – Пермь, 2005. – 22 с.

2. Бутов, П. С. Совершенствование материальных и процедурно-процессуальных норм о применении дисциплинарной ответственности работников по трудовому праву Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Бутов Павел Сергеевич ; Челябинский гос. ун-т. – Томск, 2006. – 32 с.

3. Ковалёва, Е. А. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности работников: по уставам и положениям о дисциплине на транспорте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Ковалёва Елена Анатольевна ; Гомельский гос. ун-т имени Франциска Скорины, Минский ин-т современных технологий и маркетинга. – Минск, 2007. – 116 л.

4. Смирнов, В. Н. Дисциплина труда в СССР: соц. и правовые проблемы / В. Н. Смирнов. – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1972. – 118 с.

5. Полетаев, Ю. Н. Правопорядок и ответственность в трудовом праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05 / Полетаев Юрий Николаевич ; Московская гос. юрид. акад. – М., 2001. – 61 с. // disserCat — электронная библиотека диссертаций. – URL: <https://www.dissercat.com/content/pravoporyadok-i-otvetstvennost-v-trudovom-prave> (дата обращения: 08.04.2025).

6. Касумов, А. М. Система принципов трудовправовой ответственности: дисциплинарной и материальной / А.М. Касумов // Проблемы ответственности в сфере труда: материалы науч.-практ. конф., г. Москва, 17 ноя. 2006 г. / Труды ин-та гос. и права РАН. – М., 2007. – № 1. – С. 62–72.

7. Духно, Н. А. Понятие и виды юридической ответственности / Н. А. Духно, В. И. Ивакин // Государство и право. – 2000. – № 6. – С. 12–17.

УДК 347.472.045

Н. В. Копыткова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТМЕНЫ ДАРЕНИЯ

В материалах анализируются основания отмены дарения. Рассматривается порядок и последствия отмены дарения. Делается вывод о правовом режиме предмета дарения в случае отмены дарения. Определяются сроки обращения за отменой дарения.

С целью совершенствования действующего законодательного регулирования института дарения в Республике Беларусь предлагается редакция нормы, устанавливающей правовой статус предмета дарения при отмене договора.

История развития гражданского законодательства на территории Беларуси свидетельствует о том, что во времена Великого Княжества Литовского достаточно серьезное внимание уделялось обязательственным правоотношениям, о чем свидетельствуют Статуты ВКЛ. Так, разд. VII Статута 1588 г. посвящен обязательственному праву. В нем нет четкого разделение на виды договоров, не раскрывается сущность договоров, но отчетливо установлены требования по их оформлению и регистрации сделок с недвижимостью, в том числе дарения (артыкул 1, разд. 7) [1].

В 1795 г. территория ВКЛ вошла в состав Российской империи. Несмотря на то, что на территории Княжества еще долго продолжало действовать законодательство ВКЛ, на эту территорию также распространялись нормы Российской империи. Как писал профессор Императорского С.-Петербургского Университета В. Н. Латкин: «Указом царя Федора Алексеевича 1679 года было установлено право дарителя требовать возвращения своего дара обратно, если принявший дар совершит покушение на его жизнь, причинит ему побои, оклеветает его в каком-либо преступлении, или вообще окажет ему явное непочтение» [2, с. 491]. В 1823 г. появилась норма, согласно которой имущество, подаренное детям родителями, возвращалось родителям, переживших этих детей, а в 1827 г. было закреплено право «возвращать дар» в самом договоре.

В Своде Законов Российской Империи дарению посвящена 2 гл. 1 раздела 3 книги. В ст. 974 Свода содержится норма, аналогичная норме Указа 1697 г. Согласно ст. 975 дар мог быть возвращен, если договор заключался под условием, «и условие со стороны получившего дар, не исполнено, то дар возвращается дарителю» [3].

Не смотря на исторические тенденции развития исследуемого института и наличие предпосылок правового регулирования отмены договора дарения, в советском законодательстве данные нормы отсутствовали. Мы не найдем подобных положений ни в Декрете ВЦИК и СНК о дарениях от 20 мая 1918 г., ни в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. (данный кодекс распространил свое действие на территорию Беларуси в 1923 г.), ни в Гражданском кодексе 1964 г.

Введение в действие Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. (далее – ГК) привнесло много новелл в сфере регулирования договора дарения, в частности, были предусмотрены основания его прекращения и отмены. Так, в ГК появились следующие статьи: 548 – «Отказ от исполнения договора дарения», 549 – «Отмена дарения», 550 – «Случаи, в которых отказ от исполнения договора дарения и отмена дарения невозможны» и др. [4].

В ст. 549 ГК закреплены следующие основания для отмены дарения: если одаряемый совершил покушение на его жизнь, жизнь кого-либо из членов его семьи или близких родственников; если одаряемый умышленно причинил дарителю телесные повреждения или умышленно лишил его жизни; если в договоре дарения оговаривается право дарителя отменить дарение в случае, если он переживет одаряемого.

Отмена дарение – это нотариальное действие, процедура которого прописана в ст. 78¹ «Удостоверение отмены дарения» Закона «О нотариате и нотариальной деятельности» [5] и в главе 15¹ «Удостоверение отмены дарения» Инструкции о порядке совершения нотариальных действий (далее – Инструкция № 63) [6]. Согласно п. 4 ст. 549 ГК в случае отмены дарения одаряемый обязан возвратить подаренную вещь, если она сохранилась в натуре к моменту отмены дарения. Однако, остается неясным что происходит при отмене дарения - право собственности восстанавливается или возникает новое право собственности? Также возникает вопрос о правовом статусе имущества, которое ранее было собственностью дарителя и опять ему возвращается. Указ Президента Республики Беларусь «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами

и иными организациями по заявлениям граждан» [7] и Закон «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» [8] оперируют понятием «переход права», но не уточняется какого именно права. Инструкция № 63 в ст. 85³ конкретизирует это понятие указывая на необходимость государственной регистрации перехода *права собственности* на недвижимое имущество на имя дарителя. Не могу согласиться с нотариусом Л. Дробыш, которая пишет: «тем самым происходит своеобразное «обнуление» истории объекта» [9]. На мой взгляд, происходит восстановление права собственности на предмет дарения. От правильного решения этого вопроса зависит обеспечение надлежащей защиты права собственности. Например, супруги подарили сыну совместно нажитую в браке квартиру. К моменту смерти сына и отмены дарения они уже были в разводе. Согласно действующему гражданскому и брачно-семейному законодательству расторжение брака не прекращает право совместной собственности, поэтому квартира по отмененному договору дарения должна оставаться их общей совместной собственностью, соответственно их право собственности должно быть восстановлено. Совместная собственность не может возникнуть у лиц, расторгнувших брак, а это означает, что история их собственности продолжается. У бывших супругов появится право на раздел предмета отмененного договора дарения как общей совместной собственности в добровольном или в судебном порядке.

В случае отмены дарения дарителем, если он пережил одаряемого, право собственности на подаренную вещь возникает у дарителя после удостоверения отмены дарения нотариусом, а также после государственной регистрации перехода права собственности в случаях, предусмотренных законом, например, в отношении недвижимого имущества. Возникает вопрос о сроке, в течение которого даритель может обратиться за отменой дарения к нотариусу. Законодатель оставил его без ответа. Представляется, что в такой ситуации будет разумным установить срок аналогичный общему сроку исковой давности – 3 года. Но как исчислять срок для обращения к нотариусу об отмене дарения? Очевидно, что правила исчисления срока исковой давности, установленные ст. 201 ГК, здесь неприменимы по той причине, что течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. При осуществлении права отмены договора дарения в случае смерти одаряемого, речь не идет о нарушении прав дарителя. У дарителя возникает право на реализацию одного из условий договора дарения. Полагаю, что срок для обращения дарителя с заявлением об отмене дарения должен начинаться со дня смерти одаряемого. Такой порядок исчисления сроков позволит дарителю без лишних проблем обратиться к нотариусу прежде, чем наследники окончательно примут наследство. Как известно, свидетельство о праве на наследство выдается наследникам по истечении 6-ти месяцев со дня открытия наследства (п. 1 ст. 1084 ГК).

Обобщая сказанное, с целью совершенствования законодательства, считаю целесообразным внести в п. 3 ст. 549 ГК дополнение следующего содержания: «Даритель вправе отменить дарение в течение 3 лет со дня смерти одаряемого». Кроме того, предлагаю дополнить статью пунктом 5 следующего содержания: «При отмене дарителем договора дарения в случае, если он переживет одаряемого, право собственности дарителя восстанавливается в первоначальном правовом режиме».

Список использованной литературы

1. Статут ВКЛ 1588 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatnikiprava/Statut_1588_g_str.41_347_optim.pdf - Дата доступа : 23.04.2025.
2. Латкин, В. Н. Учебник Истории Русского права периода империи (XVIII и XIX ст.) – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004459986?page=498&rotate=0&theme=white – Дата доступа: 23.04.2025.
- 3 Свод Законов Российской Империи. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book388202/#page/197/mode/1up> – Дата доступа: 23.04.2025.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респуб. Беларусь, 24 июня 1999 г., № 278-З: (ред. от 01.04.24 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

5. О нотариате и нотариальной деятельности: Закон от 18 июля 2004 г. № 305-З : с изм. и доп. 21 января 2024 г. № 343-З. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10400305> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – Дата доступа: 28.04.2025.

6. Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий: Постановление Министерства юстиции Респ. Беларусь от 23 октября 2006 г. № № 63 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=W20615268> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – Дата доступа: 28.04.2025.

7. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан: Указ Президента Респ. Беларусь, 26.04.2010 N 200: в ред. от 25.02.2019 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 28.04.2025.

8. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним: Закон от 22 июля 2022 г. № 133-З : с изм. и доп. 10 октября 2022 г. № 209-З. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10400305> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь - Дата доступа: 28.04.2025.

9. Дробыш, Л. Отмена дарения: нюансы практики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://belnotary.by/novosti/notarialnaya-praktika/lyudmila-drobysh/otmena-dareniya-nyuansy-praktiki/>. – Дата доступа: 28.04.2025.

УДК 347.63

И. Н. Короткевич

(Международный университет «МИТСО», Республика Беларусь)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗЫСКАНИЯ АЛИМЕНТОВ НА СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ОЧНО

Вопросы, касающиеся взыскания алиментов, вызывают повышенный интерес общественности и всегда находятся в зоне пристального внимания органов судебной власти. Несмотря на проделанную работу по совершенствованию белорусского семейного законодательства в сфере взыскания алиментов, существуют некоторые проблемы правового регулирования, которые на наш взгляд, требуют внесения изменений и дополнений в содержание норм, регулирующих алиментные обязательства родителей. Автором проведена сравнительная характеристика норм Семейного кодекса Российской Федерации и Кодекса о браке и семье Республики Беларусь и внесены предложения о внесении изменений, направленных на совершенствование процедуры выплаты алиментов.

Российское семейное законодательство указывает на обязанность родителей содержать не только несовершеннолетних детей, но и нетрудоспособных, нуждающихся в помощи совершеннолетних детей (ст. 85 Семейного кодекса Российской Федерации) [1]. Такие же обязанности родителей закреплены и в статье 91 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь, где сказано, что «родители обязаны содержать своих совершеннолетних детей, если они нетрудоспособны, и нуждаются в помощи» [2]. Однако белорусское законодательство не даёт конкретного определения таким понятиям как «нетрудоспособность» и «нуждаемость».

Исходя из анализа норм Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [3] и Закона Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-ХП «О пенсионном обеспечении» [4] можно прийти к выводу, что к категории нетрудоспособных граждан следует относить: во-первых, лиц, достигших пенсионного возраста и, во-вторых, инвалидов при ограничении способности к трудовой деятельности III, II или I степени (группы).

Что касается категории «нуждаемость», как одного из оснований для возникновения алиментной обязанности родителей в отношении совершеннолетних детей, то, например, А. А. Пахомов отмечает: «Нуждаемость нетрудоспособных детей не означает, что единственным источником их существования будут присужденные от родителей алименты. Они могут работать и иметь небольшой заработок, получать пенсию или стипендию, иметь другие источники дохода. Необходимо только, чтобы эти средства были признаны судом недостаточными для удовлетворения их нормальных потребностей» [5].

Исходя из вышеизложенного и анализа нормативных правовых актов, полагаем, что под нуждаемостью в получении содержания целесообразно понимать обеспеченность совершеннолетнего нетрудоспособного ребенка средствами в размере ниже прожиточного минимума, установленного государством для конкретной местности. Следовательно, совершеннолетний ребенок считается нуждающимся в том случае, когда он самостоятельно не в состоянии обеспечить себе необходимое существование, а оказываемая ему государственная помощь в виде пенсий и пособий является недостаточной для такого обеспечения.

Белорусский законодатель не предусматривает сохранения права на алименты за трудоспособными детьми, достигшими возраста совершеннолетия, в тех случаях, если они продолжают обучение в среднем специальном или высшем учебном заведении и не могут самостоятельно обеспечивать себя средствами к существованию. Данный вопрос может быть урегулирован в Брачном договоре или Соглашении об уплате алиментов.

Например, в Казахстане осуществление алиментной обязанности родителей в отношении трудоспособных совершеннолетних детей, продолжающих обучение, ограничивается возрастом до 21 года.

Немецкое законодательство также предусматривает обязанность родителей по предоставлению содержания своим совершеннолетним детям, то есть детям, достигшим восемнадцатилетнего возраста. В Германии таким правом обладают две категории совершеннолетних детей: 1) не состоящие в браке совершеннолетние дети до достижения ими 21 года, проживающие совместно с родителями или одним из них и получающие общее школьное образование (§ 1603 Гражданского уложения Германии); 2) дети, достигшие 21 года и получившие общее школьное образование, которые не проживают совместно с родителями (одним из них) и не в состоянии себя содержать (к такой категории применяются общие правила содержания родственников — § 1601—1615 Гражданского уложения Германии).

Отношение ученых к позиции российского и белорусского законодателей неоднозначно. Так, М. В. Антокольской высказано мнение о том, что более справедливым было бы продление алиментной обязанности родителей в отношении совершеннолетних детей до момента завершения ими учебы в вузе [6].

Ю. А. Рустамова указывает, что «отсутствие такого положения в Семейном кодексе РФ не является существенным недостатком отечественного семейного законодательства, но при этих условиях требуется введение достаточного материального обеспечения для совершеннолетних студентов вузов по линии государственных социальных служб» [7].

В настоящее время российский законодатель пошёл по пути закрепления в Семейном кодексе Российской Федерации **права на алименты совершеннолетних детей, проходящих обучение**. Так, в проекте Федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» предусмотрена обязанность родителей содержать детей, обучающихся в образовательных учреждениях всех типов и **не имеющих самостоятельного заработка**, до достижения такими детьми возраста **23 лет** [8].

Полагаем, что отсутствие права на получение содержания от родителей совершеннолетними детьми, продолжающими обучение, является существенным недостатком белорусского законодательства. Необходимость получения материальной поддержки от родителей совершеннолетними трудоспособными детьми связана с тем, что в современном обществе достижение экономической самостоятельности зачастую происходит позднее достижения совершеннолетия. Не имея права на получение алиментов, дети, воспитываемые только одним из родителей, оказываются в менее привилегированном положении, чем те, которые растут в полной семье. Бремя их содержания во время обучения после 18 лет полностью ложится на плечи одного, только совместно с ними проживающего родителя, что вряд ли можно признать справедливым. Кроме того, учитывая уровень учебной нагрузки, многие совершеннолетние трудоспособные дети не могут осуществлять трудовую деятельность без ущерба для освоения образовательных программ.

Подводя итог проведенного исследования, хотелось бы обратить внимание на некоторые спорные вопросы института алиментных обязательств, требующие дополнительной правовой доработки.

По нашему мнению, необходимо внести значительные изменения в действующие законодательные акты, регулирующие правоотношения, связанные с нетрудоспособностью и нуждаемостью совершеннолетних детей, ввести конкретные понятия «нетрудоспособности» и «нуждаемости», в связи с чем предоставить возможность родителям изменить размер выплаты алиментов применительно к конкретному совершеннолетнему лицу, в зависимости от степени его нетрудоспособности и нуждаемости.

Предлагаем Кодекс о браке и семье Республики Беларусь дополнить статьёй 90-1, изложив в следующей редакции: «Статья 90-1. Взыскание алиментов на совершеннолетних детей, в связи с обучением.

Родители обязаны содержать своих детей, достигших возраста 18 лет, до достижения детьми 19 лет обучающихся по основным образовательным программам в учреждениях общего среднего образования, а обучающихся по очной форме по основным образовательным программам в учреждениях среднего специального и высшего образования, – до окончания обучения, но не более чем до достижения ими двадцатитрёхлетнего возраста».

Полагаем, что закрепление данной нормы в Кодексе о браке и семье Республики Беларусь позволит совершеннолетним детям без собственного дохода получить образование очно.

Список использованной литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации : 29 дек.1995 г. № 223-ФЗ : в ред. от 23 нояб. 2024 № 405-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. Правовая система (дата обращения 12.04.2025).
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. от 8 июля 2024 г. № 26-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 12.04.2025).
3. О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. Правовая система (дата обращения 12.04.2025).
4. О пенсионном обеспечении : Закон Респ. Беларусь от 17 апр. 1992 г. № 1596-XII : с изм. от 2 дек 2024 г. № 41-З // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 12.04.2025).
5. Пахомов, А. А. Современная семья и региональная социальная политика в отношении семей с детьми / А. А. Пахомов. – Якутск : СО РАН. Якутский филиал, 2004. – 263 с.
6. Антокольская, М. В. Семейное право / М. В. Антокольская. – 2-е изд. – М. : Юристъ, 2002. – 336 с.
7. Рустамова, Ю. А. Правовое регулирование алиментных отношений в Российской Федерации и проблемы их совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. А. Рустамова. – М., 2002. – 24 с.

8. О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» : проект закона // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : [сайт]. – Москва, 2025. – URL.: <http://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=151912>.

УДК 346

О. М. Куницкая

(Белорусский государственный университет, Республика Беларусь)

ФИНАНСОВЫЕ (ФОНДОВЫЕ) ИНВЕСТИЦИИ В ИНВЕСТИЦИОННОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье проводится анализ правовых норм о финансовых (фондовых) инвестициях, содержащихся в инвестиционном законодательстве и в законодательстве о рынке ценных бумаг, в том числе в контексте их соответствия друг другу. Исследуются вопросы динамики законодательства об инвестициях в целом и финансовых инвестициях, в частности. Выявляется отставание инвестиционного законодательства от происходящих преобразований на рынке ценных бумаг, даются рекомендации по устранению недостатков правового регулирования соответствующих общественных отношений, негативно влияющих на эффективное привлечение финансовых инвестиций.

Развитие рынка ценных бумаг позволяет привлекать в экономику внешние и внутренние инвестиции с использованием инструментов данного рынка.

Согласно Государственной программе «Управление государственными финансами и регулирование финансового рынка» на 2020 год и на период до 2025 года, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 12 марта 2020 г. № 143 (подпрограмме 4 «Эффективное функционирование рынка ценных бумаг») основные функции финансового рынка заключаются в аккумулировании временно свободных ресурсов граждан и юридических лиц и их перераспределении на возмездной основе в пользу субъектов хозяйствования, которые нуждаются в инвестициях. На рынке ценных бумаг привлекаются инвестиции с использованием *долевых и долговых финансовых инструментов (акций, облигаций, инвестиционных паев)*.

Политика интенсивного развития рынка ценных бумаг реализуется по всем направлениям, включая развитие законодательства (комплексного правового регулирования), совершенствование систем защиты инвесторов.

Конечная цель состоит в наполнении рынка достаточным количеством инвестиционных инструментов, увеличении круга потенциальных инвесторов, способных напрямую участвовать в приобретении акций, облигаций, инвестиционных паев, направлении инвестиций в экономику.

Многие из положений данных и иных подобных программных документов страны нашли свое воплощение в нормативных правовых актах о рынке ценных бумаг. В целях защиты интересов инвесторов и создания дополнительных стимулов для привлечения инвестиций к настоящему времени был принят ряд нововведений, создающих предпосылки для последующего увеличения числа инвесторов на национальном фондовом рынке. В первую очередь, речь идет о введении в белорусскую практику новых видов финансовых инструментов (депозитарных облигаций, стрип-облигаций, биржевых облигаций, эмитированных в рамках программ, структурных облигаций), а также новых видов финансовых институтов (квалифицированного инвестора, иностранного номинального держателя, представителя владельцев облигаций). Кроме того, для вовлечения

на долгосрочной основе временно свободных денежных средств физических и юридических лиц в качестве источника инвестиционных ресурсов совершенствуется порядок размещения государственных облигаций, дифференцированных по срокам, форме, процентным ставкам, валюте заимствований.

Осуществление финансовых инвестиций относится к общему правовому режиму осуществления инвестиций с элементами специального и преференциального правового режима осуществления инвестиций. Правовое регулирование рынка ценных бумаг (фондового рынка) в части объектов и способов осуществления инвестиций следует рассматривать как элемент инвестиционных правоотношений.

В большинстве случаев в учебной и научной литературе финансовые инвестиции упоминаются при классификации инвестиций. Классификация инвестиций определяется выбором критерия, положенного в ее основу. Основным критерием классификации инвестиций выступает объект вложения средств [1, с.159].

Также имеются разработки подвидов финансовых инвестиций: портфельные инвестиции (по методу), активные инвестиции и спекуляции [2, с. 112]. *Выделяют стратегические и спекулятивные инвестиции.* По признаку ориентированность инвесторов на достижение определенных целей, что лежит в специфике финансового рынка, выделяют стратегических, портфельных и спекулятивных инвесторов.

В целом финансовые инвестиции в силу разнообразия финансовых инструментов можно подразделить на инвестиции, осуществляемые в ценные бумаги, с валютой, беспоставочными внебиржевыми финансовыми инструментами на форекс-рынках, с цифровыми знаками (токенами) и др.

Классически различают две основные группы инвестиций: реальные и финансовые. Реальные инвестиции вкладываются в какой-либо тип материально осязаемых активов (например, землю, оборудование). Финансовые инвестиции – это инвестиции в финансовые активы. Как правило, эти две формы инвестиций являются взаимодополняющими. Например, если организации потребуются средства для осуществления реальных инвестиций, то она может их привлечь за счет выпуска и продажи дополнительных акций, приобретение которых будет финансовой инвестицией [3, с. 12].

Роль рынка ценных бумаг оценивается с двух позиций: с точки зрения объемов привлечения денежных средств из разных источников, а также с точки зрения вложения свободных денежных средств в тот или иной рынок. Свободные денежные средства могут быть использованы для прибыльного инвестирования в иные сферы: в производственную и хозяйственную деятельность, недвижимость, ценности, в валюту, в пенсионные или страховые фонды, в ценные бумаги различных видов [4, с. 104].

В силу понимания связи системы права с экономикой и социальными процессами, некоторыми учеными предлагается методология идентификации отраслей права, связанная с их объединением в циклы отраслей права, формирующихся вокруг основной профилирующей отрасли права. К циклам отраслей права, обусловленным институтом хозяйственной деятельности предлагается относить инвестиционный цикл отраслей права, во главе которого располагается основная профилирующая отрасль права – инвестиционное право. Данный цикл отраслей права включает в себя одновременно целый ряд подотраслей инвестиционного права и инвестиционного процесса (в т.ч. маркетинговое право), а также такие основные специальные и комплексные отрасли права, как концессионное, инновационное, венчурное, крипто-инвестиционное право, FOREX-право и др. [5, с. 24].

Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях) определяет «инвестиции» как объекты гражданских прав, и приводит их открытый перечень (ст. 1 данного Закона). Среди таких объектов названы ценные бумаги.

Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года (далее – ГК) дает определение ценным бумагам, называет их виды и формы, содержит иные важнейшие

положения о ценных бумагах. В соответствии со ст. 143 ГК ценной бумагой являются документ либо совокупность определенных записей, удостоверяющие с соблюдением установленной формы и (или) обязательных реквизитов имущественные и неимущественные права. С передачей ценной бумаги переходят все удостоверяемые ею права в совокупности.

Поскольку ст. 144 ГК содержит открытый перечень видов и форм ценных бумаг, то появляющиеся новые виды (подвиды) ценных бумаг могут регулироваться в специальном законодательстве о них.

Как объекты осуществления инвестиций (то, во что вкладываются инвестиции) в Законе об инвестициях обозначены только акции. Среди способов вложения инвестиций в Законе об инвестициях названо *приобретение акций коммерческой организации, включая случаи увеличения уставного фонда коммерческой организации* (ст. 4 Закона об инвестициях).

Приобретение акций коммерческой организации по своей сущности, исходя из содержания нормы о способах осуществления инвестиций, следует относить не к финансовым, а к корпоративным инвестициям.

Статья 32 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах» (далее – Закон о хозяйственных обществах) устанавливает, что хозяйственное общество в случаях и порядке, установленных настоящим Законом и законодательством о ценных бумагах, осуществляет эмиссию эмиссионных ценных бумаг.

Акционерное общество (в частности открытое акционерное общество) вправе проводить открытую подписку на эмитируемые им акции либо открытую продажу акций дополнительного выпуска в порядке и на условиях, устанавливаемых законодательством о ценных бумагах, а также закрытое размещение акций дополнительного выпуска (ст.ст. 65,66 Закона о хозяйственных обществах).

Увеличение уставного фонда акционерного может осуществляться как за счет собственного капитала этого общества и (или) средств его акционеров, так *и за счет средств третьих лиц*, в том числе путем зачета денежных требований к этому акционерному обществу (ст.ст. 70, 74 Закона о хозяйственных обществах).

Продажа акций акционерных обществ при приватизации осуществляется на аукционе или по конкурсу. Такими способами могут осуществляться инвестиции в акции. Закон Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2103-XII «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества» (далее – Закон о приватизации) содержит положения об участии инвестора в данных способах приватизации.

Чисто финансовые (фондовые) инвестиции развиваются с точки зрения правового регулирования в Республике Беларусь относительно недавно. Вложение финансовых инвестиций регулируется специальным законодательством (Закон Республики Беларусь от 5 января 2015 г. «О рынке ценных бумаг; Закон Республики Беларусь от 17 июля 2017 г. «Об инвестиционных фондах» и др.).

Вступившие в силу в 2023 году изменения, внесенные в Закон о рынке ценных бумаг, а также в Указ Президента Республики Беларусь от 28 апреля 2006 г. № 277 «О некоторых вопросах регулирования рынка ценных бумаг», ввели категорию «квалифицированные инвесторы».

В целях защиты интересов инвесторов и создания дополнительных стимулов для привлечения инвестиций в белорусскую практику вводятся новые виды финансовых инструментов (депозитарные облигации, стрип-облигации, биржевые облигации, эмитированные в рамках программ, структурных облигаций), а также новые виды финансовых институтов (квалифицированный инвестор, иностранный номинальный держатель, представитель владельцев облигаций).

Законодательство об инвестиционных фондах придает инвестиционным паям статус бездокументарных ценных бумаг. Таким образом, фондовый рынок пополняется еще одним

инструментом, что объективно способствует его развитию. Инвестиционный пай – именная бездокументарная ценная бумага, подтверждающая права владельца: на долю в праве общей собственности на имущество ПИФа; на получение денежных средств, оставшихся при ликвидации ПИФа.

Законодательство о рынке ценных бумаг широко использует категории инвестиционного законодательства, в частности категорию «инвестор». Закон о рынке ценных бумаг определяет понятие «инвестор» как «субъекта гражданского права, объектом инвестирования которого являются эмиссионные ценные бумаги». Таким образом, способом осуществления инвестиций Закон о рынке ценных бумаг признает не только приобретение акций. Помимо акций к эмиссионным ценным бумагам относятся облигации. Закон об инвестициях в качестве объекта инвестирования рассматривает только акции, в качестве способа осуществления инвестиций – только приобретение акций.

Подобные разночтения в базовых основах правового регулирования одного и того же вопроса (определение инвестора и объекта осуществления инвестиций), являются не допустимыми.

Закон об инвестициях практически исключил из сферы своего регулирования выжнейшие финсовые инвестиции на рынке ценных бумаг. Данный недостаток законодательства требует своего устранения. Необходима ревизия норм права о финансовых инвестициях на рынке ценных бумаг, систематизация инвестиционного законодательства и создание стройной системы защиты имущественных прав инвесторов, осуществляющих инвестиции на рынке ценных бумаг. Основой данных процессов должна стать гармонизация правового регулирования осуществления инвестиций и рынка ценных бумаг

Нельзя допустить, чтобы развитие инвестиционного законодательства происходило в отрыве от целей и задач развития финансовых рынков и направлений совершенствования законодательства о ценных бумагах. Инвестиционное законодательство следует привести в соответствие с Государственной программой «Управление государственными финансами и регулирование финансового рынка» (подпрограммой «Эффективное функционирование рынка ценных бумаг»), согласно которым на рынке ценных бумаг привлекаются инвестиции с использованием не только долевых, но и долговых финансовых инструментов (акций, облигаций, инвестиционных паев).

Направления изменений правового регулирования фондового рынка должны быть нацелены на повышение уровня защиты инвесторов и совершенствование стимулов для использования финансового рынка как источника долгосрочных инвестиций.

Список использованной литературы

1. Хомяков, А. О. Анализ сущности инвестиций по классификационным признакам / А. О. Хомяков // Транспортное дело России. – 2011. – №2. – С. 158–160
2. Шпинев Ю. С. Классификация инвестиций / Ю. С. Шпинев // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – Т. XVI, Вып. 1. – С 109-112.
3. Шарп, У. Инвестиции: пер. с. англ. / У. Шарп, Г. Александер, Дж. Бэйли. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 1028 с.
4. Заярная И.А. Механизмы привлечения инвестиций на финансовом рынке / И. А. Заярная // Вестник Алтайской академии экономики и права. –2020. – № 7, Ч. 1. – С. 102–110.
5. Бондаренко, Н. Л. Дискуссия о системе права и ее значение для цивилистической науки / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, О. Шкут // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2022. – № 4. – С. 11-28.

Е. Н. Лобанова

(Международный университет «МИТСО», Республика Беларусь)

БИОБАНКИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Исследуются вопросы правового регулирования биобанков в Республике Беларусь. Обосновывается необходимость нормативного закрепления правового статуса, порядка создания и требований к хранению биоматериалов в биобанках в едином нормативном правовом акте.

На основе анализа публикаций зарубежных авторов термин «биобанк» впервые появился в научной литературе в 1996 году и в течение следующих нескольких лет использовался в основном для описания биобанков, основанных на человеческой популяции, так называемые популяционные биобанки призванные исследовать биологические образцы отдельных групп населения для решения фундаментальных проблем. В дальнейшем с развитием биомедицины, персонифицированных подходов в лечении различных заболеваний человека и перехода к геномной медицине, биобанки стали классифицироваться по различным критериям.

В настоящее время биобанки делятся на два типа: биобанки, содержащие биологические образцы пациентов с различными медицинскими диагнозами (заболеваниями). Цель таких биобанков: разработка методов профилактики, диагностики, выявления предрасположенности к заболеваниям и лечения в русле персонализированной медицины [1]. Второй тип биобанков – популяционные, в которых хранятся образцы целых групп населения, отдельных «коренных народов» и др., не связанные с заболеваниями, а используемые для исследования генофонда, генных мутаций, и выявления заболеваний, свойственных данной популяции. Кроме того, биобанки подразделяются по иным основаниям: объектам хранения (универсальные и специализированные); по целям создания (научно-исследовательские, лечебные, диагностические, правоохранные и т. д.); по охватываемой территории действия (локальные, региональные, международные), по политике доступа к данным биобанка третьих лиц, а также по целям деятельности (коммерческие и некоммерческие). Объектами коллекционирования и хранения биобанков являются биологические материалы человека.

В соответствии с научно-технической программой Союзного государства «Разработка инновационных геногеографических и геномных технологий идентификации личности и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофондов регионов Союзного государства» («ДНК-идентификация»), утвержденной Постановлением Совета Министров Союзного государства от 16 июня 2017 г. № 26 к биологическим материалам относятся биологические жидкости и ткани (кровь, слюна, сперма, волосные луковицы, фрагменты тканей и органов), а также биологические следы (пятна крови, слюны, спермы, потожировые следы, включая отпечатки пальцев, частички кожи и других тканей) человека, используемые для выделения ДНК. Кроме того, в условиях биобанков на период регистрации, с последующим сохранением биологических свойств в течение всего предполагаемого периода хранения должны храниться биомедицинские клеточные продукты (далее – БМКП): клеточные линии человека, сформированные стволовыми клетками и предназначенные для применения в регенеративной медицине и лечении онкологических заболеваний.

Вместе с тем под биологическим образцом понимается часть биологического материала, отобранного для анализа. Учитывая, что биологические материалы человека являются носителями его генетической информации, вторым объектом правоотношений

деятельности биобанков являются персональные данные лиц, передающих свои биологические образцы биобанкам. Такие персональные данные, как правило, зашифрованы и обезличены и существуют в виде специализированных баз данных (биологических регистров). Существует множество определений понятия «биобанк», предложенных различными авторами, организациями и сообществами. В соответствии с определением Международного общества биологических и экологических репозиториях (International Society for Biological and Environmental Repositories, ISBER) биобанк – это официально сформированное физически существующее или виртуальное учреждение, которое может принимать, обрабатывать, хранить и/или распространять образцы и/или пробы, а также ассоциированные с ними данные для применения в настоящий момент или в будущем [2]. Кроме того, многими авторами введены в использование собственные определения биобанков. Представляется интересным, определение дефиниции биобанк, данное М. Н. Малединой: биобанк – коммерческая или некоммерческая организация, профессионально занимающаяся сбором, тестированием, обработкой, хранением биоматериалов человека и их фиксацией в базе данных, а также в некоторых случаях дополнительно – научными исследованиями и (или) предоставлением биоматериала физическим и юридическим лицам при определенных условиях за плату или безвозмездно [3, с.114].

По данным зарубежных изданий в 2020 году мире насчитывалось более 700 биобанков различной направленности. Объем мирового рынка биобанков в 2023 году оценивался в 76,74 млрд. долларов США и, по прогнозам, будет расти с годовым темпом прироста (CAGR) 8,8 % с 2024 по 2030 год [4].

В Республике Беларусь в 2013 г. был образован Республиканский банк ДНК человека, животных, растений и микроорганизмов при государственном, научном учреждении «Институт генетики и цитологии Национальной академии наук Беларуси». Анализ национальных нормативных актов и локальных актов организаций здравоохранения, научных учреждений (имеющих в составе биобанки) позволяет сделать вывод об отсутствии правовой базы о биобанках и системного подхода законодателя к ее формированию. Наличие сложного двухсоставного объекта правоотношений в регулировании деятельности биобанков, требует междисциплинарного подхода в вопросах установления правового статуса биобанков, определения правового режима регламентирующего правила сбора, хранения, отчуждения биоматериалов, а также защите и порядка доступа к персональным сведениям пациентов.

Законодательные акты, регламентирующие общественные отношения, возникающие по поводу биологических объектов человека направлены, на регулирование конкретной группы правоотношений и не охватывают деятельность биобанков ни как объектов, ни как субъектов права. Например, в настоящее время завершилась стадия публичного обсуждения законодательного акта – проекта Кодекса Республики Беларусь о здравоохранении (далее – проект Кодекса о здравоохранении), принятие которого, по мнению разработчиков внесет вклад в достижение Республикой Беларусь Цели устойчивого развития (ЦУР) «Хорошее здоровье и благополучие» и других ЦУР [5].

В проект Кодекса о здравоохранении включены нормы Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении), а также нормы семи специальных законов, регулирующих общественные отношения в сфере здравоохранения: Закон Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 349-З «Об оказании психиатрической помощи», Закон Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях», Закон Республики Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28-З «О трансплантации органов и тканей человека», Закон Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 161-З «Об обращении лекарственных средств», Закон Республики Беларусь от 30 ноября 2010 г. № 197-З «О донорстве крови и ее компонентов», Закон Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Закон Республики Беларусь от

7 января 2012 г. № 345-З «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека», что предполагает комплексность и всесторонность правового регулирования системы здравоохранения страны.

Однако, правовое регулирование биобанков, которое бы чётко определяло их статус, порядок создания, требования к хранению биоматериалов и данных не закреплено ни в одном из данных правовых источников, таким образом, следует признать, что правовая база биобанков в Республике Беларусь фрагментирована, требует систематизации и нормативного закрепления в едином правовом акте (например: в проекте Кодекса о здравоохранении).

Что касается информированного добровольного согласия доноров биоматериалов, особенно в части долгосрочного хранения и коммерческого использования, то в Законе Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-З урегулированы лишь отдельные требования к обработке персональных данных, включая генетическую информацию, что обоснованно вызывает необходимость развития правовых норм в данной области и защите генетических данных, их правовой регламентации в целях, создания систем управления за генетическими исследованиями и, контроля за их проведением.

С учетом вышеизложенного, следует сделать следующие выводы: развитие биомедицины и расширение спектра медицинских услуг, предоставляемых населению, ставит вопрос о развитии биобанков в Республике Беларусь, как о закономерном процессе, происходящем вслед за прогрессом биомедицинских технологий. Рынок персонализированной медицины в основном обусловлен растущим спросом на открытие новых лекарств и медицинских средств (БМКП) для борьбы с ростом заболеваемости раком и другими заболеваниями по всему миру. На сегодняшний день правовое регулирование биобанков в Республике Беларусь находится на этапе формирования, а специальный закон, посвящённый исключительно биобанкам отсутствует. Однако их деятельность регулируется рядом нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы сбора, хранения и использования биологических материалов и данных.

Совершенствование правового регулирования и правовая регламентация деятельности биобанков в Республике Беларусь будут призваны обеспечить биобезопасность и повышение качества отечественной медицины по различным направлениям.

Список использованной литературы

1. Популяционный биобанк как основа для выявления пространственной изменчивости клинически значимых фармакогенетических биомаркеров сердечно-сосудистых заболеваний. Кардиоваскулярная терапия и профилактика. / Пылёв В. Ю., Агджоян А. Т., Горин И. О. [и др.]. – URL: <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2022-3430> (дата обращения: 16.04.2025).
2. Биобанки и прогресс биомедицины: сборник научных трудов / С. В. Анисимов, А. С. Глотов, О. К. Гранстрем [и др.]. – ред. СПб.: Свое издательство, 2018. – 225 с.
3. Малеина, М. Н. Правовой статус биобанка (банка биологических материалов человека) / М. Н. Малеина. – Право. Журнал Высшей школы экономики, 2020. – № 1. – С. 98–117.
4. Market Analysis Report. – URL: <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/biobanks-industry#:~:text=b.,The%20global%20biobank%20market%20size%20was%20estimated%20at%20USD%2076.74,USD%20136.91%20billion%20by%202030> (дата обращения: 22.04.2025).
5. Пояснительная записка к проекту Кодекса Республики Беларусь о здравоохранении. – URL: https://forumpravo.by/upload/pdf/2024-11_27_Minzdrav_proekt_kodeksa_o_zdravoohranenii_pojasnitelnaja_zapiska.pdf (дата обращения: 24.01.2025).

А. С. Маренков

(Саратовская государственная юридическая академия, Российская Федерация)

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ СУБЪЕКТИВНОЙ АРБИТРАБЕЛЬНОСТИ

В материалах рассматривается понятие субъективной арбитрабельности. Автор обращает внимание на то, что ни доктрина, ни законодательство не конкретизируют указанное понятие, из-за чего оно фактически отсутствует, так состоит из общих признаков гражданской правосубъектности. Единственным отличительным признаком можно назвать складывающуюся судебную практику, которая сформировала «концепцию накопления публичных элементов». В связи с этим делается вывод о необходимости более чёткой законодательной регламентации понятия «публичный элемент» либо прямого законодательного запрета лицам публичного права выступать в отношениях, связанных с третейским разбирательством.

В доктрине третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража укрепились понятие «арбитрабельность». Несмотря на многообразие теоретических концепций, наделяющих указанное понятие разным объёмом, общий вектор существующих представлений об арбитрабельности состоит в том, что она связана с потенциальной возможностью, с одной стороны, спора быть предметом третейского разбирательства, с другой – субъектов заключать арбитражное соглашение и передавать таковой спор на рассмотрение третейского суда [6, с. 175; 2, с. 96–97]. Соответствующим образом арбитрабельность делится на объективную и субъективную.

Объективная арбитрабельность призвана очертить круг споров, которые могут рассматриваться третейским судом. Отсюда можно заключить, что объективная арбитрабельность определяет, во-первых, компетенцию третейского суда, во-вторых, возможность арбитражного решения быть принудительно исполненным посредством механизма исполнительного производства (поскольку неарбитрабельность спора является основанием для отказа государственного суда выдать исполнительный лист). Перечень арбитрабельных споров определён законом, хотя здесь наблюдается немало проблем, связанных с конкретизацией легального критерия «споры из гражданско-правовых отношений» и применением государственными судами концепции «накопления публичных элементов», о которых чуть подробнее скажем далее.

Более туманным видится содержание субъективной арбитрабельности. Анализ высказанных в научной и учебной литературе мнений относительно неё позволяет прийти к выводу о том, что субъективная арбитрабельность является своего рода «третейской процессуальной дееспособностью», поскольку определяет юридическую возможность лица выступать участником отношений, складывающихся при осуществлении арбитража. Следовательно, понимание арбитрабельности сугубо как свойства спора отражает лишь её объективный критерий и не учитывает субъективный.

В то же время ни понятие «арбитрабельность», ни тем более его разновидности отечественному законодательству неизвестны. Не определяет оно и условия «допуска» лиц к заключению арбитражного соглашения. В этой связи представляется возможным исследовать несколько вопросов, касающихся объёма и содержания субъективной арбитрабельности.

Во-первых, следует определиться с тем, имеются ли её пределы и ограничения. В соответствии со статьёй 1 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» «в арбитраж (третейское разбирательство) по соглашению сторон могут передаваться споры между сторонами гражданско-правовых отношений, если

иное не предусмотрено федеральным законом», а согласно пункту 14 статьи 2 того же закона, сторонами арбитража являются «организации – юридические лица, граждане, являющиеся индивидуальными предпринимателями, физические лица». Правил, подобных тем, что содержатся в статьях 36-37 Гражданского процессуального кодекса РФ, упомянутый Закон не содержит. Таким образом, правоспособность участников третейского разбирательства не обладает спецификой и определяется гражданским законодательством.

Более детальные правила содержатся, например, в статье 10 Закона Республики Беларусь «О третейских судах». В частности, она предполагает, что физические лица могут быть субъектами третейского соглашения только при наличии полной дееспособности, а государственные органы и органы местного самоуправления и вовсе не обладают субъективной арбитрабельностью.

Вторая проблема субъективной арбитрабельности как раз и связана с возможностью участия государства в целом и субъектов публичного права – в частности – в третейском разбирательстве. Хотя следует признать, что после обстоятельных исследований, проведённых В. В. Ерёмным [1] и В. Д. Туктамышевым [7], названная проблема утрачивает свою актуальность. В силу статьи 124 Гражданского кодекса РФ органы публичной власти выступают в гражданских правоотношениях на равных началах с иными участниками этих отношений. Однако государственные суды, рассматривавшие заявления об отмене решений третейских судов, постепенно сформировали т.н. «концепцию накопления публичных элементов», согласно которой сам факт участия государства и иных властных субъектов в частно-правовом отношении (в том числе бюджетного финансирования) влёт автоматическую отмену вынесенного решения из-за отсутствия компетенции третейского суда. Этот подход был раскритикован ещё в 2011 году Конституционным Судом РФ [5], однако он продолжает сохраняться в судебной практике. Между тем, В. Н. Косцов справедливо замечает, что арбитрабельность должна определяться не характером правоотношения и не статусом субъектов, а пригодностью арбитража для конкретного спора. Кроме того, нужно исходить из прямого законодательного запрета на арбитрабельность, а не из эфемерного и нечёткого понятия «публичный элемент» [3, с. 88-90].

Правосубъектность органов публичной власти, допускающая их участие в гражданских отношениях, не содержит никаких барьеров для заключения ими третейских соглашений. Возможность участия государства подтверждается и практикой международного коммерческого арбитража [4, с. 1244-1245]. Вообще правовая природа арбитража, высокая степень его договорных начал и добровольность исполнения третейского решения обуславливают известную свободу любых субъектов заключать арбитражные соглашения и передавать свои споры на рассмотрение третейского суда. Поэтому даже субъекты публичного права, если они вступают в частно-правовые отношения, могут быть участниками третейского разбирательства.

Безусловно, правоспособность отдельных лиц ограничивается в зависимости от того, в какие правоотношения они вступают. Например, актуальным остаётся вопрос о возможности рассмотрения третейским судом споров с участием гражданина или организации, в отношении которых инициированы процедуры банкротства. Видится, что само по себе возбуждение в арбитражном суде такого дела не лишает сторону арбитрабельности, а состав третейского суда – компетенции. Третейский суд может приостановить рассмотрение спора до вынесения государственным судом решения о признании должника банкротом. Если же третейский суд рассмотрит спор и вынесет решение, то его принудительное исполнение также должно быть отложено до окончания банкротного процесса. Поэтому государственному суду следует приостанавливать производство по делу о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Следовательно, субъективная арбитрабельность как специфическое явление третейского разбирательства фактически отсутствует. Доктрина и законодательство исходят из возможности любых субъектов права (учитывая их материально-правовую правосубъектность)

участвовать в арбитраже, называется даже «презумпция субъективной арбитрабельности» [8, с. 777]. Единственным препятствием к этому служит лишь складывающаяся судебная практика. В этой связи необходимы законодательные уточнения. Следует либо прямо запретить субъектам публичного права заключать третейские соглашения (как это сделано в Республике Беларусь), либо, напротив, прямо указать в законе допустимость их участия, либо же дать легальное определение понятию «публичный элемент». Хотя вопрос о понятии и содержании субъективной арбитрабельности носит теоретический характер, он имеет и серьёзные практические последствия, выражающиеся прежде всего в доступности альтернативных способов разрешения споров как для самих органов публичной власти, так и для тех, кто вступает с ними в гражданско-правовые отношения.

Список использованной литературы

1. Еремин В. В. Арбитрабельность споров с участием публичных субъектов: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2021. – 664 с.
2. Еремин В. В. Подходы к определению арбитрабельности: соотношение арбитрабельности, подведомственности и компетенции // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 8. С. 95-107.
3. Косцов В. Н. Арбитрабельность споров и полномочия арбитров: соотношение материального и процессуального права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 6. С. 86–113.
4. Минина А. И. Понятие и содержание субъективной арбитрабельности // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 6. – С. 1240-1247.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 4.
6. Скворцов О. Ю. Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации: учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 324 с.
7. Туктамышев В. Д. Арбитрабельность (подведомственность) споров: теоретические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2024. – 254 с.
8. Туктамышев В. Д. Субъективная арбитрабельность: к вопросу о необходимости критерия // Трансформация права: Материалы IV всероссийского научно-практического форума молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 22–27 ноября 2021 года. – Екатеринбург, 2022. – С. 775-778.

УДК 346.548:659.1

Л. Е. Можяева¹, А. А. Можяева²

(¹Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

(²Белорусский государственный медицинский университет, Республика Беларусь)

РЕКЛАМА И ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье раскрываются вопросы воздействия рекламы на здоровье человека. Авторы анализируют законодательство Республики Беларусь о рекламе, характеризуют запреты и ограничения, направленные на охрану здоровья человека. Особое внимание уделяется институту социальной рекламы как способу информирования по вопросам охраны здоровья населения.

Информация и технологии воздействия на массовое сознание в настоящее время являются ключевыми факторами развития общественной системы. Важное место в этом механизме занимает реклама. В связи с этим её правовое регулирование является важнейшей составляющей правовой системы государства.

Проблемы законодательного регулирования рекламы вызваны ростом объёмов рекламной информации и сложностью её регулирования. Стремительно развивающиеся цифровые технологии, усложнение общественных отношений вызывают разработку новых подходов к правовой регламентации указанных аспектов в целях обеспечения защиты потребителей рекламы.

Одним из таких защищаемых благ является здоровье человека. Здоровье остается приоритетной ценностью для разных поколений. С помощью закрепляемых в законодательстве Республики Беларусь запретов и ограничений государство стремится поддерживать его ценность.

Так, согласно п. 10 статьи 10 Закона Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» в Республике Беларусь не допускается реклама наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров в целях незаконного их использования, аналогов наркотических средств, психотропных веществ, информация о которых размещена на официальном сайте Министерства внутренних дел Республики Беларусь в сети Интернет, спроса и (или) предложений органов и (или) тканей человека, а также заменителей грудного молока (детских молочных смесей) в средствах массовой информации, за исключением размещения (распространения) такой рекламы в специализированных печатных изданиях, рассчитанных на медицинских или фармацевтических работников. Перечень таких изданий установлен постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 23 июля 2013 г. № 63 и включает в себя 45 наименований печатных изданий.

Отметим, что одной из мер охраны материнства и детства, как приоритетного направления социальной политики государства, является ограничение рекламы заменителей грудного молока. В отношении рекламы молочных смесей еще в 1981 году Всемирная организация здравоохранения приняла Международный свод правил по сбыту заменителей грудного молока. Он рекомендует отменить любую рекламу детских молочных смесей, не давать представителям компаний-производителей доступа к молодым матерям и беременным, запретить им выдавать образцы продукции и любые рекламные материалы.

Назойливая реклама приводит к переходу на искусственное вскармливание. Поэтому Всемирная организация здравоохранения и Детский фонд ООН призывают государства на законодательном уровне ограничить популяризацию молочных смесей. Однако на 2020 год лишь в 6 государствах из проанализированных 194 государств приняты законодательные акты, соответствующие правилам о рекламе молочных смесей, принятым Всемирной ассамблеей здравоохранения [1].

Как уже упоминалось выше, законодательство Республики Беларусь имеет некоторые ограничения рекламы молочных смесей – запрет рекламы заменителей грудного молока (детских молочных смесей) в средствах массовой информации, за исключением специализированных печатных изданий. Как видим, данные ограничения не распространяются на рекламу смесей в организациях здравоохранения. Родители, посещая поликлиники или больницы, могут столкнуться с агрессивной рекламой молочных смесей в данных учреждениях.

Кроме того, в законодательстве Республики Беларусь отсутствует запрет на предоставление заменителей грудного молока бесплатно или со скидкой в учреждениях системы здравоохранения. Лишь в немногих странах мира существует запрет на один из популярных маркетинговых инструментов – спонсорское финансирование мероприятий научных и медицинских профессиональных объединений производителями заменителей грудного молока. Данные ограничения оправданы, так как врачи должны быть вне финансового воздействия со стороны таких производителей, поскольку родители с доверием относятся к их рекомендациям. В Республике Беларусь подобный запрет отсутствует.

Вместе с тем, в отличие от Республики Беларусь российский законодатель более лоялен к рекламе продуктов, предназначенных для использования в качестве заменителей женского молока, и продуктов, включенных в рацион ребенка в течение его первого года жизни. Только в 2022 года в законодательство Российской Федерации было включено положение об обязательном содержании в рекламе утверждения о преимуществах грудного вскармливания детей, сведений о возрастных ограничениях применения таких продуктов и предупреждения о необходимости консультаций специалистов.

Еще одной категорией товаров, в отношении которой установлены ограничения на рекламу, являются табачные изделия и алкогольная продукция. Согласно п. 3 ст. 17 Закона Республики Беларусь «О рекламе» размещение (распространение) рекламы табачных изделий запрещается. Разрешается лишь реклама, размещаемой (распространяемой) на сайтах организаций-производителей табачных изделий, организаций-заказчиков табачных изделий и импортеров табачных изделий в сети Интернет. При этом данный Закон чётко перечисляет информацию, которая в данном случае может размещаться (распространяться):

- вид и наименование табачного изделия, его физические, химические и иные потребительские свойства;
- наименование организации-производителя (для организаций-заказчиков и импортеров табачных изделий);
- изображение потребительской упаковки табачных изделий.

Также запрещена реклама нетабачных никотиносодержащих изделий, жидкостей для электронных систем курения (за исключением рекламы, размещаемой на сайтах их производителей и импортёров в сети Интернет). Однако рекламировать сами электронные системы для курения (электронные сигареты), кальяны не запрещено.

В отношении рекламы алкогольных напитков требования немного смягчены. Она допускается на радио и телевидении с 22.00 до 7.00. Реклама пива и слабоалкогольных напитков допускается на радио и телевидении с 21.00 до 7.00. В таких местах, как учреждения образования, здравоохранения, культуры, спорта, аэропорты, вокзалы, остановочные пункты транспорта общего пользования, станции метрополитена, реклама алкогольных напитков, пива и слабоалкогольных напитков запрещена. Реклама алкогольных напитков не должна размещаться на товарах спортивного назначения и игрушках. Запрещается использование такого способа распространения информации об алкогольных напитках, пиве и слабоалкогольных напитках, воздействующего на широкий круг массовой аудитории, как наружная реклама.

В отношении содержания рекламы алкогольных напитков, пива или слабоалкогольных напитков также установлены определенные ограничения. Так, нельзя использовать образы, высказывания, внушающие, что потребление алкогольных напитков содействует достижению успеха либо улучшает физическое или психическое состояние человека. Запрещается использовать образы людей или животных, использовать призывающий к употреблению данных напитков текст. Реклама пива не должна создавать впечатление безвредности или пользы для здоровья данного напитка.

Реклама алкогольных напитков, пива и слабоалкогольных напитков должна содержать предупредительную надпись о вреде их чрезмерного употребления. Закон регламентирует размеры данной надписи – не менее 10 % площади рекламы. В мультимедийной рекламе данная надпись должна размещаться на протяжении всего времени рекламы. В отношении рекламы пива и слабоалкогольных напитков на радио такая информация должна ещё и озвучиваться. Целесообразно такое требование закрепить и в отношении рекламы алкогольных напитков.

Реклама может являться и способом продвижения медицинских товаров и услуг рынке. Так, реклама лекарственных препаратов, методов оказания медицинской помощи, работ и услуг, составляющих медицинскую деятельность, изделий медицинского

назначения и медицинской техники должна быть согласована с Министерством здравоохранения Республики Беларусь. Данная обязанность лежит на рекламодателе. Имеются и исключения из данного правила. Так, не требуется согласование рекламы, потребителями которой являются исключительно медицинские или фармацевтические работники, рекламы, размещаемой в специализированных печатных изданиях или на телевидении.

В пп. 4–7 статьи 15 Закона Республики Беларусь «О рекламе» устанавливаются требования к содержанию рекламы лекарственных препаратов, методов оказания медицинской помощи, работ и услуг, составляющих медицинскую деятельность, изделий медицинского назначения и медицинской техники. Дополнительные требования к данной рекламе установлены постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 23 июля 2013 г. № 63. Важно отметить, обязательность размещения рекомендации о необходимости ознакомления с инструкцией и (или) листком-вкладышем и (или) консультации с врачом, а также информации о противопоказаниях к применению и нежелательных или побочных реакциях.

С обязательным согласованием рекламодателем с Министерством здравоохранения Республики Беларусь распространяется и реклама биологически активных добавок к пище. В ней также указывается, что объект рекламирования не является лекарственным препаратом и не предназначен для лечения заболеваний. Требования к содержанию данной рекламы определяются статьей 15¹ Закона Республики Беларусь «О рекламе» и постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 23 июля 2013 г. № 63.

Следует отметить, что реклама может использоваться и как инструмент продвижения общественно-значимой информации. Для этого может использоваться такой вид рекламы, как социальная. Её понятие закреплено в статье 2 Закона Республики Беларусь «О рекламе», а механизм её производства и размещения регламентирован статьёй 24 Закона Республики Беларусь «О рекламе» и постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 июля 2013 года № 603.

В Республике Беларусь социальная реклама может быть направлена в том числе на рекламирование явлений (мероприятий) в сферах здравоохранения, вопросов охраны здоровья населения, пропаганду здорового образа жизни. Таким образом, в рамках социальной рекламы может распространяться информация о преимуществах материнского молока и риске, сопряженном с отказом от грудного вскармливания. Главный критерий – данная реклама не должна носить коммерческого характера.

Рекламодателем социальной рекламы в Республике Беларусь является государственный орган, в компетенцию которого входят освещаемые в социальной рекламе вопросы. Вопросы охраны здоровья – это прежде всего компетенция Министерства здравоохранения Республики Беларусь. Однако предложение о производстве и размещении подобной рекламы может быть направлено юридическими или физическими лицами. Межведомственный совет по рекламе обязательно оценивает качество социальной рекламы. Рекламораспространители обязаны размещать (распространять) социальную рекламу в установленных Законом Республики Беларусь «О рекламе» объемах на безвозмездной основе.

Таким образом, существующие на сегодняшний день ограничения в сфере рекламного бизнеса направлены в том числе на обеспечение баланса публичных и частных интересов и охрану здоровья населения. Данные ограничения касаются рекламы отдельных категорий товаров, которые могут причинить вред здоровью человека, а также рекламы медицинских товаров и услуг. Однако существующих ограничений недостаточно, возникают новые вызовы современного мира. В связи с этим необходимо запретить рекламировать не только жидкости для электронных систем курения, но и сами электронные системы для курения (кальяны и т.д.), а также рекламу заменителей грудного молока в организациях здравоохранения. Также целесообразно закрепить требование об озвучивании информации

о вреде чрезмерного употребления алкогольных напитков и в отношении рекламы таких напитков на радио. Кроме того, государство в лице государственных органов с целью информирования общественности по вопросам охраны здоровья должно активнее использовать институт социальной рекламы.

Список использованной литературы

1. ВОЗ и ЮНИСЕФ предупреждают: попытки ограничить рекламу молочных смесей не увенчались успехом // Организация Объединённых Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2020/05/1379062>. – Дата доступа: 20.04.2025.

УДК 346:347

Д. И. Михайлов

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИМУЩЕСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

В данной статье обосновывается целесообразность признания обособленного имущества юридического лица единым имущественным комплексом, который следует учитывать при регламентации прав участников организации в сфере управления, контроля и защиты имущественных интересов. Рассматриваются факторы, в силу которых обособленное имущество организации следует регулировать как единый имущественный комплекс.

В соответствии с ст. 44 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года (далее ГК) одним из признаков юридического лица является наличие обособленного имущества. Однако до настоящего времени в отечественной и зарубежной юридической науке не сложилось единого мнения относительно приоритетной концепции правового регулирования обособления имущества. В качестве целей обособления имущества учеными-цивиристами обозначалось исключение (ограничение) возможности кредиторов юридического лица для взыскания долга за счет имущества участников (защитное обособление), а также исключение (ограничение) возможности для кредитора участника удовлетворить требование посредством обращения взыскания на имущество организации (подтверждающее обособление) [1, с. 66].

На наш взгляд, в основе исключения возможности кредиторов организации и ее участников удовлетворить их требования за счет имущества каждого из указанных субъектов лежит не обособление имущества как таковое, а разделение вещных и обязательственных прав организации и ее участников. Такое разделение основывается не только на обособлении имущества, но также на самостоятельной правосубъектности юридического лица. В этой связи следует согласиться с утверждением Е. И. Захаровой, согласно которому имущественная обособленность юридического лица является одним из частных случаев обособления имущества в гражданском праве [2, с. 59]. Обособление имущества возможно в результате заключения договора, предусматривающего образование субъектно-предметного конгломерата (консорциума, простого товарищества), основанного на обособленном имуществе, но не являющегося юридическим лицом.

Таким образом, предназначением обособления имущества как универсального правового инструмента и обособления имущества юридического лица, в частности, состоит не в исключении (ограничении) возможности кредиторов обратиться за взысканием на обособленное

имущество, а в оптимизации регулирования соотношения прав и обязанностей участников соответствующих правоотношений. По мнению О. Н. Лебединец, институт юридических лиц порождает основания для более гибкого использования капитала, принадлежащего одному лицу, в том числе государству [3, с. 172].

Целью данной работы является обоснование целесообразности правовой регламентации имущественного комплекса юридического лица как совокупности вещей, имущественных прав и иного имущества, принадлежащего организации в качестве объекта корпоративных правоотношений.

Одной из экономических причин формирования правосубъектности юридического лица явилась необходимость такого объединения капитала нескольких субъектов, которое позволило бы осуществлять единое и оперативное управление им. Позднее в разных правовых системах сформировались положения о соотношении прав и обязанностей организации в лице директора и ее участников, в том числе в отношении обособленного имущества, а также об имущественной ответственности членов органов управления за нарушение требований закона и устава при осуществлении управления юридическим лицом и его имуществом.

В отличие от собственников имущества унитарного предприятия участники коммерческих юридических лиц корпоративного типа (хозяйственных обществ, производственных кооперативов, крестьянско-фермерских хозяйств) наделены обязательственными правами в отношении самой организации, а не ее имущества. Однако базой для реализации таких обязательственных прав, как право на компенсацию действительной стоимости доли участника общества с ограниченной ответственностью (далее ООО) или право требования принудительного выкупа акций акционерного общества (далее АО) выступает пропорциональная часть имущества хозяйственного общества. При этом предоставление участникам (акционерам) обязательственных прав, объектом которых выступает абстрактная часть имущества коммерческой организации, облаченная в денежную форму, является не причиной, а следствием обособления имущества юридического лица. Данные права выполняют, прежде всего, функцию имущественной гарантии от нарушений как со стороны более крупных участников, так и самой организации в лице ее исполнительного органа управления. Различия между правом на выход из ООО и правом требования принудительного выкупа акций АО состоит в том, что для реализации первого со стороны участника ООО не требуется подтверждения факта ущемления его интересов, тогда как для реализации второго акционер АО обязан подтвердить факт нарушения его прав именно решением собрания акционеров. Существенным недостатком указанных компенсационных прав является практически неизбежное снижение имущественного потенциала организации в результате их реализации. Осуществление компенсационных прав может обеспечить защиту имущественного интереса только реализующего их участника (акционера), в ущерб интересам организации и остальных участников. Кроме того, право на выход участника из ООО, возникающее в отсутствии каких-либо ограничительных оснований, может быть реализовано участником не только в связи с хотя бы минимальной угрозой ущемления его интересов, но и по иным причинам, создавая при этом угрозу имущественным интересам самого общества и его остальных участников.

Таким образом, в качестве основной цели обособления имущества коммерческого юридического лица корпоративного типа не следует рассматривать как дифференциацию имущественной ответственности организации и ее участников, так и разделение титулов, то есть наделение организации правом собственности, а ее участников – обязательственными правами. Основной целью обособления имущества указанной организации является обеспечение единства управления таким имуществом от имени юридического лица для удовлетворения, прежде всего, коллективного имущественного интереса всех участников и соответственно – самой организации. По нашему мнению, компенсационные обязательственные права участников, такие, как право на выход из общества,

на выкуп акций и на часть имущества при ликвидации, на наш взгляд, следует рассматривать в качестве альтернативных способов удовлетворения интересов отдельных участников по их усмотрению или в случае возникновения проблем с удовлетворением коллективного имущественного интереса.

Под обеспечением единства управления имуществом следует понимать не реализацию в отношении него правомочий собственника (иного законного владельца) от имени организации, а реализацию данных правомочий на основании таких правил, которые минимизируют вероятность неприятия решения, повышающего возможность удовлетворения коллективного имущественного интереса, а также снижают вероятность принятия противоположного решения – посягающего на указанный интерес. Иными словами, целью обособления имущества юридического лица является обеспечение возможности управлять им не в интересах отдельных участников, а для удовлетворения коллективного интереса всех участников и соответственно самой организации посредством минимизации препятствий к принятию позитивных решений и создания эффективных барьеров для негативных. Подтверждением обоснованности именно такой цели обособления имущества коммерческой организации корпоративного типа служит минимальная востребованность в Российской Федерации и отсутствие использования в Республике Беларусь таких организационно-правовых форм, как полные и коммандитные товарищества. Нормы о хозяйственных товариществах были впервые закреплены в Части 1 Гражданского кодекса России в 1994 года, а в ГК Республики Беларусь – в 1998 году. Эти организации были наделены статусом коммерческого юридического лица с правом собственности на обособленное имущество. Однако правила управления полными и коммандитными товариществами, в том числе их обособленным имуществом, были приближены к порядку реализации правомочий пользования и распоряжения объектами права общей долевой собственности, например, участниками простого товарищества, не являющегося юридическим лицом. Как справедливо отмечает А. В. Разумцов, все инвесторы полного товарищества должны прийти к соглашению об условиях каждой сделки, заключаемой данной организацией, если право на ведение его дел не предоставлено одному или нескольким его участникам [4, с. 45].

Таким образом, цель обособления имущества юридического лица – обеспечение соответствия управления имуществом организации именно коллективному имущественному интересу всех участников, который в большей степени совпадает с интересом самого юридического лица и его кредиторов, чем с интересом отдельного участника. Однако правовое обеспечение соответствия корпоративного управления данной цели представляет собой сложную системно-правовую проблему, которая затрагивает не только непосредственно нормы о полномочиях органов управления юридических лиц, но также нормы о защите имущественных интересов организаций, положения об учете, отчетности и аудите. Исключительное значение для обеспечения управления имуществом юридического лица в соответствии с коллективным интересом всех его участников имеет оценка качества управления в аспекте определения степени соответствия данному интересу отдельных решений. Согласно положениям ст. 49 и 182.2 ГК, а также ст. 33, 45, 57.1 и 58 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. «О хозяйственных обществах» указанная выше оценка соответствия управленческих решений коллективному имущественному интересу всех участников имеет большое значение для установления оснований реализации таких способов защиты имущественных интересов юридических лиц, как оспаривание решений высшего и наблюдательного органа, взыскание убытков с директора, оспаривание крупных сделок хозяйственных обществ, а также сделок с заинтересованностью их аффилированных лиц. В соответствии с указанными нормами такими основаниями признаются:

- несоответствие решения исполнительного (наблюдательного) органа, вызвавшего убытки хозяйственного общества, требованиям добросовестности и разумности;

- существенное ущемление имущественных интересов участников решением высшего (наблюдательного) органа;
- возникновение неблагоприятных для участника последствий в результате исполнения крупных сделок и сделок с заинтересованностью.

Объективное установление указанных и аналогичных им обстоятельств возможно только в результате определения степени соответствия конкретных решений или сделок коллективному имущественному интересу всех участников посредством оценки влияния их исполнения на имущественный комплекс организации. В противном случае оценка имущественных последствий отдельной сделки или решения без учета их влияния на имущественный комплекс повышает степень вероятности искаженного представления об ущемлении имущественных интересов и неблагоприятных последствиях сделок и решений. В то же время с формальной точки зрения, нормы, предусматривающие ущемление интересов участников и неблагоприятные для них последствия в качестве основания реализации того или иного способа защиты интересов организации (в частности, оспаривания сделок и решений органов управления) допускают обособленную от соблюдения коллективного имущественного интереса оценку экономических последствий оспариваемых сделок и решений. Данное допущение основывается на том, что в приведенных выше нормах законодательства содержатся указания на ущемленный интерес именно того участника, который реализует право на оспаривание сделки или решения, а равно на неблагоприятные для него последствия их исполнения. Такое правовое обособление интереса участника от интереса организации обусловлено стремлением законодателя минимизировать возможность использования судебной формы защиты прав и интересов, не принадлежащих заявителю.

Проблема объективности юридической оценки соответствия решений органов управления требованиям добросовестности и разумности, а также установления факта нарушения прав и имущественных интересов участников может быть решена посредством признания всего имущественного комплекса организации неделимым сложным объектом корпоративных прав участников и акционеров, которые не связаны с компенсацией вложенных инвестиций. Прежде всего имущественный комплекс как совокупность принадлежащих юридическому лицу вещей, имущественных прав, иного имущества, нераскрытой информации, предназначенных для достижения уставной цели, следует признать объектом права на участие в управлении организацией и контроля за его соответствием требованиям добросовестности и разумности. Признание имущественного комплекса организации в качестве единого неделимого объекта корпоративных прав позволит разработать и законодательно закрепить основания реализации необходимых способов защиты прав юридических лиц с учетом влияния конкретного решения или сделки на имущественный потенциал организации.

Список использованной литературы

1. Стройкина, Ю. В. Обособление имущества в процессе создания коммерческой организации/ Ю. В. Стройкина // Вестник ОГУ. – 2003. – №5. – С. 62 – 66.
2. Захарова, Е. И. О понятии имущественная обособленность юридического лица/ Е. И. Захарова // Грамота. – 2013. – № 4. – Ч.3 – С. 59 – 61.
3. Лебединец, О. Н. Имущественная обособленность в конструкции юридического лица / О. Н. Лебединец // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – №10. – С. 169 – 175.
4. Разумцов, А. В. Сравнительно-правовой анализ полных товариществ в Российской Федерации и зарубежных странах / А. В. Разумцов // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2023. – № 1.1 (Спецвыпуск) – С. 44 – 48.

Л. Н. Олексюк

*(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ФОНДА РОССИИ

В материалах рассматриваются особенности правового положения Социального фонда России. Бюджет Социального фонда России занимает особое место в бюджетной системе РФ и имеет свои уникальные особенности. Так же существуют особенности финансовых отношений Социального фонда России и граждан.

Финансово-правовая деятельность Социального фонда России регулируется различными Федеральными законами и кодексами. Основным документ – это Федеральный закон №236-ФЗ от 14.07.2022 «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации». В законе определяется бюджетно-правовой статус Фонда, прописан принцип формирования бюджета Фонда, относящегося к бюджетам бюджетной системы Российской Федерации. Сам порядок составления, представления и утверждения фондового бюджета, а так же его доходы и расходы представлены в главе 17 Бюджетного Кодекса Российской Федерации [2]. В Правительство Российской Федерации поступают проекты бюджетов непосредственно от Правления Фонда. Впоследствии их принимают в виде законов. Так, на 2025 год был утвержден бюджет Федеральным законом от 30.11.2024 года № 423-ФЗ «О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». Важно отметить, что в общий бюджет Фонда включается отдельный бюджет на каждый вид обязательного социального страхования и социального обеспечения. В статье 10 Закона № 236-ФЗ указано, что эти конкретные виды бюджетов не могут являться источниками финансирования бюджетов по другим видам обязательного социального страхования и социального обеспечения.

Согласно статье 146 Бюджетного Кодекса Российской Федерации, к доходам, формирующим бюджет, относятся: доходы от уплаты налогов при применении упрощенной системы налогообложения, различные страховые взносы как обязательные, так и дополнительные, а так же по этим взносам штрафы, пени и недоимки. Так же в Бюджетном кодексе Российской Федерации установлены нормативы формирования доходов, исходя из единого тарифа страховых взносов по обязательному страхованию как пенсионному, так и социальному для каждого гражданина. Расходы обязательного социального страхования и социального обеспечения включаются в бюджет исключительно на их конкретные виды, с обязательным учетом особенностей, таких как: повышение пенсионного возраста, индексация и корректировка пенсий и страховых выплат к ней, расчет пособий и компенсаций с учетом расчета численности получателей, с исполнениями обязательств перед жителями новых субъектов России.

В основном бюджет Фонда формируется за счет страховых взносов, и порядок их исчисления и уплаты, можно найти в главе 34 Налогового Кодекса Российской Федерации [2]. Федеральными законами, а так же Постановлением Правительства Российской Федерации с 1 января 2023 года была определена уплата различных страховых взносов единой суммой по единому тарифу без разделения по видам страхования [3]. Исключение составляют взносы на страхование от несчастных случаев и профессиональных заболеваний. Данные виды доходов рассчитываются из среднего страхового тарифа, который насчитывается к страховым суммам в пользу застрахованных граждан.

Если в Фонде, не смотря на обозначенные выше доходы, проектируется бюджет по конкретному обязательству с дефицитом, из-за нехватки средств в Фонде, то по Закону

№236-ФЗ из федерального бюджета в бюджет Фонда могут быть заложены межбюджетные трансферты. Согласно статье 16 Бюджетного Кодекса Российской Федерации межбюджетные трансферты предоставляются в разных видах, и направлены на компенсацию пониженных страховых тарифов. Данные средства чаще всего предоставляются Фонду в связи с выполнением социальных обязательств со стороны публично-правовых образований, для осуществления выплат не страхового плана, для сбалансированности бюджета с целью снижения уровня дефицита и других целей. Например, на выполнение обязательств по ежемесячной денежной выплате на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет, или универсального пособия гражданам, имеющим детей, и беременным женщинам. Следует отметить, что данные средства могут являться источником финансирования обязательств по конкретному виду обязательного социального страхования, и не могут применяться для исполнения обязательств по другим видам социального страхования.

Так же законом (№236-ФЗ) предусмотрена субсидарная ответственность Российской Федерации по обязательствам Фонда в части обязательного социального страхования, выплате пенсий и различных пособий и т. д. В случаях, не предусмотренных законом, данная ответственность не действует [4].

Ежегодно председатель фонда отчитывается перед Государственной думой об исполнении бюджета Фонда. В отчете за 2024 год говорится, что Социальный фонд России исполнил общий бюджет фонда 2024 года с профицитом, хотя в бюджете обязательного пенсионного страхования наблюдается дефицит.

За финансово-хозяйственную деятельность Фонда отвечает контрольно-ревизионная комиссия Фонда, она же контролирует и его структурные подразделения.

Координация деятельности Фонда осуществляется Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации.

Кроме финансово-правовых отношений Социального фонда России с государством в виде бюджета, можно выделить финансовые отношения Фонда с гражданами, так как финансовые отношения это не только экономические связи между государством (в нашем случае в лице внебюджетных фондов) и различными организациями, но и отношения государства с гражданами. Эти отношения проявляются в перечислении в государственный бюджет и внебюджетные фонды обязательных налогов и добровольных платежей. В тоже время государство через внебюджетные фонды предоставляет гражданам различные льготы, выплаты и пособия, чаще всего в денежной форме.

Данный вид правоотношений регламентируется достаточно обширным пакетом Федеральных законов Российской Федерации, Указами Президента Российской Федерации, Постановлениями Правительства Российской Федерации, пакетом законов субъектов Российской Федерации. Так же существуют внутренние нормативно-правовые акты внебюджетных фондов, в нашем случае самого Социального фонда России. Весь перечень нормативно-правовых актов представлен на сайте Социального фонда России. В законах прописывается, кто может являться получателем тех или иных услуг (пенсии, пособия, выплаты), какие предъявляются требования к получению данных услуг. В Постановлениях Правительства конкретизируются и вносятся изменения в уже существующие нормативно-правовые акты. Различные Правила указывают порядок формирования конкретного пакета документов предоставления услуг, а так же порядок их начисления и выплат.

Подводя итоги можно сказать, что финансово-правовые отношения Социального фонда России имеют достаточно широкий круг экономического сотрудничества как с государством, так и с организациями и обычными гражданами.

Список использованной литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации часть первая от 31 июля 1998г. № 146 ФЗ (с изм. и доп. от 30 марта, 9 июля 1999 г., 2 января 2000 г.) и часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117 ФЗ [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 15.03.2024).

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 21.04.2025) [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 23.04.2025).

3. Официальный сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 15.04.2025).

4. Официальный сайт Социального фонда России [Электронный ресурс]. – URL: <https://sfr.gov.ru/order/> (дата обращения: 23.04.2025).

УДК 349.2

И. О. Опанасюк

*(Национальный центр законодательства и правовой информации
Республики Беларусь, Республика Беларусь)*

ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СОСТОЯНИЕ И ПОДДЕРЖАНИЕ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

В материалах определены факторы и условия, влияющие на состояние трудовой дисциплины. Автор статьи акцентирует внимание на обязанностях нанимателя, связанных с поддержанием трудовой дисциплины. Особое внимание уделено формированию положительного социально-психологического климата для сплочения трудового коллектива в процессе управления трудовой дисциплиной в организации.

Строгое соблюдение трудовой дисциплины в настоящее время приобретает большое значение, особенно в целях исполнения Директивы Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2025 г. № 11 «О совершенствовании функционирования системы органов власти и управления, усилении исполнительской дисциплины» (далее – Директива № 11), уделяющей особое внимание исполнительской дисциплине, напрямую связанной с трудовой. Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК) регулирует порядок привлечения работников за нарушение производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплины. При этом законодательском не регламентированы причины (факторы и условия), влияющие на общее состояние дисциплины трудового коллектива в организации, и имеющие особое значение для ее поддержания.

Трудовое законодательство возлагает ряд требований на нанимателя по обеспечению трудовой дисциплины. Так, пункт 2 части первой статьи 55 ТК обязывает его при организации труда работников обеспечивать производственно-технологическую, исполнительскую и трудовую дисциплину (далее – трудовую дисциплину), а при приеме на работу ознакомить работника под роспись с коллективным договором, соглашением и документами, регламентирующими внутренний трудовой распорядок (пункт 3 части первой статьи 54 ТК). При этом часть третья статьи 55 ТК устанавливает для руководителя организации юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей [1].

Немаловажной задачей нанимателя является укрепление и поддержание трудовой дисциплины, реализация которой зависит от общего ее состояния в конкретной организации, характеризующаяся наличием определенных факторов и условий. Как отмечал Г. Б. Шишко: «под факторами следует понимать причины, которые порождают нарушения трудовой дисциплины или сокращают их численность. Условия сами непосредственно не влияют на рост либо уменьшение количества нарушений трудовой дисциплины, но способствуют этому через определенные факторы или группы факторов. К условиям можно отнести, например, совершенствование материального и морального

стимулирования, прочие социально-экономические, а также организационные предпосылки. Пропуски, опоздания, преждевременный уход с работы, пьянство и другие нарушения внутреннего трудового распорядка порождаются, прежде всего такими факторами, как несвоевременное доведение производственных заданий, необеспеченность материалами и инструментом, неупорядоченность режима работы структурных подразделений, слабый контроль со стороны руководителей за работой подчиненных работников и др.» [2].

На состояние трудовой дисциплины оказывают влияние субъективные и объективные факторы. К субъективным факторам относятся: возраст, пол работников; общее и специальное образование, квалификация; социальное и семейное положение; стаж работы в организации; социально-психологические свойства личности – безыдейность, безответственность по отношению к коллегам, неудовлетворенность работой, отношениями в коллективе.

Объективными факторами, влияющими на состояние трудовой дисциплины, для коллектива организации являются недостатки в организации труда, социальных связей (отношений) в коллективе, отдыха, быта. От работников в производственном коллективе требуется соблюдение общих правил поведения, обеспечивающих внутренний трудовой распорядок в организации. Долг и обязанность руководителей, на основе действующих норм законодательства, – обеспечить соблюдение государственных, внутрикорпоративных и личных интересов работников, уважительное отношение к труду, закону, позволяющие всему коллективу успешно выполнять свои трудовые обязанности [3].

Огромное влияние на укрепление трудовой дисциплины в коллективе оказывает грамотно и своевременно организованная нанимателем работа; правильно поставленная воспитательная работа; ответственность за коллектив и полученный от работы результат; уделение необходимого внимания и оказание помощи молодым работникам и специалистам; поддерживаемая в организации правовая культура; грамотное, умелое сочетание моральных и материальных стимулов; контроль за своевременным исполнением поручений и распоряжений руководителя. При этом руководитель всегда должен быть ярким примером неукоснительного соблюдения внутреннего трудового распорядка и добросовестного отношения к труду.

Взаимоотношения между людьми в трудовом коллективе должны строиться на основе взаимовыручки, взаимопонимания и взаимопомощи. Однако и здесь могут быть противоречия, отрицательно сказывающиеся на состоянии трудовой дисциплины. Создание обстановки взаимного доверия, уважения, благоприятного отношения к труду членов трудового коллектива способствует формированию у человека хорошего настроения, созданию здорового психологического микроклимата, который также зависит от руководителя (его поведения, умения общения с людьми и возможностью создать не только единую команду, но и поддерживать благоприятную психологическую атмосферу среди подчиненных).

Следовательно, в зависимости от того, в каких условиях и какие факторы оказывают влияние на трудовой коллектив в процессе труда, и определяется уровень трудовой дисциплины. При этом руководителю организации следует применять комплексный подход к укреплению трудовой дисциплины, что требует точного и полного выявления факторов, влияющих на ее состояние, к числу которых можно отнести качество планирования, уровень организации и условий труда, поддержание режима законности в организации, проведение корпоративных мероприятий, а также психологический климат в коллективе, его сплоченность, что будет непосредственно влиять на стабильность кадров.

Е. Л. Драчёва отмечает, что «немаловажным механизмом сплочения коллектива выступает дисциплина. Она является важным средством и в то же время обязательным условием развития производственного коллектива. Ее отсутствие не только снимает возможность оптимального взаимодействия, но и делает проблематичным само существование коллектива. Поэтому, на наш взгляд, дисциплина – это такая форма связи между людьми, которая обуславливает создание доверительной, доброжелательной, комфортной обстановки

в коллективе. Методы формирования и поддержания дисциплины в решающей степени определяются стилем руководства коллективом. Руководители должны стремиться создавать и поддерживать в коллективе твердую, сознательную дисциплину, которая устанавливается не наказаниями, не заменой подчиненных, не грубостью, а справедливой требовательностью, умением побуждать людей к деятельности, воспитанием, справедливостью, личным имиджем руководителя» [4, с. 69].

Автор далее подчеркивает: «Для налаживания дисциплины, повышения производительности труда и создания благоприятного социально-психологического климата (далее – СПК) руководителю необходимо знать межличностные отношения в коллективе. Один из методов исследования межличностных отношений, доступных каждому руководителю, – углубленное изучение различных социальных фактов, а также конкретных поступков и действий людей, входящих в состав данного коллектива, что позволит руководителю изучить межличностные отношения подчиненных. Руководителю необходимо учитывать интересы и запросы каждого работника, его характерные особенности, эмоционально-психологическое поведение, чтобы в дальнейшем учесть их при проведении аттестации и тем самым наилучшим образом адаптировать его в коллективе, побудить лучше и производительнее трудиться» [4, с. 148].

Считаем, что одним из основных механизмов сплочения коллектива является стимулирование работников через поощрения, т. к. материальное и (или) нематериальное формы поощрения, как правило, мотивируют работника не только к добросовестному выполнению трудовых обязанностей, но и повышению качества своего труда. Как справедливо указывает Е. Л. Драчёва: «В поощрении хорошей работы, поведения, в наказании за отрицательные поступки заложена психологическая сущность воспитания и стимулирования трудящихся. Предпочтение в воспитательной работе должно отдаваться поощрениям. Наказание же следует рассматривать как крайнюю меру воспитательного воздействия, и его нужно уметь очень осторожно применять.

Вообще, говоря о стимулирующей деятельности руководителя, необходимо помнить, что ни один из приемов, будь то убеждение или порицание, поощрение или наказание, используемый в отдельности, не принесет положительного эффекта. Поэтому, чтобы трудовая дисциплина стала выше, руководитель должен уметь пользоваться всем арсеналом стимулирующих и воспитательных мер воздействий» [4, с. 78].

Наниматель обязан обеспечивать трудовую дисциплину в трудовом коллективе путем применения различных видов контроля (предварительный, текущий и итоговый) для проверки своевременного и качественного выполнения трудовой функции работниками. Контроль, на наш взгляд, должен носить систематический, но не жесткий характер. Ибо попустительский контроль может привести к безответственному отношению работников к трудовым обязанностям, тотальный контроль – к боязни допустить ошибку и быть наказанным. Последствия последнего вида контроля, как правила, влекут за собой текучесть кадров. В связи с тем, что из обязанностей нанимателя вытекает необходимость осуществления контроля за поддержанием надлежащей дисциплины в организации, а из прав – требование подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка, считаем необходимым дополнить статью 12 ТК пунктом 8 следующего содержания: *«осуществлять предварительный, текущий и итоговый контроль за деятельностью работников в целях соблюдения ими производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплины».*

Таким образом, на основании вышеизложенного можно констатировать следующее.

1. На состояние трудовой дисциплины в организации оказывают влияние объективные (связанные, как правило, с организацией труда) и субъективные (связанные с личностью работника) факторы. К условиям, влияющим на дисциплину труда, следует отнести те способы стимулирования труда работников и меры, необходимые для поддержания благоприятного СПК, которые применяет наниматель.

2. В связи с тем, что роль нанимателя в обеспечении трудовой дисциплины сводится также и к установлению в организации благоприятного СПК, к его важнейшим признакам, по нашему мнению, следует отнести: 1) доверие и высокую требовательность членов коллектива друг к другу; 2) доброжелательную и деловую критику; 3) свободное выражение собственного мнения при обсуждении вопросов, касающихся всего коллектива; 4) отсутствие давления руководителей на подчиненных и признание за ними права принимать значимые для них решения; 5) достаточную информированность членов коллектива о его задачах и состоянии дел при их выполнении; 6) удовлетворенность принадлежностью к коллективу; 7) высокую степень эмоциональной включенности и взаимопомощи в ситуациях, вызывающих состояние фрустрации (обмана, расстройства, разрушения планов) у кого-либо из членов коллектива; 8) принятие на себя ответственности за состояние дел в коллективе каждым из ее членов; 9) активное участие всех членов коллектива в управлении, которое может принять форму самоуправления; 10) высокую продуктивность коллективной работы; 11) положительную установку коллектива на нововведения.

3. Обязанность нанимателя заключается не только в осуществлении им, предусмотренных трудовым законодательством, организационных и правовых мер в целях обеспечения трудовой дисциплины работников, но и в личном примере по соблюдению внутреннего трудового распорядка.

4. Осуществление контроля нанимателем исходит из содержания его прав и обязанностей. В целях реализации п. 12, а также иных норм Директивы № 11 предлагаем закрепить право нанимателя на осуществление контроля на законодательном уровне в ст. 12 ТК. Это также позволит, с одной стороны, обеспечивать контроль за эффективностью результатов труда работников и, с другой стороны, будет поддерживать руководителя в тоне для проведения плановых проверок за деятельностью своих сотрудников. Полагаем, что по итогу такого контроля директором могут быть применены поощрительные или дисциплинарные меры к работникам.

Список использованной литературы

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. № 25-З. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 09.04.2025).

2. Шишко, Г. Б. Общественная комиссия по борьбе с пьянством и алкоголизмом и ее роль в укреплении дисциплины труда на производстве / Г. Б. Шишко. – URL: <http://pravo.kulichki.com>. (дата обращения: 09.04.2025).

3. Факторы, влияющие на состояние трудовой дисциплины // XStad : [сайт]. – Минск, 2017-2025. – URL: https://xstud.ru/83294/osnovy_prava/trudovaya_distiplina. (дата обращения: 09.04.2025).

4. Драчёва, Е. Л. Менеджмент: учебник / Е.Л. Драчёва, Л.И. Юликов. – 3-е изд., стереотип. – Москва : Изд-во Академия, 2012. – 304 с.

УДК 365

Ж. В. Попучеева

(Логойский районный исполнительный комитет, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СОЦИАЛЬНОЕ ЖИЛЬЕ

Работа посвящена рассмотрению социальной формы предоставления жилья. Наиболее важным направлением жилищной политики, проводимой государством, является реализация принципа доступности жилья для всех граждан. В статье описывается порядок

предоставления и категории граждан, которые имеют право на получения социального жилья в Республике Беларусь. Отсутствие у государства финансовых возможностей по бесплатному обеспечению жильем всех нуждающихся в нем граждан требует выработки новых подходов к решению этой проблемы. В статье рассмотрены традиционные способы обеспечения жильем помещений граждан, нуждающихся в социальной защите, и предложены альтернативные способы удовлетворения жилищной потребности.

Обеспечение жильем всегда являлось и продолжает оставаться проблемой касающейся всего населения Республики Беларусь

В Республике Беларусь, как и в других странах, большое внимание уделяется обеспечению жильем незащищенных категорий граждан. В основном малоимущим гражданам предоставляется социальное жильё.

Конституция предусматривает, что гражданам, нуждающимся в социальной защите, жилище предоставляется государством и местным самоуправлением бесплатно или по доступной для них плате в соответствии с законодательством.

Социальное жильё – это вид жилья, с помощью которого граждане улучшают жилищные условия не вступая в права собственности такого жилья. Собственником дома или квартиры является государство. Данное жильё предоставляется социально уязвимым категориям граждан. Важно, чтобы эта поддержка была предусмотрена и условия её получения были точно сформулированы и выполнялись – именно в этом состоит социальная задача государства в жилищной сфере.

Жилое помещение социального пользования – жилое помещение типовых потребительских качеств государственного жилищного фонда, предоставляемое гражданам на условиях договора найма жилого помещения социального пользования госжилфонда без взимания платы за пользование жилым помещением.

Жилые помещения социального пользования республиканского и коммунального жилищного фонда включаются в состав жилых помещений социального пользования и исключаются из этого состава по решениям местного исполнительного и распорядительного органа на основании представлений иного государственного органа, в хозяйственном ведении или оперативном управлении которых находятся это жилое помещение [1, с. 112].

Как отметил А. Н. Симчук «доля жилых помещений социального пользования определяется ежегодно местными исполнительными и распорядительными органами при распределении жилых помещений государственного жилищного фонда» [2, с. 84].

В тоже время на практике ежегодного утверждения доли жилых помещений социального пользования не происходит. Изменение количества жилых помещений социального пользования происходит из-за перевода арендных жилых помещений в состав социального жилья.

Но надо иметь ввиду, что включение арендного жилья во вновь построенных многоквартирных жилых домах в состав жилых помещений социального пользования допускается по истечении трех лет с даты приемки этих домов в эксплуатацию. Без учета данного срока арендное жильё переводиться в состав социального жилья по заявлениям лиц, из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Для постановки на очередь для получения социального жилья необходимо обратиться с заявлением в службу «одно окно» по месту жительства с предоставлением необходимых для постановки на учет нуждающихся в социальном жилье документов. Перечень документов достаточно индивидуален и зависит от того, к какой именно категории нуждающихся относится заявитель.

В статье 105 Жилищного кодекса Республики Беларусь определен исчерпывающий перечень категорий граждан, имеющих право на получение жилых помещений социального пользования. К ним относятся:

– граждане, чьё жильё перестало быть пригодным для того, чтобы жить в нём из-за чрезвычайной ситуации вроде наводнения, землетрясения, проведения военных действий и прочие;

- граждане, которые по состоянию здоровья должны проживать в отдельной комнате. Перечень заболеваний определен Министерством здравоохранения Республики Беларусь;
- дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. Здесь важно то, что социальная квартира данной категории должна быть предоставлена в первые полгода после восемнадцатилетия или, если они изъявляют желание, в первые полгода после их отчисления из учреждений образования;
- неработающие одинокие граждане, имеющие первую или вторую группу инвалидности;
- семьи, в которых имеются дети-инвалиды;
- граждане, у которых среднемесячный совокупный доход на каждого члена семьи не превышает установленного бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения, исчисленного за двенадцать месяцев, предшествующих месяцу принятия на учет, и другие категории граждан.

Изучив опыт иностранных государств А. Тетеркина отмечает, что «в большинстве развитых стран законодательно закреплена практика выделения социального жилья тем гражданам, которые в официальном порядке признаются неспособными самостоятельно решить свои жилищные проблемы. Помощь такого рода оказывается многодетным семьям, одиноким матерям, престарелым, инвалидам, а основным критерием выступает низкий доход» [3, с. 52].

Проанализировав категории граждан, поименованные в ст. 105 ЖК, полагаем необходимым отдельные категории граждан исключить из указанного перечня. Например, граждан, взявших на воспитание троих и более детей-сирот и (или) детей, оставшихся без попечения родителей, так как действующее в настоящее время законодательство предполагает передачу под опеку детей, оставшихся без попечения родителей, семьям при соблюдении определенных условий, в том числе и наличие жилья в собственности или помещение детей на воспитание в детские дома семейного типа.

Право на получение жилого помещения социального пользования может быть реализовано при отсутствии у гражданина, состоящего на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, жилого помещения в данном населенном пункте в собственности общей площадью более 15 кв. метров.

Жилые помещения социального пользования предоставляются в размере от 15 до 20 кв. метров общей площади жилого помещения на гражданина и каждого члена семьи, состоящего совместно с ним на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий [3, с. 84–85]. При этом детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, предоставляется однокомнатная квартира без учета членов их семей.

При наличии свободного жилого помещения социального пользования местный исполнительный и распорядительный орган отправляет гражданину, состоящему на учете в улучшении жилищных условий уведомлении о предоставлении жилого помещения социального пользования заказным письмом с уведомлением. При согласии на получение указанного жилого помещения гражданин обязан в 30-дневный срок информировать местный исполнительный и распорядительный орган о предоставлении жилого помещения либо об отказе от предложенного жилого помещения социального пользования. При неполучении ответа от гражданина в установленный срок, данное жилое помещение предоставляется следующему гражданину, состоящему на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий.

При получении согласия от гражданина, состоящего на очереди в получении социального жилья, принимается решение о предоставлении жилого помещения социального пользования и заключается договор найма жилого помещения социального пользования на бессрочный срок.

Необходимо обратить внимание, что воспользоваться правом на получение жилого помещения социального пользования дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, могут по месту первоначального приобретения статуса детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей, либо по месту предоставления первого рабочего места.

До предоставления жилого помещения социального пользования дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, заселяются в общежития [1, с. 90].

При предоставлении жилого помещения социального пользования с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, заключается договор найма социального пользования сроком на пять лет. По истечению пяти лет данное жилое помещение переводиться в состав арендного жилья и заключается договор найма арендного жилья сроком до пяти лет.

Кроме того, все категории граждан, имеющие право на получение жилого помещения социального пользования, могут претендовать на получение арендного жилья с последующим переводом данного жилья в состав социального и заключения договора найма жилого помещения социального пользования.

На практике из-за нехватки финансовых ресурсов и недостаточности площадей социального жилья, меры, принимаемые органами государственной власти и местными исполнительными органами по обеспечению жилыми помещениями уязвимых категорий населения признаются недостаточными.

Для обеспечения конституционного права на жилище малоимущих и иных, указанных в Жилищном кодексе граждан, требуется системное реформирование законодательства предусматривающего предоставление адресной поддержки определенных категорий граждан, нуждающихся в социальном жилье, в зависимости от доходов. Так, предлагается оказание помощи в возмещении затрат по найму частного жилья, гражданам, которым не предоставляется возможным предоставить жилое помещение социального пользования.

Данная норма позволит оказывать своевременную помощь социально незащищенным гражданам в решении жилищных вопросов.

Список использованной литературы

1. Бруй М. Г. Жилищное право : ответы на экзаменац. вопр. / М. Г. Бруй. – Минск : Тетралит, 2013. – 256 с.
2. Жилищное право Республики Беларусь : учебное пособие / А. Н. Симчук. – Минск : Амалфея, 2021. – 592 с.
3. Тетеркина, А. Финансовое обеспечение жилищной политики: мировой опыт / А. Тетеркина, Ю. Кахоцкая // Банковский вестник. – 2019. – № 9(674). – С. 51-57.

УДК 347.91/95

П. Д. Сачава

*(Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь,
Республика Беларусь)*

ПРИЗНАКИ КОЛЛЕКТИВНОГО (ГРУППОВОГО) ИСКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В работе анализируется коллективный (групповой) как вводимое с 1 января 2026 года средство процессуальной защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов. Автор проводит исследование позиций ученых-процессуалистов, Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), судебной практики применения коллективных (групповых) исков. В статье сформулированы признаки изученного средства процессуальной защиты, на основании которых автором предложено определение «коллективного (группового) иска в гражданском процессе Республики Беларусь».

С 1 января 2026 года вступит в силу КГС от 11.03.2024 № 359-З, который вводит новый вид искового производства – производство по коллективным (групповым) искам. В ч. 1 ст. 325 КГС закреплены условия сертификации иска в качестве коллективного (группового), то есть при наличии таких условий граждане и юридические лица вправе обратиться в суд с коллективным исковым заявлением.

Вместе с тем, коллективный (групповой) иск обладает отличительными признаками, которые вытекают из условий сертификации иска в качестве коллективного (группового) и особенностей рассмотрения данной категории дел. Выявление и систематизация данных признаков является предметом исследования настоящей статьи.

Первый признак – это подача иска множественной поименованной численно определенной группой лиц. Согласно ч. 4 ст. 325 КГС минимальное число членов группы, подписавших коллективное исковое заявление, для возбуждения производства по делу должно быть не менее 10 лиц. При этом в коллективном исковом заявлении должны быть указаны сведения о них и основания отнесения их к членам группы. Присоединение новых членов группы возможно до перехода суда к судебным прениям (ч. 5 ст. 325 КГС). На этапе подготовки дела к судебному разбирательству судья разрешает вопросы о составе группы лиц и о возможности установления иных лиц, являющихся участниками спорных правоотношений (п. 1 ч. 1 ст. 329 КГС). В резолютивной части решения по коллективному (групповому) иску должны содержаться выводы в отношении каждого из членов группы, присоединившихся к нему. Возможность идентификации членов группы и определение численного состава группы отличает коллективный (групповой) иск от иска в защиту неопределенного круга лиц, в котором осуществить это не представляется возможным.

Второй признак – наличие однородных правоотношений между членами группы и ответчиком. Анализируемый признак вытекает из такого условия сертификации, как наличие общих либо однородных прав и законных интересов членов группы лиц, который является предметом спора в соответствии с ч. 1 ст. 325 КГС. В КГС не раскрывается данное условие сертификации, поэтому позволим себе обратиться к научной доктрине Российской Федерации (далее – РФ), близкой в правовом отношении к Беларуси, в которой коллективный (групповой) иск в судопроизводстве применяется с 2009 года. При анализе правоотношений между ответчиком и каждым членом группы судом устанавливается превалирование схожести, типичности содержания прав и законных интересов над индивидуальным содержанием требований каждого члена группы [1].

Однородность означает защиту одинакового родового интереса членов группы. Правоотношения между каждым членом группы и ответчиком аналогичны [2]. В качестве примера может быть иск о взыскании компенсации морального вреда в связи с неисполнением ранее заключенного пользовательского соглашения. Как отмечает Г. О. Аболонин, что общие вопросы права должны превалировать над различиями индивидуальных требований членов группы [3].

С признанием правоотношений однородными связаны возражения ответчика против требований членов группы. Как отмечает В. Г. Домшенко, если у ответчика есть различные возражения против каждого члена группы, то это будет указывать на отсутствие однородности требований, и как следствие, иск не будет признан коллективным (групповым) [2]. Данной позиции придерживается и В. В. Ярков, который пишет: «Следствием неоднородности прав и законных интересов членов группы являются также нетождественные по содержанию возражения ответчика к различным членам такой группы как по фактам, так и по праву» [1]. Таким образом, если индивидуальное начнет превалировать над общим, которое нельзя нивелировать в рамках судебного процесса, то в такой ситуации возникает вопрос о судьбе иска как коллективного (группового). Представляется, что иск будет оставлен без рассмотрения по п. 5 ч. 1 ст. 128 КГС либо некоторые требования будут выделены в отдельное производство.

При этом невозможно утверждать, что все члены группы связаны с ответчиком единым правоотношением, за исключением общих прав и законных интересов. При заключении

договора между сторонами устанавливаются гражданские права и обязанности, что предусмотрено ст. 390 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 07.12.1998 №218-З, следовательно, устанавливаются обязательственные правоотношения. Российский ученый-процессуалист, Р. М. Ходыкин, писал о невозможности использования критерия единого правоотношения ввиду сужения оснований для применения коллективного (группового) иска [4, с. 383]. В Постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28.01.2011 г. по делу № А46-5540/2010 было указано, что «под единым правоотношением понимаются общественные отношения, урегулированные нормами права, возникающие по поводу одного и того же предмета между одними и теми же сторонами». В результате анализа правоприменительной практики данный критерий был исключен из обязательных для признания иска коллективным (групповым).

Из второго признака вытекает третий – основание иска – схожие фактические обстоятельства. Схожесть не равно идентичность, то есть они не должны иметь существенных различий, носящих очевидно несовместимый с групповым разбирательством характер [5]. Исходя из судебной практики РФ, именно отсутствие данного признака может быть использовано в качестве аргумента для защиты ответчиком от коллективного (группового) иска. Например, в делах о возмещении вреда, связанного с нарушением законодательства об охране окружающей среды, ответчиком могут быть использованы аргументы о разном состоянии здоровья членов группы, разном уровне воздействия.

Четвертый признак – тождество предмета доказывания. В российской доктрине данный признак иногда называют «общий предмет доказывания [6]. Это означает, что все факты, имеющие значение для правильного разрешения дела, должны быть схожи для каждого члена группы. При этом в гл. 28 КГС не установлено особенности формирования предмета доказывания. Можем предположить, что в соответствии с ч. 2 ст. 179 КГС каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать те факты, на которые оно ссылается как на основании своих требований. Однако в связи с наличием второго и третьего признаков при формировании предмета доказывания общее должно превалировать над частным, то есть общие фактические обстоятельства должны приниматься во внимание судом без учета особенностей правоотношений члена группы и ответчика. Исходя из ст. 328 КГС у лиц, присоединившихся к коллективному исковому заявлению, такого права нет. Следовательно, обязанность по представлению доказательств – это обязанность уполномоченного лица, а у члена группы нет права представлять личную позицию.

Пятый признак – единый ответчик. В качестве ответчика выступает сторона однородного правоотношения. При реорганизации ответчика используется механизм процессуального правопреемства согласно ст. 65 КГС. Суд обязан будет приостановить производство по делу по ст. 133 КГС. В белорусском законодательстве не предусмотрены коллективные иски со множественностью на стороне ответчика.

Шестой признак – использование членами группы одинакового способа судебной защиты. Способы судебной защиты закреплены в ст. 6 КГС. К ним относятся, в том числе, признание права, присуждения к исполнению обязанности, восстановления нарушенного права или запрета либо пресечения действий, ведущих к нарушению права. Использование иного способа защиты не позволит сформировать общий предмет доказывания, тем самым сертифицировать иск в качестве коллективного (группового). На наш взгляд, это повлечет на стадии возбуждения производства по делу возвращение коллективного искового заявления или оставление иска без рассмотрения по п. 5 ч. 1 ст. 128 КГС на стадии рассмотрения производства по делу [7, с. 141]. Вместе с тем, представляется, что при присоединении члена группы избрание иного способа защиты маловероятно, так как член группы присоединяется к уже направленному коллективному исковому заявлению.

Седьмой признак – ведение дела в интересах группы осуществляет уполномоченное лицо, являющееся членом группы. Важно понимать, что уполномоченное лицо – это не представитель в понимании ст. 92 КГС. Оно выступает представителем группы в суде.

Уполномоченное лицо действует от имени группы без доверенности на основании заявлений о присоединении лиц к коллективному исковому заявлению (ч. 1 ст. 327 КГС). В рамках судебного процесса оно обладает всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца (ч. 2 ст. 327 КГС).

Восьмой признак – судебное решение имеет эффект *res judicata*, то есть запрет пересмотра судом дела, однажды разрешенного. Он был выделен А. И. Шайхутдиновым как один из трех характерных признаков для коллективного (группового) иска для членов группы [8]. Согласно ч. 2 ст. 331 КГС обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному коллективному исковому заявлению, имеют преюдициальное значение для члена группы, который ранее не присоединился либо отказался от заявления о присоединении к коллективному исковому заявлению, предъявленному к тому же ответчику, о том же предмете, за исключением случаев, если указанные обстоятельства оспариваются этим членом группы лиц.

Таким образом, коллективный (групповой) иск в Республике Беларусь обладает следующими признаками: (i) иск подается множественной поименованной численно определенной группой лиц; (ii) наличие однородных правоотношений между членами группы и ответчиком; (iii) основание иска – схожие фактические обстоятельства; (iv) тождество предмета доказывания; (v) единый ответчик; (vi) использование членами группы одинакового способа судебной защиты; (vii) ведение дела в интересах группы осуществляет уполномоченное лицо, являющееся членом группы; (viii) судебное решение имеет эффект *res judicata*.

На основании данных признаков можно вывести определение коллективного (группового) иска в гражданском процессе Республики Беларусь – это поданное идентифицируемой группой лиц против единого ответчика требование, вытекающее из однородных правоотношений, основанное на одинаковом способе судебной защиты и схожих фактических обстоятельствах.

Список использованной литературы

1. Ярков, В. В. Групповые иски в гражданском процессе: вопросы правоприменения / В. В. Ярков // Вестник гражданского процесса. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 16.04.2025).
2. Домшенко, В. Г. Условия сертификации группового иска / В. Г. Домшенко // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 16.04.2025).
3. Аболонин, Г. О. Массовые иски. – М. : Волтерс Клувер, 2011. – 416 с.
4. Ходыкин, Р. М. К вопросу о групповом производстве / Р. М. Ходыкин // Судебная реформа и проблемы развития гражданского и арбитражного процессуального законодательства: сб. материалов международной научно-практической конференции. – М. : Российская академия правосудия, 2012. – С. 381–391.
5. Пахарукова, И. А. Защита ответчика против группового иска в гражданском и арбитражном процессе / И. А. Пахарукова // Арбитражный и гражданский процесс. КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 16.04.2025).
6. Гражданское процессуальное право. Особенная часть. Производство по отдельным категориям: учебник: в 2 т. / П. В. Крашенинников. 2-е изд., перераб. и доп. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 16.04.2025).
7. Сачава, П. Д. Сравнительно-правовой анализ регулирования защиты прав и законных интересов группы лиц в государствах-членах ЕАЭС / П. Д. Сачава // Сборник материалов VI Евразийского форума «Права человека: законодательное регулирование и правоприменительная практика». – Астана: Академия правосудия при Высшем судебном Совете Республики Казахстан, 2025 – С. 138–143.

8. Шайхутдинова, А. И. Групповые (коллективные) иски в гражданском судопроизводстве России и Бразилии: сравнительно-правовое исследование / А. И. Шайхутдинова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения// КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 16.04.2025).

УДК 347.91/95

М. А. Улога

(Суд Заводского района г. Минска, Республика Беларусь)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СПЕЦИАЛИСТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В материалах на основе анализа положений действующего гражданского процессуального законодательства Республики Беларусь оценивается изменение процессуального статуса специалиста и доказательственного значения его пояснений для целей гражданского процесса в связи с принятием Кодекса гражданского судопроизводства.

В судебной практике и теории возникают споры относительно процессуального статуса специалиста в гражданском процессе, его задач при осуществлении гражданского правосудия.

Это обусловлено разными подходами в закреплении процессуального статуса специалиста в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК Республики Беларусь) и Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК Республики Беларусь).

Полагаем, данный вопрос в определенной степени будет разрешен с 01 января 2026 года с введением в действие единого Кодекса гражданского судопроизводства (далее – КГС).

В настоящее время в соответствии со ст.99 ГПК Республики Беларусь специалистом является лицо, обладающее познаниями эксперта. Суд вправе вызвать не заинтересованного в исходе дела специалиста, если использование его познаний необходимо для обеспечения эффективности осмотра или иного процессуального действия, а также выяснения вопросов применения норм иностранного права.

Обязанности специалиста, установленные ст.101 ГПК Республики Беларусь, сводятся к оказанию теоретической помощи с использованием его специальных познаний.

Хотелось бы отметить некоторое противоречие, которое отражено в правах и обязанностях специалиста на сегодняшний день.

Так, в п. 3 ч. 1 ст.100 ГПК Республики Беларусь содержится право специалиста получать вознаграждение за дачу заключения.

Однако, исходя из п.3 ст.101 ГПК Республики Беларусь следует, что специалист обязан давать пояснения относительно смысла рассматриваемых фактов и собственных действий в области тех специальных познаний, которые он имеет, а по требованию суда – и письменные пояснения.

Таким образом, из норм ГПК прямо не следует, что специалист наделен правом давать заключения.

Данные противоречия разрешены в ст.88 КГС, в соответствии с которой специалист может получать возмещение понесенных им расходов, связанных с явкой в суд, и вознаграждение за выполненную им работу, не входящую в круг его служебных обязанностей. При этом, не указано, что специалист получает вознаграждение за консультации либо пояснения.

Действующее законодательство оставляет нераскрытым вопрос о юридической ответственности специалиста по вопросам, связанным с пояснениями специалиста.

В отличие от эксперта, свидетеля, которые имеют такой же статус незаинтересованного в исходе дела участника гражданского процесса, для специалиста не установлена уголовная ответственность за дачу заведомо ложных пояснений, а также за отказ либо уклонение без уважительных причин от исполнения возложенных на него обязанностей.

Нельзя не согласиться с мнениями ученых о том, что консультации и пояснения специалиста могут не только изменить предмет доказывания, но существенного повлиять в части формирования внутреннего убеждения судьи.

Например, профессор кафедры гражданского права и процесса ВГИ ВолГУ А. А. Мохов считает, что «совершенные таким образом процессуальные действия повлекут за собой получение «порочных» доказательств. Опасность такого деяния очевидна: возникает существенные препятствия к объективному разбирательству дела, установлению истины по делу, вынесению законного и обоснованного судебного решения» [1, с. 53].

Однако, обращаясь к ч. 5 ст. 267 ГПК Республики Беларусь, можно заключить, что для специалистов предусмотрена уголовная ответственность, касающаяся только защиты сведений, составляющих секреты или иную охраняемую законом тайну, содержащихся в материалах дела, в связи с чем суд предупреждает участвующего в закрытом судебном заседании специалиста об ответственности за разглашение таких сведений. Безусловно, это правило относится ко всем лицам, участвующим в закрытом судебном заседании.

Отмечаем, что о значимости роли специалиста в гражданском судопроизводстве свидетельствует и то, что специалист в дальнейшем может быть назначен в этом деле экспертом (ч. 3 ст. 79 ГПК Республики Беларусь), специалисту могут заявить отвод (ч. 1 ст. 107 ГПК Республики Беларусь).

В соответствии с ч. 2 ст. 178 ГПК Республики Беларусь пояснения специалиста к средствам доказывания, в отличие от заключения эксперта, не относятся.

Анализируя предложенные законодателем другие средства доказывания, если с их помощью можно получить сведения о фактах, имеющих значение для правильного разрешения дела, совершенно очевидно, что пояснении специалиста также к ним не относятся (§6 ГПК Республики Беларусь).

Таким образом, суд, рассматривающий гражданское дело, не вправе ссылаться на пояснения специалиста, как на средство доказывания.

Однако имеется мнение процессуалистов, в частности А. Т. Боннер отмечал: «Если такие консультации специалиста содержат информацию, позволяющую суду установить те или иные факты, имеющие значение для разрешения дела, то следует признать их доказательственное значение» [2, с. 424].

Полагаем, такая позиция обоснованна, поскольку в силу ч. 1 ст. 178 ГПК Республики Беларусь доказательствами являются любые сведения о фактах, входящих в предмет доказывания, полученные в результате использования в установленном ГПК Республики Беларусь и иными законами порядке средств доказывания. Единственным препятствием является отсутствие закрепления в нормах ГПК Республики Беларусь в качестве средств доказывания – пояснений специалиста. Можно согласиться, что в настоящее время мнение специалиста, например, в определенной области науки, техники, хотя и не является доказательством по делу, может усилить доказательственную базу истца или ответчика и повлиять на оценку доказательств судом [3, с. 142].

Вместе с тем, вступающим в силу с 2026 года КГС закреплено изменение процессуального статуса специалиста в гражданском процессе.

В соответствии со ст. 87 КГС специалистом является не заинтересованное в исходе дела лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, техники, искусства, ремесла и иных сферах деятельности, привлеченное судом для участия и оказания содействия в производстве процессуальных действий, выяснения вопросов применения норм иностранного права, а также иных вопросов, имеющих значение для рассмотрения дела.

Статьей 88 КГС регламентировано, что лицо, вызванное судом в качестве специалиста, обязано давать консультации, в том числе в письменной форме, а также давать пояснения относительно смысла рассматриваемых фактов и собственных действий в области тех специальных знаний, которые он имеет, а по требованию суда – и письменные пояснения.

Таким образом, с введением в действие КГС специалист будет давать и пояснения, и консультации.

Определяя средства доказывания, ст. 178 КГС относит к средствам доказывания консультации специалиста.

В научных кругах еще не определена необходимость законодательного регламентирования заключения или консультации специалиста, выраженных в письменной форме. Так, по мнению А. М. Зинина, специалист может высказывать свое суждение с разной степенью развернутости – от краткого ответа на вопрос до мотивированного вывода, сопровождаемого аргументами, со ссылками на соответствующие источники знаний, с перечислением тех признаков объектов, на основании которых он пришел к тому или иному выводу [4]. В. Ф. Орлова полагает, что структура заключения специалиста должна отличаться от структуры заключения эксперта, в ней не должно быть исследовательской части, и «кроме установочных данных, оно должно содержать вопросы, которые специалист должен разъяснить, ответы на них и обязательно их обоснование» [5]. Можно заключить, что заключение специалиста не должно содержать выводы, которые может делать исключительно эксперт.

Обращаясь к действующей редакции ХПК Республики Беларусь, совершенно очевидно влияние экономического судопроизводства на закрепление в КГС процессуального статуса специалиста, его ответственности при оценке доказательств судом.

Так, если обратиться к ст. 83 ХПК Республики Беларусь к средствам доказывания в экономическом судопроизводстве относятся консультации специалиста.

Однако в судебной практике необходимо исходить из того, что не может служить основанием к отказу стороне в назначении экспертизы наличие в деле консультаций специалистов. Суд не вправе заменять заключение эксперта на пояснения специалиста, поскольку это не тождественные средства доказывания. В гражданском судопроизводстве пояснения специалиста являются менее значимыми, чем заключение эксперта, что выражено в том, что с эксперта, в отличие от специалиста, берется расписка о предупреждении его об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и, как следствие, эксперт относится к субъектам уголовной ответственности наряду со свидетелями по статье 401 Уголовного кодекса.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что на сегодняшний день пояснения специалиста способствуют осуществлению правосудия в форме оказания помощи с использованием специальных познаний в исследовании доказательств. Однако со вступлением в законную силу КГС роль специалиста, как участника гражданского судопроизводства, несколько возрастет, поскольку данные им консультации будут являться самостоятельным средством доказывания.

Список использованной литературы

1. Мохов, А. А. Правовое положение специалиста в процессуальных действиях : учеб. пособие / А. А. Мохов. – М. : Проспект, 2011. – 147 с.
2. Боннер, А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография / А. Т. Боннер. – М. : Проспект, 2013. – 613 с.
3. Филимонова, М. В. К вопросу о правовой определенности положения специалиста в гражданском процессе / М. В. Филимонова, Е. С. Куликова // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 11-6. – С. 142-144.
4. Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2025.

5. Орлова В. Ф. Проблемы применения обновленного законодательства в области судебной экспертизы // Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы: Доклады и сообщения на международной конференции «Восток Запад: Партнерство в судебной экспертизе». Нижний Новгород, 6–10.09.2004. — Москва; Нижний Новгород, 2004. — С. 8.

УДК 366.5

Т. И. Чугунова

(Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Республика Беларусь)

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Работа посвящена анализу правового регулирования образовательных услуг с использованием дистанционных технологий. Обращается внимание на существенную специфику дистанционной формы образования и ее особенности. Обозначается необходимость совершенствования ее правового регулирования в целях защиты прав потребителей дистанционных образовательных услуг.

Цифровизация жизни общества и государства не может обходить стороной сферу образования. Современные информационно-коммуникационные технологии создали возможность для широкого доступа к глобальным образовательным ресурсам и явились основой количественного и качественного роста как национальных систем образования, так и трансграничного и мирового рынка образовательных услуг. Активное развитие учебных платформ, предоставляющих возможность удаленного получения знаний, оцифровка учебной литературы, изменение форм и методов организации учебного процесса ведут ко все большему распространению дистанционного и электронного обучения.

Серьезно повлияла на данные процессы и пандемия «COVID-19». В связи с этим Е. М. Еловая отмечает, что «эти вынужденные обстоятельства привели еще к одной особенности в жизни современного общества – заставили людей обратить внимание на онлайн-обучение» [1, с. 529]. Образовательные организации в срочном порядке перевели обучение в дистанционный формат. Но правовой основы для этого в то время не существовало. В научной литературе высказано мнение, что «у дистанционного обучения есть и недостатки, такие, как: необходимость личной мотивации учащегося, умения учиться самостоятельно, без постоянного поощрения преподавателя; ограничение личного общения между преподавателем и обучаемым, нехватка общения с другими студентами для обмена опытом» [2, с. 77].

В Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 ноября 2021 г. № 683 «О концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года») (далее – Концепция) отмечается, что «современные глобальные экономические и социальные изменения ставят перед Республикой Беларусь новые задачи, среди которых повышение национальной конкурентоспособности, придание большей устойчивости государству в условиях экономических и социальных трансформаций. Эти задачи не могут быть решены без новых технологий и новых знаний, без создания инновационной экономики, важнейшим институтом развития которой является система образования». Обращается внимание на принятые Организацией Объединенных Наций Цели устойчивого развития до 2030 года в области образования, предусматривающие в том числе обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех (цель 4).

Согласно Концепции, цель развития - совершенствование национальной системы образования на основе развивающихся цифровых технологий, подготовка обучающихся к жизни в цифровом обществе. Результатом реализации Концепции в части высшего образования обозначено «применение сетевой формы взаимодействия при реализации образовательных программ» (2021-2025 годы) и «развитие дистанционного обучения как самостоятельной формы получения образования» (2023-2030 годы). Результатом реализации Концепции должно стать и «формирование правовой базы цифровой трансформации процессов в системе образования».

Очевидно, что внедрение технологий дистанционного обучения является актуальным направлением цифровой модернизации образования. Дистанционное обучение будет все более востребовано, т.к. дает возможность получать знания, умения и навыки, осваивать профессию независимо от места нахождения и при этом обучаемый не ограничен в выборе учебного заведения. Дистанционная форма становится наиболее доступной формой обучения для людей с ограниченными физическими возможностями и находящихся в местах лишения свободы. В связи с этим актуализируется проблема совершенствования правового регулирования дистанционной формы обучения и защиты прав потребителей возмездных дистанционных образовательных услуг.

В настоящее время основными нормативными правовыми актами, регулирующими защиту прав потребителей в названной сфере, являются: Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (в ред. от 18.07.2022 г.) (далее – ГК); Кодекс Республики Беларусь об образовании 13 января 2011 г. № 243-З (в ред. от 06.03.23.) (далее – Кодекс об образовании); Закон Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З (в ред. от 05.01.2022 г.) «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей); Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З (в ред. от 10.10.2022 г.) «Об информации, информатизации и защите информации»; Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З (в ред. от 01.06.2022 г.) «О защите персональных данных».

Регламентация правоотношений по оказанию в том числе образовательных услуг основана на нормах ГК, в частности, главы 39, регулирующей вопросы возмездного оказания услуг, и конкретизируется в иных актах законодательства. В силу ст. 66 Кодекса об образовании оказание субъектами образовательной деятельности услуг в сфере образования на платной основе осуществляется на основании договора об оказании услуг при реализации образовательных программ на платной основе, существенными условиями которого являются: предмет договора; дата начала образовательного процесса или порядок ее определения; форма получения образования; срок обучения; стоимость обучения, порядок ее изменения; порядок расчетов за обучение; ответственность сторон. Постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 9 сентября 2022 г. № 297 утверждены типовые формы таких договоров. Кодекс об образовании (ст. 16) предусматривает, что образование может быть получено в дистанционной форме и определяет ее как «обучение и воспитание, предусматривающие преимущественно самостоятельное освоение содержания образовательной программы обучающимся и взаимодействие обучающегося и педагогических работников на основе использования дистанционных образовательных технологий». При этом определяется, что дистанционные образовательные технологии реализуются «в основном с применением информационно-коммуникационных технологий при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников».

Министерством образования Республики Беларусь приняты специальные постановления, направленные на регулирование дистанционной формы получения образования: от 11 ноября 2022 г. № 431 «О дистанционной форме получения образования при реализации образовательных программ профессионально-технического, среднего специального образования» (далее – постановление № 431); от 15 декабря 2022 г. № 481 «О дистанционной форме получения образования при реализации образовательных программ дополнительного образования взрослых» (постановление № 481); от 8 ноября 2022 г. № 430 «О дистанционной форме получения высшего образования» (далее – постановление № 430).

Постановления № 430, № 431, № 481 устанавливают основные требования к организации учебного процесса и определяют для всех учреждений образования при реализации образовательных программ профессионально-технического, среднего специального, высшего и дополнительного образования практически идентичные условия организации образовательного процесса с использованием дистанционных образовательных технологий, а именно наличие: электронных образовательных ресурсов, систем электронного обучения, личного кабинета обучающегося; процедуры прокторинга и современных технических средств для ее реализации; электронной образовательной среды и др.

Следует обратить внимание на то, что Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2022 г. № 518 «О реализации Закона Республики Беларусь от 14 января 2022 г. № 154-З «Об изменении Кодекса Республики Беларусь об образовании» с целью обеспечения надлежащего качества подготовки выпускников определен достаточно широкий перечень специальностей, по которым не допускается обучение в дистанционной форме.

Согласно ст. 5 Закона о защите прав потребителей потребитель имеет право, в частности, на: надлежащую информацию об услугах; свободный выбор услуг; надлежащее качество услуг; возмещение в полном объеме убытков, причиненных вследствие недостатков услуги, в том числе на компенсацию морального вреда. Соответственно до заключения договора, исполнитель обязан предоставить потребителю всю достоверную информацию о себе и предлагаемых им услугах, в том числе для обеспечения возможности выбора учреждения образования (ст. 7 – 10 Закона о защите прав потребителей).

Статьей 11 Закона о защите прав потребителей предусмотрено важнейшее право потребителя – на надлежащее качество услуги. В силу ст. 1 Кодекса об образовании качество образования определяется соответствием «образования требованиям образовательного стандарта, учебно-программной документации соответствующей образовательной программы, иным требованиям, предусмотренным настоящим Кодексом и иными актами законодательства». В процессе исполнения договора об оказании образовательных услуг, исполнитель обязан оказывать услуги качественно, в установленный срок и в полном объеме. Все эти условия должны быть четко отражены в договоре. Вопрос качества дистанционного образования становится одним из важнейших, поскольку требует перестройки принципов организации образовательного процесса, подготовки новых методических материалов и фондов оценочных средств.

Таким образом, в связи с тем, что дистанционная форма получения образования имеет существенную специфику, необходимо принятие единого нормативного правового акта ее регулирующего. В Кодексе об образовании присутствуют только общие нормы о дистанционном образовании. Полагаем, что принятие множества нормативных правовых актов, регулирующих использование дистанционной формы при реализации программ профессионально-технического, среднего специального, высшего и дополнительного образования не оправдано. Это может привести к отсутствию единства, системности в правовом регулировании и привести к нарушению прав потребителей возмездных образовательных услуг.

Детальное правовое регулирование дистанционной формы получения образования, позволит потребителям эффективно защищать их права в случае их нарушения. В связи с этим, полагаем, в едином нормативном правовом акты должны быть, в частности, определены: терминологический аппарат, структура дистанционного образования, субъекты дистанционных образовательных правоотношений, требования к техническому обеспечению и условиям оказания дистанционных образовательных услуг, порядок проведения мониторинга качества образовательных услуг и другие положения. Представляется необходимым внесение дополнений в Постановление Министерства образования Республики Беларусь от 9 сентября 2022 г. № 297 «О типовых формах договоров в сфере образования» и утверждение типовых договоров на получение образования в дистанционной форме.

Список использованной литературы

1. Еловая, Е. М. Дистанционное образование в Беларуси: проблемы и перспективы / Е. М. Еловая // Бизнес. Образование. Экономика : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1–2 апр. 2021 г. : сб. ст. / редкол.: В. В. Манкевич [и др.]. – Минск : Институт бизнеса БГУ, 2021. – С. 529 – 534.

2. Кравцова, Н. Г., Фарафонтова, Е. Л. Правовое регулирование дистанционного образования в России / Н. Г. Кравцова, Е. Л. Фарафонтова // Развитие современного образования : от теории к практике : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 17 мая 2017 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 74 – 77.

УДК 347.455

D. B. Telibekova

(Financial University under the Government of the Russian Federation)

ON THE QUESTION OF THE ESSENTIAL TERMS OF THE CONVERTIBLE LOAN AGREEMENT

The article provides a scientific analysis of the essential terms of a convertible loan agreement in the Russian civil law system. It examines the features of the subject of the agreement and other terms, and analyzes existing scientific approaches to their formulation and practical application. It substantiates the legitimacy of limiting the subject of such an agreement exclusively to monetary funds, based on the purposes and nature of this contractual structure. It formulates a proposal on the need for legislative consolidation of uniform requirements for the structure and content of a convertible loan agreement.

In accordance with Federal Law No. 354-FZ of July 2, 2021 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (hereinafter referred to as Federal Law No. 354), a new type of agreement has been introduced into national legislation - a convertible loan agreement [1]. The key distinguishing feature is the envisaged possibility, upon the occurrence of a specified term or a specified qualified event, of repaying the loan with interest or converting the provided funds into the authorized capital of a limited liability company or a joint-stock company.

In accordance with the provisions of the law, the following are considered essential terms of a convertible loan agreement [2-3]:

1. For limited liability companies, the term or occurrence of certain circumstances is determined, in the presence of which the lender receives the right to increase the authorized capital of the borrower, and the amount or procedure for determining the amount of the increase in the nominal value of the lender's share in the authorized capital of the company is established.

2. For joint-stock companies, the term or circumstances determining the right of the lender to demand the placement of additional shares are fixed, and the price or the procedure for determining it when placing such shares under the agreement is also determined.

It should be emphasized that the theoretical development of this contractual structure is in its infancy, and at present there are relatively few studies devoted to the issues of the essential terms of a convertible loan agreement and the analysis of the theoretical problems of its application. Some researchers believe that the essential terms include both the general terms characteristic of a classic loan agreement and the special terms inherent exclusively to agreements of this type [4]. However, this position raises certain doubts. An analysis of the norms of the current legislation shows that the law provides only a limited list of essential conditions for a convertible

loan agreement. In the context of applying special rules, in contrast to the general rules on a loan agreement, other conditions do not acquire a legally significant status of essential. At the same time, the legislation does not establish criteria for the so-called "special" essential conditions in relation to a convertible loan. In the scientific community, there is a position on the possibility of recognizing other conditions as essential, in addition to those specifically provided for by the Law on LLCs and JSCs. For example, N. E. Makaryev expresses the opinion that the subject of a convertible loan agreement may be not only monetary funds, but also things determined by generic characteristics. In addition, he also classifies the condition on conversion among the essential conditions [5]. It is difficult to agree with such a point of view, since the provisions of the Law on LLCs and the Law on JSCs directly establish that under a convertible loan agreement, the lender is obliged to provide the borrower with cash. Such wording indicates a targeted legislative limitation of the subject of this agreement exclusively to cash. On the contrary, a classic loan agreement in accordance with Article 807 of the Civil Code of the Russian Federation allows for the provision of both cash and things determined by generic characteristics [6]. An analysis of the special provisions of the Law on LLCs and the Law on JSCs demonstrates that in the context of a convertible loan, the subject of the agreement is limited to monetary funds only. R. I. Ermoolenko takes a similar position, emphasizing that the special nature of the legal relationship between the investor and the company necessitates recognizing monetary funds as the only permissible subject of the said agreement [7].

R. R. Mulyukova classifies among the essential terms of a convertible loan agreement the provisions determining the loan amount, terms or other circumstances under which the lender receives the right to conversion, as well as the conditions related to the cost or procedure for determining the cost of additional shares (interests) transferred pursuant to the agreement [8]. Attorney Jose Tobar, among the essential terms of this contractual structure, highlights the conditions on the amount and terms of loan repayment, as well as the terms and circumstances giving the lender the right to demand the transfer of corporate rights in the company [9]. In his opinion, in order to ensure the interests of the lender, it is advisable to fix in the agreement the procedure for the implementation of corporate rights, in particular, to provide for the conclusion of cooperative or quasi-corporate agreements under paragraph 9 of Article 67.2 of the Civil Code of the Russian Federation with the participation of all participants in the company and the investor. In addition, the author believes that it is justified to grant the lender the right of veto on key management issues (for example, at meetings of participants, on issues of reorganization or disposal of property) or the provision of other control instruments.

Some researchers also suggest including in the agreement conditions on the limits of the company's valuation upon conversion (in the event of a significant increase in capitalization), restrictions on attracting new convertible loans, and the possibility of the investor's participation in the company's board of directors [10]. Additional essential conditions may include the procedure for fulfilling obligations in the event of failure to convert, terms of interest payment, the possibility and procedure for early repayment of the loan, and a mechanism for amending the agreement. According to a number of authors, the inclusion of such provisions in the list of essential conditions at the legislative level helps to increase legal certainty and reduce the number of disputes, ensuring the protection of the interests of all parties to the transaction.

The current legal regulation of a convertible loan does not fully take into account its specifics, which necessitates expanding the legislative list of essential conditions applicable to this contractual structure.

It seems reasonable to include in the number of such conditions the procedure for fulfilling obligations to repay the loan and accrue interest in the event that conversion was not carried out due to the fault of the borrower or for other reasons; conditions for early fulfillment of obligations; the procedure and parameters for the conversion procedure (including determining the conversion rate, interest calculation rules, the ratio of the loan amount to the volume of corporate rights, the procedure for determining the value of additional shares in a

JSC); regulating the procedure for amending the terms of the agreement by agreement of the parties. An important element is the establishment of clear rules and a mechanism for conducting the conversion, including the definition of qualifying events and the achievement of established indicators. In order to ensure a balance of interests of the parties and legal certainty, it is necessary to establish the procedure for documentary confirmation of the achievement of such indicators, the deadlines for submitting reports, as well as a mechanism for resolving possible disagreements between the parties.

Thus, the analysis of the positions of scientists and the current legislation allows us to conclude that the list of essential terms of the convertible loan agreement established for LLCs and JSCs is fragmentary and does not reflect all the features of these contractual relations. The laws on LLCs and JSCs limit the subject of the convertible loan exclusively to monetary funds, which is confirmed by both the content of regulatory acts and the conclusions of the majority of researchers. This feature distinguishes a convertible loan from a classic loan agreement, the subject of which may be not only monetary funds, but also other things determined by generic characteristics. Scientific literature reasonably indicates that along with the mandatory conditions for the contractual structure under consideration, such as the loan amount, terms and procedure for conversion, the essential ones should include provisions on the methods for determining the value of convertible shares (interests), mechanisms for protecting investor rights, procedures for settling emerging disagreements, as well as regulating the payment of interest, early repayment of the loan and amendments to the agreement. Inclusion of the above provisions in the text of the agreement and their consolidation at the legislative level will ensure an increase in the degree of legal certainty, predictability of the fulfillment of obligations and the effectiveness of the protection of the rights and interests of all participants in legal relations. Taking into account the above, it seems necessary to improve the regulatory framework for convertible loan agreements by legislatively securing an expanded list of essential conditions, which will allow for a more complete consideration and balanced protection of the interests of the parties to the said agreement.

List of used literature

1. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Constitutional Law, June 8, 2021, No. 354-FKZ: as amended by Federal Constitutional Law of June 8, 2021 // ConsultantPlus. Russia / Consultant Plus CJSC. – M., 2025.
2. On Limited Liability Companies [Electronic resource]: Federal Constitutional Law, February 8, 1998, No. 14-FKZ: as amended by Federal Constitutional Law of March 1, 2025 // ConsultantPlus. Russia / Consultant Plus CJSC. - M., 2025.
3. On Joint-Stock Companies [Electronic resource]: Federal Constitutional Law. Law, December 26, 1995, No. 208-FKZ: as amended by the Federal Constitutional Law of March 1, 2025 // ConsultantPlus. Russia / Consultant Plus CJSC. - M., 2025.
4. Bogdanov, A. V. Legal regulation of a convertible loan agreement in corporate relations / A. V. Bogdanov // Ex Jure. - 2022. - No. 2. - P. 64-75.
5. Makaryev, N. E. Legal regulation of a convertible loan agreement and the mechanism for its implementation / N. E. Makaryev // Legal Science and Practice: Current Issues, Achievements and Innovations: Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference, Penza, March 25, 2024. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2024. – P. 26-30.
6. Civil Code of the Russian Federation (part two) [Electronic resource]: January 26, 1996, No. 14-FZ: adopted by the State Duma on December 22, 1995: approved by the Federation Council on December 8, 2006: as amended by the Federal Law of February 13, 2024 // ConsultantPlus. Russia / ZAO Consultant Plus. – M., 2025.
7. Ermoolenko, R. I. Mechanism for concluding a convertible loan agreement in relation to limited liability companies / R. I. Ermoolenko // Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. – 2024. – No. 3 (23). – P. 35-41.

8. Mulyukova, R. R. Convertible loan: review and problems [Electronic resource] / R. R. Mulyukova // Zakon.ru: Legal portal. – Access mode: https://zakon.ru/blog/2021/08/10/konvertiruemyj_zaem_obzor_i_problematika. – Access date: 06/22/2025.

9. Jose Tobar. Convertible loan. Rules that will turn the agreement into a working tool [Electronic resource] / J. Tobar // Corporate lawyer. – No. 3. – Access mode: https://e.korporist.ru/1013762?utm_medium=refer&utm_source=www.law.ru&utm_term=35134&utm_content=news&utm_campaign=red_block_content_button. – Access date: 02.03.2025.

10. Konyaeva, A. Yu. Convertible loan agreement: advantages, procedure and consequences of conclusion, differences from an option agreement [Electronic resource] / A. Yu. Konyaeva // CPO Group: Legal portal. – Access mode: <https://pravorf.ru/>. – Access date: 10.03.2025.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ

УДК 347.97

Б. В. Антонов

*Научный руководитель – И. В. Ершова, кандидат философских наук, доцент
(САФУ имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация)*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

В данной работе представлен анализ цифровизации судебных систем России и Беларуси, а также выявлены общие положительные и отрицательные стороны процесса цифровизации системы правосудия. Данная работа позволяет на примере двух стран увидеть различные подходы к процессу цифровизации судебной системы и сформировать полноценное представление по данному вопросу.

В настоящее время в обществе происходят значительные изменения во всех сферах, данные изменения заключаются в внедрении искусственного интеллекта и различных других цифровых технологий во все сферы жизни. Такой процесс стал возможен благодаря прогрессу в ИТ и связанных с ней сферах и называется цифровизацией, которая представляет собой естественный и нормальный процесс в современном обществе, который не мог не затронуть судебную систему – важный механизм охраны прав и свобод граждан и решения различных споров. Вопрос цифровизации судебной системы является актуальным, поскольку данный процесс позволит модернизировать судебную систему, что способствует улучшению качества работы и сокращению затрат (финансовых, временных и др.) независимо от того, судебной системой какого государства она является. Об этом также свидетельствует призыв президента Российской Федерации В. В. Путина к тому, что российская судебная система должна быть готова к цифровизации: «Абсолютно очевидно, что применение «цифры» в судопроизводстве будет только расширяться, и наша судебная система должна быть к этому полностью готова, и технически, и организационно, а главное, чтобы при этом неукоснительно соблюдались конституционные права граждан», – сказал В. В. Путин на совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов Российской Федерации[4].

Цифровизация судебной системы – это многоаспектный и сложный процесс, который требует учета всех внешних условий и нюансов, поэтому даже не смотря на положительный опыт различных стран, в Российской Федерации и Белоруссии, на данный момент, цифровизация не достигла такого уровня, как в этих странах. Но работа по цифровизации системы правосудия активно ведётся, в первую очередь это связано с наличием большого количества преимуществ, разберём ключевые из них [3].

Первое достоинство применения ИИ в судопроизводстве – это оптимизации процесса и повышении качества выполнения типизированных рутинных процедур, именно в этом направлении расширение применения технологий ИИ видится нам особенно актуальным. Работа суда во многом состоит из совершения рутинных технических операций, в быстром и корректном выполнении которых ИИ может стать незаменимым помощником. использование систем ИИ в судопроизводстве наиболее целесообразно по таким направлениям, как делопроизводство, статистика и архивная работа.

Следующая положительная характеристика, вытекающая из предыдущей – уменьшение времени рассмотрения дел за счет уменьшения рутинной работы, поскольку на данный момент, загруженность судов обусловлена многими факторами.

Ещё одним преимуществом цифровизации судебной системы являются системы «умного поиска», которые способствуют повышению уровня правовых знаний и правовой грамотности населения страны по различным аспектам права, кроме того данные системы позволяют разобраться в тех или иных областях права гражданам, не имеющим юридического образования и достаточного уровня в той или иной правовой сфере.

Выше нами приведена только часть основных преимуществ, которые позволяют сделать современную судебную систему лучше за счет процесса цифровизации.

Несмотря на большое количество достоинств, процесс цифровизации имеет ряд недостатков, которые негативно влияют не только на отдельные процессы, на которые направлены, но и систему правосудия в целом. Также проблематика данного вопроса заключается в том, что из-за новизны института цифровизации и недостатка его практического освоения на уровне государства будут встречаться проблемные вопросы, поэтому учесть все недочёты не представляется возможным, но мы рассмотрим подробнее ключевые недостатки в области цифровизации судебной системы в современных реалиях.

Первым недостатком, который мы разберём является отсутствие в настоящее время достаточного объёма баз данных и интернет хранилищ, которое приводит к техническим неполадкам, которые являются большой проблемой ввиду комплекса причин. Несмотря на необходимую оснащенность как в зале суда, так и в иных местах, в случае отключения электричества или пропажи интернет-соединения судебный процесс будет прерван. При прерывании судебного заседания по вышеуказанной причине остается открытым вопрос о соблюдении требования относительно ведения видео-протоколирования и его восстановления. Во-вторых, информация, собираемая с помощью искусственного интеллекта (далее ИИ) и различных интернет приложениях, должна храниться в таких базах данных, которые будут защищены от взлома и постороннего проникновения, так как в настоящее время хакеры проникают в любые, казалось бы, даже в самые защищенные базы данных и происходит утечка конфиденциальной информации. В настоящее время создание таких баз данных из-за недостатка технологической оснащенности, больших финансовых затрат и др. существенных причин невозможно в большинстве стран мира.

Ещё один проблемный вопрос процесса цифровизации судебной системы – это формализация судебных процедур, которая приведет к «шаблонности» судебных решений. Искусственный интеллект не может оперировать такими понятиями как добро и зло, морально и аморально и т. п., что приведёт к тому, что принимаемые решения не будут отвечать требованиям справедливости. (так в Российской Федерации Конституционный суд в постановлении от 02.06.2013г. отмечал, что правосудие может признаваться лишь при условии, что оно отвечает требованию справедливости) [1].

Количество рабочей силы также является проблемным вопросом: с одной стороны, в случае полноценной цифровизации системы правосудия потребуется большое количество IT-специалистов, которых не хватает и так во всех сферах, с другой стороны при цифровизации системы правосудия большое количество юристов потеряет работу, что приведёт к большому числу безработных, что в свою очередь, негативно повлияет на экономику той страны, в которой это произошло.

В настоящее время существует ряд и других проблемных вопросов в аспекте цифровизации судебных систем.

Выявив ключевые преимущества и недостатки цифровизации системы правосудия, мы бы хотели рассмотреть, что сделано и что планируется сделать для цифровизации судебной системы в России и Беларуси.

В России цифровизация началась с двухтысячных годов об этом свидетельствует ряд федеральных програм: «информатизация судебной системы и судов» (Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы на 2002–2006 годы», утверждена постановлением Правительства РФ от 20 ноября 2001 г. № 805); «электронное обеспечение правосудия» (Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы на 2007–2012 годы», утверждена постановлением Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. № 583 и др.

Особенно актуален данный вопрос стал в период COVID-19, который обнажил множество недостатков в реализации конституционно гарантированного права на судебную защиту и доступ к суду в электронной форме, так, в России с 19 марта по 10 апреля 2020 г. был приостановлен личный прием граждан в судах, было рекомендовано обращаться в судебные органы через электронные интернет-приемные судов, при этом было указано, что рассмотрению в очном порядке подлежат только дела безотлагательного характера, в то время как иные споры при наличии технической возможности рекомендовано рассматривать путем использования систем видеоконференцсвязи (постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808)[2].

В настоящее время в Российской Федерации процесс цифровизации судебной системы идёт полным ходом, об этом свидетельствуют слова Президента России, который на встрече с председателем Верховного суда России Вячеславом Лебедевым назвал успешным внедрение цифровых технологий в российское правосудие. По словам В. В. Путина, в 2023 году девять миллионов документов в электронном виде поступили в российские суды, что свидетельствует об успешном развитии электронной формы работы с гражданами, выстроенной Верховным судом. Открытость и доступность судебной системы обеспечивается в том числе широким использованием возможностей многофункциональных центров оказания государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна», отметил Лебедев. Он сообщил, что в таком режиме за весь прошлый год суды рассмотрели 400 тысяч дел. Также эффективными оказались новые формы судопроизводства по видеоконференц-связи и веб-конференции — с их применением было рассмотрено около одного миллиона дел [4].

Рассматривая цифровизацию судебной системы в Беларуси стоит отметить, что она началась позже чем в России и её стартом можно назвать разработку в 2015 году единой информационной системы судов общей юрисдикции (АИС СОЮ) и создания электронной системы общего и судебного делопроизводства. Из интервью с председателем Верховного суда Республики Беларусь Валентином Сукало становится ясно почему цифровизация в Беларуси развивается другим путём, отличающимся от России. «Есть пределы, где надо остановиться, и мы исходим из того, что принимать решение все-таки должен судья. Никакой искусственный интеллект не сможет заменить человека» [5].

Подводя итог отметим, что цифровизация судебной системы – это естественный процесс, который несмотря на наличие различных негативных и позитивных черт, затрагивает каждое государство, различается лишь уровень цифровизации на который хотят или готовы пойти власти для улучшения системы правосудия. Именно в индивидуальности развития каждого государства заключается уровень цифровизации на котором в данное время находится то или иное государство. Также особое внимание стоит отдельно уделить цифровизации судебных систем России и Беларуси, которые в очередной раз продемонстрировали индивидуальные пути развития, что особенно интересно проследить, учитывая идейную и историческую близость данных государств.

Список использованной литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 N 16-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда. // <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02072013-n/> // Электронный ресурс – доступ свободный. (дата обращения: 09.04.2025).

2. Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347974/ // Электронный ресурс – доступ свободный. (дата обращения: 09.04.2025).

3. Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Сапкеев Д. В. Философско-правовые и этические аспекты организации «умного суда»: китайский опыт // Вестник БГУ. - 2023. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-pravovye-i-eticheskie-aspekty-organizatsii-umnogo-suda-kitayskiy-opyt> (дата обращения: 09.04.2025).

4. <https://lenta.ru/news/2024/02/06/putinnninf/> // Электронный ресурс - доступ свободный. (дата обращения: 09.04.2025).

5. https://rapsinews.ru/digital_law_publication/20240624/310021668.html // Электронный ресурс - доступ свободный. (дата обращения: 09.04.2025).

УДК 340.5

Ю. И. Братушева, Я. В. Ушакова

*Научный руководитель – И.В.Савельев, кандидат юридических наук, доцент
(САФУ имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация)*

ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СНГ И МИРОВОГО СООБЩЕСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Цель работы – определить ключевые тенденции и особенности взаимодействия правовых систем стран СНГ с мировым сообществом через сравнительно-правовой анализ, а также выявить перспективы их гармонизации и развития. В ходе исследования проводится анализ нормативных актов, регулирующих взаимодействие правовых систем стран СНГ с международным правом, сравниваются особенности правовых систем стран СНГ и их интеграция в глобальные правовые стандарты, исследуются механизмы взаимодействия и сотрудничества между правовыми системами стран СНГ и международными институтами, а также выявляются основные барьеры и факторы, влияющие на гармонизацию правовых систем.

Актуальность исследования обусловлена растущей глобализацией и необходимостью гармонизации правовых систем стран СНГ с международными стандартами. Современные вызовы, такие как борьба с терроризмом, защита прав человека и кибербезопасность, требуют эффективного взаимодействия национальных правовых систем с мировым сообществом. Анализ сравнительных правовых систем СНГ позволяет выявить тенденции, барьеры и перспективы их интеграции, что способствует развитию сбалансированного и координированного международного правового пространства.

Цель нашей работы: определить ключевые тенденции и особенности взаимодействия правовых систем стран СНГ с мировым сообществом через сравнительно-правовой анализ, а также выявить перспективы их гармонизации и развития. Задачи: провести анализ нормативных актов, регулирующих взаимодействие правовых систем стран СНГ с международным правом; сравнить особенности правовых систем стран СНГ и их интеграцию в глобальные правовые стандарты; исследовать механизмы взаимодействия и сотрудничества между правовыми системами стран СНГ и международными институтами; выявить основные барьеры и факторы, влияющие на гармонизацию правовых систем, а также предложить рекомендации для их совершенствования.

Анализ нормативных актов, регулирующих взаимодействие стран СНГ с международным правом, является ключевым этапом в исследовании данной темы. Необходимо рассмотреть международные договоры и соглашения, участником которых является Содружество Независимых Государств (СНГ), а также национальные законодательные акты стран-участниц. К таким документам относятся Устав СНГ, договоры о сотрудничестве в различных областях права, соглашения с международными организациями, такие как ООН, ОБСЕ и Совет Европы, а также двусторонние и многосторонние соглашения между странами СНГ.

Изучение этих документов позволяет выявить основные принципы и направления взаимодействия правовых систем СНГ с мировым сообществом. Это включает в себя анализ принципов верховенства права, защиты прав человека, сотрудничества в области уголовного правосудия и борьбы с преступностью, а также участие в международных экономических и экологических инициативах. Важно отметить, что многие из этих принципов и направлений закреплены в международных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, а также международные конвенции по борьбе с организованной преступностью и терроризмом и другие.

Кроме того, анализ нормативных актов позволяет определить степень их соответствия международным стандартам. Это включает в себя оценку соответствия национального законодательства международным обязательствам, а также выявление пробелов и несоответствий в правовых системах стран СНГ. Важно отметить, что гармонизация национальных законодательств с международными стандартами способствует укреплению международного правового порядка и защите прав и свобод человека.

Правовые системы стран СНГ имеют свои особенности, формирующие их взаимодействие с мировым сообществом. Эти особенности включают различия в уровне развития демократических институтов, правовых традиций и правовых систем в целом. Некоторые страны СНГ, такие как Казахстан и Узбекистан, имеют более развитые правовые системы с элементами континентального права, имея при этом определенные особенности и отличия от классической континентальной правовой системы, в то время как другие страны, такие как Армения и Молдова, больше четко следуют принципам романо-германской правовой системы, что проявляется в их законодательстве и правоприменительной практике.

Исторические, культурные, экономические и политические факторы оказывают значительное влияние на формирование правовых систем стран СНГ. Советский период оставил глубокий след в правовых системах этих стран, и многие из них продолжают испытывать влияние советского правового наследия. Постсоветские реформы, направленные на модернизацию и адаптацию правовых систем к международным стандартам, также играют важную роль в этом процессе.

Важно отметить, что различия в правовых системах стран СНГ могут создавать барьеры для гармонизации и сотрудничества. Например, различия в подходах к защите прав человека, уголовному правосудию и борьбе с преступностью могут затруднять координацию усилий между странами. Тем не менее, понимание этих особенностей и их влияния на правовые системы стран СНГ является важным шагом на пути к гармонизации и укреплению международного правового порядка.

Взаимодействие правовых систем стран СНГ с международными институтами осуществляется через множество механизмов, таких как участие в международных организациях, подписание международных договоров, сотрудничество с международными судами и обмен опытом между национальными судебными и правоохранительными органами.

Страны СНГ активно сотрудничают с ООН, ОБСЕ, Советом Европы и другими международными организациями. Это сотрудничество включает участие в разработке и реализации международных программ и проектов, направленных на укрепление международного правового порядка. Например, страны СНГ участвуют в международных инициативах по борьбе с коррупцией, организованной преступностью и терроризмом, а также в проектах по защите прав человека и окружающей среды.

Сотрудничество между национальными судебными и правоохранительными органами является важным механизмом взаимодействия. Это позволяет обмениваться опытом, координировать усилия в борьбе с транснациональной преступностью и другими угрозами. Например, страны СНГ активно участвуют в международных форумах и конференциях, направленных на укрепление международного правосудия и борьбу с преступностью.

Кроме того, важным механизмом взаимодействия является создание и функционирование специализированных органов и структур, таких как Антитеррористический

центр СНГ и Координационный совет правоохранительных органов. Эти органы способствуют координации усилий в борьбе с преступностью и укреплению международного правового порядка.

Гармонизация правовых систем стран СНГ с международным правом сталкивается с рядом барьеров, включая различия в правовых традициях, культурных и исторических особенностях, а также различия в уровне развития правовых систем. Эти барьеры могут затруднять процесс гармонизации и создавать препятствия для эффективного взаимодействия между странами.

Политические и экономические факторы также оказывают значительное влияние на гармонизацию правовых систем. Внешнеполитические приоритеты государств, такие как стремление к интеграции с Западом или укрепление связей с Востоком, могут влиять на выбор направлений сотрудничества и гармонизации. Экономические интересы, такие как привлечение иностранных инвестиций и развитие торговли, также играют важную роль.

Перспективы гармонизации правовых систем стран СНГ связаны с дальнейшим развитием сотрудничества между национальными правовыми системами и международными институтами. Это включает укрепление правовых традиций и повышение уровня правовой культуры в странах СНГ. Важно также учитывать необходимость адаптации национального законодательства к международным стандартам и разработка новых механизмов сотрудничества.

Исследование тенденций взаимодействия правовых систем СНГ с мировым сообществом позволяет выявить как положительные, так и отрицательные аспекты этого процесса. Это, в свою очередь, способствует разработке рекомендаций по совершенствованию механизмов сотрудничества и гармонизации правовых систем.

Гармонизация правовых систем стран СНГ с международными стандартами является важным фактором укрепления международного правового порядка, обеспечения прав и свобод человека, а также развития международного сотрудничества. Для достижения этой цели необходимо продолжать работу по совершенствованию механизмов взаимодействия и сотрудничества между национальными и международными правовыми системами.

Список использованной литературы

1. Устав Содружества Независимых Государств. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-strukturny-prostranstva-sng/1738155/.
2. Официальный сайт Исполкома СНГ. – URL: <https://eccis.org/>
3. Орлова, Е. Е. Роль гармонизации правового регулирования в процессе глобальной и региональной интеграции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – №6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-garmonizatsii-pravovogo-regulirovaniya-v-protssesse-globalnoy-i-regionalnoy-integratsii> (дата обращения: 16.04.2025).
4. Каламкрян, Р. А. Основы международного права : учебник для среднего профессионального образования / Р. А. Каламкрян, Ю. И. Мигачев. — 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 632 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-13585-5. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/567553> (дата обращения: 16.04.2025).
5. Бодурова, Г. Г. Процесс гармонизации международного частного права в рамках СНГ: проблемы и перспективы развития // Международные отношения и общество. – 2019. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-garmonizatsii-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava-v-ramkah-sng-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 17.04.2025).
6. Мохорова, А. Ю. Влияние интеграционных процессов на развитие национально-правовых систем стран постсоветского пространства / Мохорова А. Ю., Демидов В. П.,

Долженкова Е // Society and Security Insights. 2023. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-integratsionnyh-protsessov-na-razvitie-natsionalno-pravovyh-sistem-stran-postsovetского-prostranstva> (дата обращения: 17.04.2025).

7. Богданов, А. Г. Организационно-правовые основы взаимодействия правоохранительных органов государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ) : учебник / А. Г. Богданов, В. И. Качалов, П. В. Кузнецов [и др.] ; под ред. В. В. Ершова, В. Г. Петрова. – Москва : РГУП, 2018. – 248 с.: ISBN 978-5-93916-678-2. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1007476> (дата обращения: 18.04.2025). – Режим доступа: по подписке.

8. Ершов, В. В. Организационно-правовые основы взаимодействия правоохранительных органов государств – участников Содружества Независимых Государств : учебник под ред. В. В. Ершова, В. Г. Петрова. – Москва : РГУП, 2018. – 248 с. – ISBN 978-5-93916-678-2. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/123169> (дата обращения: 18.04.2025). – Режим доступа: для авториз. пользователей.

УДК 347.961

О. Д. Богомякова, А. А. Коптяева

*научный руководитель – И. Е. Ершова, кандидат философских наук
(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ: АНАЛИЗ НОВОВВЕДЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В данной работе рассматриваются положительные и отрицательные аспекты введения обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью на примере договора дарения. Анализируется судебная практика для подтверждения необходимости соответствующих изменений. Проводится сопоставление деятельности нотариата и Единого государственного реестра недвижимости по обеспечению законности сделок, что поможет оценить значимость соответствующего нововведения в законодательстве.

В современном мире сделки с недвижимостью являются довольно частой и значимой процедурой в жизни граждан. Одной из наиболее распространённых сделок является договор дарения. Многие заключают его вместо оформления завещания, так как дарственная имеет более упрощённую процедуру. Рост числа сделок с недвижимостью провоцирует увеличение случаев мошенничества и других незаконных действий, особенно в отношении уязвимых групп населения. Это побуждает государство принимать дополнительные меры по защите прав граждан, а именно усиливать влияние нотариата как гаранта законности сделок и вводить обязательное нотариальное удостоверение для некоторых сделок с недвижимостью. В связи с этим возникает вопрос о рациональности и необходимости данных изменений в законодательстве.

13 декабря 2024 года был подписан Федеральный закон № 459 «О внесении изменения в статью 574 части второй гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которому договор дарения недвижимого имущества, заключенный между гражданами, подлежит нотариальному удостоверению [5]. В связи с данным нововведением роль нотариуса в заключении сделок дарения приобретает ключевой характер: теперь для заключения договора дарения недостаточно записи о переходе права собственности на недвижимое имущество в Едином государственном реестре недвижимости, то есть нотариальное удостоверение сделки приобретает обязательный характер для всех граждан.

Для того чтобы разобраться, в чём заключается значимость изменений, внесённых в статью 574 ГК, следует рассмотреть преимущества нотариального удостоверения договоров дарения перед простой письменной формой данного договора, а также определить, как удостоверение сделки у нотариуса способствует защите населения от мошенничества и злоупотребления правом со стороны недобросовестных контрагентов. Для начала обратимся к 163 статье ГК РФ, согласно которой нотариус проверяет законность сделки и наличие права обеих сторон на её совершение [2]. Также обратим внимание на статью 54 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, которая предполагает разъяснение сторонам смысла, значения, последствий сделки и проверку на соответствие её содержания действительным намерениям сторон, что представляется возможным только через личную беседу со сторонами, заключающими сделку [3]. Отсутствие обязательного нотариального удостоверения договоров дарения упрощало проведение мошеннических схем посредством обмана лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, имеющих алкогольную зависимость, лиц пожилого возраста и иных уязвимых категорий граждан. Это также облегчало подделку документов и убеждения дарителя подписать сделку, подвергая его психологическому давлению. Ещё одним преимуществом нотариального удостоверения является повышенная гарантия ответственности нотариуса за совершение ошибочных действий, например, неустановления существенных дефектов сделки [6, с. 25]. Согласно статье 17 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, «вред, причиненный имуществу сторон, возмещается за счет страхового возмещения по договору страхования гражданской ответственности нотариуса, или в случае недостаточности этого страхового возмещения – за счет страхового возмещения по договору коллективного страхования гражданской ответственности нотариуса, заключенного нотариальной палатой, или в случае недостаточности последнего страхового возмещения – за счет личного имущества нотариуса, или в случае недостаточности его имущества – за счет средств компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты» [3]. Такой механизм, безусловно, повышает ответственность нотариуса за совершаемые им действия и за причинённый вред сторонам сделки. Всё перечисленное позволяет сделать вывод о том, что последние изменения в законодательстве несомненно помогут сократить количество правонарушений в сфере сделок с недвижимостью и защитить граждан от потенциальной потери имущества вследствие действий недобросовестных контрагентов.

Введение обязательного нотариального удостоверения договоров дарения может также уменьшить нагрузку на судебную систему. Нотариус проверяет все существенные условия сделки, её законность и достоверность. Это приводит к минимизации правонарушений с договорами дарения, что, в свою очередь, снижает случаи обращения в суд за оспариванием сделок.

Примером разрешения спора в судебном порядке является решение Мотовилихинского районного суда г. Перми от 22 июля 2024 года о признании договора дарения недействительным. Истец, ФИОЗ, подала иск к ответчику, ФИО8, с просьбой признать договор дарения недействительным. Договор был заключен ДД.ММ.ГГГГ и касался 1-этажного жилого дома и земельного участка, принадлежащих истцу. Условием договора была обязанность ответчика оказывать истцу пожизненную материальную помощь и выполнять работы по дому. Первоначально ответчик соблюдал условия, но с февраля 2024 года помощь прекратилась. Ответчик объясняла это тем, что у неё начались проблемы со здоровьем, из-за которых она не смогла исполнять договор. При консультации с адвокатом истец узнала, что договор не содержит условий пожизненной ренты и является недействительным. Она не намеревалась утратить право собственности на единственное жилье и считала, что сделка подразумевает материальную помощь. Истец утверждает, что фактически утратила право собственности без понимания последствий. Таким образом, требования истца о признании сделки недействительной подлежат удовлетворению. Суд признал договор дарения жилого дома и земельного участка недействительным.

Можно предположить, что данного спора бы не возникло, если бы договор дарения заключался в присутствии нотариуса, который выяснил бы действительные намерения сторон и, возможно, отказал бы в удостоверении данного договора.

Указанная новелла в законодательстве помимо положительных сторон имеет некоторые недостатки. К ним справедливо отнести то, что для обеспечения законности сделки посредством нотариального удостоверения гражданам необходимо тратить значительные суммы на услуги нотариусов, включающие федеральные тарифы (госпошлины) и региональные. Это можно рассматривать как минус, так как излишние траты средств может принести определенные неудобства населению.

Следующий недостаток – это отсутствие достаточного количества нотариальных контор в небольших населенных пунктах по всей стране. Зачастую для заключения сделки людям нужно проделать долгий путь чтобы прибегнуть к услугам нотариусов. Это также провоцирует траты денежных средств, а также занимает немало времени.

Ещё одним несовершенством изменения законодательства можно считать то, что даже заключение сделок между близкими родственниками должно обязательно сопровождаться нотариальным удостоверением. Это, на наш взгляд, является не столь необходимым, так как заключение договора дарения между близкими родственниками – это естественный процесс, поэтому вполне возможно сохранить диспозитивный характер нотариального удостоверения сделки.

Для того чтобы лучше понимать суть нововведений в законодательстве, стоит сопоставить спектр обязанностей нотариуса и ЕГРН в процессе заключения сторонами договора дарения. Основное и принципиальное отличие государственной регистрации и нотариального удостоверения сделок состоит в цели их осуществления. Государственная регистрация необходима для официального закрепления права на недвижимость, а также для придания сделке свойства публичности [7, с. 32]. Согласно п. 5 ст. 1 Закона о государственной регистрации недвижимости, она является единственным доказательством существования зарегистрированного права. [4]. В этом заключается её главное предназначение. Что касается нотариального удостоверения, то его справедливо назвать условием действительности заключаемой сделки. Нотариус в этом случае выступает как гарант законности и прозрачности сделки. Согласно п. 1 ст. 163 ГК РФ помимо обеспечения законности нотариальное удостоверение сделки также подразумевает проверку наличия у сторон сделки права на её заключение [2].

Государственный регистратор занимается проведением регистрационной экспертизы, а именно проверкой предоставленных документов на соответствие требованиям закона, он несёт ограниченную ответственность за законность сделки, так как его действия с документами имеют формальный характер. Нотариус же осуществляет комплексную проверку намерений сторон договора, контроль за проведением всех процедур, требующихся для обеспечения её законности. [8, с. 34]

Здесь мы наглядно видим отличие данных структур, что позволяет сделать вывод о том, что замена обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью государственной регистрацией и наоборот просто невозможна. Эти институты взаимосвязаны и дополняют друг друга: государственная регистрация официально закрепляет права на недвижимость, а нотариальное удостоверение в свою очередь обеспечивает достоверность данных в ЕГРН. Полное исключение роли нотариуса в сфере заключения сделок с недвижимостью может нанести урон безопасности граждан, ведь одной государственной регистрации прав недостаточно.

Итак, мы рассмотрели основные аспекты изменений в законодательстве, касающихся введения обязательного нотариального удостоверения договоров дарения. Был выявлен ряд положительных сторон данных нововведений, значительно превышающих количество недостатков. Важность и целесообразность введения обязательного нотариального удостоверения, в первую очередь, обусловлена необходимостью защиты населения от разного рода мошеннических действий посредством комплексной

проверки нотариусом законных оснований для заключения сделок и действительных намерений сторон. Что касается деятельности Единого государственного реестра недвижимости и нотариуса в отношении договоров дарения, можно сказать, что оба института дополняют друг друга в обеспечении законности сделок, они не могут быть заменены друг другом.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30 дек. 2008 г. – М. : Айрис-пресс, 2013. – 63 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации [Текст]: [федер. закон №51: принят Государственной Думой 21 октября 1994 г.: одобрен Советом Федерации] // Собрание законодательства РФ. – №32. – 1994. – Ст. 3301.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. №4462–1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – №10. – Ст. 357.
4. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» [Текст]: [федер. закон № 218: принят Государственной Думой 3 июля 2015 г.: одобрен Советом Федерации 8 июля 2015 г.] // Собрание законодательства РФ. – №29. – 2015. – Ст. 4344.
5. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 574 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» [Текст]: [федер. закон №459: принят Государственной Думой 10 декабря 2024 г.: одобрен Советом Федерации 11 декабря 2024 г.] // Собрание законодательства РФ. – №51. – 2024. – Ст. 7853.
6. Кайгородов А. В. Обязательное нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью: гарант стабильности оборота или его обременение // Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия: сборник статей по материалам ХСХI международной научно-практической конференции. 2025. – С. 20-27. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_80248625_35169351.pdf (дата обращения: 15.04.2025).
7. Кайгородов А. В. Соотношение государственной регистрации прав и нотариального удостоверения сделок с недвижимостью в контексте защиты прав участников гражданского оборота // Актуальные вопросы цивилистики: Материалы всероссийской научно-практической конференции. 2024. – С. 31-36. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68532246> (дата обращения: 15.04.2025).
8. Смирнская Е.В. Институт государственной регистрации недвижимости и нотариальное удостоверение сделок как единый элемент стабильности гражданского оборота: новеллы законодательства // Правовая парадигма. 2019. № 1, – С. 30-39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38212251> (дата обращения: 15.04.2025).

УДК 347.424

Н. А. Гибиленко

*научный руководитель – В.В. Моданов, кандидат юридических наук, доцент
(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

НЕПРЕОДОЛИМАЯ СИЛА КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В материале рассматривается одно из оснований освобождения от гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательства в российском и белорусском

законодательствах, именуемое, как обстоятельства непреодолимой силы. Рассматриваются два сущностных признака данного понятия: чрезвычайность и непредотвратимость. На примере судебного дела иллюстрируется разрозненность правоприменительной практики между судами разных инстанций. В качестве одного из решений данной проблемы предлагается усовершенствовать законодательство России и Беларуси для упорядочения судебной практики по вопросу, описанному в статье.

Одним из ключевых оснований возникновения гражданско-правовых отношений является наличие обязательств у субъектов по отношению друг к другу. Под обязательством в гражданском праве понимается правоотношение, при котором одно лицо (должник) по требованию другого лица (кредитора) обязуется совершить определённое действие, либо воздержаться от его исполнения, а кредитор вправе требовать от должника исполнения этого действия. В свою очередь совокупность правовых норм, которые регулируют перемещение материальных благ в гражданском обороте образует крупнейшую подотрасль гражданского права – обязательственное право. Для данной подотрасли очень важно добросовестное исполнение обязательств обеими сторонами. При этом существует множество ситуаций, которые в той или иной степени препятствуют добросовестному исполнению сторонами своих обязательств, и эти ситуации не всегда могут зависеть от воли сторон. Примерами могут служить природные катастрофы, военные действия, аварии и другие. Законодатели Российской Федерации и Республики Беларусь называют подобные ситуации «обстоятельства непреодолимой силы», т. е. невозможность надлежащего исполнения обязательств вследствие непредотвратимых и чрезвычайных обстоятельств. Во-первых, данное понятие носит оценочный характер, что позволяет судьям в правоприменительной практике совершенно по-разному толковать его, в следствие чего возникает неоднородность судебной практики по данному вопросу. Во-вторых, ни Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), ни Гражданский кодекс Республики Беларусь не предоставляют чёткого списка сущностных признаков, достаточных для применения данной правовой категории, что также вызывает разногласия между субъектами правоприменения. Именно эти два аспекта обуславливают актуальность данного исследования.

На сегодня, термин «непреодолимая сила» характеризуется двумя признаками: чрезвычайностью и непредотвратимостью обстоятельств при данных условиях. П. 2 ч. 8 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 определяет, что чрезвычайность должна подразумевать исключительность данного обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях [2]. Иными словами, обстоятельство нельзя было предвидеть, предугадать в условиях возникновения обязательства. Это может быть пожар, цунами, отключение электроэнергии из-за неблагоприятных погодных условий, международные санкции и т. д. Также согласно с п. 3 ч. 8 того же Постановления в нём указано, что в подобной ситуации и другие субъекты в рамках исполнения аналогичного обязательства не смогли бы предотвратить его наступления и их последствия. Причём данные характеристики должны действовать одновременно для возникновения условий непреодолимой силы. Кроме того, наступление обстоятельств непреодолимой силы не прекращает обязательство после того, как они прекратились, если в последствие их исполнение возможно.

Согласно п. 3 ст. 401 ГК РФ и п. 1.3 Положения о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой РФ обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) к таковым не относятся [1]:

1) предпринимательские риски (нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных товаров, отсутствие денежных средств у должника);

2) последствия деятельности государственных органов в финансово-экономической политике (изменение курса национальной валюты, её девальвация);

3) преступные действия неустановленных лиц, если условия договора не предусматривают иного;

4) иные обстоятельства, исключённые из таковых сторонами договора.

Интересна правовая природа такого обстоятельства непреодолимой силы, как пандемия. В российском законодательстве нет чёткой правовой оценки высших судебных органов по поводу данного вопроса, чего нельзя сказать о белорусском законодательстве. Согласно разъяснениям ТПП Республики Беларусь обстоятельствами непреодолимой силы могут быть признаны лишь установленные государством ограничительные меры для борьбы с дальнейшим распространением коронавирусной инфекции, а Коронавирус (COVID-19) и пандемия сами по себе не являются такими обстоятельствами [5, С. 116]. Следует отметить, что бремя доказывания наличия обстоятельств непреодолимой для освобождения лица от гражданско-правовой ответственности силы несёт должник, т. е. лицо, не исполнившее или ненадлежаще исполнившее своё договорное обязательство.

Резюмируя, понятие непреодолимой силы обуславливается двумя признаками: чрезвычайностью, т. е. исключительностью и непредвиденностью наступившего обстоятельства, и непредотвратимостью, или же неизбежностью обстоятельства, а также возобновлением обязательств при отмене обстоятельств непреодолимой силы. К подобным обстоятельствам не относится девальвация национальной валюты, отсутствие денежных средств у должника и другие, а также пандемия в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Судебная практика в вопросе определения обстоятельств непреодолимой силы достаточно разрозненная, и разные судебные инстанции даже по одному делу могут вынести совершенно разные решения, различным образом квалифицируя характеристики обстоятельств непреодолимой силы – чрезвычайность и непредотвратимость. Рассмотрим пожар как обстоятельство непреодолимой силы.

Приведём пример. На территории склада в металлическом ангаре произошёл пожар. На складе находился товар, переданный по договору хранения одним субъектом предпринимательской деятельности другому на сумму 1,2 млн. рублей. По действующей шкале пожару присвоена четвёртая степень опасности. Были предприняты необходимые меры по его нейтрализации: пожар ликвидировали 13 часов, было привлечено несколько пожарных расчётов, 2 вертолёт, однако остановить продвижение огня к складу не удалось. В результате ангар был полностью уничтожен, а товар, который там находился погиб. На основании материалов органов следствия, письма Управления по СВАО ГУ МЧС России по г. Москве и пункта 12.6 Договора хранения суды первой и апелляционной инстанций признали пожар обстоятельством непреодолимой силы, сославшись на п. 3 ст. 401 ГК РФ [4, С. 26-27].

Важным аспектом в данном деле является тот факт, что суды при вынесении решений руководствовались не только причинённым ущербом, но и сложностью тушения огня, а также масштабом спасательной операции. При этом они не учли некоторых моментов, на которые обратил внимание Высший Арбитражный суд РФ, а именно:

1. Согласно п. 1 ст. 901 ГК РФ хранитель отвечает за утрату, недостачу или повреждение вещей, принятых на хранение, по основаниям, предусмотренным ст. 401 ГК РФ [1].

2. Хранитель отвечает за утрату, недостачу или повреждение вещей, если не докажет, что это произошло вследствие непреодолимой силы, либо из-за свойств вещи, о которых хранитель, принимая её на хранение, не знал или не должен был знать по воле поклажедателя.

3. В соответствии с п. 3 ст. 401 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несёт ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств [1].

Таким образом, Высший Арбитражный суд РФ принял решение об удовлетворении иска истца (поклажедателя) и возмещении материального ущерба с ответчика, поскольку описанное обстоятельство не квалифицируется как чрезвычайное, т. е. исключительное, выходящее за рамки обыденного. Как было отмечено ранее, для наступления обстоятельства непреодолимой силы, должны одновременно соблюдаться два условия: чрезвычайность и непредотвратимость, а отсутствие одного из них предоставляет право не считать обстоятельства таковыми, что можно наблюдать в предложенном случае [4, С. 27].

Данная ситуация наглядно иллюстрирует, что суды разных инстанций могут совершенно различным образом квалифицировать конкретный юридический факт. При рассмотрении аналогичных дел можно найти огромное количество решений с полярными точками зрения на исход того или иного судебного дела вследствие оценочного характера данных обстоятельств со стороны судей, в результате чего может нарушиться один из общеправовых принципов – принцип справедливости. Законодатель не предоставляет единого и точного определения понятию «непреодолимая сила», а также более широкого и конкретного перечня характеризующих признаков. Предлагается усовершенствовать действующее гражданское законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь в данной сфере в целях унификации и упорядочения судебной практики по вопросу определения обстоятельств непреодолимой силы.

По итогам исследования, можно констатировать, что в обязательственном праве могут возникнуть конкретные жизненные ситуации, которые субъекты правоотношений в повседневной жизни не могут предвидеть и избежать. Подобные случаи именуются обстоятельствами непреодолимой силы и, соответственно, характеризуются двумя признаками – чрезвычайностью, или исключительностью в данном случае, и непредотвратимостью, или же неизбежностью. Поскольку в действующем законодательстве России и Беларуси не содержится конкретизированного перечня признаков, более подробно раскрывающих данное понятие, судебная практика является разнородной, даже если рассматривать одно конкретное дело. В целях приведения к единству судебной практики по данному вопросу предлагается в гражданское законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь ввести нормы, более подробно раскрывающие понятие обстоятельств непреодолимой силы. Это может способствовать не только унификации правоприменительной практики, но и повысить уровень справедливости в отправлении правосудия и доверия граждан к судебной системе.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024). // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». // Официальный интернет-портал правовой информации: <https://rg.ru/documents/2016/04/04/gk-dok.html>.
3. Аблятипова, Н. А., Волкова, И. Ю. Непреодолимая сила как основание для освобождения от гражданско-правовой ответственности / Н. А. Аблятипова, И. Ю. Волкова. // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 2. – С. 18–22.
4. Зимнева, С.В. Признак “чрезвычайности” непреодолимой силы в судебной практике / С.В. Зимнева. // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2015. – № 3 (8). – С. 26–29.
5. Проблемы гражданского права и процесса. Вып. 7: сб. науч. тр. / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: И.Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно ГрГУ им. Янки Купалы, 2022. – 451 с.

А. О. Гордеев

научный руководитель – Ю. И. Иванова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НОРМ ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПОЛОЖЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ АКТОВ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Материалы посвящены отдельным аспектам функционирования Евразийского экономического союза и его правовой системы. Автор анализирует действие таких функциональных принципов права ЕАЭС, как верховенство права и прямое действие, и отмечает возможность существования коллизий между нормами права ЕАЭС и внутригосударственного права государств-членов организации. В качестве материала для анализа автором используются положения конституционного законодательства Республики Казахстан и договорная база Таможенного союза, ставшая частью права ЕАЭС.

Современный мир характеризуется отказом государств от политики изоляционизма и стремлением достигать поставленных целей путём сотрудничества и взаимопомощи. Система международных отношений, сложившаяся после окончания Второй мировой войны, предполагает создание большого количества организаций и объединений. Предназначение таковых может быть связано с решением задач в сферах экономики, экологии, военной кооперации и многими другими. Часто образование союзов происходит на основе принадлежности тех или иных государств к определённому региону.

Одной из таких международных организаций является и Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС). Став преемником Евразийского экономического сообщества, просуществовавшего с 2001 по 2014 годы, объединение позволило пяти странам бывшего СССР, а именно Республике Беларусь, Республике Казахстан, Российской Федерации, Республике Армении и Республике Кыргызстан, продолжить осуществлять экономическую интеграцию, в частности, модернизировать и повышать конкурентоспособность национальных экономик.

За более чем 10 лет с момента возникновения ЕАЭС стал доминирующей интеграционной структурой на постсоветском пространстве. На сегодняшний день речь идёт об объединении с развитой системой органов управления, а также механизмом разрешения споров внутри сообщества. Как и любая другая международная организация, ЕАЭС ставит своей целью создание собственного законодательства, способного быть применённым как в случаях возникновения спорной ситуации, так и при простой необходимости закрепить правовой статус субъектов либо упорядочить сложившуюся систему отношений.

Особо важным аспектом в данном случае является соотношение норм интеграционного законодательства и положений национальных актов государств-членов. Все пять стран, входящие в ЕАЭС, признают приоритет норм международного права над нормами, закреплёнными в национальном законодательстве. Соответствующие положения прописаны в конституциях государств-членов ЕАЭС.

Несмотря на то, что аспекты, связанные с применением норм права ЕАЭС фактически, хоть и косвенно, урегулированы на уровне конституционного законодательства стран, коллизии всё же возникают. Рассмотрим одну из таких.

Так, 7 октября 2009 года премьер-министр Республики Казахстан обратился в Конституционный Совет страны с просьбой об осуществлении официального толкования положений статьи 4 Конституции Республики Казахстан, в которой провозглашается «приоритет ратифицированных Республикой международных договоров перед её законами

и непосредственность их применения на решения международных организаций и их органов, образуемых в соответствии с такими договорами» [1]. Обращение было непосредственно связано с вопросом о реализации на территории страны норм Договора о Комиссии таможенного союза, которые предусматривали обязательность и непосредственное действие решений Комиссии на территории Республики Казахстан после подписания Договора.

Стоит отметить, что в 2009 году, когда рассматривалось данное обращение, Таможенный союз представлял из себя интеграционное объединение Беларуси, России и Казахстана на базе Евразийского экономического сообщества. После создания самого ЕАЭС структура была реформирована, в результате чего в неё автоматически вошли все страны-участницы ЕАЭС. При этом об актуальности вопроса на сегодняшний день можно судить сразу по нескольким причинам. Во-первых, Таможенный союз ЕАЭС во многом является правопреемником аналогичного объединения при ЕврАзЭС. А во-вторых, в соответствии с положениями статьи 13 приложения 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС) все решения Евразийской экономической комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов [2]. Соответственно аналогичная норма права существует и на сегодняшний день.

Под непосредственным применением на территории какого-либо государства норм международного права следует понимать применение норм международных договоров субъектами внутригосударственного права для регулирования правоотношений в рамках национальной правовой системы [3, с.4]. Это означает, что положения должны автоматически обеспечиваться внутригосударственным механизмом. В ст. 20-1 Закона Республики Казахстан «О международных договорах Республики Казахстан» (далее – Закон) на сегодняшний день также закреплено положение, согласно которому международные ратифицированные договоры имеют приоритет над национальными законами и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона [4]. Стоит отметить, что данная норма дополнила Закон лишь в 2021 году. Однако и редакция законодательного акта, действовавшая в 2007 году, предусматривала обязательность и добросовестность выполнения Республикой Казахстан подписанных ею международных договоров, а также обязанность государственных органов осуществлять контроль и наблюдение за этим процессом (статья 20).

Положения о соблюдении и применении международных договоров были закреплены ещё в Венской конвенции 1969 года (далее – Конвенция). Так, согласно статьям 26, 27, 29 Конвенции подписанный договор обязателен для его участников, должен ими добросовестно выполняться на всей их территории. При этом запрещается ссылаться на положения национального права с целью оправдать невыполнение международного договора [5].

Верховенство и прямое действие также являются принципами права ЕАЭС.

Исходя из вышеперечисленных норм как международного законодательства, так и национального законодательства Республики Казахстан следует, что выполнение всех обязательств, взятых ею в соответствии с подписанными договорами является обязательным, а сами нормы могут действовать на территории страны непосредственно.

Особенностью нашего случая является то, что в ратифицированных Республикой Казахстан Договоре о комиссии таможенного союза, а затем и Положении о Евразийской экономической комиссии сказано, что после подписания сторонами Договора указанные органы имеют право принимать решения, обязательные для страны и непосредственно действующие на её территории.

В тексте акта толкования Конституционного Совета Республики Казахстан сказано, что не могут быть признаны обязательными для государства решения, нарушающие положения Конституции, затрагивающие суверенитет, унитарность, территориальную целостность Казахстана, а также конституционные права и свободы его граждан.

Представляется возможным предположить, что опасения представителей Правительства Казахстана были связаны с тем, что, по их мнению, такие решения могли быть приняты Комиссией Таможенного союза в будущем.

Стоит отметить, что в ЕАЭС существует эффективный механизм защиты его участников в случае, если принятое каким-либо органом (в том числе Комиссией) решение будет существенно нарушать законные интересы любого из них. Среди принципов функционирования Союза, закреплённых в Договоре о ЕАЭС, названы и уважение особенностей устройства государств-членов, а также их суверенного равенства и территориальной целостности. В соответствии со статьёй 6 Договора решения и распоряжения органов Союза не должны противоречить самому Договору, а значит и принципам, зафиксированным в нём. Таким образом, представители Республики Казахстан имеют право обратиться в Суд ЕАЭС, к компетенции которого относится и рассмотрение заявления государства-члена о соответствии решений Комиссии международным договорам в рамках Союза.

Список использованной литературы

1. Об официальном толковании норм статьи 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов: Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 5 ноября 2009 г. №6 [Электронный ресурс] // Adilet.zan.ru – Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – Астана, 2025.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [заключён в г. Астана 29.05.2014] // Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
3. Барбук А. Непосредственное применение международных договоров в национальной правовой системе [Электронный ресурс] / А.Барбук// Журнал международного права и международных отношений Белорусского государственного университета. – 2006. – №4. – С. 3–7.
4. О международных договорах Республики Казахстан [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан, 30 мая 2005 г., №54: в ред. Закона Респ. Казахстан от 13.03.2021 г. // Adilet.za.kz – информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – Астана, 2025.
5. Венская конвенция [Электронный ресурс]: принята Генеральной ассамблеей, 23 мая 1969 года// Организация Объединённых Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.-shtml. – Дата доступа: 10.01.2025.

УДК 247.23

Н. С. Горохова

*научный руководитель – В. В. Моданов, кандидат юридических наук, доцент
(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

В работе рассматриваются современные проблемы и вызовы, связанные защитой интеллектуальных прав в условиях цифровизации. Подчёркиваются положительные стороны развития цифровых технологий, которые дают возможности для создания и распространения контента. Основное внимание уделяется проблемам защиты интеллектуальных

прав на изображения, размещённые в сети «Интернет». Приводятся примеры из судебной практики, связанной с нарушением авторских прав. В заключении предлагаются меры по защите интеллектуальной собственности. Новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу правовых аспектов защиты интеллектуальных прав в цифровой среде.

Современный этап развития общества характеризуется стремительным развитием цифровой среды. Прогресс предоставляет неограниченный доступ к ресурсам, позволяет создавать новые пространства для самовыражения, хобби и работы. Данный фактор положительно влияет на создателей уникальных продуктов, позволяя реализовывать его практически без ограничений. Но в то же время, цифровизация порождает и проблемы для собственников, так как цифровые объекты права собственности наиболее уязвимы перед мошенническими действиями.

Молниеносное развитие информационных технологий даёт практически безграничные возможности для копирования, скачивания, распространения различных материалов. Чаще всего для совершения данных действий нет необходимости получать согласие собственника. Также стоит отметить, что цифровизация позволяет «полностью отделиться от материальных объектов» [4], что также затрудняет отслеживание судьбы объекта права собственности, размещённого в цифровой среде, в том числе в сети «Интернет».

В рамках данной научной работы нами будут рассмотрены наиболее распространённые проблемы, связанные с реализацией и защитой интеллектуальных прав в цифровой среде.

Для более полного понимания проблемы, рассмотрим особенности интеллектуальных прав.

Главной отличительной чертой данной категории прав является то, что они возникают даже на нематериальные объекты, в том числе на результаты интеллектуальной деятельности. Также, интеллектуальные права включают в себя: авторские права, патентные права, права на товарные знаки и другие.

Следующая особенность заключается в том, что для того, чтобы право на патент или товарный знак охранялось законом, его необходимо зарегистрировать в специальном уполномоченном органе.

Ещё одна характеристика интеллектуальных прав выражается в том, что в зависимости от вида права, варьируются сроки его защиты. Например, согласно Гражданскому кодексу РФ, авторское право на произведение подлежит защите в течение всей жизни автора и в течение 70 лет после его смерти. Патенты на изобретения охраняются меньше- 20 лет со дня подачи заявки.

Интересно отметить также, что правообладатели могут передавать права на интеллектуальную деятельность посредством лицензий и соглашений. В этом заключаются основные особенности интеллектуальных прав.

Остановимся подробнее на вопросе о лицензиях. Использование правообладателем лицензий открывает множество возможностей перед ним. Например, позволяет «реализовать право на вознаграждение вследствие наличия у исключительных прав свойства рыночной стоимости и оборотоспособности» [5]. А также, лицензии, позволяют результату интеллектуальной деятельности выйти на рынок, а автору определить его реальную стоимость. Подтверждаются наши слова положениями законодательства, в частности, п. 1 ст. 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее, ГК РФ) «правообладатель вправе использовать такой результат или такое средство по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом. Правообладатель может по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Отсутствие запрета не считается согласием (разрешением)» [1]. Гражданский кодекс также предусматривает и способы защиты интеллектуальных прав.

Перейдём же к проблемам, с которыми сталкиваются правообладатели в сети «Интернет». Наиболее распространённой на наш взгляд является проблема «пиратства» или же «проблема незаконного копирования, незаконного распространения чужих результатов интеллектуальной деятельности» [1]. В большей мере это касается изображений, в том числе и фотоснимков.

Так, например, компания по продаже экскурсионных туров разместила на своём сайте несколько фотографий в дополнение к информации о предстоящем туре. Но не учли права автора данных фотографий, а именно ООО «Восьмая заповедь», что стало поводом для подачи иска в суд, в том числе с требованием моральной компенсации. Суд принял сторону истца на основании доказательств того, что фотографии являются результатом творческого труда автора, а также на основании того, что ООО «Восьмая заповедь» заключившая договор доверительного управления с автором фотографий, предоставила скриншоты с сайта компании по продаже туров [3].

Также, на нарушителя могут подать иск в суд и правообладатель и автор изображения или другого результата интеллектуальной деятельности. Например, «ВК-медиа» – правообладатель изображения, по служебному заданию которого С. сделал изображения, и сам С. подали иск в отношении Аппарата по обеспечению деятельности уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Башкортостан. Оба истца требовали нарушителя, разместившего на своём сайте изображение авторство, на которое принадлежит С., а правообладателем является «ВК-медиа», выплатить компенсацию. Суд, рассмотрев доводы сторон, а также приняв в качестве доказательства авторства исходный вариант фотографии, удовлетворил требования обоих истцов о выплате компенсации. Следовательно, даже если произведение сделано по служебному заданию, его автор все равно имеет право на указание своих данных при публикации данного произведения в других источниках информации.

Из этого следует, что при использовании изображений и других материалов, размещённых в сети «Интернет», стоит иметь в виду, что сам факт их размещения, не подтверждает того, что они могут быть свободно использованы без указания автора. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации определила, что даже если фотография размещена на сайте, являющемся банком фотографий, которые предоставляются на возмездной основе, «сам по себе факт размещения этой фотографии на различных сайтах в сети «Интернет» в отсутствие сведений об авторстве Ц. не свидетельствует о том, что изображение находится в свободном доступе с возможностью копирования без согласия автора и без выплаты вознаграждения» [2].

Таким образом, интеллектуальные права в современном мире, в том числе в сети «Интернет» достаточно уязвимы и часто подвергаются посягательствам. Одной из наиболее распространённых проблем является незаконное копирование. Однако, законодательство позволяет отстоять права авторства и в полной мере защитить их. Но во избежание судебных разбирательств, авторам результатов интеллектуальной деятельности, а также правообладателям стоит принимать меры по защите своей собственности в цифровой среде. Например, запретить копирование со своих сайтов, размещать данные об авторе на самом изображении, а также использовать другие меры защиты.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024). – Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» / [Электронный ресурс]. // Верховный Суд Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/33621/> (дата обращения: 07.04.2025).

3. Нарушение авторских прав: судебная практика / [Электронный ресурс]. // UNISENDER: [сайт]. – URL: <https://www.unisender.com/ru/blog/sudebnye-dela-po-narusheniju-avtorskih-prav/> (дата обращения: 07.04.2025).

4. Иванова, А. П. Загадки цифровой собственности: новые формы выражения результатов интеллектуальной деятельности в цифровую эпоху. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2021. – № 4. – С. 195–203

5. Понкин, И. В., Лаптева, А. И. проблемы в праве интеллектуальной собственности, перспективно определяемые процессами цифровизации: общие вопросы теории. // Философия. Социология. Право. – 2022. – № 1 – С 117–125.

6. Шатковская, Т. В., Юрченко, О. В., Веденкова, А. В. Проблемы правового регулирования свободного оборота интеллектуальной собственности в цифровой среде. // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 3. – С. 87–97.

УДК 324

А. М. Давыдова

*научный руководитель – Т. В. Сенькова, кандидат юридических наук, доцент
(Гомельский государственный университет имен Ф. Скорины, Республика Беларусь)*

СОВРЕМЕННЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Статья посвящена теоретическим аспектам избирательных технологий. Рассмотрены их понятие, этапы развития, классификация. Также подчеркивается назначение избирательных технологий, которое включает облегчение организации выборов, снижение затрат, обеспечение прозрачности и безопасности избирательного процесса, а также повышение доступности выборов для граждан. Приводится перечень современных избирательных технологий, используемых в Республике Беларусь на недавних избирательных кампаниях.

Понятие избирательных технологий в современном избирательном праве довольно ново. Необходимо отметить, что оно было заимствовано из политологии. Отметим, что на данный момент как в избирательном праве, так и в политологии нет единого определения понятия избирательных технологий, так как оно является многоаспектным феноменом.

Так, понятие «избирательные технологии» трактуется как в узком, так и широком смыслах. Большинство авторов, все же, обращаются к узкой трактовке, и рассматривают избирательные технологии как технологии, которые сопровождают кандидата в деятельности по подготовке и проведению избирательной кампании. При широкой трактовке избирательные технологии можно рассмотреть как технологии, которые охватывают избирательный процесс во всей его полноте. С этой точки зрения избирательный процесс может включать в себя не только избирательные кампании, но и определенный промежуток времени между выборами.

На наш взгляд, наиболее актуально понятие избирательных технологий, которое дает Бурина И. Ф., понимая под ними совокупность методов, приемов и научных данных, направленных к тому, чтобы достичь желаемого результата на выборах [1, с. 52].

В своем развитии избирательные технологии прошли следующие этапы: газетная эпоха; телевизионная эпоха; «цифровая» эпоха.

Газетная эпоха характеризовалась незначительным вниманием к избирательным кампаниям. В качестве избирательных технологий использовались преимущественно плакаты и партийная пресса. Акцент делался не на агитацию, а на мобилизацию населения.

Телевизионная эпоха характеризовалась влиянием телевидения на сознание людей. Основным аспектом стала визуализация кандидатов.

«Цифровая» эпоха появилась в связи с развитием спутникового и кабельного телевидения и Интернета. Особое значение здесь следует уделить социальным сетям и мессенджерам, так как они стали основными инструментами для политической агитации и коммуникации [2, с. 78].

Назначение избирательных технологий заключается в следующих аспектах:

- облегчение организации избирательной кампании,
- снижение затрат на проведение выборов,
- обеспечение большей прозрачности выборов,
- повышение точности подсчета голосов,
- обеспечение безопасности избирательной кампании,
- увеличение доступности выборов.

Для более полного и всестороннего раскрытия понятия избирательных технологий обратимся к их классификации. Прежде всего, необходимо определить основания для классификации. Так, можно выделить следующие основания:

– открытость использования: законные (применяются в рамках закона); незаконные (противоречащие нормам законодательства);

– направленность воздействия: на кандидата (например, затрагивающие имидж кандидата); на соперников (ухудшающие образ соперника); на избирателей (например, рекламно-агитационные технологии);

– период воздействия: стратегические (определяют основное направление избирательной кампании); тактические (направлены на достижение результата в определенных промежутках времени);

– масштаб воздействия: местные (используются преимущественно на выборах в органы местного самоуправления); региональные (в пределах одного региона, например субъекта федерации); универсальные (поменяются на всех уровнях).

Последние избирательные кампании в Республике Беларусь проводились в 2024 году – Единый день голосования, в который состоялись выборы депутатов всех уровней, в 2025 году – выборы Президента Республики Беларусь. В качестве избирательных технологий, которые активно использовались, можно выделить следующие:

1. Научно-экспертный совет при Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь (далее – ЦИК). Данный НЭС образован в целях учета экспертного и общественного мнения при принятии решений ЦИК, разработки предложений по совершенствованию законодательства о выборах и референдумах, а также решения иных вопросов, связанных с развитием избирательной системы Республики Беларусь.

2. Молодежный совет при ЦИК. Данный совет создан с целью реализации государственной молодежной политики и содействия ЦИК в деятельности по повышению правовой культуры молодых и будущих избирателей, повышения электоральной активности молодежи, формирования осознанного интереса молодежи к участию в управлении делами общества и государства посредством выборов. Одним из проектов Молодежного совета стала разработка настольной образовательной игры «Выбор.ВУ». Игра ориентирована на использование игровых методик, направленных на повышение интереса к избирательному процессу и уровня электоральной грамотности молодежи. Особенность настольной игры

в том, что каждый участник самостоятельно выбирает свой образ, предвыборную программу и тип выдвижения, что способствует развитию критического мышления в ходе проведения дебатов посредством доводов каждого участника в пользу своего образа.

3. Официальные каналы ЦИК в социальных сетях и мессенджерах, таких как Vkontakte, Instagram, Facebook, Telegram, Viber. На каждом ресурсе содержится достоверная и оперативная информация о деятельности ЦИК, принятых решениях, итогах выборов и республиканских референдумов, а также о других важных вопросах, касающихся компетенции ЦИК.

4. Использование ресурсов государственной информационной системы «Регистр населения» при формировании списков избирателей.

5. Внедрение сервиса на сайте ЦИК по поиску участка для голосования. Указав необходимые данные, любой избиратель может узнать детальную информацию о том, где находится его участок для голосования.

Кроме того, ЦИК продолжает активную работу, направленную на развитие избирательной системы. Разработан проект общей концепции государственной автоматизированной информационной системы «Выборы». В рамках данной концепции планируется рассмотрение вопроса применения системы электронного голосования для некоторых категорий граждан, т.к. одним из направлений в сфере внедрения информационных технологий в избирательные процессы, является развитие электронного голосования.

В научной литературе распространено два определения понятия «электронное голосование». Во-первых, это – процедура использования электронных средств, которые сканируют избирательные бюллетени и обеспечивают подсчет голосов избирателей; во-вторых, – голосование, осуществляемое с помощью таких телекоммуникационных средств, как Интернет или мобильная связь. Электронное голосование может проводиться на избирательном участке с использованием таких электронных технологий, как система оптического сканирования, автоматически считывающая информацию с бумажного бюллетеня, или система прямой записи через сенсорный экран.

На данный момент электронное голосование распространено в ряде развитых зарубежных странах, таких как: Эстония, США, Швейцария и других. Что касается стран постсоветского пространства, то данная система голосования широко применяется в Российской Федерации.

Таким образом, избирательные технологии в современном мире претерпели значительные изменения, которые связаны с развитием цифровых технологий и изменением способов взаимодействия между кандидатом и избирателями. Появление социальных сетей, мессенджеров, интернет ресурсов привели к трансформации избирательной кампании. Внедрение информационных технологий в избирательный процесс имеет значительный потенциал: процедуру выборов можно существенно оптимизировать, сделав ее удобнее, в том числе, посредством электронного голосования, а также процесс выборов можно значительно ускорить, что не скажется на качестве их организации. Однако мировой опыт показывает, что для внедрения и эффективного использования новых технологий в данной сфере требуется долгая и согласованная работа государства, политических и общественных организаций, экспертного сообщества с целью преодоления технических, организационных и правовых проблем.

Список использованных источников

1 Бурина, И.Ф. Избирательные технологии в современной политической коммуникации/ И.Ф. Бурина // Теория и методы исследований коммуникации [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. Вып. 3 / под ред. О. В. Терещенко. – Минск : БГУ, 2014. – с. 52-61.

2 Алексеев, Р.А. Избирательное право, избирательный процесс и технологии : учебник / Р.А. Алексеев. – Москва : ИНФРА-М, 2025. – 175 с.

А. А. Дзюба

научный руководитель – Плехтина Н. А., доктор юридических наук
(ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
Российская Федерация)

ПОНЯТИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Работа посвящена исследованию содержания понятия «правовое государство». Обоснована целесообразность закрепления официального определения этого термина в отечественном законодательстве. Проведен анализ позиций различных ученых относительно понятия правового государства, представлена их авторская оценка. Предложена к законодательному закреплению дефинитивная норма, определяющая содержание термина «правовое государство». Обоснована целесообразность разработки и принятия отдельного нормативного документа – Стратегии развития Российской Федерации как правового государства.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что разные ученые по-разному определяют понятие правового государства. Между тем, понятие правового государства является одним из основополагающих в теории государства и права. Проблемой является отсутствие в законодательстве определения термина «правовое государство», в то время, когда это понятие употребляется во многих законодательных актах и, прежде всего, в Основном Законе нашего государства – в Конституции Российской Федерации. Отсутствие легального определения такого важного понятия как «правовое государство» приводит к тому, что адресаты правовых норм вкладывают различный смысл в это понятие, руководствуясь субъективным восприятием. К сожалению, в настоящий момент уровень правовой культуры в нашем обществе ещё не настолько высок, чтобы каждый участник общественной жизни мог самостоятельно определить глубокое содержание термина «правовое государство». В связи с этим представляется необходимым закрепить определение этого понятия на законодательном уровне.

Законодательное определение понятия «правовое государство» должно быть научно обоснованным и раскрывать все ключевые характеристики указанного правового явления. С целью разработки такого определения следует проанализировать позиции различных ученых.

Различные ученые по-разному определяют правовое государство. Головкин Р. Б. дает такую трактовку термина: «Правовое государство – это государство больших позитивных возможностей по отношению к обществу и каждому человеку; в нем реализуется принцип: свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. Права и свободы граждан в правовом государстве рассматриваются как фундамент построения взаимоотношений человека и власти, основной целью которой является обеспечение прав и свобод, создание необходимых условий для их полноценной реализации» [1, с. 618]. Головкин Р.Б. содержанием правового государства считает права и свободы человека. Но при этом он ничего не говорит о верховенстве права, а без верховенства права существование правового государства невозможно.

Согласно Груздеву В. В.: «Правовое государство – это демократическое социальное суверенное государство, в котором признается и фактически обеспечивается верховенство закона во всех сферах общественной жизни и осуществления государственной власти» [2, с. 48]. Груздев В. В. определяет правовое государство как государство, основанное на верховенстве права. Ученый однобоко рассматривает правовое государство, забывая о важности прав и свобод человека в конструкции правового государства. Кроме того, включение

в содержание понятия «правовое государство» такого признака, как «суверенность» представляется не вполне обоснованным, поскольку наличие суверенитета является неотъемлемым признаком любого государства, даже того, которое не является правовым.

Согласно Матузову Н. И., Малько А. В.: «Правовое государство – это организация политической власти, создающая условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также для наиболее последовательного связывания с помощью права государственной власти в целях недопущения злоупотреблений» [3, с. 66]. Права и свободы имеют важное значение в определении правового государства. Но Матузов Н. И., Малько А. В. не говорят о самом важном – о верховенстве права, упоминая лишь о связанности государственной власти правом.

Наумов С. Ю., Мордовец А. С., Касаева Т. В. определяют правовое государство так: «Правовое государство – это государство, в котором наличествует верховенство (господство) правового (справедливого) закона» [4, с. 76]. Наумов С. Ю., Мордовец А. С., Касаева Т. В. в определении правового государства не говорят о правах и свободах человека. Но права и свободы являются очень важными аспектами правового государства, поэтому представленный подход к определению рассматриваемого понятия нельзя признать достаточно конструктивным.

Согласно Нерсисянцу В. С.: «Правовое же государство в его современном общераспространенном смысле — это, как мы уже неоднократно отмечали, специальная государственно-правовая конструкция новейшего времени, особая (соответствующая условиям и потребностям гражданского общества) модель реализации идеи господства права в публично-политической сфере, специальная, новая форма (и новый тип) развитой правовой организации публично-политической власти свободных индивидов как официально признанных субъектов прирожденных и неотчуждаемых (естественных) прав человека и одновременно субъектов прав и свобод гражданина» [5, с. 89]. На мой взгляд, такое определение является не совсем удачным, слишком громоздким и сложным для восприятия. Правовое государство рассматривается как модель, форма реализации идеи господства права. Кроме того, Нерсисянец В. С. прямо не говорит о правах и свободах человека, а говорит о субъектах прав. На мой взгляд, это не совсем корректно в определении правового государства.

Красняков Н. И., Шишкина Н. В. отмечают: «Правовое государство – это такая форма организации публичной власти, которая действует и развивается в рамках права (правового закона) в целях обеспечения прав и свобод личности» [6, с. 79].

Колоткина О. А., Морозова А. С., Ягофарова И. Д. дают такое определение: «Правовое государство – это демократическое государство, организация и деятельность которого основаны на праве и создающее условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина» [7, с. 190].

На мой взгляд, определения, предложенные Красняковым Н. И., Шишкиной Н. В., Колоткиной О. А., Морозовой А. С., Ягофаровой И. Д., являются более удачными, полностью раскрывают содержание правового государства. Они рассматривают правовое государство в двух аспектах: 1) в правовом государстве обеспечивается верховенство права; 2) гарантируются и обеспечиваются права и свободы человека. В предыдущих определениях ученые выделяли только какой-то один из двух аспектов (или верховенство права или права и свободы человека).

К недостаткам действующего законодательства можно отнести отсутствие законодательного закрепления определения понятия правовое государство, а также отсутствие законодательного закрепления стратегии развития Российской Федерации как правового государства. Между тем, согласно ст. 1 Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» [8, ст. 1]. Аналогичное положение содержится в Конституции Республики Беларусь [9, ст. 1]. Это свидетельствует о концептуальной значимости понятия

«правовое государство» для развития всех сфер общественной жизни в Российской Федерации. Научных определений понятия правового государства много, а значит нет однозначности, что именно отечественный законодатель понимает под «правовым государством».

Предлагаю дополнить законодательство таким определением: «Правовое государство – это государство, в котором обеспечивается верховенство права, а также гарантируются и обеспечиваются права и свободы человека и гражданина». Думается, что необходимо также принять как отдельный нормативный документ Стратегию развития Российской Федерации как правового государства (по примеру «Стратегии национальной безопасности», утвержденной Указом Президента РФ).

Внесение предложенных дополнений в отечественное законодательство будет способствовать более четкому пониманию участниками общественной жизни сущности правового государства, а также закладыванию фундамента для дальнейшей эффективной реализации концепции правового государства в Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Головкин, Р. Б. Теория государства и права: учеб. пособие / Р.Б. Головкин [и др.] – Владимир: Издательство Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2020. – 680 с.
2. Груздев, В. В. Теория государства и права: учебное пособие / В.В. Груздев [и др.] – Кострома: Изд-во Костромского Государственного Университета, 2018. – 268 с.
3. Матузов, Н. И. Теория государства и права: Курс лекций / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М.: Издательство «Юристъ», 2001. – 245 с.
4. Наумов, С. Ю. Мордовец А. С., Касаева Т. В. Общая теория государства и права: учебник / С. Ю. Наумов, А. С. Мордовец, Т. В. Касаева. – Саратов: Издательство Саратовского социально-экономического института (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. – 392 с.
5. Нерсисянц, В. С. Теория права и государства: Краткие учебные курсы юридических наук / В. С. Нерсисянц – М.: Издательство «Норма ИНФРА-М», 2013. – 272 с.
6. Красняков, Н. И. Теория государства и права: учебное пособие / Н. И. Красняков, Н. В. Шишкина – Новосибирск: Изд-во «СибАГС», 2014.
7. Колоткина, О. А. Теория государства и права: учебное пособие / О. А. Колоткина, А. С. Морозова, И. Д. Ягофарова. — Москва: Издательство «ИНФРА-М», 2021. – 406 с.
8. Конституция Российской Федерации. – М.: Эксмо, 2022. – 96 с.
9. Конституция Республики Беларусь. – Минск: Издательство «Беларусский Дом печати», 2023. – 80 с.

УДК 347.6

А. В. Захарова

*научный руководитель – Уткин Р. В., кандидат юридических наук, доцент
(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

ИГРОМАНИЯ СУПРУГА КАК ПРИЧИНА РАЗВОДА: НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА

В представленной работе проанализированы семейно-правовые аспекты проблемы пристрастия одного из супругов к азартным играм (лудомания). Рассмотрены основные причины данного явления, этапы его развития и разрушительное влияние на семью. Дан обзор правовых средств, позволяющих минимизировать отрицательное воздействие

игромании одного из супругов на интересы семьи. Особое внимание уделено ситуации, когда увлечение одного из супругов азартными играми ставит под угрозу целостность семьи и способствует распаду брака.

В современной социокультурной обстановке проблема, связанная с игровой зависимостью, приобретает всё большую актуальность и остроту. Это обусловлено целым рядом факторов, среди которых следует выделить широкую доступность и распространённость азартных игр, динамичное развитие онлайн-казино и платформ, предоставляющих подобные услуги, а также усиление давления со стороны общества, которое зачастую культивирует и поощряет стремление к быстрому и легкому обогащению. Игровая зависимость, в свою очередь, способна вызывать серьезные и разрушительные последствия для социальной сферы, в частности, она может приводить к дезинтеграции и распаду семейных уз. Люди, страдающие от лудомании, теряют контроль над своими деньгами и временем, полностью погружаясь в мир азартных игр.

Существует распространенное мнение, что лечение лудомании является возможным, однако при этом риск рецидивов и возвращения к прежнему состоянию остается достаточно высоким. Лудомания, в отличие от таких видов зависимостей, как алкоголизм и наркомания, характеризуется тем, что зависимость от азартных игр носит исключительно психологический характер. Однако, несмотря на этот факт, степень её выраженности и оказываемого влияния на жизнь человека может быть чрезвычайно высокой и проблематичной. Зачастую лица, страдающие от чрезмерного увлечения азартными играми, начинают пренебрегать своими близкими и игнорировать возложенные на них семейные обязательства. Вместо того, чтобы проводить время со своим партнером или детьми, они предпочитают отдавать часы своего времени игровым автоматам или участию в азартных играх, доступных в сети Интернет. Подобное поведение постепенно приводит к эскалации конфликтов и разногласий внутри семьи, усугубляя существующие проблемы и порождая новые. Возникают серьезные финансовые трудности, поскольку денежные средства, которые должны быть направлены на удовлетворение потребностей семьи, безвозвратно уходят на совершение игровых ставок и покрытие убытков, связанных с участием в азартных играх. Близкие люди начинают испытывать чувство глубокого разочарования и обиды, поскольку их партнер или родитель уделяет им все меньше внимания и оказывает недостаточную поддержку в сложных жизненных ситуациях.

До недавнего времени действующее на территории Российской Федерации законодательство не предусматривало правовых механизмов, позволяющих ограничить дееспособность гражданина, страдающего от пагубного пристрастия к азартным играм. Ситуация изменилась с принятием Федерального закона №302-ФЗ, датированного 30 декабря 2012 года, которым была введена норма, касающаяся возможности ограничения дееспособности физического лица в связи с его неконтролируемым пристрастием к азартным играм (данное положение закреплено в Статье 30 Гражданского кодекса Российской Федерации) [0]. В соответствии с положениями указанной статьи, судебный орган имеет право принять решение об ограничении дееспособности гражданина, который вследствие своего пристрастия к участию в азартных играх, злоупотреблению алкогольными напитками или употреблению наркотических веществ ставит свою семью в тяжелое материальное положение, создавая угрозу для её финансовой стабильности и благополучия. В случае принятия такого решения над гражданином устанавливается попечительство, призванное защитить интересы его семьи и контролировать его финансовые операции [0].

Существуют два основных законных способа, позволяющих ограничить возможность супруга, имеющего зависимость от азартных игр, бесконтрольно расходовать средства из общего семейного бюджета. Первый из этих способов предполагает расторжение брака с последующим разделом совместно нажитого имущества. Второй способ заключается в разделе имущества без официального расторжения брачных уз.

Следует отметить, что раздел имущества без развода может быть осуществлен в любой момент времени, в течение которого супруги состоят в браке (данное положение закреплено в пункте 1 статьи 38 Семейного кодекса Российской Федерации) [0]. Данный раздел имущества может быть произведен как добровольно, путем составления письменного соглашения между супругами, так и в судебном порядке, посредством вынесения соответствующего решения суда. В рамках судебного разбирательства представляется возможным доказать факт расточительного отношения супруга, страдающего игроманией, к общему имуществу семьи, а также продемонстрировать его отсутствие заботы о поддержании финансового благополучия семьи. Грамотное обоснование представленных фактов и убедительные аргументы, подкрепленные доказательствами, могут оказать существенное влияние на решение суда, который в таком случае имеет право отступить от общепринятого принципа равенства долей супругов при разделе имущества.

Если супруг-игроман продолжает ставить семью в тяжелое материальное положение, второй супруг может подать на развод. Существуют два варианта: через органы ЗАГС или через суд. При наличии взаимного согласия между супругами (и отсутствии общих несовершеннолетних детей) расторжение брака оформляется в органах ЗАГС в упрощенном порядке. В случаях, когда в семье имеются несовершеннолетние дети или один из супругов не согласен на расторжение брака, необходимо получить соответствующее судебное решение. Для этого следует подать исковое заявление в суд, подсудность которого определяется статьями 23, 24 и 29-32 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. При наличии возражений со стороны одного из супругов против расторжения брака, суд, как правило, стремится предоставить сторонам время для примирения и восстановления семейных отношений. На основании вынесенного судебного решения и заявления одного из супругов орган ЗАГС выдает свидетельство о расторжении брака. Игровая зависимость, приводящая к систематическим финансовым потерям семьи, образованию значительных долгов, лжи и пренебрежению семейными обязанностями, может служить веским аргументом в пользу признания невозможности дальнейшего сохранения брака. Для подачи заявления о расторжении брака по причине игромании одного из супругов необходимо собрать убедительные доказательства, подтверждающие наличие у него указанной зависимости [0]. В качестве таких доказательств могут быть представлены свидетельские показания лиц, знакомых с ситуацией, финансовые документы, подтверждающие понесенные убытки и образовавшиеся долги (например, кредитные договоры, долговые расписки), медицинские заключения, подтверждающие диагноз «игровая зависимость», а также документальные свидетельства, указывающие на посещение супругом игорных заведений. Суд при рассмотрении дела примет во внимание тот факт, что продолжение брачных отношений в сложившейся ситуации может нанести серьезный вред материальному благополучию семьи и психическому здоровью второго супруга, а также оказать крайне негативное влияние на воспитание и развитие детей, в случае их наличия.

Вместе с тем стоит отметить, что указание в решении суда на игроманию супруга как причину распада семьи может иметь значение лишь для последующих споров о разделе имущества или о детях. Для разрешения собственно требования о расторжении брака причина, по которой хотя бы один из супругов не желает более сохранять семью, решающего значения не имеет, поскольку суд обязан расторгнуть брак в любом случае, когда примирительные процедуры не дали результата.

В случае наличия брачного договора, предусматривающего условия, связанные с имущественными отношениями в ситуации игровой зависимости одного из супругов (например, передача всего имущества другому супругу), установление факта наличия лудомании может стать основанием для применения соответствующих положений договора в добровольном порядке или при посредстве суда. Если брачный договор отсутствует, определение долей на раздел имущества осуществляется судом.

При наличии у одного из родителей игровой зависимости приоритетным направлением деятельности становится защита законных интересов несовершеннолетних. На органы опеки и попечительства возлагается обязанность мониторинга выполнения родительских обязанностей, а также принятия мер, направленных на защиту имущественных и жилищных прав детей. В ситуации, когда игромания одного из родителей создает угрозу жизни или здоровью ребенка, органы опеки и попечительства вправе инициировать процедуру лишения родительских прав [0]. Также лишение родительских прав будет законным, если родители привлекают ребенка к участию в азартных играх, либо становятся неспособными вследствие своего пагубного пристрастия исполнять родительские обязанности.

Расторжение брака в подобных случаях влечет за собой также последствия, касающиеся раздела имущества, установления места жительства детей и взыскания алиментов. Важно подчеркнуть, что защита прав несовершеннолетних детей, чьи родители страдают игровой зависимостью, должна оставаться первоочередной задачей всех заинтересованных сторон.

Игромания супруга – это серьезная проблема, которая влечёт правовые, эмоциональные, финансовые и социальные последствия, наиболее серьезным из которых может стать распад семьи. В этой связи необходимо уделить серьезное внимание поиску средств противодействия распространению данного рода зависимости среди россиян.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс [Текст] : [федер. закон : принят Государственной Думой 8 декабря 1995г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. Ст. 16.
3. Арутюнян, М. С. Некоторые правовые и процессуальные проблемы 31 ограничения дееспособности граждан [Текст] / М. С. Арутюнян // Аграрное и земельное право. – 2017. – №9. – С. 153–155.
4. Голуб, Е. И. Тяжелое материальное положение семьи как обязательное условие ограничения лица в дееспособности в контексте части 1 статьи 30 ГК РФ [Текст] / Е. И. Голуб // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – №11. – С. 159–161.
5. Сугурова, Э. Х. Ограничение дееспособности граждан вследствие пристрастия к азартным играм [Текст] / Э. Х. Сугурова // журнал “Молодой ученый”. – 2020. – № 51. – С. 214-216.

УДК 347.4

Н. А. Иванов

*научный руководитель – А. Ю. Рожкова, кандидат экономических наук, доцент
(Псковский государственный университет, Российская Федерация)*

ТРЕТЬИ ЛИЦА В КОРПОРАТИВНОМ ДОГОВОРЕ

В работе рассматриваются положения об отнесении третьих лиц к субъектам корпоративного договора. Указаны особенности правового статуса третьих лиц, а также правовые последствия от заключения корпоративных договоров. Обозначены особенности правового регулирования долевого участия в уставном капитале, а также особенности участия в корпоративном договоре. Отражены положения о коллизиях, связанных с правовым статусом общества, а также статусом учредителей общества.

Институт корпоративного договора получил законодательное закрепление в рамках реформирования законодательства о юридических лицах путем принятия Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ.

Как отмечал автор Е. В. Пышкин [2], основным назначением данного документа является предупреждение корпоративных конфликтов. С данным тезисом стоит согласиться. Однако, практика применения заключения корпоративных договоров отражает особенности его действия как в отношении участников юридического лица, так и в отношении третьих лиц.

Изначально необходимо рассмотреть вопрос об отнесении субъектов к третьим лицам. В результате систематического толкования пункта 5 статьи 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) к ним следует отнести лиц, не участвующих в нем в качестве сторон. Законодатель не обязывает всех участников хозяйственного общества вступать в данное соглашение, что позволяет отнести к третьим лицам в том числе участников юридического лица, обладающих корпоративными правами и обязанностями лишь на основании федерального закона и аналогичного корпоративному договору (при наличии). Последний документ законодатель упоминает в пункте 18 статьи 7 Федерального закона «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» от 04.08.2023 № 470-ФЗ, относя к таким договорам опционный договор. Из этого следует, что третьи лица в рамках корпоративного договора могут быть участниками аналогичного договора, предметом которого также будут являться особенности правового статуса участников и вопросы осуществления ими своих корпоративных прав. Соответственно, данные участники одновременно будут выступать третьими лицами в рамках одного корпоративного соглашения и непосредственными участниками другого в рамках хозяйственной деятельности одного юридического лица.

В действующей судебной практике сторона корпоративного договора может стать третьим лицом в принудительном порядке. Так, например, в Решение Арбитражного суда Московской области от 18.04.2022 по делу № А41-71225/2021 физическое лицо не оплатило в силу требований законодательства долю в уставном капитале ООО, что повлекло прекращение у него обязательственных прав в отношении общества. Как отметил суд, данное физическое лицо не может быть стороной заключенного корпоративного договора, поскольку фактически никогда не приобретало статуса участника общества. Таким образом, действие корпоративного договора обусловлено наличием определенных юридических фактов: формирование уставного капитала путем внесения учредителем обязательной доли, соответствие участников требованиям законодательства об определенном виде юридических лиц и т. д.

Важно подчеркнуть, что частичная оплата доли в уставном капитале автоматически делает вносящее лицо участником хозяйствующего субъекта и, как следствие, потенциальной стороной корпоративного соглашения. Данный тезис находит свое подтверждение в статье 16 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», устанавливающей обязанность учредителей оплатить долю при формировании уставного капитала, однако не устанавливает санкций в отношении лица, не исполнившего данное обязательство в полном объеме.

Как было упомянуто выше, заключение корпоративного договора не влечет правовых последствий для третьих лиц, однако действительность соответствующего соглашения в определенных случаях определяется третьими лицами. К примеру, в соответствии с указом Президента РФ от 17.01.2023 № 16 «О временном порядке принятия решений органами некоторых российских юридических лиц» возможно ограничение права голоса участников юридического лица, являющихся гражданами недружественных стран, при рассмотрении вопросов, включенных в повестку собрания, независимо от содержания корпоративного соглашения. Несмотря на определенную целесообразность данного положения возникает вопрос о соответствии законодательству подзаконного акта.

Подобные нормы можно найти в Указе Президента РФ от 19.12.2023 № 966, в котором указано, что корпоративные соглашения, заключенные между акционерами компаний «Ачим сбйт», «Ачим Девелопмент» и «Ачимгаз» прекращают свое действие с вступлением в силу приведенного правового акта. Таким образом, несмотря на правовой статус Президента РФ, как третьего лица в отношении любых корпоративных договоров (поскольку глава государства не участвует ни в одном из корпоративных договоров и соответственно, ни один из них не создает для президента каких-либо обязанностей), он выступает и в качестве регулятора, отменяя или изменяя в части действия корпоративных договоров.

Дискуссионным остается вопрос: в качестве кого выступает само общество в рамках корпоративного соглашения? Несмотря на то, что хозяйственное общество не является непосредственной стороной корпоративного договора, его всё же затрагивают правовые последствия его заключения. К примеру, такая ситуация возникает в ходе урегулирования корпоративным договором обязанностей участников по управлению обществом, в ходе которого возникает гражданско-правовые обязанности для юридического лица. Однако С. М. Мисакьян [4] признает за обществом право являться участником корпоративного договора в том случае, если хозяйственное общество приняло на себя обязательство по оплате реализованной или неоплаченной доли.

Данный тезис видится ошибочным, поскольку в силу статьи 67.2 ГК РФ участниками корпоративного соглашения могут являться только члены общества. Само хозяйственное общество не становится участником в случае перехода к нему неоплаченной или проданной доли. В противном случае общество могло бы стать учредителем самого себя, как единственный участник в силу пункта 2 статьи 7 Федерального закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью». Закон об ООО устанавливает, что доли, принадлежащие самому обществу, не оказывают влияния на голосование на собраниях участников, в распределении прибыли и не учитываются при разделе имущества при ликвидации организации [1]. Таким образом, само общество всегда является третьим лицом в отношении корпоративного договора, заключенного его учредителями.

Несмотря на теоретическое рассмотрение самого общества, как третьего лица, Т. С. Завьялова [3] утверждает, что закрепление за обществом статуса участника корпоративного договора привело бы к практической пользе. В частности, это даст обществу право контролировать выполнение условий корпоративного договора всеми его сторонами. Данный тезис видится обоснованным, однако для его реализации необходимо устранить правовую коллизию, в рамках которой общество «становится участником самого себя». Решение данной ситуации в настоящий момент видится в заключении «аналогичного договора», который будет предусматривать общество в качестве участника договора.

Несоответствия в правовых нормах обнаруживаются и при изучении первой части ГК РФ и законодательства, регулирующего деятельность обществ с ограниченной ответственностью. В частности, ГК РФ определяет, что участниками корпоративного соглашения являются исключительно члены хозяйственного общества. Правовые нормы, закрепленные в Федеральном Законе «Об обществах с ограниченной ответственностью», предусматривают возможность участия учредителей в качестве сторон корпоративного договора.

Согласно положению, изложенному в статье 3 ГК РФ, все гражданско-правовые нормы, закрепленные в других нормативных актах, обязаны соответствовать кодексу. Учитывая данное положение, учредители не вправе выступать в качестве участников корпоративного договора, следовательно, в отношении них не возникает обязательство, предусмотренное соглашением. Резюмируя, данные лица будут также являться третьими лицами в силу пункта 5 статьи 67.2 ГК РФ.

Обобщая вышесказанное, нормы о третьих лицах в корпоративном договоре требуют теоретического осмысления и практической модернизации. Данный тезис подтверждается наличием определенных коллизий в российском законодательстве, которые не позволяют реализовывать предоставленные законом корпоративные права в полном объеме.

Список использованной литературы

1. Володина, А. А. К вопросу о субъектном составе корпоративного договора // Аллея науки. – 2018. – № 5(21). – С. 939-944.
2. Пышкин, Е. В. Правовая характеристика корпоративного договора как способа выхода из корпоративных конфликтов // Юридический мир. – 2023. – № 12. – С. 27–30.
3. Завьялова, Т. С. К вопросу о сторонах корпоративного договора. 2023. С. 1-3 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=58441746> (дата обращения 07.05.2025).
4. Мисакьян С. М. Специфические черты корпоративного договора // Социально-экономические, гуманитарные науки и юриспруденция: вопросы теории и практики. 2018. С. 111-116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32814701> (дата обращения 07.05.2025).

УДК 347.424

Е. А. Киселёва

*научный руководитель – В. В. Моданов, кандидат юридических наук, доцент
(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРИТВОРНЫХ СДЕЛОК В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В данной работе рассматривается правовая природа притворных сделок в гражданском праве, определяется их место в системе гражданско-правового института, отличие от мнимых, рассматриваются правовые последствия их выявления, а также ключевые признаки притворного характера сделки. Акцентируется необходимость развития правовых механизмов, направленных на защиту интересов добросовестных участников гражданского оборота. Особое внимание уделяется судебной практике, что позволяет глубже понять проблемы, возникающие в правоприменении.

Притворные сделки занимают особое место в области гражданско-правового регулирования. Это действия субъектов, направленные на совершение сделки, которую они на самом деле не собираются исполнять. Их целью является создание видимости определённых отношений для окружающих. Заключая такую сделку стороны в действительности прикрывают иную сделку. Мотив данных действий понятен, стороны понимают, что, если они совершат реальную сделку, для них могут наступить определённые нежелательные последствия, стремясь избежать которых они подменяют одну сделку другой. Такие сделки определяют волю сторон, но не отражают их истинных намерений. О том, что прикрываемая сделка прикрывает другую сделку, знают все участвующие стороны, а не одна из них, в противном случае разумно говорить о сделке, совершенной под влиянием обмана. Правовая природа притворных сделок является предметом дискуссии в юридической науке и судебной практике, особенно её отличия с другими видами недействительных сделок и правовых последствий их заключения.

Притворная сделка имеет сложную структуру, в рамках которой стороны стремятся достичь не тех правовых последствий, которые из неё вытекают. Согласно закону, притворная сделка является ничтожной и не влечёт юридических последствий, кроме тех, которые связаны с её недействительностью. Притворная сделка может быть использована для противоправных действий.

В соответствии с п. 2 ст. 170 Гражданского Кодекса Российской Федерации притворной считается та сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, ничтожна. К сделке, которую стороны действительно

имели в виду, с учетом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила [2]. Институт притворных сделок занимает важную роль в системе гражданского законодательства, так как он направлен на предотвращение злоупотреблений и гарантию защиты прав субъектов гражданского права.

На основании ст. 168-179 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], определяющих основания признания сделки недействительной, можно выделить четыре требования действительности сделки:

- 1) сделка должна по содержанию соответствовать закону;
- 2) форма сделки должна соответствовать требованиям закона;
- 3) сделка должна быть совершена дееспособным лицом;
- 4) волеизъявление должно соответствовать подлинной воле сторон [4].

Чтобы отличить притворные сделки от других видов сделок, в правовой и судебной практике выделяют основные признаки притворных сделок, такие как несоответствие между внешней формы и внутреннего характера воли сторон, когда фактические действия субъектов не соответствуют их реальной воле. В таких случаях волеизъявления сторон носят формальный характер и не направлено на достижение реальных последствий.

Еще одним существенным признаком притворной сделки является наличие скрытой цели, которую участники используют для сокрытия другой сделки (например, договор дарения используется для прикрытия договора купли-продажи).

Также важным признаком притворной сделки выступает наличие сговора между сторонами. В нём все участники сделки осознают её притворный характер, согласованно действуют с целью создания лишь видимости её правового исполнения.

Часто притворные сделки путают с мнимыми. Чтобы выявить их отличительные признаки, необходимо рассмотреть понятие мнимой сделки и юридические последствия ее заключения. Согласно п. 1 ст. 170 Гражданского кодекса Российской Федерации, мнимая сделка совершается для вида, без намерения породить правовые последствия, тогда как притворная имеет целью прикрытие другой сделки, является ничтожной [2].

Основное отличие в наличии прикрываемого правоотношения в случае притворности. Примером мнимой сделки является фиктивная продажа недвижимости родственнику без цели передачи права собственности. Притворной может быть сделка купли-продажи, за которой скрывается договор займа. Юридические последствия также различны: мнимая сделка ничтожна без дальнейшей квалификации, а притворная сделка ничтожна, но прикрываемая может быть признана действительной, если соответствует требованиям закона (п. 2 ст. 170 ГК РФ). Это разграничение важно как в юридической, так и с практической точки зрения, поскольку от этого зависит правовая судьба сделки, права сторон и третьих лиц.

Притворная сделка может быть использована в различных целях, в зависимости от намерений сторон. Например, как инструмент обхода закона, чтобы избежать налогообложения, обойти ограничения, введенные законом, или ввести в заблуждение контрагентов. Создание видимости исполнения обязательств, например, продажа квартиры родственнику, которая, по сути, является дарением, но оформляется как продажа. Формальное соблюдение требований, в некоторых случаях стороны оформляют притворную сделку только для вида, чтобы выполнить внешнее требование (например, предоставить отчетность). Нарушение валютного, земельного или иного специального режима. Например, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09.01.2001 иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками, и они могут это делать через подставное лицо по фиктивной сделке [1]. Также притворная сделка может быть использована для сокрытия имущественного положения. Человек передает имущество родственнику по мнимому договору дарения, чтобы формально перестать быть собственником и избежать взыскания.

Для установления действительной воли, которая была изначально заложена в намерении сторон, и прикрывалась притворной сделкой, существенным значением здесь является

определение фактических отношений между сторонами и тех правовых последствий, которые имели место при исполнении сделки. Несмотря на то, что притворные сделки являются ничтожными в силу закона, практически их квалифицировать в качестве таковых возможно только в результате судебного разбирательства с учётом фактических обстоятельств [5].

Приведём конкретные примеры из судебной практики в части признания притворного характера сделки. Например, в Определении Верховного Суда Российской Федерации № 5-КГ20-44 от 11.08.2020 притворный договор дарения для прикрытия купли-продажи [3].

Суть дела заключается в том, что гражданка Малышева Н. А. в трудном материальном положении и нуждаясь в денежных средствах в ноябре 2010 года согласилась на продажу 1/4 долю квартиры с правом собственности Пустоваловой Е. Д. за 1 270 000 руб. При этом стороны договорились между собой, что денежные средства в размере 700 000 руб. будут переданы Малышевой Н. А. от Гусевой Л. П., матери Пустоваловой Е. Д. сразу, а оставшаяся часть будет выплачена через год. Поскольку денежные средства передавала Гусева Л. П., чтобы избежать возможных претензий со стороны супруга Пустоваловой Е. Д. в отношении имущества, сторонами было принято решение оформить сделку не как куплю-продажу, а в форме договора дарения.

После смерти супруга Малышевой Н. А. в 2011 году Гусева Л. П. стала настаивать на переоформлении на нее оставшейся 3/4 доли в праве собственности на квартиру. После получения отказа она потребовала возврата денежных средств.

Исходя из того, что договор дарения был совершен с целью прикрыть сделку купли-продажи, согласно п. 1 ст. 572, ст. 170 Гражданского кодекса Российской Федерации истец просила признать договор дарения 1/4 доли недействительным в связи с его притворностью, применить последствия ничтожности притворной сделки, применить к сделке правила о договоре купли-продажи, а также перевести на Пустовалову Е. Д. права и обязанности по договору купли-продажи 1/4 доли квартиры с правом собственности на нее и установлением цены договора в размере 1 270 000 руб. [2].

Характерным сущностным признаком договора дарения является его безвозмездный характер. Следовательно, любое встречное предоставление со стороны одаряемого приводит к недействительности договора, как к притворной сделке.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в признании сделки недействительной. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что оспариваемые судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций приняты с существенным нарушением норм материального и процессуального права, и определила: решение Бабушкинского районного суда г. Москвы и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда отменить и направить дело на новое рассмотрение.

Этот пример показывает, как суды анализируют обстоятельства дел для выявления притворных сделок и защиты прав сторон, чьи интересы были нарушены такими действиями.

В заключении хочется отметить, что статья 170 Гражданского кодекса РФ, посвящённая правовому регулированию притворных сделок, даёт понятие притворной сделки и определяет отдельные её признаки. Выявление других её признаков, места притворных сделок в системе оснований недействительности сделок, характеристики субъектов, которые могут обратиться в суд с соответствующим требованием, обстоятельств, которые будут устанавливаться и доказываться по таким делам, правовых последствий признания притворной сделки недействительной возможно только при системном анализе и толковании норм законодательства, разъяснений Верховного Суда РФ и правоприменительной практики нижестоящих судов.

Институт притворных сделок связан с такими понятиями, как недобросовестность поведения субъектов, нарушение стабильности гражданского оборота, введение в заблуждение третьих лиц по предмету реальных намерений сторон сделки, причинение вреда публичным интересам, в том числе путём недоначисления налогов в бюджетную систему РФ.

Список использованной литературы

1. Указ Президента РФ от 09.01.2011 № 26 (ред. от 23.11.2021) «Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками». // Собрание законодательства Российской Федерации. – 10.01.2011. – № 2. – Ст. 268.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024). // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.08.2020 № 5-КГ20-44. // Официальный интернет-портал правовой информации: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11082020-n-5-kg20-44/?ysclid=m9604lsin988333318> (дата обращения: 29.03.2025).
4. Платонов, В. М. Притворные сделки как сделки с пороком воли / В. М. Платонов. // Russian Journal of Economics and Law. – 2014. – № 1 (29). – С. 213-217. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pritvornye-sdelki-kak-sdelki-s-porokom-voli> (дата обращения: 05.04.2025).
5. Кагальницкова, Н. В. Мнимые и притворные сделки в реформированном ГК РФ / Н. В. Кагальницкова. // Legal Concept. – 2015. – № 2. – С. 96-99. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnimye-i-pritvornye-sdelki-v-reformirovannom-gk-rf> (дата обращения: 05.04.2025).

УДК 342.3

Е. В. Константинов

Научный руководитель – И. В. Ершова, кандидат философских наук, доцент
(САФУ имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация)

ЮРИСДИКЦИИ ГОСУДАРСТВА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В материалах анализируются проблемы, связанные с юрисдикцией и правовым регулированием в цифровом пространстве. Автор приходит к выводу, что традиционные принципы суверенитета и юрисдикции создают проблемы с ключевыми вызовами в условиях виртуального мира, где отсутствуют физические границы. Рассматриваются проблемы атрибуции кибератак, анонимности и транснационального характера киберугроз, которые требуют новых подходов к правоприменению. Особое внимание уделяется необходимости международного сотрудничества и развитию цифровой грамотности для эффективного противодействия киберугрозам и защиты прав человека в цифровом пространстве.

Современная научно-технологическая революция обусловила переход человечества к новому социально-экономическому укладу. Развитие цифровых технологий привело к формированию принципиально новой сферы общественной жизни – виртуального пространства, которое дополнило материальный мир и расширило возможности удовлетворения человеческих потребностей. Цифровая среда стала важнейшей областью социального взаимодействия, характеризующейся динамичностью и постоянной трансформацией.

Одной из наиболее дискуссионных проблем в юридической науке и практике является определение пределов государственной юрисдикции в цифровом пространстве.

Сложность данного вопроса обусловлена необходимостью сохранения глобальной целостности интернет-среды при одновременном обеспечении соблюдения национального законодательства. Без этого невозможно эффективное противодействие правонарушениям в сети и защита фундаментальных прав и свобод личности.

В традиционной правовой доктрине юрисдикция преимущественно рассматривается в территориальном аспекте. Она определяется как проявление суверенитета государства и сфера действия государственной власти в пределах определенной территории, которая заканчивается на ее границе, соответственно, территориальный принцип отнесен к основным принципам юрисдикции [6, с. 49].

Подобная правотворческая практика оказалась крайне востребованной в условиях цифровой среды, поскольку каждый интернет-ресурс представляет собой независимую структуру, функционирующую в соответствии с собственными, исключительными правилами, имеющими обязательную силу. Их действие ограничено, пользователи вольны выбирать те цифровые площадки, правила которых позволяют наиболее оптимально удовлетворить их потребности и интересы (как и в реальном мире, в котором субъект строит свои взаимоотношения с работодателем на основе свободного волеизъявления) [3, с. 33].

Ключевая сложность правового регулирования цифрового пространства заключается в ограниченной применимости традиционных юридических механизмов к виртуальным отношениям. С другой стороны, в материальном мире существуют физические законы и явления, на которые мы повлиять не можем, они существуют объективно. Виртуальный же мир создан нами самими, что предопределяет возможность воздействия на него не только нормативными способами, но и техническими средствами. Все это определяет специфику возникающих правоотношений [2, с. 15].

Создание эффективных правовых норм для виртуальной среды осложняется отсутствием четкой системы принципов, на которые мог бы опираться законодатель. Хотя традиционные правовые принципы частично применимы, уникальная природа цифровых отношений требует разработки новых подходов. Стоит отметить, что этот процесс уже активно развивается.

Специфика правоотношений в виртуальном пространстве порождает сложности в применении классических правовых механизмов:

1. Отсутствие географических и временных границ. Участники цифровых правоотношений могут находиться в разных странах, что затрудняет определение применимой юрисдикции и национального законодательства. Ситуация усложняется, если в процесс вовлечены посредники, такие как платформы-агрегаторы или сервисы-посредники.

2. Техническая обусловленность взаимодействий. Поскольку цифровые отношения существуют благодаря технологиям, их регулирование зависит не только от права, но и от технических факторов. К ним относятся: качество и скорость интернет-соединения, надежность работы серверов и сетевой инфраструктуры; доступность электроэнергии для поддержания работы устройств. Архитектура интернета также играет роль – например, значимость IP-протоколов, способов передачи данных и интерфейсов подключения.

3. Критическая роль посредников. Функционирование цифровой среды невозможно без участия промежуточных субъектов, которые можно классифицировать по их функциям: те, кто обеспечивает доступ к сети (интернет-провайдеры, хостинг-провайдеры); те, кто поддерживает цифровые платформы (соцсети, агрегаторы, маркетплейсы).

Интернет уже стал новым средством массовой информации, но не только. Поскольку доступ к Интернету – необходимое предварительное условие для использования всех возможностей online, он сегодня может рассматриваться как существенный аспект свободы человека, провозглашенной ст. 1 Всеобщей декларации прав человека [1], поскольку блокирование доступа человека к Интернету представляет серьезное вмешательство в его свободу. Причем исследователи усматривают проблему не только, когда использование Интернета для политической критики сталкивается с репрессиями

(как в Китае, Северной Африке, на Ближнем Востоке), но и когда отключение от Интернета происходит в качестве санкции за повторное нарушение авторских прав (Франция и Великобритания) [5, с. 130].

Стремительное развитие киберпространства и его проникновение во все сферы человеческой деятельности актуализирует проблему правового регулирования виртуальной среды. Глобальный характер цифровых взаимодействий, отсутствие географических ограничений и мгновенность коммуникаций ставят под сомнение традиционные подходы к вопросам государственного суверенитета и правоприменительной практики. Ключевые вызовы цифровой эпохи: 1) проблема идентификации субъектов правонарушений. Атрибуция кибератак представляет значительные трудности, обусловленные спецификой цифровой среды. Использование анонимности и повсеместным использованием операций под чужим флагом создает серьезные препятствия для установления истинных виновников киберпреступлений; 2) особенности цифровых доказательств. Эфемерная природа цифровой информации значительно усложняет процесс доказывания. Техническая сложность фиксации и сохранения электронных доказательств, возможность их быстрого уничтожения или модификации требуют разработки специальных процессуальных механизмов; 3) трансграничный характер угроз. Глобальная взаимосвязанность киберпространства приводит к ситуации, когда источник угрозы может находиться в одной юрисдикции, а последствия проявляться в другой. Это создает дополнительные сложности в вопросах международного сотрудничества и правовой помощи.

Ярким примером трудностей установления источников кибератак служит практика, когда преступники сознательно имитируют деятельность других субъектов. Злоумышленники тщательно копируют используемые методы, технические средства и инфраструктурные элементы третьих сторон, чтобы скрыть свою истинную принадлежность и мотивы. Подобная стратегия дезинформации существенно затрудняет работу экспертов по расследованию инцидентов.

Особую сложность представляет умышленное искажение цифровых следов и создание ложных улик, что делает практически невозможным точное определение происхождения кибератаки. Такие действия не только препятствуют установлению истинных виновников, но и создают серьезные препятствия для привлечения их к ответственности и восстановления нарушенных прав.

Традиционные механизмы правового регулирования, основанные на географической привязке, оказываются малоэффективными в условиях, когда кибероперации могут одновременно затрагивать множество юрисдикций. Этот транснациональный характер киберугроз размывает границы ответственности, создавая юрисдикционную трясину, в которой определение того, какой юридический орган обладает властью, становится сложной головоломкой [4, с. 92].

Глобальная природа цифрового пространства требует принципиально новых подходов к правовому регулированию, выходящих за пределы традиционных представлений о территориальной юрисдикции. Особенности киберсреды, не признающей государственных границ, диктуют необходимость разработки гибких нормативных механизмов, соответствующих реалиям взаимосвязанного мира.

Данная проблема носит международный характер и не может быть решена усилиями отдельных стран. Она требует скоординированных действий мирового сообщества для противодействия комплексным угрозам, возникающим в условиях трансграничных кибератак и глобального цифрового взаимодействия.

Для эффективного противодействия необходимы единые стандарты кибербезопасности, обмен информацией между государствами и создание международных механизмов быстрого реагирования. Только совместными усилиями можно обеспечить устойчивость цифровой инфраструктуры и защитить критически важные данные от злонамеренных действий.

Также Россия может перенять опыт у других стран. Например, США: публично-частное партнёрство и оперативное реагирование и его ключевые механизмы: FBI Cyber Division представляет собой уникальный образец специализированного подразделения, где работают лучшие эксперты в области цифровой криминалистики. Их методы расследования, включая современные технологии отслеживания криптовалютных транзакций, могут быть частично адаптированы с учетом российских правовых норм; CISA (Cybersecurity and Infrastructure Security Agency) выполняет роль центрального координатора, обеспечивающего защиту критически важных объектов инфраструктуры. Особенно ценен их опыт в разработке стандартов безопасности для различных отраслей экономики; программы Bug Bounty демонстрируют, как можно эффективно использовать потенциал «белых хакеров», создавая правовые и экономические стимулы для ответственного раскрытия уязвимостей.

Что можно внедрить в России из опыта США: 1) создание Национального киберкоординационного совета при Администрации Президента, который объединит усилия всех заинтересованных ведомств; 2) разработка стимулирующих механизмов для бизнеса, включая налоговые льготы компаниям, внедряющим передовые стандарты кибербезопасности; 3) запуск пилотной программы «Киберпатруль», где IT-специалисты смогут легально сообщать об уязвимостях в государственных информационных системах.

В Европейском союзе (далее – ЕС) имеет место баланс безопасности и прав человека. Его ключевые механизмы: общий регламент по защите данных (GDPR) устанавливает высокие стандарты обработки персональной информации, что особенно актуально в эпоху цифровой трансформации; Директива NIS2 предлагает комплексный подход к защите сетевых и информационных систем, уделяя особое внимание межгосударственному сотрудничеству; Будапештская конвенция остается важным ориентиром в вопросах международного сотрудничества по борьбе с киберпреступностью.

Что можно внедрить в России из опыта ЕС: совершенствование законодательства о персональных данных с акцентом на реальную защиту прав граждан, а не только на формальное соответствие требованиям; развитие механизмов общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов в цифровой сфере; участие в международных инициативах по борьбе с трансграничной киберпреступностью, особенно в рамках ШОС и БРИКС.

Израильский опыт включает инновации и человеческий капитал. Его ключевые механизмы: Unit 8200 – это не просто военное подразделение, а уникальная экосистема, где молодые таланты получают возможность работать над сложнейшими технологическими вызовами; киберпарки в Беэр-Шеве представляют собой образец успешной интеграции науки, бизнеса и государственных интересов; образовательные программы охватывают все уровни – от школьных кружков до докторантуры, создавая непрерывную цепочку подготовки специалистов.

Что можно внедрить в России: создание сети специализированных IT-классов в школах по всей стране с углубленным изучением основ информационной безопасности; развитие государственно-частного партнерства в области кибербезопасности, включая создание инновационных кластеров по аналогии с израильскими киберпарками; введение обязательных модулей по цифровой практике в программах среднего и высшего образования.

Таким образом, наступление цифровой эры поставило перед обществом комплекс сложных вопросов, охватывающих как технологическую сферу, так и правовую теорию. В условиях глобальной сети традиционные представления о государственном суверенитете и юрисдикции требуют переосмысления.

Поиск ответов на эти вопросы продолжается и требует скоординированной работы государственных органов, юридического сообщества, международных институтов и IT-специалистов. Решение указанных задач возможно только через совместные усилия всех заинтересованных сторон.

Развитие цифровой грамотности должно стать важной задачей государственной политики. Необходимо помочь пользователям осознать особенности цифрового пространства, его риски, а также возможности государственной защиты прав граждан как в офлайне, так и в онлайн-среде.

Список использованной литературы

1. Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 24.04.2025).
2. Дерюгина, Т. В. О специфике правоотношений в цифровой среде и цифровой личности как новом субъекте [Научная статья]/ Т. В. Дерюгина // Цивилист. – 2024. – № 2. – С. 13–19.
3. Мирошник, С. В. Особенности правового регулирования и защиты прав в цифровом пространстве [Научный журнал] / С.В. Мирошник // Журнал юридических исследований. – 2022. – №. 4. – С. 30–36.
4. Рахмонова, М. Суверенитет и юрисдикция в киберпространстве [Научный журнал] / М. Рахмонова. // Общество и инновации. – 2024. – № 2/S. – С. 84-94.
5. Талапина, Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху [Текст] / Э. В. Талапина // Труды Института государства и права РАН. – 2019. - №3. – С. 122–146.
6. Якунина, А. В. Определение юрисдикции государства в цифровом пространстве [Текст] / А.В. Якунина // Юридические исследования. – 2024. – №5. – С.48–58.

УДК 347.424

Е. А. Копосова, Е. С. Ружникова

*научный руководитель – В. В. Моданов, кандидат юридических наук, доцент
(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

СУЩЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ВЛЕКУЩИЕ РАСТОРЖЕНИЕ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЕ ДОГОВОРА

В работе рассматривается институт существенного изменения обстоятельств, влекущих изменение или расторжение договора. Анализируется доктринальное и практическое толкование ст. 451 ГК РФ, условия её применения. Выявлены особенности судебного подхода к определению изменения обстоятельств, которые не могут рассматриваться как существенные, подход к пониманию предпринимательского риска. Акцентируется внимание на оценочном характере некоторых категорий.

Возможность изменения или расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств предусматривается ст. 451 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) предусматривает. Несмотря на наличие в рассматриваемой норме определения указанного понятия, и условий применения последствий в виде расторжения или изменения договора в судебном порядке, на практике возникают вопросы отнесения тех или иных изменений обстоятельств к существенным: вопросы возможности применения ст. 451 ГК РФ [1] не раз становились объектом рассмотрения высших судов Российской Федерации (РФ). Поэтому важно рассмотреть подход к определению содержания понятия “существенное изменение обстоятельств” в соответствии с положениями

законодательства, цивилистической доктрины и практики правоприменения. Актуальность данной проблематики на данный момент связывается также со сложившейся с конца февраля 2022 года сложной экономической ситуацией, которая повлекла за собой санкции, что сказалось на договорные отношения.

Согласно абз. 2 п. 1 ст. 451 ГК РФ существенные изменения обстоятельства – это те обстоятельства, которые настолько изменились, что при разумном предвидении стороны либо отказались от заключения сделки, либо согласовали бы её на совершенно иных условиях.

В цивилистической доктрине применяется аналогичная трактовка рассматриваемого понятия. Так П. В. Крашенинников рассматривая в своей работе основания для изменения или расторжения брачного договора указывает, что «изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор был бы заключён на значительно отличающихся условиях или вообще не был бы ими заключён» [8, с. 64].

Более полное определение содержится в исследовании В. В. Груздева, согласно которому «Существенным следует признавать изменение обстоятельств, касающееся существа обязательственной связи - прав и обязанностей, которые обусловлены порождающим их юридическим фактом (составом) и необходимы для исполнения обязательства. С момента существенного изменения обстоятельств исполнение обязательства в целях достижения правовой цели сделки, лежащей в его основании, становится крайне невыгодным с экономической точки зрения.» [7, с. 2] Данное определение делает акцент на том, что только те изменения, которые влияют на основной предмет договора, могут быть признаны существенными.

Отметим, что в научной литературе рассматриваются, конкретные обстоятельства, которые могут быть признаны существенными, например, возникающие в связи с деятельностью государства, к таковым В.С. Петрищев относит: «принятие нормативного правового акта, прекращение или уменьшение бюджетного финансирования, судебное решение». Вместе с тем ученый отмечает, что существенность данных обстоятельств каждый суд в каждом случае определяет по-разному [10, с. 11].

Для того, чтобы отнести изменение обстоятельств к категории существенным законодатель определил в п. 2 ст. 451 ГК РФ четыре условия. Таким образом возможность ссылки сторон на ст. 451 ГК РФ возможно при следующем: 1) непредвиденность изменений обстоятельств; 2) непреодолимость изменений обстоятельств при определённой степени заботливости и осмотрительности; 3) исполнение договора могло бы повлечь значительный ущерб для заинтересованной стороны; 4) ни обычай делового оборота, ни существо договора не предполагали необходимости возложения риска изменения обстоятельств на заинтересованную сторону.

Анализируя данные условия, можно прийти к выводу о том, что наиболее сложным в понимании и применении на практике является первое условие о предвидимости. Как указала С. А. Моисеенко сложность состоит в том, что данное условие состоит из двух основных компонентов, во-первых, «возможность предвидеть изменения обстоятельств и учесть соответствующие риски при заключении контракта», а во-вторых, «возможность предвидеть интенсивность изменений обстоятельств». Исходя из правоприменительной практики данное условие является наиболее дискуссионным, так как суды в большинстве своём склоняются к тому, что любые политические, экономические, социальные и иные факторы уже являются предполагаемыми и входят в состав предпринимательских рисков [9, с. 132].

На данный момент судебной практикой высших судов сформирован перечень обстоятельств, не рассматриваемых как существенное изменение обстоятельств: инфляционные процессы, финансовые кризисы, изменение курса иностранной валюты, резкое

ухудшение финансового положения юридического лица и другое. Данные изменения являются явлениями характерными для рыночной экономики, частью её динамического развития, а, следовательно, их возникновение не является исключительным обстоятельством. Как верно указано в одном из постановлений Арбитражного суда Северо-Кавказского округа, подобные обстоятельства «...по существу выступают рисками, сопутствующими предпринимательской деятельности, и в большинстве случаев должны быть непредвиденными для участников этой деятельности». [6].

Одним из критериев признания существенности обстоятельств является невозможность разумно предвидеть его возникновение. Иначе обстоятельство является исключительным случаем и допускает применение положений ст. 451 ГК РФ. К таким исключительным обстоятельствам может быть отнесено возникновение чрезвычайных обстоятельств, признание эпидемиологической обстановки, начало специальной военной операции и другие. Само по себе наличие указанных обстоятельств не влечёт возможность применения ст. 451 ГК РФ – важно установить причинно-следственную связь и невозможность возникновения аналогичных последствий в обычных условиях экономического оборота. Так изменение цены товаров, даже возникшие вследствие исключительных обстоятельств, является фактором экономического риска [4], так как при согласовании сторонами не подлежащей изменению стоимости, исполнитель принимает на себя риск изменения фактической стоимости, что свидетельствует о несоблюдении условия пп. 4 п. 2 ст. 451 ГК РФ.

Если на сторону не были возложены соответствующие риски, она не могла предвидеть наступление данных обстоятельств, и внесение изменений в договор объективно необходимо в создании условий для восстановления их экономического положения сторон, то применяются последствия ст. 451 ГК РФ. Так ссылаясь на данные обстоятельства, было удовлетворено требование об изменении графика лизинговых платежей, вызванное изменением финансового положения стороны, существенным изменением цепочек поставок, отказ работы со стороны иностранных логистических компаний и невозможности получения денежных средств от экспортных клиентов, вызванные политическими и экономическими обстоятельства, возникшими из-за начала специальной военной операцией.

Также значимым условием является указанное в пп. 3 п. 2 ст. 451 ГК – нарушение соответствующего договору соотношения имущественных интересов сторон, влекущее лишение того, на что сторона была вправе рассчитывать при заключении договора. Полагаем, данный пункт раскрывает цель существования данной нормы, указывая на необходимость установления существенности деструктивного влияния изменения обстоятельств на интересы лиц. Как верно указывает О. О. Фалилеев “Основной целью института существенного изменения обстоятельств является потребность в создании условий, при которых заключённый гражданско-правовой договор не теряет в процессе его юридического исполнения социально-экономического эффекта, а участники гражданско-правовой сделки при изменениях обстоятельств остаются во взаимовыгодном положении” [11, с. 248].

Примером наличия такого условия может быть невозможность использования, переданного по договору аренды, имущества в связи с принятием органом государственной власти субъекта РФ решения о введении режима повышенной готовности [5]. Также расторжению в соответствии со ст. 451 ГК РФ подлежит договор, при заключении которого покупатель не достигает цели, ради которой данный договор был заключён, например, при непредоставлении информации об обременении имущества, свидетельствует о том, что покупатель в лишён, значительной степени, того, на что был вправе рассчитывать при заключении договора. [3]

Согласно ст. 451 ГК РФ, что по общему правилу, в судебном порядке договор подлежит только расторжению. То есть, согласно п. 4 рассматриваемой статьи, изменение договора судебным решением допускается в исключительных случаях – при наличии хотя бы одного из названных в норме оснований: расторжение договора противоречит

общественным интересам; расторжение сделки повлечёт для сторон ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора на изменённых судом условиях. В соответствии с указанными обстоятельствами сторона должна заявлять свои требования, иначе в их удовлетворении будет отказано. [2]

Применение ст. 451 ГК РФ в судебной практике осложняется отсутствием унифицированного перечня условий существенности изменения обстоятельств, сложность установления причинно-следственных связей между конкретными правоотношениями и глобальными явлениями, а также оценочность большинства категорий: возможности предвидения возникновения обстоятельств и их интенсивности, объёма негативных последствий для сторон и др. Создать полностью унифицированный подход не представляется возможным, так как это ограничит право на защиту сторон. Однако урегулировать вопросы распределения рисков по видам договорных обязательств и указать основные обстоятельства, входящие в категорию предпринимательского риска в едином документе, например, в Постановлении Пленума Верховного суда, представляется возможным. Полагаем, что основными критериями применения ст. 451 ГК РФ является возникновение непредвиденных изменений, вызванных не экономическими процессами, невозможность их возникновения при обычных условиях экономической деятельности и существенность возникших последствий.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024). // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Постановление Президиума ВАС РФ от 14.10.2008 N 5934/08 по делу № А40-34754/07-53-320 [Электронный ресурс] / Е. Ю. Валявина. // Президиум Высшего арбитражного суда Российской Федерации – [2008] // Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1689025/>. Дата доступа: 27.04.2025.
3. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.09.2024 № 88-21821/2024 [Электронный ресурс] / председательствующий А. С. Рипка. // Шестой кассационный суд общей юрисдикции – [2024] – КонсультантПлюс. // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/ons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=172413#TMpAajU6y2tZ8SN5>. Дата доступа: 27.04.2025.
4. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.04.2023 № Ф04-776/2023 по делу № А45-14485/2022 [Электронный ресурс] / председательствующий Л. А. Крюкова. // Арбитражный суд Западно-Сибирского округа – [2023] – КонсультантПлюс. // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=196032#ugPCajU3V2slV6eL> Дата доступа: 27.04.2025.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.06.2021 N Ф05-14149/2021 по делу № А40-130161/2020 [Электронный ресурс] / председательствующий В.Я. Голобородько. // Арбитражный суд Московского округа – [2021] – КонсультантПлюс // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=381197#tdhQajUwHSxO8qf4>. Дата доступа: 27.04.2025.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.01.2023 № Ф08-13508/2022 по делу № А32-13267/2022 [Электронный ресурс] / председательствующий О. В. Бабаева. // Арбитражный суд Северо-Кавказского округа – [2023] – КонсультантПлюс // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=188344#pWeRajUkfPsM6zOk>. Дата доступа: 27.04.2025.
7. Груздев, В. В. Трансформация обязательственной связи вследствие существенного изменения обстоятельств / В. В. Груздев // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 8. – С. 1–13.

8. Крашенинникова, П. В. Семейное право: учеб. пособие / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева, О. А. Рузакова – 3-е изд. – М: Статут, 2016. – 270 с.
9. Моисеенко, С. А. Институт применения существенного изменения обстоятельств в гражданском праве: аспекты адаптации торговых договоров / С. А. Моисеенко // Юридическая наука. – 2023. – № 12 – С. 131–135.
10. Петрищев, В. С. Существенное изменение обстоятельств: правоприменение ст. 451 ГК РФ и опыт стран общего и континентального права: учеб. пособие / В. С. Петрищев. // Препринт WP10/2007/06. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 60 с.
11. Фалилеев, О. О. Проблема изменения и расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств в российском гражданском праве / О. О. Фалилеев // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 3. – С. 246–248.

УДК 001.1

А. П. Креминская

*научный руководитель – И. В. Ершова, кандидат философских наук, доцент
(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Работа посвящена анализу формальных и неформальных институтов и их роли в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации. Определены понятия формальных и неформальных институтов, а также понятие экономической безопасности. Выявлены преимущества и недостатки каждого из институтов. Рассмотрены примеры формальных и неформальных институтов, которые помогают в обеспечении экономической безопасности. Обнаружены причины по которым экономика не сможет функционировать эффективно без формальных и неформальных институтов.

Исходя из современных представлений, вопросы обеспечения экономической безопасности становятся всё более актуальными. Экономическая безопасность – это состояние экономики страны, которое, во-первых, по объёмным и структурным параметрам достаточно для обеспечения существующего статуса государства, его независимого от внешнего давления политического и социально-экономического развития и, во-вторых, способно поддерживать уровень легальных доходов, обеспечивающий абсолютному большинству населения ние, соответствующее стандартам цивилизованных стран [1].

Формальные институты – это структуры и правила, которые регулируют поведение индивидов и организаций в обществе. Они закреплены в законах, актах, нормах, правилах и обеспечиваемые принудительным исполнением.

Выделяются следующие признаки формальных институтов:

1. Ясность и предсказуемость: четкие правила и законы помогают людям понимать границы допустимого поведения.
2. Защита прав: формальные институты, такие как суды и законодательные органы, защищают права граждан и обеспечивают справедливость.
3. Устойчивость: институты могут быть более устойчивыми к изменениям, так как основаны на официальных документах и процедурах.
4. Ответственность: формальные структуры часто имеют механизмы контроля и ответственности [3].

При наличии всех вышеперечисленных достоинств, можно сформулировать следующие недостатки формальных институтов:

1. Бюрократия: сопровождаются сложными процедурами, которые могут замедлять процессы принятия решений.

2. Негибкость: могут быть неэффективными в условиях быстрого изменения, так как требуют времени для адаптации.

3. Отсутствие личного подхода: стандартизированные правила могут игнорировать индивидуальные особенности и потребности.

Неформальный институт – это традиции, обычаи, общепринятые условности и этические кодексы поведения, являются совместным результатом существования в обществе. Такие институты возникают там, где формальный институт нарушен и вызывает нарушение для общества в целом. В неформальных институтах нет жёстко закреплённых стандартов.

Неформальные институты обладают такими преимуществами, как:

1. Гибкость, способность подстраиваться под общество.

2. Легкая адаптация к меняющимся внешним факторам.

3. Личное взаимодействие: учитывают индивидуальные потребности и контексты, что может улучшить качество взаимодействия [3].

Следует упомянуть недостатки неформальных институтов:

1. У таких институтов возникают дискриминационные правила.

2. Ограничен радиус трактовки санкций.

3. Такие институты могут создавать неоднозначные правила.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать предварительный вывод о том, что оба типа институтов играют важную роль в обществе и их взаимодействие может влиять на социальные, экономические и политические процессы.

Следующим аспектом в статье является экономическая безопасность, которая является частью общей системы национальной безопасности страны, обеспечивает стабильность финансовой системы и способность противостоять внутренним и внешним угрозам. Она включает в себя защиту критической инфраструктуры, ресурсов, технологий и информации, а также социальное благополучие населения [2].

В контексте экономической безопасности формальные институты включают законы, регуляции, государственные учреждения и международные соглашения, которые создают правовую основу для защиты экономики. Они обеспечивают стабильность, предсказуемость и защиту прав собственности.

Неформальные институты охватывают социальные нормы, традиции и культурные практики, которые влияют на экономическое поведение. Они могут способствовать или препятствовать экономической безопасности через доверие, сотрудничество и уровень коррупции в обществе [2].

Отметим, что формальные институты в контексте экономической безопасности устанавливают законодательно определённые правила конкретно экономического регулирования [3]. Например, это правила регистрации фирм или формы отчётности, порядок налогообложения, установленные государственными органами.

Таким образом, можно сделать ряд выводов о роли формальных и неформальных институтов в функционировании экономики.

1. Стабильность: формальные институты обеспечивают стабильность, предсказуемость и справедливость на рынке, а также защищают интересы всех участников. Неформальные институты, такие как доверие и репутация, также способствуют устойчивости экономических отношений.

2. Формальные институты создают четкие правила и законы, которые регулируют экономические отношения. Без них возникнет неопределенность в деловых операциях.

3. Социальные связи: неформальные институты, такие как традиции и культурные нормы, укрепляют социальные связи и сотрудничество между участниками экономики.

4. Устойчивость к кризисам: формальные, так и неформальные институты помогают обществу адаптироваться и находить решения, обеспечивая поддержку и взаимопомощь.

Список использованной литературы

1. Богомолов, В. А. Введение в специальность «Экономическая безопасность»: Учебное пособие / В. А. Богомолов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 279 с.
2. Криворотов, В. В. Экономическая безопасность государства и регионов: Учебное пособие для студентов вузов / В. В. Криворотов, А. В. Калина, Н. Д. Эриашвили. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 351 с.
3. Правоведение : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / под ред. А. Я. Рыженкова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – 317 с.

УДК 343.224.1

П. П. Кушнерова, Р. В. Клышко

*научный руководитель - А. М. Клим, кандидат юридических наук, доцент
(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Республика Беларусь)*

ВОЗРАСТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

В материалах рассматривается возраст уголовной ответственности как ключевой элемент уголовного права. Анализируется исторический и международный опыт (Беларусь, Франция, Англия, США), демонстрируя различные подходы к определению возраста, с которого наступает ответственность за преступления. Подчеркивается важность учета осознанности при определении возраста уголовной ответственности, а также цели правосудия не только наказание, но и реабилитация.

Уголовное право является совокупностью юридических норм, созданных высшим законодательным органом, которые определяют, какие действия признаются преступлениями и подлежат наказанию. Оно устанавливает основания для уголовной ответственности и регулирует процесс назначения наказаний и других мер уголовно-правового воздействия, включая возможность освобождения от уголовной ответственности и наказания [1]. За совершение преступных действий всегда должна применяться соответствующая санкция – уголовная ответственность. Многие исследователи рассматривают эту категорию как обязанность лица, совершившего преступление, нести за него ответственность, понести определенные убытки и столкнуться с наказанием и негативными последствиями.

Одним из основных условий для привлечения к уголовной ответственности является достижение возраста, установленного уголовным законодательством. Это требование оправдано тем, что возраст напрямую влияет на способность человека осознавать последствия своих действий и оценивать их как полезные, вредные или опасные. Установление возраста уголовной ответственности должно основываться на объективных критериях, так как с возрастом человек достигает определенного уровня интеллектуального и эмоционального развития, позволяющего ему правильно понимать истинное значение своих поступков. Также важно учитывать, что возрастная граница уголовной ответственности может различаться в зависимости от культурных, социальных, юридических и идеологических традиций каждой страны.

В большинстве стран основная задача правосудия в отношении правонарушителей заключается не только в наказании, но и в их воспитании и реабилитации. Это означает, что система правосудия должна стремиться к восстановлению личности правонарушителя, предоставляя ему возможность исправиться и адаптироваться в обществе. Такой подход способствует снижению уровня рецидивов и помогает человеку вернуться в социальную среду.

Согласно законодательству Республики Беларусь в УК установлено три возраста уголовной ответственности:

- 16 лет – общий возраст уголовной ответственности;
- 14 лет – возраст уголовной ответственности за 23 преступления, указанное в ч. 2 ст. 27 УК (например, за такие преступления, как убийство, изнасилование, разбой, кража огнестрельного оружия и незаконный оборот наркотиков и другие) [2];
- 18 лет – возраст уголовной ответственности, установленный в отдельных статьях Особенной части УК [3].

В связи с развитием уголовного законодательства данный перечень менялся. Например, действующий уголовный кодекс Республики Беларусь, принятый в 1999 году, знаменует собой существенное расширение перечня преступлений, за которые наступает ответственность с 14 лет, предлагая при этом более детальную дифференциацию составов, нежели обобщенные формулировки в УК БССР 1960 года (а именно в статье 10) [4]. Таким образом, непосредственно минимальный возраст, по достижении которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, на протяжении истории служил инструментом уголовной политики государства. В некоторых странах уголовная ответственность в полном объеме может наступать не с 16 лет, а с более раннего возраста. Например, нижняя граница, установленная Воинскими артикулами Петра I в 1715 году, составляла семь лет [5].

Современное уголовное законодательство за границей в основном поддерживает идею закрепления минимального возраста в законе. Однако во Франции до сих пор нет четко определенного ни верхнего, ни нижнего предела для уголовной ответственности [6]. В связи с этим в каждом конкретном случае суд проводит экспертизу, чтобы выяснить, достиг ли обвиняемый возраста, при котором его можно признать вменяемым. Это создает определенные трудности в правоприменении, поскольку каждая ситуация рассматривается индивидуально, и судьи должны учитывать множество факторов, включая психическое и физическое состояние обвиняемого и обстоятельства совершенного преступления.

Англия является страной с относительно низким возрастом уголовной ответственности, который был установлен в 1963 году – 10 лет. Для малолетних, не достигших десятилетнего возраста, существует презумпция, что они не могут быть уголовно ответственными. Следовательно, любые действия, совершенные такими детьми, не влекут за собой уголовную ответственность [7].

В некоторых штатах США уголовная ответственность начинается с 10 лет. Например, в Колорадо и Луизиане этот порог установлен на уровне 10 лет, тогда как в Орегоне он составляет 12 лет. В целом по стране минимальный возраст уголовной ответственности равен 16 годам. В 23 штатах и федеральном округе Колумбия нет установленного минимального возраста для привлечения к уголовной ответственности, что позволяет несовершеннолетним быть осужденными за серьезные преступления наравне со взрослыми. В остальных 27 штатах минимальный возраст колеблется от 10 до 15 лет. Для преступлений, регулируемых федеральным законодательством, минимальный возраст уголовной ответственности составляет 11 лет [8]. В Канаде, согласно Закону о несовершеннолетних правонарушителях, уголовные дела могут быть возбуждены против лиц, достигших 12-летнего возраста [9]. На Кипре минимальный возраст уголовной ответственности также установлен на уровне 12 лет, однако полная ответственность наступает с 16 лет [10]. В Новой Зеландии, согласно закону 1961 года, уголовная ответственность может наступить с 10 лет [11]. В Португалии функционируют три суда, которые рассматривают дела о правонарушениях несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет (в некоторых случаях – до 18 лет) и принимают меры для защиты детей и подростков от злоупотреблений со стороны взрослых [12]. Еще одним примером страны, где уголовная ответственность наступает относительно поздно по сравнению с предыдущими государствами, является Бельгия. В этой стране возраст уголовной ответственности установлен на уровне 18 лет. Это означает, что к детям применяются лишь меры защиты, ухода или воспитания [13].

Таким образом, установление минимального возраста уголовной ответственности является острой темой в уголовном праве по сей день. У каждого государства свои принципы установления минимального возраста уголовной ответственности. Это зависит от идеологических, культурных и исторических норм и устоев страны, а также от физиологического развития нации. Безусловно, ученые и юристы разделяют две стороны: кто-то предлагает снизить возраст уголовной ответственности, а кто-то, наоборот, выступает за увеличение возрастной планки.

Однако в Республике Беларусь на сегодняшний день корректировать возраст уголовной ответственности считается нецелесообразным. Общий возраст наступления уголовной ответственности – 16 лет, в некоторых случаях он может быть снижен до 14 лет: такие случаи зависят от тяжести уголовного преступления [14]. Важно учитывать, что не тяжесть преступления является главным критерием установления перечня, а способность по достижении 14-летнего возраста осознавать очевидную для всех общественную опасность наиболее распространенных среди подростков посягательств на человека, собственность, общественную безопасность, здоровье населения, общественный порядок и нравственность [3].

Список использованной литературы

1. Уголовное право. Общая часть : учебное пособие / С. В. Ананич [и др.] ; под общ. ред. А. Л. Савенка, В. С. Яловица – Минск : Академия МВД, 2020. – 387 с.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой Представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 24.04.2025).
3. Саркисова, Э. А. Уголовное право. Общая часть : учебник / Э. А. Саркисова. – Минск : Акад. МВД, 2014. - 559 с.
4. Об утверждении Уголовного кодекса Белорусской ССР : Закон Белорус. ССР, 29 дек. 1960 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 24.04.2025).
5. Артикул Воинский : [сайт]. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 24.04.2025).
6. Уголовный кодекс Франции : [сайт] – URL: <https://web.archive.org/web/20140512223256/http://codes.droit.org/cod/penal.pdf?ts=1399650503> (дата обращения: 24.04.2025).
7. Уголовное правосудие Великобритании закон 1963 г. : [сайт] – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1963/39/enacted> (дата обращения: 24.04.2025).
8. The Model Penal Code of the American Law Institute: [сайт] – URL: https://dn790004.ca.archive.org/0/items/ModelPenalCode_ALI/MPC%20full%20%28504%20pages%29.pdf (дата обращения: 24.04.2025).
9. Закон о малолетних правонарушителях Канады : [сайт] – URL: <https://publications.gc.ca/Pilot/LoPBdP/CIR/8613-e.htm> (дата обращения: 24.04.2025)
10. Уголовный кодекс Кипра : [сайт] – URL: http://www.cylaw.org/nomoi/enop/non-ind/0_154/full.html (дата обращения: 24.04.2025).
11. Crimes Act 1961 : [сайт] – URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1961/0043/latest/dlm327382.html> (дата обращения: 24.04.2025).
12. Уголовный кодекс Португалии : [сайт] – URL: https://adsdatabase.ohchr.org/IssueLibrary/PORTUGAL_Criminal%20Code.pdf (дата обращения: 24.04.2025).
13. Уголовный кодекс Бельгии : [сайт] – URL: <https://wipolex-resources-eu-central-1-358922420655.s3.amazonaws.com/edocs/lexdocs/laws/fr/be/be138fr.pdf> (дата обращения: 24.04.2025).
14. Андрюхин, Н. Г. Генезис уголовно-правового значения несовершеннолетнего возраста в отечественном законодательстве : монография – М., 2006. – 173 с.

О. А. Панова

научный руководитель – В. В. Моданов, кандидат юридических наук, доцент
(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)

**АВТОРСТВО ИЗОБРАЖЕНИЙ,
СОЗДАНЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

В работе рассматриваются методы регулирования авторских правоотношений в современном мире в связи с быстрыми темпами развития искусственного интеллекта. Подчёркивается разнообразие определения автора в разные государства в зависимости от сложившихся традиций и принципов. Основное внимание уделяется судебной практике зарубежных стран в решении вопроса авторства на изображения, созданные нейросетью. Актуальность исследования заключается в сравнительно-правовом подходе к изучению правовых решений зарубежных стран по данному вопросу.

На сегодняшний день нейросети – это одновременно и наше будущее, и наш конец. С одной стороны нейросети могут стать прямой угрозой человечеству в будущем. Поскольку уже сегодня искусственный интеллект способствует сокращению рабочих мест, распространению дезинформации, введению заблуждению массы людей. Ведь не редкий случай, когда он искажает смысл цитат знаменитых людей или придумывает статью Семейного Кодекса РФ, которой вовсе не существует.

Однако с другой стороны искусственный интеллект во много упрощает нашу жизнь. Например, в повседневное время он помогает найти необходимую информацию в течение нескольких секунд, изучить новый иностранный язык. В профессиональной же деятельности происходит автоматизация многих технических процессов (проводится анализ медицинских снимков), оказывается творческое содействие (генерация различных идей, создание иллюстраций).

В связи с актуальностью данного вопроса мы решили рассмотреть искусственный интеллект во взаимосвязи с авторским правом. Так, можем отметить, что стираются грани между искусством, созданным человеком, и созданным нейросетью. Например, в ноябре 2024 года впервые на аукционе была продана картина, созданная искусственным интеллектом, на сумму более одного миллиона долларов. Непосредственным автором данного портрета является робот Ai-Da. Тем не менее робот как автоматизированная машина не является субъектом гражданских правоотношений и не может стать правообладателем гонорара, полученного от продажи. В данном случае деньги получил создатель Ai-Da – галерист Эйдан Меллер. Таким образом, можем сделать вывод, что автором изображения, созданного искусственным интеллектом, является создатель или владелец этой нейросети. Однако в данном вопросе мнения расходятся не только внутри государства между российскими правоведами, но и – во всём мире.

В современном мире существует три точки зрения относительно того, кто является автором изображения, созданного искусственным интеллектом. Первая заключается в том, что создатель программы является автором, поскольку он обучает и тренирует нейросеть на создание тех или иных объектов интеллектуальной собственности. Вторая позиция основывается на том, что пользователь или автор промпта – запроса – является автором, так как он задает необходимые настройки, корректирует полученные данные. И третий, кто может являться автором, это нейросеть, ввиду того что она непосредственный создатель изображения, даже если этот процесс и является механическим, а не творческим [4].

Резюмируя вышеперечисленное, можем отметить, что на сегодняшний день отсутствует единая точка зрения за кем признавать авторские права и чьи защищать в таких случаях. В связи с этим мы решили проанализировать законодательство ведущих стран, рассмотреть их действия в таких ситуациях и изучить их судебную практику.

В частности, Соединённые Штаты Америки (далее – США) придерживаются такой политики, что программа не может быть автором изображения, но и человек, создавший эту программу, тоже не может. Закон об авторском праве закрепляет, что защищаются только те объекты интеллектуальной собственности, в которых был вложен творческий вклад [2].

К примеру, в 2019 году Стивен Тэйлер хотел зарегистрировать авторские права на картину «Недавний вход в рай», созданную искусственным интеллектом. В свою очередь, он приводил аргумент того, что он все-таки является создателем данной программы, соответственно, является и автором изображения. Впрочем, суд отказал Тэйлеру в регистрации прав, поясняя, что защита авторских прав невозможна, если отсутствует творческий вклад человека. [5] Таким образом, американское законодательство не признает, во-первых, нейросети как авторов изображения, поскольку те не являются субъектами правоотношений. Во-вторых, создателей этих нейросетей, как авторов изображения, поскольку при создании чего-то нового с их стороны отсутствует интеллектуальное усилие и творческий вклад. Однако если изображения будет лишь элементами искусственного интеллекта эффектами, то тогда человек будет иметь право на защиту авторских прав.

Той же политики придерживается Великобритания. В Законе от 1988 года «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах» определяет автора художественных произведений и как лица, которое его создало или предприняло необходимые меры для его создания [3]. Однако с другой стороны Правительство Великобритании придерживается такой позиции, что и искусственный интеллект не может быть автором такого произведения.

Такие выводы можно сделать, проанализировав дело доктора Стивена Талера, который хотел зарегистрировать созданную им систему DABUS как автора. Тем не менее, Верховный Суд Великобритании отказал в регистрации, ссылаясь, на пробел в праве – отсутствие правовых норм, регулирующих авторские правоотношения, в которых искусственный интеллект выступает как автор. Во-вторых, британский судья – Дэвид Китчин заявил, что «нас не интересует новый объект материального имущества, созданный на основе существующего объекта материального имущества», то есть в целом сложно представить, чтобы авторские/ патентные права машины или программы, наравне защищались бы с гражданами и юридическими лицами.

Однако в начале 2025 года Правительством Великобритании был представлен «План действия по использованию возможностей искусственного интеллекта», который содержал цели и рекомендации по использованию нейросетей [1]. Многие деятели искусства обеспокоены, что искусственный интеллект будет выполнять большую часть их работы, тем самым, художники, мультипликаторы и другие потеряют свой стабильный доход. Таким образом, если большой пласт работы будет выполняться роботами, то возникнет необходимость в создании правового механизма, защищающего создателей произведений. Возможно, вектор развития Великобритании в отношении признания авторских прав за искусственным интеллектом поменяется, если уже не поменялся.

Азиатский опыт защиты авторских прав на изображения, созданные нейросетью, отличаются от европейского. Так, Китайская Народная Республика считает, что именно пользователь является автором такого изображения. Истоком развития такой точки зрения стало дело 2023 года, в котором ответчик распространил в социальных сетях изображения, ранее выставленное истцом. Данное изображение истец сгенерировал с помощью искусственного интеллекта, на первый взгляд, кажется, что он никак не может являться автором, поскольку фотография была создана механически, без творческого вклада. Однако Пекинский Суд все-таки удовлетворил требования истца на том основании, что

тот менял параметры более 150 раз, чтобы добиться того результата, который изначально планировал. Считается, что таким образом он добивался получить такое изображение, которое бы соответствовало его эстетическим соображениям и вкусам. В связи с этим китайские суды сегодня при решении схожих вопросов в первую очередь определяют степень самовыражения пользователя, насколько сильно их действия повлияли на созданную картинку.

Резюмируя вышеизложенное, можем отметить, что на сегодняшний день отсутствует единообразие применения судами норм авторского права относительно вопроса, связанного с генерацией картинок искусственным интеллектом. Каждое государство при решении дел опирается на различные принципы: одни делают акцент на творческом вкладе человека при создании изображения, другие – на степени взаимодействия нейросети с пользователем. Однако факт остается фактом, в современном международном праве отсутствуют нормы, регулирующие подобного рода отношения. В глобальном решении данного вопроса заинтересованы массы людей: от пользователей искусственным интеллектом до правоведов, специализирующихся в данной области.

Список использованной литературы

1. United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. National AI Strategy – AI Action Plan [Electronic resource]: (2022). // URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-ai-strategy-ai-action-plan/national-ai-strategy-ai-action-plan>.
2. USA. Copyright Law of the United States (Title 17) and Related Laws Contained in Title 17 of the United States Code [Text]: (1790) of.text. – p. 109.
3. USA. The Copyright, Designs and Patents Act 1988 [Text]: (1988) of.text. – p. 172.
4. Беликова, К.М. Проблема правовой оценки содержания научных и образовательных текстов с позиции роли и места автора в генеративном контенте нейросетей [Электронный ресурс] / К. Беликова // Право и политика – 2024 – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravovoy-otsenki-soderzhaniya-nauchnyh-i-obrazovatelnyh-tekstov-s-pozitsii-rol-i-mesta-avtora-v-generativnom-kontente> (дата обращения: 07.04.2025).
5. Титов, Н. Нейросеть в законе: пробелы в регулировании [Электронный ресурс] / Н. Титов. – URL: <https://www.garant.ru/article/1799577/#1> (дата обращения: 04.04.2025).

УДК 342

Д.С. Хамерман

научный руководитель – Ю. И. Иванова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Работа посвящена анализу универсальной системы защиты прав человека, функционирующей под эгидой ООН. Рассматриваются ключевые институты, такие как Генеральная Ассамблея ООН, Управление Верховного комиссара по правам человека, Совет по правам человека, а также специализированные учреждения (МОТ, ВОЗ, ЮНЕСКО и др.). Приведён обзор исторически значимых документов, включая Всеобщую декларацию прав человека, Международный билль о правах человека и другие нормативные акты. Особое внимание уделяется реализации экономических, социальных и культурных прав, а также современным вызовам в этой области.

Универсальная система международно-правовой защиты прав человека представляет собой многослойную совокупность правовых норм, ценностных ориентиров

и институциональных механизмов, сформированных в рамках межгосударственного взаимодействия и основанных на консенсусе участников международного сообщества. Эти нормы, зафиксированные в авторитетных правовых актах, играют компенсаторную роль по отношению к национальным правовым системам, особенно в ситуациях, когда государственные механизмы утрачивают способность эффективно обеспечивать защиту фундаментальных прав и свобод личности. Центральное место в архитектуре глобальной правозащитной модели занимает система, действующая под эгидой Организации Объединённых Наций, обеспечивающая институциональную устойчивость и нормативную универсализацию.

Международные правозащитные институты становятся актуальными именно в тех случаях, когда внутренние юрисдикционные средства исчерпаны, а национальная правовая система оказывается не в состоянии выполнить свои обязательства перед гражданином. В этом смысле международная правозащита выполняет функцию последнего механизма правового реагирования и восстановления нарушенного статуса личности в глобальном измерении.

Настоящее исследование направлено на всесторонний анализ универсальной модели охраны прав человека, выявление её ключевых субъектов и документов, а также на осмысление актуальных проблем, стоящих перед системой в условиях мировых трансформаций.

1. Организация Объединённых Наций как архитектор и гарант международной правозащитной системы.

Организация Объединённых Наций – это уникальная организация независимых стран, которые объединились во имя всеобщего мира и социального прогресса [1]. С момента основания в 1945 году Организация позиционирует защиту прав человека как один из центральных векторов своей институциональной деятельности.

Генеральная Ассамблея ООН, обладая функцией нормативного лидерства, формирует базовые правовые рамки, способствующие развитию международного правозащитного дискурса. Особенно значимыми являются решения Третьего комитета Ассамблеи, который специализируется на гуманитарных и правозащитных вопросах глобального масштаба.

К числу органов, обладающих специализированными мандатами в данной области, относятся:

Управление Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ) – ключевая структура, обеспечивающая методологическое сопровождение реализации международных стандартов и координацию взаимодействия между субъектами.

Совет по правам человека – авторитетная платформа для обсуждения, оценки и реагирования на системные и эпизодические нарушения прав человека, с возможностью инициирования универсального периодического обзора в отношении всех государств.

Эти органы не только осуществляют мониторинговую деятельность, но и формируют стратегическое видение будущего правозащиты на глобальном уровне.

2. Нормативный каркас международной защиты прав человека.

Провозглашение Всеобщей декларации прав человека в декабре 1948 года стало фундаментальным правовым и символическим актом, обозначившим консенсус международного сообщества в отношении универсальности, неделимости и взаимосвязанности прав личности. Данный документ, носивший первоначально декларативный характер, впоследствии трансформировался в основу нормативной практики множества международных договоров.

На базе декларации был сформирован так называемый Международный билль о правах человека, включающий:

Международный пакт о гражданских и политических правах, закрепляющий институты и гарантии личной свободы, политического участия, справедливого правосудия;

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, институционализирующий социально-экономические ориентиры – от права на труд и образование до права на культурную идентичность.

Дополнительную юридическую силу системе придал Факультативный протокол, расширивший возможности международного индивидуального обращения по вопросам нарушений экономических и социальных прав.

Важнейшими достижениями Генеральной Ассамблеи стали также отраслевые международные акты, такие как: Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция о правах ребёнка, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Конвенция о представителях трудящихся, Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям, каждая из которых формирует свою собственную систему надзорных механизмов и процедур исполнения [2, с. 226].

3. Функциональная роль специализированных учреждений системы ООН.

Особое значение в реализации социально ориентированных прав — прав второго поколения – приобретают специализированные международные организации, обладающие отраслевой экспертизой и мандатом на разработку стандартов и механизмов реализации соответствующих прав.

1. Международная организация труда (МОТ):

- разрабатывает правовые нормы, регулирующие трудовые отношения, включая охрану труда, недискриминацию и право на забастовку;
- осуществляет наблюдение за выполнением международных трудовых стандартов, включая обязательный механизм регулярной отчётности.

2. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ):

- отвечает за формирование глобальной стратегии в области права на здоровье;
- поддерживает государства в укреплении их медицинских систем и в борьбе с трансграничными угрозами.

3. ЮНЕСКО:

- продвигает правовой доступ к образованию, защите культурного наследия и научной автономии;
- поддерживает культурное многообразие как форму реализации прав человека.

4. ЮНИСЕФ:

- является ключевым агентом в защите прав детей в кризисных условиях;
- осуществляет программы по снижению детской смертности, улучшению питания и обеспечению доступного образования.

5. ООН-Женщины:

- формирует политику, направленную на устранение институциональных барьеров для женщин;
- работает над созданием глобального равноправия и инклюзивного участия женщин в управлении.

4. Текущие вызовы и перспективы трансформации универсальной правозащитной системы.

Несмотря на высокую степень институционализации, система универсальной защиты прав человека сталкивается с рядом серьёзных вызовов, снижающих её эффективность и подрывающих доверие со стороны населения отдельных регионов.

1. Глобальное неравенство в реализации прав: Разрыв в уровне развития государств приводит к тому, что провозглашённые права остаются декларативными для миллионов людей, не имеющих доступа к образованию, здравоохранению и правосудию.

2. Новые транснациональные угрозы: Экологические катастрофы, пандемии, информационные войны и кибербезопасность формируют новую правозащитную повестку, для которой прежние инструменты оказываются недостаточными.

3. Политико-идеологическая инструментализация прав человека: Использование правозащитной риторики в рамках геополитических стратегий ослабляет нейтралитет универсальных стандартов и способствует фрагментации международного правопорядка.

Современная универсальная система защиты прав человека, формирующаяся в рамках ООН и её институтов, продолжает оставаться краеугольным элементом международной правовой системы, обеспечивая нормативную предсказуемость и институциональную легитимность в правозащитной сфере. Однако стремительное изменение глобальных реалий требует глубокого пересмотра существующих подходов.

Цифровая трансформация, кризис беженцев, рост авторитарных тенденций и деградация окружающей среды требуют адаптивной модернизации как правовых норм, так и инструментов их реализации. В этих условиях особое значение приобретает сотрудничество государств, международных организаций и гражданского общества, направленное на институциональное обновление и этическое переосмысление универсальных ценностей.

Только в условиях конструктивного диалога, уважения к многообразию и приоритета человеческого достоинства возможно построение устойчивой международной системы, способной эффективно реагировать на вызовы XXI века и гарантировать защиту прав каждого индивида вне зависимости от границ и политических режимов.

Список использованной литературы

1. Знакомство с Организацией Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Все самое интересное об Организации Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/aboutun/booklet/index.shtml> .(дата обращения: 22.05.2025)

2.Белякович, Н. Н. Права человека и политика: философско-правовые основы / Н. Н. Белякович. – Минск: Амалфея, 2009. – 412с.

УДК 796

А. В. Хлопина

*Научный руководитель – И. В.Ершова, кандидат философских наук, доцент
(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация)*

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: КАК ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ВЛИЯЮТ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СЕМЬЕ

В данной статье мы рассмотрим взаимосвязь общественных изменений, происходящие в современном мире и семейного законодательства. Как перемены в области личностных взаимоотношений, брака, демографии и репродуктивного здоровья влияют на семейное законодательство.

Семейное право – это отрасль права, регулирующая имущественные и неимущественные личные взаимоотношения между людьми, которые возникают в связи с вступлением в брак, родством, рождением, воспитанием, опекой и попечительством над детьми.

Аспекты, регулирующие семейное законодательство:

– брак и брачные взаимоотношения – определяются условия и процесс вступления в брак, помимо этого регулируются обязанности и права граждан, состоящих в браке, включающие имущественные и финансовые вопросы;

– развод и бракоразводный процесс – определяется процедура и условия расторжения брака, а также регулируются вопросы, связанные с разделом имущества;

– родительские обязанности и права при воспитании детей – регулируются права и обязанности родителей при воспитании детей;

– опека и усыновление над несовершеннолетними – устанавливаются процесс усыновления или опеки, а также обязанности и права усыновителя или опекуна в отношении несовершеннолетнего.

Семейное право направлено на регулирование вопросов, связанных с обеспечением стабильных семейных взаимоотношений, защитой прав граждан, состоящих в браке, а также обязанностями родителей при воспитании детей.

Как и в любой отрасли в семейном праве происходят преобразования, которые напрямую связаны с социальными изменениями, рассмотрим следующие примеры.

Изменения семейных ценностей – сейчас происходит трансформация и переход от традиционных до современных ценностей. Для многих вступление в брак и рождение детей не является обязательным, либо отказываются от него в пользу карьеры и саморазвития. Это коснулось в большей степени девушек, они не стремятся быть домохозяйками и хранительницами домашнего очага, а хотят добиться реализации в карьере и достичь определённых материальных благ. Некоторые добровольно и осознанно отказываются от рождения детей, что отрицательно влияет на демографические процессы. В связи с этим государство разрабатывает законопроекты и меры поддержки для людей, вступающих в брак. Изучим пример, который не был введён на официальном уровне, но вызвал обсуждение среди граждан.

В прошлом году поступила инициатива о введении налога на бездетность. Налог на бездетность – это дополнительный налог, распространяющийся на граждан, у которых нет детей. Данная мера была направлена для повышения рождаемости. Были предложены различные инициативы, но каждая подверглась критике, ведь такие нововведения могут наказывать и ущемить права тех, кто по медицинским причинам не может иметь детей. Но Правительство РФ ответило, что в ближайшее время такого законопроекта не рассматривается.

Также в прошлом году было запрещено пропаганда движения чайлдфри¹. Чайлдфри – это люди, которые осознанно и добро пришли к тому, что не хотят становиться родителями. Данные нововведения были закреплены в Федеральном законе от 23.11.2024 №411 – ФЗ запрещает распространять информацию в СМИ и сети интернет. Данный закон внёс поправки в следующие федеральные законы: «Об информации, информационных технологиях и защите информации», «О средствах массовой информации», «О рекламе», «Об основных гарантиях прав ребёнка», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «О государственной поддержке кинематографии» [2].

Равноправие между мужчиной и женщиной – как было упомянуто выше, сейчас в современных реалиях такого понятия «хранительница домашнего очага» и «добытчик» в отношении мужчины и женщины нет. Девушки стали более самостоятельными и многие наравне с мужчинами выполняют свою трудовую функцию, но тем не менее стоит отметить, что мужчины помогают вести быт и занимаются домашними делами.

В законодательстве это также предусмотрено, например, в 2024 году были введены значительные изменения, касающиеся брачного законодательства, теперь при оформлении брачного договора, в момент заключения брака, супруги могут установить равные права и обязанности, а также регулировать вопросы, которые касаются распределения имущества при расторжении брака. Это может позволить защитить права и интересы супругов при разводе.

Другое важное изменение – это расширение прав на воспитание и заботу в отношении детей. В отношении своих детей родители имеют равные права и обязанности. Данное нововведение может способствовать распределять справедливо и грамотно родительские обязанности.

¹ Чайлдфри - запрещённая организация на территории РФ

В 2023 году были внесены корректировки в статьи 89 и 90 Семейного кодекса РФ (далее СК РФ). Данные изменения коснулись выплате алиментов.

В данных статьях было прописано, что бывшая супруга имела право получать алименты на своё содержание от мужа, даже, если они уже не состояли в браке, в течение трёх лет со дня рождения их общего ребенка.

Теперь этим правом могут пользоваться не только женщины, но и мужчины. Алименты и получать денежные средства на своё содержание могут равноправно отец и мать, в том числе от бывших супругов. Но важно помнить, что у беременной супруги взыскать алименты не получится

Получать алименты от супруга или супруги могут (статья 89 СК РФ):

- супруг, являющийся нетрудоспособным и признанный нуждающимся;
- супруга, находящаяся в положении;
- супруг, который фактически ухаживает за совместным ребенком в течении 3 лет, после его рождения;
- супруг, фактически ухаживающий за совместным ребенком-инвалидом до 18 лет или ребенком, имеющим инвалидность I группы с детства [7];

Но в статьях 89 и 90 СК РФ есть важное уточнение, необходимо обратить внимание на слово «фактически» – это означает, что если супруг ведёт активную трудовую деятельность, а воспитанием ребёнка занимается другой человек, например, бабушка, то требовать алименты на содержание он не сможет [6].

Проблема с гендерной идентичностью – сейчас встречаются случаи, когда человек страдает гендерной дисфорией. Это означает, что человек испытывает стресс из-за несовпадения между своей гендерной идентичностью и полом, с которым он при рождении. С 24 июля 2023 года был введён запрет на смену пола и на законодательном уровне было предусмотрено следующее.

Одно из оснований автоматического расторжения и аннулирование брака – внесение изменений в запись актов гражданского состояния сведений о смене пола одним из супруга. Это прописано в статье 16 СК РФ и Федеральном законе от 24.07.2023 года №386 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [3].

Также, человек, который сменил пол не может быть опекуном, усыновителем или попечителем. Это предусмотрено статьями 127 и 146 СК РФ [1], [5].

Таким образом мы можем сделать вывод, что законодательство мгновенное реагирует на изменения и вызовы, которые происходят в обществе. Колоссальные перемены произошли в связи с переходом от традиционных семейных ценностей к современным – это равноправие между мужчиной и женщиной, в более старшем и осознанном возрасте вступать в брак, откладывать рождение детей и др., поэтому семейное законодательство должно мгновенно реагировать на данные преобразования.

Список использованной литературы

1. Лица, имеющие право быть усыновителем [Электронный ресурс] : Семейный кодекс РФ, 29 дек. 1995 г. №223 – ФЗ: ред. От 23.11.2024 г. //КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс», – 2024.

2. О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон, 23 нояб. 2024 г. №411 – ФЗ: последняя редакция от 23.11.2024 г.// КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс», – 2024.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон, 24 июл. 2023 г. №386 – ФЗ: последняя редакция от 24.17.2023 г.// КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс», – 2024.

4. Опекун (попечитель) детей [Электронный ресурс] : Семейный кодекс РФ, 29 дек. 1995 г. №223 – ФЗ: ред. От 23.11.2024 г. //КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс», – 2024.

5. Основания для прекращения брака [Электронный ресурс] : Семейный кодекс РФ, 29 дек. 1995 г. №223 – ФЗ: ред. От 23.11.2024 г. //КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс», – 2024.

6. Обязанности супругов по взаимному содержанию [Электронный ресурс] : Семейный кодекс РФ, 29 дек. 1995 г. №223 – ФЗ: ред. От 23.11.2024 г. //КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс», – 2024.

7. Право бывшего супруга на получение алиментов после расторжения брака [Электронный ресурс] : Семейный кодекс РФ, 29 дек. 1995 г. №223 – ФЗ: ред. От 23.11.2024 г. //КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс», – 2024.

УДК 342.7

П. Е. Яндульская

научный руководитель – Ю. И. Иванова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ О СРОКЕ ДЕЙСТВИЯ РЕЖИМА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Одним из элементов процедуры установления режима чрезвычайного положения в законодательстве государств-участников СНГ выступает нормативное регламентирование максимальных сроков его действия. Установление четких сроков действия режима чрезвычайного положения является неотъемлемой частью правового механизма его введения.

В большинстве рассмотренных государств-членов СНГ законодательством установлены максимальные сроки действия чрезвычайного положения – от 30 до 60 суток (дней) в зависимости от того, вводится ли оно на всей территории страны или в отдельных ее регионах (ст. 9 Закона РФ, ст. 9 Закона Республики Беларусь, ст. 7 Закона РК, ст. 10 Закона РУ, ст. 5 Закона Республики Армения, ст. 13 Закона КР)[1;2;3;4;5;6]. В законодательстве Республики Таджикистан предусмотрено, что чрезвычайное положение на всей территории республики может быть введено до трех месяцев (ст. 2 Закона РТ) [7]. Республика Молдова также закрепляет, что чрезвычайное положение может вводиться на срок не более 60 дней (ст. 18 Закона Республики Молдова) [8]. Закон Туркменистана, в свою очередь, не содержит норм о сроках, на которые может вводиться режим чрезвычайного положения [9].

Также, во всех странах Содружества регламентирована возможность продления срока действия чрезвычайного положения.

Анализ положений законодательств стран СНГ показывает, что законодателями не установлено конкретное количество возможных продлений срока чрезвычайного положения. Нормы дают общую формулировку о возможности продления «в случае, если в течение этого срока цели введения чрезвычайного положения не были достигнуты» [2, ст. 9], [1, ст. 9], [18, ст. 6] «при неустранении обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения» [9, ст. 7], «в зависимости от развития ситуации» [3, ст. 18] и т. д. Это может приводить к неоднозначному толкованию и злоупотреблениям.

Учитывая изложенное, одним из аспектов совершенствования правового регулирования института чрезвычайного положения в Республике Беларусь, на наш взгляд, является уточнение положений, касающихся продления срока его действия. Действующий

текст ст. 9 Закона Республики Беларусь не предоставляет однозначного понимания того, допускается ли продление чрезвычайного положения единожды или же возможно неограниченное по количеству продление до достижения конкретных целей. Для обеспечения высокой степени юридической определенности целесообразно более подробно зафиксировать допустимый порядок продления срока действия чрезвычайного положения.

В данном случае установление конкретного количества продлений сопряжено с риском, что чрезвычайная ситуация может быть устранена не полностью, а предусмотренное количество продлений – исчерпано, что может потенциально ограничить возможности адекватного реагирования на сохраняющиеся угрозы. В связи с этим целесообразно не столько жёстко ограничивать количество продлений, сколько усилить контроль за их осуществлением.

Предлагаем изложить ст. 9 Закона Республики Беларусь в следующей редакции:

Статья 9. Срок действия чрезвычайного положения

1. Срок действия чрезвычайного положения, вводимого на всей территории Республики Беларусь, не может превышать 30 суток, а вводимого в её отдельных местностях – 60 суток.

2. По истечении срока, указанного в части первой настоящей статьи, чрезвычайное положение считается прекращённым. В случае, если в течение этого срока цели введения чрезвычайного положения не были достигнуты, срок его действия может быть продлён указом Президента Республики Беларусь либо, если чрезвычайное положение введено решением Всебелорусского народного собрания, – решением Всебелорусского народного собрания. Каждое продление осуществляется с соблюдением требований, установленных настоящим Законом для введения чрезвычайного положения.

3. По истечении срока действия чрезвычайного положения, включая продления, предусмотренные частью второй настоящей статьи, дальнейшее продление срока действия режима чрезвычайного положения на той же территории допускается только по решению Всебелорусского народного собрания Республики Беларусь на основании публичного отчёта о причинах необходимости повторного продления режима чрезвычайного положения, с соблюдением требований, установленных настоящим Законом для введения чрезвычайного положения.

Так, предлагаемая редакция статьи предусматривает, что срок действия чрезвычайного положения может быть продлён один раз указом Президента, либо решением Всебелорусского народного собрания – если ВНС вводило рассматриваемый режим. Также, уточняется, что каждое продление, будь то указ Президента или решение ВНС, осуществляется с соблюдением требований, установленных для введения чрезвычайного положения. Дальнейшие продления допускаются исключительно решением Всебелорусского народного собрания на основании публичного отчёта о причинах необходимости повторного продления, также с соблюдением требований закона.

Данный подход обоснован тем, что очередное продление чрезвычайного положения не является внезапной ситуацией и позволяет подготовить все необходимые документы, в частности, отчёт о причинах необходимости повторного продления и обеспечить прозрачность процедуры. Включение в процесс продления Всебелорусского народного собрания – органа, объединяющего представителей всех ветвей власти, а также представителей местных Советов депутатов и гражданского общества – обеспечивает высокий уровень ответственности и общественного контроля за таким серьёзным решением.

Таким образом, предлагаемая корректировка статьи 9 обеспечивает баланс между необходимостью оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации и соблюдением принципов законности, прозрачности и демократического контроля, снижая риски злоупотреблений и неоправданного ограничения прав и свобод граждан.

Стоит уточнить, что поскольку процедуру продления режима чрезвычайного положения предлагается осуществлять с полным соблюдением требований, предусмотренных

для его введения, логически вытекает, что основания продления тождественны основаниям введения данного режима. Это обеспечивает системность правового регулирования и исключает возможность произвольного расширения оснований для продления действия чрезвычайного положения.

Список использованной литературы

1. О чрезвычайном положении [Электронный ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации от 30 мая 2001 г. N 3-ФКЗ. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/. – Дата доступа 10.05.2025.
2. О чрезвычайном положении [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-З. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=h10200117>. – Дата доступа 10.05.2025.
3. О чрезвычайном положении [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан от 8 февраля 2003 года № 387-П. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1036912&doc_id2=1036912#activate_doc=2&pos=3;-98&pos2=65;-86. – Дата доступа 10.05.2025.
4. О чрезвычайном положении [Электронный ресурс]: Конституционный Закон Республики Узбекистан от 15 декабря 2021 г. № ЗРУ-737. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/5774847>. – Дата доступа 10.05.2025.
5. О правовом режиме чрезвычайного положения [Электронный ресурс]: Закон Республики Армения от 21 марта 2012 года ЗР-106-Н. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4514&lang=rus>. – Дата доступа 10.05.2025.
6. О чрезвычайном положении [Электронный ресурс]: Конституционный Закон Кыргызской Республики от 24 октября 1998 года № 135. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30234484&show_di=1&pos=15;-54#pos=15;-54. – Дата доступа 10.05.2025.
7. О правовом режиме чрезвычайного положения [Электронный ресурс]: Конституционный Закон Республики Таджикистан от 3 ноября 1995 года №94. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2235. – Дата доступа 10.05.2025.
8. О режимах чрезвычайного, осадного и военного положения [Электронный ресурс]: Закон Республики Молдова от 24 июня 2004 года № 212-XV. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30608171#pos=0;80. – Дата доступа 10.05.2025.
9. О режиме чрезвычайного положения [Электронный ресурс]: Закон Туркменистана от 22 июня 2013 года №412-IV. – Режим доступа: <https://mejlis.gov.tm/single-law/194?lang=ru>. – Дата доступа 10.05.2025.

УДК 34.01

У. Е. Яндульская

научный руководитель – Ю. И. Иванова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ДОНОРСТВА КРОВИ

Работа посвящена историческим аспектам становления института донорства крови в Республике Беларусь. Автор акцентирует внимание на советском и постсоветском периодах, прослеживая преемственность правового регулирования по исследуемым вопросам. Отдельное внимание уделено необходимости закрепления принципов донорства крови и ее компонентов.

Человечество с древних времен стремилось найти способы продления жизни с помощью крови животных и людей. Подобные представления прошли долгий и сложный путь развития, прежде чем оформиться в самостоятельную отрасль биомедицинского знания. Донорство даже сейчас – в XXI веке – связано с большим количеством мифов, стереотипов и предрассудков, воплощая в себе сложную социально-нравственную и био-этическую проблематику.

Служба крови в СССР начала формироваться практически с начала существования советского государства, так как руководство СССР быстро осознало стратегическую роль переливания крови в повышении жизнеспособности населения. По мере увеличения числа переливаний крови в СССР все более актуальной становилась проблема организации донорства. Для поощрения доноров уже в 1927 г. была установлена денежная компенсация за сдачу крови. С 1931 г. стали выдавать специальный паёк. Советское руководство пришло к убеждению, что работа по организации донорства должна проводиться за счет государственной поддержки и поддержки общественных организаций, а не основываться исключительно на принципах благотворительности, использования родственников или оплате «услуг» доноров из средств пациента.

В середине 30-х годов XX века донорское движение приобрело еще больший масштаб. Это было связано, в первую очередь, с необходимостью удовлетворения военных потребностей советского государства. 22 апреля 1935 г. выходит в свет постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР № 331 «О кадрах доноров», которым устанавливалось, что «донорство признается особо полезной общественной функцией и добровольным актом; свои обязанности доноры выполняют без отрыва от основных производственных обязанностей, причем донорство не должно превращаться в профессию». Определяя в качестве важнейших принципов донорства добровольность и безвозмездность, государство устанавливало различные формы поощрения. Постановлением устанавливалась обязанность для медицинских учреждений выдавать донору денежную компенсацию на усиленное питание за каждое взятие крови. Позже было принято Постановление Секретариата Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) от 8 июля 1935 г. «О льготах по социальному страхованию для доноров (лиц, добровольно согласившихся на взятие у них крови для медицинских целей)». Постановлением предусматривались выплаты донору и его семье, если в результате выполнения донорских функций наступила его смерть или инвалидность [1, с. 150].

Секретным приказом НКЗ РСФСР от 27 декабря 1938 г. № 1640 началось создание кадров резервных доноров, чтобы в случае военной необходимости перевести доноров из резерва в актив. В 1939 г. приказом НКЗ СССР «О порядке организации донорства в СССР» доноры были поделены на резервных, т.е. предварительно освидетельствованных и готовых сдать кровь в определенное время, и активных – обследованных и регулярно сдающих кровь [2, с. 4].

Начало Великой Отечественной войны ознаменовало собой особый этап в правовом регулировании общественных отношений в области донорства. С первых ее дней перед службой крови была поставлена задача резкого наращивания объемов заготовки крови для нужд фронта. Приказ НКЗ СССР от 16 сентября 1941 г. № 454 потребовал развернуть работу по улучшению организации комплектования кадров доноров совместно с комитетами обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР [2, с. 6].

В 50-х годах XX века донорство в СССР уже рассматривалось, как широкое движение. Распоряжением Совета Министров СССР «О гарантиях и компенсациях, предоставляемых донорам» от 30 ноября 1955 г. № 8065р, руководители предприятий, учреждений и учебных заведений были обязаны беспрепятственно отпускать рабочих и служащих в учреждения здравоохранения в день обследования и день дачи крови для переливания и сохранять за ними на время нахождения в этих учреждениях среднюю заработную плату по месту работы; предоставлять рабочим и служащим непосредственно

после каждого дня дачи крови для переливания день отдыха или присоединять его по желанию работника к очередному отпуску (дополнительный день отдыха должен был оплачиваться по месту работы донора из расчета среднего заработка). Устанавливалось также, что при распределении путевок в дома отдыха и санатории рабочим и служащим, при прочих равных условиях, путевки должны были выделяться в первую очередь донорам, систематически сдававшим кровь для переливания [3].

26 мая 1958 г. Министерством здравоохранения СССР и Исполкомом Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР было утверждено «Положение о работе органов здравоохранения и обществ Красного Креста и Красного Полумесяца по комплектованию доноров», 22 сентября 1961 г. оно было переутверждено. Положением определялось, что «Донорство в СССР – это проявление высокого социалистического гуманизма и добровольный акт товарищеской помощи, оно всемерно поощряется и признано почетной общественно полезной функцией» [4].

В 60-х годах XX века в СССР были окончательно сформулированы принципы государственной политики в области донорства: социалистический гуманизм (донорство признавалось актом гуманизма); добровольность (донорство могло осуществляться только на добровольной основе); охрана жизни и здоровья донора и реципиента.

Со второй половины 60-х и до середины 80-х годов XX века в СССР отмечается поступательный рост числа кроводач. Но, несмотря на этот рост, постепенно накапливаются проблемы организационного и, прежде всего, правового характера. Вопрос дальнейшего совершенствования правового регулирования общественных отношений в области донорства крови и ее компонентов становится особенно актуальным в связи с тем, что получает свое развитие такая форма взаимодействия доноров и государства, как «безвозмездное донорство». Однако, вопросы донорства так и не вошли в сферу регулирования Закона СССР от 19 декабря 1969 г. № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении».

В 1991 г. Обществом Красного Креста БССР была завершена многолетняя работа по подготовке проекта закона, регулирующего общественные отношения в сфере донорства. Однако распад СССР не дал возможности воплотить эти планы в жизнь.

В связи с изменениями в социально-политической и экономической обстановке прекратила свое существование и сложившаяся в СССР система пропаганды и организации донорства, были утрачены многие существовавшие ранее методы поощрения доноров, престиж безвозмездного донорства, механизмы взаимодействия с организациями – основным источником донорских ресурсов. Отмена ряда льгот, исчезновение поддержки донорского движения со стороны государства привело к ухудшению обеспечения кровью, ее компонентами организаций здравоохранения.

После распада Советского Союза, все страны, ранее входившие в его состав, получили статус независимых государств. Соответственно, каждая из них пошла по своему собственному пути развития, в том числе в области правового регулирования донорства крови. Несмотря на общее историческое прошлое стран СНГ, они различны в культурном, экономическом и политическом плане, потому стоит сфокусироваться на истории развития института донорства в рамках отдельно взятого государства – Республики Беларусь.

Законом, заложившим нормативные основы для организации и развития системы донорства крови в рассматриваемом государстве, стал Закон Республики Беларусь от 31 января 1995 года № 3559-XII «О донорстве крови и ее компонентов» (далее – Закон № 3559-XII).

Так как в советский период ключевыми принципами донорства выступали добровольность и безвозмездность, логично было ожидать, что при формировании нового законодательства государства будут руководствоваться теми же принципами, заложенными в предшествующий исторический период. Действительно, после принятия в Республике Беларусь Закона № 3559-XII, вышеназванные принципы можно было выделить

из текста отдельных положений нормативного правового акта: добровольность была обозначена в определении «донорство крови и ее компонентов» (абз. 1, ст. 1), а в отношении безвозмездности указывалось, что «донорство может быть бесплатным и платным» (абз. 2, ст. 1) [5]. Таким образом, законодательство не исключало возможность коммерциализации донорства.

Однако, несмотря на обозначение в тексте Закона № 3559-XII принципов добровольности и безвозмездности уже в независимой от СССР Республике Беларусь, идея донорства как проявление альтруизма зачастую отходила на второй план. На наш взгляд, упущением было отсутствие отдельной статьи, четко закреплявшей не только принципы добровольности и безвозмездности, но и другие принципы донорства. Это могло способствовать размыванию этих важных положений на практике. Законодательное закрепление принципов донорства в отдельной статье придало бы им больший вес и значимость. Кроме того, четкое законодательное закрепление принципов донорства является важным для формирования соответствующей культуры и общественного восприятия донорства.

Реальным толчком для развития законодательства в области донорства крови в направлении, в первую очередь, безвозмездного донорства во многих странах стала резолюция WHA58.13 «Безопасность крови: предложение об учреждении Всемирного дня донора крови» (далее – резолюция WHA58.13), принятая 23 мая 2005 г. на 58-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения (далее – ВАЗ) несмотря на то, что ещё в 1975 г. все страны заявили о своей приверженности принципу добровольного безвозмездного донорства крови в результате принятия ВАЗ резолюции WHA28.72 «Использование крови человека и препаратов крови и обеспечение ими» [6]. Так, резолюцией WHA58.13 был учрежден Всемирный день донора крови, а государства-члены были призваны к тому, чтобы создать или укрепить системы для привлечения и удержания добровольных и безвозмездных доноров крови и применения строгих критериев отбора доноров (п. 2); ввести законодательство там, где оно необходимо, для ликвидации оплачиваемого донорства крови, за исключением ограниченных случаев медицинской необходимости, и в подобных случаях требовать обоснованного согласия со стороны получателя переливаемой крови (п. 3); содействовать многосекторальному сотрудничеству между правительственными министерствами, службами переливания крови, профессиональными органами, неправительственными организациями, гражданским обществом и средствами массовой информации по содействию добровольному и безвозмездному донорству крови (п. 5); обеспечить надлежащее использование переливания крови в клинической практике во избежание злоупотребления переливанием крови, которое может привести к нехватке крови и, таким образом, стимулировать потребность в платном донорстве крови (п. 6) [7].

В 2009 г. эксперты в области переливания крови, представители директивных органов и неправительственных организаций из 40 стран сформулировали Мельбурнскую декларацию, призывающую все страны обеспечить к 2020 г. получение всех своих запасов крови от добровольных доноров, сдающих кровь безвозмездно [8].

В ноябре 2010 г. был принят новый Закон Республики Беларусь «О донорстве крови и ее компонентов» № 197-З, в июне 2011 г. – Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 июня 2011 г. № 693 «О некоторых вопросах, связанных с донорством крови и ее компонентов», а в ноябре этого же года было – постановление Совета Министров от 11 ноября 2011 г. № 1519 «О внесении изменений и дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 июня 2011 г. № 693». В конечном итоге была законодательно закреплена возможность получения донорами значительных денежных выплат за взятые у них кровь, ее компоненты, а привязка размера материальной компенсации к бюджету прожиточного минимума, обеспечила ее регулярное (ежеквартальное) повышение [9, с. 148], что не вполне соответствовало изложенному в резолюции ВАЗ WHA58.13 и Мельбурнской декларации.

Только с 2013 года в Республике Беларусь была начата системная работа по развитию безвозмездного донорства крови, ее компонентов.

В 2018 году в Республике Беларусь началось обсуждение вопроса о разработке новой редакции Закона «О донорстве крови и ее компонентов».

На сегодняшний день, в Республике Беларусь основным нормативным правовым актом в сфере донорства крови является Закон «О донорстве крови и ее компонентов» от 30 ноября 2010 г. № 197-З (в ред. от 20.10.2022). Данный закон подготовлен с учетом практики применения и современного международного опыта правового регулирования вопросов донорства, в том числе в части развития безвозмездного донорства, упорядочения гарантий, предоставляемых донорам крови и ее компонентов. Вместе с тем, в Законе № 197-З, как и в Законе № 3559-ХІІ 1995 года, отсутствует отдельная статья, четко закрепляющая принципы донорства крови и (или) ее компонентов. Это контрастирует с практикой ряда стран СНГ, где принципы донорства крови и (или) ее компонентов закреплены в отдельных статьях «профильных» законов.

На наш взгляд, целесообразно дополнить Закон № 197-З Республики Беларусь нормой, которая будет посвящена основным принципам донорства крови и (или) ее компонентов, подобно практике, реализованной в ряде стран СНГ, в частности, в Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Горячева Т. С. Государственно-правовое регулирование медико-биологических исследований в России: дис. ... канд. юрид. наук / Т. С. Горячева. – Саратов, 2023. – 190 с.
2. Петровский, М.А. Служба крови: комплектование донорских кадров на территории Республики Коми (1935-1957 гг.) / М. А. Петровский // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 1. – С. 4-6.
3. О гарантиях и компенсациях, предоставляемых донорам [Электронный ресурс]: Распоряжение Совета Министров СССР от 30 ноября 1955 г. N 8065р. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12139118/>. – Дата доступа: 02.04.2025.
4. Положение о работе органов здравоохранения и обществ Красного Креста и Красного Полумесяца по комплектованию доноров [Электронный ресурс]: утв. Министерством здравоохранения СССР и Исполкомом Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца от 26 мая 1958 г. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/456088506>. – Дата доступа: 02.04.2025.
5. О донорстве крови и ее компонентов [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 31 января 1995 г. № 3559-ХІІ. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19503559>. – Дата доступа 02.04.2025.
6. Использование крови человека и препаратов крови и обеспечение ими WHA28.72 [Электронный ресурс]: Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: <https://iris.who.int/handle/10665/101239>. – Дата доступа: 02.04.2025.
7. Безопасность крови: предложение об учреждении Всемирного дня донора крови WHA58.13 [Электронный ресурс]: Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: <https://iris.who.int/handle/10665/20543>. – Дата доступа: 02.04.2025.
8. Всемирный день донора крови 2019 [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/campaigns/world-blood-donor-day/2019/about>. – Дата доступа: 02.04.2025.
9. Кулешов, А. А. Возможность введения безвозмездного донорства крови в Республике Беларусь: социологический анализ / А. А. Кулешов, И. Д. Расолько // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – 2014. – № 1. – С. 148–157.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ СНГ И МИРОВОГО СООБЩЕСТВА, ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В БЕЛОРУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

<i>Балалаев М. И., Рожкова А. Ю.</i> Сравнительно-исторический анализ опыта России и Республики Беларусь в сфере государственных закупок.....	3
<i>Василевич Г. А.</i> Акты конституционного суда как источник права	7
<i>Василевич С. Г.</i> О некоторых вопросах взаимодействия высших органов государственной власти Российской Федерации и Республики Беларусь в случае возникновения разногласий	9
<i>Глебо С. М.</i> Совершенствование законодательства в области инвестиционной деятельности и промышленной политики Республики Беларусь и Российской Федерации	11
<i>Иванова Т. П., Селиванова Е. Н.</i> Совершенствование уголовного законодательства как составная часть уголовной политики государств	16
<i>Караева Е. М., Чобатова К. А.</i> К вопросу о понятии «вынужденная миграция»	19
<i>Савельев И. В.</i> Полевые исследования в праве: на примере экспедиций русского географического общества	22
<i>Тимошенко М. В., Пупкова А. С.</i> Современная система коллективной безопасности: роль ООН и целевые санкции	26
<i>Толочко О. Н.</i> Имплементация норм международного права по ограничению использования в производстве стойких органических загрязнителей, ртути и свинца	28
<i>Чарьев Т. С.</i> Общие основы правового регулирования постоянного нейтрального статуса Туркменистана.....	31
<i>Шамшина И. И., Яковенко К. В.</i> Проблема реализации общепризнанного принципа равенства в трудовом законодательстве Российской Федерации и Беларуси	34
<i>Яковлева В. В.</i> Экологические аспекты речных круизов	39

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Андріяшко М. В.</i> Семья с детьми – национальный приоритет	43
<i>Деревскова В. М., Фирсова О. А.</i> Опыт Российской Федерации и Республики Беларусь по установлению фактов геноцида советского народа	45
<i>Коробова А. А.</i> Проблемы вовлечения общественности в оказание помощи советскому уголовному правосудию во второй половине XX века.....	50
<i>Кузьмин И. А.</i> Подходы к конструированию системы правовых наказаний в Российской Федерации и Республике Беларусь: теоретико-правовое осмысление.....	52
<i>Лагун Д. А.</i> К вопросу об общеправовой дифинции юридического лица	56
<i>Михнюк А. И.</i> К вопросу о сущности социальной ответственности государства..	60
<i>Можжаева Л. Е., Сандрос А. В.</i> Понятие и принципы профессиональной этики адвоката	63
<i>Немкевич И. В.</i> Против фальсификации причин и условий преступлений немецко-фашистских оккупантов в Беларуси	66

<i>Плахотина Н. А.</i> Оценка эффективности правового регулирования: определение критериев.....	70
<i>Пахомова В. Д., Семина Н. В.</i> Актуальные проблемы в сфере труда лиц с семейными обязанностями.....	72
<i>Станкевич А. А.</i> Этапы работы с обращениями граждан в общей классификации обращений согласно законодательства Российской Федерации.....	74
<i>Субботина Л. А.</i> Стратегия ESG: национальный аспект.....	79
<i>Тишаков М. П.</i> Актуальные вопросы изучения функционирования системы обеспечения безопасности дорожного движения в период Великой Отечественной войны.....	81
<i>Щербик Д. В.</i> Проблема соотношения «диктатуры пролетариата» и «диктатуры партии» в политической мысли В. И. Ленина.....	84

В СЛУЖЕНИИ ФЕМИДЕ И ОБЩЕСТВУ: СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Д. СПАСОВИЧА

<i>Пермиловский М. С.</i> Образ адвоката в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: правовая защита и свобода (релятивизм?) совести	89
<i>Слукина А. А.</i> Влияние речей В. Д. Спасовича на развитие юриспруденции	93

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА

<i>Абраменко Е. Г.</i> Политико-правовое регулирование искусственного интеллекта...	96
<i>Ананич А. А.</i> Способы защиты права на изображение гражданина	100
<i>Мехрибан Бабаханова Эльдар кызы</i> Конституционно-правовое обеспечение информационного общества и электронного государства в условиях развития гражданского общества.....	102
<i>Белых Д. М.</i> Современное состояние и пути совершенствования конституционно-правовых отношений, правового обеспечения информационного общества и электронного государства	104
<i>Береговцова Д. С.</i> Специализированный уполномоченный по правам ребенка: опыт зарубежных государств	108
<i>Голынец Т. А.</i> Актуальные вопросы становления цифрового права	110
<i>Гончарова Д. А.</i> О некоторых аспектах развития государственной системы правовой информации в условиях цифровизации	113
<i>Караткевич А. Г.</i> Социальные издержки и противоречия информационного общества: проблема минимизации	116
<i>Киселёва Т. М.</i> Местные инициативы граждан как форма местного самоуправления в Республике Беларусь	120
<i>Покормяхо Ю. С.</i> К вопросу о развитии цифрового права в Республике Беларусь.	123
<i>Рожкова А. Ю.</i> Нейротехнологии и образовательная подготовка курсантов уголовно-исполнительной системы: дозволение и недопустимость	125
<i>Родичева И. В., Алискеров Р. И.</i> Ключевые особенности государственного устройства Республики Дагестан и Чеченской Республики	128
<i>Руденков Г. А.</i> К вопросу об истории цифровых прав человека	131
<i>Сенькова Т. В.</i> Электоральный суверенитет и его обеспечение	135
<i>Синица И. М., Шляхтова О. Г.</i> Информационно-коммуникативная среда в уголовном процессе Республики Беларусь	139

<i>Скороход И. Г.</i> О некоторых критериях легитимности выборов Президента Республики Беларусь	143
<i>Шабаева О. А.</i> К вопросу о понимании механизма цифрового государства	147
<i>Шариун В. А.</i> Особенности цифровых правоотношений	150
<i>Щербин Н. А., Краснобаева Л. А.</i> Правовое регулирование цифровой коммуникации государства и гражданина	154
<i>Эсмантович И. И.</i> Развитие концепции социального государства как основа обеспечения социальной безопасности Республики Беларусь	157

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Ачинович Д. М.</i> К вопросу об административно-правовом регулировании отчисления студентов по собственному желанию	160
<i>Владимирова Т. М.</i> Актуальные проблемы и перспективы правового регулирования финансовых отношений в современной России	163
<i>Забаренко Ю. А.</i> Правовые вопросы обеспечения налоговой безопасности государства	167
<i>Мороз О. В.</i> К вопросу о правовом закреплении контроля в области охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов	170
<i>Сидорович В. В., Краснобаева Л. А.</i> Правовое регулирование категории «товаров для личного пользования» и ее значение для разграничения свободы передвижения физических лиц и свободы движения товаров	173
<i>Хашковский Н. В.</i> Общая характеристика взаимозависимости как основного условия отнесения сделок к подлежащим налоговому контролю при трансфертном ценообразовании	177
<i>Юшкевич А. Н., Зеленкевич П. А.</i> Борьба с коррупцией: правовые аспекты, проблемы и пути их решения в Республике Беларусь	180
<i>Яковлев К. С., Краснобаева Л. А.</i> Континентальная (романо-германская) доктрина государственных услуг	183

АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

<i>Березкина Е. А., Федчук И. Л.</i> Институт необходимой обороны в административно-деликтном праве Республики Беларусь	187
<i>Карамышев А. В.</i> Инквизиционное судопроизводство по административным (публичным) спорам	189
<i>Усова Е. И.</i> Административные правонарушения, посягающие на права и свободы человека и гражданина	193
<i>Федчук И. Л., Дашкевич П. А.</i> О некоторых вопросах совершенствования механизма уведомления участников административного процесса	196

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, КРИМИНАЛИСТИКИ, СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

<i>Арзамазова Д. А., Кирина Т. А.</i> Проблемы квалификации информационного мошенничества	200
<i>Афонченко Т. П.</i> Профилактическое наблюдение в контексте изменений УК Республики Беларусь 2025 года	201

Безбожная А. В. Признаки письма, характерные для выполнения рукописи лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения	205
Грахоцкий А. П. Проблема уголовного преследования нацистских преступников в дискуссиях немецких правоведов (1945–1949 годы.)	208
Духновская А. В. Внедрение искусственного интеллекта в судебно-экспертную практику	212
Емельянов С. Л. Характер и размер вреда, причиненного преступлением, как элемент предмета доказывания по уголовному делу	216
Ермакова А. Л. Меры пресечения, связанные с изоляцией от общества, и их временные границы: проблемы правоприменения на этапе судебного производства .	219
Измайлова И. А. Сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в вопросе преступного загрязнения атмосферы	222
Ковтун Н. Н. Уголовно-процессуальные сроки: российско-белорусские контексты точного их понимания и исчисления	224
Кузьмичёв С. А. Малозначительность деяния: отличительные признаки и правоприменительная практика.....	228
Ликинов Г. Ю. Отдельные вопросы прекращения уголовного преследования на основании ст. 28.2 УПК РФ	231
Макаревич М. В. Об устранении препятствий для рассмотрения уголовного дела судом в предварительном судебном заседании	235
Маркелов А. Г. Судебные аспекты особого (компромиссного) разбирательства: уголовные дела сокращенного дознания	239
Машинская Н. В. Истечение сроков давности уголовного преследования: проблемы законодательного регулирования и правоприменения.....	243
Мельник С. С., Карасева М. М. Уголовно-правовая политика некоторых государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в контексте комплексного противодействия экстремизму	246
Муравлянский А. В., Гурьянова А. Д. Совершенствование правил назначения наказания при совершении преступления группой лиц	248
Набатова А. Э., Рыжанкова А. Е. К вопросу о смертной казни в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике	250
Поздняк И. Н. Цифровые угрозы в современном мире, технология Deepfake...	253
Позняк А. В., Языкеева И. С. Учет нахождения на иждивении ребенка у обвиняемого при назначении наказания: заимствование опыта Беларуси и модификация УК РФ...	259
Ряполова Я. П. Правовое регулирование электронного документооборота в уголовном судопроизводстве в контексте восприятия опыта стран СНГ	261
Синица И. М., Цыкунова И. Н. Медиатор как участник медиативной процедуры по уголовным делам	265
Скрипченко Н. Ю. Квалификация криминального хулиганства в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.....	269
Третьяков А. В. Особенности расследования отдельного вида преступлений экстремистской направленности с использованием компьютерной и иной информации	272
Трикоз Е. Н., Карпович В. Э. Уголовно-правовая политика стран БРИКС в контексте сохранения и защиты традиционных ценностей: опыт Индии и ЮАР....	276
Чистилина Д. О. Зарубежный опыт использования систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании	279
Якубук В. В. О вопросах реализации прав лиц, пострадавших от преступлений, при вынесении решений об отказе в возбуждении уголовного дела	283

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО, ХОЗЯЙСТВЕННОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО (АРБИТРАЖНОГО) ПРОЦЕССА

<i>Брилёва В. А.</i> Правовое регулирование краудфандинга.....	287
<i>Богустов А. А.</i> Модельный кодекс интеллектуальной собственности о правовом режиме результатов деятельности искусственного интеллекта.....	289
<i>Ващебрович М. Г., Глухотаренко Д. А.</i> Представительство в гражданском процессе.....	292
<i>Греченков А. А., Колодинская И. В.</i> О гарантиях для работников, совмещающих работу с получением научно-ориентированного образования.....	296
<i>Денисенко Н. В.</i> Проблемы рассмотрения дел о признании брака недействительным в Российской империи.....	300
<i>Журович Н. А.</i> К вопросу о возмещении морального вреда.....	304
<i>Зыкина Т. А.</i> Квалификация работника: понятие и содержание.....	306
<i>Ивахненко А. А.</i> Правовая природа брачного договора в свете трансграничных связей гражданского и семейного права: сравнительный анализ.....	308
<i>Исайчикова Н. И.</i> Экономический анализ деликтного права	312
<i>Караваева Е. М., Гузова Д. С.</i> Отдельные аспекты нотариального удостоверения наследственных прав в Республике Беларусь	314
<i>Каратаев И. А.</i> Понятие «публичный порядок» при рассмотрении судами дел об оспаривании и приведении в исполнение арбитражных решений.....	316
<i>Кацубо С. В.</i> О возможностях применения партисипативной процедуры с участием адвокатов	320
<i>Квятович А. А.</i> Роль управляющего в деле о несостоятельности и банкротстве ..	323
<i>Ковалёва Н. П.</i> Возможность применения антиисковых обеспечительных мер: национальный и зарубежный опыт	327
<i>Ковалёва Е. А.</i> Правовой статус работников «золотого возраста»	329
<i>Ковалёва Т. В.</i> Тенденции развития дисциплинарных увольнений в Республике Беларусь.....	331
<i>Копыткова Н. В.</i> Правовые аспекты отмены дарения	334
<i>Короткевич И. Н.</i> Правовое регулирование взыскания алиментов на совершеннолетних детей, обучающихся очно	337
<i>Куницкая О. М.</i> Финансовые (фондовые) инвестиции в инвестиционном праве Республики Беларусь	340
<i>Лобанова Е. Н.</i> Биобанки: правовой аспект	344
<i>Маренков А. С.</i> К вопросу о содержании субъективной арбитрабельности	347
<i>Можжаева Л. Е., Можжаева А. А.</i> Реклама и здоровье человека: правовой аспект ..	349
<i>Михайлов Д. И.</i> К вопросу о целесообразности правовой регламентации имущественного комплекса юридического лица.....	353
<i>Олексюк Л. Н.</i> Особенности финансово-правового регулирования деятельности социального фонда России	357
<i>Опанасюк И. О.</i> Факторы и условия, влияющие на состояние и поддержание трудовой дисциплины	359
<i>Попучеева Ж. В.</i> К вопросу реализации права на социальное жилье.....	362
<i>Сачава П. Д.</i> Признаки коллективного (группового) иска в гражданском процессе Республики Беларусь	365
<i>Улога М. А.</i> Процессуальный статус специалиста в гражданском процессе	369
<i>Чугунова Т. И.</i> Защита прав потребителей дистанционных образовательных услуг..	372
<i>Telibekova D. B.</i> On the question of the essential terms of the convertible loan agreement	375

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ

<i>Антонов Б. В.</i> Цифровизация судебной системы на примере России и Беларуси .	379
<i>Братушева Ю. И., Ушакова Я. В.</i> Тенденции взаимодействия правовых систем СНГ и мирового сообщества: сравнительно-правовой анализ.....	382
<i>Богомягкова О. Д., Коптяева А. А.</i> Обязательное нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью: анализ нововведений в законодательстве	385
<i>Гибиленко Н. А.</i> Непреодолимая сила как основание освобождения от гражданско-правовой ответственности в законодательствах Российской Федерации и Республики Беларусь	388
<i>Гордеев А. О.</i> К вопросу о соотношении норм евразийского интеграционного законодательства и положений национальных актов государств-членов ЕАЭС	392
<i>Горохова Н. С.</i> Некоторые проблемы реализации института интеллектуальной собственности в цифровой среде.....	394
<i>Давыдова А. М.</i> Современные избирательные технологии	397
<i>Дзюба А. А.</i> Понятие правового государства в современной юридической науке..	400
<i>Захарова А. В.</i> Игромания супруга как причина развода: некоторые правовые аспекты расторжения брака	402
<i>Иванов Н. А.</i> Третьи лица в корпоративном договоре	405
<i>Киселёва Е. А.</i> Правовая природа притворных сделок в гражданском праве	408
<i>Константинов Е. В.</i> Юрисдикции государства в цифровом пространстве	411
<i>Копосова Е. А., Ружникова Е. С.</i> Существенные изменения обстоятельств, влекущие расторжение или изменение договора	415
<i>Креминская А. П.</i> Формальные и неформальные институты в контексте экономической безопасности Российской Федерации	419
<i>Кушнерова П. П., Клышко Р. В.</i> Возраст уголовной ответственности: международный опыт.....	421
<i>Панова О. А.</i> Авторство изображений, созданных искусственным интеллектом: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства.....	424
<i>Хамерман Д. С.</i> Международно-правовое регулирование защиты прав человека...	426
<i>Хлопина А. В.</i> Семейное право и социальные изменения: как изменения в обществе влияют на законодательство о семье	429
<i>Яндульская П. Е.</i> К вопросу о сроке действия режима чрезвычайного положения ..	432
<i>Яндульская У. Е.</i> К вопросу об истории развития института донорства крови..	434

Научное электронное издание

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА**

XI Международная научно-практическая конференция

(Гомель, 15–16 мая 2025 года)

Сборник материалов

Подписано к использованию 25.11.2025.

Объем издания 5,47 МБ.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.

<http://conference.gsu.by>